

ОТКРЫТИЕ ЗЕМЛИ

И. П. МАГИДОВИЧ

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА
1962

Несколько столетий мореплаватели и путешественники разных стран открывали и исследовали береговую линию, острова и полуострова, заливы и проливы, горные хребты, плато и низменности, реки и озера, леса, прерии и пустыни Северной Америки. Настоящая книга дает наиболее полное на русском языке описание этих открытий и исследований, рассказывает о том, как сложились современные представления о североамериканском материке и прилегающих островах.

ПРЕДИСЛОВИЕ

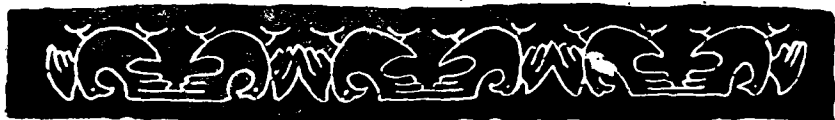
Главная задача этой книги — показать, как европейцы ознакомились с основными чертами физической географии той части Америки, которая лежит к северу от Мексики и Мексиканского залива, то есть к северу от Латинской Америки. К берегам Северной Америки европейцы (норманны) впервые пришли в конце X века — за полтысячи лет до испанских экспедиций Христофора Колумба, положившего на рубеже XV—XVI веков начало открытию и колонизации Антильских островов, Южной и Центральной Америки. С XVI века поразному сложились исторические судьбы обеих частей Америки, колонизовались они различными европейскими нациями, изучались выходцами из разных стран. Исследователями Латинской Америки — до того как там сложились кадры национальных географов — были в основном испанцы и португальцы, отчасти немцы, еще реже представители других европейских народов. Основными же исследователями Северной Америки были англичане и потомки английских колонистов, французы, испанцы, действовавшие главным образом в южной полосе материкового массива, и с XVIII века русские — на северо-западе Америки; а для исследования Американской Арктики — кроме англичан и русских — много сделали датчане и норвежцы.

Географическое изучение Северной Америки, как и других неисследованных материков, было обусловлено самыми различными экономическими и политическими моментами. Соответственно этому первооткрывателями и исследователями североамериканских островов, побережий и внутренних районов материка были люди самых разнообразных слоев общества и профессий: морские разбойники — норманские изгнанники, пираты и каперы; мирные рыболовы, зверобой и китобой; моряки торговых и военных судов и участники полувоенных-полуразбойничьих завоевательных походов в глубь материка;

предприниматели и торговые агенты, скупающие или любыми другими способами собирающие пушнину; последователи гонимых религиозных исповеданий и миссионеры различных господствующих христианских церквей; золотоискатели и «рудознаты»; капиталисты, стремящиеся захватить новые угодья на Крайнем Севере, на Ближнем и Дальнем Западе, их служащие и выполняющие правительственные задания военные и чиновники; плантаторы и «скуотеры» (самовольные поселенцы) и т. д., и т. д. Среди всех этих первооткрывателей и «пролагателей новых путей» было очень мало людей со специальной научной подготовкой, но многие из них проявили себя как первоклассные исследователи.

В результате работ сотен экспедиций сложилось наше представление о *физической карте материка*, то есть установлены его точные контуры, а следовательно, и очертания всех полуостровов и береговые линии морей и заливов; основные черты его рельефа; его гидрографическая сеть — направление течения и бассейны рек, контуры всех крупных озер и географическое положение большей части второстепенных озер (однако в отношении гидрографической сети Канады и Аляски возможны еще значительные уточнения). Открыты также и исследованы все острова умеренной и субарктической зоны; установлены в основных чертах конфигурация земель Американского Арктического архипелага и географическое положение каждого известного острова, но исследование Арктики продолжается, и здесь возможны новые открытия. Что касается Гренландии, то остается пока открытым вопрос, представляет ли она собой единый массив суши — величайший в мире остров, или архипелаг, или же несколько архипелагов, покрытых единым ледяным щитом.

В предлагаемой книге рассказывается о тех морских и сухопутных экспедициях, которые впервые посетили тот или иной участок побережья Гренландии и материка; открыли полуострова, крупные острова, большие и малые архипелаги; первые проследили течение значительных рек и обошли берега крупных озер; первые перевалили горные хребты, установили их направление и протяженность, поднялись на нагорья, пересекли низменности и оконтурили важнейшие бассейны; совершили первые пересечения материка в южной, северной и центральной полосах и ледяного щита Гренландии; искали и открыли Северо-западный проход из Атлантического в Тихий океан.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ ДО КОЛУМБА

Глава 1

ИРЛАНДЦЫ И НОРМАННЫ В СЕВЕРНОЙ АТЛАНТИКЕ ДО X ВЕКА НАШЕЙ ЭРЫ

Начало открытию европейцами Северной Америки положили в X веке — за полтысячи лет до Первой экспедиции Христофора Колумба — норманны (северные люди). Так в средние века в Западной Европе называли предков нынешних скандинавских народов (шведов, датчан и норвежцев). В Восточной Европе их звали варягами.

Ни в средние века, ни в новое время шведы не играли сколько-нибудь заметной роли в открытии частей материка или островов Северной Америки, за возможным исключением краткого периода первой шведско-норвежской унии (1319—1371 гг.). Датчане принимали некоторое участие в открытиях, но только с последней четверти XIV века, после заключения датско-норвежской унии (1380 г.). Таким образом, когда говорят об открытии Северной Америки норманнами, то подразумевают под ними норвежцев или исландцев, то есть потомков тех норвежцев, которые начали колонизовать Исландию в IX веке.

Именно из Исландии началось то движение норвежских колонистов на запад, которое привело к открытию Гренландии, ближайшего к Исландии американского острова, а затем — к открытию северо-восточного побережья американского материка, а может быть, и к проникновению во внутренние области Северной Америки.

Открытие ирландцами Фарерских островов и Исландии

В Исландии у норвежцев были предшественники — древние ирландцы, народ кельтского происхождения (сами себя они называли гэлами, а свою страну Скотией — по самому могу-

щественному из племен, живших на острове)*. Уже в середине V века среди них широко распространилось христианство; историки католической церкви приписывают эту заслугу деятельности первого местного архиепископа, «святого просветителя и покровителя Ирландии» гэла Патрика (377—460 гг.), уроженца западной Шотландии. Патрик основал несколько монастырей, которые стали центрами западноевропейской учености раннего средневековья.

Монах одного из ирландских монастырей, основанных Патриком, Дикиул, живший в VIII—IX веках и интересовавшийся не только богословием, но и географией, не позднее 825 года закончил свою книгу «*De mensura orbis terrae*» («Об измерении Земли», на латинском языке)**. В ней Дикиул, между прочим, поместил первые дошедшие до нас сведения об островах Северной Атлантики, ставших вскоре этапами на норманских путях к Гренландии, и в первую очередь о *Фарерских* (на фарерском языке *Ферояр* — «Овечьи острова»).

«К северу от Британии,— сообщает Дикиул,— в океане есть много других островов, до которых можно дойти... в два дня и две ночи на парусном судне, при постоянном попутном ветре. Священник, вполне заслуживающий доверия, рассказал мне, что он в два дня добрался до этих островов на малом гребном судне с двумя парами весел. Эти острова большей частью очень невелики, отделяются один от другого узкими проливами и — очень приблизительно — уже сто лет посещаются отшельниками из нашей Скотии [Ирландии]. Они с сотворения мира были необитаемы, да и теперь оставлены отшельниками из-за разбойничьих нападений норманнов. На них бесчисленные стада овец и стаи различных птиц. Мы не нашли ни у одного автора упоминаний об этих островах».

Выражение, употребленное Дикиулом, — «очень приблизительно — уже сто лет», не позволяет установить сколько-нибудь точно, когда же ирландские отшельники впервые посетили Фарерские острова. Дело в том, что год окончания труда Дикиула также установлен «очень приблизительно», да и книга его могла писаться несколько лет. Поэтому у историков нет единого мнения относительно даты открытия Фарерских островов: она колеблется от 670 до 725 года, конечно, с оговоркой — «около».

* На рубеже V—VI веков началось переселение скоттов из Ирландии в северную часть соседнего большого острова — Британии (Великобритании); отсюда позднейшее название этой части острова — «Страна скоттов» (Скотленд, в нашей литературе Шотландия), окончательно утвердившееся в XI веке.

** Рукопись Дикиула была впервые опубликована в Париже в 1807 году и переиздана с обширным комментарием французским географом и археологом Жаном-Антуаном Летрайном в книге «Географическое и критическое исследование книги Дикиула...», Париж, 1814.

Для ранних христиан вообще и для древнеирландских христиан в частности был характерен аскетизм, то есть стремление путем физических лишений «умерщвлять плоть», чтобы «спасти душу». А так как постоянное общение с людьми связано было с бесчисленными соблазнами, то самым надежным средством спасения души в ту эпоху считалось отшельничество. И ирландские аскеты уходили на север со своего сравнительно густо населенного острова с его «мирской суетой», переправляясь сначала на близлежащие пустынные Гебриды, затем на более отдаленные Оркнейские и Шетландские острова.

Но с конца VII или начала VIII века у этих островов все чаще стали появляться корабли норманских морских разбойников — викингов. По свидетельству нескольких средневековых авторов, «язычники» норманны называли христианских служителей культа «папами»*, и отсюда, как полагают, произошли названия некоторых мелких островов североатлантических архипелагов**.

Когда Оркнейские и Шетландские острова стали гнездами викингов, норманны вытеснили оттуда «пап». По-видимому, в связи с этим ирландские отшельники оказались к VIII веку на Фарерах. Фарерские острова расположены между 6° 18' и 7° 35' з. д. и пересекаются параллелью 62° с. ш. Самый южный из Фарерских островов — Сюдере, находится в 320 км к северу от Великобритании. А от крупнейшего, северного, острова этой группы, Стреме, до ближайшего пункта на восточном берегу Исландии в северо-западном направлении — 435 км. Вероятнее, однако, что первые ирландские мореходы, продвигавшиеся от Стреме в западном направлении, увидели впервые не восточные горы Исландии, а один из высоких вулканов ее южного побережья: ближайший из них (и самый высокий на юге, более 2100 м) поднимается у параллели 64° с. ш., примерно в 500 км от острова Стреме.

Когда именно ирландцы открыли Исландию, установить затруднительно, так как и об этом достижении единственный дошедший до нас письменный источник — та же книга Дикуила — говорит очень коротко и глухо, что «лет тридцать тому назад клирики [священники или монахи] провели весну и лето» на какой-то большой земле к северо-западу от Ирландии. Следовательно, если указание относится к Исландии (что подтверждается исландскими сагами), то ирландцы впервые посетили этот остров не позднее 795 года. Эту дату обычно принимают за год открытия и первого заселения Исландии (ранее она была необитаемой землей).

* Сравни с русским словом «поп».

** Папа-Уэстрей в Оркнейских островах, Папа-Стур в Шетландских, Папей у восточного берега Исландии.

Норвежские викинги в Северной Атлантике

Как указывает Дикуил, Фарерские острова были оставлены ирландскими отшельниками «из-за разбойничьих нападений норманнов».

Известный французский историк первой половины XIX века Огюстен Тьерри так описывал плавание норманнов: «...Пираты весело неслись по дороге лебедей... Они плавали то вдоль берегов, подстерегая неприятелей в проливах, заливах и малозаметных пристанищах и оттого назывались *викингами*, детьми заливов, то преследовали свою добычу через океан. Жестокие бури северных морей разбрасывали и разбивали их слабые ладьи, многих людей недосчитывались при сборе их к королевскому кораблю; но пережившие... не теряли доверия и не унывали... Буря, пели они, помогает рукам наших гребцов, нам служит ураган и несет нас куда хотим»*.

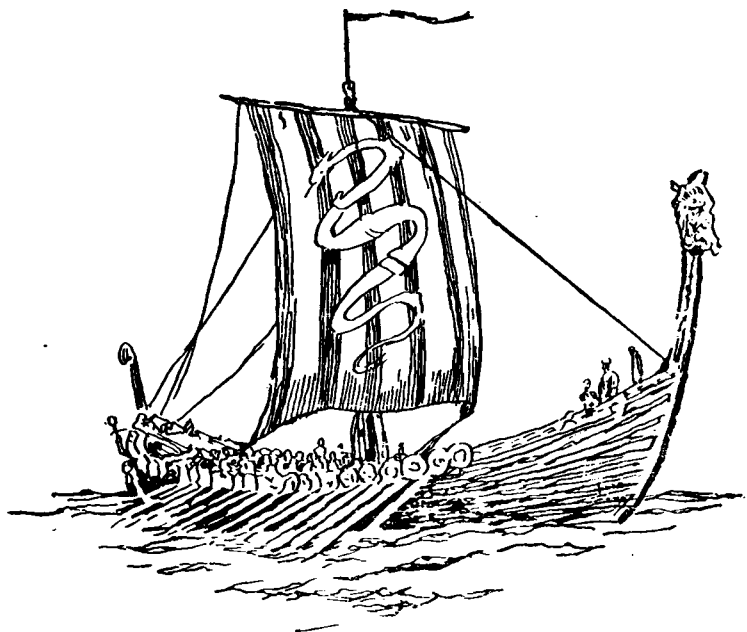
Но Фридрих Энгельс указывал, что норманские суда вовсе не «слабые ладьи», а, напротив, пригодны были даже для плавания в открытом океане и что норманны произвели в навигации полную революцию:

«Их суда были сильными, прочными морскими ладьями, с выдающимся килем, с острыми очертаниями, рассчитанные преимущественно на один паруса и не боявшиеся встретить шторм среди сурового Северного моря. Именно на судах подобного рода... норманны предпринимали свои грабительские набеги до Константинополя — в одном направлении и до Америки — в другом. Постройка кораблей, которые осмеливались пересекать Атлантический океан, произвела в навигации полную революцию, и прежде чем окончилась эпоха средних веков, новые острогонные (килевые) морские суда были введены на всем побережье Европы. Суда, на которых норманны делали свои переезды, были, вероятно, не очень большого размера, не превосходя ни в коем случае 100 тонн водоизмещения, и имели одну или самое большее две оснащенных мачты — переднюю и заднюю»**.

Тьерри упоминает о сборе пиратов к «королевскому» кораблю: в странах, подвергавшихся нападению норманских пиратов, «морскими королями» называли конунгов — вождей норманских дружин. Ими обычно становились сыновья знатных норманнов (ярлов), они собирали военные дружины из свободных людей и возглавляли морские набеги и на материковые берега Западной и Южной Европы, и на североатлантические острова, — сначала на ближайшие, Британские, потом и на более от-

* О. Тьерри. История завоевания Англии норманнами. Русский перевод, ч. I, Спб., 1859, стр. 80.

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 518.

Норманский корабль

даленные, Фарерские, куда норвежские викинги добрались, по-видимому, во второй половине VIII века.

В то время норвежцы еще были язычниками. Западные европейские летописцы приписывают им, как и всем вообще норманнам, лютую ненависть к христианскому духовенству. «Священников и монахов они убивали с особой жестокостью». Вот почему ирландские монахи ушли с Фарерских островов, как раньше с Шетландских и Оркнейских. Часть их вернулась на родину. При каких обстоятельствах другая их часть добралась до Исландии, мы не знаем, но они спокойно жили там несколько десятков лет, до второй половины IX века, пока их снова не потревожили норвежцы, вторично открывшие Исландию и приступившие к ее колонизации.

Колонизация норвежцами Исландии

Древнейшими и наиболее ценными источниками для изучения хода заселения норвежцами Исландии и быта первых поселенцев являются те прозаические исландские саги, которые излагают историю исландских родов. Хотя саги записаны на рубеже XII—XIII веков, а говорят, как правило, о событиях

IX—X веков, они вполне достоверны. Из этих родовых саг наиболее важна для истории открытий «Книга землевладельцев» («Landnamabók»). В ней рассказывается о первых поселенцах Исландии и их ближайших потомках.

Что же заставило норвежских «морских королей» бросить свою родину и уйти за океан, на суровую землю, прилегающую к Северному полярному кругу?

Из норвежских хроник известно, что во второй половине IX века король Гаральд Гаарфагр («Прекрасноволосый»), опираясь на крестьян, после долгой и упорной междоусобной войны (860—872 гг.) разбил соединенные силы «морских королей» и объединил Норвегию под своей властью. Именно тогда непокорные «морские короли» с дружинниками и их семьями начали покидать родину. В 867 году один из фарерских поселенцев На д д о д, возвращавшийся из Норвегии, был отброшен бурей на северо-запад к большой гористой земле, которую он называл Снежной страной. В 869—870 году там перезимовало несколько норманнов во главе с Гардаром Сваварсоном, шведом по рождению. На судах они обошли кругом новой страны и обнаружили, что это большой остров*. Вернувшись на родину, викинги расхвалили природу страны, ее леса (теперь совершенно истребленные), ее привольные пастбища, охотничьи и рыболовные угодья.

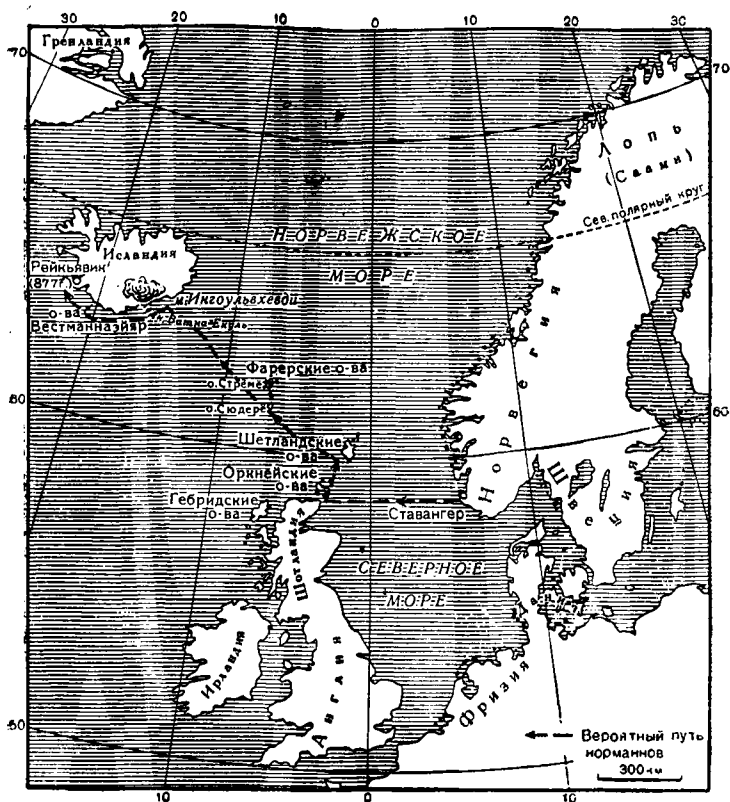
Тогда на розыски этой далекой заморской страны отправился из Норвегии через Фарерские острова «морской король» Флоки Фильгерварсон. По легенде, когда конунг отошел довольно далеко на северо-запад от Фарерских островов, он выпустил с судна ворона, но ворон улетел на юго-восток. Через некоторое время Флоки выпустил второго ворона — птица вернулась на судно. Но третий ворон полетел на северо-запад — и, следуя за ним, судно достигло суши. Флоки высадился у одного из фьордов, обильных рыбой, и остался на острове зимовать. Необычайно суровая зима, обилие снега, гибель скота, взятого норвежцами, фьорды, забитые льдом, — все это произвело на Флоки удручающее впечатление, и он назвал остров «Исланд» («Ледяная земля»). Хотя это название и не соответствует природным условиям большей части острова, оно, как известно, ✓удержалось до настоящего времени.

Однако когда норвежцы вернулись после зимовки в Норвегию, спутники Флоки не поддерживали его мрачных рассказов о природе Исландии. Напротив, они, как и их предшественники, расхвалили рыбные угодья и прекрасные пастбища острова.

В 871 году на разведку в Исландию направились два побратима — Ингольф (Ингоульв) Арнарсон** и Лейф, кото-

* Его площадь 103 тыс. кв. км.

** Фамилий тогда не было: Арнарсон и т. д. — не фамилия, а отчество (сын Арнара).

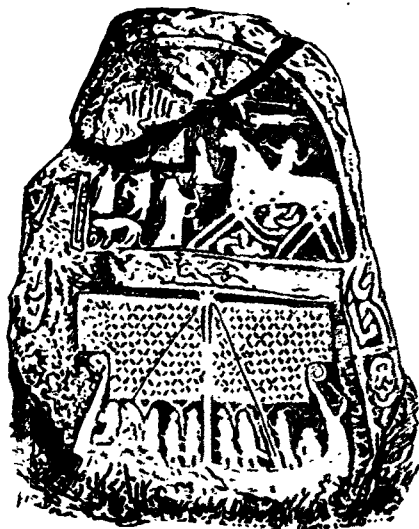

Вероятные пути норманнов к Исландии

рые за убийство подлежали «по истечении трех зим» изгнанию из Норвегии. Они высадились на юго-восточный берег Исландии, остались довольны осмотром района высадки и вернулись в Норвегию, чтобы подготовиться к переселению. По дороге Лейф совершил набег на Ирландию и захватил там группу рабов.

В 874 году побратимы во главе первой партии свободных переселенцев-норвежцев и ирландцев-рабов на двух судах навсегда покинули Норвегию. У Исландии суда разлучились. Ингольф снова высадился на юго-восточный, низменный, берег острова, покрытый песком и галькой, у подножия огромного ледникового щита *Ватна-Екуль*. Мыс на островке в районе высадки до сих пор носит его имя — *Ингоульвхевди*.

Лейф поплыл дальше на запад и высадился где-то на южном берегу. Он жестоко обращался со своими рабами-ирландцами. Те убили его, захватили норвежских женщин и бежали на не-

Надгробный камень на могиле
норманского воина

большой остров *Хеймей*, лежащий у южного берега Исландии. Норвежцы звали ирландцев вестманнами (западными людьми), и после того, как Ингольф нашел и перебил восставших рабов, Хеймей и прилегающие островки названы были *Вестманнаэйр*.

Через три года после высадки Ингольф перешел от юго-восточной к юго-западной, более гостеприимной окраине Исландии, где нашел сочные луга, и на мысе возле никогда не покрывающейся льдом бухты основал в 877 г. поселок *Рейкьявик* («Дымящаяся бухта»), ставший столицей Исландии. С этого времени началась массовая коло-

низация острова, и через полвека (930 г.) там насчитывалось около 25 000 жителей.

Первые норвежцы, побывавшие в Исландии, нашли на острове ирландцев-христиан — как предполагают, отшельников. Не выяснено, что с ними стало: умерли ли они своей смертью, перебиты ли язычниками, или бежали, и куда именно. Предположение, будто часть ирландцев, покинувших остров в IX веке, направилась дальше на юго-запад и достигла Северной Америки, не имеет под собой никакого научного основания.

Глава 2

ОТКРЫТИЕ И ПЕРВАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ГРЕНЛАНДИИ

„Шхеры Гунбьерна“ и открытие восточной Гренландии

В течение столетия, протекшего от основания Рейкьявика до первой гренландской экспедиции Эйрика Рауди (981 г.), норвежские мореходы и исландские колонисты не раз блуждали, гонимые восточными ветрами, к западу от Исландии; но до нас дошли только два скудных известия о том, что они достигли какой-то западной земли.

Невозможно даже приблизительно установить, к какому времени относится первое известное нам плавание на запад от

Исландии, приписываемое норвежцу Тунбьерну Ульфсону. Историки XIX—XX веков приурочивают это плавание к самым различным датам, и ни одна из них не может быть обоснована: одни авторы относят его к периоду первой колонизации Исландии норвежцами, то есть к семидесятым годам IX века, другие — к концу IX века, третьи — к первой четверти X века. Самая ранняя из предлагаемых дат — 870 год (Р. Хенниг и др.), самая поздняя — 920 год (К. Гассерт); Ф. Нансен осторожно указывает среднюю дату — около 900 года. Итак, между 870 и 920 годами норвежец Гунбьерн Ульфсон, направлявшийся в Исландию, был отброшен бурей далеко на запад и открыл ряд небольших островов, которые в «Ланднамабок» («Книга землевладельцев») называются «шхерами Гунбьерна». За ними была видна гористая, покрытая снегом и льдом земля, но Гунбьерн не мог подойти к ней из-за тяжелых льдов.

Второе плавание относится различными авторами, например Г. Гельвальдом, к более короткому — десятилетнему отрезку времени: между 970 и 980 годами; более правдоподобна последняя дата*. Итак, около 980 года группа исландцев, во главе которой стоял Снебьерн Галти и Рольф из Раудесанда («с Красной отмели»), плавала на запад на поиски «шхер Гунбьерна», достигла какой-то земли и зимовала там. По-видимому, земля была пригодна для жилья: исландцы вернулись в следующем году на родину не гонимые нуждой, а «из-за раздоров» между Снебьерном и Рольфом.

Что же это за «шхеры Гунбьерна»? К западу от Исландии нет ни одного клочка суши до прибрежных гренландских островов; нет их ни в широком Датском проливе (около 300 км), отделяющем Исландию от Гренландии, ни к югу, ни к северу от пролива, между 60 и 70° с. ш. Таким образом, «шхеры Гунбьерна» — это несомненно прибрежные гренландские острова, за которыми Гунбьерн и те исландцы, которые позднее шли его путем, видели высокие горы восточной Гренландии, протягивающиеся в юго-западном направлении вдоль побережья, начиная с Датского пролива. Их вершина, поднимающаяся у 68° 50' с. ш. на 3700 м над уровнем моря (высшая точка всей Гренландии), названа — через тысячу лет после открытия восточной Гренландии — горой Гунбьерн, хотя, конечно, нельзя доказать, что Гунбьерн Ульфсон видел именно ее, а не другие горы, в более низких широтах.

Позднейшие исландские мореходы называли «шхерами Гунбьерна» прибрежные гренландские острова, расположенные прямо на запад от Исландии, то есть к югу от полярного круга. Об этом свидетельствует исландец Ивар Бардсен, писавший в середине XIV века о «ближайшем» пути к «Гренландии» (так он

* Р. Хенниг. (Неизвестные земли, т. II, стр. 295) не указывает даты.

называл не весь гигантский остров, а только южный участок гренландского побережья, где были расположены поселки исландских колонистов):

«От Снайфедльснес * в Исландии, откуда ближе всего до Гренландии, доходят в два дня и в две ночи до шхер Гунбьерна, которые лежат на полпути между Гренландией и Исландией. Таков был старый парусный бег. Но теперь [около 1350 г.] лед из морского залива, что на северо-востоке [то есть из Гренландского моря], так близко подходит к этим шхерам, что никто без опасности для жизни не может плавать старым морским путем» **.

Старый морской путь к южной Гренландии, открытый в девяностых годах X века Эйриком Рауди, шел прямо на запад, до гренландских шхер, а затем на юго-юго-запад, вдоль гренландского побережья. При таком маршруте примерно на полпути находятся Ангмагсалик и ближайшие мелкие островки. Этот район восточного побережья Гренландии скорее, чем любой другой, можно отождествить со «шхерами Гунбьерна».

Эйрик Рауди и открытие южной Гренландии

В начале восьмидесятых годов X века в западной Исландии, у широкого Брейди-фьорда, к северу от полуострова Снайфедльснес, жил изгнанный из Норвегии за убийство Эйрик Турвальдсон, по прозвищу «Рауди» («Рыжий»). Не ужился он и на новом месте и в 981 году был изгнан на три года из Исландии «за беспокойный характер». Путь на восток ему был заказан; самовольное возвращение в Норвегию или на ее островные владения грозило ему смертью: каждый, опознавший изгнанника, имел право убить его. И он отправился с несколькими родичами искать убежища на западе, в новой стране. Вот как рассказывается об этом в «Ланднамабок»:

«Эйрик Рауди сказал, что решил искать страну, которую видел Гунбьерн, сын Ульфа Крака, когда он блуждал по морю к западу от Исландии и открыл шхеры Гунбьерна. Он [Эйрик] уверял, что вернется к своим друзьям, когда найдет страну. Эйрик отплыл от Снайфедльснеса. Он подошел к земле у Срединного ледника *** ... Оттуда он шел на юг вдоль земли, чтобы узнать, есть ли там жители...»

Эйрик прошел вдоль берега в юго-юго-западном направлении около 650 км, пока не достиг южной оконечности исследуемой им земли (теперь мыс Фарвель, 59° 45' с. ш., 43° 50' з. д.), где

* Западный полуостров Исландии у 65° с. ш.

** См.: Р. Хенниг. Неведомые земли, т. II, гл. 91 и 100.

*** Между 64 и 65° с. ш. внутренний ледник Гренландии широкой полосой выходит на восточное побережье.

Посадка норманнов на корабли. Средневековая художественная вышивка

берег поворачивал на запад. Изгнанники высадились на остров за мысом, у входа в извилистый фьорд, и там перезимовали. Весной они перешли в глубь фьорда и обосновались на его берегу. «Летом Эйрик плавал на запад вдоль необитаемого берега, долго оставался там и дал названия многим местам». Вторую зиму он снова провел на крайнем юге Гренландии.

Летом третьего года изгнания Эйрик исследовал длинную полосу западного побережья новой земли, изрезанной глубокими фьордами, — как полагают, приблизительно до 65° с. ш.

Эйрик исследовал побережье по-хозяйски, с удивительно точным учетом природных условий страны. Вот что по этому поводу писал во второй половине XIX века датчанин Хинрик Ринк, крупнейший знаток природы и истории Гренландии, живший там много лет, в книге «Датская Гренландия, ее народ и продукция» (Лондон, 1877 г.):

«Поразительно, что Эйрик и его преемники в какие-нибудь три-четыре года сумели открыть то, что с величайшим трудом разыскивали в новейшие времена в течение столетий многочисленные экспедиции... Бесчисленные заливы, извиваясь между голыми островами и полуостровами, проникают в глубь страны, и там у вершины их, в 50—60 км и даже дальше от устья залива, открывается небольшая ровная местность, которая могла казаться [норманнам] пригодной для поселения. Мы теперь подробно знакомы с этим побережьем, но и после того как здесь более ста лет существуют поселения датчан, для поселенцев не найдено мест более удобных, чем указанные Эйриком».

Итак, после долгих и тщательных поисков Эйрик нашел на исследованном им участке юго-западного побережья несколько ровных мест, сравнительно хорошо защищенных от холодных

ветров, покрытых в летнее время свежей зеленой растительностью. Так велик был контраст между окружающей ледяной пустыней и этими местностями, что Эйрик назвал побережье *Гренландией* — «Зеленой страной».

По исландскому сказанию, Эйрик хотел обмануть «приветливым названием» исландцев, чтобы убедить их поселиться на угрюмой новой земле: «Он назвал ее Гренландией, так как полагал, что люди больше будут стремиться в страну с красивым названием...» («Ланднамабок»). Но имя, данное Эйриком, первоначально относилось только к открытым им, действительно приветливым прибрежным районам южной и юго-западной Гренландии.

Как видно из сообщения Ивара Бардсена, забитое льдом побережье огромного острова со «шхерами Гунбьерна» еще в середине XIV века не считалось Гренландией, а только этапом на пути к ней. Но уже в первой половине XV века на карте К. К. Нигера (1427 г.) надпись «Гренландия провинция» помещается на западном побережье фантастического «Замерзшего моря», начиная с 71-й параллели северной широты. А во второй половине XV века, например на «карте северных стран» Варшавского атласа (около 1467 г.), надпись «Гренландия» дана на мнимом северо-западном полуострове Европы севернее полярного круга.

После вторичного открытия Гренландии, несмотря на первые чрезмерно мрачные описания страны, за ней сохранилось ее название, действительно мало подходящее для гигантского острова площадью, как мы теперь знаем, 2175,6 тыс. кв. км, из которых едва 15% свободно от ледяного покрова.

Первая колонизация Гренландии

Когда истек трехлетний срок изгнания, Эйрик Рауди и его спутники вернулись из Гренландии в Исландию, в Брейди-фьорд. Восхваляя новооткрытую страну, Эйрик приступил к набору добровольцев для ее колонизации. Вербовка шла очень удачно; но из-за «беспокойного характера» викинга дело едва не сорвалось: весной Эйрик поссорился с могущественным соседом и был им разбит наголову. К счастью для нового предприятия, их примирили, и Эйрик беспрепятственно повел исландских колонистов на запад.

«В то лето в Гренландию отправились из Боргар-фьорда [к северу от Рейкьявика] и Брейди-фьорда двадцать пять судов, но только четырнадцать дошли туда: одни повернули назад, другие погибли. Это произошло за пятнадцать зим до того, как христианство было введено законом». Следовательно, первая исландская колонизация Гренландии началась в 985 году, так как альтинг, то есть общеисландское народное собрание, объ-

явил христианство (католицизм) государственной религией Исландии в 1000 году.

Колонисты расселились в указанных Эйриком местах. Сам Эйрик, как полагают, избрал для своего поселения местность на южном берегу Гренландии, у вершины Бреде-фьорда.

От южного берега колонисты распространились в течение X—XI веков вдоль части западного (обращенного к Канадскому архипелагу) побережья Гренландии до Северного полярного круга. Они селились там небольшими группами в хорошо защищенных местах в глубине фьордов.

Колонисты привезли с собой из Исландии домашний скот, но главным занятием их стало рыболовство и зверобойный промысел. В поисках морского зверя они плавали вдоль западного берега далеко на север, переходили за 74-ю параллель.

Они пытались подниматься на север и вдоль восточного, почти недоступного из-за льдов берега Гренландии, занимались здесь промыслами, но не основали ни одного постоянного поселка.

В исландской летописи под 1194 годом помещено короткое указание, что к западу (или северо-западу) от Исландии «открыт Свальбард» («Холодный берег»). Одни полагают, что это относится к какому-то участку северо-восточного побережья Гренландии, другие — к части архипелага Шпицберген.

Европейские поселки, основанные выходцами из Исландии на южном и юго-западном побережьях Гренландии между 60 и 65° с. ш., существовали более 400 лет. В XIII веке, когда колония достигла наибольшего расцвета, в ней насчитывалось, по видимому, около ста поселков, правда очень небольших.

Нуждаясь в хлебе и железных изделиях, колонисты вынуждены были поддерживать постоянную связь с Исландией. В обмен на необходимые им товары колонисты отправляли через Исландию в Европу меха, шкуры морских зверей, моржовые клыки, китовый ус, гагачий пух и другие продукты зверобойного промысла и охоты.

Пока Исландия была независима, гренландская колония развивалась. В XIII веке европейское население достигало, по разным исчислениям, 3000—6000 человек. После присоединения Исландии к Норвегии (1281 г.) положение гренландских колонистов ухудшилось: они часто терпели недостаток в самом необходимом, так как исландские корабли стали посещать их все реже.

Очень тяжелым стало положение колонистов в конце XIV века, когда и Норвегия потеряла самостоятельность и подчинилась Дании. Датские короли объявили своей монополией торговлю с северо-западными островами. Они поддерживали связь с Фарерскими островами и Исландией, но в отдаленную Гренландию разрешали отправлять из Дании ежегодно всего лишь по одному кораблю, да и тот часто не доходил до острова. Исландцам же плавать в Гренландию было запрещено.

Глава 3

ОТКРЫТИЕ ЗАПАДНОЙ ГРЕНЛАНДИИ И СУДЬБА ВЕСТЕРБЮГДА

Норманские колонии Эстербюгд и Вестербюгд

На рубеже XIX—XX веков твердо установлено, что норманны не селились на восточном побережье Гренландии*. Упоминаемый в исторических документах *Эстербюгд* (буквально — «Восточное поселение») находился не на востоке, а на крайнем юге Гренландии; при этом подавляющее большинство поселков и отдельных дворов расположено было на берегах юго-западных фьордов, в том числе Эйрик-фьорда. На юго-востоке пока найдены развалины только одного двора (на $60^{\circ} 30'$ з. д., у залива Кангердлулук). На западном берегу лишь отдельные дворы Эстербюгда заходили на север дальше параллели $60^{\circ} 30'$.

За параллелью $60^{\circ} 30'$ западное побережье Гренландии, по выражению хрониста, было «пустыней», то есть не было заселено до параллели 64° , где начинался *Вестербюгд* («Западное поселение»).

В период наибольшего расцвета обеих гренландских колоний там было в общей сложности около 270 крестьянских дворов. Обычный населенный пункт состоял из трех-четырех дворов; лишь два более крупных пункта очень условно можно назвать городами.

Как ни преувеличивать вероятное среднее число жителей норманского крестьянского двора, вряд ли оно превышало пятнадцать душ обоего пола, и, следовательно, численность всех поселенцев была немногим более 4000 человек. Примерно треть из них приходилась на Вестербюгд, две трети — на Эстербюгд.

Во всем Эстербюгде насчитывалось около 180 дворов и двенадцать церквей и часовен. Центром южной колонии был Браталид, расположенный у вершины фьорда Игалико (к северо-востоку от теперешнего поселка Юлианехоб).

Резиденцией епископа был Гардар, где найдены развалины собора и большого дома — очевидно, дворца епископа. Длина дворца больше 53 м; вместе с подсобными зданиями он занимал площадь в полтора гектара. Собор невелик — длина его около 32 м, но очень прочной кладки: отдельные камни весят до десяти тонн.

* На это указывал еще Вильгельм Август Гро, первый датский исследователь Восточной Гренландии (XIX в.) в книге «Плавание к восточным берегам Гренландии», Копенгаген, 1832.

Вестербюгд, вопреки его названию, был расположен не к западу, а к северу от Эстербюгда (точнее — к северо-северо-западу), в основном между параллелями 64—65° с. ш., в районе Готхоб-фьорда. В нем насчитывалось около девяноста крестьянских дворов и четыре церкви и часовни. Центром северной колонии был Стейнеснес.

Ежегодно в летнее время часть колонистов Вестербюгда уходила на промыслы вдоль побережья Гренландии в *Нордсетур* («Северные стоянки»). Точное местоположение его не установлено; вероятное, по исследованию Хинрика Ринка, — немногим выше 65° с. ш., то есть всего на один градус севернее входа в Готхоб-фьорд.

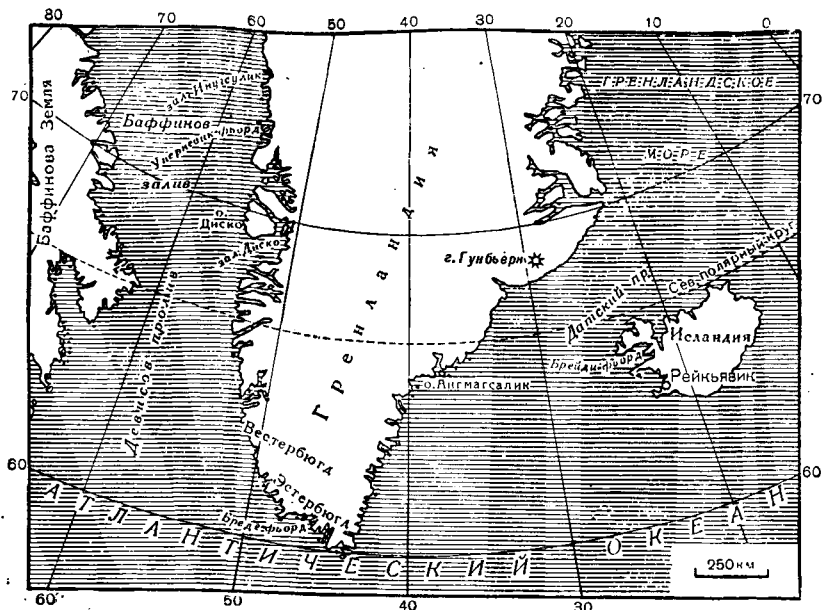
Открытие норманнами западного побережья Гренландии

Ознакомление норманнов с западным побережьем Гренландии севернее Нордсетура, по-видимому, шло очень медленно. Все же не позднее XIII века норманны открыли у 69-й параллели залив *Диско* — лучшее зверобойное угодье на всем побережье Гренландии. В заливе норманны открыли крупный остров *Диско*, а за ним «Крокс-фьорд», который Ф. Нансен убедительно отождествляет с проливом Вайгат (70° 10' с. ш.), отделяющим на севере остров *Диско* от выступа гренландского «материка».

Как ни обильна была летняя добыча в заливе *Диско*, но естественно было предполагать, что дальше к северу она может быть еще лучше и что именно туда плавают «скрелинги» (эскимосы).

У заслуживающего доверия исландского автора XVII века Бьерна Йонсона приводится рассказ, записанный около 1300 года, о плавании норманнов из Гардара (Эстербюгд) далеко на север в 1267 году.

Летом 1266 года «...на море были найдены обтесанные деревянные обрубки... и в один из них были воткнуты части зубов и костей. Летом вернулись также из Нордсетура люди, которые проникли на север дальше известной [норманнам] страны. За Крокс-фьордом они нигде не видели жилищ скрелингов. Позднее [летом 1267 г.] священники послали корабли на север, чтобы хорошо разузнать, как выглядит [страна], лежащая севернее той местности, до которой ранее доходили. И посланные шли от Крокс-фьорда, пока земля не скрылась за горизонтом. При южном ветре и туманной погоде они держались вдали от берега. Когда же туман рассеялся... они увидели много островов со всякой дичью, тюленями, моржами и множеством медведей. Они вошли в залив, и земля скрылась за горизонтом... но к югу от них там был ледник, насколько они могли

Норманны в Гренландии. Эстербюг и Вестербюг

установить. Они нашли там же несколько старых жилищ скрелингов, но не могли высадиться на берег из-за медведей. Затем они плыли обратно три дня и наткнулись на несколько жилищ скрелингов, и высаживались на некоторые южные острова. Пройдя добрый день на веслах, они вернулись в день святого Якова (25 июля) в Крокс-фьорд. Тогда ночью были заморозки, но солнце светило день и ночь. В полдень высота его была такова, что тень, отбрасываемая бортом шестивесельной лодки, падала на лицо человека, лежащего поперек лодки. В полночь солнце стояло так же высоко, как дома [в Гардаре, у 61° с. ш.], когда оно стоит на северо-западе. Затем они вернулись в Гардар».

Подробное изучение этого известия привело ученых (Ф. Нансена и др.) к почти единодушному мнению, что во время летнего плавания 1267 года норманны, безусловно, перешли за 74-ю параллель и, по-видимому, достигли $74^\circ 30'$ с. ш. Но у какого берега Баффинова залива, восточного или западного?

Некоторые увлекающиеся авторы * пытались доказать, будто норманны пересекли Баффинов залив и прошли затем за 74-ю

* Например, К. Рафн, автор книги «Амеоиканские древности», Копенгаген, 1837.

параллель, следуя вдоль берега Баффиновой Земли, то есть оказались у входа в пролив Ланкастер. Никаких, однако, указаний на это в приведенном выше тексте нет; да и не могли бы норманны вернуться оттуда на своих лодках в четыре дня к острову Диско.

Большинство авторов стоит твердо на том, что норманны во время этого похода продвигались все время вдоль западной Гренландии и достигли за 74-й параллелью той полосы, где гигантский внутренний ледник на большом протяжении выходит на побережье*.

Не сохранилось известий о том, что норманны в период существования первых гренландских колоний поднимались еще дальше на север вдоль гренландского берега; нет также никаких археологических находок, сколько-нибудь убедительно свидетельствующих об этом. Не обнаружены пока бесспорные следы норманнов на противоположном берегу Баффинова залива — ни на Баффиновой Земле, ни на островах Байлот, Девон и Элсмира**.

Вероятная судьба Вестербюгда

Конечно, в 1267 году норманны не последний раз плавали далеко на север от Вестербюгда, и если эти плаванья не отмечались в хрониках, то лишь потому, что они не были связаны с какими-нибудь выдающимися событиями — в частности, с новыми географическими достижениями. Об одном таком забытом хронистами походе свидетельствует любопытная археологическая находка.

Летом 1824 года эскимос Пеллинут, проводник первой западногренландской экспедиции датчанина Вильгельма Августа Гро, нашел под 73° с. ш. на одном из бесплодных скалистых островков, у входа в фьорд Упернивик, три поставленных стоймя больших камня, частью расколовшихся. На среднем камне лежала маленькая плитка зеленого кристаллического сланца, на которой была вырезана руническая надпись в три строки. Гро передал плитку датским археологам, которые признали надпись подлинной, срисовали и расшифровали ее. Затем плитка была передана на хранение в Копенгагенский музей северных

* Во второй четверти XX века в этом же районе при раскопках древнего эскимосского стойбища у залива Инугсулик найдены предметы несомненно норманнского происхождения.

** Норвежский исследователь Американской Арктики начала XX века, Гуннар Исаксен в статье, опубликованной в Осло в 1907 году, утверждал, что обнаружил «следы норманнов» под 76° с. ш., на южном берегу острова Элсмира (у пролива Джонс). Это были, по его предположению, характерные для норманнов, но не встречающиеся у эскимосов каменные кладки для гагачьих гнезд: гагачий пух был важной статьей гренландской торговли.

древностей. Но хранили ее там плохо: приблизительно через сорок лет (по ревизии 1866 г.) обнаружилось, что плитка «таинственно исчезла».

В распоряжении исследователей осталось, к счастью, несколько рисунков рунической надписи. Сначала ее ошибочно отнесли к первой половине XII века, но в настоящее время специалисты установили, что руническая надпись начертана на полтора-два столетия позднее, и во всяком случае после северной экспедиции 1267 года — между 1290 и 1340 годами.

Вот точный перевод надписи: «Эрлинг Сигватсон и Бьярни Турдарсон и Эндридий Одсон в субботу перед праздником *гангдаг* поставили эти знаки и очистили их ото льда»*.

Весенний языческий праздник *гангдаг* («день победы») сохранился и у норманнов-христиан. Праздновался он 25 апреля, то есть за много недель до начала навигационного периода в Американской Арктике. Норманские же колонисты в Гренландии совершали дальние переходы** только на морских судах, а не на санях с упряжкой по льдам Девисова пролива и Баффина залива, как это делали эскимосы. Исходя из этого, авторы, изучавшие приведенную выше руническую надпись, пришли к выводу, что какая-то группа норманнов зимовала в районе Упернивика: в таком случае это была первая известная нам зимовка людей европейского происхождения на северо-западе Гренландии.

Некоторые авторы делают и другой, далеко идущий вывод, что по крайней мере часть норманнов из Вестербюгда уже на рубеже XIII—XIV веков начала «переходить к эскимосскому образу жизни».

Находясь в большем отдалении от Норвегии, северные гренландские колонисты хуже, чем южные, снабжались европейскими товарами и поэтому гораздо раньше вынуждены были одеваться, обуваться и питаться как эскимосы. Скотоводство у них стало играть гораздо меньшую роль, чем рыболовство и зверобойный промысел. Из-за недостатка корабельного леса они начали пользоваться для морских переходов кожаными лодками, а для передвижения по льду — эскимосскими же транспортными средствами: санями с собачьей упряжкой.

Поднимаясь в поисках лучших промысловых угодий далеко на север, колонисты Вестербюгда часто встречались с северными «скредингами» — эскимосами, которые также в поисках лучших охотничьих и рыболовных угодий спускались вдоль гренландского побережья на юг от проливов, отделяющих Гренландию от острова Элсмира.

* См.: Р. Хенниг. Неведомые земли, т. III, гл. 124.

** От северной границы Вестербюгда до фьорда Упернивик около 900 км.

Столкновения из-за угодий между обеими этническими группами были неизбежны. Норманны были лучше вооружены, эскимосы — гораздо многочисленнее. В конечном счете победили эскимосы, и их победа привела к тому, что уже в начале сороковых годов XIV века, около 1342 года, Вестербюгд был навсегда оставлен колонистами.

Нет, однако, исторических оснований предполагать, что колонисты Вестербюгда были поголовно или хотя бы в значительной части истреблены эскимосами. Конечно, бывали кровавые стычки, но даже во время «величайшей битвы», рассказ о которой в течение столетий передавался от поколения к поколению гренландскими эскимосами, на стороне их противников, «бородатых людей», пало восемнадцать человек *. В дошедших же до нас скудных исторических документах сороковых-пятидесятых годов XIV века, касающихся судьбы Вестербюгда, нет вообще никаких указаний на кровавые побоища.

Лишь в одном случае весть о судьбе Вестербюгда исходит от человека, побывавшего там, — от священника Ивара Бардсена, посетившего северную гренландскую колонию летом 1342 года. Подробнее его известие будет рассмотрено ниже в связи со скандинавской заокеанской экспедицией, организованной во второй половине XIV века королем Магнусом Эриксоном. Здесь достаточно указать, что Ивар Бардсен не встретил ни одного человека в опустевших поселках Вестербюгда — «ни христианина, ни язычника», видел только «одичавший» домашний скот. По мнению знатоков Американской Арктики, скот не мог пережить суровой гренландской зимы и, следовательно, жители оставили Вестербюгд весной или в начале лета того же, 1342 года. Возможно, что осенью, подыскивая более безопасную местность для поселения, они вернулись за скотом. О судьбе колонистов Вестербюгда после 1342 года пока можно высказывать только предположения.

Что бы ни случилось с Вестербюгдом, Эстербюгду это не грозило непосредственной опасностью. Южные колонисты, по-видимому, сами ничего не сделали, чтобы помочь северянам; они ждали только случая сообщить в Норвегию о несчастье. Но очередной корабль («Трешотка») отправился из Бергена в Гренландию только в 1346 году, а вернулся с тревожными вестями о Вестербюгде в 1348 году. В следующем же году в Норвегии началась эпидемия чумы, которая в два года унесла около двух третей населения страны. Из-за этого лишь в последней четверти 1354 года король Магнус Эриксон занялся делами своей отдаленной заокеанской колонии.

* Запись в исландской летописи от 1379 года: «Скрелинги пошли войной на гренландцев, убили восемнадцать человек, взяли в плен и обратили в рабство двух парней». Неизвестно, когда и где произошла эта «величайшая битва» между эскимосами и норманнами.

Загадочная судьба Эстербюгда

В правление королевы Маргариты Датской,— начиная с 1380 г.,— после того как Норвегия была фактически подчинена Дании и лишь формально оставалась отдельным королевством, связь южногренландской колонии с Норвегией еще более ухудшилась. Рейсы из Бергена в Эстербюгд королевского корабля «Трешотка» почти прекратились, а закон, запрещающий частную торговлю с Гренландией, соблюдался очень строго: так, в 1389 году корабельщики, отнесенные штормом к гренландскому берегу, избежали казни, только сумев доказать, что были бессильны бороться с бурей. «Старые норвежские мореходы были так напуганы, что не осмеливались ходить в Гренландском море». В последний раз, насколько нам известно по найденным до сих пор историческим документам, «Трешотка» вышла в Гренландию в 1406 году. Моряки провели там четыре зимы и благополучно вернулись на родину в 1410 году. Никаких тревожных известий они не привезли — иначе это обязательно было бы отмечено в норвежских или исландских хрониках. И тем не менее после 1410 года сообщение между Норвегией и гренландской норманской колонией навсегда прерывается.

Окончательно прекращается и связь гренландских католиков с Римом. В последней четверти XIV века (после смерти гарвардского епископа Альфа в 1377 г.) и в течение всего XV века римские папы назначают одного за другим новых епископов, но ни один из них не попадает в Гренландию.

Однако Эстербюгд, древнейшая скандинавская колония на крайнем юге Гренландии, существовал до 1410 года, когда его оставил последний норвежский королевский корабль. Он продолжал существовать и позднее — много десятилетий, а может быть, и два-три столетия.

В известии, относящемся к двадцатым или тридцатым годам XVI века, о плавании исландского епископа Эгмунда говорится: «...Он и его спутники полагали, что увидели Херюльфснес в Гренландии. День уже клонился к вечеру, и они прошли так близко от берега, что видели жителей, овец, ягнят и загоны для овец...» Археологи XX века, работавшие на раскопках Эстербюгда, отрицают, что Эгмунд мог видеть Херюльфснес, но допускают, что это был какой-то другой южный норманский поселок. Конечно, одного такого известия недостаточно для категорического утверждения, что Эстербюгд был заселен колонистами вплоть до двадцатых годов XVI века. Но что они еще жили там во второй половине XV века, подтверждается археологическими находками 1921 года.

В 1921 году датский археолог Пауль Нэрлунд производил раскопки в местности, где находился норманский Херюльфснес, один из старейших поселков гренландских колонистов. Там бы-

ло найдено несколько норманских могил, а в них останки людей, похороненных в костюмах и головных уборах, модных во времена правления французского короля Людовика XI (1461—1483 гг.). Особенно характерны высокие остроконечные «бургундские колпаки». По мнению Нэрлунда, «...такой колпак неопровержимо свидетельствует, что еще в конце XV века европейские корабли посещали Гренландию».

Всего вернее, это были корабли не из скандинавских стран, где такие плаванья карались смертной казнью, а из других стран Западной Европы — из тех, которые высылали своих мореходов в Северную Атлантику в конце XV века и в XVI веке: из Англии, Западной Франции, из страны Басков (Северная Испания), из Португалии, а может быть, также из вольного города Гамбурга.

Следовательно, в последней четверти XV века южные гренландские колонисты, по крайней мере из одного поселка, и притом из сравнительно большого, не только существовали, но и не обратились еще к эскимосскому образу жизни. Они даже настолько «преуспевали», что могли — если не все, то во всяком случае более обеспеченные — одеваться по последней французской моде того времени.

Скелеты, найденные в могилах Херюльфсна, были измерены. Оказалось, что потомки рослых норманнов превратились в «скрелингов» («карапузов»): рост мужчин, как правило, был не больше 160 см, женщин — 140—145 см. У них найдены были тяжелые дегенеративные изменения скелета. Одни антропологи предполагают, что это могло произойти из-за нерационального питания: у колонистов недоставало ряда витаминных продуктов (овощей и т. п.), к которым привыкли скандинавы на своей первоначальной родине, и в то же время они не перешли к эскимосскому питанию. Другие приписывают дегенеративные изменения рахиту, а опрошенный археологами видный патологоанатом — туберкулезу в различных формах.

Итак, Эстербюгд к концу XV века несомненно существовал. А между тем (если не считать вызывающего сомнения известия епископа Эгмунда) ни один из известных нам арктических мореплавателей, посещавших гренландские воды в XVI и XVII веках, не встречал там людей, по внешнему виду сколько-нибудь похожих на европейцев. На это можно возразить, что те немногие мореплаватели, которые до начала XVIII века действительно высаживались на берега Гренландии, ни разу не заходили именно в южные фьорды, где находились норманские поселения. Даже датские экспедиции, посылаемые в XVII веке специально на поиски «без вести пропавшего» Эстербюгда, искали его не на крайнем юге, а на восточном побережье Гренландии. Фьорды южного побережья стали вновь посещаться европейцами только после вторичной скандинавской колонизации Гренландии, с двад-

цатых годов XVIII века, но к тому времени потомки норманнов бесследно исчезли.

Что же случилось за два столетия (XVI и XVII вв.) с колонистами Эстербюгда? За отсутствием каких-либо материалов для ответа на этот вопрос осторожные историки-американисты говорили, а наиболее осторожные и сейчас еще говорят: «Колонии погибли; их судьба — одна из исторических загадок». И это несмотря на поразительные результаты раскопок в Херюльфснесе 1921 года.

Нельзя, однако, игнорировать значение археологических находок 1921 года. Они убедительно опровергли голые выдумки относительно «внезапной гибели» Эстербюгда, некритически повторявшиеся многими историками в XIX веке и в первой четверти XX века. Самые легкомысленные авторы относили эту гибель к ближайшим после 1410 годам (конец последнего зарегистрированного рейса «Трещотки»). В зависимости от вкуса того или иного автора придумывались различные причины катастрофы.

Утверждали, например, что Эстербюгд погиб в результате «опустошительного морского набега эскимосов около 1418 года». На это добросовестные историки возражали, что самый факт набега не подтверждается достоверными свидетельствами. Знатки эскимосов считали совершенно невероятным, чтобы «самые миролюбивые люди в мире» составили и провели в жизнь план массового морского похода (на многих сотнях больших лодок!) на Эстербюгд для истребления двух тысяч колонистов, вооруженных лучше, чем они.

Утверждали далее, что Эстербюгд вымер во время «суровой» зимы 1423 года. Но невероятно, чтобы оседлые скандинавы, жившие в крепких домах, имевшие сколько угодно топлива (плавник), могли все погибнуть зимой, как бы сурова она ни была.

Мы упомянули об этих двух голословных утверждениях, поскольку даже после раскопок в районе Херюльфснеса они не сданы окончательно в архив. Сильно уменьшившиеся в числе сторонники версии о «внезапной гибели» Эстербюгда лишь перенесли катастрофу на XVI век.

Выдвигали и выдвигают до настоящего времени другое объяснение бесследного исчезновения норманских колонистов, перенося его в зависимости от новых археологических или архивных находок с XV века в XVI или XVII век *.

По мнению ряда авторов, колонисты Эстербюгда были окончательно истреблены надвигавшимися с севера эскимосами после многих стычек. В результате гибели и отдельные потомки

* Предположение о том, что некоторые норманские поселки существовали в Гренландии даже в XVIII веке, во время ее вторичной скандинавской колонизации, теперь никем не поддерживается.

норманнов, и целые группы их, разорялись и одиночные крестьянские дворы, и поселки, состоящие из нескольких дворов.

Правда, при раскопках норманских могил до середины XX века обнаружен только один череп «с дырой от эскимосской стрелы». Зато при археологических раскопках древних эскимосских стойбищ находили различные предметы явно норманского происхождения. «Не добровольно же норманны разбивали свои церковные колокола на части так, что эскимосы затем могли использовать их для молотков и серег»,— говорит Торкей Маттиассен, специалист по эскимосской археологии, потративший перед второй мировой войной девять лет на раскопки эскимосских стойбищ в Гренландии и Канадской Арктике.

Добровольно норманны, вероятно, не разбивали своих колоколов, а по нужде могли это делать. Разве не было в истории случаев, что христианские государи приказывали разбивать церковные колокола и переливать их в пушки? Почему же не могли так поступать «отпавшие от христианства» норманны, с тем чтобы менять куски металла на нужные им эскимосские продукты, одежду, лодки, сани и упряжных собак?

Нет еще материалов для обоснованного ответа на вопрос о судьбе Эстербюгда. Пока можно высказывать только предположения, и наиболее приемлема та гипотеза, которую сформулировал Рихард Хенниг, опираясь на мнения лучших современных знатоков истории Американской Арктики, в том числе Вильяльмура Стефансона и Кнуда Расмуссена:

«...Невероятно, чтобы норманские поселенцы вымерли в сравнительно короткий срок... Гораздо вернее предположить, что колонии постепенно угасали—или из-за того, что норманны смешивались с эскимосами, все более и более превращаясь в «скредингов», или из-за того, что их поселения становились все меньше из-за капальной эмиграции» («Неведомые земли», т. III, гл. 157).

Глава 4

ОТКРЫТИЕ НОРМАННАМИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ АМЕРИКИ НА РУБЕЖЕ X—XI ВЕКОВ

Бьярни и первое плавание к северо-восточной Америке

Первое плавание европейцев к берегам северо-восточной Америки совершено было в 985 году, то есть в том же году, когда Эйрик Рауди отправился во второй раз в Гренландию. Совершил это плавание норвежец Бьярни Херюльфсон.

Рассказ о плавании Бьярни переходил в гренландских колониях из уст в уста. В том виде, как он дошел до нас, он включен в «Сказание о гренландцах», записанное, по мнению

наиболее компетентных историков-специалистов, не ранее, чем в конце XIII века, и не позднее, чем в 1380 году *. В рассказе о Бьярни нет ни одной фантастической черты, есть только неправдоподобная концовка. После тщательного анализа историки пришли к заключению, что известие о плавании Бьярни не менее достоверно, чем любой неопороченный письменный документ об историческом событии тысячелетней давности.

После этого краткого вступления перейдем к самому рассказу.

Летом 985 года норвежец Бьярни Херюльфсон с дружиной прибыл на своем корабле в Исландию, чтобы повидаться с отцом, но оказалось, что отец его, Херюльф, весной того же года отправился в Гренландию с Эйриком Рауди. Бьярни заявил, что тоже намерен идти туда; все дружинники поддержали его, хоть в Исландии и считали их решение неразумным, так как «никто из них еще не бывал в Гренландском море». Они подняли паруса и шли на запад три дня, пока не потеряли из виду горы Исландии.

«Тогда стих попутный ветер, и поднялся северный ветер на море и пал туман, так что они не знали, где находятся, и так длилось много дней. Наконец они снова увидели солнце и могли определить восемь стран света».

Для историков европейской цивилизации это место в рассказе о плавании Бьярни имеет особое значение. Оно убедительно опровергает часто высказывавшееся мнение, что норманны не могли бы пересекать северные моря на путях к Исландии, если бы не пользовались компасом, и что им, следовательно, было известно употребление компаса за несколько веков до того, как он появился у мореходов других европейских народов.

Итак, погода прояснилась, и можно было лечь на западный курс.

«Они подняли паруса и шли день и еще ночь и тогда увидели землю... Бьярни сказал, что это не Гренландия...

— Вот мой приказ — ближе подойти к земле.

Они так и сделали и вскоре увидели, что земля эта низкая и поросла лесом, и есть там небольшие холмы. Земля у них была с левого борта, и они повернули так, что она была у них за кормой».

Переменив таким образом курс с западного на северный, норманны шли под парусами два дня и снова увидели землю. «Они спросили, не думает ли Бьярни, что это Гренландия.

— Вряд ли, — ответил Бьярни, — ведь в Гренландии, говорят, большие ледники.

Вскоре они подошли ближе к земле и увидели, что она низкая и поросла лесом. Попутный ветер стих, и моряки думали, что

* Подробный разбор у Р. Хеннига, «Неведомые земли», т. II, гл. 102.

самое разумное — пристать к берегу, но Бьярни этого не захотел. Они заявили, что нуждаются в дровах и воде.

— У вас всего вдоволь, — сказал Бьярни.

Несмотря на возражения своих людей, он приказал поднять паруса...

Все комментаторы, признающие достоверность рассказа о Бьярни, сходятся на том, что в обоих случаях он и его спутники видели покрытые лесом низкие американские берега. Но какие именно американские земли они видели? В этом отношении, после более чем векового спора, мнения расходятся: берег материка Северной Америки? полуостров Новая Шотландия? остров Ньюфаундленд? Да вряд ли этот вопрос можно разрешить на основании одного только короткого рассказа, не привлекая других материалов, кроме физической карты Северной Америки и карты ее растительности. А иных материалов пока нет.

После того как Бьярни категорически отказал своим дружинникам в позволении высадиться на лесистый берег, они снова повернули прочь от земли.

«...Они шли при юго-западном ветре три дня и в третий раз увидели землю. Но земля эта была высока и покрыта горами и ледниками. Они спросили Бьярни, хочет ли он здесь высадиться.

— Нет, не хочу, — ответил он. — Эта страна кажется мне непригодной.

Они не убрали парусов, но шли вдоль земли и увидели, что это остров».

Снова спорный вопрос: к какому острову, покрытому горами и ледниками, подходили норманны? В открытом море между Ньюфаундлендом и Гренландией нет островов, а на островах у восточного побережья Лабрадора, как и на самом полуострове, нет ледников. Есть и такое предположение, что норманны приняли за остров громадный айсберг*.

Повернув прочь от этого, действительного или мнимого, острова, норманны вышли в открытое море при том же юго-западном ветре.

«Но ветер крепчал. Тогда Бьярни приказал убавить паруса... Они шли четыре дня и в четвертый раз увидели землю...

— Эта земля, — сказал Бьярни, — похожа на Гренландию, как мне ее описывали. Здесь мы высадимся».

Они так и сделали — высадились на мыс. Там лежала лодка, а у мыса жил отец Бьярни, Херюльф. По нему и мыс с того времени называется Херюльфснес».

* Так ставит вопрос Теодор Штехе, автор книги «Викинги открывают Америку», Гамбург, 1934. Он предполагает, между прочим, что ранее Бьярни дважды видел различные участки покрытого лесом восточного побережья Ньюфаундленда.

Только эта концовка в приведенном выше рассказе и может быть названа неправдоподобной: невероятно, чтобы после долгих блужданий в неведомом море Бьярни пристал именно к тому мысу южной или юго-западной Гренландии, где жил его отец. Конечно, Бьярни потратил немало времени, чтобы разыскать на гренландском побережье дом своего отца. Однако среди многочисленных исследователей мало нашлось людей, которые из-за одной этой неправдоподобной черты отвергли бы весь рассказ о том, как Бьярни Херюльфсон впервые увидел американский берег.

Открытие Лейфом Эйриксоном земель Хеллуланд и Маркланд

С именем Лейфа Эйрикасона, сына Эйрика Рауди, связано крупное историко-географическое событие, которое обычно определяется так: «открытие Америки норманнами почти за полтысячи лет до Колумба». Первым сформулировал это положение датский ученый Тормод Торфеус в книге «История древнего Винланда», изданной в Копенгагене в 1705 году. Вряд ли этот труд оказал какое-либо влияние на историков Америки XVIII века. Даже виднейший британский историк Америки В. Робертсон, писавший во второй половине XVIII века, в книге «История Америки» совсем не упоминает о плаваниях норманнов к северо-восточной Америке*. Отношение к этому вопросу изменилось только во второй четверти XIX века, после того как датчанин Карл Кристиан Рафн опубликовал книгу «Американские древности» (1837 г.). Она вызвала оживленную дискуссию, так как Рафн сильно преувеличивал географические достижения норманнов. Литература по этому вопросу все росла и к нашему времени стала поистине необозримой.

Основными источниками по истории плавания Лейфа Эйрикасона являются «Сказание о гренландцах» и исландская «Сага об Эйрике Рауди»**. Сага записана по крайней мере на 150 лет раньше, чем «Сказание», и все-таки считается менее достоверным источником: в ней больше, чем в других исландских исторических сагах, истина перемешивается с вымыслом, а ход событий излагается далеко не так последовательно, как в «Сказании о гренландцах».

Из двух, нередко противоречивых версий рассказа о плавании Лейфа к Америке — исландской и гренландской — следует поэтому остановиться на гренландской. В ней не указаны годы

* Первое издание этой книги вышло в 1777 году.

** В русском переводе «Сага об Эйрике Красном» (СПб., 1890); переиздана в сборнике «Древне-северные саги и песни скальдов» (СПб., 1903).

Страна скрелингов на карте Сигурда Стефания 1570 г.

плавания к Америке и возвращения оттуда; по другим источникам большинство историков принимает 1000 и 1001 годы. По «Сказанию» исходным пунктом плавания Лейфа является несомненно Гренландия.

«...Лейф и его спутники, всего с ним вместе тридцать пять человек, взошли на корабль... Они вышли в море и пошли сначала к земле, которую Бьярни видел в последний раз. Они подплыли к земле, стали на якорь, сели в лодки и на веслах подошли к земле. Вся страна от берега до ледников была как плоский камень, и в ней не было ничего привлекательного. Тогда Лейф сказал:

— Мы сделали не так, как Бьярни,— мы ступили на эту землю. Теперь я дам ей имя и назову ее Хеллуланд» [«Страна плоских камней»].

Как будто бы это место «Сказания о гренландцах» опровергает предположение, что Бьярни на своем пути к Гренландии видел в третий раз в море не остров, а айсберг: Лейф не только видел землю, но и высадился на нее, да еще справедливо упрекнул Бьярни, что он этого не сделал. Нельзя, однако, доказать, что Лейф посетил именно тот остров, который видел Бьярни; да и нельзя также доказать, что Лейф побывал на острове, а не на каком-либо каменистом участке восточного побережья полуострова Лабрадор.

Исландская «Книга землевладельцев» (см. выше стр. 11—12) ничего не говорит о высадке Лейфа на остров, а Хеллуландом называет следующую к югу землю: «Они пошли под парусами на юг от острова Бьерн [Бьярни]. Прошло два дня. Тогда они открыли землю, подошли к ней на веслах, разведали ее и нашли там много плоских камней, таких больших, что на каждом из них могли стоять два человека. Там было много белых медведей. Они дали стране имя и назвали ее Хеллуланд».

По «Сказанию о гренландцах», Лейф и его спутники вернулись на корабль и двинулись прочь от Хеллуланда:

«Они шли под парусами и нашли вторую землю. Они подошли ближе, стали на якорь, сели в лодку и высадились на берег. Земля эта была плоская и лесистая, большие пространства покрыты белым песком и берег полого спускался к морю. Тогда Лейф сказал:

— Этой стране мы хотим дать имя, которое соответствует ее виду: назовем ее *Маркланд*» («Лесная страна»).

В «Книге землевладельцев» указаны длительность и направление пути судна Лейфа от Хеллуланда к Маркланду и даны новые географические подробности:

«Они шли дальше под парусами два дня в юго-восточном направлении и нашли лесистую землю и на ней много зверей. К юго-востоку от земли лежал остров. Они убили там медведя и назвали остров Медвежьим, а страну назвали Маркланд».

Таким образом, оба известия о Маркланде — гренландское и исландское, — записанные, приблизительно, в одно и то же время, не противоречат, а дополняют друг друга. Всего вероятнее, что речь в том и другом источнике идет о юго-восточном побережье Ньюфаундленда, куда белые медведи нередко заносятся на льдинах Лабрадорским течением.

Открытие Лейфом земли Винланд — северо-восточного побережья Америки

По «Сказанию о гренландцах», Лейф и его дружинники спешно вернулись на корабль и продолжали путь в юго-западном направлении:

«Они плыли дальше в открытом море под парусами два дня при северо-восточном ветре и снова подошли к земле и острову, который лежал к северу от земли. Затем... они шли под парусами через пролив между островом и северным мысом земли и повели корабль на запад к другому мысу... Во время отлива там были большие мели. Их корабль сел на грунт, и море... отошло от него на изрядное расстояние. Но им так хотелось скорее попасть на землю, что они не стали ждать, пока море снова поднимет их корабль, и немедленно пошли к берегу. Там из озера вытекала река. Когда прилив снова поднял их

корабль... они ввели его в реку, а затем в озеро... Они решили здесь зимовать и построили большие избы. Страна была так хороша, что они не собирались заготавливать скоту корм на зиму, и трава там почти не поблекла. День и ночь не так различались по длине, как в Гренландии или Исландии. В самый короткий день солнце зашло в пункте eukt и взошло в пункте dagmal».

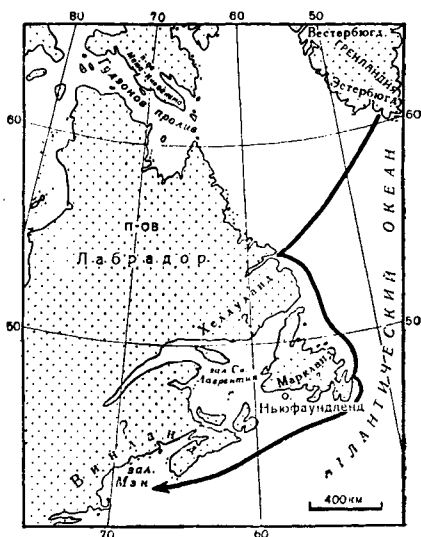
Все теперь согласны с тем, что норманны зимовали на восточном побережье Северной Америки. Но на какой широте? Что это за пункты горизонта «eukt» и «dagmal»?

В течение двух с половиной веков, прошедших с того времени, как Т. Торфеус опубликовал свою «Историю древнего Винланда», ни один специалист не дал такого толкования этих двух старoisландских терминов, которое удовлетворило бы остальных ученых. Длину самого короткого дня наиболее осторожно специалисты определяли от девяти до шести часов, а широту местности — с учетом и без учета вероятной длины самого короткого дня — от 27° с. ш. (южная Флорида) до 60° с. ш. (северный Лабрадор). К счастью, в различных известиях о Лейфе есть другое указание, которое позволяет значительно сузить участок американского побережья, где мог зимовать Лейф, за счет местностей, лежащих севернее 47-й параллели. Это — указание на наличие в районе зимовки дикого винограда.

В «Сказании о гренландцах» говорится, что после того как была закончена постройка зимних жилищ, Лейф начал посылать людей в разные стороны на разведку страны, с тем чтобы они обязательно возвращались к вечеру. Однажды один из разведчиков, немец Тюркир, бывший дядька Лейфа, сильно запоздал. Но только лишь обеспокоенный Лейф отправился искать немца, как встретил его.

«Лейф сразу заметил, что его дядька был сильно возбужден... Он долго говорил по-немецки, закатывал глаза и кривил рот. Никто не понимал его слов. Через некоторое время он заговорил по-норвежски и сказал:

— Я не далеко отходил отсюда, но все-таки сделал новое открытие: нашел виноградные лозы и кисти винограда.

Вероятное местоположение стран Хеллуланд, Маркланд и Винланд

— Это правда, дядя?— спросил Лейф.

— Чистая правда,— ответил Тюркир,— разве я не вырос в стране, где нет недостатка ни в лозах, ни в винограде...

Наутро Лейф приказал своим людям собирать виноград, и его было так много, что вскоре их лодка, говорят, была доверху наполнена виноградом... Лейф по своему обыкновению дал имя этой земле и назвал ее Винланд» («Страна вина»).

Дикий виноград распространен в приатлантической полосе Северной Америки южнее параллели 47° с. ш. Невозможно допустить, что даже при крепком попутном северо-восточном ветре корабль Лейфа мог в два-три дня совершить переход более чем в 2000 км от юго-восточного выступа Ньюфаундленда до юго-восточного материкового побережья Северной Америки, не говоря уже о Флориде. Большинство авторов в настоящее время с некоторыми, как мы видели, основаниями помещали Винланд в полосе между 40° и 45° с. ш.; однако дальнейшее уточнение пункта, где Лейф высадился и зимовал, пока не может быть сколько-нибудь убедительно обосновано.

В XIX веке Винланд охотнее всего помещали на берегу залива Массачусетс, и поэтому в Бостоне в 1887 году был поставлен памятник Лейфу Эйриксону как первооткрывателю Северной Америки.

Перезимовав в Винланде, Лейф вернулся в Гренландию (1001 г.). Больше он к Винланду не плавал, по крайней мере об этом до нас не дошло никаких сведений. Неизвестно, когда и где он умер: единственный источник, сообщающий о смерти Лейфа Эйриксона в 1021 году, считается недостоверным.

Такова версия «Сказания о гренландцах» об открытии Лейфом Винланда, то есть восточного побережья Северной Америки. Из этой, повторяем, единственно достоверной версии вытекает следующее положение: Бьярни Херюльфсон только видел две лесистые страны и один бесплодный остров к югу от Гренландии; Лейф Эйриксон последовательно высаживался на Хеллуланд, Маркланд и Винланд, то есть был подлинным первооткрывателем Северной Америки.

В исландской «Саге об Эйрике Рауди» ход событий излагается совершенно иначе, чем в «Сказании о гренландцах». Исходным пунктом плавания Лейфа указывается не Гренландия, а Норвегия; плыть он намеревался не в лесную страну, открытую Бьярни, а в Гренландию, чтобы ввести там христианство; инициатива плавания исходила не от него, Лейфа, а от норвежского короля Улафа Трюгвассона (правил в 995—1000 гг.). Улаф пал в морском бою в сентябре 1000 года; поэтому-то плавание Лейфа и приурочивают к лету 1000 года.

Об открытии Лейфом неведомой страны за океаном в «Саге» сказано очень коротко:

«Лейф вышел в открытое море, долго плыл и прибыл в страну, о которой он раньше ничего не знал. Там были хлеба, которые никто не возделывал. Там вился виноград и рос пестрый клен. От всего они взяли с собой образцы. Некоторые деревья были так велики, что годились для постройки домов. Лейф нашел людей на обломках корабля и взял их с собой. Он проявил при этом великодушие и доброту, и из-за того, что он ввел христианство в стране [Гренландии], его всегда с тех пор звали Лейфом Счастливым...»

Ни в «Саге об Эйрике Рауди», ни в других исландских известиях, повторяющих версию «Саги», ничего не говорится о том, что Лейф останавливался на пути от Норвегии к Винланду где-либо у Британии или островов Северной Атлантики. В этих источниках речь идет, таким образом, о безостановочном плавании от Норвегии к восточному побережью Северной Америки, то есть о непрерывном морском переходе более чем в 5000 км, да еще против течения (Гольфстрим) и против западных ветров, господствующих в умеренных широтах Атлантического океана. В источниках нет ни слова о том, что во время такого небывалого в истории норманского мореходства перехода дружина Лейфа в чем-либо испытывала недостаток. Мало того, один источник («Хеймскрингла»), противореча «Саге», утверждает, что именно во время этого невероятного перехода Лейф «...встретил в море на обломках корабля моряков, потерпевших крушение, и взял их к себе; затем он открыл прекрасный Винланд и летом пришел в Гренландию».

В этом отношении версия «Саги» отвергается всеми серьезными исследователями XIX—XX веков, от Х. Ринка до В. Стефансона и Р. Хеннига. Но в описании Винланда в «Саге» есть черты несомненной достоверности, дополняющие «Сказание о гренландцах»: наличие там, кроме винограда, также дикорастущих «хлебов» (вероятно, по мнению американских ботаников, «индейский маис» — *Zizania aquatica*) и «пестрого клена» (*Acer sachapum*), который встречается только в Северной Америке и дает ценную древесину.

Норманны и коренные жители Винланда

За Лейфом Эйриксоном к Винланду в XI веке ходили и другие норманны. По исландским сагам, вскоре после возвращения Лейфа в Винланд отправился его брат Торвальд Эйриксон, затем — богатый норвежец Торфинн Карлсефни с женой Гудрид (оба — главные герои «Саги об Эйрике Рауди») и, наконец, жадная и мстительная сестра Лейфа, Фрейдис. По мнению большинства исследователей, все эти плавания были действительно совершены в первое десятилетие XI века.

Одной из этих экспедиций, связанной с именем супружеской четы Торфинна и Гудрид, посвящено много исследований, так как норманны тогда пришли в тесное соприкосновение с коренными жителями Винланда, которых саги называют «скрелингами». Одеты они были в звериные шкуры, очень боялись быков и коров, которых привезли с собой пришельцы. (В Северной Америке до прибытия европейцев совсем не было домашнего скота.)

Что же означает термин «скрелинги»?

Южная и западная Гренландия в начальный период ее норманской колонизации была страной необитаемой. На рубеже XI—XII веков, а может быть и позднее, в северо-западную Гренландию начали проникать (возможно, вторично) эскимосы с островов Американского Арктического архипелага, и норманны, вероятно, уже в XIII веке встречались с ними, когда промысловые суда колонистов поднимались далеко на север.

Рослые норманны пренебрежительно называли невысоких эскимосов «скрелингами» («карапузами»). Но в начале XI века, когда открыт был Винланд, норманны еще не знали эскимосов, а позднее ни один исследователь не встречал эскимосов в сороковых широтах, где, всего вероятнее, следует поместить Винланд. К какой же иной этнической группе принадлежали в таком случае жители Винланда? К североамериканским индейцам? К какой-либо вымершей народности? Или все-таки к эскимосам — с допущением, что они в XI веке распространялись вдоль побережья Америки гораздо дальше к югу, чем в XVI—XVII веках, когда европейцы достаточно хорошо познакомились с коренным населением приморской полосы Северной Америки?

Более ста лет продолжается этнографическая дискуссия по этому вопросу, но она не дала никаких положительных результатов.

В сагах говорится, что гренландцы, собиравшиеся осесть в Винланде, начали торговлю с местными жителями, предлагая им красные ленты в обмен на ценные меха. Вскоре, однако, мирные отношения сменились враждебными действиями. Жители были вооружены пращами, каменными топорами и луками со стрелами. Норманны были гораздо лучше вооружены, но на стороне «скрелингов» был огромный численный перевес. Колонисты вынуждены были покинуть эту привлекательную страну. О позднейших попытках колонизации Винланда исландские саги ничего не говорят.

Значит ли это, что после экспедиций братьев и сестры Лейфа Эйриксона вообще прекратились плавания норманнов в Маркланд и Винланд? Большинство исследователей на этот вопрос отвечает: нет, не прекратились; напротив, такие плавания с промысловыми и торговыми целями были обычными.

Именно тем, что они были обычны, убедительно объясняется молчание исландских саг о позднейших плаваниях в страны, лежащие к югу от Гренландии. Действительно, исландские саги о Гренландии были главным образом семейными историями, рассказывавшими лишь о необычайных событиях, в которых участвовал тот или иной прославленный род.

И, конечно, трудно предположить, чтобы гренландские колонисты, жившие на безлесном острове и очень нуждавшиеся в строевом и корабельном лесе, отказались от плаваний к лесным странам, до которых было только несколько дней привычного им морского пути.

Глава 5

СКАНДИНАВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В СЕВЕРНУЮ АМЕРИКУ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV ВЕКА

Загадка „Кенсингтонского рунического камня“

В последней четверти XIX века эмигранты из скандинавских стран охотнее всего направлялись в приозерные штаты северо-западного центра США. В 1891 году в штате Миннесота (к западу от Верхнего озера), в районе Кенсингтон, поселился фермер швед. Через семь лет, в 1898 году, он срубил на своем участке старое (семидесятилетнее) дерево. Когда швед выкорчевал пень и очистил корни от земли, то оказалось, что корни дерева обвилились вокруг «серой глыбы» — большого, почти прямоугольного плоского камня весом более 90 кг. После того как дождем смыло грязь с камня, мальчик-школьник, сын фермера, обнаружил на его поверхности и ребре ряды каких-то высеченных непонятных знаков. По совету более образованных соседей фермер дал знать о находке в ближайший университет в городе Миннеаполис.

Один из университетских преподавателей, член кафедры скандинавских языков, установил, что на поверхности и ребре камня высечены староскандинавские рунические надписи. Значение нескольких полустертых рун трудно было восстановить, но в конце концов надписи на так называемом Кенсингтонском руническом камне были расшифрованы и переведены. Вот что там было написано.

На поверхности плиты (9 строк):

8 гóтов и 22 норвежца в
поисковом путешествии из
Винланда на запад мы
остановились близ двух шхер в
одном дне пути к северу от этого камня
мы были [?] и ловили рыбу когда

мы вернулись нашли 10 человек обгаренных
кровью и мертвых AVM*
избавь от беды

На ребре плиты (3 строки):

есть 10 наших людей у моря
сторожить наш корабль в 14 днях пути
от этого острова год 1362**

Из Миннеаполиса, где тогда не было видных специалистов-скандинавоведов, «Кенсингтонский рунический камень» переслали в Чикаго, в Северо-западный университет. А чикагские ученые-специалисты, не очень затрудняя себя подробным изучением находки, охарактеризовали надписи как «грубый подлог». Обосновали они свое заключение главным образом тем, что, по их мнению, пять слов в надписях были взяты не из того или иного скандинавского, а из английского языка. Но, вероятно, немалую роль в таком поспешном заключении сыграло и то обстоятельство, что в средние века не было, насколько известно, ни одного плавания в Америку, участниками которого были шведы («готы» кенсингтонской надписи), и что находку рунического камня сделал именно швед. Правда, этот фермер, как единодушно засвидетельствовали его соседи, ни по характеру, ни по своему образованию (точнее из-за отсутствия какого-либо образования) не был способен на подлог, да притом еще рунической «тайнописи», но за фермера подлог могли учинить его более образованные земляки.

«Кенсингтонский рунический камень» был возвращен хозяину, и тот дал ему более полезное применение: положил у порога своего амбара. Там камень и пролежал восемь лет, до 1907 года, пока им снова не заинтересовался молодой филолог, американец скандинавского происхождения Я л ь м а р Х о л а н д.

В течение четверти века Холанд, проявив изумительную настойчивость, направлял «Кенсингтонский рунический камень» и фотоснимки с него к видным американским и европейским ученым-специалистам на экспертизу. Петрографы и химики установили, что по внешнему виду рун можно уверенно сказать, что они были начертаны 500—600 лет назад. Археологи-скандинавоведы признали, что надписи начертаны именно такими рунами (с дополнительными точками, так называемые пунктированные руны), которые были распространены в скандинавских странах в XII—XIV веках и употреблялись главным образом для надгробных надписей. Наконец, знатоки истории скандинавских

* A V M — Ave virgo Maria (латинское — «Здравствуй Дева Мария»), начальные слова католической молитвы богородице.

** Р. Хенниг. Неведомые земли, т. III, гл. 150; там же помещены фото и руны с расшифровкой.

языков сообщили, что те «английские» слова, из-за которых чикагские ученые сразу признали кенсингтонские надписи подложными, встречаются в некоторых средневековых скандинавских диалектах.

В общем, подавляющее большинство компетентных ученых-специалистов дало заключения, подтверждающие подлинность надписей на «Кенсингтонском камне». Он признан историческим памятником первостепенной важности и в 1948 году передан на хранение в Вашингтонский национальный музей.

Итак, можно считать историческим фактом, что в 1362 году не менее чем тридцать скандинавов оказались в центре североамериканского материка, да притом еще «в поисковом путешествии из Винланда на запад».

Оставалось выяснить ряд историко-географических вопросов, и в первую очередь такой: как могло случиться, что вместе с норвежцами, которые несомненно многократно плавали к берегам Северной Америки, по крайней мере в XI—XIII веках, в центре заатлантического материка в 1362 году оказались шведы («готы»)? Не было ли в середине XIV века какой-нибудь смешанной шведско-норвежской заокеанской экспедиции, известия о которой прошли мимо самых внимательных историков скандинавских географических открытий?

Под таким углом зрения Яльмар Холанд пересмотрел огромный исторический материал и, наконец, нашел указания на одну экспедицию, организованную в пятидесятых годах XIV века шведско-норвежским королем Магнусом Эриксоном.

Король Магнус Эриксон и известия о судьбе Вестербюгда

С 1294 года король Норвегии Эрик VI объявил торговлю с Исландией и Гренландией государственной монополией, нарушение которой рассматривалось как тяжкое преступление и каралось смертной казнью. В Гренландию с того времени приказано было отправлять ежегодно только один корабль, который почему-то назывался «Трещоткой». Однако торговые рейсы «Трещотки» далеко не всегда окупались, и потому даже в мирное время (а норвежские короли часто вели войны) корабль вскоре стал ходить в Гренландию не раз в год, а гораздо реже, и отправление его обычно связывалось с каким-нибудь королевским поручением: отвезти нового правителя, епископа и т. п.

В 1319 году, после смерти Эрика VI, на норвежский престол был возведен его сын, трехлетний мальчик Магнус Эриксон, и в том же году была заключена шведско-норвежская уния. В 1332 году Швеция завоевала принадлежавшую ранее Дании область Сконе на крайнем юге Скандинавского полуострова, и с того времени Магнус Эриксон начал титуловаться «Королем

Норвегии, Швеции и Сконе» *. В 1343 году король Магнус возвел на норвежский престол своего четырехлетнего сына Хокона VI Магнуссона и правил Норвегией до 1355 года только как его опекун, но титул свой сохранил полностью.

В сороковых годах в Норвегию начали поступать глухие, но тревожные известия о судьбе той северной норманской колонии в Гренландии, которая, как мы знаем, по недостаточно ясным причинам называлась «Западным поселением» — Вестербюгд. До нас дошли только два таких известия; оба исходят от духовных лиц, оба относятся к 1342 году.

В это время гренландской епархией временно управлял священник Ивар Бардсен. Резиденция его была в южной норманской колонии, называвшейся «Восточным поселением» — Эстербюгд. Не получая долгое время известий из Вестербюгда, Ивар Бардсен сам отправился туда — конечно, морским путем, вдоль юго-западного побережья Гренландии. Приводим из его отчета короткую выдержку, разбору которой посвящена, однако, большая литература:

«...От Эстербюгда до Вестербюгда двенадцать дней пути — и все мимо безлюдных местностей. И в Вестербюгде стоит большая церковь... Ныне скрелинги [эскимосы] разграбили весь Вестербюгд. Остались там еще лошади, козы, [крупный] рогатый скот и овцы, и все одичали, но нет людей, ни христиан, ни язычников».

В это же время исландским епископом был Гисле Одсон. Сообщение Гисле Одсона дошло до нас не в подлиннике (он, вероятно, сгорел в исландском архиве в 1630 г.), а в латинском пересказе, сделанном после пожара в том же, XVII веке, когда западный материк уже назывался Америкой. Тем не менее оно ни у кого из историков-скандинавоведов не вызывало сколько-нибудь серьезных сомнений:

«Жители Гренландии добровольно отпали от истинной веры и от христианской религии, и после того как они отреклись от всех добрых нравов и истинных добродетелей, они обратились в американский народ. Считают, что Гренландия находится очень близко от западных стран [то есть от Америки]. Из-за этого и произошло, что христиане воздерживались от плавания в Гренландию».

Если судить по первому впечатлению, то оба известия, относящиеся к одному и тому же году, как будто резко противоречат друг другу. Однако при более внимательном чтении оказывается, что их можно примирить.

Действительно, Ивар Бардсен ничего не говорит о «кровавых боях между норманнами и эскимосами», а между тем не мог не

* Область Сконе была отвоевана датчанами в 1360 году и принадлежала затем Дании почти 300 лет; окончательно отошла к Швеции в 1658 году.

упомануть о них, если бы заметил на месте какие-нибудь следы таких боев; это голая выдумка некоторых позднейших европейских и американских историков, которые пытались объяснить загадочное исчезновение поселенцев Вестербюгда тем, что они будто бы поголовно были истреблены «дикарями» эскимосами. Ничего не говорит об этом и Гисле Одсон. Напротив, исландский епископ сообщает, что «жители Гренландии» (речь у него несомненно идет, как и у Ивара Бардсена, только о Вестербюгде) «добровольно... обратились в американский народ», то есть начали вести такой же образ жизни, как коренные жители.

Правда, Ивар Бардсен утверждает, будто эскимосы «...разграбили весь Вестербюгд». Но это лишь его предположение, основанное, возможно, на том, что он не нашел одежды и утвари в опустевших норманских жилищах, так как он не видел людей во время своего посещения Вестербюгда, а только «одичавший» домашний скот — кстати, нетронутый «грабителями».

Подтверждение известия Гисле Одсона найдено в королевской грамоте, помеченной 5 ноября 1354 года, где прямо говорится, что христианской вере в Гренландии грозит гибель. Магнус Эриксон писал:

«Все, кто эту грамоту увидит или услышит... должны оказывать всяческое содействие командиру «Трещотки» Паулю Кнутсону и его спутникам, нашим телохранителям, или вассалам, или иным сопровождающим его лицам... в подборе людей, офицеров или матросов, которых Пауль Кнутсон сочтет наиболее пригодными для плавания вместе с ним... Вы должны выполнить наше повеление с тем большим усердием, что мы делаем это для вашей славы божией, для спасения нашей души и ради наших предшественников, которые ввели и поддерживали до сего времени христианство в Гренландии, и мы не хотим, чтобы оно в наши дни гibly. Знайте всегда, что тот, кто не выполняет повеления, вызывает наш гнев и его постигает суровая кара».

Организацию этой экспедиции несомненно следует поставить в связь с вестью о судьбе Вестербюгда, которая дошла до короля, вероятно, еще в сороковых годах. Если Магнус Эриксон не отправил немедленно экспедицию в Гренландию, то это, вероятно, объясняется политической обстановкой в Северной Европе и чумой (1349—1352 гг.).

Экспедиция Пауля Кнутсона и пути скандинавов „из Винланда на запад“

Пауль Кнутсон неоднократно упоминается в норвежских хрониках до 1354 года включительно. «Трещотка», командиром которой был назначен Кнутсон, могла выйти из Норвегии не раньше 1355 года. Но вышла ли она действительно в мо-

ре в 1355 или в ближайшем году и дошла ли она до Гренландии? Об этом ничего не говорится в сохранившихся документах. Однако нет никаких свидетельств, что королевское повеление не было выполнено. Известно, кроме того, что Ивар Бардсен снова появляется в Норвегии не ранее 1363 года, а вернуться туда из Гренландии он как лицо официальное мог лишь на «Трешотке» * и что, с другой стороны, имя Пауля Кнутсона после 1354 года больше ни разу не встречается в документах.

Итак, есть три исторических факта:

- 1) исчезновение из Вестербюгда всех христиан в 1342 году;
- 2) повеление короля Магнуса Эриксона от 1354 года Паулю Кнутсону восстановить христианство в Гренландии;
- 3) пребывание в центре Северной Америки в 1362 году шведско-норвежской поисковой экспедиции, прибывшей туда из Винланда.

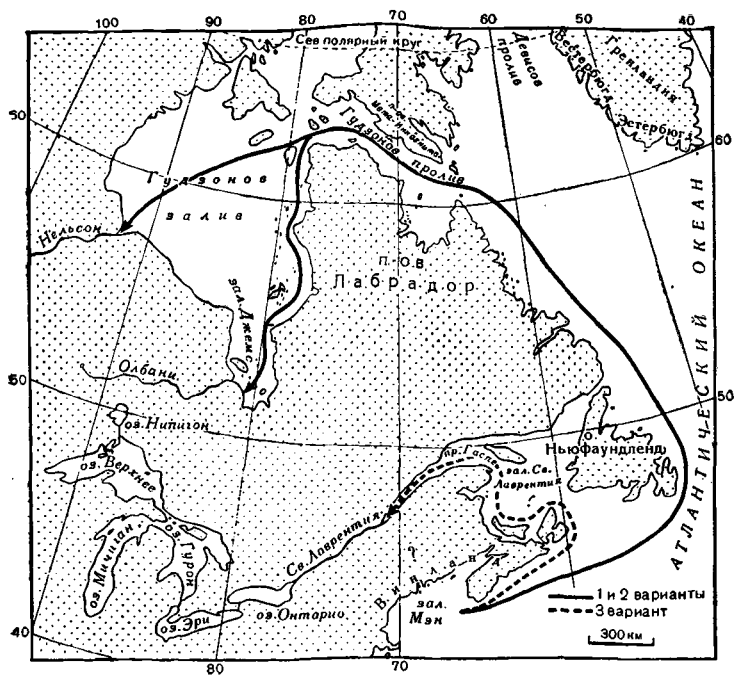
С полным правом Яльмар Холанд связывает эти три факта в одно стройное целое. Он убедительно доказывает, что экспедиция Пауля Кнутсона состоялась, что, не найдя в Гренландии колонистов Вестербюгда, она отправилась на поиски их в Винланд и что, наконец, не найдя их и там, двинулась на запад и попала в центр Северной Америки.

Здесь все логично, и мало теперь осталось историков, которые отвергали бы доказательства Холанда. Однако остаются еще два очень существенных неразрешенных вопроса: каким путем пришел отряд Кнутсона «из Винланда на запад», в заозерную область Северной Америки? Какова судьба тех скандинавов, которые уцелели после гибели их десяти спутников?

Относительно пути отряда из Винланда выдвигается следующая гипотеза. Не найдя в Винланде норманнов из Вестербюгда, Пауль Кнутсон отправился сам вокруг Лабрадора в Гудзонов залив или отправил этим путем часть своих людей. По одной из рек, впадающих на юго-западе в Гудзонов залив, норманны поднялись до больших озер Центральной Канады, а оттуда перебрались в район, прилегающий с запада к Верхнему озеру.

Второй вариант этого гипотетического пути через Гудзонов залив как будто подсказывается недавней находкой остатков норманского захоронения: найдены они в поселке Бирдмор канадской провинции Онтарио, у юго-восточного берега озера Нипигон (к северу от Верхнего озера). Кратчайший водный путь к этому пункту от Гудзонова залива проходит через его юго-восточный бассейн, залив Джемс, вверх по одной из западных рек, впадающих в него — Олбани и его притоку Огоки.

* Вероятно, Гренландию уже в XIV веке посещали нелегально и другие европейские корабли, а для XV века такие посещения, и притом неоднократные, подтверждаются документами и археологическими находками.

Варианты вероятного пути «из Винланда на запад»

В этой гипотезе, один из вариантов которой поддерживает Холанд*, есть, однако, слабое место. Какое основание предполагать, что участники экспедиции Кнутсона на пути из Винланда погибли полуостровов Лабрадор, то есть шли сначала на северо-восток, затем на северо-запад, затем на юг, когда они сами написали на Кенсингтонском камне, что шли «из Винланда на запад»? Разве от залива Мэн, у которого чаще всего историки помещают норманский Винланд, а тем более от залива Святого Лаврентия нет к Верхнему озеру почти непрерывного западного водного пути? Ведь такой путь есть, и он по крайней мере вдвое короче северо-южного пути вокруг Лабрадора, большую часть года совершенно свободен ото льда, да и во всех других отношениях гораздо удобнее. Предположение, что скандинавы шли от побережья Атлантического океана в глубь материка по реке Святого Лаврентия и Великим озерам, гораздо более правдоподобно, но и оно нуждается в доказательствах.

Относительно второго неразрешенного вопроса — о судьбе участников экспедиции Кнутсона — в исторической литературе

* Я. Холанд. На запад от Винланда, Нью-Йорк, 1940; Америка в 1355—1364 гг., Нью-Йорк, 1946.

имеются только пустые домыслы. Многие путешественники и авторы XVIII—XIX веков верили тому, что в центре североамериканского материка (в частности, на плато Миссури) жили «белые индейцы», которых склонны рассматривать как потомков норманнов, переселившихся из Гренландии на материк. Первые слухи о них в тридцатых годах XVIII века распространил французский исследователь Центральной Канады Пьер Варенн де ла Верандри-старший, но когда он сам пришел в страну «белых индейцев» — манданов, он убедился, что они по внешнему виду и по образу жизни почти ничем не отличаются от других индейцев. После того как доказана была подлинность рунических записей Кенсингтонского камня и других археологических находок как раз в той области, где когда-то жили манданы, некоторые авторы попытались воскресить миф о «белых индейцах» и, не затрудняя себя новыми доказательствами, приписать им происхождение от пропавших без вести участников экспедиции Пауля Кнутсона.

Глава 6

ПЛАВАНИЯ ЕВРОПЕЙЦЕВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНУЮ АМЕРИКУ В СЕМИДЕСЯТЫХ ГОДАХ XV ВЕКА

Интерес к вопросу об открытии Америки до Колумба — и притом за сравнительно короткий срок до его первой экспедиции — настолько велик, что сотни географов и историков, начиная с XVI века, тщательно разыскивали следы доколумбовых экспедиций в архивных материалах и в старинных книгах, а в XVIII—XX веках такими розысками занялись также этнографы и археологи. В этой области проделана большая и очень полезная работа, но в то же время возникла и все растет макулатура, преследующая какие угодно цели, кроме научной истины. Из националистических, честолюбивых, корыстных и других низких побуждений авторы многих сотен книг, тысяч статей и «ученых» докладов прибегают и прибегают к самым nepозволи-тельным приемам — до прямого подлога включительно.

Если нет связи между отдельными историко-географическими фактами, то ее придумывают, если нет следов желательной доколумбовой экспедиции, то их оставляют, если нет исторического документа, то его составляют*.

* Подробно вопрос о «предшественниках» Колумба будет рассмотрен в книге «История открытия и исследования Центральной и Южной Америки». В отношении же Северной Америки «классическим» примером фальсификации истории географических открытий является книга, с подложной картой венецианца Николо Дзено (1558 г.), в которой открытие северо-восточной Америки в восьмидесятих годах XIV века приписывалось предкам автора Антонио и Николо Дзено (см. ниже стр. 57—59).

Открытие „Земли Трески“ португальцем Кортириалом-старшим

В семидесятых годах XV века были по крайней мере две одновременные экспедиции: португальская и датская, которым современники — правильно или неправильно — приписывали новые открытия на северо-западе Атлантики, то есть в американских водах. Одна из них связана с именем португальца Жуана Ваш Кортириала-старшего; другая, датская, с именем кормчего поляка Яна из Кольна. Об экспедициях Кортириала-старшего до нас не дошло ни одного официального документа XV века. Знаем мы о ней только по двум позднейшим свидетельствам — последней четверти XVI века и первой четверти XVIII века.

В рукописи азорского хрониста Гашпара Фруктуозу «Саудадиш да Терра» («Привет от Земли», около 1590 г.), опубликованной только в извлечениях, есть следующее место: «Прибыл [на Азорские острова] после открытия новой Земли Трески [Терра ди Бакальяу] Жуан Ваш Кортириал, который по приказу короля назначен губернатором Ангры на острове Терсейра»*.

Второе свидетельство об экспедиции Кортириала-старшего найдено у португальского историка Антониу Кордейру в книге «Островная история» (1717 г.). Кордейру рассказывает, что на остров Терсейру «прибыли два дворянина с Земли Трески, для открытия которой они выезжали по приказу португальского короля. Одного дворянина звали Жуан Ваш Кортириал, другого — Алвару Мартинш Омен. После того как они навели справки об острове [Терсейре], они решили вернуться в Португалию и просить, чтобы их назначили на губернаторскую должность, учитывая их заслуги...

Вице-королевство Терсейры [то есть Азорские острова] было разделено между обоими на два вице-королевства, из них одно включает Ангру, другое Праю...»**.

По дошедшим до нас официальным документам, Жуан Ваш Кортириал был назначен губернатором Ангры 2 апреля 1474 года; Алвару Мартинш Омен — губернатором Праи 17 февраля 1474 года. Таким образом, открытие португальцами «новой Земли Трески» произошло не позднее 1473 года, а всего вероятнее, именно в этом году.

Жуан Кортириал, в отличие от Алвару Омена, до своего назначения губернатором Ангры не занимал высокого административного поста. Историки отмечают то обстоятельство, что

* Ангра (теперь Ангра-ду-Эроизму) — город и порт на южном берегу острова Терсейры, по которому Азорские острова до настоящего времени официально как административная область называются Терсейраш.

** Прая (теперь Прая-да-Витория) — поселок на восточном берегу острова Терсейры.

Кортириал получил в награду за открытие «Земли Трески» такую же должность, как Омен (бывший ранее вице-губернатором Ангры), и делают из этого вывод, что либо роль последнего в этом открытии была второстепенной, либо он вообще не принимал участия в открытии и ошибочно упомянут автором «Островной истории». Историки обращают внимание на то, что в обоих официальных документах нет никаких указаний на заслуги новых губернаторов. Умолчание об экспедиции, по мнению одних авторов, ставит ее вообще под сомнение, а по мнению других — придает ей несколько загадочный характер.

Так или иначе, а этот эпизод вошел в историю географических открытий как «Экспедиция Кортириала-старшего» (без указания фамилии его спутника).

Что же это за «Новая Земля Трески»? Все «старые», то есть известные европейцам XV века, «тресковые земли» находились в Северной Атлантике и все уже принадлежали христианским государям — до Исландии включительно. Между Исландией и Гренландией нет островов, а сама Гренландия (точнее, южная Гренландия) была уже известна как христианская страна, и притом вовсе не богатая треской. Следовательно, «Новая Земля Трески» могла быть открыта только к юго-западу от Исландии, то есть на северо-востоке Америки (включая в это понятие и Ньюфаундленд). Именно в этом районе на некоторых картах первой половины XVI века помещалась надпись «Земля Трески» («Бакальяу»), или «Земля Короля Португальского»: именно сюда — вероятно, следуя по пути своего отца (умершего в 1496 г.) — на рубеже XV—XVI веков направились на поиски новых земель его сыновья Гашпар и Мигел Кортириалы-младшие. Но точнее определить географическое положение американской земли, открытой в 1473 году Кортириалом-старшим, пока не представляется возможным: Ньюфаундленд? Лабрадор? Новая Шотландия? В пользу Лабрадора говорит найденная в одной из библиотек Флоренции карта от 1534 года, где на соответствующем месте сделаны надписи: «Земля Жуана Ваша» и «Залив Жуана Ваша», но, конечно, этого недостаточно для бесспорного отождествления «Новой Земли Трески» с полуостровом Лабрадор.

Плавание поляка Яна из Кольна к Северо-восточной Америке

Ни об одной заокеанской датской экспедиции XV века до нас не дошло никаких документов, составленных в том же веке. Но в следующем, XVI веке в нескольких источниках — у авторов или картографов нидерландского, испанского и английского происхождения — имеются скудные указания на датскую экспедицию 1476 года, причем во всех случаях называется по-

чему-то не фамилия начальника экспедиции, а фамилия или искаженное прозвище кормчего — Сколь в или Скольн.

У испанского историка Франсиско Лопеса Гомары в книге «История Индии», опубликованной в 1564 году, найдена такая фраза: «Сюда [на Лабрадор] пришли люди из Норвегии с кормчим Хуаном Скольвом и англичане с Себастьяном Каботом».

В английском документе, составленном около 1575 года, говорится: «...Чтобы найти проход из Северного в Южное море [то есть из Атлантического в Тихий океан], мы должны плыть к шестидесятому градусу [северной широты], а именно от 66° до 68°... На северной стороне этого прохода в 1476 году был Джон Сколус, датский кормчий».

По сообщению фламандского картографа второй половины XVI века Корнелиса Витфлита в его «Дополнении к картам Птолемея», изданном в 1579 году в городе Лувене (теперь — в Бельгии): «... честь вторичного открытия [Америки?] принадлежит поляку Иоанну Скольвусу, который в 1476 году... плыл мимо Норвегии, Гренландии и Фрисланды, проник даже в северный пролив у полярного круга и пришел к стране Лабрадор и Эстотиланду» *.

Все три приведенных выше указания на экспедицию кормчего «Скольва» относятся ко второй половине XVI века. Единственное более раннее, к сожалению, не очень вразумительное упоминание о нем найдено на глобусе 1537 года Фризия, который работал над этим глобусом вместе со своим учеником, знаменитым картографом Меркатором: на территории, примыкающей на западе к Гренландии, помещена надпись на плохом латинском языке: «те народы (quii populi), до которых доходил около 1476 года датчанин Иоанн Скольвус».

Английский документ 1575 года, по-видимому, восходит к глобусу Фризия 1537 года или к какой-либо копии с него и представляет собой в интересующей нас части толкование надписи, помещенной к западу от Гренландии. Но в двух других указаниях — испанца Гомары и фламандца Витфлита — есть и некоторые существенные расхождения с надписью Фризия и некоторые дополнения, свидетельствующие о том, что они поразно пользовались не глобусом 1537 года, а каким-то первоисточником.

У Гомары национальность Скольва не указана, как и национальность Себастьяна Кабота; испанский историк говорит только, что со Скольвом на Лабрадор пришли «люди из Норвегии», а с Каботом — англичане. У Витфлита же прямо сказано, что Скольв — поляк.

* «Фрисланда» и «Эстотиланд» — несуществующие земли, показывавшиеся в XVI веке на ряде карт северных стран. Источником этих вымыслов является подложная карта венецианца Николо Дзено.

Остается, таким образом, противоречие лишь между показаниями Витфлита и Фризия, сообщавшего, что Скольв — датчанин. Однако это лишь кажущееся противоречие, и голландец Георг Хорн, писавший через сто лет (в 1671 г.), нашел правильное толкование или извлек объяснение из не дошедшего до нас первоисточника: «поляк Иоанн Скольнус открыл под покровительством датского короля Кристиана I в 1476 году пролив Аниан* и страну Лабораторис» (Лабрадор).

Иными словами, поляк Ян из Кольна (латинизированное Иоанн Скольнус) был кормчим на датской службе, то есть датским мореплавателем, так же как датчанин Витус Беринг на русской службе был русским мореплавателем. Отвергать прямые показания двух беспристрастных свидетелей — фламандца XVI века и голландца XVII века — о польском происхождении Яна нет никаких оснований. Что же касается его открытия, то приведенные выше высказывания недостаточны для того, чтобы утверждать, что Ян в 1476 году вторично (после норманнов) открыл именно полуостров Лабрадор, а не какую-нибудь другую землю, которую географы нашего времени относят к Северной Америке.

По глобусу Фризия, Ян обогнул южную оконечность Гренландии и проник у Северного полярного круга в пролив между Гренландией и «землей, открытой британцами» (то есть экспедициями Джона и Себастьяна Каботов). Под словами «земля, открытая британцами» на глобусе имеется другая надпись — «Земля Лабрадор» (Терра де Лабрадор). Как известно, южная оконечность Гренландии находится у 60° с. ш., самая северная точка Лабрадора не доходит до 60¹/₂° с. ш., а у Северного полярного круга нет никакого пролива. На глобусе Фризия можно найти один из «образцов фантастической картографии». Тем не менее для истории географических открытий работа Фризия представляет значительный интерес: фантастический пролив, отделяющий на глобусе 1537 года у полярного круга Гренландию от Лабрадора, является одним из ранних картографических отражений теории о существовании морского прохода из Атлантического в Тихий океан в высоких широтах — к северу от новооткрытого Лабрадора.

Предполагаемая датская экспедиция „адмиралов“ Пининга и Потхорста

В предшествующих разделах указывалось, что в известиях о северных заокеанских экспедициях семидесятых годов XV века имеются загадочные черты. В самом деле, почему в порту-

* Аниан — предполагаемый «умозрительной» географией XVI—XVII веков пролив между Азией и Америкой.

гальских источниках XV века нет никаких указаний на плавание Кортириала-старшего в 1473 году, а в датских источниках того же века — на плавание «Скольва» в 1476 году, несмотря на крупные географические достижения обоих мореплавателей?

Прямого ответа на эти недоуменные вопросы нигде не удалось найти: ни в архивах, ни в старых книгах, ни на старинных картах. Поэтому досужливые расследователи доколумбовых экспедиций стали повсюду выискивать косвенные указания, рассуждая следующим образом.

Если в источниках XV века нет никаких упоминаний о плавании Кортириала-старшего и Омена, то это потому, что ни тот, ни тем более другой не были начальниками экспедиции. Что касается «Скольва», то позднейшие источники прямо называют его кормчим; следовательно, при нем обязательно должен был быть начальник экспедиции. Кто же в семидесятых годах XV века мог быть начальником заокеанской португальской, или датской, или, наконец, смешанной португало-датской экспедиции?

Ничего не говорят о начальниках таких экспедиций ни португальские, ни датские источники XV века. Зато неожиданный ответ (ответ ли?) дает позднейший — середины XVI века — документ, опубликованный в 1909 году. Это письмо датскому королю от 3 марта 1551 года бургомистра ганзейского города Киль (тогда подчиненного Дании). Бургомистр в своем письме, между прочим, упоминает о двух «адмиралах», Пининге и Потхорсте, которых «... дед его величества, король Кристиан I, послал искать новые земли и острова на севере по просьбе его португальского величества...»

Датский король Кристиан I вступил на престол в 1448 году, умер в 1481 году. Дидрик Пининг — лицо историческое; в дошедших до нас постановлениях исландских альтингов (общенародных законодательных собраний) последней четверти XV века он упоминается несколько раз: сначала (в 1478—1479 гг.) как один из двух правителей Исландии, «наместник Юга и Востока Исландии», а в восьмидесятых годах как «наместник и главный начальник всей Исландии». Еще летом 1490 года он занимал этот пост. А летом 1491 года исландский альтинг ходатайствует перед датским королем о назначении нового правителя, «так как пришло достоверное известие о смерти наместника Дидрика Пининга». Документально доказано, что Пининг занимал также «по совместительству» видные посты в Дании и подчиненной ей тогда Норвегии.

Относительно Ханса Потхорста известно, что до лета 1473 года он был на службе у города Гамбурга, а затем переехал в Данию. Не выяснено, впервые ли он попал туда или был уроженцем одного из тогдашних владений датских королей.

Находясь на датской морской службе, Пининг и Потхорст принимали активное участие в борьбе с Англией и Ганзейским союзом на Северном и Балтийском морях. На ганзейских съездах того времени неоднократно повторяются горькие жалобы на «морской разбой датского короля» и особенно на Пининга и Потхорста, которые «на жалованьи у короля Дании» захватывали ганзейские корабли. «Не менее страдало и английское судоходство от их набегов... Одна рукопись XVI века называет Пининга и Потхорста «равным образом и сведущими моряками, и знаменитыми морскими разбойниками», но, с другой стороны, восхваляет их за то, что «они были посланы в Северное море для борьбы с пиратами, которые много лет грабили купеческие суда» (Р: Хенниг).

И в других источниках XVI века датские «адмиралы» Пининг и Потхорст аттестуются как пираты. Так, на французской «Карте Исландии» (1549 г.) показан к северо-западу от Исландии скалистый остров (в природе не существующий), а около него помещена надпись: «Большая гора Витсерк, на вершине которой два корсара Пининг и Потхорст поставили сигнальную вышку, чтобы предупреждать мореходов из Гренландии». А известный географ Олай Магнус («Олай Великий»*), в книге «О северных народах» (1555 г.) развивает эту тему в следующих выражениях: «На этой горе [Витсерк] жили в 1494 году два пресловутых морских разбойника Пининг и Потхорст с их шайкой, наперекор всем, презирая всякую власть и ее военную мощь, так что строжайшим приказом северных королей воспрещено всякое общение с ними, и они объявлены вне закона за их из ряда вон выходящие насильственные и разбойнические морские набеги и за многие жестокие дела...»

Далее Олай Магнус сообщает совершенно невероятные подробности (по-видимому, вымышленные им самим) об устройстве (вероятно, также вымышленном) сигнальной вышки «на вершине той очень высокой скалы». Неверна к тому же и дата (1494 г.), так как Пининг умер за три года до этого.

За отсутствием других, более добродетельных «кандидатов на вакантную должность» начальников португальской и датской экспедиций, участниками которых были Жуан Ваш Кортириал и кормчий Ян из Кольна, создана версия о том, что они плавали под начальством обоих «адмиралов» — Пининга и Потхорста. В 1924 году датчанин Софус Ларсен выпустил в свет книгу «Открытие Северной Америки за двадцать лет до Колумба». В своей книге Ларсен доказывал, что в семидесятих годах XV века были не две, а только одна заокеанская экспе-

* Нансен, между прочим, считает, что географические заслуги Олая Великого чрезмерно преувеличиваются и что он не был «ни великим мореплавателем, ни великим географом».

диция и что начальниками ее были оба датских «адмирала». Видимость доказательства своей версии Ларсен нашел в том месте письма кильского бургомистра, где он говорит, что Пининг и Потхорст были посланы на север датским королем по просьбе португальского короля.

Правда, документально доказано, что Кортириал-старший открыл «новую Землю Трески» во всяком случае не позднее 1473 года, а с другой стороны, почти все источники, относящиеся к Яну, говорят, что он плавал в 1476 году, и лишь один — что это было «около 1476 года». Однако Ларсена это обстоятельство не смутило. По его мнению, португалец Кортириал-старший выступал в этой датской экспедиции только как представитель своего короля или, если хотите, как «гость» на борту датского судна. Вывод: именно датчане, а не лица какой-нибудь другой национальности открыли Северную Америку за двадцать лет до итальянцев Каботов, состоявших на английской службе.

Что касается кормчего этой «экспедиции», то один из «расследователей» безапелляционно заявил, что правильно следует писать его фамилию не Скольв и не Скольн, а Скольп, по имени Йон, и, следовательно, он не поляк, а скандинав и притом скорее норвежец, чем датчанин.

Выступление Софуса Ларсена вызвало сенсационную дискуссию, на что он несомненно рассчитывал. Особенную активность проявили некоторые немецкие авторы (Д. Коль, Р. Хенниг). Сделав вид, что принимают всерьез «логическую аргументацию» Ларсена, они столь же убедительно доказали, что Пининг и Потхорст — уроженцы Германии и что, следовательно, в открытии Северной Америки до Колумба большую роль играли немцы*. Этих германских ученых не остановил даже исторически доказанный факт, что немцы Пининг и Потхорст (если такова была в действительности их национальность), находясь на датской службе, особенно выделились своими успехами в морской войне против немецких ганзейских городов, иначе говоря — были злостными предателями общей «немецкой родины». Не помогут и ссылки на то, что не только в средние века, но и в новые времена пират часто выступал как «морской герой» и что в XVI и XVII веках немало пиратов прославило великими открытиями свою родину или страну, которой они служили. Ни один из пиратов, вписавших свое имя в историю географических открытий, не охотился за судами своих соотече-

* «Доказательства»: 1) однофамилец Пининга занимал в 1523—1528 годах пост бургомистра германского города Хильдесгейм, теперь земля Нижняя Саксония; 2) в английском извести от 1491 года Потхорст называется гамбуржцем («Потхорст де Хамборо»). См.: Р. Хенниг. Неведомые земли, т. IV, гл. 188.

ственников, не совершал разбойничьих набегов на родные города. А за признанием недоказанных географических заслуг Пининга и Потхорста последовали попытки их исторической реабилитации—задача неблагодарная, так как враждебные действия этих пиратов против немецких городов и немецких судов подтверждаются рядом неопровержимых исторических документов.

В зарубежной послевоенной историко-географической литературе нередко можно встретить не критические сообщения об «экспедиции Пининга — Потхорста» *, причем иногда даже указывается её маршрут и конкретное достижение — открытие Ньюфаундленда. Как видно из предшествующего изложения, пока нет никаких сколько-нибудь убедительных доказательств, что такая экспедиция действительно была, и приходится «примириться» с тем, что нельзя выяснить фамилии начальников двух *разновременных* экспедиций, в которых участвовали Кортиал-старший и Ян из Кольна.

Глава 7

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЗАОКЕАНСКИХ ДОКОЛУМБОВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Плавания скандинавов в X—XIV веках к Гренландии и землям, лежащим к югу или юго-западу, то есть к Лабрадору, Ньюфаундленду, Новой Шотландии и восточному побережью Северной Америки, как мы видели, не были забыты к концу XV века ни в самой Исландии, ни в Норвегии или Дании. Но им в те века не придавали и не могли придавать большого географического значения.

Те из средневековых ученых Северной Европы, которые слышали или читали о заморских плаваниях своих земляков, размышляли по поводу их достижений и пытались отобразить их на картах,— рассматривали эти достижения только как расширение географических знаний о Северной Европе.

Скандинавские мореходы в представлении средневековых космографов пересекали не открытый к северу океан, а громадный «Западный залив», переходящий на севере в замкнутое «Замерзшее море», и по северному берегу этого моря можно было пройти или проехать — на лыжах или санях, запряженных оленями,— от Лапландии до Гренландии. В глазах тех, кто открыл Гренландию, Хеллуланд, Маркланд, Винланд, как и в глазах их ученых соотечественников, эти земли были европейскими странами с привычными для северных европейцев условиями, а не частями Восточной Азии («Катая»).

* См., например, сборник статей «Гренландия», М., 1953.

Клавдий Клавус Нигер (Клавдий Клауссен Сварт) и его карта

Уже в середине XIII века устанавливается мнение, что Гренландия не остров, а часть материка (Европы), потому что там встречаются такие животные, которых якобы не бывает на островах: северные олени, полярные зайцы и лисы. В XII—XV веках верили сказке, будто некий человек бежал из Норвегии в Гренландию и всю дорогу прошел пешком, питаясь молоком козы, которая везде находила себе корм.

Эта сказка отразилась на карте (около 1427 г.) датчанина Клавдия Клауссена Сварта (родился в 1388 г.), известного под своим латинизированным именем — Клавдий Клавус Нигер*. На его карте впервые показаны норманские открытия в Северной Атлантике. Территория массивной «провинции Гренландии» на западе обрезана рамкой карты, на крайнем севере она полосой суши через «самую северную страну неверных карелов» связана с Северной Европой («Дикой Лапландией»), а между ними, по К. Нигеру, живут фантастические народы — «приморские одноногие» и «приморские пигмеи».

Береговая линия Гренландии доведена на юге до 63° 30' с. ш., а к юго-востоку от нее показана «Иберния» (Ирландия), причем до нее такое же примерно расстояние, как от восточной Гренландии до Исландии.

Клавдий Клавус Нигер — вероятно, по приказу датского короля Эрика Померанского (1412—1439 гг.) — отправился в Рим и в 1423—1424 годах изучал там атласы Птолемея. Он превосходно для своего времени обработал средневековые скандинавские географические материалы и «расширил мир Птолемея на семь градусов к северу». Авторитет Клавдия Клавуса как лучшего знатока Севера стоял очень высоко в глазах европейских географов и картографов XV и даже XVI века, и они дополняли по его карте атласы Птолемея, переиздававшиеся в разных странах Центральной и Южной Европы. Сам Нигер утверждал, будто он перед составлением карты путешествовал в Гренландию, доходил по ее восточному побережью до 70° 10' с. ш. и мог видеть страну до 72° с. ш. И такому фантастическому утверждению верили некоторые ученые даже в первой четверти XX века, так их поражало точное (для XV в.) и подробное изображение береговой линии южной Гренландии.

О карте Клавдия Клавуса, составленной, всего вероятнее, между 1424—1427 годами, «...еще не сказано последнего слова... сама по себе это очень ценная работа, значение которой никем не оспаривается, — пишет Рихард Хенниг. — ...Но Клавдий Клавус предлагает больше, чем может дать». И в доказательство Хенниг приводит следующую убедительную цитату из ле-

* Датское «сварт», как и латинское «нигер», значит «черный».

шего времени. На этих картах гораздо полнее отражены открытия исландских мореходов и гренландских колонистов, а может быть, и других скандинавских исследователей Гренландии. Особенный интерес представляет «Карта северных стран», приложенная к Варшавскому атласу Птолемея (около 1467 г.).

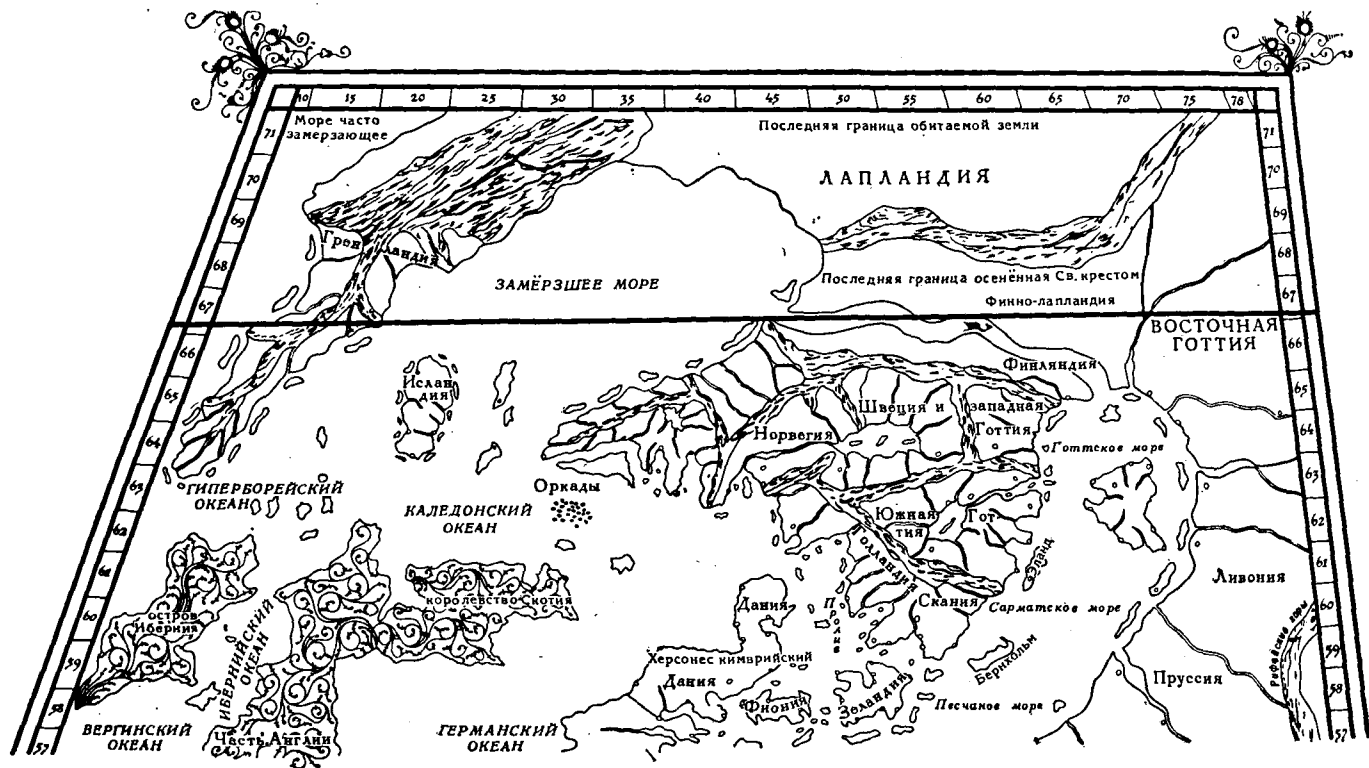
Гренландия на варшавской карте также показана как часть Европы. Но берега центральной и южной части этого «европейского полуострова» имеют очертания, близкие к действительным; с такой точностью наноситься на карты могли в то время только обитаемые или часто посещаемые местности. Западное побережье Гренландии доведено до 72° с. ш. и обращено не к «Замерзшему морю», как восточное побережье, а к «морю, часто замерзающему» (Девисов пролив и южная часть Баффина залива, где гренландские колонисты постоянно плавали в летнее время). Но на ней повторяется и даже немного преувеличивается крупная ошибка первой карты Нигера (1427 г.): южная оконечность Гренландии доходит только до 64-й параллели.

Не только в общих чертах, но и в деталях совпадает с варшавской картой так называемая «Карта открытий венецианцев, братьев Дзено», которые будто бы составили ее в девяностых годах XIV века. Так как карта Дзено сыграла заметную роль в ходе вторичного открытия Гренландии и ближайших североамериканских земель в XVI—XVII веках, то на ней следует остановиться.

В середине XVI века в Венеции некий Николо Дзено объявил, что нашел старинную — XIV века — рукопись своих предков и составленную ими карту «...об открытии островов Фрисланда, Эстланда, Энгронеланда, Эстотиланда и Икарии, совершенном у Арктического полюса двумя братьями Дзено — господином Николо и господином Антонио».

Николо Дзено-правнук издал эту рукопись в 1558 году и приложил к ней репродукцию карты «открытий»; они были якобы совершены братьями Дзено в северной части Атлантического океана в 1385—1390 годах.

«Книге Дзено», так ее обычно коротко называют, и его карте слепо верили не только во второй половине XVI века, но и позднее — целых два столетия. В XIX веке мнения ученых по этому поводу разделились. В наше же время только очень немногие авторы продолжают упрямо отстаивать подлинность книги и карты Дзено, несмотря на ряд самых убедительных доказательств в их подложности. Одно из неопровержимых доказательств подлога — полное совпадение гренландских географических названий на картах братьев Дзено и Клавдия Клавуса. Венецианский «подложных дел мастер» дал образцовое в своем роде произведение, но датского языка он, конечно,

Карта северных стран из Варшавского атласа Птолемея (около 1467г.)

не знал и принял набор слов из народной песни за подлинную географическую номенклатуру.

«Книга Дзено» оказала непосредственное влияние на английских полярных мореплавателей последней четверти XVI века, вторично открывших южное и западное побережья Гренландии и положивших начало открытию Американского Арктического архипелага.

Первые английские мореплаватели — Мартин Фробишер и Джон Девис, проникшие в водные пространства между Гренландией и Баффиновой Землей, руководствовались картой Дзено. А так как на этой карте южная оконечность Гренландии доходила только до 64-й параллели, то англичане считали, что южнее — до 60-й параллели — простирается другой остров или целый архипелаг, ранее неизвестный европейцам («Западная Англия» Фробишера, «Страна Отчаяния» Девиса и т. д.). В результате возникла картографическая путаница, которая продолжалась более ста лет — до XVIII века, несмотря на то что уже в пятидесятых годах XVII века датские экспедиции Давида Данеля доказали, что заокеанские земли между параллелями 60 и 64° с. ш. представляют собой южную часть единого острова Гренландии, а не отделены от нее одним или несколькими проливами.

Мнимая связь между скандинавскими открытиями в Северной Америке и проектом Христофора Колумба

Историки эпохи Великих открытий потратили много времени на исследование вопроса, был ли Христофор Колумб в молодости в Исландии, где он мог бы получить сведения о новых странах, открытых норманнами за океаном. Такие исследования совершенно бесплодны. Нет никаких сколько-нибудь убедительных доказательств, что Колумб действительно посетил Исландию, беседовал с исландцами о плаваниях их предков, изучал их рукописи. Но если бы Колумб и побывал в Исландии, он узнал бы только то, что норманны некогда открыли малопривлекательные земли на северо-западе Европы, так же как и на крайнем севере, и что эти земли, хотя связь с ними временно и прервана, считаются владениями католических датских королей, которые воспрещают исландцам плавать туда под страхом смертной казни.

Не исключено, конечно, что Христофор Колумб, занимавшийся одно время, как и его брат Варфоломей, составлением морских карт, видел и изучал скандинавские карты северных стран. Но они могли, как мы видели, только утвердить Колумба во мнении, что открытые норманнами земли являются полуостровами или островами Европы.

«...Прошло много времени после смерти Колумба, прежде чем был поднят вопрос о том, что Гренландия в географическом отношении не имеет ничего общего с Европой... Колумб не мог бы узнать в Исландии ничего такого, что дало бы ему повод предположить, будто земля Эйрика Рауди имеет какую-либо связь с восточным побережьем Азии, о котором он мечтал» *.

Итак, плавание скандинавов ни в какой мере не повлияли на великие открытия, сделанные Христофором Колумбом в конце XV века на западе Атлантического океана, в тропической полосе.

Однако после того как Колумб достиг тропической «Западной Индии», возникла мысль, что, двигаясь в умеренных или умеренно холодных широтах в западном направлении, можно достигнуть Северного Китая, или, выражаясь языком европейских географов того времени, «Восточного Катая». Он считался «началом обитаемого Востока», а земли, открытые и колонизованные скандинавами, казались «концом обитаемого Запада» (то есть Европы). Опираясь, как и Колумб, на учение о шарообразности Земли, географы приходили к выводу, что «начало обитаемого Востока лежит очень близко от конца обитаемого Запада» **. В таком случае Гренландия, Винланд и земли — действительные или мнимые, — открытые на северо-западе Атлантического океана Жуаном Ваш Кортириалом или Яном из Кольна, приобретали особое значение как станции на кратчайшем морском пути от северо-западной Европы к Восточной Азии: «то море по направлению к Восточному Катаю можно переплыть в течение немногих дней».

Поиски северо-западного морского пути из Европы в Восточную Азию или, как стали позднее говорить, поиски Северо-западного прохода, начавшиеся в последние годы XV века, были тесно связаны с доколумбовыми заокеанскими экспедициями. Мореплаватели из стран Западной и Южной Европы шли на северо-запад Атлантики путями, проложенными скандинавами, и пользовались при этом — по крайней мере до конца XVI века — скандинавскими морскими картами или же картами, составленными под их влиянием.

* Д. Уинсор. Христофор Колумб и открытие Америки, Спб., 1893, гл. VII.

** Цитаты здесь и ниже взяты из письма нюрнбергского доктора медицины Иеронима Мюнцера португальскому королю Жуану II от 14 июля 1493 года. Воспроизведено у Р. Хеннига «Неведомые земли», т. IV, раздел «Возникновение идеи плавания на запад в Восточную Азию через Атлантический океан» (Историческое введение к главам 188—190).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОТ КАБОТА ДО ДЕЖНЕВА

Глава 8

ВТОРИЧНОЕ ОТКРЫТИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АМЕРИКИ.

Легендарные атлантические острова

В древности и в средние века приморские народы Западной и Южной Европы твердо верили в существование в «Западном» (Атлантическом) океане островов с чудесной природой и мягким климатом; некоторые из таких «блаженных» или «счастливых» островов якобы служили убежищем для отшельников, изгнанников или целых народов, теснимых завоевателями.

Уже Аристотель (IV в. до н. э.) сообщает об островах в океане по ту сторону «Столбов Геракла» (Гибралтарского пролива). Позднейшие античные авторы говорят, будто некоторые острова в океане, открытые еще древними финикийцами, стали убежищем для карфагенян после разрушения римлянами их родного города. В I веке нашей эры об атлантических островах говорит Плиний, а несколько позднее (конец I или начало II в.) Плутарх. Он помещает их вокруг Британии, а некоторые «священные» острова отодвигает гораздо западнее, на пять дней пути.

Вполне вероятно, что эти сообщения были основаны на действительных открытиях древними мореплавателями не только близких к северо-западной Африке Канарских островов, но и более отдаленной Мадейры, а может быть, даже Азорских островов, расположенных примерно в полутора тысячах километров к западу от Пиренейского полуострова.

В VIII—IX веках можно проследить возрождение легенды (точнее, легенд, потому что их было несколько) о «блаженных» островах в Западном океане. Как видно из книги того ирландского монаха Дикуйла, о котором говорилось в главе 1, в монастырях его страны читали и перечитывали сочинения древних авторов, отыскивая в них прямые указания или намеки на су-

ществование далеких счастливых островов. Рассказы о действительных плаваниях ирландских аскетов к островам в северной части Атлантического океана смешивались с сообщениями древних авторов о райских островах в центральной части Западного океана. Так можно объяснить возникновение легенды о странствованиях «святого» Брандана и об открытом им острове.

В конце VI века Брандан отбыл якобы от берегов Ирландии в западном направлении вместе с группой своих последователей и учеников, блуждал в океане, нашел какой-то чудесный, отдаленный остров, жил там и вернулся на родину после многолетнего отсутствия. Легенда эта, приукрашенная и расцвеченная народной фантазией, обошла почти все западноевропейские страны. Средневековые картографы показывали остров св. Брандана в самых пустынных частях Западного океана. Его наносили сначала к западу от Ирландии. Позднее, в XIV—XV веках, по мере того как в умеренной и субтропической полосе океана действительно открывались земли, не имеющие по своей природе ничего общего с райскими островами, как они описывались в легенде, остров св. Брандана «сползал» на картах все дальше к югу.

На венецианской карте 1367 года этот остров стоит на месте Мадейры, а Мартин Бехайм на своем глобусе (1492 г.) показывает его уже западнее островов Зеленого Мыса, близ экватора. Иными словами, остров св. Брандана стал «блуждающим» островом и в конце концов совершенно исчез, не дав своего имени ни одной реальной земле.

Счастливей была судьба другого таинственного «блуждающего» острова — *Бразил*. Рожденный в средние века неизвестно чьей фантазией и утвержденный картографами сначала к юго-западу от Ирландии, остров Бразил отодвигался все дальше к югу и западу от европейских берегов, пока (в начале XVI в.) не дал свое имя мнимому острову Нового Света, расположенному у самого экватора, оказавшемуся восточной частью южноамериканского материка*. Именем этого фантастического острова «окрестили» в XVI веке огромную португальскую колонию (Бразилия).

К западу от Гибралтарского пролива средневековая фантазия (вероятно, в VIII—IX вв.) утвердила «остров Семи городов». По испано-португальской легенде, после того как мусульмане («мавры») разбили наголову христиан в битве при Хересе и распространили свою власть на весь Пиренейский полуостров (начало VIII в.), один архиепископ вместе с шестью епископами бежал на отдаленный атлантический остров, где они основали семь христианских городов. На картах этот фантасти-

* Однако на глобусе Шенера (1515 г.) «Страна Бразилия» показана как часть южного (приполярного) материка и отделена проливом от Америки.

ческий остров появляется лишь в начале XV века, иногда рядом с другим, еще более таинственным островом с неразгаданным названием — *Антилия*.

Открытия новых атлантических земель в XIV—XV веках отодвинули и эти фантастические острова далеко на запад. Различна была их дальнейшая судьба. В середине XVI века испанские конкистадоры напрасно искали «Семь городов» к северу от Новой Испании (Мексика), то есть в центре и на западе того материка, за которым во второй половине XVI века утвердилось название Северной Америки. Легендарное имя «Антилия» сохранилось до настоящего времени за вполне реальными островами (Большие и Малые Антильские острова). Впервые они названы так на карте Кантино 1502 года.

Эти миражи сыграли большую роль в истории Великих открытий. Нанесенные по указаниям средневековых космографов на карты, они казались Христофору Колумбу при составлении его проекта надежными этапами на западном морском пути от берегов Европы к «Индиям». А поиски «Семи городов» привели, как мы увидим, к открытию испанцами в середине XVI века внутренних областей Северной Америки — бассейнов рек Миссисипи и Колорадо.

Поиски англичанами островов „Бразил“ и „Семи городов“

Еще до того как Колумб выступил со своим проектом, поисками острова «Бразил» занимались английские купцы из Бристоль.

Бристоль в XV веке был крупнейшим портовым городом западной Англии и центром английского рыболовства в Северной Атлантике. Это не значит, однако, что Бристоль играл крупную роль в европейской морской торговле. Англия была тогда второстепенной морской державой, английские, в частности бристольские, корабли очень редко ходили в дальние плавания (кроме исландских рейсов), а заморские товары завозились в Англию главным образом итальянцами — венецианцами и генуэзцами или северными германцами — членами Ганзейского союза. Торговал Бристоль в основном с соседней Ирландией. Когда же к началу восьмидесятых годов XV века ирландская торговля пришла в упадок, бристольские купцы проявили повышенный интерес к фантастическим островам, которые, как утверждали сведущие люди, лежали к западу или юго-западу от Ирландии.

В первую очередь они занялись поисками острова «Бразил», где мечтали найти и ценное бразильское дерево* и пря-

* Название «бразильское дерево» возникло гораздо раньше 1500 года, когда была открыта Бразилия.

ности. Впрочем, теоретическое «обоснование» такой возможности дано было несколько позднее в проекте Джона Кабота.

По дошедшим до нас сведениям, первая заморская поисковая экспедиция на двух кораблях была отправлена Джоном Джеем и другими бристольскими купцами в середине июля 1480 года. Командовал экспедицией Джон Ллойд, «самый ученый из английских капитанов»; задание было «идти, пересекая моря, на запад от Ирландии, к острову Бразил». Проблуждав напрасно девять недель в океане, Ллойд, когда у него начали истощаться припасы, повернул обратно и с величайшим трудом добрался до одного из ирландских портов.

Вероятно, поиски бристольцами атлантических островов в западном направлении в восьмидесятых годах этим не ограничились, но только сведения о них до нас не дошли. Зато о поисках бристольцев в девяностых годах XV века имеется показание испанского посла в Лондоне, который писал «католическим королям» — Фердинанду и Изабелле в 1498 году:

«...за последние семь лет (то есть с 1491 г.) бристольцы снарядили два, три и четыре корабля на поиски острова Бразил и Семи городов».

По другому, английскому источнику, малодостоверному, два английских купца или капитана, Роберт Торн и Хью Эллиот, плавая в 1494 году к западу от Ирландии, достигли какого-то острова; и с XVI века до нашего времени включительно находятся авторы, которые приписывают им открытие в этом, 1494 году Ньюфаундленда.

Джон Кабот и его проект

По-видимому, бристольские купцы приписывали неудачи своих заморских экспедиций недостаточной учености английских капитанов и потому поставили во главе своей новой экспедиции ученого итальянского моряка по имени Джованни Кабота; на английской службе его звали Джон Кабот, и так мы его будем называть дальше.

Как и Христофор Колумб, Джон Кабот был уроженцем Генуэзской области. Неизвестно, когда он родился; даты, приводимые различными авторами, расходятся иногда на десятки лет. В начале шестидесятых годов XV века он переселился в Венецию и через пятнадцать лет получил там права венецианского гражданина. Женился он на венецианке и имел от этого брака трех сыновей. Вторым из его сыновей был Себастьян Кабот, который впоследствии прославился не только как исследователь атлантического побережья Северной и Южной Америки на английской и испанской службе, но и как инициатор и организатор поисков англичанами

Северо-восточного прохода, то есть прямого морского пути из Атлантического в Тихий океан вокруг Северной Европы и Азии.

О жизни Джона Кабота в Венеции, как, впрочем, и в Англии, до его первого заокеанского плавания почти ничего не известно; полагают, что он был моряком и купцом. Сохранился рассказ, записанный, вероятно, со слов его сына в середине XVI века, что Джон Кабот принимал участие в торговле пряностями, посетил в связи с этим Аравию и расспрашивал местных торговцев, откуда идут пряности в их страну.

«...Когда он спрашивал поставщиков, что это за местность, где рождаются пряности, они отвечали, что не знают, но что другие караваны приходят к ним с этими товарами из далеких стран и что те [караванщики] также говорят, что и к ним это добро идет из других отдаленных стран. И он [Кабот] рассудил так: если жители Востока заявляют жителям Юга, что такие товары привозятся из далеких стран, а жители этих последних получают товары из еще более далеких стран... то отсюда следует, что жители Крайнего Востока добывают пряности на северо-западе».

Судя по позднейшим действиям Кабота, неясные заключительные слова этого рассказа, записанного в Италии, стране средиземноморской, следует толковать так: пряности добывают на северо-западе от Средиземного моря, то есть где-то к западу от Европы.

Из этого положения Джон Кабот, который несомненно был последователем учения о шарообразности Земли, сделал следующий логический вывод: пряности, добываемые к западу от Европы, совершают почти кругосветное путешествие с помощью ряда посредников, пока не попадают в Западную Европу. Из-за этого они ценятся там на вес золота. Между тем достаточно совершить сравнительно короткое плавание в западном направлении от наиболее выдвинутой в сторону океана европейской страны, а именно от Ирландии, чтобы достигнуть «родины пряностей». Возможно, что их родина — «остров Семи родов», или «Бразил», или «Антилия», или какой-нибудь иной атлантический остров, еще неизвестный космографам и потому не показываемый на морских картах. А если эти острова лежат в стороне от прямого западного морского пути или на них нет пряностей, то можно дойти до «империи Великого хана» — до самого «Катая» (Китая) и завязать с ним торговлю.

Понятно, что с подобным проектом нельзя было обращаться к венецианским купцам: целью Кабота было упразднить посредническую торговлю дальневосточными товарами, а Венеция наживалась именно на такой торговле. И Кабот около 1490 года навсегда оставил Венецию, перебрался с семьей в Англию и обосновался в Бристоле.

Первая английская заокеанская экспедиция под начальством Джона Кабота

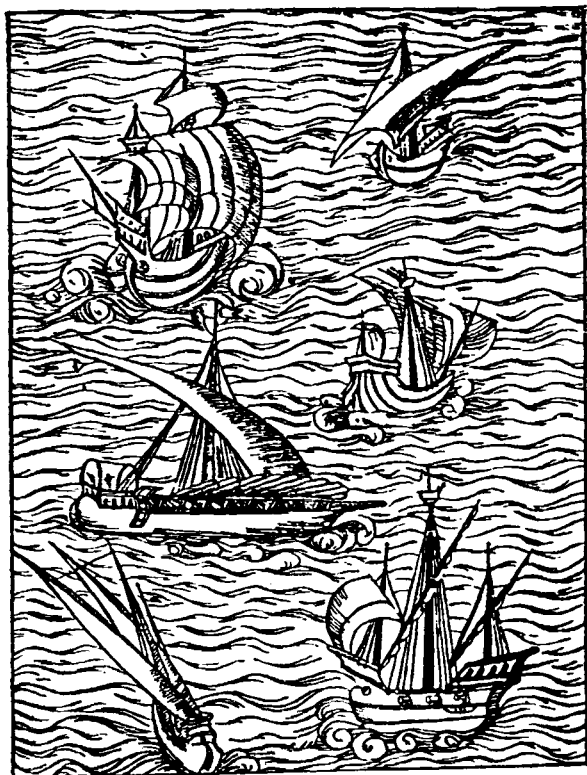
В начале 1496 года испанский посол в Лондоне писал своим государям — Фердинанду и Изабелле: «Некто, как Колумб, предлагает английскому королю предприятие, подобное плаванию в Индию».

В ответном письме испанские короли предлагали послу предупредить английского короля Генриха VII Тюдора, что такое предприятие нарушает «законные» интересы Испании и Португалии, подтвержденные папскими буллами 1493 года о так называемом Первом разделе мира.

Однако английский католический король, как позднее французский король Франциск I, вовсе не хотел считаться с таким «разделом мира», по которому все «языческие» земли могли открываться и захватываться только испанцами и португальцами. Еще до получения протеста со стороны испанского посла Генрих VII по ходатайству бристольских купцов выдал 5 марта 1496 года патент на имя Джона Кабота и его трех сыновей — Лодовико, Себастьяна и Санчо — с разрешением «плавать во все края, страны и моря Востока, Запада и Севера, чтобы искать, открывать и находить любые острова, страны, края и области, принадлежащие язычникам и неверным и остающиеся до сего времени неизвестными христианскому миру, в какой бы части света они ни находились». Король оговаривал для себя пятую часть дохода от экспедиции. В разрешении, по-видимому, намеренно не указывалось южное направление, чтобы избежать столкновения с испанцами и португальцами, плававшими «для открытий» в субтропических и тропических водах Атлантического океана.

Осторожные бристольские купцы снарядили только одно небольшое грузовое судно «Мэтью» с экипажем в восемнадцать человек. О ходе этой экспедиции, очень важной в географическом, политическом и экономическом отношении, сохранилось очень мало сколько-нибудь достоверных исторических документов: «...мы почти ничего не знаем о том, как Кабот плыл и каких мест достиг» (Дж. Бейкер). К тому же Себастьян Кабот, сообщавший через десятки лет своим любознательным современникам некоторые обстоятельства этого плаванья, сознательно или случайно смешал первую экспедицию своего отца с другими, позднейшими экспедициями, в которых он, Себастьян, лично участвовал или к которым имел касательство.

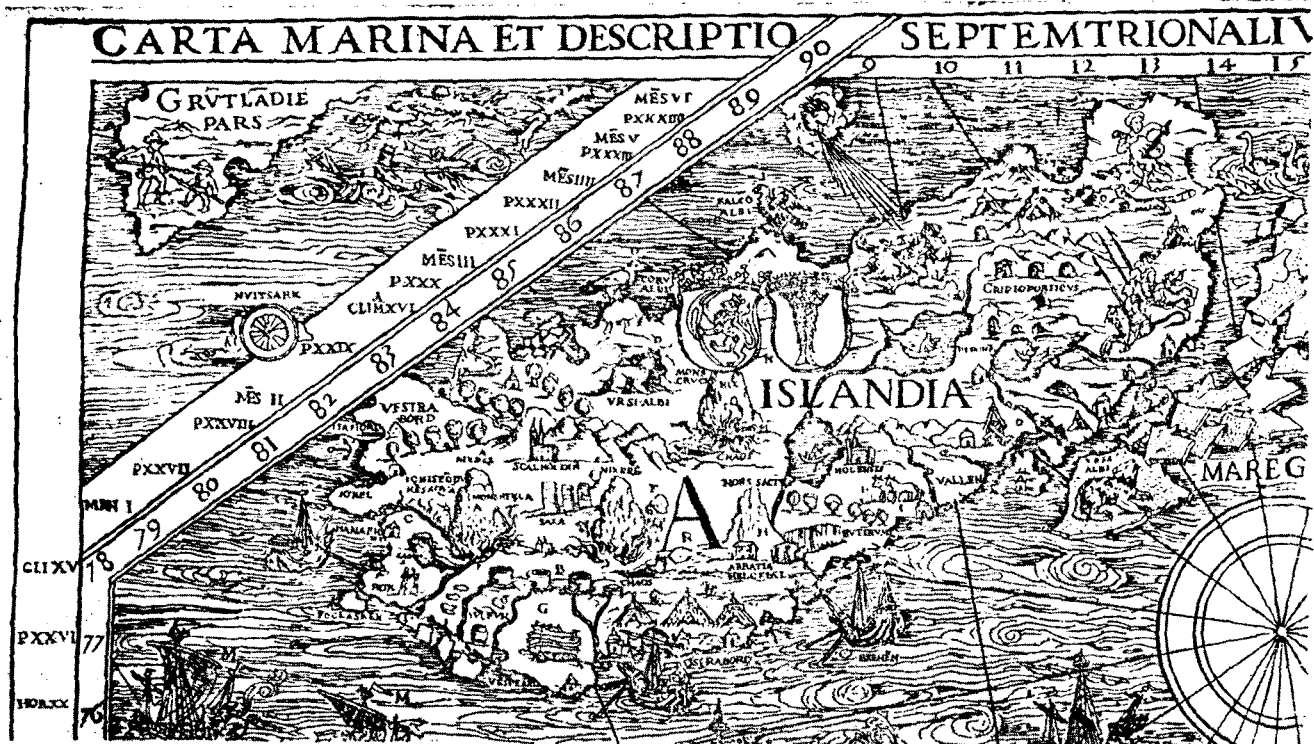
Различные, часто противоречивые версии рассматриваются в ряде монографий, посвященных Джону и Себастьяну Каботам, и в сборниках документов, опубликованных за последние сто лет в Европе и Северной Америке. Ниже приводится — с

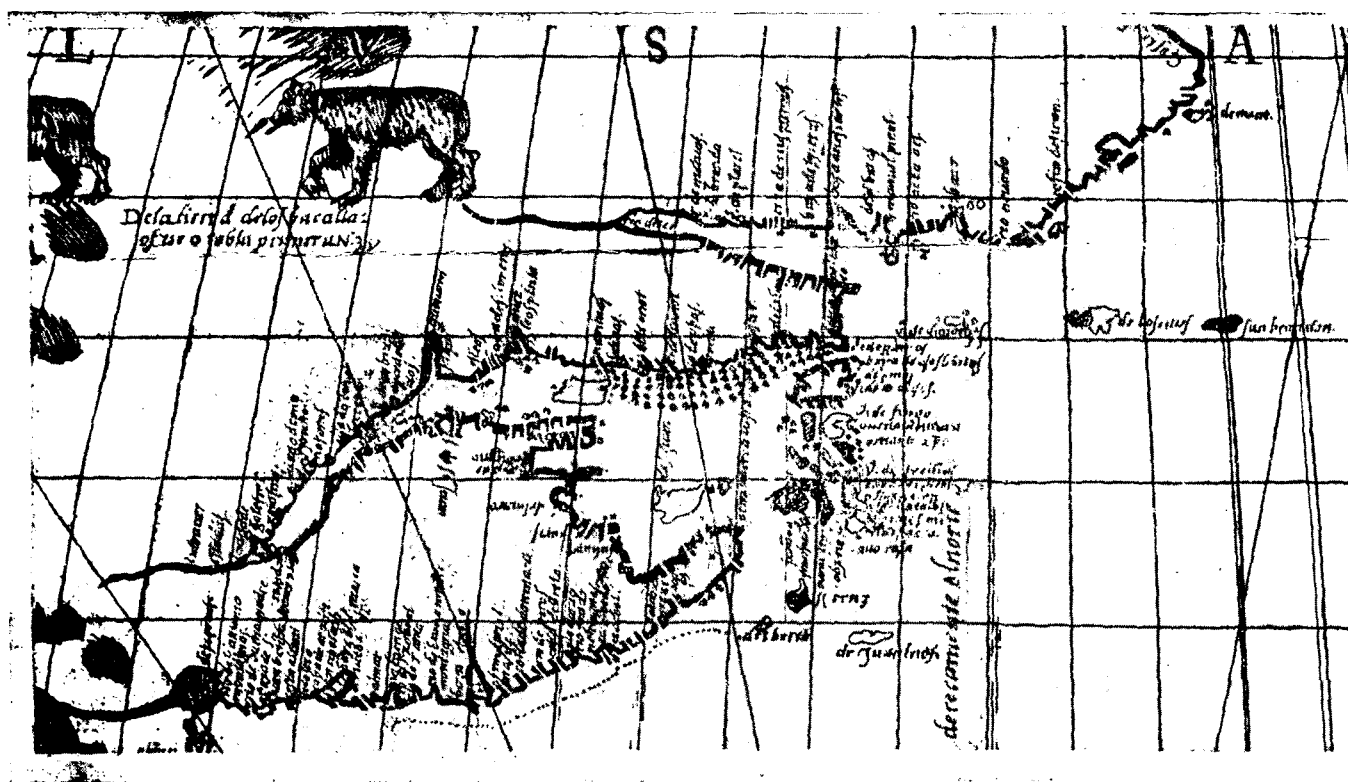
Суда конца XV в.
(по «Искусству мореходства» Медини, 1545 г.)

минимальным количеством вариаций — версия, которую нельзя назвать традиционной, а скорее «устоявшейся».

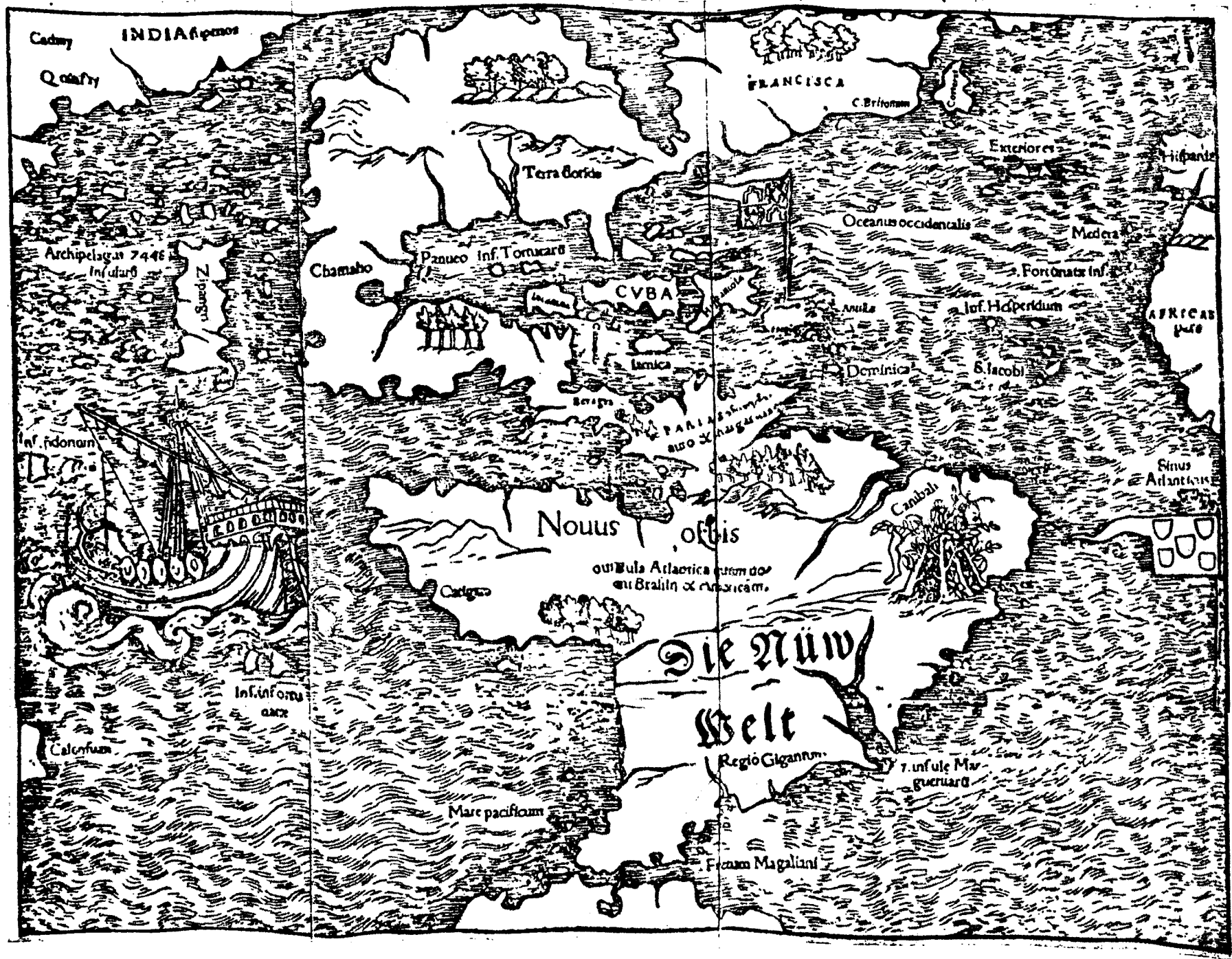
Джон Кабот оставил Бристоль 2 мая 1497 года и, обогнув юго-западный выступ Ирландии, взял курс прямо на запад, стараясь держаться в полосе примерно между параллелями 52° — 54° с. ш. В центральной или западной части Атлантического океана он отклонился несколько на юг и 24 или 25 июня достиг какой-то земли. Кабот назвал ее «Терра Прима Виста» (по-итальянски — «Первая увиденная земля»). Вероятно, это был юго-западный берег острова Ньюфаундленд (по-английски — «Новооткрытая земля») или остров Кейп-Бретон; последний непосредственно прилегает на северо-востоке к полуострову Новая Шотландия и пересекается параллелью 46° с. ш. (Широкий морской проход между островами Ньюфаундленд и Кейп-Бретон позднее был назван проливом Кабота). Менее

Часть «Морской карты северных стран» Олая Магнуса 1539 г.

Деталь карты Себастьяна Кабота

Новый свет на карте XVI в.

2000 км. Венецианский купец, сообщивший об успехе Кабота, увеличил это расстояние более чем в полтора раза, определив его в 700 лиг. Этот купец предполагал, что Кабот прошел вдоль берега «страны Великого хана» около 300 лиг, и дополнительно сообщал, что мореплаватель на обратном пути видел какие-то два острова.

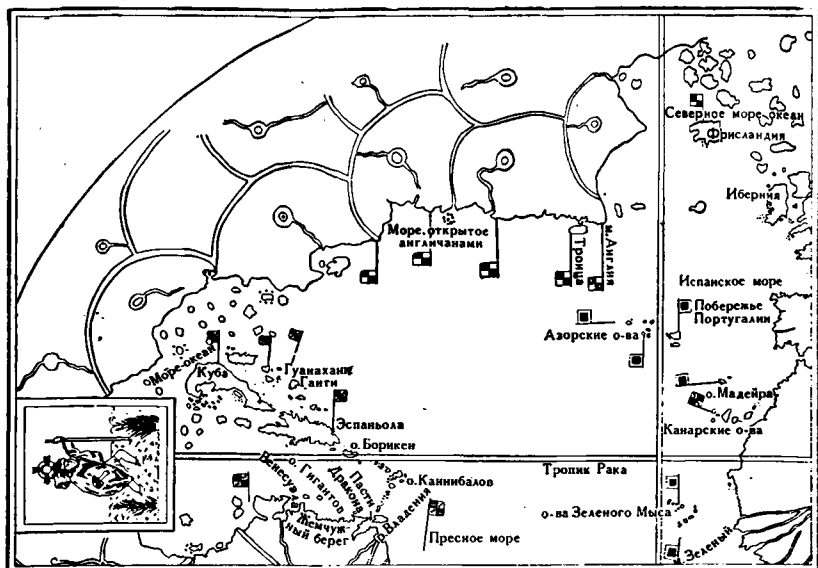
Вторая заокеанская экспедиция Джона Кабота

В апреле следующего, 1498 года в Бристоле была организована вторая экспедиция в «Катай», для которой были снаряжены пять или шесть судов. Начальником ее был снова приглашен Джон Кабот. Предполагают, что он умер в пути и начальство перешло к его сыну Себастьяну Каботу.

Дошедшие до нас сведения о второй экспедиции Кабота еще более скудны, чем о первой. Известно лишь, что английские суда на этот раз несомненно достигли материка и прошли вдоль его восточного побережья далеко на юго-запад — по-видимому, отыскивая густонаселенные берега «Катая». Моряки высаживались иногда на берег, но встречали там не китайцев, а людей, одетых в звериные шкуры (североамериканских индейцев), не имевших ни золота, ни жемчуга. Из-за недостатка припасов Себастьян Кабот повернул обратно и вернулся в Англию в том же, 1498 году.

В глазах англичан вторая экспедиция не оправдала себя. Она стоила больших средств и не принесла никаких прибылей и даже надежд на прибыли, так как пушные богатства страны не обратили на себя внимание моряков. Покрытые хвойными и лиственными лесами, почти необитаемые берега новой земли никак не могли быть берегами Китая или Индии. И в течение нескольких десятилетий англичане не предпринимали новых серьезных попыток западным путем плыть к Восточной Азии.

Как это ни странно, о замечательных географических достижениях второй экспедиции Кабота мы знаем не из английских, а из испанских источников. На испанской карте, составленной в самом начале XVI века Хуаном де ла Косой, нанесена далеко к северу и северо-востоку от Кубы (показанной, между прочим, как остров) длинная береговая линия с рядом географических названий, с заливом, на котором написано: «море, открытое англичанами», и с несколькими английскими флагами. Известно также, что Алонсо Охеда в конце июля 1500 года при заключении с короной договора на экспедицию 1501—1502 годов (закончившуюся полной неудачей) — для колонизации побережья Венесуэльского залива — обязался продолжать открытия материка «вплоть до земель, посещенных английскими кораблями». Наконец, известный испанский хронист конца XV—

Деталь карты Хуана де ла Косы (1500 г.)

начала XVI века Педро Мάρтир (Петр Мученик, псевдоним итальянца Пьетро д'Ангьеры) сообщал, что англичане дошли до линии Гибралтара (36° с. ш.), то есть будто бы продвинулись вдоль восточного побережья Северной Америки несколько южнее Чесапикского залива.

В зависимости от произвола того или иного автора Джон Каботу, или Себастьяну Каботу, или им обоим вместе приписывали в 1498 году открытие полуострова Лабрадор, залива Святого Лаврентия, полуострова Новая Шотландия, заливов Мэн, Делавер, Чесапик, даже полуострова Флорида. Никаких сколько-нибудь убедительных доказательств такие авторы не приводят, и в дальнейшем изложении, когда речь пойдет об исторически доказанных открытиях перечисленных выше полуостровов и заливов, эти открытия будут рассматриваться как первичные.

„Земля Кортиралов“

Когда в Лиссабон пришло известие об успехах экспедиции Кабота, португальцы предположили, что на севере Атлантического океана существуют острова, которые могут быть использованы как этапы на северо-западном пути в Индию. Португальцы думали, что Кабот встретил «языческую» землю на португальской стороне земного шара, к востоку от демаркационной

Exped. quib. d. almirante p. r. m. d. g. r.
trinta e seis dias em 15 de outubro de 1500
do porto de Lisboa para o norte do mar oceano
sabido de 1500. *Gaspar Cortiриал*

Расписка Гашпара Кортириала

линии, установленной по испано-португальскому договору 1494 года (Тордесильяский договор).

У португальского короля Мануэла был на Азорских островах вассал — пятидесятилетний Гашпар Кортириал, который в былые годы организовал за свой счет заморские экспедиции или участвовал в них. Получив от короля права на «все острова или материк, которые он найдет или откроет», Кортириал в мае 1500 года отплыл из Лиссабона на северо-запад и пересек Атлантический океан. Вероятно, он был на Лабрадоре (Терра-ду-Лаврадор, по-португальски — «Земля Пахаря»). Он назвал новую землю этим именем, как предполагают, в надежде, что ее жителей можно будет продавать в рабство на плантации, и привез на родину нескольких «лесных людей» и белых медведей.

В 1501 году Гашпар Кортириал опять отплыл с тремя кораблями на северо-запад, но шел несколько южнее, чем в 1500 году. Он достиг, по его мнению, материка, так как реки на новооткрытой земле были очень велики; на севере от нее он открыл полуостров или остров, названный им «Терра Верди» («Зеленая Земля»). Два судна экспедиции вернулись благополучно на родину и доставили в Лиссабон нескольких пленников. Третий корабль, на котором находился сам Гашпар Кортириал, пропал без вести.

Вот что венецианский посол в Лиссабоне Паскуалиго писал своим братьям на родину через десять дней после возвращения первого судна Кортириала: «...8 октября прибыла сюда одна из двух каравелл, которые в прошлом году светлейший португальский король послал под командой капитана Гашпара Кортириала для открытия земли на севере. Сообщают, что они нашли в 2000 милях отсюда между северо-западом и западом страну, до сих пор совершенно неизвестную. Они прошли приблизительно 600—700 миль вдоль берега земли, не нашли ей конца и ре-

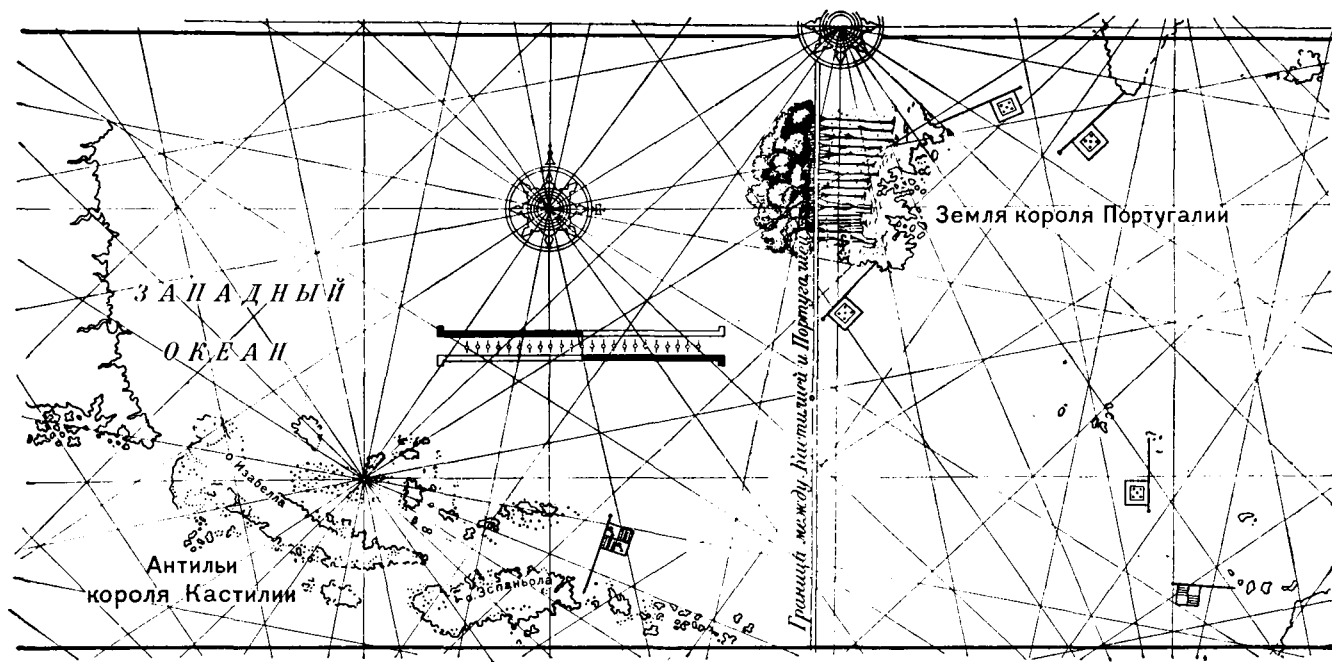
шили, что это материк. Эта земля расположена за другой землей, открытой в прошлом году на севере. Каравеллы не могли достичь той земли из-за льдов и беспредельного количества снега. Их мнение [об открытии материка] подтверждается множеством больших рек, которые они там нашли... Они говорят, что эта страна очень населена и что деревянные жилища туземцев очень велики и покрыты снаружи рыбьими кожами *... Сюда доставили семь туземцев — мужчин, женщин и детей... Они все одинакового цвета, сложения и роста: очень похожи на цыган; одеты в шкуры разных животных... Эти шкуры не сшиты вместе и не дублены, но такие, какие они сдирают с животных. Ими они покрывают плечи и руки... Они очень боязливы и кротки... Их лица раскрашены, как у индейцев... Они разговаривают, но никто их не понимает... В их стране нет железа, но они делают ножи и наконечники для стрел из камней... У них очень много лососей, сельдей, трески и другой рыбы. У них много лесу — буков и особенно хороших сосен для мачт и рей... Из всего этого следует, что светлейший король надеется получить много пользы от названной страны, от корабельного леса, в котором он нуждается, и от людей, которые будут неутомимыми работниками и превосходными рабами».

Тогда же отправил донесение в Италию герцогу Феррарскому его лиссабонский агент Кантино. По словам Кантино, он сам слышал, как капитан прибывшего с севера судна делал доклад португальскому королю. Рассказ Кантино только в несущественных деталях отличается от рассказа Паскуалиго. К своему донесению Кантино приложил дошедшую до нас ярко раскрашенную карту открытых земель. Замечательно, что на этой карте юго-восточная часть Северной Америки (вместе с Флоридой?) нанесена сравнительно правильно, несмотря на то, что исторически доказанное первое плавание к Флориде было совершено только в 1513 году.

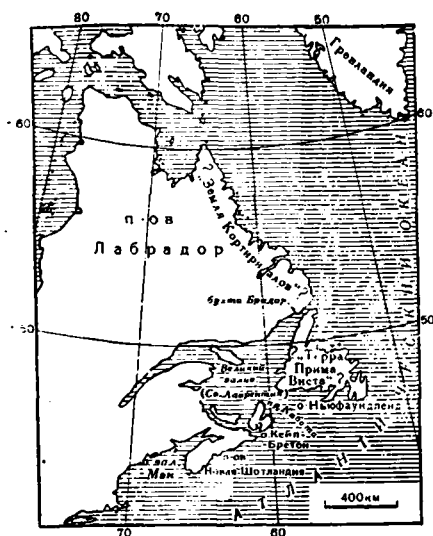
Карта Кантино показывает, что португальцы полагали, будто открытые Кортириалом новые земли лежали восточнее папского меридиана — следовательно, должны принадлежать Португалии, а не Испании.

В мае 1502 года Мигел Кортириал с двумя или тремя кораблями вышел в море в северо-западном направлении отыскивать своего пропавшего брата Гашпара и также открыл какую-то землю. Португальцы думали, что нашли берег, который видел в минувшем году Гашпар, обыскивали его, но безуспешно. Случилось так, что они на родину вернулись тоже без своего командира: корабль Мигела отстал и пропал без вести.

* В то время тюленей и других морских млекопитающих считали рыбами.

Деталь карты Кантино (около 1502 г.). Показан берег Флориды (?); впервые «Западная Индия» названа «Антилья»

Вероятные открытия Джона Кабота
и братьев Кортириалов

Плавания португальцев в северо-западном направлении не прекратились. Страна, которую они нанесли на карту, вскоре получила название «Земли Кортириалов». Но нельзя бесспорно установить, какие именно берега были открыты португальскими мореплавателями: Лабрадор? Ньюфаундленд? Новая Шотландия?

Приоритет англичан и португальцев в открытии Лабрадора оспаривался некоторыми французскими авторами, особенно в XIX веке. Они доказывали, будто французские рыбаки (бретонцы и нормандцы) уже в 1500 году основали на юго-восточном побережье Лабрадора поселок Брест: он стоял у северо-восточного выхода из залива

Святого Лаврентия, на берегу бухты, которой рыбаки дали имя Ла-Брадор. Возможно, конечно, что название Лабрадор не португальского, а французского происхождения; однако первая исторически доказанная французская экспедиция к заливу Святого Лаврентия была не в 1500, а в 1504 году, и французские рыбаки останавливались сначала не у северного, а у южного входа в залив, на *острове Кейп-Бретон*, откуда и произошло его название (Кап-Бретон — «Бретонский мыс»).

Испанские историки начала XVI века, возможно, сознательно умолчали о плаваниях братьев Кортириалов. Из позднейших же испанских авторов только у историка Франсиско Лопеса Гомары, писавшего в середине XVI века, есть указания на Кортириалов.

Западноевропейские картографы XVI века по-разному показывали «Землю Кортириалов»: например, немецкий космограф Себастьян Мюнстер в 1540 году — как остров, соответствующий Ньюфаундленду; знаменитый фламандский картограф Гергард Меркатор в 1541 году — как архипелаг, а составитель английской карты 1582 года — как часть западного материка.

Португальские рыбаки после экспедиций Кортириалов стали плавать к Ньюфаундлендским мелям, а позднее и дальше на запад, продвигаясь вдоль южного побережья острова Ньюфаундленда, и доходили до острова Кейп-Бретон. Там в 1525 году

возник даже постоянный португальский поселок, но просуществовал он очень недолго: португальцев на подступах к заливу Святого Лаврентия вскоре вытеснили французские рыбаки.

Глава 9

ОТКРЫТИЕ ИСПАНЦАМИ ПОЛУОСТРОВА ФЛОРИДА И СЕВЕРНОГО БЕРЕГА МЕКСИКАНСКОГО ЗАЛИВА

Поиски „острова Вечной Молодости“. Открытие Флориды и Гольфстрима экспедицией Понсе де Леона — Аламиноса

В те времена, когда испанцы открывали новые материи и новые моря, действительность казалась мечтой; зато любая, самая фантастическая мечта могла превратиться в действительность. Со Второй экспедицией Колумба в «Западную Индию» прибыл Хуан Понсе де Леон, беспоместный член одной из самых знатных фамилий в Кастилии. Он разбогател на Эспаньоле (так называли испанцы остров Гаити). Позднее, в 1508 году, он был назначен губернатором острова Пуэрто-Рико, основал там первое испанское поселение и закончил покорение этого острова, сопровождавшееся, как и на других Антильских островах, массовым избиением коренных жителей.

От индейцев Хуан Понсе слышал легенду об *острове Бимини*, где бьет источник вечной молодости. Он обратился к королю Фердинанду с ходатайством дать ему патент на поиски и колонизацию острова Бимини и на эксплуатацию чудесного источника. В эпоху Великих открытий нельзя было удивить даже такой фантастической просьбой. Фердинанд удовлетворил ходатайство Понсе и сказал при этом, намекая на Христофора Колумба: «Одно дело дать полномочия, когда еще не было примера, чтобы кто-нибудь занимал такой пост, но мы с тех пор научились кое-чему. Вы являетесь, когда начало уже сделано...»

Хуан Понсе де Леон пригласил к себе на службу главным кормчим Антона Аламиноса, родом из того же андалузского портового городка Палос, который дал нескольких известных мореходов, спутников и соперников Колумба. Сам Аламинос участвовал ранее в Четвертой экспедиции Колумба, открывшей западное побережье Карибского моря от Гондурасского до Дарьенского залива (то есть все атлантическое побережье нынешних центральноамериканских республик Гондураса, Никарагуа, Коста-Рики и Панамы).

Начальник экспедиции и его кормчий приступили к снаряжению трех кораблей в Санто-Доминго и к найму матросов. По рассказам, Понсе принимал на службу и стариков, и увечных. Да и для чего, в самом деле, нужны молодость и здоровье лю-

дям, которые после сравнительно короткого морского перехода могут омолодиться и вернуть утраченные силы? Вероятно, команды на кораблях этой флотилии были самыми старыми из всех, какие знает морская история.

3 марта 1513 года флотилия отплыла от Пуэрто-Рико на поиски чудесного острова Бимини. Аламинос уверенно взял курс на северо-запад, на *Багамские острова*. На южную группу Багамского архипелага, на «Островки» (по-испански — Лос-Кайос), открытые еще Первой экспедицией Колумба, испанцы часто совершали набеги с того времени, когда Фердинанд решил обращать в рабство индейцев. Севернее Лос-Кайос Аламинос осторожно вел корабли в еще неведомых водах от острова к острову. Испанцы купались во всех источниках и озерах, которые видели на островах, но чудесного источника все не было. Пройдя мимо северной группы Багамских островов, испанцы после трехнедельного плавания увидели 27 марта 1513 года большую землю. Понсе назвал эту землю *Флорида* («Цветущая»), так как она вдвойне заслуживала это название: берега ее были одеты великолепной субтропической растительностью, и она была открыта в первый день праздника христианской «цветущей» пасхи (по-испански — Паскуа Флорида). Но на карте, составленной Аламиносом, на новооткрытой земле было написано и другое, «языческое» имя — Бимини.

Две недели Аламинос вел эскадру на север, вдоль восточного берега Флориды. Испанцы высаживались во многих местах и перепробовали воду множества речек и озер, напрасно отыскивая целительный источник. Огорченный неудачей Хуан Понсе де Леон в последний раз высадился на берегу у 30° с. ш. и именем кастильной короны вступил во владение новым «островом».

Это было первое испанское владение на континенте Северной Америки. Но высаживаться здесь было очень опасно, так как испанцы встретили на Флориде воинственные индейские племена — людей «рослых, сильных, одетых в звериные шкуры, с громадными луками, острыми стрелами и копьями на манер мечей». Так описывал их конкистадор Берналь Диас*, который высадился в 1517 году на этот берег вместе с Аламиносом и другими участниками экспедиции Франсиско Эрнандеса Кордовы, открывшей полуостров Юкатан.

Повернув обратно на юг, суда попали во встречный мощный поток теплого морского течения, которое шло в открытый

* Берналь Диас Кастильо, называвший себя «конкистадором первого призыва», был рядовым участником экспедиции Франсиско Кордовы, открывшей в 1517 году Юкатан, экспедиция Хуана Грихальвы, открывшей в 1518 году восточное побережье Мексики, и с 1519 года — участника завоевательных походов Эрнандо Кортеса. В глубокой старости он написал монументальную «Правдивую повесть о завоевании Новой Испании» — важнейший первоисточник по истории Мексиканской Конкисты.

океан между Флоридой и Багамскими островами. Когда флотилия достигла южной оконечности Флориды, встречное течение стало таким стремительным, что сорвало с якоря и унесло в океан один корабль; с большим трудом он снова соединился с другими кораблями.

Гигантская «морская река» темно-синего цвета, резко отличающаяся от зеленовато-голубой воды океана, текла с запада и у юго-восточной оконечности Флориды круто поворачивала на север. Аламинос первый изучил направление этого мощного морского течения и позднее предложил пользоваться им при возвращении из Западной Индии в Испанию, правильно угадав, что оно доходит до берегов Западной Европы.

Это было *Флоридское течение* — начальный участок той великой «морской реки», которая, как теперь доказано, несет в десятки раз больше воды, чем все реки Земли, вместе взятые. Испанцы называли его позднее, когда было открыто и нанесено на карту все побережье Мексиканского залива, «*Течением из залива*». У северных европейских народов оно известно под названием *Гольфстрим* (что означает то же самое).

После возвращения сорванного с якоря корабля флотилия обогнула Флориду и прошла вдоль ее западного берега до 27,5° с. ш. На обратном пути экспедиция, продолжая поиски чудесного источника, открыла несколько островов в северной группе Багамского архипелага. А как только Понсе де Леон прибыл на Пуэрто-Рико, он еще раз направил Аламиноса на север — в последний раз попытаться найти Бимини. Тот, завершив в основном открытие Багамского архипелага, вернулся с известием, что нашел, наконец, остров с таким названием*.

* Оно и сейчас сохранилось на картах: острова Северный и Южный Бимини у 25° 40' с. ш., к юго-западу от Большой Багамы; однако нельзя

Флоридский вожь-индеец
(рисунок XVI в.)

В следующем году Понсе де Леон получил новый патент на колонизацию Бимини и Флориды. Но только в 1521 году он на двух кораблях отправился к Флориде, высадился на берег и пытался завоевать полуостров. Однако испанцы встретили такое сопротивление со стороны местных индейцев, что вынуждены были спешно погрузиться на корабли и повернуть назад. Тяжело раненный Понсе де Леон вскоре, в том же 1521 году, умер на Кубе. После этой неудачи испанцы очень долго не делали попыток колонизации Флориды.

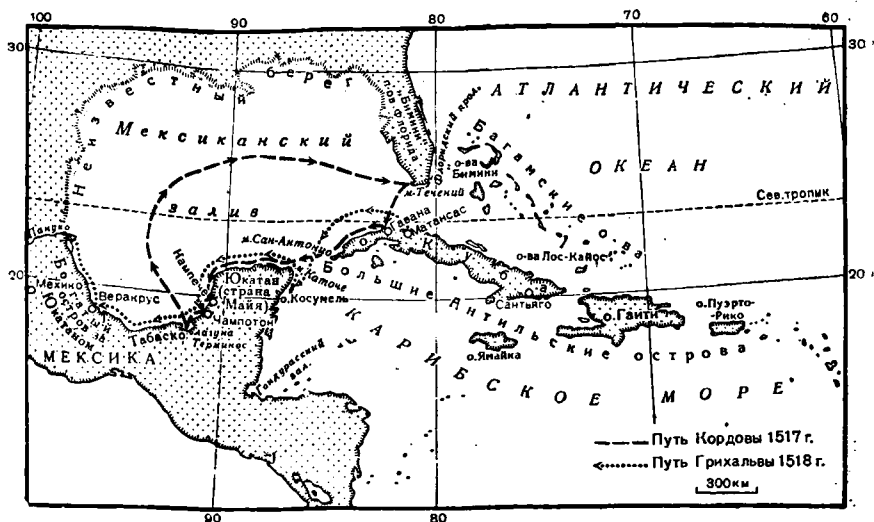
Дальнейшие открытия Антона Аламиноса в Мексиканском заливе

Антон Аламинос после открытия «острова» Флорида и завершения открытия Багамского архипелага заслуженно получил репутацию самого опытного морехода в «Западной Индии». Поэтому начальники трех последующих крупнейших экспедиций, организованных на Кубе для поисков новых земель на западе, обращались к нему с приглашением занять должность главного кормчего.

В 1517 году Аламинос пошел на запад флотилию Франсиско Кордовы и открыл северное побережье *полуострова Юкатан* и большую часть его западного побережья (до поселка Чампотон). Юкатан он сначала принял за остров (как и Флориду). После того как солдаты Кордовы были наголову разбиты индейцами майя у Чампотона, Аламинос в поисках пресной воды повел корабли дальше на юг, до *лагуны Терминос*, и, таким образом, завершил открытие западного побережья Юкатана.

Название «Терминос», утвердившееся на картах, дано Аламиносом: он рассчитывал найти у лагуны «конец» (по-испански — «термино») мнимого острова Юкатан. Но берег здесь поворачивал не на восток, по направлению к Кубе, а на запад. Между тем почти все солдаты и сам Кордова были ранены, страдали от ран и от жажды, а источников пресной воды нигде не было видно — явление, характерное для всего Юкатана. Тогда Аламинос, чтобы облегчить возвращение на Кубу, предложил идти назад не прежним путем — вдоль безводных и враждебных берегов Юкатана, да еще против ветра и течения, а воспользоваться Флоридским течением. Умирающий Франсиско Кордова не возражал против такого, вполне разумного плана, и испанская флотилия, руководимая Аламиносом, отошла далеко в открытое море от Юкатана, поднялась на север, затем повернула на восток и, нигде в пути не встречая земли,

доказать, что именно они были открыты Аламиносом в 1513 году, во время его второго плавания на север, к Багамским островам.

Пути Аламиноса в Мексиканском заливе

достигла западного берега Флориды за четверо суток. За этот отрезок времени флотилия — при попутном ветре и течении — прошла более 1200 км. Это было первое в морской истории пересечение Мексиканского залива и в то же время второй, очень успешный этап исследования Аламиносом начального участка Гольфстрима.

Выдержав на берегу Флориды стычку с индейцами, но все же набрав пресную воду, экспедиция вернулась на Кубу. Большинство солдат Кордовы погибло в боях с индейцами или несколько позднее от ран. Сам Франсиско Кордова умер через десять дней после возвращения на Кубу.

Однако весть о «богатой» стране на западе и золотые изделия, привезенные оттуда некоторыми участниками несчастливой экспедиции, так воспламенили воображение кубинских искателей приключений, что уже в следующем, 1518 году была организована новая, более сильная экспедиция во главе с Хуаном Грихальвой. В его распоряжении было четыре корабля и отряд в 240 солдат. Главным кормчим снова был Антон Аламинос.

Аламинос вел флотилию к лагуне Терминос вокруг Юкатана прошлогодним путем, только в самом начале несколько отклонился к югу и в результате открыл небольшой остров Косумель, прилегающий к северо-восточному берегу Юкатана. От лагуны Терминос Аламинос осторожно, только при дневном свете, вел флотилию дальше на запад и северо-запад, по направлению нового, ранее неизвестного берега до устья реки Пануко

(22° 15' с. ш., 97° 50' з. д.), где берег поворачивал прямо к северу. Протяжение новооткрытого берега около 1000 км. Все побережье было обитаемо, и испанцы, высаживаясь на сушу, вели с индейцами немой торг, получая в обмен на стеклянные бусы и другие безделушки продукты, плащи и, что для них было гораздо важнее, золотые изделия. Правда, эти изделия были из низкопробного золота, но зато набрать их удалось очень много. Морская экспедиция Грихальвы, фактически руководимая Аламиносом, открыла все юго-восточное и большой участок восточного побережья Мексики — огромной и действительно богатой страны.

Корабли флотилии давали сильную течь, припасы подходили к концу, и Грихальва решил не продвигаться дальше на север, за реку Пануко, а тем же путем вернуться на Кубу.

В следующем, 1519 году Аламинос, опять-таки в должности главного кормчего, повел к берегам Мексики завоевательную экспедицию Эрнандо Кортеса. И на этом известия о нем обрываются.

Антон Аламинос был несомненно самым выдающимся мореплавателем из тех, кого мы в прямом смысле этого слова можем назвать учеником Христофора Колумба. Он открыл полуострова Флорида и Юкатан, все юго-западное и большую часть западного побережья Мексиканского залива, завершил открытие Багамского архипелага, открыл Флоридское течение и первый использовал его в навигационных целях. Но слава его открытий досталась Понсе де Леону, Кордове и Грихальве — начальникам тех морских экспедиций, которыми он фактически руководил, людям, ровно ничего не понимавшим в кораблеводении, совершенно незнакомым с морским делом и целиком полагавшимся на своего главного кормчего. Только случайно и вскользь упоминают об Аламиносе в XIX и XX веках авторы трудов по истории географических открытий. Нет ни одной книги, даже брошюры, специально посвященной Аламиносу. Во всеобщей истории открытий нельзя указать ни одного выдающегося мореплавателя, который был бы так основательно забыт.

Плавания Пинеды вдоль северного берега Мексиканского залива

Слава о «золотой стране», открытой экспедицией Грихальвы — Аламиноса, быстро распространилась по Большим Антильским островам. Когда весть о ней дошла до Ямайки, местный губернатор Франсиско Гарай послал в Испанию ходатайство разрешить ему исследовать и колонизовать страну к северу от той, куда доходил Грихальва. Получив патент, Гарай организовал экспедицию на трех кораблях для открытия и за-

хозяином новооткрытой огромной страны. Корабль же вернулся к реке Пануко.

Испугался ли Пинеда солдат Кортеса или действовал по другим соображениям, но он бросил только что основанный поселок, отступил в северном направлении, а затем вторично поплыл на восток. Следуя вдоль побережья, он вошел в устье какой-то огромной реки, которую назвал *рекой Святого Духа* (*Эспириту-Санто*). Полагают, что это был великий поток *Миссисипи*: река, открытая Пинедой, несла такую массу воды, что мореплаватель принял ее сначала за путь в Индию, то есть за пролив, соединяющий Атлантический океан с Южным морем (Тихим океаном). Но возможно, конечно, что он входил не в устье Миссисипи, а в устье другой полноводной реки, — например, Алабамы, впадающей в море несколько восточнее дельты Миссисипи. Однако и в этом случае он первый указал на существование большой реки, которая течет по северному матерiku в южном направлении и впадает в Мексиканский залив.

Географические результаты плавания Алонсо Пинеды были очень велики. Он доказал, что обширное водное пространство к северу от Кубы и Юкатана и к востоку от новооткрытой Мексики не море, а залив и что этот *Мексиканский залив* омывает берега обширного материка, полуостровами которого являются на востоке Флорида, на юго-западе Юкатан.

Политическим результатом плавания Пинеды было то, что Испания, опираясь на право первого открытия, формально считала своим владением все побережье Мексиканского залива.

Сведения о дальнейшей судьбе Пинеды разноречивы. По одной версии, североамериканские индейцы убили его и многих его людей и сожгли два корабля. Третий корабль под командой Диего Камарго спасся в западном направлении, но не успел захватить с собой съестные припасы; люди на борту голодали. Когда одинокий корабль Камарго пристал к мексиканскому берегу у Веракруса (1520 г.), на нем было шестьдесят больных людей. «Вид у них был ужасен — животы вспухли, а сами худые как смерть. Многие из них, между прочим и сам Камарго, так и не оправались и умерли» (Берналь Диас). Этот корабль с уцелевшими людьми был также захвачен Кортесом — после его временного отступления из восставшей столицы Мексики Теночтитлана (теперь город Мехико).

По другой версии, Пинеда провел на «реке Святого Духа» несколько недель, мирно торгуя с индейцами. Затем он вернулся на Ямайку и сообщил, что видел на реке много селений и что индейцы к северу от Мексиканского залива носят золотые украшения.

Достоверно только то, что после экспедиции Пинеды в руках у губернатора Ямайки в 1520 году оказалась карта, которую он послал в Испанию (так называемая карта Гарая). На

ней отчетливо видны оба полуострова — Флорида и Юкатан, связанные друг с другом береговой линией, замыкающей на севере Мексиканский залив. Несомненно, таким образом, что к 1520 году различные испанские экспедиции закончили в общих чертах открытие всего побережья Мексиканского залива и нанесли его на карту, конечно еще очень несовершенную.

Глава 10

ОТКРЫТИЕ АТЛАНТИЧЕСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Первые французы в американских водах

Французы в начале XVI века еще не осмеливались плавать в субтропических и тропических водах Атлантического океана, где господствовали более сильные морские державы; но Северная Атлантика тогда никем не контролировалась, и только одиночные португальские промысловые суда посещали берега «Земли Кортириалов».

Сразу же после плаваний Каботов и Кортириалов французские рыбаки, главным образом нормандцы и бретонцы, то есть уроженцы приатлантических областей северо-западной Франции, начали ловить рыбу на Большой Ньюфаундлендской банке, к юго-востоку от острова Ньюфаундленда и на банке Сен-Пьер (к югу от Ньюфаундленда). Уже тогда они высаживались на низкий холмистый остров Сен-Пьер (26 кв. км), давший имя всей банке, и на близлежащий, расположенный к северо-западу от него, двойной остров Микелон (214 кв. км). Составляющие его два небольших острова почти равны по размерам, но французские рыбаки называли почему-то южный, низменный, Микелон «Малым» (Пти-Микелон), а северный, более высокий, «Большим» (Гран-Микелон). На них существовали в течение XVI века только временные рыбацьи поселки. Первые французские постоянные поселения возникли там лишь в начале XVII века, и с тех пор они остаются французским владением.

В начале XVI века (не позднее 1504 г.) французские рыбаки, пересекая в западном направлении пролив Кабота, достигли, как уже указывалось выше, острова Кейп-Бретон. Они ловили рыбу и южнее, на песчаных мелях, и открыли в 180 км к югу от этого острова, на 44° с. ш., 60° з. д., небольшой «Песчаный остров» (на английских картах *Сейбл-Айленд*; таково же название мели). В 1508 году некий француз — барон де Лери — пытался даже, но неудачно, организовать там постоянное поселение. Европейские поселки — португальские или французские — возникали не только на острове Кейп-Бретон, но и на соседнем полуострове, который в XVIII веке, когда он

перешел от Франции к Англии, получил название *Новой Шотландии*; французские колонисты XVII века называли его *Акадией*, а открывшие его французские рыбаки XVI века «Землей Бретонцев».

В первой четверти XVI века рыбаки ознакомились также с южным побережьем *Ньюфаундленда*, который французы называли и называют до наших дней *Терр-Нев* («Новая Земля»). В 1522 году там насчитывалось около пятидесяти домов; из года в год на острове зимовали рыбаки и дровосеки, заготавливавшие строевой лес и топливо.

Таким образом, французские суда в начальный период XVI века без опаски плавали у берегов заатлантических земель, лежащих в сороковых широтах, то есть в той полосе «Западного океана», к которой на востоке прилегает Франция. Южнее безоружные или плохо вооруженные промысловые и торговые суда не решались спускаться, так как могли там встретиться с испанскими военными кораблями. Испания ревниво охраняла свои «права на Западную Индию», открытую Христофором Колумбом. К Антильским островам и к полуострову Флорида отваживались подходить в первой четверти XVI века только французские пираты, подстерегавшие испанские торговые суда, которые тогда часто шли беззаботно, без военной охраны. Позднее, наученные горьким опытом, потеряв десятки судов и миллионные грузы, испанцы соединяли торговые суда в большие флотилии, эскортируемые военными кораблями.

Французский король Франциск I (Франсуа I Валуа-Англем), как и другие католические короли, обделенные «Папским разделом мира» 1493 года, не только смотрел сквозь пальцы на действия своих пиратов, нападавших на испанские суда, но даже поощрял их. К тому же Франциск I с года своего восшествия на престол (1515) почти непрерывно воевал с испанским королем Карлом I Габсбургом (он же германский император Карл V).

В эту эпоху и до второй половины XIX века государи и республиканские правительства выдавали частным лицам каперские патенты, формально узаконявшие морской грабеж, захват и потопление неприятельских кораблей или судов нейтральных стран, перевозящих контрабандные грузы. Пират, предложивший свои услуги воюющей стране и получивший от ее правительства каперский патент, превращался в капера, морской разбойник — в полезного гражданина. Он отчислял в казну указанную часть награбленной добычи, а если казна принимала участие в снаряжении каперских кораблей, то львиную долю добычи. Конечно, капера вешали, если он попадался в руки неприятеля, но у себя на родине он был лицом уважаемым.

С именами нескольких пиратов, ставших каперами на королевской службе, связаны в XVI веке выдающиеся открытия

островов и берегов Америки. Достаточно назвать три известных имени: итальянец на французской службе Джованни Верраццано, француз Жак Картье, англичанин Френсис Дрейк.

Верраццано и открытие восточного берега Северной Америки

Джованни Верраццано (на французской службе — Жан Верраззан), родом из Флоренции, предложил свои услуги Франциску I в те годы, когда тот готовился начать или только что начал войну за господство в Италии против Карла I Испанского (вторая итальянская война, 1521—1525 гг.). О каперских операциях Джованни Верраццано, которого испанцы называли пиратом Хуаном Флорином (то есть флорентинцем), нам известно только из испанского источника, вполне доброкачественного, из «Правдивой повести о завоевании Новой Испании» Берналя Диаса дель Кастильо.

Диас рассказывает, что Эрнандо Кортес в 1522 году послал из Мексики в Испанию к Карлу I офицера Алонсо де Авила и начальника своей охраны Антонио де Киньонес. «Они отправились на двух кораблях, везя королю не только золотые слитки на 88 тысяч дукатов, но и личные сокровища Монтесумы (верховного вождя ацтеков)... — подарок поистине королевский, ибо там были жемчужины величиной с орех и большое количество драгоценных камней и вещей... 20 декабря 1522 года корабли вышли в море. В дороге... Киньонес на одной из стоянок затеял ссору и был убит, остался один лишь Авила, но и тот оказался неудачником, именно: он наскочил (в 1523 г.) на пирата Хуана Флорина, который только что захватил еще один испанский корабль, везший разные ценности из Санто-Доминго. Всю свою добычу Флорин благополучно доставил во Францию и так богато одарил тамошнего короля [Франциска I], что весь мир дивился и завидовал богатству нашего государя [Карла I]. Французский король, говорят, сказал: с такими-де средствами, конечно, легко вести разные войны; к тому же он не прочь увидеть завещание праотца Адама, по которому испанский и португальский короли поделили меж собой весь свет; а пока этого завещания нет, он-де всегда готов признать правильность любого французского приза. Действительно, король этот вскоре вновь отправил Флорина на крейсерство...»

Из французских источников мы ничего не знаем о прошлом Джованни Верраццано. История его начинается с 1523 года — очевидно, с того момента, когда он вернулся во Францию с отнятыми у испанцев сокровищами Монтесумы. Вероятно, за счет своей доли добычи он снарядил четыре корабля «с целью достигнуть Китая на краю азиатского материка» и осенью того же, 1523 года вышел в море. Буря так потрепала его флотилию,

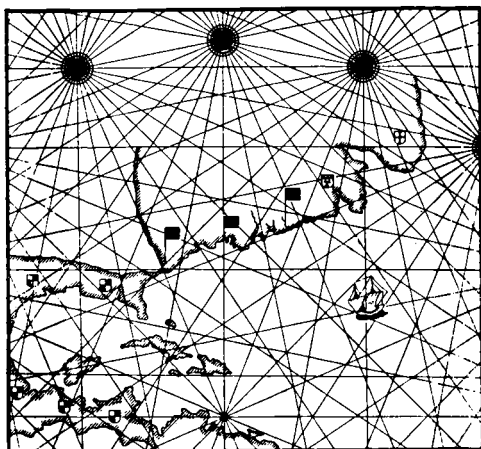
что он вынужден был повернуть обратно и укрыться в одном из портов Бретани. Что случилось далее с тремя судами флотилии, неясно. Известно только, что в середине января 1524 года Верраццано на одном корабле, с командой в пятьдесят человек и с восьмимесячным запасом продовольствия двинулся от архипелага Мадейры прямо на запад. Несмотря на шторм, он лишь немного отклонился к северу и достиг в середине марта у 34° с. ш. «новой земли, никем ни в древнее, ни в новое время не виданной» — *восточного побережья Северной Америки*.

За длинной песчаной косой и узкой лагуной виден был материковый берег. В поисках желанного прохода Верраццано следовал вдоль косы в северо-восточном направлении. Через некоторое время лагуна настолько расширилась, что материковый берег исчез из виду (*лагуна Памлико*, 35—36° с. ш.). Верраццано не мог найти пролива, ведущего в это «море», которое он, по-видимому, принял за часть «Восточного океана», омывающего берега Китая. Коса поворачивала у мыса (*Гаттерас*) на север. И Верраццано продвигался на север, иногда высаживаясь на берег — вероятно, у заливов (*Чесапик*, *Делавэр*), один из которых мог оказаться входом в пролив, ведущий в Восточный океан. Так достиг он (за 40° с. ш.) «большой реки, глубокой около устья». Судя по его описанию, это была *река Гудзон*.

«Мы на маленькой лодке, — писал Верраццано, — вошли в реку, берега которой были густо заселены. Люди в одежде, украшенной разноцветными перьями, выбегали на берег с веселыми криками и указывали нам, куда лучше причалить. Мы прошли на лодке вверх по реке около мили и увидели, что она образует там прекрасное озеро окружностью примерно шесть лье (около 25 км). Озеро пересекали в разных направлениях около тридцати индейских челнов. Толпы людей бежали к берегам, чтобы посмотреть на нас. Внезапно... поднялся бурный ветер, и нам пришлось вернуться на корабль...»

Выйдя из реки, Верраццано следовал вдоль берега на восток и несомненно при этом видел *остров Лонг-Айленд*. Затем он обогнул полуостров (*Кейп-Код*), прошел вдоль берега *залива Мэн*, где дважды высаживался, и достиг, наконец, лесистой местности (вероятно, побережья *Новой Шотландии*), где нашел следы пребывания бретонских рыбаков.

До этого места Верраццано все еще надеялся открыть проход из Атлантического в Восточный океан. «Я боялся, — писал он, — что вновь открытая страна окажется барьером на пути к Катаю, что и подтвердилось на самом деле, но я не сомневался в том, что я пробьюсь сквозь этот барьер...» Теперь эта надежда рухнула: прохода в Восточный океан, по крайней мере доступного для морских судов, в умеренных северных широтах не было. И Верраццано решил вернуться во Францию, куда и прибыл в начале июля того же, 1524 года.

Деталь карты Джироламо Верраццано 1529 г.

Из Дьеппа Верраццано послал королю письмо с отчетом о своем плавании. Немногие скептики считали это письмо, дошедшее до нас в итальянском переводе середины XVI века, подложным, но огромное большинство историков не сомневается ни в его подлинности, ни в правдивости.

Дальнейшая судьба Джованни Верраццано известна опять-таки только из испанского источника — книги Берналя Диаса:

«Когда он [Хуан Флорин] возвращался из плавания [в 1527 г.] с большой добычей, состоящей из награбленных тканей всех сортов, он встретился между Канарскими островами и Испанией с тремя или четырьмя сильными кораблями Бискайского [испанского] флота. Они окружили Хуана Флорина... и нанесли ему поражение, и разбили его наголову, и взяли его в плен со многими другими французами, и захватили его суда с грузом тканей. Они доставили Хуана Флорина и других капитанов в Севилью... Его величество [Карл I] приказал, чтобы свершилось правосудие, и он был повешен... Такова была судьба нашего золота [сокровища Монтесумы] и Хуана Флорина, укравшего его».

Джованни Верраццано обследовал восточное побережье Северной Америки между 34 и 46° с. ш. на протяжении более 1300 км. Он привез во Францию первые достоверные сведения о природе и населении этого побережья и первый указал на огромное пространство внутренних вод в Северной Америке, хоть и ошибался, принимая эти воды за открытое море и считая, что они очень близки к восточному берегу материка. Его открытия — и его заблуждения — зафиксированы на карте, составленной в 1529 году его братом Джироламо да Вер-

раццано. Под влиянием Джироламо на некоторых картах середины XVI века это фантастическое водное пространство — «море Верраццано», или «Индийское море», — начиналось к северо-востоку от Флориды и отделялось от Атлантического «моря-океана» сравнительно узкой полосой земли. Предполагали, что через «море Верраццано» ведет сравнительно короткий путь в Китай. Нужно было только найти пролив, соединяющий это море с Атлантическим океаном.

После того как Верраццано открыл часть восточного побережья Северной Америки, французы считали, что все это побережье является их законным владением.

Первая экспедиция Картье: исследование залива Святого Лаврентия

Через десять лет после плавания Верраццано, 20 апреля 1534 года, «веселый корсар» француз Жак Картье, уроженец Сен-Мало*, до этого выделившийся своими каперскими операциями, по поручению адмирала Франции Филиппа де Шабо отправился на розыски Северного морского пути в Китай. В его распоряжении были два небольших корабля. В двадцать дней Картье пересек океан и подошел к восточному берегу Ньюфаундленда (у залива Бонависта). Из-за льдов он не мог высадиться на берег. Продвигаясь на северо-запад вдоль кромки льда, Картье достиг северной оконечности Ньюфаундленда и остановился у забитого льдом залива или пролива.

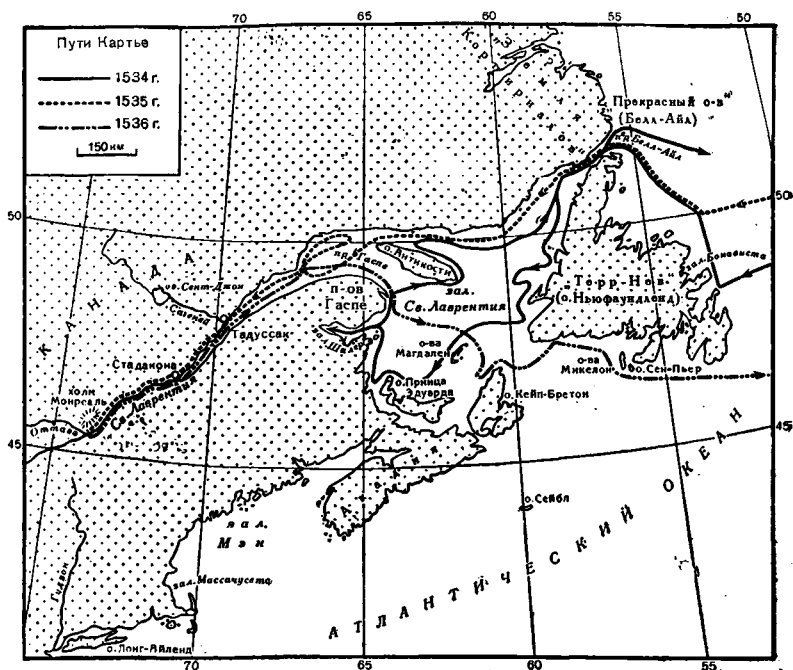
9 июня, после того как шторм разогнал льды, Картье начал медленно продвигаться на юго-запад, как оказалось, через пролив, получивший не совсем подходящее название *Бель-Иль***, то есть «Прекрасный остров», по угрюмому необитаемому острову у его северного входа. Картье тщательно исследовал оба берега пролива — ньюфаундлендский и лабдорский. Через пролив он проник в «Великий залив»; название это дано французскими моряками, уже посещавшими его. Картье встретил там французские рыболовные и китобойные суда. Сам он назвал эту часть океана *заливом Святого Лаврентия*.

Картье мрачными красками описывал берега Лабрадора: «Вот если бы земля была здесь так хороша, как гавани... да ее и земель нельзя назвать, только голые камни и скалы. Я обошел все северное побережье залива и не мог бы собрать даже воза земли, а высаживался я на сушу во многих местах».

Картье пересек затем залив в юго-западном направлении, открыл группу небольших островов (*Магдален*) и большую

* Рыбачий порт на северо-восточном берегу полуострова Бретань, родина нескольких выдающихся французских мореходов.

** В английском произношении Белл-Айл.

Открытия Картье

землю, которую считал за полуостров: он принял за бухту Нортумберлендский пролив, отделяющий ее от материка. А эта земля была *островом Принца Эдуарда* (5600 кв. км). Она понравилась Картье, но он не мог высадиться там, так как не нашел сколько-нибудь удобной гавани. Зато дальше к западу он коснулся материка и у 48° с. ш. открыл глубокий, далеко вдающийся в сушу *залив Шалер* («жаркий»), который сначала очень обрадовал его: «...судя по его глубине, ширине и характеру берегов, он мог, как мы надеялись, оказаться проливом».

Картье впервые встретил в заливе индейцев, которые подошли к кораблям на десяти челнах. На них была одежда, сшитая из шкур каких-то животных, и они предлагали в обмен такие же шкурки, не представляющие, по словам Картье, большой ценности. Начался немой торг, и индейцы вошли в такой азарт, что «променяли всю свою одежду и уехали совершенно голыми».

Берега залива Шалер были покрыты лесом, на открытых местах росли дикие злаки. Далее к северу Картье открыл еще один небольшой залив (*Гаспе*). На берегу он поставил — по португальскому образцу, как знак ввода во владение — высокий деревянный крест с надписью: «Многая лета королю Франции» и захватил двух индейцев «для языка».

Оставив открытую им землю (*полуостров Гаспе*), Картье, двигаясь на север, пересек широкий пролив Гаспе (принятый им за залив) и увидел еще одну большую землю, которую также счел за полуостров — и ошибся: то был *Антикости*, крупнейший из островов «Великого залива» (8150 кв. км). Пройдя вдоль южного берега «полуострова», Картье обогнул его восточный выступ и, двигаясь далее на запад вдоль его северного берега, достиг места, где широкий сначала пролив суживался и с запада шло сильное течение.

Блуждание по «Великому заливу» утомило моряков. По настоянию команд обоих судов, Картье прекратил дальнейшие поиски прохода в Китай и в начале сентября вернулся во Францию. По одной версии, он объявил на родине, что открыл ведущий к берегам Китая пролив и даже дал ему имя «Святого Петра». Фактически Картье открыл почти все южное и западное побережье залива Святого Лаврентия, большой участок северного (лабрадорского) берега залива и обследовал часть побережья Ньюфаундленда.

Вторая экспедиция Картье: открытие реки Святого Лаврентия

В следующем, 1535 году Жак Картье — уже на трех кораблях и по прямому поручению короля — отправился для исследования Северо-западного прохода («пролива Святого Петра»). Он завершил тогда открытие острова *Антикости*, пройдя к северу от него проливом *Минган*, и бросил якорь в небольшой бухте в западной части пролива. Затем он продолжал идти в западном направлении. За Антикости «пролив Святого Петра» достигал наибольшей ширины (более 100 км), но далее он суживался, и Картье вошел в мощную реку, которая текла в лесистых берегах с юго-запада на северо-восток. И он назвал этот поток *рекой Святого Лаврентия*.

Там, где был «конец моря», в светлые воды реки Святого Лаврентия впадал темный, очень широкий поток, казавшийся почти черным и бездонным. Картье входил в устье этой «реки Смерти», как называли ее индейцы, плавал в низовьях ее, приставал к высоким скалистым берегам. Ему показалось, что среди обломков горных пород есть много таких, которые содержат золото и драгоценные камни. А поскольку индейцы (если он правильно их понимал) упоминали о сказочно богатой стране «*Сагеней*», то он назвал так открытый им текущий с запада приток реки Святого Лаврентия; но сам он считал его проливом, ведущим в другой океан, и полагал, что индейцы, возможно, под именем Сагеней знают Индию или Китай. Так возникла легенда о золотой стране, путь к которой лежит через Сагеней.

Берега залива Святого Лаврентия и речного лимана, в который вступил Картье, были почти пустынные. Но выше, на лесистых берегах реки Св. Лаврентия все чаще встречались оседлые индейские селения. Страна казалась густозаселенной. Индейцы называли свои поселки «канада». Это слово, обозначающее просто населенный пункт, стало позднее названием всей северной части Нового Света — Канада. Жители приветливо, пляской и пением встречали французов, а индейские вожди заключали с ними дружественные союзы. Картье раздавал медные крестики, предлагал целовать их и таким образом «приобщал индейцев к христианскому миру». А на берегах он в различных местах поставил несколько деревянных крестов с надписями: «Эта страна принадлежит Франсуа I, королю Франции». Так положено было начало великой заокеанской колонии — *Новой Франции*, или Канаде.

Индейцы, жившие недалеко от моря, предупреждали Картье, что путь вверх по течению великой реки очень опасен. Там, где река очень суживается (то есть в районе, где позднее был построен город Квебек), стояло индейское селение Стадакона. Местный вождь пытался помешать высадке французов. «Тогда капитан приказал зарядить двенадцать пушек и выстрелить в индейцев. Индейцы были совершенно поражены залпом, словно на них упало небо...» Так сообщает в своем отчете Картье, но не указывает, были ли при этом убитые и раненые индейцы. Впрочем, и в этом районе между пришельцами и коренными жителями вскоре установились мирные отношения.

Картье оставил здесь два корабля, а на третьем продолжал свое плавание против течения, в юго-западном направлении. Обследовав берега реки на протяжении более 600 км, он дошел до места, где желтые воды большой реки *Оттавы* смешивались с прозрачными, зеленоватого цвета водами реки Святого Лаврентия. Выше действительно начинались опасные пороги. Там, где сливаются оба потока, поднимается лесистый холм, господствующий над рекой. Картье назвал этот холм Мон Рояль (*Королевская гора*). В слегка измененной форме (*Монреаль*) это название сохранилось за канадским городом, позднее построенным здесь французами.

Была уже поздняя осень. Картье повернул обратно и остановился на зимовку (1535—1536 гг.) в том пункте, где оставил два корабля. Местные индейцы приносили меха в обмен на европейские товары, снабжали пришельцев продуктами и прекрасно действующим лекарством от цинги. Картье расспрашивал их, откуда течет река, и они, указывая на юго-запад, объясняли жестами, что там находятся обширные водные пространства (Великие озера). Но Картье думал, что река Святого Лаврентия каким-то образом связана с Тихим океаном и что открытые им земли находятся в Азии.

Когда Картье в 1536 году благополучно вернулся во Францию, король Франциск I официально объявил о великих открытиях в Азии и присоединении к Франции страны Канады. Французы считали, что земли, открытые Картье, изобилуют не только лесом, рыбой и пушниной, но и всеми богатствами Индии. Сам Картье распространял много небылиц об открытой им стране.

Третья экспедиция Картье и первые попытки колонизации Канады

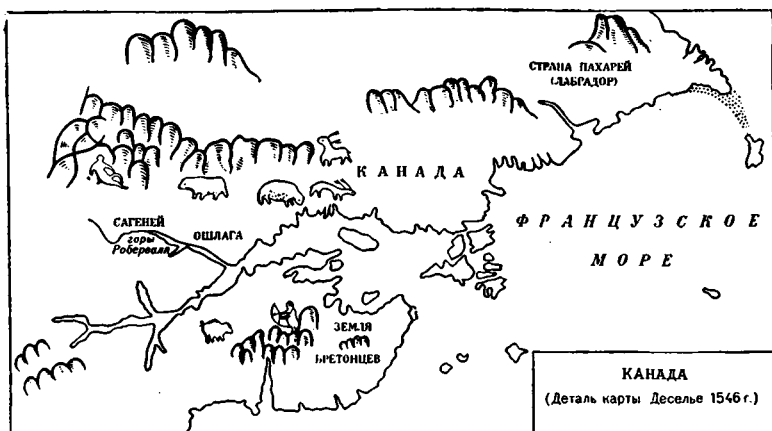
В 1541 году знатный дворянин Жан-Франсуа Роберваль, назначенный вице-королем Новой Франции, отправил флотилию из пяти кораблей под начальством Картье для колонизации Канады. Но эта попытка закончилась полным провалом. Колонисты, не найдя богатств, которые им сулил Картье, через год-два вернулись обратно. Сохранились только прежние рыбацьи поселки на берегах полуостровов Акадия (Новая Шотландия) и Ньюфаундленд.

В 1542 году Картье пытался разведать верхнее течение реки Святого Лаврентия. Однако ему удалось подняться всего на несколько десятков километров выше Монреаля: стремнины и пороги преграждали путь кораблям, и подниматься дальше вверх по реке можно было лишь на легких индейских челнах, сделанных из древесной коры, перетаскивая их по берегу в опасных местах.

Картье обратил внимание на Сагеней, широкий и глубокий поток: во многих местах он глубже залива Святого Лаврентия. Один из его кормчих, португалец Жуан Аффонсу (на французской службе — Жан Альфонс), пытаясь проникнуть по его приказу возможно дальше через «пролив» Сагеней, дошел до большого озера (вероятно, Сент-Джон), через которое протекает Сагеней: сохранилось его донесение, что река расширяется кверху и становится как бы рукавом моря. «Я думаю, — писал он, — что Сагеней изливается в Китайское море» (то есть в Тихий океан). Это плавание Аффонсу было первым исследованием внутренних районов Северной Канады.

Жуан Аффонсу обследовал также берега Лабрадора, стремясь обогнуть полуостров и отыскать дальше на севере проход в Тихий океан. Недалеко от выхода из пролива Бель-Иль льды остановили его. Он повернул обратно и прошел вдоль восточного берега материка до 42-й параллели, где открыл «большой залив», но не дошел до его конца. Судя по определению широты, он открыл залив *Массачусетс*.

Несмотря на неудачу этой экспедиции, Картье, вернувшийся на родину в 1542 году, заставил говорить о себе не только во Франции, но и во всех других странах Западной Европы, в то

Канада. Деталь карты Деселье 1546 г. (эскиз)

время как его предшествующие действительно великие открытия прошли там почти незамеченными. Дело в том, что экспедиция вернулась с грузом драгоценной пушнины, главным образом с мехами американских бобров.

Французские суда все чаще заходили в устье реки Святого Лаврентия, где морякам особенно полюбилось низовье Сагеней, напоминающее фьорд. В летнее время в глубоких водах Сагеней собирались целые флотилии французских китоловов. Там они топили китовый жир, вступали в немой торг с местными индейцами или отправляли людей в глубь страны для скупки мехов, которые индейцы охотно отдавали в обмен на европейские товары. Французские скупщики пушнины организовывали временные фактории на реке Святого Лаврентия и ее притоках гораздо раньше, чем в Канаде возникли постоянные европейские поселки.

Итак, «треска и киты привели французов к воротам Канады», поиски северо-западного пути в Китай «ввели их в эти ворота», скупка пушнины положила начало исследованию внутренних областей Канады (и, как мы увидим дальше, завершила его).

Все земли, открытые Жаком Картье в бассейне реки Святого Лаврентия, отданы были французским королем во владение двум знатным фамилиям. Нескольким концессионерам разрешено было торговать у берегов Северной Америки. Они старались изгнать оттуда всех «посторонних» — как иностранцев, так и французов. Правда, французские рыбаки и китоловы, несмотря на запрещение, продолжали промысливать в заливе Святого Лаврентия. Их преследовали, арестовывали, отнимали у них суда.

Тогда они начали собираться группами и стали оказывать вооруженное сопротивление судам концессионеров.

В самом конце XVI века концессионеры пытались организовать две колонии: одну в устье Сагеня — *Тадуссак*, а другую на юго-западном берегу Акадии — *Пор-Рояль* (ныне Аннаполис). Во время вербовки первых партий колонистов на призыв концессионеров откликнулось много протестантов — гугенотов, опасавшихся религиозных преследований во Франции. Но все переселенцы умерли от голода или цинги. Позднее переселение в Новую Францию было воспрещено «еретикам». Католические попы и монахи, главным образом иезуиты, должны были не только обращать в христианскую веру индейцев, но и ревниво следить за чистотой религии колонистов-французов.

Глава 11

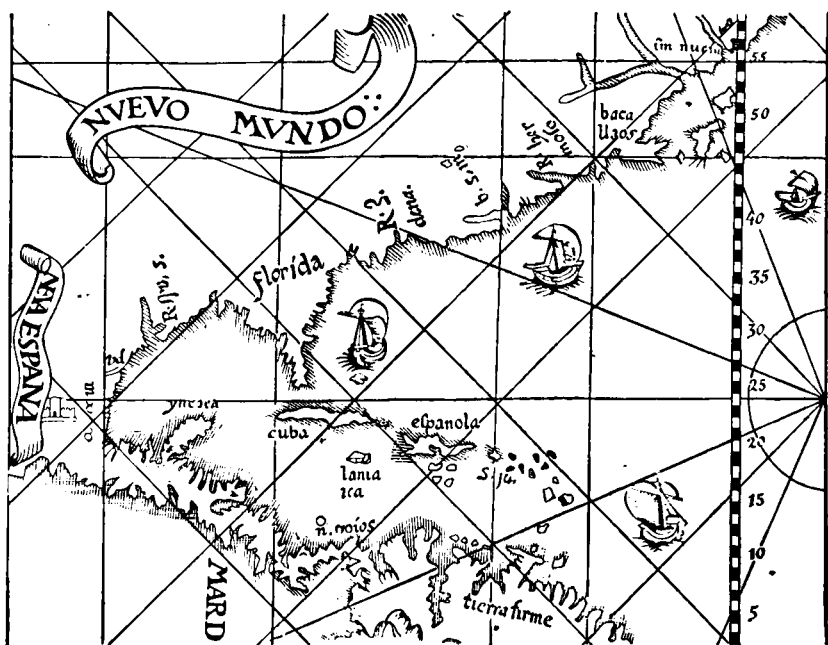
ПОИСКИ ИСПАНЦАМИ «СЕМИ ГОРОДОВ»: ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Флоридский поход Нарваэса и гибель его отряда

Панфило Нарваэс даже среди испанских конкистадоров «первого призыва» выделялся тупой жестокостью. Он принимал участие в покорении Ямайки, а на Кубе, по выражению сопровождавшего его отряд знаменитого защитника индейцев Бартоломе Лас Касаса, «вел себя как сущий дьявол»: он был одним из организаторов массового истребления кубинцев, правой рукой завоевателя Кубы и ее первого губернатора, Диего Веласкеса.

В 1520 году Веласкес отправил Нарваэса во главе большого отряда в Мексику — захватить ее завоевателя Эрнандо Кортеса и верных ему солдат «живыми или мертвыми»: Веласкес был возмущен тем, что Кортес отложился от него. Но Кортес внес разлад в войско своего противника, подкупив часть офицеров Нарваэса, а затем неожиданно атаковал его. Солдаты Нарваэса сражались неохотно и толпами переходили на сторону Кортеса. Нарваэс, потерявший в бою глаз, был разбит наголову, взят в плен, закован в кандалы, но вскоре был освобожден. Кортес в 1523 году разрешил Нарваэсу вернуться на Кубу и даже дал на дорогу денег. Неудачливый соперник Кортеса нашел все-таки влиятельных людей, которые доверили ему другое колониальное предприятие — завоевание Флориды и северного побережья Мексиканского залива. Под начальством Нарваэса было около 400 человек, в том числе восемьдесят кавалеристов.

В середине апреля 1528 года Панфило Нарваэс высадился на берег залива *Тампа* (западное побережье Флориды). Но.

Деталь карты «Нового Света» Медини 1545 г.

конкистадор, легко «побеждавший» беззащитных кубинцев, в роли командира отряда, действовавшего на материке Северной Америки, «проявил себя как безнадежный дурак» (выражение Джона Бребнера, американского историка XX в.). Впрочем, так же Нарваэс проявил себя и в Мексике, в борьбе против Кортеса, насколько можно судить по словам очевидца событий Берналя Диаса.

Высадившись на берег чужой и заведомо враждебной страны, Нарваэс немедленно отослал свои корабли и начал сухопутный поход на север в поисках золота, о котором ему рассказывали пленные индейцы. Передвигаясь из одного заболоченного лесного района в другой, конкистадор истощил запасы продовольствия, взятые с отосланных кораблей, потерял свыше трети своих людей и большую часть лошадей. Тогда только, находясь уже несколько северо-западнее полуострова Флорида, он повернул на юг, к морю, и вывел свой отряд к бухте (вероятно, Сент-Маркс) на северном побережье залива Аппалачи.

Нарваэс и его люди решили морем добраться до реки Пануко (восточная Мексика), но для этого нужно было построить суда. Лесу вокруг было более чем достаточно, но железа не было. «Они перековали в гвозди все свои металлические изделия, сшили паруса из своей одежды, сплели снасти из конского волоса,

использовали конские шкуры как меха для воды». В конце сентября пять неумело построенных и перегруженных небольших судов, на борту которых находилось 242 человека, вышли из гавани в заливе Апалачи и двинулись в западном направлении вдоль материкового берега. На пути испанцы совершали грабительские набеги на приморские индейские селения, но часто встречали отпор и с потерями отступали к своим судам. Неблагоприятные ветры разлучили их.

Два судна ранее других добрались до обширной дельты реки — несомненно Миссисипи, — которую Нарваэс отождествил с рекой «Святого Духа» (Эспириту-Санто), открытой Алонсо Пинедой. Королевский веедор* Альваро Нуньес Кавеса де Вака, находившийся на другом судне, предложил Нарваэсу подождать отставших. Однако командир, потерявший от страха голову, отказался ждать и, «стремясь спасти собственную шкуру», ввел свое судно в устье великой реки. Там он и пропал без вести со всеми спутниками. Позднее выяснилось, что три отставших судна одно за другим потерпели крушение у северных берегов Мексиканского залива и почти все люди на них также погибли или пропали без вести.

Семилетние скитания Кавесы де Ваки

Судно Кавесы де Ваки продолжало путь на запад и в ноябре 1528 года потерпело крушение у одного из низменных островов техасского побережья; люди спаслись. По-видимому, к ним присоединились небольшие группы испанцев с других потерпевших крушение судов, так как всего собралось около восьмидесяти человек. На этом побережье жили самые отсталые индейские племена, занимавшиеся рыболовством и собирательством. Они дружелюбно встретили чужеземцев, но мало чем могли им помочь. Испанцы умирали от голода и болезней, уцелевшие пожарила трупы своих погибших товарищей. К весне 1529 года осталось в живых только пятнадцать человек. Они разбрелись во все стороны и затерялись в обширной стране.

Четверо из испанцев, наиболее изворотливые, старались поддерживать связь друг с другом и по возможности передвигаться во время своих скитаний в западном направлении к вожаденной Мексике. Вожаком их стал Кавеса де Вака. Он выступал то в роли торгового посредника между разноязычными индейскими племенами техасских низменных равнин и плато, то как знахарь и колдун. Остальные трое — раб негр Эстебан (обычно называемый уменьшительным именем Эстеванико), его хозяин

* Часто этот испанский термин переводят словом «казначей», но функции королевского веедора в ту эпоху были гораздо шире: он был коронным полномочным финансовым инспектором-контролером.

Андрес Дорантес де Карранка и Алонсо дель Кастильо Мальдонадо — старались подражать по мере способностей своему вожаку.

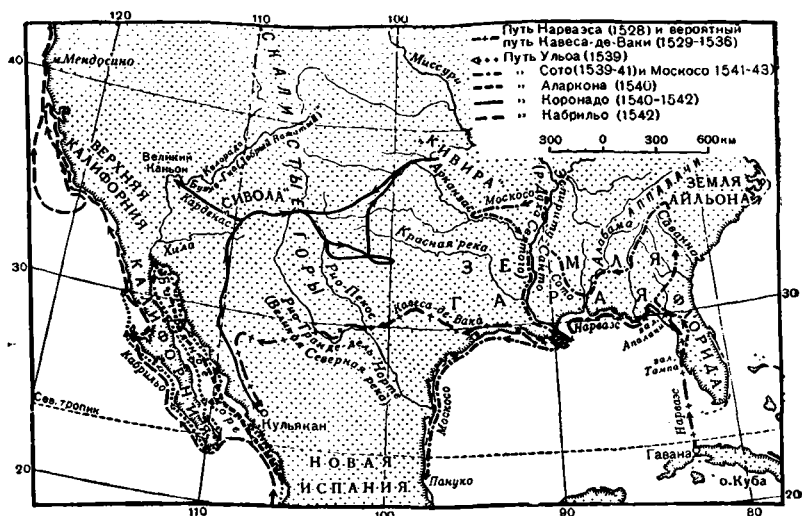
В апреле 1536 года четыре испанских разведчика-кавалериста из отряда Нуньо Гусмана, свирепого охотника за рабами, преследовали группу индейцев на реке Петатлан (верховье реки Синалоа, впадающей в Калифорнийский залив у 25° с. ш.). Вдруг они увидели, что двое из преследуемых сами идут к ним навстречу. Это были Кавеса де Вака и Эстеван в индейской одежде. Вскоре в этом же районе нашли также Карранку и Мальдонадо.

Кавеса де Вака оставил рассказ о своем изумительном путешествии. Зная, даже не точно, начальный пункт семилетних скитаний Кавесы де Ваки по матерiku — один из заливов побережья Техаса и конечный пункт — река Петатлан, можно с полной уверенностью определить его важнейшие географические достижения. Он и его спутники были первыми европейцами, пересекавшими низменную приморскую полосу и плоские равнины юго-западного Техаса, южную часть *Плато Прерий*, *Северную Месу* (плато северной Мексики). Они первые ознакомились с бассейном среднего течения «Великой Северной реки» (*Рио-Гранде-дель-Норте*) и с *больсонами* — бессточными впадинами, характерными для сухой северной Мексики. Вероятно, не раз они переваливали *Западную Сьерра-Мадре* и посещали долины рек, впадающих в Калифорнийский залив, — от Яки до Синалоа, в верховье которой встретились с испанскими разведчиками.

Рассказы скитальцев, не всегда правдивые, возродили мечту о «Семи городах» и их сказочных богатствах. Сам Кавеса де Вака менее, чем его спутники, повинен в преувеличениях. Он говорил, что видел изредка посевы маиса или бобов, небольшие селения с одноэтажными или двухэтажными деревянными или глинобитными домами, но слышал, будто дальше на севере есть обширные земледельческие области, города с каменными многоэтажными зданиями, комнаты в домах, украшенные дорогими тканями и драгоценностями. А конкистадоров более всего привлекало не то, что путешественник сам видел, а то, о чем он только слышал, и к слышанному от него прибавлялись другие слухи, заведомо (для нас) лживые, но еще более соблазнительные.

Первые поиски страны Сивола или „Семи городов“

Морские экспедиции, организованные Кортесом в Южном море (Тихом океане) в двадцатых-тридцатых годах XVI века, доказали, что западный берег нового материка далеко простирается на север. Но на суше испанцы очень медленно продвигались в более пустынные области, лежащие к северу от Новой Ис-

Поиски «Семи городов». Вероятные пути конкистадоров

паний. Слишком велики были трудности, и, как казалось тогда, вряд ли на севере можно было найти большую добычу. Вскоре, однако, легковерие и фантазия конкистадоров создали в этих почти безлюдных и пустынных горных областях богатые страны и города, к которым они решили проложить путь.

Еще в 1530 году, за шесть лет до возвращения Кавесы де Ваки, известный уже нам Нуньо Гусман услышал от раба индейца, родом из северной страны «Техос», рассказ о богатой стране Сивола, где тот якобы видел семь городов — каждый из них величиной с Мехико, и в каждом целые улицы заняты лавками ювелиров. Дорога туда ведет через пустыню и длится сорок дней. Гусман немедленно собрал отряд из 400 испанцев и нескольких тысяч недавно покоренных индейцев и двинулся на поиски Сивола и чудесных семи городов. Он шел по приморской низменности в северо-западном направлении, вдоль Западной Сьерра-Мадре, но, еще не доходя до 25° с. ш., встретился с такими трудностями, что отказался от своего предприятия. Однако основанный им недалеко от юго-восточного берега Калифорнийского залива город Кульякан позднее стал отправным пунктом испанских экспедиций в северные районы, а легенда о богатых семи городах получила, как мы видели, неожиданное «подтверждение» в 1536 году со стороны Кавесы де Ваки и его спутников.

В марте 1539 года по поручению вице-короля Новой Испании Антонио де Мендосы комендант Кульякана Франсиско Васкес Коронадо послал на поиски Сиволы монаха-фран-

дисканца Марка из Ниццы, бывшего ранее миссионером в Перу при завоевании страны отрядом Франсиско Писарро. С Марком пошли два индейца-переводчика и негр Эстеван. К северу от Калифорнийского залива, за рекой Хила (левый нижний приток Колорадо), Эстеван был выслан вперед на разведку. Идя по его следам, Марк изредка встречал небольшие поселения индейцев, но чем дальше он продвигался на север, тем, по его словам, все определеннее становились указания на большой город Сиволу. Вскоре Марк узнал, что Эстеван убит уже в самом городе, но все же решил идти дальше, чтобы увидеть собственными глазами, хотя бы издали, чудесную Сиволу. И это ему удалось. Он увидел среди широкой равнины на крутом холме город, который, по его словам, был больше и величественнее Мехико. Он-де очень хотел войти в город, но, боясь, что его убьют и его великое открытие погибнет, воздержался от этого. На холме, где он стоял, он нагромоздил кучу камней, водрузил там крест и формально овладел этой страной. Затем он повернул обратно и в сентябре того же, 1539 года представил свой «правдивый» отчет вице-королю. Коронадо, с которым Марк встретился на дороге, послал немедленно на север капитана Мельчора Диаса, так как рассказ монаха внушил ему сомнения. Но наступила зима, и Диас не мог далеко продвинуться через пустынные районы. Он вынужден был в своем отчете, который отослал Коронадо весной 1540 года, опираться на сведения, собранные в пути. Хотя Диас был осторожнее в выражениях, чем брат Марк, он все же заявлял, что «Семь городов» действительно существуют и среди них главный — Сивола. Таким образом, рассказ Кавесы де Ваки и его спутников подтвержден был двумя солидными свидетельскими показаниями — монаха и офицера.

До XIX века историки считали Марка из Ниццы «бесстыдным лжецом». Ученые XIX—XX веков, тщательно изучив его отчет, пришли к убеждению, что монах все же собрал очень ценный географический и этнографический материал. Невозможно точно установить путь Марка и Эстевана к «Семи городам Сиволы», но всего вероятнее следующий маршрут.

От Кульякана они прошли на северо-запад по приморской низменности до реки Соноры, впадающей в Калифорнийский залив; по долине этой реки поднялись до ее верховьев; через короткий водораздел перешли на Сан-Педро, южный приток реки Хилы, бассейна Колорадо. Такой маршрут удобен тем, что везде на пути имеется пресная вода, а безводная пустыня Хила обходится с востока, по реке Сан-Педро. От устья Сан-Педро начинается последний участок их пути — на северо-восток через сильно пересеченную горную местность к верховьям Малого Колорадо (Литл-Колорадо, устье ее — у начала Большого Каньона). А за этой рекой на высоком плато (между Литл-Колора-

до и Рио-Гранде-дель-Норте) действительно находились «Семь городов» — семь больших домов-селений индейцев племени *зуньи*. Их многоэтажные жилища в форме террас строились из «адобе» (кирпич-сырец), и в каждом таком жилище в нескольких десятках комнат размещались сотни человек — вся родовая община.

Поход Коронадо на Сиволу

Получив «проверенные» известия о величии и богатстве «Семь городов», вице-король Новой Испании Мендоса поручил Франсиско Васкесу Коронадо возглавить военную экспедицию для завоевания Сиволы. В роли вербовщика добровольцев выступал с церковной кафедры Марк из Ниццы, который не жалел красок для восхваления открытой им страны.

Приток добровольцев был очень велик; о нравственных же их качествах лучше всего привести свидетельства двух очевидцев. Один из них аттестует основную массу добровольцев как «порочных молодых бездельников идальго». Другой заявляет, что уход таких людей из Новой Испании был для страны «скорее благодеянием, чем потерей».

С величайшим трудом организаторам экспедиции удалось отобрать среди этого сброда 300 человек, наименее бесполезных для далекого и тяжелого похода. Нужно отдать должное талантам Коронадо и двух-трех его офицеров: с такими солдатами они провели огромного размаха экспедицию, которую по ее географическим результатам можно без всяких оговорок причислить к величайшим сухопутным экспедициям в истории открытия внутренних областей Северной Америки.

К 300 дворянчикам испанцам Коронадо присоединил 700 «мирных» индейцев. В его распоряжении были сотни вьючных лошадей и мулов, большие гурты крупного и мелкого рогатого скота и свиней. Итак, с отрядом в 1000 человек и огромным количеством голов вьючных животных и убойного скота Коронадо выступил в конце февраля 1540 года из поселка Компостела (Западная Мексика, у 21° с. ш.); невозможно было организовать такую большую экспедицию ближе к цели, на северо-западе Мексики, в еще слабо освоенных испанцами районах. Двигался отряд в северо-западном направлении по приморской низменности, а вдоль берега его должны были сопровождать вспомогательные суда под общим командованием Эрнана Аларкона.

От Кульякана сухопутный отряд медленно шел к Сиволе путем, разведанным Марком, который, разумеется, сопровождал Коронадо; отряд обошел с востока, по долине реки Сан-Педро, пустыню Хила и вышел к реке Хила. Коронадо назвал ее Рио-де-лас-Бальсас — название двусмысленное: «бальса» по-испан-

ски значит и «плот», и «лужа». Отряд Коронадо переправился через реку на плотах, но в сухое время года река ниже устья Сан-Педро пересыхает и ее русло представляет собою ряд луж. Пройдя затем в северо-восточном направлении через южные уступы высокого плато Колорадо, отряд, наконец, достиг того полупустынного района, где стояли «Семь городов».

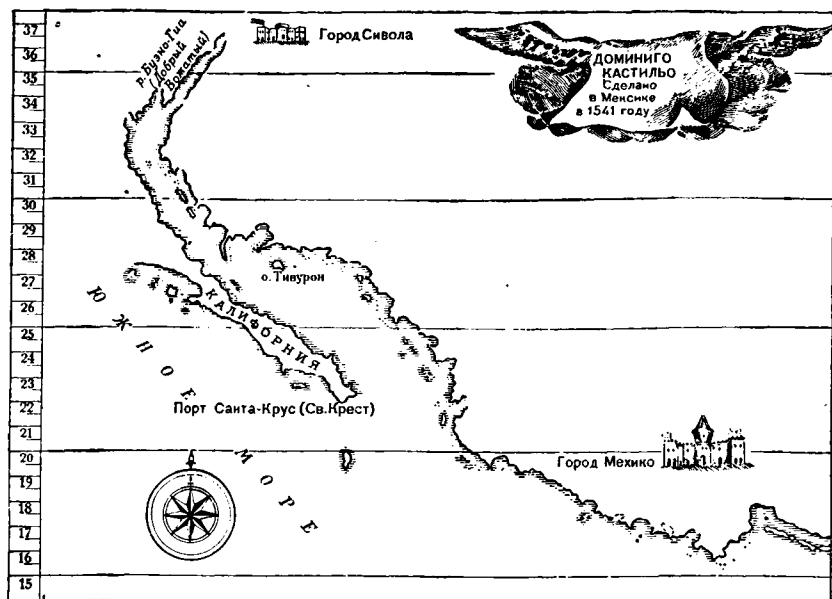
На всем пути население было столь редкое, а индейские поселки так малы, что набеги на них могли кое-что дать только небольшим группам грабителей-испанцев. Но эти грабительские набеги озлобили местных индейцев, и они часто тревожили экспедицию. Большой отряд питался в основном взятыми из Мексики продуктами и мясом забиваемого скота. Солдаты шли пешком всю дорогу; каждый тащил на себе запас продуктов, так как лошади и мулы были и без того тяжело навьючены.

Конкистадоры горько разочаровались, когда после долгого и тяжелого пути подошли к Сиволе. Город на скале был такой величины и вида, что солдаты начали проклинать «лживого француза» монаха Марка и с насмешкой говорили, что иной хутор в Новой Испании производит более солидное впечатление. Сивола была построена на уступах скалы так, что плоские крыши нижних домов находились на одном уровне с полом верхних домов; укрыть она могла не более 200 воинов. Испанцам не стоило большого труда взять приступом такую «крепость» и выбить оттуда индейцев. Горожане были одеты в хлопчатобумажные ткани или в звериные шкуры. Сокровищ здесь ожидать не приходилось, а «прекрасные города», окружавшие Сиволу, были еще меньше. Хотя ряса и защищала монаха от слишком бурного проявления чувств обманутых солдат, Марк при первом удобном случае убрался восвояси.

Открытие бассейна Колорадо

В то время когда главный отряд повернул в сторону от моря и начал движение вверх по долине реки Соноры, Коронадо приказал Мельчору Диасу с небольшим отрядом идти берегом на северо-запад вдоль Калифорнийского залива, чтобы разыскать вспомогательные суда и дать Эрнану Аларкону дальнейшие инструкции. Выполняя поручение, Диас дошел до вершины Калифорнийского залива. Не видя на море ни одного судна, он двинулся дальше по восточному берегу большой реки, впадающей с севера в залив. Так он шел, пока не заметил могучего дерева. На нем Диас увидел надпись, вырезанную на коре, — указание, что под корнями этого дерева зарыто письмо.

В письме сообщалось следующее: Эрнан Аларкон вышел в мае 1540 года из одной южной мексиканской гавани на двух судах и в пути к ним присоединилось еще одно судно с запа-

Калифорния и Сивола на карте Д. Кастильо 1541 г.

сами для экспедиции. Он, Аларкон, достиг северного угла залива и открыл устье большой реки. Он шел пятнадцать дней вверх по течению реки на лодке, которую тянули по берегу индейцы, не нашел «Семи городов» и в два дня вернулся к устью реки.

Аларкон, не теряя надежды на то, что река может довести испанцев до «Семи городов», назвал ее *Буэно-Гиа* («Добрый Вожатый»); теперь великая река носит другое, тоже испанское имя — *Колорадо* («Красная» или «Цветная»). Аларкон напрасно ждал Коронадо у реки, напрасно разыскивал его людей и вынужден был вернуться обратно. Его кормчий Доминго Кастильо нанес на карту оба берега Калифорнийского залива и доказал, что на западе его отделяет от океана не остров, а длинный полуостров — *Нижняя Калифорния*. Но карта Кастильо, как и другие, была засекречена, и еще долго, до второй половины XVIII века, господствовало неправильное представление, что Нижняя Калифорния — остров.

Близ устья Колорадо Мельчор Диас погиб от несчастного случая, а его спутники вернулись в Новую Испанию.

Между тем Коронадо остановился в Сиволе, подчинил себе окрестных индейцев, а затем выслал во все стороны отряды для исследования страны. В одном селении испанцы услышали о большой реке на севере. На поиски этой реки Коронадо отпра-

вил разведывательный отряд, командиром которого был назначен Гарсиа Лопес Карденас.

Карденас шел через плато Колорадо и достиг южного края *Большого Каньона* (у 36° с. ш.). Испанцы были изумлены и потрясены видом, который открылся под их ногами. Они полагали, что глубина ущелья достигала 3—4 миль, — на самом же деле этот самый глубокий во всем мире каньон среднего Колорадо имеет «всего лишь» 1800 м глубины. Три дня они бродили вдоль обрыва, напрасно отыскивая среди отвесных стен спуск, который привел бы их к воде. Карденас вынужден был вернуться обратно и сообщил Коронадо о поразительном открытии.

Второй разведывательный отряд двинулся из Сиволы на восток и обнаружил, что за «Семью городами» было еще много других поселков, построенных на склонах гор так же, как Сивола. Один из таких поселков, в двух днях пути от «Семи городов», стоял близ реки, которая текла на юго-восток и впадала, как оказалось, в большую реку, текущую на юг; до этого же все реки текли в западном направлении. На эту географическую особенность обратил внимание командир второго отряда Харамильо: «Все воды — реки и ручьи, — докладывал он Коронадо, — которые мы встречали до Сиволы и за ней на расстоянии еще двух дней пути, текут к Южному морю [Тихому океану], а начиная отсюда — к Северному [Атлантическому] океану». Благодаря этому мы можем точно сказать, что Харамильо открыл водораздел между системами двух великих североамериканских рек: Колорадо, впадающей в Калифорнийский залив, и Рио-Гранде-дель-Норте, несущей свои воды в Мексиканский залив.

Главный отряд Коронадо выступил на восток и прошел к большой реке *Пекос* (левый приток Рио-Гранде) через один из проходов между горами *Сангре-де-Кристо* (южный участок Скалистых гор) и горами *Сакраменто*. На Пекосе отряд остановился на зимовку.

Открытие западных притоков Миссисипи (поход Коронадо на Кивиру)

На реке Пекос перед конкистадорами возник новый мираж — страна *Кивира*.

В приречном селении солдаты встретили флоридского индейца-раба. Он был захвачен в плен индейцами центральной равнины, переходил от одного племени к другому, пока, наконец, не оказался в тысячах километров от своей родины. Он заслужил доверие испанцев, так как оказался толковым и надежным проводником. Индеец сообщил, что к востоку от того места, где находился испанский отряд, течет огромная река шириной в 2 мили; что там водятся рыбы величиной с доброго коня; что берега реки густо населены; что по реке плавают большие челны,

в которых у каждого борта сидят по двадцати гребцов. Если считать, что речь шла о Миссисипи, то в этой части рассказа мало преувеличений (даже огромные рыбы не внушают сомнений); но и заманчивого для конкистадоров было мало. Их внимание привлекла вторая часть рассказа.

Флоридец рассказывал, что у этой гигантской реки находится страна Кивиры; что местный верховный вождь проводит свой полуденный отдых под ветвями огромного дерева, увешанного золотыми колокольчиками, и дремлет под их тихий перезвон; что жители Кивиры пользуются только золотой и серебряной утварью, а на носах их челнов большие золотые орлы. Рассказчик добавлял, что верховный вождь Кивиры и ему подарил золотые вещи, которые лишь недавно у него отнял местный вождь.

К вождю был немедленно отправлен отряд с приказом вернуть вещи; но в селениях не нашлось и следа золота, а жители назвали флоридского индейца бессовестным лжецом. Вождя все же заковали в цепи и привели к Коронадо, который приказал бросить его в тюрьму. Тогда восстали все окрестные индейцы и всю зиму тревожили своими набегами испанцев.

Весной 1541 года Коронадо с частью своих солдат начал поход на Кивиру. По сохранившимся документам можно лишь предположительно установить его путь. По одной версии, Коронадо, перейдя реку Пекос, двигался в северо-восточном направлении. По другой версии, он шел за рекой Пекос сначала в южном направлении, обогнул с юга плато Льяно-Эстакадо, достиг верховьев реки Брасос, текущей в Мексиканский залив, и приблизительно у 100° з. д. повернул прямо на север. Он шел «куда указывала стрелка компаса», пересекая малые и большие реки, текущие на восток, — правые притоки Миссисипи: верховья Ред-Ривер, Канейдиан и Северный Канейдиан и т. д. Уже в начале своего пути на север отряд Коронадо вступил в безбрежные прерии. Здесь испанцы впервые увидели огромные стада бизонов и познакомились с бродячими индейскими племенами, которые жили только охотой на бизонов.

Совершая короткие дневные переходы, испанцы шли в полосе прерий целый месяц и достигли в день Петра и Павла (29 июня 1541 г.) реки, которую и называли в честь этих святых «Сан-Педро и Сан-Пабло». По-видимому, это был Арканзас (правый приток Миссисипи), в устье которого уже побывали солдаты Эрнандо Сото. В 4 милях пути к северу за рекой испанцы снова встретили индейцев-охотников. По расчетам Коронадо, он был уже в стране Кивире.

Участники похода, в том числе Харамильо, описывали Кивиру как невысокую, изрезанную полноводными реками, свежую, зеленую, роскошную страну, «лучше которой не найти ни в Испании, ни во Франции, ни в Италии». Они утверждали, что

страна эта пригодна для произрастания всех культур; что иногда близ ручьев они находили довольно вкусный дикий виноград.

В письме Коронадо к королю Карлу I прямо указано, что он дошел до 40° с. ш., до большой реки «Теукареа». Несомненно он пересек *реку Канзас*, а может быть, двигаясь дальше в северо-восточном направлении, проник и в долину *Миссури*.

Страна была хороша, но местные индейцы не имели никаких ценных вещей, даже вожди носили медные украшения. Приближалась осень, и Коронадо повернул назад, боясь северной зимы. Обратный путь к реке Пекос продолжался сорок дней. Коронадо повел свой отряд в юго-западном направлении, другой дорогой, через местности, которые оказались более безлюдными.

Коронадо верил еще в существование страны золота Кивиры. Он хотел весной 1542 года повторить поход, надеясь продвинуться дальше в глубь открытой им огромной страны и дойти до Кивиры. Но болезнь из-за несчастного случая во время турнира заставила Коронадо отказаться от дальнейших поисков. Через Сиволу он вернулся со своим отрядом в Кульякан. По одной версии, он умер через несколько дней после возвращения; по другой версии, впал в немилость из-за неудачного похода и был отрешен от должности.

Географические результаты экспедиции «неудачника» Коронадо были огромны. В погоне за фантастическими городами и странами его отряды прошли несколько тысяч километров внутри материка, который оказался гораздо больше, чем предполагал кто-либо из современников Коронадо. Открыты были на протяжении многих сотен километров новые берега на западе; полоса низменностей вдоль этих берегов; гигантские сухие плоскогорья и высокие южные отроги Скалистых гор; величайший в мире каньон; большая часть плато Прерий; огромные реки, текущие в разных направлениях: Колорадо с его притоком Хиллой; Рио-Гранде-дель-Норте с притоком Пекос; Арканзас, Канзас и, возможно, Миссури; необъятные прерии, которые простирались от подножия Скалистых гор до Миссисипи. Коронадо не дошел до нее, двигаясь с запада на восток, но почти в то же время, двигаясь в обратном направлении — с востока на запад и пересекая южные лесные районы, ее достиг отряд Эрнандо Сото.

Флоридский поход Сото: открытие Голубого хребта, плато Пидмонт и южных рек — от Саванны до Алабамы

Несмотря на несчастья, преследовавшие Нарваэса и его людей, уже через несколько лет после того, как ничтожные остатки его отряда вернулись в Новую Испанию, нашлись люди, повторившие попытку проникнуть в страны, лежащие к северу и северо-западу от Флориды.

Эрнандо де Сото (1495—1542 гг.) впервые выдвинулся при завоевании Никарагуа, затем сопровождал в перуанском походе Франсиско Писарро и активно участвовал в наглом пленении верховного вождя инков Атауальпы. Во время кровавой борьбы между перуанскими конкистадорами Сото добровольно оставил «страну золота» и вернулся в Испанию. Там он выдвинул план завоевания Флориды, за которой ему грезилась залив Тихого океана или морской проход к нему и «Семь городов». Используя свои связи при королевском дворе, Сото собрал очень большой по тому времени отряд. С ним он отправился на Кубу, а оттуда на полуостров Флорида.

На западный берег Флориды, у 28° с. ш. (вероятно, у залива Тампа или несколько южнее его), в конце мая 1539 года высадились вместе с Сото, по разным источникам, 600—900 пехотинцев и кавалеристов с 200—350 лошадьми. «Новый Свет» еще не видел такого большого европейского войска.

Через день-два после высадки к испанцам явился их земляк Хуан Ортис, один из немногих уцелевших людей из отряда Памфило Нарваэса, одиннадцать лет живший на побережье Флориды среди индейцев. По словам Ортиса, его спасла от смерти жена местного вождя. Лишенный возможности свободно передвигаться, Ортис мало знал о внутренних районах Флориды, но был очень полезен Сото как переводчик.

Оставив для охраны судов часть солдат, Сото двинулся с остальными в глубь страны, на север. По дороге испанцы встречали крупные селения (в иных было больше 600 домов). Они медленно продвигались по заболоченной лесной местности, изрезанной реками; часто приходилось наводить временные мосты. Индейцы были враждебно настроены, так как в их стране уже побывали солдаты Нарваэса и память о жестокости испанцев была еще свежа*.

Услышав о приближении отряда Сото, индейцы уходили из своих деревень и укреплялись на холмах, окружая их частоколом.

В октябре отряд повернул на запад, к морю, и остановился на зимовку близ залива Апалачи, где для него было достаточно продовольствия. Сото вызвал туда свои суда и послал их далее на запад — разведать побережье на 100 лиг.

В марте следующего, 1540 года Сото двинулся от залива Апалачи на северо-восток, на поиски области, где верховным вождем является женщина, собирающая дань тканями и золотом от подвластных ей племен: такие сведения собрал Ортис у местных индейцев. Сото действительно нашел женщину-вождя на

* По испанским источникам, солдаты Нарваэса отрезали нос одному из флоридских вождей, а его мать затравили собаками. Сото и его спутники поступали с индейцами не лучше.

текущей в Атлантический океан реке Саванне, в долине ее среднего течения. Однако резиденцией этой правительницы был бедный поселок; ценных тканей и золота у нее не было, и поделиться с непрошеными гостями она могла только жемчугом, который ее «подданные» добывали в реке и ее притоках.

От этой малопривлекательной «столицы» Сото поднялся в поисках «Семи городов» в северном направлении вверх по долине Саванны до параллели 35° с. ш. и проник в горный район — юго-западный участок Голубого хребта Аппалачской горной системы. Возможно, что конкистадора привлекали рассказы о большой реке, начинающейся в этом районе и текущей на запад (Теннесси системы Миссисипи). Но он не перевалил Аппалачи, а снова, увлеченный рассказами о больших городах на юго-западе, повернул к ним. Сото прошел вдоль южного участка аппалачского «Подножия» (по испански — Пье-де-Монте, по-английски — Пидмонт, так и на наших картах), то высылая вперед с переводчиками наиболее ловких солдат, которые «лаской и приветом» убеждали индейцев мирно пропустить отряд, то силой прокладывая себе путь.

Теперь испанцы пересекали верховья рек, текущих через плато Пидмонт и приморские низменности в южных направлениях и несущих свои воды в Атлантический океан (система Олтамачо) и в Мексиканский залив (системы Аппалачиколы и Алабамы).

Вождь одного из местных племен вызвался сопровождать испанский отряд и привел непрошенных гостей в поселок на берегу большой реки (вероятно, Алабамы). Поселок был окружен высоким земляным валом и бревенчатым забором с двумя воротами. Через каждые пятьдесят шагов у забора сооружены были сторожевые башни, и в каждой помещалось по восьми воинов. Поселок насчитывал восемьдесят больших деревянных домов; некоторые из них были так велики, что в них якобы размещалось по тысяче человек. Испанцы, увидев дома-крепости, решили, что их предательски заманили в ловушку, поспешно отошли назад и атаковали поселок. Они выбили топорами деревянные ворота, ворвались внутрь и подожгли дома. Со стороны индейцев сражались не только мужчины, но и женщины. Сото был ранен, но остался в строю, чтобы его люди не пали духом.

Индейцы мужественно сопротивлялись, однако когда огонь распространился на весь поселок, обратились в бегство. Бой продолжался девять часов. Испанцы потеряли более восьмидесяти человек; часть их погибла в бою, остальные вскоре умерли от ран. Сведения о потерях индейцев, как всегда, разноречивы: историки говорят о двух, пяти, семи и даже десяти тысячах индейцев, частью убитых во время резни на «городских» улицах, частью сгоревших в домах. Тем не менее людские потери, понесенные испанцами, и гибель нескольких десятков лошадей

Конкистадоры травят индейцев собаками (рисунок XVI в.)

повергли их в уныние. Золота они не нашли, окружены были враждебными племенами; многие поэтому настаивали на возвращении на остров Куба (испанские суда находились сравнительно недалеко от места битвы). Но Сото не хотел отступать. Он предоставил своим солдатам двухнедельный отдых и двинулся в середине ноября дальше на запад, сломив сопротивление индейцев, пытавшихся задержать его отряд у переправы через реку.

Поход Сото к Миссисипи и его смерть

В декабре 1540 года Сото решил остановиться на зимовку в индейском поселке, который, казалось, был выгодно расположен и снабжен запасами продовольствия. Испанцы взяли поселок приступом; индейцы ушли, и Сото разместил своих солдат в покинутых домах. Дисциплина в испанском войске падала; охрану перестали выставлять. Индейцы — по-видимому, хорошо осведомленные — воспользовались этим: в январе 1541 года они ночью ворвались в поселок и подожгли соломенные крыши домов, где спали испанцы. В ночном бою было убито сорок солдат

и потеряно пятьдесят лошадей. Испанцы перешли в соседний поселок, но и здесь их непрерывно беспокоили индейцы.

Как предполагают, оба поселка стояли на лесистых холмах (Блафф-Хилс), протягивающихся вдоль восточной окраины долины Язу, нижнего левого притока Миссисипи. Отсюда Сото ранней весной того же, 1541 года начал поход в северном направлении, через болота и леса, уклоняясь иногда далеко к востоку. По-видимому, именно во время этого весеннего похода он достиг у 35° с. ш. реки Теннесси в ее среднем течении. Но эта река здесь круто поворачивала на север, удаляясь от заветной цели конкистадоров; поэтому Сото повернул на запад и вышел, наконец, в мае 1541 года к широкой реке с извилистым течением. Воды ее были мутны, масса вырванных с корнями деревьев плыла вниз по течению. Это был великий поток Миссисипи — «река Святого Духа», как ее называли предшественники Сото.

Так как река несла свои воды не на запад, а на юг, к хорошо им знакомому Мексиканскому заливу, то конкистадоры не испытали никакой радости при виде великой реки: они рассматривали ее только как большое и досадное препятствие дальнейшему продвижению на запад — к Тихому океану и «Семи городам». Для безопасной переправы на западный берег Миссисипи на виду у враждебно настроенных индейцев необходимы были большие суда; для их постройки и перековки железных изделий на гвозди потребовалось около месяца. Следует здесь отметить, что испанцы далеко не все железные изделия пустили в переплавку: они бережно хранили цепи и железные ошейники для пленных индейцев.

Построив несколько больших судов, Сото переправил свой отряд на западный берег Миссисипи. Там он вступил в союз с одним индейским вождем и вместе с ним предпринял поход против враждебного племени на легких челнах вниз по реке.

Возможно, Сото еще надеялся, что он не на «реке Святого Духа» и что где-то южнее места переправы открытая им река поворачивает на запад. Но она несла свои воды на юг; и ниже устья большой реки, впадающей в нее с северо-запада (Арканзас), Сото окончательно перенес свои поиски на правобережье Миссисипи.

Еще почти год блуждал «в погоне за мечтой» Сото по равнинам к западу от Миссисипи, то отходя от реки далеко в сторону, то возвращаясь к ее берегам. Отряд его таял. Во время одного из таких походов, осенью 1541 года, в поисках золотых и серебряных рудников Сото проник в невысокую горную страну (плато Озарк), прилегающую с севера к реке Арканзас. Пройдя ее, Сото повернул на юг и вышел к Арканзасу в том районе, где в него впадает Канейдиан. Здесь испанцы остановились на зимовку.

Конкистадоры сжигают индейцев (рисунок XVI в.)

Весной 1542 года отряд вернулся на Миссисипи. Тяжелобольной Сото послал на юг вдоль правого берега реки группу кавалеристов разведать, далеко ли до моря. Кавалеристы вернулись с известием, что там нельзя пройти из-за болот. Пришлось опять строить суда (старые были брошены), чтобы переправиться на левый берег реки или спуститься по ней к морю, какие бы опасности ни таил этот долгий и неразведанный путь.

Эрнандо де Сото умер в мае 1542 года. Тело его завернули в шкуры бизонов и положили в гроб, заполнив свободное пространство песком. Погибшего капитана конкистадоры хоронили ночью, чтобы весть о его смерти не распространилась среди индейцев. Гроб был затоплен в одном из глубоких рукавов Миссисипи.

Американские историки благожелательно освещают поведение Сото во время завоевания Перу, особенно то обстоятельство, что он назвал (задним числом) казнь верховного вождя инков Атауальпы «делом постыдным и бесполезным». Но и они признают, что в Северной Америке «его собственное поведение относительно индейцев было жестоко и безумно» (Джон Фiske). Если индейцы оказывали сопротивление испанцам, Сото при-

казывал убивать их и сжигать дома со всеми находящимися в них людьми. С «подозрительными» индейцами он обращался так же, как с теми, кто открыто выступал против испанцев. У «мирных» индейцев Сото брал в заложники вождей, а также других взрослых мужчин, приковывал одного к другому цепями и гнал за сотни километров от их поселений. Затем он расковывал тех пленников, которые выживали после длинных переходов; Сото знал, что они не убегут от испанцев, если находятся на большом расстоянии от дома, так как боятся индейцев из враждебных племен.

Походы Москосо и географические результаты экспедиции Сото

После смерти Сото начальником его отряда стал Луис Москосо. По словам анонимного португальского автора, участника экспедиции *, солдаты остановили свой выбор на Москосо, так как полагали, что он, так же как и они, «больше мечтает об отдыхе в какой-нибудь христианской стране, чем о тяготах войны».

Москосо повел отряд в начале июня 1542 года на запад, надеясь дойти до Новой Испании в том направлении, которым двигался раньше Кавеса де Вака и его спутники. Совершая большие дневные переходы, испанцы двигались через приречную низменность, высокую полосу хвойного леса и прошли до долины «Красной реки» (*Ред-Ривер*, крупный нижний приток Миссисипи). За рекой они повернули на юго-запад и дошли, по-видимому, до реки Брасос. Но река текла на юго-восток (к Мексиканскому заливу), и испанцы, утомленные тяжелым походом через знойную страну, остановились здесь.

Приближалась зима; съестные припасы приходилось добывать в кровавых стычках с индейцами. Десятки солдат были убиты, умерли от ран или от истощения. Нигде испанцы не могли найти подходящего места для зимовки и неоднократно переходили с места на место. Их обувь изнашивалась, одежда изорвалась. Решено было повернуть обратно. Босые, закутанные в звериные шкуры, конкистадоры с величайшими усилиями добрались в конце декабря до великой реки, около устья Арканзаса. Они обосновались во взятом приступом индейском селении, окруженном высоким рвом, и удерживались там до весны.

* Имя и фамилия его неизвестны. Как видно из заглавия его книги, автор был «фидалгу» (дворянин) из маленького португальского пограничного городка Элваш. Вернувшись на родину, он написал книгу об экспедиции Сото под названием: «Открытие и завоевание Земли Флориды доном Эрнандо де Сото и шестьюстами испанцами, его спутниками. Написано дворянином из Элваша, участником всех деяний». Эта книга, переведенная в конце XVI века на английский язык Ричардом Хаклюйтом, является важнейшим первоисточником по истории экспедиции Сото.

Во время зимовки умерло еще несколько человек, в том числе испанец-переводчик Хуан Ортис, последний солдат «армии» Панфило Нарваэса.

К марту 1543 года испанцы построили семь крепких судов; на гвозди они теперь перековали, помимо разных железных изделий, еще сохранившихся у них, также железные ошейники и цепи, предназначенные для пленных индейцев: в христианской стране, куда они надеялись вернуться, железа для этой цели было вполне достаточно.

Весенний разлив Миссисипи задержал снаряжение флотилии еще на много недель. Только в конце июня удалось погрузить на суда нужные запасы и в начале июля пуститься в путь. В каждом судне помещалось около пятидесяти испанцев и индейцев (мужчин и женщин), которые «добровольно» согласились уйти с завоевателями. При движении вниз по Миссисипи испанцам пришлось выдержать тяжелый бой с южными приречными племенами.

На двадцатый день они достигли моря, пройдя по реке 1200 км. Они плыли в Новую Испанию без компаса и карты, следуя на запад, а затем на юг, вдоль берега Мексиканского залива. Свои запасы испанцы пополняли богатым уловом рыбы. Время от времени они приставали к берегу и набирали свежую воду.

Пятьдесят три дня продолжалось это плавание, почти все время при исключительно благоприятной погоде; только на восьмой неделе началась буря с проливными дождями, грозившими залить и потопить суда. Правильно рассчитав, что они находятся уже недалеко от Новой Испании, невольные мореплаватели высадились на сушу. Бросив свои суда, они двинулись берегом к югу и 10 сентября 1543 года дошли до устья реки Пануко, где из уст индейцев-рыбаков услышали испанское приветствие.

Через два-три дня, после четырехлетних скитаний, около 300 испанцев «снова вошли в христианский город». Во время походов погибло несколько сот испанских солдат и бесчисленное множество индейцев.

Участники экспедиции под начальством Сото и Москосо проникли далеко в глубь североамериканского материка и пересекли с востока на запад его южные лесные и степные области. Они открыли южный участок Аппалачской горной системы, реки, текущие оттуда к Атлантическому океану и Мексиканскому заливу — от Саванны до Алабамы с ее притоками включительно, несколько крупных рек системы Миссисипи; они были первыми европейцами, которые проследили все нижнее течение Миссисипи от 35° с. ш. до моря.

Однако на неизмеримых пространствах Северной Америки, пересеченных экспедицией Сото (как и экспедицией Коронадо),

испанцы не нашли ни богатых «Семи городов», ни драгоценных металлов, ни многочисленного населения, которое можно было бы без чрезмерных военных усилий обратить в рабство или закрепостить.

Испанские экспедиции конца XVI века

После экспедиций Коронадо и Сото, очень дорого стоивших казне, интерес испанского правительства к территориям севернее Мексиканского залива и Рио-Гранде-дель-Норте остыл надолго — до конца XVI века. Лишь отдельные монахи-миссионеры начали в восьмидесятых годах проникать из северной Мексики на территорию, где находились «Семь городов» и другие селения индейцев зуны.

В 1581 году Агустин Родригес спустился вниз по долине реки Кончос до Рио-Гранде-дель-Норте, поднялся вверх по долине этой последней реки за параллель 35° с. ш., а оттуда, повернув на запад, посетил «страну Семи городов».

Через год двое других монахов, Бернардино Бельтран и Антонио Эспехо прошли в ту же страну другим путем — вверх по долине реки Пекос, которую проследили на всем ее протяжении, до гор Сангре-де-Кристо, то есть до истоков Пекоса. Они пробыли там около года (до 1583 г.) и разведали этот горный район, казавшийся благоприятным для европейской колонизации.

Дальше всех европейцев в глубь материка Северной Америки, на Плато Прерий до 41° с. ш., проник в XVI веке Антонио Гутьеррес: в 1594 году он совершил кавалерийский набег на реку Платт (западный приток Миссисипи). Гутьеррес, кажется, единственный конкистадор, который в испанских документах XVI века прямо называется «разбойником и убийцей», так как он грабил и убивал индейцев, не имея официального разрешения на открытие и завоевание страны.

Только на рубеже XVI—XVII веков со стороны испанских властей возобновились попытки завоевания и колонизации областей к северу от Новой Испании. В 1598—1599 годах Хуан де Оньяте, предприняв поход от Калифорнийского залива, завоевал почти всю «страну Семи городов» до гор Сангре-де-Кристо. К 1603 году Оньяте совершил поход в страну Кивиру: под этим названием источники XVII века подразумевали бассейн реки Канзас.

Реальным результатом погони за фантастическими «Семью городами» было присоединение к испанским владениям — сначала формальное, затем фактическое — гигантской территории около 1 000 000 кв. км.

Центром этой «Новой Мексики» стала построенная через несколько лет в верховьях реки Пекос крепость *Санта-Фе*.

Глава 12

АНГЛИЙСКИЕ ПОИСКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI ВЕКА

Первая экспедиция Фробишера и начало открытия Американского Арктического архипелага

В последней четверти XVI и в начале XVII века английские моряки совершили ряд плаваний с целью найти Северо-западный проход из Атлантического в Тихий океан. Первым после Джона и Себастьяна Каботов возобновил поиски прохода с целью дойти до Китая, обогнув с севера Америку, Мартин Фробишер. Он нашел покровителей — вельмож и купцов, не очень, впрочем, щедрых: снаряжены были три судна — два барка по 15 тонн и пинаса (вспомогательное парусно-гребное судно) в 10 тонн.

Фробишер вышел в первой половине июня 1576 года из устья Темзы, поднялся на север до Шетландских островов, повернул на запад и 11 июля увидел под 61° с.ш. высокую, покрытую снегом землю «Фрисланд» (Гренландию), которую он переименовал в «Западную Англию»*. Вскоре пинаса погибла со всей командой, один барк дезертировал; однако Фробишер на своем барке «Габриель» с командой в двадцать три человека продолжал плавание. Он обогнул южную оконечность Гренландии, взял курс на запад с уклоном к северу и 20 августа у 63° с.ш. проник в узкий залив, который принял за желанный проход. Думая, что он в этом подражает Магеллану, капитан назвал его своим именем — *проливом Фробишера*. Фробишер прошел мнимым проливом на северо-запад 50 миль, «имея с правой руки... азиатский материк, который здесь, как он полагал, отделялся от американской суши, лежащей по его левую руку».

«Американская суша» Фробишера — это юго-восточный полуостров *Баффиновой Земли*, носящий до настоящего времени латинское название *Мета-Инкогнита* («Неведомая Цель»): такое условное секретное название дала королева Елизавета, которая сочла, со слов Фробишера, этот участок суши за подступ к Азии. А лежащий к северу «азиатский материк» Фробишера — это выступ той же Баффиновой Земли, называющийся теперь полуостровом Холл.

В заливе Фробишер встретил людей. По записи кормчего «Габриеля» Кристофера Холла, они «... похожи на татар, с длинными черными волосами, широкими лицами и плоскими носами, смуглы, одеты в тюленьи шкуры — одинакового покроя у

* Фробишер не мог отождествить ее с Гренландией, так как руководствовался книгой и подложной картой Дзено, о чем прямо говорит его спутник Джордж Бест в своем сводном отчете.

Деталь карты Фробишера (эскиз)

мужчин и женщин... Лодки их также сделаны из тюленьих кож, а под кожей скрывается деревянный киль...» Это была первая исторически доказанная встреча европейцев с американскими эскимосами: «скрелинги», о которых рассказывали норманны, и «туземцы», привезенные Кортириалом, могли быть гренландскими эскимосами или американскими индейцами. Их «сходство с татарами» (монголоидный тип) было в глазах Фробишера дополнительным доказательством того, что он достиг Азии.

Моряки высаживались на берег и приносили оттуда растения и камни, среди которых был черный камень с желтыми проблесками, принятый Фробишером за золотую руду. Эскимосы завели немой торг с англичанами. Однажды лодка с пятью матросами, отправившимися на торг, пропала без вести. С поредевшей командой, без лодки Фробишер не рискнул плыть дальше на запад; к тому же наступила осень, да и он спешил вернуться в Англию, чтобы сообщить там о своем двойном «великом» открытии — пролива, ведущего из Атлантического в Тихий океан, и золотой руды. Захватив с собой одного эскимоса, Фробишер в конце августа поднял паруса и в начале октября того же, 1576 года вошел в Темзу.

Вторая экспедиция Фробишера

Немедленно организована была «Катайская компания», получившая большие привилегии. Фробишеру королева дала титул «главного адмирала всех морей, озер, земель и островов, стран и мест, вновь открываемых, особенно в Катае». Елизавета внес-

ла наибольший пай, снарядила на казенный счет корабль в 200 тонн. Кроме того, Фробишеру даны были тот же «Габриель» и дезертировавший барк. Экипаж всех судов состоял из 140 человек, среди которых были и солдаты, и рудокопы. Большой корабль должен был с грузом золотой руды немедленно вернуться в Англию, Фробишер с двумя барками — продолжать исследование своего «пролива» и пройти в Катай или в крайнем случае так далеко на запад, чтобы окончательно удостовериться, что он находится в другом океане.

В конце июня 1577 года Фробишер снова вышел из устья Темзы, поднялся на этот раз до Оркнейских островов и лег оттуда на западный курс. Дойдя до «американской суши» (Мета-Инкогнита), Фробишер заставил своих людей со знаменами высаживаться на берег в нескольких пунктах и при трубных звуках маршировать перед изумленными эскимосами. Но храбрый моряк повинен в злостной клевете на эскимосов. Он увидел груды костей в эскимосской хижине и решил, что это человеческие кости и что кроткие жители «края земли» свирепые люди. Он увидел на острове безобразную старуху и решил, что она дьявол, что вообще на этой земле много дьяволов, и назвал ее «островом Демонов» *.

Из-за льдов Фробишер не мог (или не хотел) форсировать «пролив». Он спешно наполнил трюмы большого корабля и малых судов «драгоценным» грузом (более 200 тонн камня). В сентябре торжествующий мореплаватель был уже в Англии. Золотая лихорадка охватила англичан, особенно после того, как королевская «ученая» комиссия установила, что в руде действительно содержится много золота и что «пролив» Фробишера действительно ведет в «Катай».

Третья экспедиция Фробишера

К следующему, 1578 году снаряжены были под начальством Фробишера пятнадцать судов, больших — военных и грузовых — и небольших — для дальнейших открытий. Такой флотилии Англия никогда еще не посылала за океан.

В конце мая 1578 года Фробишер в третий раз пустился в путь с тройным заданием: во-первых, основать колонию и построить крепость у «пролива», ввиду того, что новооткрытая золотая страна, естественно, могла привлечь жадное внимание других морских держав; во-вторых, немедленно приступить к эксплуатации золотых рудников; в-третьих, продолжать с малыми судами исследование «пролива» и дойти по возможности до «Катая».

* Это название встречалось на английских картах северо-восточной Америки несколько десятков лет, иногда с надписью: «Здесь повсюду почитают дьявола».

Находясь к северо-западу от Ирландии, Фробишер и другие участники экспедиции, по записи одного из них, Джорджа Беста, наблюдали мощное течение. Они предположили, что это течение продолжается дальше — к Норвегии и другим странам Северной Европы, а идет с юго-запада, от «великого Мексиканского залива, где, упираясь в массив суши, вынуждено... повернуть на северо-восток... В этом,— продолжает Бест,— мы воочию убедились не только здесь, но и в другом, более северном месте».

Такое наблюдение — важный шаг в ходе исследования Гольфстрима, которое было начато Антоном Аламиносом за шестьдесят пять лет до третьей экспедиции Фробишера. Течение у западного побережья Ирландии — это дрейфовое Североатлантическое течение, участок Гольфстрима; далее (за Великобританией) оно действительно идет по направлению к Норвегии (Норвежское течение).

20 июня английская флотилия находилась у юго-западного побережья Гренландии, и Фробишер с несколькими офицерами высадился на берег. Там англичане впервые посетили поселения гренландских эскимосов. Людей в них не было — эскимосы убежали при виде чужеземцев. По одежде и вещам, оставленным в палатках, по лодкам, лежащим на берегу, англичане решили, что беглецы «во всех отношениях сходны с жителями Мета-Инкогнита». Однако спутники Фробишера обнаружили у гренландских эскимосов «ящик маленьких гвоздей» и «железный котелок» — находка, для них несущественная, но очень интересная для историков норманских открытий.

В начале июля флотилия остановилась у входа в забитый льдами «пролив Фробишера». Здесь во время снежной бури один из крупнейших кораблей столкнулся с айсбергом и затонул; экипаж его с трудом спасся. Остальные суда, рассеянные и отброшенные бурей на юг, попали в широкий, свободный от льда пролив, за которым на западе было видно свободное море, причем берег «американской суши» сильно уклонился к югу*. Суда блуждали там некоторое время, пока Фробишер не собрал их. Он повел флотилию на северо-восток, причем открыл проход между землей Мета-Инкогнита на западе и группой небольших островов (Резольюшен, Эджел и др.) на востоке. Теперь даже в глазах самого Фробишера Мета-Инкогнита не могла быть материком, так как была расположена между двумя проливами: одним настоящим — на юге (Гудзонов пролив), другим мнимым — на севере (залив Фробишера). У моряков возникло представление, пока очень смутное, о существовании большого архипелага на северо-западе Атлантического океана.

* Можно уверенно сказать, что флотилия Фробишера была в восточной части Гудзонова пролива, а свободное море на юге — это залив Унгава у северного берега Лабрадора.

Итак, Фробишер действительно видел подлинную Гренландию, положил начало открытию Баффиновой Земли, входил в широкие проливы, которые позднее стали называться Девисовым и Гудзоновым. И тем не менее, по общему признанию, он внес большую путаницу в карту северо-западной Атлантики. После его плаваний до начала XVII века картографы называли Гренландией не один, а целых четыре острова, существующие и выдуманные. Но в то же время Фробишер сделал большой вклад в географическую науку. Он первый начал изучение природы айсбергов; он заметил, что айсберги при таянии дают пресную, а не соленую воду, и правильно заключил, что они «рождаются» на суше и сползают в море, как альпийские глетчеры сползают в горные долины. И он, как мы видели, внес немалый вклад в изучение Гольфстрима.

Фробишер отказался от постройки крепости у «прохода»; позже он ссылался на то, что во время бури погибла большая часть строительных материалов. Трюмы всех его судов были наполнены «золотой рудой», и 31 августа флотилия двинулась в обратный путь.

На следующий день новая буря рассеяла все суда, и они одиночке вернулись в различные английские порты. При разгрузке образцы руды попали во многие руки, но ни один, даже самый лучший, специалист в мире не мог обнаружить в привезенной руде ни крупинки золота. Величайшее английское заокеанское предприятие XVI века закончилось величайшим крахом: Мета-Инкогнита оказалась не материком, а островом, «пролив» Фробишера — заливом, в «золотой руде» не было золота.

После этой неудачи Мартин Фробишер навеки простился с Севером. Он последовал примеру пирата Френсиса Дрейка и вернулся к своей первоначальной «профессии» — искал драгоценные металлы... в трюмах испанских кораблей, идущих из «Западной Индии» в Испанию. Как и многие другие английские пираты, он командовал затем одним из кораблей, высланных Англией против испанской «Непобедимой Армады». Фробишер был убит у берегов Франции в 1594 году при нападении на Брест во время войны Генриха IV Бурбона против реакционной католической «Лиги».

Описания трех арктических экспедиций Мартина Фробишера составлены не им лично (по-видимому, он был не мастер писать), а его спутниками, несомненно, однако, по его указаниям. Отчет о первом плавании написан кормчим «Габриеля» Кристофером Холлом, который в той же должности участвовал и в двух других арктических экспедициях Фробишера. Отчет о втором плавании написал Дайонайз Сетл, о третьем — Томас Эллис.

Сводное подробное описание всех трех экспедиций дал неизменный спутник Фробишера (в третьей экспедиции он

командовал одним из судов) Джордж Бест под заглавием «Правдивый доклад о трех исследовательских плаваниях для отыскания Северо-западного прохода в Китай под руководством генерала Мартина Фробишера... сочиненный мастером Джорджем Бестом, джентльменом, участвовавшим в этих самых плаваниях». Для своего «Правдивого доклада» Бест использовал все три отчета, записи в судовых журналах, другие документы, метеорологические и океанографические наблюдения участников экспедиций, в том числе сделанные непосредственно самим Фробишером, и присоединил к ним свои личные наблюдения. Докладу Бест предпослал длинное географико-этнографическое предисловие — «Двойное рассуждение, содержащее некоторые основания для доказательства того, что все части мира обитаемы».

Глава 13

АНГЛИЙСКИЕ ПИРАТЫ И АНГЛО-ИСПАНСКАЯ БОРЬБА НА МОРЯХ

Пиратские набеги Дрейка

В середине XVI века на испанских атлантических путях большую активность начали проявлять английские пираты. Как и пираты других национальностей, они то охотились за испанскими судами, груженными драгоценными металлами, то вели контрабандную торговлю неграми-рабами с испанскими же плантаторами в «Западной Индии». Малые Антильские острова стали основными пиратскими базами; отдельные острова постоянно переходили из рук в руки, от пиратов одной национальности к другой.

Одному из английских пиратов, Френсису Дрейку, удалось перенести борьбу с Антильских островов к берегам самой Испании и нанести ей затем ряд сокрушительных ударов у тихоокеанских берегов Америки. Этот пират, по выражению его современника, испанского вице-короля Перу, «открыл путь в Тихий океан всем еретикам — гугенотам, кальвинистам, лютеранам и прочим разбойникам...»

«Железный пират», как его позднее называли, был человек властный и крутой, с бешеным характером, чрезвычайно мнительный и суеверный, даже для своего века.

Как пират Дрейк действовал не за свой страх и риск. Он был только «приказчиком» крупной «компании на паях», одним из пайщиков которой была сама английская королева Елизавета. Она снаряжала на свой счет корабли, делилась с пиратами добычей, причем львиную долю прибыли с «предприятия» брала себе.

Свое боевое крещение Дрейк получил в 1567—1568 годах во флотилии пирата-работоторговца Джона Хокинса, захваты-

вавшего испанские города в Центральной Америке, чтобы беспошлинно вести торговлю неграми с испанскими же плантаторами. Набег Хокинса кончился тем, что пять судов попали в руки испанцев и только один корабль — под командой Дрейка — вернулся в Англию.

Через четыре года Дрейк уже самостоятельно совершил набег на Панамский перешеек, разгромил караван, шедший с драгоценными металлами из Перу, и на захваченных новеньких испанских судах благополучно вернулся в Англию.

В 1577 году Френсис Дрейк приступил к самому важному из своих предприятий, которое неожиданно для него самого завершилось первым английским (вторым после Магеллана) кругосветным плаванием. Основной целью пирата было нападение на тихоокеанские берега Испанской Америки.

Вернувшись в Англию Дрейк предполагал кружным путем — обогнув Америку с севера, для чего он надеялся использовать Северо-западный проход, который только что «открыл» Мартин Фробишер. Между тем испанцы, наученные горьким опытом последних лет, ожидали английских пиратов на подходах к Карибскому морю и послали туда сильный флот.

Королева Елизавета и некоторые английские вельможи и на этот раз поддержали предприятие своими средствами. Они только требовали, чтобы пират хранил в тайне их имена, боясь быть скомпрометированными в подозрительном деле, если оно кончится неудачей.

Дрейк снарядил четыре корабля вместимостью 90—100 тонн, не считая пинасы.

В апреле 1578 года пираты подошли к берегу Южной Америки в районе Ла-Платы и медленно продвигались на юг. В конце июня, то есть в середине зимы южного полушария, они остановились в той же бухте Сан-Хулиан, где зимовал Магеллан и где он подавил бунт и казнил главарей заговорщиков. Именно здесь Дрейк, явно подражая великому португальцу, обвинил одного офицера в заговоре и казнил его.

В середине августа пираты двинулись дальше на юг. Флотилия Дрейка теперь уменьшилась до трех кораблей: еще в конце мая он приказал снять с одного пришедшего в негодность корабля снасти и все железные части, а остов сжечь.

Через три дня после выхода из бухты Сан-Хулиан англичане вошли в Магелланов пролив. Продвигались они по проливу очень медленно, с большими предосторожностями в течение двух с половиной недель. Выйдя в Тихий океан, Дрейк поспешил к северу: его команда сильно страдала от холода, несмотря на то что зима кончалась. Но буря надолго задержала пиратов на крайнем юге — до конца октября — и навсегда разлучила их суда. Один корабль пропал без вести, другой через месяц был отброшен бурей обратно в Магелланов пролив, выбрался в Ат-

лантический океан и вернулся в Англию. Судьба пинасы не выяснена.

Одиноким корабль Дрейка «Золотая лань» (100 тонн) за эти два месяца был отнесен бурей на юг почти на пять градусов. Это обстоятельство доказывало, что Огненная Земля вовсе не выступ гигантского Южного материка, как раньше предполагали, а большой остров или архипелаг. Подлинный южный материк, Антарктида, лежит в 1000 км к югу от Огненной Земли. В XIX веке, после открытия Антарктиды, широкий проход между ней и Огненной Землей начали называть *проливом Дрейка*.

«Золотая лань» легла на северный курс, так как Дрейк надеялся соединиться с двумя другими пиратскими кораблями, как ранее было условлено, в Вальпараисо (Чили). Но пропавших английских судов там не было. Дрейк разграбил город и захватил стоящий в гавани испанский корабль с грузом вина и некоторым количеством золота.

Корабль двинулся дальше на север. На испанских картах, попавших в руки англичан, чилийское побережье имело северо-западное направление, но всякий раз, когда Дрейк поворачивал на северо-запад, он терял берег из виду; оказалось, что все побережье Чили тянется в основном с юга на север. Только у Перу берег действительно повернул на северо-запад. Так Дрейк «срезал» сотни тысяч квадратных километров несуществующей территории, ошибочно (или сознательно неверно) показанной на испанских картах. После его плавания контур Южной Америки на европейских картах принял более правильные, знакомые нам очертания.

«Золотая лань» пересекла Южный тропик и подошла к портам, через которые испанцы отправляли в Панаму перуанское серебро. Испанцы чувствовали себя там и на суше, и на море в полной безопасности и перевозили ценные грузы без всякой охраны. Часть таких грузов попала в руки Дрейка.

Открытие Дрейком „Нового Альбиона“

Дальнейшее ожидание или поиски пропавших кораблей были, очевидно, бесполезны: ни один из допрошенных Дрейком плененных испанских моряков никогда ранее не видел у тихоокеанских берегов Америки английских судов и даже не слышал об их появлении. Возвращаться в Англию пройденным путем — через Магелланов пролив или к югу от него, вокруг Огненной Земли — было опасно: Дрейк боялся и бурь и испанцев, которые могли подстеречь его у восточного входа в Магелланов пролив. И действительно, испанское правительство послало туда несколько военных кораблей, как только получило сообщение о пиратских операциях у берегов Чили и Перу. Тогда Дрейк ре-

шил вернуться домой «проливом Фробишера», пройдя его с запада на восток, то есть обогнуть Америку с севера.

Пираты отремонтировали «Золотую лань», запаслись топливом, водой и направились на северо-запад, вдоль тихоокеанского берега Мексики. По пути Дрейк не осмеливался нападать на крупные портовые города и грабил только поселки.

От Мексики Дрейк пошел дальше на север. Когда англичане в июне 1579 года поднялись в сороковые широты, они испытали внезапный переход от жары к холоду: падал мокрый снег, снасти обледенели, часто налетали шквалы. Когда ветер на время затихал, надвигались густые туманы, из-за которых приходилось стоять на месте. Две недели нельзя было определить положение корабля ни по солнцу, ни по звездам.

Спутник Дрейка Френсис Флетчер писал:

«Когда мы приближались к берегу, мы видели голые деревья и землю без травы, и это в июне и в июле... Но и здесь мы не нашли никаких следов желанного прохода на восток, берег неизменно отклонялся к северо-западу, как будто шел на соединение с азиатским материком... Нигде не видели мы следов пролива.... мы сделали не предположение, а вывод, что такого пролива и не существует. Тогда решено было спуститься в более теплые широты: мы были под 48° , и десять градусов, пройденные нами, перенесли нас в прекрасную сторону с мягким климатом».

Тихоокеанский берег Северной Америки начинает «неизменно отклоняться к северо-западу» у острова Ванкувер, за 48° с.ш. Именно эту параллель и указывает Флетчер. На самом деле пролив у 48° с. ш. существует, но, конечно, не тот, о котором мечтали пираты, то есть не Северо-западный проход, а пролив (Хуан-де-Фука) между островом Ванкувер и материком. Конечно, англичане могли не заметить его из-за тумана или из-за того, что были в то время отогнаны бурей слишком далеко от берега, но гораздо правдоподобнее, что Дрейк достиг только 43° с.ш. (мыс Бланко)*. Правда, вряд ли в XVI веке такой опытный мореход, как Дрейк, мог допустить ошибку в пять градусов при определении широты; но дело в том, что из-за скверной погоды как раз и не было возможности определить положение корабля.

На параллели 38° с. ш. находится северная часть залива Сан-Франциско. При движении на север Дрейк не видел, однако, узкого входа (пролив Золотые Ворота) в этот великолепный залив и не доходил до него на обратном пути. Теперь можно считать доказанным, что «Золотая лань» остановилась на якоре приблизительно в 50 км к северо-западу от Золотых Ворот, в небольшом заливе Дрейка (38° с. ш., 123° з. д.).

* Именно эту широту указывает Д. Бейкер (стр. 136), а Д. Уинсор даже 42° с. ш. (стр. 592).

Англичане высадились на берег, снесли туда груз и приступили к ремонту корабля. Они разбили на берегу лагерь и укрепили его. Калифорнийские индейцы группами подходили к лагерю с оружием в руках, но не проявляли никаких враждебных намерений, только с изумлением смотрели на странных пришельцев. Англичане раздавали им подарки и старались жестами показать, что они не боги и нуждаются в пище и в питье. У лагеря стали собираться толпы индейцев — голые дети, мужчины, женщины, носившие «юбки из тростника, растрепанного, как пакля, а на плечах оленьи шкуры». Они приносили пиратам перья и мешки с табаком.

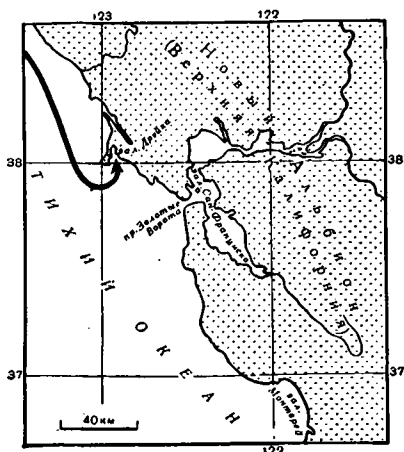
Однажды явился местный вождь, окруженный красивыми и статными воинами, все в меховых плащах. За ними шли другие индейцы. Мужчины в некотором отдалении от лагеря начали петь и плясать. Женщины плясали молча. Дрейк сначала встревожился и собрал вокруг себя всех своих людей, но потом успокоился и впустил индейцев в лагерь. Там они продолжали петь и плясать до полного изнеможения.

Пират решил, что настал удобный момент для формального присоединения к английским владениям открытой им страны.

Речь на непонятном языке, с которой обратился к нему вождь, Дрейк истолковал как просьбу со стороны местного «короля» взять страну под его покровительство. В руках у одного индейца, шедшего к лагерю перед вождем, был «скипетр» из черного дерева, на котором висели два венка, три костяные цепочки и мешок с табаком.

«...От имени королевы Дрейк взял в свои руки скипетр и венок, а вместе и власть над всей страной, назвав ее Альбионом, на что были две причины: во-первых, белый цвет прибрежных скал, а во-вторых, желание связать страну с нашей родиной, которая некогда так называлась».

Перед отплытием из «Нового Альбиона» Дрейк, подражая португальцам, поставил на берегу столб и прибил к нему медную дощечку, на которой были вырезаны имя королевы Елизаветы, даты прибытия англичан в страну и «добровольного подчинения».

«Новый Альбион» Дрейка

ния» индейцев английской королеве (1579 г.). Ниже пират вставил серебряную монету с изображением королевы и ее гербом, а еще ниже вырезал собственное имя *.

Завершение Дрейком кругосветного плавания

Теперь Дрейк решил идти от «Нового Альбиона» через Тихий океан к Марианским островам. Шестьдесят восемь дней англичане не видели ничего, кроме неба и моря. В конце сентября 1579 года показалась вдали земля — один из Марианских островов, а в ноябре «Золотая лань» подошла к Тернате (Молукки). Правитель этого острова, враг португальцев, снабдил англичан продовольствием.

К концу 1579 года пираты провели почти месяц на необитаемом острове к югу от Целебеса, так как их корабль нуждался в ремонте, а они сами — в отдыхе. Затем мореплаватели еще несколько недель в начале 1580 года блуждали в лабиринте островков и мелей, причем их корабль едва не погиб, наскочив на риф.

У Явы от местных жителей пираты узнали, что недалеко стоят корабли, такие же большие, как «Золотая лань». Дрейк решил не медлить, так как не имел ни малейшего желания встретиться с португальцами, и взял курс прямо на мыс Доброй Надежды. Он обогнул мыс в середине июня 1580 года, а еще через два месяца пересек Северный тропик. В конце сентября 1580 года «Золотая лань» стала на якорь в Плимуте — через два года и десять месяцев после того, как оставила Англию, завершив второе после испанского корабля «Виктория» кругосветное плавание. Но на «Виктории» командиры несколько раз сменялись в пути, и Дрейк ставил себе в большую заслугу, что он был первым капитаном, который на одном и том же корабле начал и закончил кругосветное плавание.

Пиратский рейд Дрейка открыл для английских кораблей морские пути, известные ранее только испанцам и португальцам, и в то же время резко ухудшил англо-испанские отношения. Испанский посланник требовал примерного наказания пирата и возвращения награбленного добра, которое оценивалось в огромную сумму. Но английская королева вовсе не была намерена отказаться от такой добычи. Она осыпала милостями Дрейка и дала ему титул баронета; она приняла от него драгоценные подарки и лично «осчастливила своим присутствием» блестящий банкет, устроенный на пиратском судне. Испанскому посланнику Елизавета приказала ответить, что все ценности будут храниться в королевской сокровищнице до тех пор, пока между Англией и Испанией не будут произведены расчеты по взаим-

* Американские газеты сообщали перед второй мировой войной, что медная дощечка Дрейка и монета были найдены «в окрестностях Сан-Франциско».

ным претензиям: ведь испанцы тоже грабили и топили английские суда и нередко конфисковывали в своих европейских владениях товары у английских купцов «еретиков».

Для описи и опечатания награбленного Дрейком имущества королева послала чиновника с наказом, чтобы он раньше дал Дрейку возможность «привести все в порядок». Пират, по его собственным словам, «видел желание ее величества, чтобы точные цифры не были известны ни одной живой душе». И никто не может сказать, каковы были действительные размеры добычи и как пират поделился этой добычей с королевой.

Еще сильнее обострились англо-испанские отношения в 1586 году, после того как Дрейк, командуя уже целым флотом в двадцать пять судов, разграбил несколько портовых городов на острове Гаити и у юго-западных берегов Карибского моря.

Разгром испано-португальской „Непобедимой Армады“

В 1587 году Дрейк предпринял свой исключительный по дерзости набег на важнейший испанский порт Кадис: с четырьмя боевыми кораблями он ворвался в порт, потопил и сжег более тридцати испанских кораблей. По выражению самого Дрейка, он «подпалил бороду испанскому королю». А на обратном пути он уничтожил у португальских берегов около сотни неприятельских судов. Однако самую богатую добычу доставило Дрейку португальское судно, шедшее из Индии с грузом пряностей. Этот груз представлял такую ценность, что каждый матрос в эскадре Дрейка «считал свою судьбу устроенной». С этого времени английские предприниматели обратили сугубое внимание на Ост-Индию.

Испанский король Филипп II ответил на набег Дрейка мобилизацией всего испанского и португальского флота (с 1580 по 1640 г. Португалия была объединена с Испанией). Создана была огромная флотилия из 130 кораблей; для десантной операции на корабли была посажена армия в 19 тыс. солдат. Эта «Непобедимая Армада» была отправлена в 1588 году из Лиссабона для завоевания Англии.

Во главе Армады был поставлен человек, совершенно незнакомый с морским делом, зато самого знатного рода — герцог Медина Сидонья. Эскадра была скверно снабжена воинскими припасами, продуктами и водой. Английское правительство могло противопоставить испанцам только семьдесят сравнительно небольших кораблей, но оно спешно мобилизовало больше сотни частных судов. На английских судах не было солдат, которые только затрудняли действия испанских моряков. И, кроме того, английскими морскими силами командовали не бездарные вельможи, а опытейшие моряки и виднейшие пираты, в том

числе Дрейк, Хокинс и Фробишер. Кроме того, англичанам помогли голландцы, выславшие много судов с опытными командами.

«Непобедимая Армада» шла через Ла-Манш в Испанскую Фландрию (современную Бельгию). Там ждала ее другая испанская армия, состоявшая из 3000 пехотинцев и 4000 кавалеристов. Они должны были сесть на плоскодонные суда, специально выстроенные для этой цели, и под охраной Армады плыть к Англии (менее 100 км). Успех предприятия зависел от удачного плавания «Непобедимой Армады», без охраны которой десантная операция была невозможна. Английские корабли пропустили испанскую эскадру в Ла-Манш, а затем зашли в тыл и напали на отстающие суда. Англичане, по выражению Дрейка, «вырывали из хвоста испанской птицы одно перо за другим».

Армада остановилась в самом узком месте пролива, у французского берега, ожидая десантный отряд из Фландрии. Но англичане не ждали. Как только поднялся ветер, они ночью пустили брандеры на неприятельскую эскадру. Началась паника. Армада рассеялась в разные стороны, корабли потеряли связь друг с другом. Воспользовавшись этим, англичане днем начали сражение.

«Битва, или, скорее, охота (ибо англичане имели очевидное преимущество во всех пунктах атаки), длилась до наступления темноты. Испанцы дрались храбро, но их неуклюжие корабли были непригодны для плавания в прибрежных водах и для маневренного боя. Испанцы потерпели полное поражение и понесли тяжёлые потери» *.

«Непобедимая Армада» уже не могла соединиться с транспортом, ожидавшими ее во Фландрии, так как от фландрских берегов ее разрозненные части были отрезаны подвижными, неугомонными английскими и голландскими судами. Поднявшийся южный ветер гнал «Непобедимую Армаду» на север. Англичане, у которых истощились боевые припасы, следовали за ней, нападая на отстающие корабли.

Теперь испанцы стремились кружным путем — мимо северных берегов Шотландии и Ирландии — вернуться обратно на родину. Но буря у Оркнейских островов раскидала во все стороны испанские суда. Одни пошли ко дну, другие разбились о скалы западной Шотландии и Гебридских островов и у берегов Ирландии. Тысячи трупов были выброшены волнами на берег. Те из потерпевших крушение, которым удалось добраться до берега, были перебиты на месте или взяты в плен и казнены. Меньше половины судов «Непобедимой Армады» вернулось в Испанию и меньше 10 000 истощенных и больных людей.

* Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 545.

Испано-португальскому господству над океанами был нанесен сокрушительный удар.

Испано-португальские договоры о «разделе мира» стали ключами бумаги. В колониальной истории Северной Америки разгром «Непобедимой Армады» сыграл очень большую роль. Теперь англичанам, французам, голландцам можно было вполне свободно, без оглядки на испанцев пересекать Атлантический океан, «плавать для открытий» у берегов Северной Америки, основывать там поселения.

С начала XVII века в приатлантической полосе Северной Америки одна за другой возникают колониальные поселения ряда европейских государств, но только не испанские: на севере — французские, в центре и на юге (до Флориды) — английские, между ними — голландские и шведские.

Глава 14

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕВИСОВА ПРОЛИВА

Первая экспедиция Джона Девиса

Несмотря на тяжелую неудачу Мартина Фробишера, мечта найти Северо-западный проход все еще владела английскими умами. Несколько лондонских купцов решили «во славу Божию и на пользу отечества отложить в сторону все мысли о золоте и серебре и снарядить корабли с единственной целью открыть морской проход в Индию». Они приобрели два судна: «Саншайн» («Солнечный свет») водоизмещением 50 тонн с командой в двадцать три человека и «Муншайн» («Лунный свет») — 35 тонн с командой в девятнадцать человек.

Во главе экспедиции был поставлен Джон Девис (1550—1605 гг.), по отзывам современников, человек очень сведущий в мореходном искусстве. И действительно, Девис был выдающимся ученым-навигатором и арктическим исследователем своего времени. Оставив Англию 7 июня, оба судна достигли 20 июля 1585 года какой-то земли у параллели 60° с.ш. Это была юго-восточная окраина Гренландии. Однако картографическая путаница, внесенная Фробишером, была так велика, что Девис не признал Гренландии, да и на знакомых ему картах XV—XVI веков ее южная оконечность доходила в лучшем случае до параллели 63,5° с.ш. Поэтому Девис решил, что перед ним какой-то новый, еще никому не известный остров. Он видел гору, которая поднималась выше облаков, «как громадная сахарная голова». Земля была покрыта снегом, море у берегов забито льдом. Ему казалось, что даже льдины печально стонут у берегов, что вода в море «черная и густая, как стоячее болото». И Девис назвал эту землю «Десолейшн» — «Страна Отчая-

ния». Он повернул на юго-запад и через несколько дней потерял из виду эту землю, «...самую безобразную, скалистую и гористую из всех, когда-либо виденных». Затем Девис взял курс на северо-запад (обогнув, таким образом, южную оконечность Гренландии) и через несколько дней опять увидел берег. Вот как описывает эту новую землю постоянный спутник Девиса в его арктических плаваниях Джон Джейнс, один из авторов книги «Плавания и деяния Джона Девиса, мореплавателя»*.

«29 июля мы открыли на $64^{\circ} 15'$ с. ш. землю, выступавшую на северо-востоке от нас. Противный ветер мешал нам идти на северо-запад; мы с величайшим трудом и осторожностью пробивались через эту чуму — лед, чтобы рассмотреть землю. Подойдя ближе к берегу, мы нашли много красивых, глубоких проливов и много длинных и узких заливов, ведущих в глубь земли, — и мы рассудили, что эта земля состоит из множества островов».

Залив, где были разбросаны эти острова, Девис назвал «заливом Гилберта», в честь Хемфри Гилберта (см. гл. 16).

На одном из островов в заливе произошла первая после норманнов, вполне дружественная встреча европейцев с гренландскими эскимосами (от Фробишера они, как мы знаем, бежали). Однако, ни Девис и никто из его спутников не знал, что он находится в Гренландии, на ее юго-западном побережье, и что «залив Гилберта» с его многочисленными островами и извилистыми проливами между ними — один из гренландских фьордов. Если Девис правильно определил широту, а ошибка у этого ученого-навигатора вряд ли могла быть очень велика, то англичане попали в Готхоб-фьорд, на берегах которого в минувшем, XV веке жили европейские колонисты норманны. Англичане этого не знали (тем беспристрастнее их показания); и никто из них не отметил в облике гренландцев какой-либо европейской черты, а в их одежде и предметах обихода — какого-либо европейского влияния, хоть встречались с ними не раз — и в этом, и в следующем году.

В начале августа Девис вышел из «залива Гилберта» в открытое море и без помех двинулся дальше в северо-западном направлении. Пройдя так около 600 км, англичане «открыли у $60^{\circ} 40'$ землю, совершенно свободную от этой чумы — льда». Это был *полуостров Камберленд* — восточный выступ Баффиновой Земли, пересекаемый полярным кругом. То широкое водное пространство, которое отделяет полуостров Камберленд от Гренландии, названо было позднее *Девисовым проливом* (наименьшая ширина его у полярного круга около 330 км). Девис решил, что зашел слишком далеко к северу, и повернул на юг. Следуя вдоль очень извилистого восточного берега полуострова Камберленд, он вступил там, где берег круто поворачивает на северо-

* Переиздана в Лондоне в 1880 году.

запад, в широкий залив (*Камберленд*), простирающийся далеко в глубь страны. Девис прошел в новом направлении — вдоль северного берега залива около 200 км, но залив не кончился и не суживался.

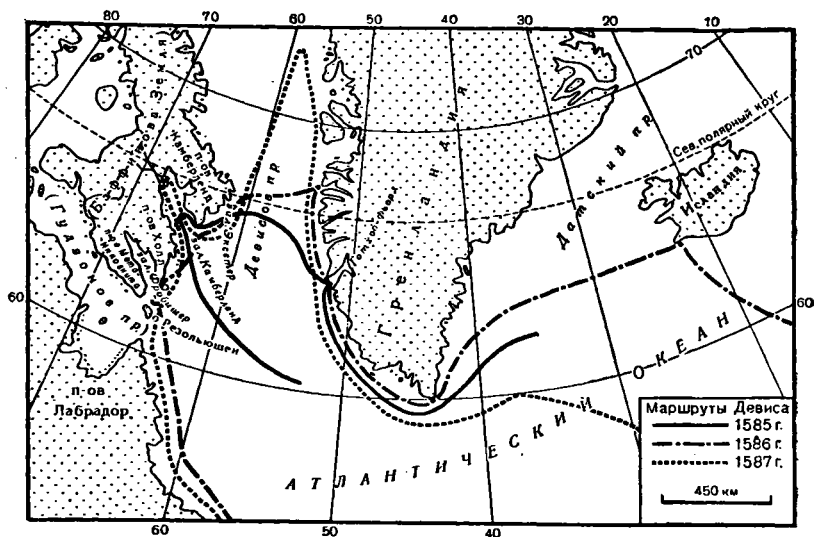
«Это очень удобный вход или проход, совершенно свободный от льда, препятствующего судоходству,—пишет Джейнс,— и вода в нем такого же цвета, состава и качества, как в открытом океане, что сильно подняло нашу надежду на то, что нам удастся найти проход». Земля эта была обитаемой: в одном месте англичане, высадившись на берег, обратили в бегство низкорослых людей в меховых одеждах. Девис находился, не зная того, уже недалеко от вершины залива, когда на море пал такой туман, что дальнейшее продвижение в неведомых водах стало очень опасным. Тогда он решил повернуть обратно. Трудно сказать, был ли он сам и все его офицеры твердо убеждены в том, что действительно открыли Северо-западный проход, но во всяком случае Девис хотел убедить в этом своих хозяев — лондонских купцов и высокопоставленных прокровителей. Вернувшись в конце сентября в Англию, он так писал одному из королевских министров: «Северо-западный проход несомненно существует, пройти через него можно в любое время; он судоходен, свободен от льда, погоды там сносные, воды глубокие».

Вторая экспедиция Девиса

Сообщение об «открытии» Северо-западного прохода было с радостью принято в Лондоне. Купцы расщедрились, дали Девису еще один, сравнительно большой корабль — «Мермейд» («Русалка», 120 тонн) и небольшое судно в 20 тонн. Сам Девис, как и в прошлом году, плавал на «Саншайне».

Флотилия оставила Англию 7 мая 1586 года. Через месяц в открытом океане Девис послал два меньших судна на север искать до 80° с. ш. проход в Тихий океан между Исландией и Гренландией. Через два дня этот северный отряд встретил льды и повернул на восток, а еще через три дня добрался до западного побережья Исландии. 26 июня, оставив Исландию, суда пересекли в северо-западном направлении Датский пролив. У Гренландии они легли на южный курс и шли так, пока не достигли «Страны Отчаяния» Девиса, доказав таким образом, что эта страна — часть Гренландии. Обогнув ее с юга, они прошли путем, уже разведанным в минувшем году, к «заливу Гилберта».

Два больших корабля после разделения флотилии с большим трудом проложили себе путь через плавающие льды к «заливу Гилберта». Там они простояли до середины июля. Эскимосы встретили англичан как старых знакомых. Сотни лодок подплывали к кораблям. Эскимосы предлагали англичанам «тюленей

Плавания Девиса

кожи, оленье шкуры, зайцев-беляков, тюленину, лососину, треску, сухую рыбешку — не больше сардинки, всякую другую рыбу и птицу — все, чем богата их страна», а получали в обмен, как всегда, безделушки.

Девис и его спутники обследовали район залива и обнаружили там «широкие реки», называя так, очевидно, длинные и узкие фьорды — ветви Готхоба или соседние фьорды.

Во второй половине июля Девис хотел продолжать исследование Северо-западного прохода, «открытого» им в прошлом году, но на этот раз он с большим трудом продвигался во льдах к полуострову Камберленд и не мог даже близко подойти к нему. Две недели плыл Девис вдоль кромки льдов. Погода ухудшилась, в холодном тумане паруса и снасти покрылись ледяной коркой. Команды двух судов стали роптать. Девис отправил их домой, а сам продолжал путь сквозь туманы и льды. В начале августа у полярного круга он вынужден был подойти к гренландскому берегу и переждать там, пока море хоть немного не очистится от льда.

В середине августа Девис повторил попытку перейти от Гренландии к полуострову Камберленд. Он подошел к нему у залива Эксетер ($66^{\circ} 15'$ с. ш., $62^{\circ} 15'$ з. д.), повернул на юг, но из-за тяжелых ледовых условий не мог даже войти в залив Камберленд. Девис пытался отыскать пролив, ведущий в Тихий океан южнее, прошел вдоль восточного побережья полуострова Холл (восточный выступ Баффиновой Земли) и мимо входа в

Гудзонов пролив, не заметив его: так он в то лето был забит льдом.

Далее Девис двигался в юго-восточном направлении — вдоль побережья полуострова Лабрадор. На широте $54^{\circ} 15'$ перед ним открылся широкий вход в «пролив, ведущий прямо на запад» (на самом же деле в залив Гамильтон), но из-за противного западного ветра и наступления осени он не мог исследовать этот «пролив». Он повернул на родину и прибыл туда в начале октября.

Лондонские купцы, снарядившие экспедицию, были, конечно, огорчены ее «ничтожными» результатами: ни дороги в Китай Девис не нашел, ни ценных товаров не привез с собой. Но этот моряк умел убеждать. Он обратил внимание купцов на то, что встречал в проливах, открытых им, множество китов и видел громадные стада тюленей на берегах. Купцы снова снарядили экспедицию, но взяли с Девиса торжественное обещание не упускать удобного случая для лова китов и зверобойного промысла.

Третья экспедиция Девиса

Главной целью третьей экспедиции Девиса была, следовательно, добыча ворвани и тюленьих шкур, открытие же Северо-западного прохода стало второстепенным делом. В его распоряжение поступили три судна. Англию он оставил в середине мая 1587 года.

И снова, уже в третий раз Девис подошел к Гренландии — к «заливу Гилберта». Он оставил там два больших судна и поручил им использовать время наивыгоднейшим образом для зверобойного промысла, а сам на меньшем судне решил продолжать поиски Северо-западного прохода.

Сначала Девис пошел вдоль гренландского берега к северу и на этот раз продвинулся далеко за полярный круг, до $72^{\circ} 12'$ с. ш., а отойдя от берега — до 73° с. ш. Когда льды и здесь остановили его, а попутный ветер сменился противным, он повернул на юго-запад.

В середине июля Девис снова увидел берег (Баффинову Землю). Пытаясь найти «пролив» Фробишера, он пошел на юго-восток, по направлению береговой линии новооткрытой земли. У полярного круга берег круто повернул на юго-запад, и Девис оказался у знакомого ему побережья полуострова Камберленд. Исследователь обогнул полуостров с юга, углубился в открытый им в 1585 году мнимый пролив и шел вдоль его северного берега, пока — к величайшему своему сожалению — не убедился, что там нет выхода в какое-либо западное море. На обратном пути он проследил весь южный берег залива Камберленд.

Выйдя в открытое море, огорченный Девис повторил попытку найти Северо-западный проход в более низких широтах. Спускаясь к югу, он посетил, не зная этого, именно тот район побережья Баффиновой Земли, где находилась Мета-Инкогни-та. Обнаружив, что к северу от нее нет никакого пролива, а только залив (Фробишер), который простирается в северо-западном направлении почти на 2000 км, Девис продолжил в конце июля 1587 года исследование открытого им полуострова Холл (между заливами Камберленд и Фробишер).

Выйдя из залива Фробишер на юг, Девис целые сутки шел, по его характеристике, через «Бешеный водоворот», а по словам Джейнса, «через очень большой залив, где вода кружилась и ревела, как будто здесь была встреча приливов». Они были вторично у входа в Гудзонов пролив, на этот раз заметили его, но прошли мимо к северо-восточному выступу Лабрадора. Девис проследил теперь почти все атлантическое побережье Лабрадора (до 52° с. ш.). В Англию он вернулся в середине сентября 1587 года.

За три летние навигации 1585—1587 годов Девис и его спутники вторично открыли на большом протяжении восточное и западное побережья Гренландии, причем сам Девис продвинулся на западе до 73° с. ш. Он открыл юго-восточное побережье Баффиновой Земли между параллелями 67° и 62° с. ш., и, следовательно, Девисов пролив вполне справедливо назван его именем. Он исследовал открытые им же полуострова Баффиновой Земли—Камберленд и Холл—и разделяющий их большой залив, завершил открытие и исследование залива Фробишер и, наконец, проследил все восточное побережье Лабрадора.

Напрасно умолял Девис лондонских купцов дать ему средства на четвертую экспедицию, за успех которой он ручался. Ему отказали, и он, как и Фробишер, вместо полярных морей стал посещать моря тропические.

В 1592 году Девис командовал одним из кораблей каперской экспедиции под начальством Томаса Кавендиша, которая направлялась через Магелланов пролив в Тихий океан. Отброшенный бурей на восток от пролива, Девис усмотрел тогда близ 52° ю. ш. «острова Девы», позднее названные Фолклендскими.

В конце XVI и начале XVII века Девис совершил пять плаваний в Ост-Индию. В 1605 году он был убит в Малаккском проливе в бою с малайцами.

«Кораблевождение обязано своим развитием Девису более чем кому-либо из англичан. В 1590 году или около этого он усовершенствовал алидаду... изобрел прибор для определения высоты солнца на море. Прибор этот давал наблюдателю возможность избегать ослепляющего солнечного света, так как при употреблении его наблюдатель был обращен спиной к солнцу ...» *

* Д. Уинсор. Христофор Колумб и открытие Америки, стр. 596.

Джон Девис написал две книги: «Гидрографическое описание мира», в которой использовал свои наблюдения, сделанные во время арктических плаваний, и навигационное пособие «Секреты морехода». Джастин Уинсор, американский историк географических открытий, писавший в конце XIX века, характеризует это пособие как «первое руководство на английском языке, написанное моряком-практиком, в котором были изложены основы кораблевождения в дальнем и кругосветном плаваниях».

Глава 15

ОТКРЫТИЕ ГУДЗОНОВА И БАФФИНОВА ЗАЛИВОВ

Первые арктические плавания Генри Гудзона

В 1607 году купцы английской торговой Московской компании приняли на свою службу ранее почти неизвестного, пожилого капитана Генри Гудзона, лондонского жителя. За их счет он снарядил парусник в 80 тонн с командой в двенадцать человек. На таком судне Гудзон собирался пройти в Японию прямо через Северный полюс.

1 мая 1607 года Гудзон вышел из устья Темзы и в июне, следуя при исключительно благоприятных ледовых условиях вдоль восточного берега Гренландии, достиг у 73° с. ш. того выступа, который позднее был назван *Землей Гудзона*. Встретив там тяжелые льды, он повернул на северо-восток и в конце июня увидел остров, который, по-видимому, принял за Новую Землю; на самом же деле это был Западный Шпицберген. Он обогнул остров с севера и в середине июля впервые в истории достиг $80^{\circ} 23'$ с. ш.

Встретив непроходимые льды, Гудзон повернул обратно и у 71° с. ш. открыл небольшой одинокий остров с двумя вершинами, который он назвал «Зубцами Гудзона». Но он не мог точно определить положение «зубцов»; остров через четыре года был вторично открыт голландским капитаном Яном Майеном, который дал ему свое имя, закрепившееся на картах.

В середине сентября Гудзон вернулся в Лондон. Кроме больших географических достижений, его плавание имело и важное практическое значение: Гудзон подтвердил сведения о богатых возможностях китоловства и зверобойного промысла в исследованной им части Северного Ледовитого океана, которая теперь называется Гренландским морем, и английские и голландские промысленники воспользовались его указаниями. Но купцы Московской компании были недовольны: ведь прямое задание — достичь через Северный полюс Японии — не было выполнено.

Все же в следующем, 1608 году купцы вторично послали Гудзона в моря Дальнего Востока, на этот раз Северо-восточ-

ным путем, и даже увеличили команду его судна на два человека. В море капитан взял с собой сына; это он делал и в дальнейших плаваниях. 22 апреля 1608 года Гудзон вышел из устья Темзы и 26 июня достиг юго-западного берега Новой Земли, но не мог ни обогнуть ее с севера, ни пробиться через Карские Ворота на восток, в Карское море, и 26 августа ни с чем вернулся на родину.

Открытие „Большой Северной реки“ (реки Гудзон)

Лондонские купцы рассчитали «неудачливого» капитана, и он вынужден был перейти на службу недавно организованной (в 1602 г.) голландской Ост-Индской компании. Она также стремилась открыть для торговли с Восточной Азией Северный морской путь и это задание возложила на Гудзона. Команда на предоставленном ему судне состояла из англичан и голландцев, и нужно признать, что Гудзон не поладил ни с теми, ни с другими.

25 марта 1609 года Гудзон вышел из залива Зейдер-Зе на север; он обогнул мыс Нордкап, достиг в Баренцевом море 72-й параллели, встретил там тяжелые льды и вынужден был, в значительной мере под давлением недисциплинированной команды, отступить и повернуть на юго-запад. Продвигаясь в этом направлении, он, выдержав сильный шторм, пересек Северную Атлантику, подошел к американскому берегу у 44° с. ш. и начал поиски прохода в Тихий океан. От залива Мэн судно спустилось вдоль берега к югу за 36-ю параллель; не найдя желанного прохода, Гудзон повернул на север, на этот раз внимательно исследуя побережье.

Гудзон напрасно заходил в заливы Чесапикский и Делавэр, а у 40 $\frac{1}{2}$ ° с. ш. вошел в бухту, которую принял сначала за вход в желанный пролив. Но она оказалась устьем «Большой Северной реки», как назвал ее Гудзон. Он поднялся вверх по ее течению почти на 200 км и, отчаявшись в попытке найти пролив или собрать хотя бы сведения о нем, спустился к морю и вернулся в Европу. Неизвестно, по какой причине Гудзон не направился прямо в Голландию, а зашел в порт Дортмут (юго-западная Англия).

Здесь голландское судно было задержано, а Гудзон и другие моряки англичане сняты с судна.

Начало открытия Гудзонова залива

Служба на иностранном флоте не считалась изменой, и уже в следующем году английская Ост-Индская компания взяла Гудзона к себе на службу. Директора компании дали Гудзону для поисков Северо-западного прохода маленькое судно «Дис-

кавери» («Открытие») в 55 тонн, с командой в двадцать три человека. Они не вполне доверяли капитану: стало известно, что во время прошлого плавания к американским берегам моряки были очень недовольны своим командиром, и это недовольство несколько раз грозило перейти в открытый бунт. Поэтому директора назначили старшим офицером «Дискавери» незнакомому Гудзону моряка, которого они считали вполне надежным человеком.

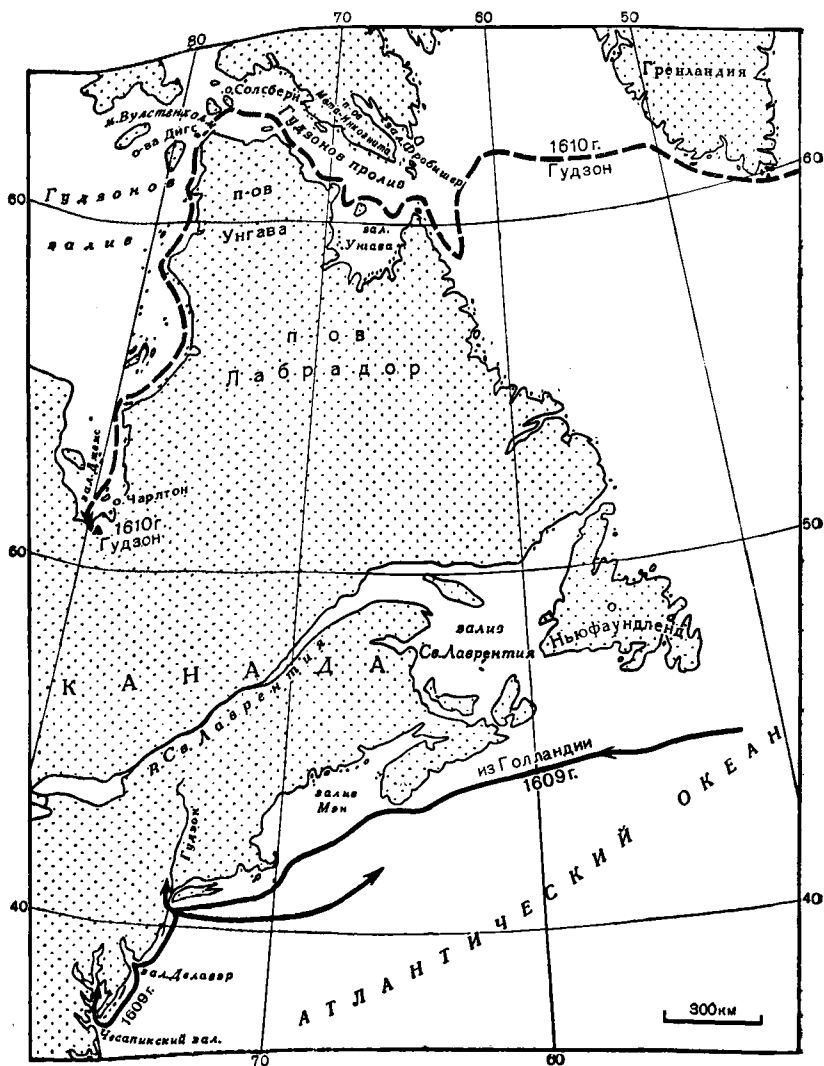
17 апреля 1610 года Гудзон вышел из лондонского порта. В устье Темзы он высадил на берег навязанного ему «наблюдателя». Выйдя в море, судно взяло курс на Исландию. Уже на этом переходе поднялся ропот среди команды, с которой капитан и на этот раз никак не мог поладить. От Исландии Гудзон перешел к восточному берегу Гренландии. Там он начал спускаться на юг, напрасно отыскивая проход в Тихий океан, обогнул южную оконечность Гренландии, а оттуда повернул на запад. Гудзон искал пролив у северного берега таинственной земли Мета-Инкогнита, открытой Фробишером; не найдя и там прохода, он обогнул «Мету» с юга и 5 июля попал в настоящий пролив (Гудзонов).

Медленно, на ощупь вел Гудзон «Дискавери» вдоль северного берега пролива, забитого льдами. 11 июля он выдержал здесь сильный шторм, перешел к противоположному берегу и вторично открыл там залив *Унгава*, а затем закончил открытие *всего северного побережья Лабрадора*.

2 августа у 63° 20' с. ш. показалась земля, которую Гудзон принял сначала за выступ материка (в действительности же это был *остров Солсбери*). На следующий день судно обогнуло этот «выступ», и перед моряками открылось на западе под бледными лучами северного солнца широкое серебристо-голубое пространство — открытое, свободное от льда, спокойное море.

3 августа 1610 года Гудзон внес следующую запись в судовый журнал: «Мы пошли [на запад] по узкому проходу между островами Дигс и Лабрадором. Мыс у входа из пролива с южной стороны я назвал Вулстенхолм». Это последняя запись, сделанная рукой Гудзона. На ней журнал обрывается... Остальное через полтора года досказал в Лондоне моряк Абакук Приккет, вернувшийся в Англию на «Открытии».

За мысом Вулстенхолм берег круто повернул к югу. Судно шло несколько недель вдоль берега. На западе на большом расстоянии от материка в ясную погоду видна была суша, и моряки думали, что это противоположный берег широкого пролива, который ведет их к «Южному морю» — Тихому океану. На самом же деле это были цепи островов, которые протягиваются вдоль западного берега Лабрадора в 50—150 км от него (Мансел, Оттава, Ту-Бротерс, Слипс, Короля Георга, Белчер).

Плавание Гудзона в 1609 и 1610 гг.

В конце сентября, пройдя на юг по мнимому проливу более 1200 км, моряки оказались не в открытом море, а в сравнительно небольшом заливе (Джемс). Среди команды вспыхнуло недовольство, и капитан якобы высадив на берег моряка, которого считал главным смутьяном. В ноябре у южного берега залива, на широте около 53° , судно было окружено льдами и выброшено на берег. Зимовка проходила в сносных условиях:

в топливе недостатка не было, а охота на птицу давала много пищи.

В середине июня следующего, 1611 года судно спустило на воду. Началось медленное продвижение на север. Через неделю недовольство перешло в открытое возмущение; бунтовщики бросили в лодку Генри Гудзона с сыном, помощника штурмана и еще шесть человек, верных капитану, и оставили их на произвол судьбы без оружия и без продовольствия. Единственный уцелевший офицер, штурман Роберт Байлот, привел осенью 1611 года «Дискавери» обратно в Англию. На родину вернулось тринадцать человек.

К капитану-неудачнику пришла редкая посмертная слава: «Большая Северная река», которую он принял сначала за путь в Китай, названа его именем — *рекой Гудзон*; пролив, вход в который указан его предшественниками, назван *Гудзоновым проливом*; море, ставшее его могилой, — *Гудзоновым заливом*.

Плавание Баттона и его открытия в Гудзоновом заливе

Как только уцелевшие спутники Гудзона вернулись в Англию, там была организована «Компания лондонских купцов, отыскивавших Северо-западный проход»: так велика была уверенность в том, что обреченный на смерть мореплаватель действительно проник в Тихий океан, что только сравнительно небольшое расстояние отделяет «Западное море» Гудзона от Восточной Азии и что англичане могут немедленно начать выгодную торговлю с Китаем и Японией, с тихоокеанскими странами Южной Америки и даже... с Соломоновыми островами.

Снаряжены были два корабля под начальством Томаса Баттона. Поиски Гудзона и его товарищей менее всего занимали предпринимателей: в инструкции, данной Баттону, прямо сказано, что он должен «выйти в противоположный океан на широте примерно 58°», хотя точно было известно, что Гудзон был брошен бунтовщиками за сотни миль южнее; да и сам Баттон, как видно будет из дальнейшего, и не думал обследовать то побережье (западный берег Лабрадора), где совершено было преступление.

Летом 1612 года Баттон, пройдя Гудзонов пролив и продолжая путь на запад, обнаружил с правой руки по ходу судна землю (остров *Саутгемптон*) и прошел вдоль ее южного берега, приняв ее за архипелаг*. Оттуда он повернул на юго-запад,

* Еще в семидесятых годах XIX века видный специалист по Арктике Ф. Гельвальд, допускал, что Саутгемптон «состоит из высоких утесов и, как кажется, из множества маленьких островков, между которыми проходят узкие проливы, постоянно покрытые льдом» («В области вечного льда», стр. 345).

предполагая, что идет к Китаю, но вскоре у $60^{\circ}40'$ увидел берег какой-то новой большой земли. Баттон хотел обогнуть ее с юга и прошел до $58^{\circ}40'$ с. ш. (*залив Баттон*), где берег круто поворачивал, но не на запад, как он надеялся, а на восток; и он так был разочарован, что назвал новую землю, то есть *западный берег Гудзонова залива*, «Обманутой Надеждой». Затем берег снова повернул на юг, и, следуя в этом направлении, Баттон открыл устье большой реки *Нельсон* (у 57° с. ш.). Здесь корабли стали на зимовку.

Зима оказалась мягкой, однако смертность среди моряков (вероятно, из-за цинги) была так велика, что не хватало рук для управления двумя судами, и один корабль пришлось бросить. Лед на реке прошел уже в начале апреля, но залив был покрыт льдом еще три месяца.

В июле 1613 года Баттон прошел снова, но в обратном направлении, вдоль западного берега Гудзонова залива; он продвинулся в поисках Северо-западного прохода за 64-ю параллель, пока не достиг входа в какой-то суживающийся залив или пролив, который вел на север с уклоном к востоку. Баттон дал ему латинское название «Nec ultra» («Не дальше»: теперь *Рос-Уэлком*). Разочарованный мореплаватель не стал исследовать пролив, 29 июля взял курс на восток и осенью вернулся в Англию с новостью, очень неприятной для пайщиков «Компании Северо-западного прохода». О пропавшем без вести Гудзоне и его спутниках никто из них не вспомнил; и не видно, чтобы кто-либо упрекал Баттона за то, что он ровно ничего не сделал для их поисков.

Две экспедиции Байлота — Баффина

Так как Северо-западный проход мог находиться севернее 65-й параллели, до которой Баттон, по его заявлению, доходил, то Компания отправила в 1615 году на разведку судно «Дискавери», на котором раньше плавал Гудзон, теперь уже под командой Роберта Байлота. Штурманом у него был еще молодой (родился в 1584 г.), но опытный полярный мореход Вильям Баффин, не раз плававший в Гренландском море. 30 мая они были у входа в Гудзонов пролив, где «открыли» остров Резольюшен — вернее, определили положение этого острова, так как несомненно его видели еще люди Фробишера в 1578 году. У северного берега Гудзонова пролива были открыты небольшие острова *Савидж*, а у выхода из пролива остров *Мил* (у 64° с. ш.). 10 июля, находясь в Гудзоновом заливе, моряки увидели землю — остров Саутгемптон. Два дня они шли вдоль его берега в северо-западном направлении, пока у входа в какой-то «залив» (на самом деле пролив *Фрозен*) не были остановлены льдами. Пришлось идти обратно, и при

этом был исследован весь восточный берег острова Саутгемптон. Близ его юго-восточной оконечности судно оставалось до конца июля, а затем двинулось в обратный путь.

В отчете, представленном «Компании Северо-западного прохода», Баффин писал: «Нет сомнения, что проход все же существует, но я не уверен, что он идет по проливу, называемому Гудзоновым * , я, напротив, склонен думать, что не идет...»

Весной 1616 года опять на «Дискавери» с командой в семнадцать человек Байлот и Баффин вышли на поиски Северо-западного прохода со стороны Девисова пролива. В июне они уже миновали тот крайний пункт побережья западной Гренландии ($72^{\circ} 12'$ с. ш.), куда доходил Девис, а 5 июля достигли 78° с. ш. До середины XIX века ни одно судно не заходило в Баффиновом заливе так далеко на север. Открыто было западное побережье Гренландии между 72 и 76° с. ш., залив Мелвилл, выступ северо-западной Гренландии между 76° и 78° с. ш., (полуостров Хейс), южный вход в пролив Смит **, отделяющий с северо-запада этот полуостров от противоположного берега (Земли Элсмira).

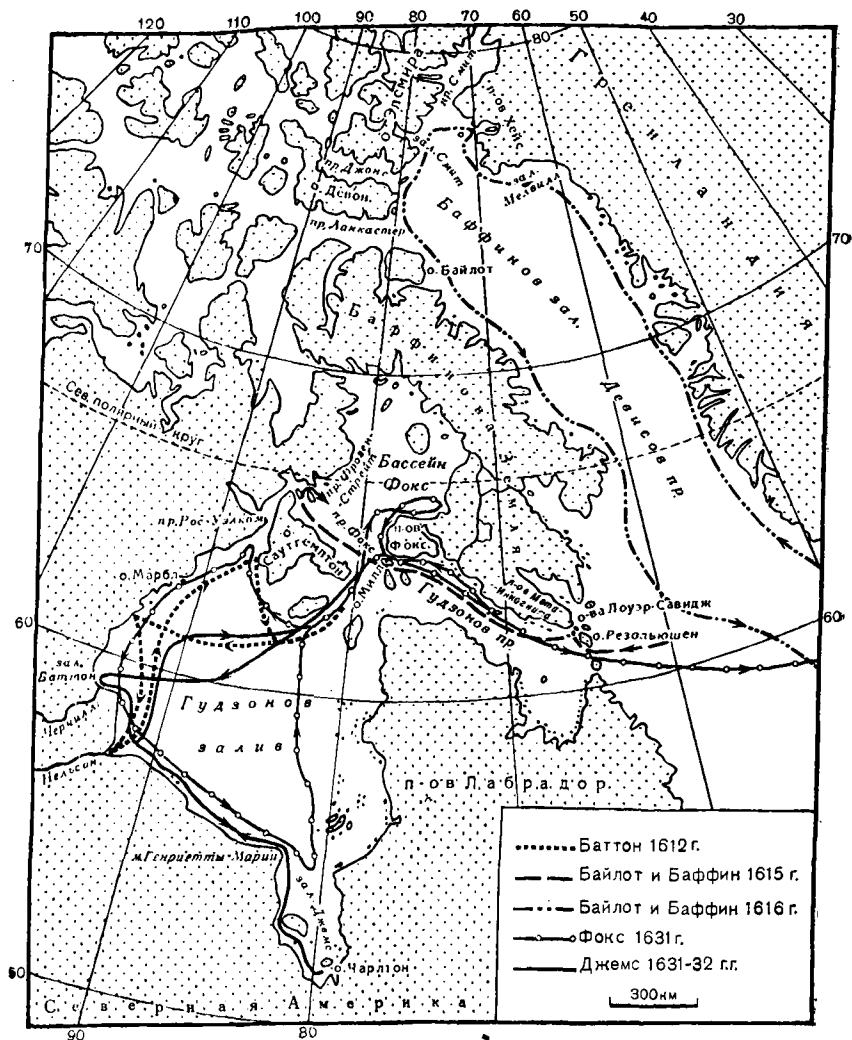
В узком месте пролива Смит лед в начале июля был непроходим, и тогда Байлот повернул на юг. У Земли Элсмira открыт был залив Смит, а южнее, за выступом (у 76 -й параллели), забитый льдом вход в пролив Джонс (между островами Элсмira и Девон). Еще южнее, у $74\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш., открылся очень широкий, но опять-таки забитый льдом вход в пролив Ланкастер (между островами Девон и Байлот). Только через двести с лишним лет, после исключительно удачной экспедиции Вильяма Парри (1819—1820 гг.), стало известно, что именно здесь начинается широкий водный путь, который при нормальных ледовых условиях доступен для больших судов, что этот путь тянется в широтном направлении на запад более чем на 1000 км и только затем запирается тяжелыми льдами. Но в 1616 году ледовая обстановка у восточного входа в пролив Ланкастер была, по-видимому, очень неблагоприятна для навигации.

Судно Байлота легло за проливом на юго-восточный курс и шло так до полярного круга около 1000 км по направлению берега огромной земли: ее с того времени называют в честь ученого и владевшего пером штурмана Баффиновой Землей ***. Ни

* Кажется, это первый дошедший до нас документ, где пролив к северу от Лабрадора назван Гудзоновым.

** Назван так Байлотом в честь первого директора английской Ост-Индской компании Томаса Смита.

*** Сравнительно небольшая северо-восточная горная часть этой земли, непосредственно прилегающая к восточному входу в пролив Ланкастер, по исследованиям XIX века оказалась отдельным островом, который исследователи называли в честь обойденного славой начальника экспедиции островом Байлот (по новейшим исчислениям, его площадь 10 880 кв. км).

Открытия арктических экспедиций 1612—1632 гг.

сам Баффин, ни Байлот ни разу не высаживались на Баффинову Землю: от пролива Ланкастер судно шло на некотором расстоянии от берега, огражденного широкой полосой неподвижного льда. Многие моряки болели цингой, и Байлот у полярного круга повернул на юго-восток, а в конце августа 1616 года привел судно в Англию. Баффину приписывают в одно и то же время и открытие «ворот» к двум проливам — Джонс и Ланкастер, действительно ведущим в Тихий океан (через ряд

других проливов и море Бофорта), и закрытие этих «ворот». Честь открытия, как видно из рассказа об экспедиции, должна быть поделена между полузабытым капитаном Байлотом и его удачливым штурманом, чьим именем назван не только один из величайших островов на земле (по новейшим источникам, его площадь 462 800 кв. км), но и полузамкнутое море, расположенное между Гренландией и Баффиновой Землей, по площади большее, чем Балтийское море, — *Баффинов залив*. Сомнительная честь закрытия приполярных западных «ворот» несомненно принадлежит одному Баффину: сохранилось его письмо к знатному покровителю экспедиции, где он прямо говорит, что «нет ни прохода, ни надежды на проход в северной части Девисова пролива» (то есть в Баффиновом заливе). Ему поверили, «Компания Северо-западного прохода» была ликвидирована.

Завершение открытия Гудзонова залива: экспедиции Мунка, Фокса и Джемса

Поисками Северо-западного прохода заинтересовалось датское правительство. В 1619 году в Гудзонов залив был послан из Дании с двумя малыми судами норвежский моряк-полярник Йенс Мунк. В июне он вошел в Гудзонов пролив и, пройдя его, повернул на юго-запад, отыскивая, вероятно, проход в Тихий океан (сведения об экспедиции очень скудны). Зимовала экспедиция в *устье реки*, позднее названной *Черчилль* (впадает в залив Баттон). Зима оказалась исключительно суровой; экспедиция была плохо снабжена теплой одеждой и продовольствием; к лету 1620 года погибли все моряки, кроме Мунка и еще двоих. Летом они восстановили силы, питаясь рыбой и птицей, сделали себе запасы в дорогу и, бросив одно судно, добрались до Копенгагена 25 сентября 1620 года, «скорее похожие на тени, чем на людей».

Только через пятнадцать лет после второй экспедиции Байлота—Баффина англичане снова занялись поисками Северо-западного прохода, на этот раз со стороны Гудзонова залива. Средства на поиски дали бристольские купцы, снарядившие небольшое судно под командой Томаса Джемса. Другое, большое судно «Кинг-Чарлз» дал английский король Карл I Стюарт, а средства на снаряжение и наем экипажа — лондонские купцы. Командиром этого судна был приглашен Льюк Фокс, пожилой капитан, уже имевший опыт полярных плаваний. Он был уверен в успехе и подписал договор с Ост-Индской компанией на доставку перца; когда он представлялся Карлу I, тот даже дал ему письма к японскому императору. Фокс хорошо подготовился к арктическому плаванию и сделал много ценных научных наблюдений.

Оба судна вышли почти в одно время, в первых числах мая 1631 года, но каждый командир действовал сам по себе, и результаты были далеко не равноценны.

Льюк Фокс в конце июля 1631 года достиг северо-западного угла Гудзонова залива — того «залива *Nes ultra*» у 64° с. ш., перед которым Томас Баттон остановился в 1613 году. Залив оказался проливом (Фокс дошел по нему до $65^{\circ}30'$ с. ш.), Саутгемптон — не частью материка, а островом (или, как долго еще думали, группой островов), и Фокс назвал его «Сэр-Томас-Рос-Уэлком» («Привет сэру Томасу Росу!»); теперь это название в сокращенном виде — Рос-Уэлком — сохранилось за проливом, отделяющим Саутгемптон от материка.

Повернув обратно, Фокс прошел вдоль всего западного побережья Гудзонова залива; по-видимому, он не доверял Баттону, но Баттон на этот раз оказался прав: пролива там действительно не было. Были открыты все близлежащие небольшие острова, в том числе *Марбл* («Мраморный»). Так Фокс дошел до устья реки Нельсон, за которым тянулся еще неисследованный южный берег Гудзонова залива. В августе Фокс обследовал и этот берег до $55^{\circ}10'$ с. ш. и $83^{\circ}5'$ з. д., где встретился с Джемсом, и вскоре подошел к мысу Генриетты-Марин; здесь берег круто поворачивал к югу.

Идти дальше — значит напрасно терять время. Свой вызов Фокс сформулировал так: «в дуге от $65^{\circ}30'$ до $55^{\circ}10'$ с. ш., по всему западному берегу Гудзонова залива, нет никакой надежды на открытие прохода».

Повернув от мыса на север, Фокс пересек весь Гудзонов залив, миновал западный вход в Гудзонов пролив и открыл «Землю Фокса» (*полуостров Фокс*, юго-западный выступ Баффиновой Земли). Продолжая путь на север, он 22 сентября достиг $66^{\circ}35'$ с. ш. Залив между Баффиновой Землей и материком, в который он проник, позднее назван *Бассейном Фокса*, а южный пролив, соединяющий его с Гудзоновым заливом, — *проливом Фокса*.

В конце октября того же, 1631 года Льюк Фокс вернулся в Англию, не потеряв ни одного человека.

Томас Джемс в середине июля 1631 года вышел в Гудзонов залив и пересек его в юго-западном направлении — вероятно, до устья реки Черчилль. Затем он прошел вдоль южного берега Гудзонова залива и достиг мыса Генриетты-Марин (название дано им) несколько раньше Фокса, который не знал об этом. Разлучившись с Фоксом, Джемс в сентябре исследовал все побережье юго-восточного бассейна Гудзонова залива, позднее названного его именем (*залив Джемс*). Густой туман и льды помешали его возвращению. Зимовал он на крайнем юге залива, на *острове Чарлтон* (52° с. ш.). Во время суровой зимы часть команды умерла. Только в конце июня 1632 года

судно освободилось из льдов и 2 июля оставило Чарлтон. 22 октября того же года Томас Джемс вернулся в Бристоль.

После экспедиций Баттона, Фокса и Джемса все побережье Гудзонова залива и почти все его острова были нанесены на сравнительно точные для того времени карты. Западный проход мог быть только со стороны Бассейна Фокса, совершенно неисследованного за полярным кругом, но он казался тупиком. Только через 200 лет снова пришел туда с решающими результатами Вильям Парри (1821—1822 гг.), который «разомкнул» Бассейн Фокса, как ранее — пролив Ланкастер.

Глава 16

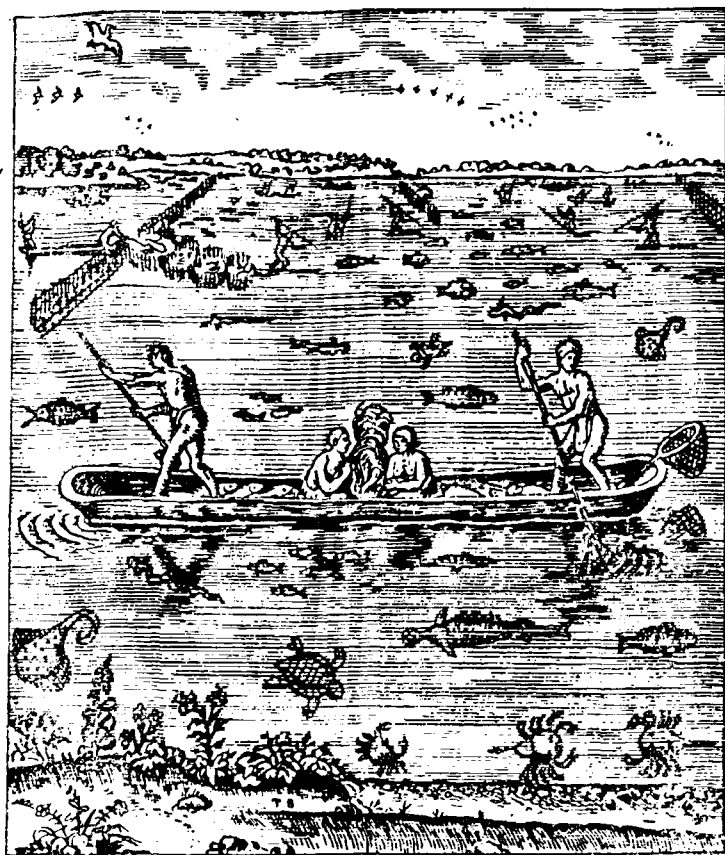
ПЕРВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ.

Хемфри Гилберт и захват Ньюфаундленда

После плаваний Каботов и португальцев Кортириалов рыбаки из Португалии, Северной Испании и Франции в начале XVI века начали плавать к Ньюфаундлендским мелям; во второй половине XVI века там появились и английские рыбаки. В последней четверти XVI века в водах Ньюфаундленда собиралось ежегодно до 400 судов разных национальностей. Английских судов было немного, но они были лучше оснащены и вооружены, и английские капитаны присвоили себе право выступать в роли судей при спорах между рыбаками у Ньюфаундленда. Сам остров мало интересовал европейцев до «великого» открытия Фробишера. Но когда этот моряк привез в Англию свой «золотой» груз, Ньюфаундленд получил в глазах англичан двойное значение: он сторожил кратчайший путь в Китай, и за ним лежала «золотая страна» Фробишера.

Англичанин Хемфри Гилберт, сводный брат фаворита английской королевы Уолтера Роли, получил от Елизаветы патент на наследственное управление Ньюфаундлендом. Гилберт, основываясь на праве первого открытия этого острова английской экспедицией Джона Кабота, объявил его английским владением, несмотря на протесты французского правительства.

Гилберт привез из Англии на остров 250 человек и пытался основать на юго-восточном берегу *первую английскую заокеанскую колонию Ньюфаундленд* (1583 г.). Попытка была неудачна. Колонисты испытывали недостаток во всем, кроме рыбы и топлива, среди них начались болезни. Недовольство грозило перейти в мятеж. Гилберт приказал отрезать уши недовольным, но в конце концов вынужден был уступить и посадил колонистов на суда, чтобы отвезти их в Англию. На обратном пути он погиб во время бури.

Рыбаки индейцы (рисунок конца XVI в.)

Прошло еще четверть века пока английские моряки основали первый постоянный рыбачий поселок на восточной окраине острова. Из этого поселка вырос крупнейший портовый город Ньюфаундленда, его столица Сент-Джонс. Франция оспорила права на Ньюфаундленд до 1713 года, когда по Утрехтскому миру она окончательно отказалась от своих притязаний.

Уолтер Роли и судьба первой колонии Виргинии

Уолтер Роли* был небогатым английским дворянином, мечтавшим о головокружительной карьере. Затейливыми вы-

* В русской литературе он часто неправильно называется Вальтер Ралей или, реже, Рэли.

думками он обратил на себя внимание королевы Елизаветы и стал одним из ее фаворитов. Но королева Елизавета была скупая, а Роли мечтал о сокровищах Мексики или Перу, о стране Эльдорадо. Его сводный брат Гилберт искал золотую страну у Северо-западного прохода; Роли решил искать ее за океаном в более низких широтах и получил королевский патент на колонизацию американской территории к северу от испанских владений (то есть от Флориды).

В 1584 году Роли отправил за океан на разведку два небольших судна под командованием капитанов Филиппа Амадас и Артура Барлоу. Они достигли американского берега у 35-й параллели, где почти нет удобных гаваней, открыли обширную лагуну Памлико и сравнительно небольшой залив Албемарл (36° с. ш.). Они исследовали также соседний материковый берег и вступили там в немой торг с местными жителями — вероятно, индейцами алгонкинской языковой группы.

Вернувшись на родину, Амадас и Барлоу характеризовали индейцев как людей «диких и ленивых, храбрых и гостеприимных, любопытных и доверчивых, очень склонных менять продукты своей страны на английские товары, особенно на металлические изделия». И капитаны очень хвалили красоту страны, мягкость ее климата, плодородие ее почв.

Тогда скупая королева расщедрилась, и для колонизации вновь открытой страны Роли мог немедленно снарядить вторую экспедицию, уже из пяти судов, под начальством Ричарда Гринвилла. Благодарный фаворит назвал будущую английскую колонию Виргинией («Девственной», от латинского *virgo* — дева) в честь своей покровительницы.

В 1585 году Гринвилл основал на открытом предшествующей экспедицией острове Роанок (у южного входа в залив Албемарл) первое английское поселение у материка Северной Америки, а сам вернулся обратно. В этом пункте поселилось 180 человек; господствующей группой среди них были промотавшиеся дворяне, мечтавшие о немедленном обогащении — о жемчужных мелях, о золотых и серебряных рудниках — и презиравшие всякий труд. После нескольких месяцев напрасных поисков колонисты так озлобились, что начали с оружием в руках нападать на индейцев, и те перестали доставлять продукты в обмен на английские товары.

Весной 1586 года колонисты оказались в крайне бедственном положении. Они ждали помощи от Роли, но обещанная помощь запаздывала. Неожиданно у берега показалась флотилия Френсиса Дрейка, возвращающегося в Англию после очередного пиратского набега на испанские колонии в «Западной Индии»; Дрейк забрал переселенцев и доставил их на родину. Они привезли с собой только небольшой груз табака, и Роли

Индейское земледелие (рисунок конца XVI в.)

и другие тогдашние законодатели мод начали распространять в Англии курение.

Вскоре после эвакуации колонии туда прибыл с тремя кораблями Гринвилл. Не зная о том, что произошло, он оставил в опустевшей колонии пятнадцать человек, чтобы сохранить за Роли его владение. Все они были перебиты индейцами.

В начале 1587 года Роли повторил попытку массовой колонизации Виргинии.

На трех кораблях прибыла новая партия переселенцев — более 200 человек. Но когда разгорелась англо-испанская война, новая колония была брошена на произвол судьбы, и все переселенцы либо умерли от голода, либо погибли в стычках с индейцами.

После этого Роли, как и его высокая покровительница, охладели к новой колонии. В 1596 году он продал свой патент на колонизацию Виргинии компании лондонских купцов, но эти купцы ничего не предпринимали для реализации своего патента. Только через десять лет другая лондонская компания получила от наследника Елизаветы, английского короля Якова I Стюарта, новый патент и в 1606 году вторично основала несколько севернее, у Чесапикского залива, английскую колонию, также названную *Виргинией* — одну из ячеек будущих Соединенных Штатов Америки.

Экспедиция Госнолда и открытие полуострова Кейп-Код

В 1602 году капитан Бартоломью Госнолд, в надежде найти проход к Тихому океану в умеренных широтах, отправился на одном судне (32 человека) за океан. От юго-западной оконечности Англии он взял курс на запад и старался держаться этого направления. Ветром его корабль отнесло к югу. Он пересек океан, не встретив ни одного острова, и достиг американского материка у 42° с. ш.

Длинный и узкий полуостров в виде серпа образует в этом месте небольшой залив, открытый к северу. Госнолд видел там большие косяки трески и назвал полуостров *Кейп-Код* (мыс Трески). Обогнув с юга полуостров, он прошел в западном направлении вдоль берега около 200 км. Госнолд был очарован природой новой страны. Он высаживался на берег материка и на близлежащий остров, который называл из-за обилия там дикого винограда *Мартас Вайньярд* («Виноградник Марты»). Во время высадок Госнолд завязывал сношения с индейцами. Известно, что эти «дикари» почти всегда радушно встречали первых «белых», посещавших их страну, кормили их, указывали лучшие уголья для охоты и рыболовства. Поэтому Госнолд, вернувшись на родину через четыре месяца, восторженно описал открытую им область и ее жителей.

Англичан удивил не столько рассказ Госнолда, сколько время, затраченное им на экспедицию. Оказалось, что за океаном в немногих неделях пути от Англии есть страна Нового Света с мягким климатом и кроткими жителями, страна, удобная для переселения «избыточного» населения Старой Англии. Новый морской путь, открытый Госнолдом, сократил почти на треть обычный путь к Новому Свету, проложенный испанцами после экспедиции Колумба. И рассказ Госнолда не исключал возможности, что за открытой им страной начинается морской проход, ведущий к Тихому океану.

В следующем же, 1603 году на поиски этого прохода был послан другой корабль под командованием *Мартина Принга*. Следуя указаниям Госнолда, Принг также пересек океан в умеренных широтах и достиг берега Америки несколько севернее полуострова Кейп-Код. Повернув там на север, он обследовал восточное побережье залива *Мэн**.

Через два года, в 1605 году северное, усеянное островками побережье залива Мэн обследовал капитан *Джордж Уэймут*, который ранее искал Северо-западный проход на более высоких широтах. Уэймут открыл (на 44° с. ш., 69° з. д.) залив *Пенобскот*; когда он достиг вершины залива, то увидел, что в него впадает лишь небольшая река, и притом текущая с севера.

* Принг вторично плавал к заливу Мэн в 1606 году.

Организация Лондонской и Плимутской компаний

После плаваний Госнолда, Принга и Уэймута, согласно хартии короля Якова I Стюарта, в 1606 году были учреждены две торговые компании для колонизации Америки, неожиданно приблизившейся к Англии, — Лондонская и Плимутская (по городам, где находились их правления). Инициатором этого колонизационного движения был священник Ричард Хаклюйт (1552—1616), очень интересовавшийся географией и новыми открытиями*.

Когда англичане потерпели неудачу в попытках открыть Северо-восточный проход, Хаклюйт стал энтузиастом Северо-западного прохода. Новые заокеанские страны, открытия (вторично) англичанами в начале XVII века, Хаклюйт рассматривал как этапы на западном пути к Восточной Азии и считал весьма полезной для будущей торговли организацию там постоянных английских поселений.

Все американские страны, уже открытые англичанами, король Яков I разделил между двумя новыми компаниями. Лондонская компания получила право колонизировать полосу американского материка к северу от испанской Флориды, между 34 и 41° с. ш., Плимутская — полосу к югу от французской Канады, между 38 и 45° с. ш. Таким образом, средняя полоса — между 38 и 41° с. ш. — предоставлялась в распоряжение обеих компаний, но во избежание столкновений они могли организовывать там поселения на больших расстояниях друг от друга — не менее чем на 100 миль (165 км). Западная граница английской колонизационной территории не устанавливалась: каждая компания могла основывать свои поселения «от моря до моря». Обе компании обязаны были разведывать месторождения драгоценных металлов и искать пути к «Западному морю» (Тихому океану).

Кроме того, обе компании обязывались распространять христианство среди «диких» и утверждать среди колонистов англиканскую (епископальную) церковь. В большей части королевских грамот повторялось следующее положение: «Колонисты и их потомки остаются англичанами во всех отношениях: они пользуются всеми правами и привилегиями внутри

* В 1589 году Хаклюйт выпустил в свет трехтомный сборник под названием «Важнейшие плаванья, путешествия и открытия английской нации, совершенные на море или на суше». Этот сборник многократно пополнялся, переиздавался и переиздается до настоящего времени и целиком или частично переведен на многие языки. На русском языке вышел второй том первоначального издания, посвященный «открытиям» англичан в Азии, под заглавием «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», 1937. В сороковых годах XIX века в Лондоне было основано известное «Общество Хаклюйта», которое до настоящего времени выпустило в свет более двухсот томов описаний старых путешествий.

американских поселений точно так же, как если бы они оставались на родине». Ссылаясь на это положение, американцы в XVII и первой половине XVIII века противились производству метрополии, а во второй половине XVIII века основывали свои притязания на независимость.

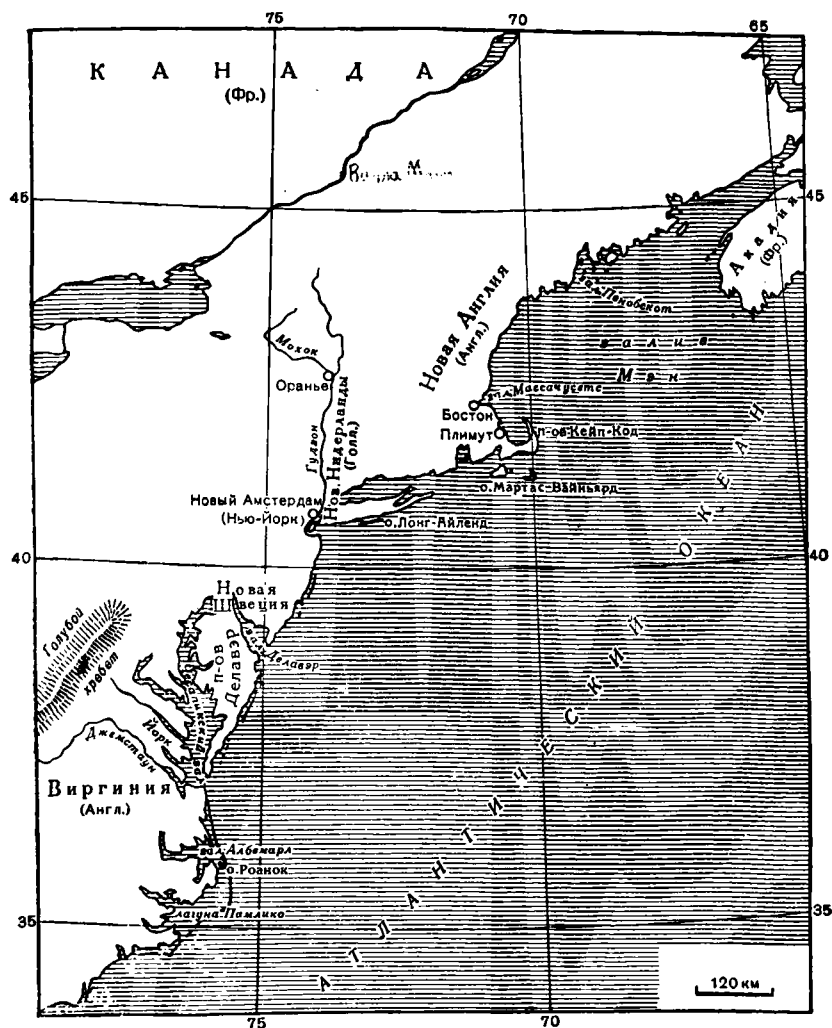
Кристофер Ньюпорт и основание новой колонии Виргинии

20 декабря 1606 года три небольших судна Лондонской компании, на борту которых было 105 колонистов, исключительно мужчин, оставили Англию. Начальником флотилии и капитаном большого корабля («Сюзан-Констанс», 100 тонн) был Кристофер Ньюпорт, ранее занимавшийся каперскими операциями у берегов Испанской Америки; командиром второго корабля (40 тонн) был Бартоломью Госнолд; третьим судном была пинаса (небольшое вспомогательное судно, 20 тонн).

Ньюпорт повел флотилию не прямо через океан, как шел раньше Госнолд, а хорошо разведанным каперским путем — на юг, к Канарским островам, а затем на запад, к северной группе Малых Антильских островов, где пираты обычно поджидали испанские «серебряные флотилии», идущие от Панамского перешейка. Такой путь в бурном море отнял более трех месяцев. Отремонтировав на одном из островов свои суда, Ньюпорт двинулся на север. Подойдя к мало знакомому ему материковому берегу, он вел флотилию вслепую, пока у 37° с. ш. берег не повернул круто на запад. Вскоре открылось широкое устье реки, текущей с северо-запада, Ньюпорт назвал ее *Джемс* в честь английского короля Якова (Джемса) I. Разведав предварительно низовье реки, он заложил там 14 мая 1607 года первый английский поселок на американском материке и назвал его *Джемстауном*.

В поисках внутреннего водного пути к Тихому океану Ньюпорт с группой людей поднялся на пинасе вверх по течению *Джемса* более чем на 200 км, пока его не остановили пороги. Это был первый открытый англичанами пункт на той *Линии водопадов*, которые низвергаются с восточного уступа *плато Пидмонт* — подножия Голубого хребта Аппалачской горной системы. Ньюпорт воздвиг там с надлежащими церемониями крест с латинской надписью «Якобус Рекс» («Король Яков») — знак ввода страны в английское владение — и повернул обратно к *Джемстауну*. Новой колонии дали то же название — *Виргиния*.

Ньюпорт все еще надеялся, что за возвышенностью, с которой стекает порожистый *Джемс*, простирается «море *Верраццано*» или какое-нибудь другое «Западное море» — часть Ти-

Виргиния, Новая Швеция, Новые Нидерланды и Новая Англия

хого океана или что по крайней мере с этой возвышенности текут на запад реки, которые могут довести его до Тихого океана.

В середине лета того же, 1607 года капитан Ньюпорт на своем корабле «Сюзан-Констанс» отправился в Англию. Вместо золота, серебра и жемчуга он вез груз леса, в том числе американского лавра (сассафрас), мягкая древесина которого широко использовалась в бондарном деле, но вряд ли могла обрадовать пайщиков Лондонской компании.

Однако у них — как и у Ньюпорта, и не без его воздействия — оставалась еще надежда на открытие западного пути в Китай. В 1608 году Ньюпорт вернулся в Виргинию с новой, очень пестрой по составу, группой колонистов и с наказом от Лондонской компании искать драгоценные металлы и открыть кратчайший путь к Тихому океану, а для этого разыскать уцелевших участников первой попытки колонизации Виргинии (при Уолтере Роли) и узнать, какие сведения они собрали о стране.

Ньюпорт застал в Джемстауне сорок истощенных людей: остальные умерли, главным образом от болезней, несколько человек было убито в стычках с индейцами.

Джон Смит в Виргинии

Большинство первых виргинских поселенцев оставляли Англию добровольно. Они принадлежали к господствующей в Англии государственной церкви — англиканской (епископальной). Среди них были даже члены старинных английских дворянских фамилий — явление очень редкое в остальных колониях. Значительная часть колонистов были «джентльмены» — неудачники, совершенно неприспособленные к труду, порочные люди, которых выслали за океан их родные. Рабочим элементом (малопригодным в новых условиях) были временные «белые рабы» — бедняки, закабаленные Лондонской компанией на срок от 7 до 10 лет.

Среди первых виргинцев редко оказывались «джентльмены» иного типа — энергичные и не гнушавшиеся работой. Таким был первый фактический правитель Виргинии, один из пайщиков Лондонской компании Джон Смит (1579—1631 гг.), сын фермера из Восточной Англии.

По его собственным словам (не всегда, правда, заслуживающим доверия), Смит служил раньше солдатом в войне против испанцев в Нидерландах и в войне против турок в юго-восточной Европе. Там он остался на поле сражения — раненый среди мертвых. Его нашли турки и продали в рабство в Крым. Он убил своего господина и ушел на Дон к русским, странствовал потом несколько лет по Европе и Северной Африке, возвратился на родину, а оттуда отправился в Новый Свет. Этот авантюрист стал не только первым правителем колонии, но и первым англо-американским «патриотом». Джону Смицу приписывают слова: «Пусть переселенцы погибнут еще и еще раз, а я буду постоянно привозить новых и новых». Он пробовал учить труду ленивых и праздных дворянчиков: «Не только серебро и золото, но и продукты земли — все, что будет в ней найдено, дает стране цену».

Джон Смит старался поддерживать мирные отношения с местными индейцами. Уверенный в своей безопасности, он приступил к исследованию глубинных районов Виргинии. Смит плавал вместе с Ньюпортом на пинасе вверх по реке Джемс до Линии водопадов. Его и Ньюпорта с полным правом можно назвать первыми английскими исследователями североамериканского материка, так как их предшественники-англичане только коснулись его побережий, а Генри Гудзон начал исследование атлантического побережья Северной Америки позднее, да и плавал он тогда не под английским, а под голландским флагом и действовал в пользу голландской торговой компании.

За два года (1607—1609) Джон Смит обследовал бассейн реки Джемс и прилегающие районы, причем открыл *реку Йорк*. Он был первым европейцем, проникшим в центральную полосу плато *Пидмонт* через *Линию водопадов*, и, по-видимому, доходил до *Голубого хребта*. Позднее Смит составил первую карту Виргинии и написал первую книгу о ней.

Во время одного из своих исследовательских походов Смит попал в плен к индейцам и — если верить рассказу, помещенному в его «Общей истории Виргинии» (1624 г.), — едва не погиб. Смит спасся лишь благодаря вмешательству любимой дочери «короля» (индейского вождя), тринадцатилетней девочки; она просила пощадить его, а когда отец отказал ей, обвила голову пленника руками. «Король тотчас же помиловал меня, — пишет Смит, — приказал делать для него топоры, а для дочери колокольчики, шарики и пуговицы. Они думали, что я могу все делать, как они. Их король сам делает себе платье, сапоги, стрелы и горшки, он сажает растения, охотится и работает, как любой из его подданных».

Маленькая индейская «принцесса» помогла Смиту вернуться обратно в Джемстаун. Позднее она оказала колонистам большие услуги, выступая в роли посредницы между ними и индейцами.

В 1609 году Джон Смит был тяжело ранен случайным выстрелом. На первом же судне, доставившем в колонию новых колонистов и припасы, Смита отправили на родину. В Джемстаун он больше не возвращался. После выздоровления Джон Смит занялся китобойным промыслом у берегов Северной Америки. Он не раз плавал в заливе Мэн, обследовал на лодках все его побережье, все еще надеясь открыть в этом районе проход в «Западное море» и подыскивая места, пригодные для основания новых английских поселений.

Джон Смит выпустил в 1614 году книгу «Описание Новой Англии», к которой приложил первую карту залива Мэн. Как и в изданной через десять лет «Общей истории Виргинии», в первой книге Смита истина переплетается с вымыслом. Несомненно, она оказала влияние на решение английских пуритан, бе-

жавших от религиозных преследований в Голландию, искать себе новую родину именно в области, прилегающей к заливу Мэн, — в *Новой Англии*.

Рост Виргинии

Лондонская компания, как мы видели, сначала вовсе не собиралась организовать земледельческую колонию за океаном. Она стремилась поскорее найти кратчайший путь к Китаю и «Индиям»; ей были нужны высокие прибыли от торговли восточными товарами. Виргинию купцы рассматривали в первое время как этап на будущем великом английском торговом пути. В лучшем случае они надеялись найти там драгоценные металлы, но этого как раз Виргиния не могла дать.

Отступить Лондонской компании, однако, было нельзя: слишком много средств было израсходовано за два года. В 1609 году Компания предложила лорду Делавер* быть пожизненным правителем всех ее американских владений.

Вторая Виргиния сначала развивалась очень медленно; казалось, что ее постигнет судьба первой Виргинии. Бездельники, из которых состояла большая часть переселенцев, и ссыльные уголовники всеми способами продолжали уклоняться от работы. По рассказам современников, «...колония сразу приобрела такую дурную славу, что некоторые англичане соглашались лучше отправиться на виселицу, чем в Виргинию; на эту прекраснейшую страну пал страшный позор; она считалась подходящим местом ссылки для величайших мошенников».

Для новой колонии выгоднее всего было культивировать табак, так как курение начало распространяться не только в Англии, но и в материковых странах Западной и Центральной Европы; хлебопашеством в Виргинии почти не занимались, очень мало внимания обращали и на животноводство. Съестные припасы колонистам должны были доставлять индейцы. Если они этого не делали, то колонисты грабили их селения. Но у самих индейцев продуктов было мало, и колония всегда нуждалась в подвозе съестных припасов.

Очень скоро в интересах табачных плантаторов было введено рабство. В 1620 году голландцы привезли в колонию первых африканцев и выгодно продали их в Джемстауне. Сильные, привыкшие к влажному и жаркому климату Западной Африки, они оказались отличными работниками и приносили своим господам большую прибыль. В следующие годы невольников стали ввозить такими крупными партиями, что в Виргинии их стало больше, чем свободных людей.

* В честь его позднее назван залив Делавер (у 39° с. ш.) и полуостров Делавер (между заливами Чесапикским и Делавером).

По мере того как распространялось в Европе курение, рос в цене табак. Росла и колония, каждый год из Англии прибывали сотни переселенцев.

Англичане (как и голландцы), в противоположность испанцам, португальцам, французам, старались не смешиваться с покоренными индейцами и поддерживали «чистоту своей расы». В течение первых лет колонизации мир между англичанами и индейцами не нарушался. Но требования колонистов стали чрезмерными. Они нагло захватывали земли индейцев, обманывали и грабили их. В 1622 году индейцы восстали против своих притеснителей. В одно и то же время, по сигналу, они напали на переселенцев, рассеянных небольшими группами в районе Джемстауна, и убили, по «Общей истории Виргинии», около 350 колонистов; но многие «белые» спаслись в Джемстауне. Виргинцы ответили истребительной войной против всех вообще индейцев, даже тех, которые и не могли принимать участие в «коварном» нападении. Расправившись с окрестными индейцами, виргинцы принялись и за отдаленные племена. С того времени колонизаторы стали проводить «индейскую политику», которая откровенно выражена циничной формулой: «хорш только мертвый индеец».

„Пилигримы“ на „Майском цветке“ и возникновение Новой Англии

В начале XVII века Голландия была единственным европейским христианским государством, где допускалась в известной мере «свобода религиозной совести». Из Англии туда бежали многие пуритане, преследуемые у себя на родине. Но они хотели оставаться англичанами, жить на английской земле, если не в Старом, то в Новом Свете.

Плимутская компания за соответствующую денежную сумму разрешила пуританам поселиться на отведенной ей обширной территории. Пуритане снарядили на южном берегу Англии, в Саутгемптоне, судно «Мейфлауэр» («Майский цветок», 100 тонн).

Пуритане часто назывались пилигримами, потому что на этом брэнном свете считали себя странниками, пришедшими из небытия и стремящимися к «небесной родине». Но на время земного существования им нужна была земная родина. И вот в сентябре 1620 года 120 «пилигримов», включая женщин и детей, отправились на «Мейфлауэре» за океан искать *Новую Англию*. Прошло более двух месяцев, прежде чем «пилигримы» увидели американский берег у залива *Массачусетс*. Под дождем пополам со снегом судно шло вдоль берега, пока не достигло необитаемого островка. Следующий день колонисты провели

«в тишине и молитве». То было первое скучное пуританское воскресенье в Новом Свете.

В понедельник «пилигримы» исследовали гавань, которая показалась им отличной. В прилегающем районе они нашли хорошую воду и индейские поля, засеянные маисом. Этот понедельник называется в США «прародительским днем» в память о предках «стопроцентных» американцев-северян («янки»), вступивших в этот день во владение своей новой родиной.

25 декабря 1620 года были заложены первые дома в Новом Плимуте, на северо-западном берегу залива Кейп-Код. Через несколько недель колонисты организовались на военный лад: на холме у Плимута построили крепость и на стенах ее поставили пушки.

Первая зима в Новой Англии была сурова и унесла много жизней. Весной пуритане разбили сады и приступили к посеву хлебов. О богатом урожае, как о радостном событии, пуритане сообщили своим европейским единоверцам, чтобы привлечь их в Новую Англию. Вскоре туда прибыла вторая партия колонистов.

Первые два года «пилигримы» совместно обрабатывали землю, а продукты делили между собой. Но уже весной 1623 года они перешли к «единоличному хозяйству».

Эти благочестивые, гонимые на родине пуритане вели себя в отношении индейцев не лучше, чем последователи господствующей англиканской церкви в Виргинии или чем «проклятые паписты» (католики) — испанцы и португальцы — в тропической Америке. Как только «пилигримы» получили подкрепление из-за океана, они, сославшись на мнимый заговор, организовали массовую резню ни в чем не повинных и беззащитных индейцев алгонкинов в районе залива Массачусетс. Они первые в Америке выступили с теорией превентивной войны: «Мы должны предупредить индейцев и нагнать на них страх». Вожди и сотни простых индейцев были схвачены в их вигвамах и убиты. Массовое убийство принудило алгонкинов оставить страну своих отцов и уйти на запад.

Оттеснив индейцев в глубь страны, пуритане начали селиться небольшими группами вдоль побережья залива Массачусетс и занялись рыболовством. К 1624 году рыбацьи поселки растянулись на 50 км севернее Плимута и первые европейские рыбаки появились в обширной бухте, позднее названной Бостонской. К ним присоединились и земледельцы, основавшие там более крупные поселения. Так возникла первая английская пуританская колония в Северной Америке, получившая название *Массачусетс*. Там господствовали ханжи и лицемеры, но в отличие от виргинцев эти колонисты были рачительными хозяевами и хорошими работниками. Стремясь к прочной оседлости на своей новой родине, пуритане разводили всевозмож-

ные растения, кроме табака: последний разрешали сеять только в небольшом количестве «как лекарство».

Пуритане и христиане различных других сект массами устремились в тридцатых годах XVII века в Новую Англию, чтобы избежать преследований со стороны королевской власти Старой Англии и ее прислужницы—господствующей англиканской церкви. Пришельцы водворялись в старых поселениях или основывали новые, среди которых скоро выделился *Бостон*.

Так на восточном берегу Северной Америки в двух районах, отстоявших друг от друга на расстоянии примерно 1000 км, возникли две английские переселенческие колонии: первая — южная, рабовладельческая Виргиния, заселявшаяся отбросами классов, господствовавших в Англии XVII века, приверженцами государственной епископальной церкви и африканцами-рабами; вторая — северная, в Новой Англии, Массачусетс, заселявшаяся преимущественно буржуазными элементами, сторонниками «свободного труда», по религии сектантами, гонимыми у себя на родине. Южане стали называться вскоре *виргинцами*, северяне — *бостонцами* или «янки». Но как ни отличались они характером, прежней профессией, религиозными взглядами, начали они одинаково: окропили индейской кровью землю своей новой родины.

Новые Нидерланды, Новая Швеция и их судьба

Виргинцы и «янки» были сначала отрезаны друг от друга длинной береговой полосой, где возникли голландские и шведские поселения — *Новые Нидерланды* на реке Гудзон и *Новая Швеция* у залива Делавэр. Очень скоро после вторичного открытия Генри Гудзоном (на голландской службе) реки, названной его именем, голландцы поняли, какое значение она может иметь для скупки пушнины. В долине среднего течения Гудзона, несколько ниже устья его притока Мохок, в 1610 году голландцы поставили форт *Оранже* в том месте, где скрещивались северные и западные торговые пути индейцев. В устье Гудзона они построили *Новый Амстердам* (теперь Нью-Йорк). С 1620 года голландцы начали поставлять своим южным соседям виргинцам рабов, захваченных на Гвинейском берегу Африки. Основанная в 1621 году голландская Вест-Индская компания получила в свое владение также североамериканскую колонию. Она открыла *Новый Амстердам* для переселенцев из любой европейской страны: через двадцать лет один священник, посетивший город, насчитал там представителей восемнадцати национальностей. Когда была колонизирована соседняя Новая Англия, голландцы начали торговые сношения также со своими северными соседями бостонцами. Правда, ни английская корона, ни бостонцы не признавали

прав голландцев на Новые Нидерланды, но до вооруженных столкновений дело не доходило.

В 1627 году шведская торговая компания (основанная по инициативе знаменитого полководца, короля Густава Адольфа) обосновалась на берегах узкого залива, позднее названного Делавэр. Там построен был форт Христиания, заселенный шведскими и финскими крестьянами.

Таким образом, уже в первой половине XVII века атлантический берег Северной Америки был колонизирован представителями многих европейских народностей: там начали оседать французы (а с ними бретонцы и баски), англичане (бostonцы), голландцы, шведы и финны, снова англичане (виргинцы) и испанцы, и, кроме того, мелкие группы других национальностей, поселившихся в Новом Амстердаме и его окрестностях.

Шведская колония существовала недолго — меньше тридцати лет и в 1655 году была завоевана голландцами. После этого Новые Нидерланды стали очень серьезной угрозой для английского господства на восточном побережье Северной Америки. Владея долиной реки Гудзон, голландцы имели огромное преимущество перед англичанами-бostonцами в торговле драгоценной пушниной. Спор был разрешен войной в Европе — второй англо-голландской войной (1667 г.). Голландцы одержали победу на море. Их флот проник в Темзу и сжег пригороды Лондона. Карл II поспешил заключить мир. Англия потеряла владения на Молукках; Нидерланды закрепили за собой в Южной Америке Суринам (Голландскую Гвиану), но отказались в пользу Англии от своих владений в Северной Америке, которые казались менее доходными.

Еще за три года до того как Новый Амстердам перешел к Англии, Карл II «авансом» подарил его своему брату, герцогу Йоркскому. После заключения мира город был переименован в Нью-Йорк. Таким именем стала называться и вся новая «среднеатлантическая» колония, расположенная в бассейне реки Гудзон.

Глава 17

ФРАНЦУЗСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА И КОЛОНИЗАЦИЯ КАНАДЫ

Первые открытия Самюэля Шамплена в приатлантической полосе Северной Америки

К началу XVII века, несмотря на печальную судьбу первых французских колоний в Северной Америке, все растущая торговля пушниной приносила большие прибыли монопольным торговым компаниям, возникшим в портовых городах Ла-Манша — в Дьеппе и Сен-Мало. Король Генрих IV Бурбон

понимал, что закрепить за Францией «страну мехов» можно только ее планомерной колонизацией. Однако необходимо было убедиться в том, что в Канаде возможно земледелие и оседлая жизнь и что гибель первых французских колоний объясняется случайными причинами.

Для обследования Канады в 1603 году была организована специальная экспедиция. Средства на нее дала французская торговая компания, получившая монополию на скупку пушнины, так как всесильный министр финансов Генриха IV герцог Сюлли энергично возражал против «безрассудной траты» казенных денег и вообще против новых колониальных предприятий.

Самюэль Шамплен (1567—1635 гг.), моряк из приморского городка Бруаж (область Сентонж, у Бискайского залива), где в те времена был значительный порт, в конце XVI века плавал на французских и на испанских судах в Атлантическом океане и в Американском Средиземном море. Вернувшись на родину, он напечатал «Краткий рассказ об удивительных вещах, которые Самюэль Шамплен из Бруажа наблюдал в Западной Индии», приложив к книге более шестидесяти иллюстраций.

Книга заинтересовала Генриха IV. В 1601 году он назначил Шамплена на должность королевского географа, дал ему пенсию и низшее дворянское звание (сьер де Шамплен де Сентонж). А когда французские купцы организовали заморскую канадскую экспедицию 1603 года, они пригласили Шамплена как королевского географа участвовать в экспедиции, чтобы руководить топографическими съемками Нсвой Франции и списью ее берегов*.

С 1603 года и до смерти Шамплена (1635 г.) крупнейшие открытия на востоке и в центре североамериканского материка и ход завоевания и прочной колонизации Канады тесно связаны с именем этого человека, который из агента монопольной торговой компании пушниной стал генерал-губернатором Нсвой Франции.

Лето 1603 года Шамплен использовал для предварительной разведки Новой Франции. Он вошел в устье реки Святого Лаврентия, поднялся вверх по ее притоку Сагеню. Этим путем шли к побережью Гудзонова залива, тогда еще неизвестного европейцам, местные индейцы. О проникательности Шамплена свидетельствует следующее место из его отчета об экспедиции 1603 года:

* Последующим указом Генриха IV (1604 г.) границы Новой Франции были установлены между 40 и 46° с. ш., но фактически границы господства французской компании, монополизировавшей скупку пушнины, распространились до 52° с. ш.

Индийское укрепленное селение (рисунок конца XVI в.)

«Северные дикари говорят, что видали соленое море. Я держусь того мнения, что это залив нашего моря*, который вдается с севера в середину материка».

Итак, Шамплен уже в 1603 году, за восемь лет до возвращения в Англию уцелевших участников последней экспедиции

* То есть Атлантического океана.

Генри Гудзона, составил по опросным данным верное представление о Гудзоновом заливе.

Поднимался он вверх по реке Святого Лаврентия приблизительно до той местности, до которой в минувшем веке доходил Жак Картье. Страна показалась ему годной для европейской колонизации, и, вернувшись во Францию, он доложил об этом лично Генриху IV.

В следующем, 1604 году Шамплен во главе экспедиции сразу после прибытия в Новую Францию приступил к исследованию Акадии (теперь Новая Шотландия). Высадившись на остров Кейп-Бретон, он обошел с описью *все побережье Акадии* и противоположный материковый берег залива *Фанди*; на юго-западе Акадии он восстановил *Пор-Рояль* (Аннаполис). Оставив с собою на зимовку восемьдесят человек, он отослал экспедиционные суда во Францию. Зимовка прошла очень тяжело: Шамплен не учел опыта Картье, не использовал местных противочинготных средств, и половина переселенцев умерла от цинги.

Летом 1605 года, после того как суда вернулись из Франции, Шамплен продолжил опись восточного побережья Северной Америки — от входа в залив Фанди и на юго-запад, до залива *Кейп-Код* включительно; при этом он обнаружил две лучшие гавани в заливе Массачусетс — Бостонскую и Плимутскую, довершив, таким образом, открытие Жуана Афонсу. Обойдя затем длинный и узкий полуостров *Кейп-Код*, он окончательно установил его очертания, а в следующем году открыл остров *Нантакет* и пролив между ним и материком, а также завершил открытие близлежащего острова *Мартас-Вайнъярд* (41°24' с. ш.).

В 1608 году Шамплен был послан на реку Святого Лаврентия и основал там город *Квебек* в том районе, где Картье зимовал в 1535/36 году. Шамплен старался поддерживать хорошие отношения с местными индейцами виандотами, близкими по языку к ирокезам, но враждебными им (французы полупрезрительно называли виандотов гуронами, от *hure* — кабанья голова). Шамплен изучил их язык, заключил с ними союз и использовал в своих целях их вражду к ирокезам.

С 1609 года Шамплен, пользуясь гуронами как проводниками, приступил к исследованию внутренних областей Северной Америки. Он доверял своим новым союзникам больше, чем французским колонистам, среди которых было немало «беспокойных элементов». В самом начале похода он отослал всех французов, кроме двоих, самых надежных, и с группой гурунов на большом челне поднялся вверх по реке Святого Лаврентия до устья ее южного притока *Ришелье*, а по последнему — до большого проточного озера, которое с того времени известно под его именем (в английском произношении — *Шам-*

Открытое индейское селение (рисунок конца XVI в.)

плейн). При этом он открыл нагорье Адирондак, поднимающееся над западным берегом озера, и Зеленые горы, протягивающиеся на небольшом расстоянии от его восточного берега. Шамплен составил карту и описание озера и его района.

В Новой Франции было очень много пушного зверя и очень мало жителей. Охотничьи угодья в районе озера Онтарио при-

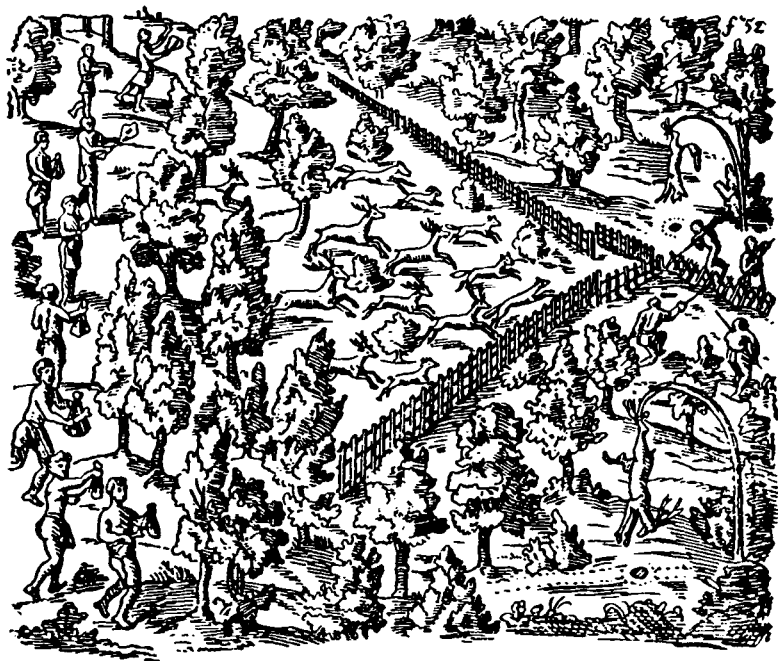
надлежали гуронам. К югу обитали более многочисленные ирокезы. Когда Шамплен прибыл к Онтарио, ирокезы продвигались с юга на север, вытесняя гуронов и их соседей алгонкинов. Первые французские колонисты во главе с Шампленом приняли участие в междоусобных индейских войнах на стороне алгонкинов и гуронов, среди которых впервые поселились. Тогда ирокезы стали смертельными врагами французов.

Как раз в это время голландцы появились у восточных берегов Америки (1609 г. — окончательное открытие реки Гудзон). Ирокезы стали союзниками голландцев и сменивших их англичан в борьбе против французов. К тому же англичане «превосходили французов в щедрости: в то время как французский король платил гуронам 50 франков за скальп англичанина, английский король давал вдвое дороже за скальп француза» (Э. Реклю). Французы, постепенно продвигавшиеся на юг, встречали опасных врагов в лице ирокезов, получивших от своих союзников огнестрельное оружие в обмен на пушнину.

Открытия Шамплена и Этьена Брюле в области Великих озер

С 1609 по 1615 год Шамплен почти ежегодно плавал из Франции к реке Святого Лаврентия, где собирал сведения о внутренних областях Северной Америки. Рассказы о море, находившемся где-то на северо-западе или на западе и притом сравнительно близко от Квебека, подтверждались сотнями индейцев, с которыми сталкивался Шамплен. (Французы смешивали сообщения о Гудзоновом заливе и Великих озерах.) Три пути, казалось, вели к этому морю, за которым Шамплени грезился прямой водный путь — через Тихий океан — в Китай и Индию. Но один, северо-западный, путь вверх по Сагеню через угрюмые безлюдные области приводил к лабиринту рек и озер, где бесполезны были самые надежные проводники. Другой, западный, путь шел по реке Оттава, притоку реки Святого Лаврентия; третий, юго-западный, — вверх по главной реке до ее истоков.

На поиски «Западного моря» Шамплен направлял вместе с индейцами молодых колонистов. Среди них выделился Этьен Брюле, который в 1608 году шестнадцатилетним юношей, не получив никакого образования, отправился в Новую Францию вместе с Шампленом. С 1610 года Брюле жил в лесах среди индейцев, охотился вместе с ними, переходил от одного племени к другому и научился свободно говорить на различных местных диалектах ирокезского и алгонкинского языков. Это был первый типичный североамериканский «лесной бродяга» (*souleur des bois*), имя которого дошло до нас, — охотник

Охота прокезов на оленей (по Шамплёну)

и скупщик пушнины, неутомимый землеискатель и землепроходец, если употреблять старорусские термины.

Летом 1615 года Шамплён и Брюле вышли на челнах с десятью гребцами гурунами из Квебека к устью *Оттавы*. Продвигаясь на запад, они поднялись по этой реке, ранее уже разведанной молодыми «лесными бродягами» до того места, где в нее впадает с запада *Маттава*. А поднимаясь по *Маттаве*, они достигли озера *Ниписсинг*. Затем по «Французской реке» (теперь, в переводе на английский, — *Френч-Ривер*) они вышли к большому заливу (*Джорджиан-Бей*) — северо-восточному плузамкнутому бассейну озера *Гурон*. Не выяснено, кто именно из французов, наемных Шамплёном, первый открыл это великое озеро во время своих скитаний — Брюле или какой-либо другой из «лесных бродяг». Достоверно лишь то, что по их следам или в их обществе до 1615 года к озеру прошел *Жозеф ле Карон*, монах-миссионер, член одного из нищенствующих орденов «реколлетов»*.

Через несколько лет устные рассказы и записи Брюле и ле Карона использовал монах-миссионер того же ордена *Габ-*

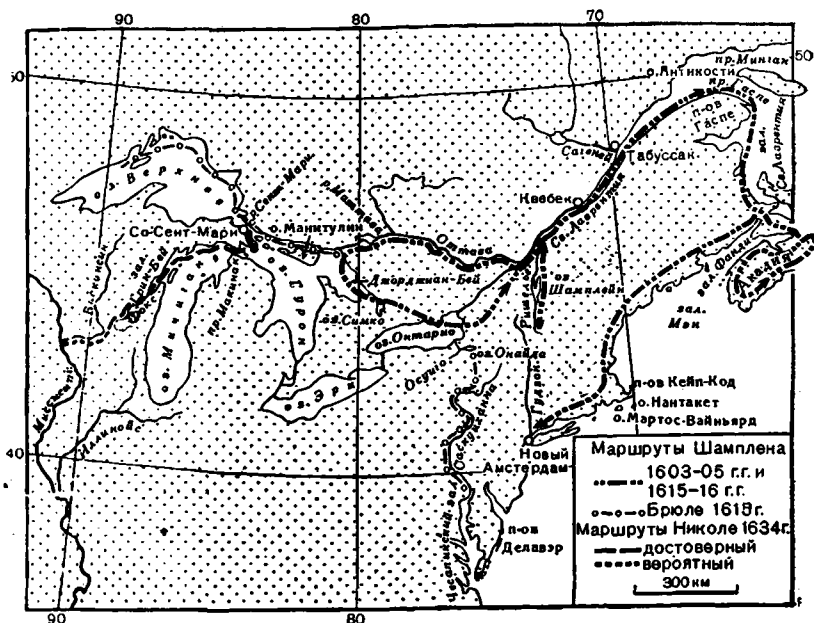
* Ветвь францисканского ордена

риэль Сагар-Теода, который путешествовал с обоими (но в разное время) по Канаде в 1623—1624 годах. Вернувшись во Францию, этот монах написал две книги («Великое путешествие по стране гуронов» и «История Канады»). В них для возвеличения своего ордена Сагар-Теода выдвигает ле Карона и других «реколлетов», но часто «забывает» имена Брюле и других «мирян». (Так же, между прочим, поступали и историки-иезуиты с другими светскими путешественниками по Северной Америке в XVII веке, а по Южной Америке и в XVIII веке.)

От залива озера Гурон Шамплен со своими индейцами повернул на юго-восток и, открыв на пути озеро Симко, достиг озера Онтарио. Он прошел на восток вдоль северного берега Онтарио и убедился, что именно из него вытекает река Святого Лаврентия. Затем Шамплен повернул на юг, к озеру Онай-да, из которого берет начало порожистая река Осуго, впадающая в Онтарио. После стычки с местными ирокезами он вынужден был отступить к Онтарио и вернулся в Квебек, повторив свой маршрут в обратном направлении и пройдя в общей сложности около 1600 км.

Брюле отделился от основного отряда у залива озера Гурон. С группой союзных индейцев он добрался — раньше, чем Шамплен, — до Онтарио и на челнах переправился через озеро. Задержавшись на некоторое время близ южного берега Онтарио, он узнал там о стычке Шамплена с ирокезами, собрал несколько сот гуронов и поспешил на помощь, но пришел к месту уже после отступления Шамплена. Тогда Брюле повернул на юг и дошел до какой-то реки по холмистой лесной местности (Аппалачское плато и Аллеганские горы, впервые пересеченные европейцем). Следуя несколько сот километров вниз по течению реки, Брюле поздней осенью достиг длинного и узкого (Чесапикского) залива с чрезвычайно изрезанными берегами; в залив впадало несколько больших и множество малых рек. Река, течение которой он проследил, была Саскуиханна (длина около 800 км). Таким образом, Брюле завершил открытие Чесапикского залива, начатое Генри Гудзоном, а быть может и Джованни Верраццано, и обнаружил, что этот залив отделен от Атлантического океана длинным, суживающимся к югу полуостровом (Делавэр).

Весной следующего года Брюле отправился обратно в Квебек. По дороге на его группу напали ирокезы; все спутники Брюле разбежались, удалось скрыться и ему самому, но после нескольких дней блужданий по лесам он, чтобы не умереть с голоду, положился на благородство случайно встреченных ирокезов, слухам о «свирепости» которых, очевидно, сам не очень верил. Ирокезы не только накормили одинокого француза, но и дали ему проводников до страны своих врагов гуронов. Сре-

Открытия Шамплена, Брюле и Николе.

ди гуронов Брюле прожил два года и только в 1619 году вернулся в Квебек.

В 1621 году Шамплен послал Брюле с другим «лесным бродягой» Гренолем на разведку области, прилегающей с севера к Гурону. Они открыли так называемый Северный пролив (узкий и длинный северный бассейн озера Гурон) и цепь островов Манитулин, отделяющую его от главного бассейна озера Гурон. Затем они открыли реку Сент-Мари, текущую из «Великого» озера (так называет Брюле Верхнее озеро) в Северный пролив, и пороги на этой реке (Со-Сент-Мари). По всей видимости, именно Брюле и Греноль и были первыми европейцами, которые в своих дальнейших скитаниях, но не позднее 1628 года, прошли вдоль восточного и северного берегов Верхнего озера за меридиан 90° з. д.* Но безграмотные «лесные бродяги» Брюле и Греноль не сумели написать достаточно убедительный отчет об этом открытии и составить точную карту своего пути. Даже такой одаренный географ, как Шамплен, не решился нанести на свою сводную карту 1632 года тот великий внутренний водный путь, о котором говорил Брюле в следующем своем показании:

* Между прочим, в этом районе у 48° с.ш. находится озеро Брюле и река Брюле (в английском произношении — Брул), впадающая в западную часть Верхнего озера.

«По ту сторону Пресноводного моря, — так Шамплен и Брюле со слов индейцев называли озеро Гурон, — лежит другое очень обширное озеро, которое изливается в то водопадом, названным [нами] Со-де-Гаскон [теперь Со-Сент-Мари], и этот [водопад] простирается приблизительно на два лье [около 9 км]. Названное озеро и Пресноводное море вместе тянутся на тридцать дней пути на каноэ, согласно индейскому счету, и на четыре сотни лье [около 1800 км] по счету дающего показание» (то есть Брюле).

Если речь шла о береговом плавании от восточного угла озера Гурон до западного угла Верхнего озера (а, по-видимому, так и было), то подсчет расстояния приблизительно совпадает с действительным. Но Брюле так изложил свое показание, что из него нельзя заключить, сам ли он проделал весь водный путь или только беседовал о нем с индейцами.

Позднее «отцы иезуиты», вытеснившие из района Великих озер миссионеров-реколлетов, приписали открытие Верхнего озера себе.

О дальнейшей судьбе Этьена Брюле известно только то, что около 1633 года он жил среди индейцев гуронов, чем-то восстановил их против себя и был убит.

К сожалению, не только монахи-миссионеры, но и Шамплен в своих отчетах лишь случайно упоминает имя Брюле: большей частью он глухо говорит о действиях и наблюдениях «юнца». А так как заслуживающих упоминания «юнцов» у Шамплена было несколько и он рассылал их в разных направлениях, то историкам до настоящего времени не удалось вполне выяснить, каковы же были действительные достижения «образцового лесного бродяги XVII века».

Жан Николе и открытие озера Мичиган

В 1634 году был отправлен на запад, на поиски соленого «Западного моря» Жан Николе, также из числа шампленовских «юнцов»*. Он повторил на индейском челне маршрут Брюле—Греноля с востока через Северный пролив озера Гурон до устья реки Сент-Мари; отсюда он повернул на юго-запад и за узким проливом Макинак открыл «второе Пресноводное море» — великое озеро *Мичиган*. Он прошел дальше на запад вдоль северного берега этого озера до длинного и узкого залива (*Грин-Бей*), проследил его в юго-западном направлении до реки (*Фокс*), впадающей в залив с юга, поднялся по

* По другой версии, Николе отправился на поиски «Западного моря» в 1638 году, то есть через три года после смерти Шамплена. Но и сторонники этой версии признают, что «юнец» выполнял предсмертное распоряжение Шамплена

этой реке до верховьев. От местных индейцев Николе узнал, что очень близко от него на западе находится «Большая вода»; он думал, что речь идет о море.

По традиционной версии, Николе двинулся от верховьев реки Фокс на запад и почти незаметно перешел через невысокий и короткий водораздел к реке Висконсин; но эта река довела его не до соленого моря, а до пресноводной «Большой воды», как индейцы определяли Миссисипи. И эта река текла не на запад, а на юг.

Отправляясь в путь, Николе так верил в то, что вскоре попадет в одну из стран Восточной Азии, что на случай церемониальных приемов уложил в челн пышное платье «из китайского шелка, сплошь затканного разноцветными узорами из цветов и птиц». Но в своей праздничной одежде Николе удивлял только малочисленные и бедные племена североамериканских индейцев, когда наряжался в нее при встречах с их вождями, чтобы пустить пыль в глаза. Он не нашел дороги к «Западному морю» и, возможно, остановился на полпути даже в поисках «Большой воды» индейцев.

По другой версии, которая, по словам американского историка Бребнера*, в настоящее время поддерживается большинством, Жан Николе остановился в верховьях реки Фокс. Он вовсе не переходил через водораздел между реками Фокс и Висконсин, вовсе не спускался вниз по Висконсину и, следовательно, не доходил до Миссисипи. Эта последняя версия основана главным образом на отчетах иезуитов — в частности, на следующем, не совсем ясном месте из отчета «отца» ле Жен, писавшего в 1640 году о «втором великом гуронском озере» (то есть об озере Мичиган): «Сьер Николе, который проник дальше всех в те очень далекие страны, уверял меня, что если бы он шел три дня от большой реки, которая вытекает из этого озера, он открыл бы море».

Принимая эту версию, Бребнер считает, что под «большой рекой» следует понимать Фокс. Однако Фокс не вытекает из озера Мичиган, а впадает в него; и вряд ли француз, побывавший в Канаде, мог назвать эту маленькую реку (длина ее около 200 км) «большой рекой».

Первую версию принимало большинство историков XIX века, которые с законным, но, быть может, слишком преувеличенным недоверием относились к отчетам иезуитов, стремившихся доказать приоритет своего ордена в открытии Миссисипи, как и в открытии некоторых из Великих озер. Вторая версия объясняется, пожалуй, чрезмерным доверием к отчетам

* Джон Бартлет Бребнер, профессор истории Колумбийского университета, автор книги «Исследователи Северной Америки. 1492—1806» (2-е изд. Нью-Йорк, 1955).

иезуитов. Вопрос о подлинных достижениях Жана Николе остается, таким образом, неразрешенным.

Несомненно только, что если Николе и достиг устья Висконсина и видел Миссисипи, то он не сделал ни малейшей попытки исследовать хотя бы прилегающий участок великой реки и как следует расспросить приречных индейцев, чтобы установить основное направление ее течения. Он и понятия не имел об очертаниях уже полностью открытого испанцами южного побережья материка и того участка тихоокеанского побережья Северной Америки, который был известен испанцам к тому времени. Николе не представлял себе, как далеко он находится от устья Миссисипи, он вряд ли слышал о «реке Духа Святого» испанцев и не мог поэтому предполагать, что она имеет какую-то связь с Миссисипи. Напротив, у него сложилось впечатление — по личным ли наблюдениям или по неправильно понятым расспросным сведениям, — что Миссисипи сравнительно короткая река, впадающая в «Южное море», которое он отождествлял с Тихим океаном. Такую информацию он и распространял, когда вернулся в Квебек.

После возвращения Николе на карте Северной Америки впервые появилось озеро *Мичиган*. Но его географическое положение показывалось неверно, поскольку некоторое время его смешивали с Верхним озером.

Иезуиты в области Великих озер

Во второй четверти XVII века в Канаде усилилось влияние иезуитов, впервые появившихся в новой французской колонии в 1611 году. Успешно конкурируя с монахами-реколлетами, они в конце концов захватили в свои руки миссионерскую деятельность в Новой Франции. Десятки иезуитских миссионеров направились в глубь материка «завоевывать души» индейцев. Их успехи в деле религиозной пропаганды были невелики, но в своем стремлении обратить на «истинный путь» возможно большее количество «заблудших язычников» иезуиты совершили в центре Северной Америки крупные открытия — впрочем, не столь большие, как они себе приписывали.

Почти все французские колонисты сосредоточены были сначала в районе Квебека, и эта горсть людей состояла в значительной части из гугенотов (протестантов). Но иезуиты вовсе не хотели содействовать расширению границ Новой Франции в интересах гугенотской колонизации, и в этом отношении королевское правительство (после убийства Генриха IV фанатиком иезуитом) было вполне согласно с ними. В 1628 году правительство под давлением иезуитов запретило евангельское богослужение в новой колонии. Из-за этого гугеноты, то есть наиболее предприимчивая и богатая часть французско-

го населения, были навсегда потеряны для Канады. Они стали выселяться в Пруссию, Голландию, Англию, в английские колонии. Гонение на гугенотов было большим ущербом для Новой Франции, сильной помехой для ее роста и экономического развития, так как французская католическая иммиграция в Северную Америку всегда была незначительна. В 1640 году в Канаде было только 3 тыс. «белых». Между тем в расположенной к югу от нее английской приатлантической колониальной области Новой Англии, колонизация которой началась почти на четверть века позднее, насчитывалось к тому времени уже 24 тыс. переселенцев, и все они были протестантами различных сект, отвергавших господствующую на их родине государственную англиканскую (епископальную) церковь.

В Канаде иезуиты начали пропаганду своей «святой католической веры» среди приозерных гуронов. В 1634 году к гурунам отправились три монаха-миссионера, в том числе прославленный католическими историками Жан Бребеф. Канадские леса весной непроходимы: «отцы» должны были путешествовать «по индейскому способу», поднимаясь на лодках по рекам Святого Лаврентия и Оттаве.

Католические писатели красочно описывают путешествия иезуитов, окружая их ореолом мученичества и даже святости. Нужно сказать, впрочем, что условия их передвижения были такие же, как и у «лесных бродяг», в жизни которых очень трудно найти «признаки святости»: «Сколько раз приходилось им... бросаться в воду, чтобы не дать быстрому течению унести утлые челны; сколько раз они должны были вытаскивать свои лодки на сушу и переносить их на спинах через береговые заросли, чтобы обойти пороги. С окровавленными ногами, в лохмотьях, опухшие от укусов комаров, истощенные лишениями и усталостью, они достигали наконец стоянок гурунов» (Бемер).

Иезуиты мало-помалу втерлись в доверие гурунов. После шестилетней пропаганды «черные сутаны» собрали большие группы гурунов в постоянные поселения и основали несколько миссионерских станций у озера Гурон.

Жану Бребефу католические историки приписывают открытие в 1640 году пятого из Великих озер — Эри. Однако первое известие о *Ниагарском водопаде* между Эри и Онтарио относится к 1648 году.

В 1641 году начал свою работу на западе, в районе Со-Сент-Мари, другой иезуит, Исаак Жог. Он собрал там важные сведения об индейцах сну (вероятно, о племенах дакота или ассинибойнов), живущих далеко на западе от озера Гурон. Чтобы дойти до страны этих индейцев, сообщал Жог, нужно «сперва потратить девять дней на пересечение другого великого озера, которое начинается выше Со-Сент-Мари, а за-

тем еще девять дней подниматься вверх по реке, пересекающей их страну»*.

В 1642 году Жог попал в плен к ирокезам. По словам «благочестивого отца», его били, кололи, жгли и отрезали большой палец руки, а он «подобрал этот палец и принес его в жертву тебе, господи». Как раба Жога перегнали через год на реку Гудзон, где его случайно встретили голландцы, освободили и разрешили в 1644 году вернуться в Восточную Канаду.

После того как Жог представил в Квебеке свой отчет, французы получили приблизительно верное представление о географическом положении всех пяти Великих озер, а к середине XVII века, после открытия Ниагары, и об их взаимной водной связи. Но очертания трех западных, крупнейших озер оставались неясными, так как неизвестны еще были огромные участки их побережий.

В середине XVII века вспыхнула истребительная война ирокезов против гуронов и союзных с ними французов. Эта борьба продолжалась четверть века. Начиная с 1648 года ирокезы, подстрекаемые англичанами и голландцами, разрушили одну за другой все иезуитские станции, перебили тех французов, какие попали им в руки, в том числе всех «людей в черных сутанах», которых они особенно ненавидели. Ирокезы захватили и убили Бребефа.

Большинство гуронов было истреблено. Нескольким сотням удалось уйти в Квебек и поселиться в этом районе; часть гуронов вошла в состав различных племен союза ирокезов.

Попытки иезуитов «обратить» приозерных индейцев и создать в Центральной Канаде «государство в государстве» под верховной властью римского папы закончились полным провалом. Колониальные власти (по указанию метрополии) принуждали «отцов» переселять обращенных индейцев поближе к французским поселкам и старались превращать их возможно быстрее во французов. Власти доброжелательно относились к бракам между «краснокожими» и «бледнолицыми». Эта политика, водка, оспа и распространяемый колонизаторами сифилис, а также голландское и английское огнестрельное оружие привели к тому, что большая часть индейцев Новой Франции вымерла. Зато появилась новая этническая группа франко-индейских метисов, давшая ряд выдающихся «лесных бродяг», с помощью которых французы и англичане открыли и исследовали гигантские внутренние области Северной Америки.

Иезуиты стремились уйти подальше от французских колониальных властей. С помощью проводников — индейцев и мети-

* Речь в этом сообщении идет несомненно о Верхнем озере и, по-видимому, о реке Миссури.

сов — они закончили открытие Великих озер, в том числе Верхнего и Мичигана, и были первыми европейцами, исследовавшими эти озера и селившимся у их берегов. Идя по следам французских «лесных бродяг», которые, скупая пушнину, умели находить стоянки самых отдаленных индейских племен, иезуиты нередко становились пионерами в деле исследования внутренних областей Северной Америки и во второй половине XVII века проникли в бассейн Миссисипи.

Глава 18

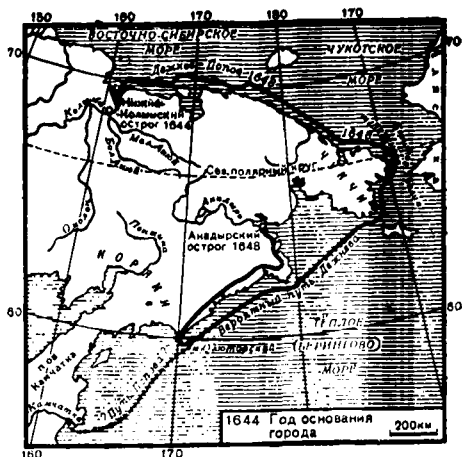
ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ ПРОЛИВА МЕЖДУ АЗИЕЙ И АМЕРИКОЙ

Организация экспедиции Дежнева — Попова

В те десятилетия XVII века, когда французы, медленно продвигаясь с востока на запад в Северной Америке, напрасно искали «Западное море», то есть северо-восточную часть Тихого океана, русские в Северной Азии, стремительно двигаясь с запада на восток, вышли в 1639 году к Охотскому морю, то есть к полузамкнутой северо-западной части того же Тихого океана (отряд Ивана Юрьевича Москвитина). А в 1648 году, обогнув северо-восточный выступ Азии (Чукотский полуостров), русская экспедиция Дежнева—Попова прошла из Ледовитого океана в северное тихоокеанское море, позднее названное Беринговым, и таким образом доказала, что Азия на северо-востоке не смыкается с Америкой.

В 1647 году в Нижне-Колымске (в устье реки Колымы у впадения в нее Большого Анюя) собралось несколько групп землепроходцев, имевших уже опыт плавания в морях Ледовитого океана. Среди них был казак Семен Иванович Дежнев (родился около 1605 г., умер в 1673 г.) и приказчик одного богатого московского купца («царского гостя») холмогорец Федот Алексеев Попов. Попов приступил к организации большой промысловой экспедиции; целью ее были поиски на востоке моржовых лежбищ и якобы богатой соболями реки Анадырь. В состав экспедиции входили шестьдесят три промышленника, включая Федота Попова, и Дежнев, по его личной просьбе, как лицо ответственное за сбор ясака*: он обещал представить «государю прибыли на новой реке на Анадыре» 280 соболиных шкурок.

* Подать, в пользу русского государства, уплачиваемая мехами или моржовыми клыками.

Вероятные пути С. Дежнева и Ф. А. Попова

Летом 1647 года четыре коча* под начальством Федота Попова вышли из устья Колымы в море. Неизвестно, как далеко они продвинулись на восток, но доказано, что их постигла неудача и они в том же году повернули назад на Колыму из-за тяжелых ледовых условий. Позднее в одной из своих челобитных (1654 г.) Дежнев сообщал, что он в 1647 году был послан на государеву службу с Колымы «на новую Анадырь-реку великим морем-окияном и того лета на море льдом до Анадыря-реки не пропустило».

В челобитной другого казака, ходившего в том же, 1647 году морем от Колымы на восток, также говорится, что на реку Анадырь его «не пропустило: был в той поре на море лед непроходимый».

Неудача не повлияла ни на Попова, ни на Дежнева. Первый приступил к организации новой промысловой экспедиции; второй снова был ответственным сборщиком ясака — после того как обещал сдать в казну 290 соболей.

Во второй половине июня 1648 года из Колымы вышли в море и повернули на восток семь кочей: шесть из них принадлежали хозяевам Федота Алексеева Попова, а седьмой — казаку Герасиму Анкидинову; на всех было девяносто человек. Дежнев и Попов помещались на различных судах. Два коча, не доходя пролива, разбились о льды во время бури; люди с них высадились на берег; часть была убита коряками, остальные, вероятно, погибли от голода. Во время той же или позднейшей бури в Чукотском море пропали без вести два

* Коча — русское приморское однопалубное, парусно-гребное судно XVI—XVII веков с одной мачтой и прямым парусом.

других коча. Есть предположение, что их отнесло к американскому берегу: на Аляске найдены следы древних (примерно трехсотлетней давности) жилищ русской стройки, и местные эскимосы и индейцы еще в XVIII веке передавали рассказы о бородатых и голубоглазых людях, некогда живших в их стране.

20 сентября в Беринговом проливе, по показаниям Дежнева, «... на пристанище [в гавани] чукочьи люди» ранили в стычке Федота Попова, а через несколько дней — около 1 октября — «того Федота со мною, Семейкою, на море разнесло без вести».

После анализа, который выдающийся советский географ Лев Семенович Берг сделал в своей известной работе «Открытие Камчатки и экспедиции Беринга», не остается сомнений, что Дежнев обогнул северо-восточную оконечность Азии и описал ее в одной челобитной под названием «Большого Каменного Носа». Это именно тот мыс, который по справедливости назван его именем (66°05' с. ш. и 169°40' з. д.), а не какой-нибудь другой мыс Чукотского полуострова: «...а тот Нос вышел в море гораздо далеко, а живут на нем люди чухчи добре много. Против того же Носу, на островах [Диомида] живут люди, называют их зубатыми [эскимосы], потому что принимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных... А тот Большой Нос мы, Семейка с товарищи, знаем, потому что разбило у того носу судно служилого человека Ярасима Онкудинова [Герасима Анкидинова] с товарищи. И мы, Семейка с товарищи, тех разбойных [потерпевших крушение] людей имали на свои суды и тех зубатых людей на острове видели же» (из челобитной от 4 апреля 1655 г.).

В другой челобитной, поданной, вероятно, в середине апреля того же, 1655 года, Дежнев повторял и уточнял свои показания об открытом им северо-восточном мысе: «А с Ковымы [Колымы] реки идти морем на Анандырь реку, и есть Нос, вышел в море далеко... а против того Носу есть два острова, а на тех островах живут чухчи*, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбий зуб [моржовый клык], а лежит тот Нос промеж север на полуношник [на северо-восток]. А с русскую сторону Носа [на запад от мыса] признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башни из кости китовой. Нос поворотит кругом, к Анандыре-реке подлегло. А доброго побегу [парусного ходу] от Носа до Анандыра-реки трои сутки, а более нет...»

После крушения судна Анкидинов с частью товарищей перешел на коч Федота Попова, а Дежнев «имал на свое судно» остальных товарищей.

* «Чухчами» Дежнев, как и другие землепроходцы, называет и собственно чукчей, и эскимосов, отличая последних как «зубатых».

Судьба Семена Дежнева и Федота Алексеева Попова

О том, что случилось с Дежневым после того, как он разлучился с Поповым и впервые в истории европейского мореходства прошел из Северного Ледовитого в Тихий океан (в Берингово море), он сам красочно рассказал в той же челобитной середины апреля 1655 года: «И носило меня, Семейку, по морю после Покрова богородицы [1 октября] всюду неволею и выбросило на берег в передний конец [то есть на юг] за Анандырь-реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек. И пошли мы все в гору, сами путь себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. И шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анандыря-реки ровно десять недель, и пали [попали] на Анандырь-реку вниз, близко моря, и рыбы добыть не могли, лесу нет. И с голоду мы, бедные, врозь разбрелись. И вверх по Анандыре пошло двенадцать человек...»

До верхнего Анадыря эти двенадцать человек добрались только летом 1649 года, проведя тяжелую зиму в низовьях реки и построив весной речные суда. В ближайшие годы Дежнев не оставлял мысли о «моржовом зубе». Поиски его завершились в 1652 году открытием на «корге» (отлогий морской берег) близ устья Анадыря богатейших залежей «заморной кости» (ископаемые клыки моржей). Там, в низовьях Анадыря, Дежнев провел восемь лет.

В 1660 году Дежнева, по его просьбе, сменили, и он с грузом «костяной казны» сухим путем прошел с Анадыря на Колыму, а оттуда морем — на нижнюю Лену. В Москву он приехал в 1664 году, а в начале следующего года с ним был произведен полный расчет: он с 1641 по 1660 год не получал ни денежного жалованья, ни хлебного довольствия.

Семен Дежнев доставил в царскую казну 289 пудов моржовых клыков на сумму 17 340 рублей серебром (по казенной цене в Якутске, 60 рублей серебром за пуд), а царь Алексей Михайлович за то ему пожаловал за девятнадцатилетнюю службу 126 рублей 20 копеек серебром. И кроме того, царем указано было «за его Сенькину службу и за прииск рыба зуба, за кость и за раны поверстать в атаманы».

Казачий атаман Семен Дежнев служил позднее несколько лет на севере Сибири, вернулся в 1671 году с соболиной казной в Москву и там у

Вернемся теперь к делу у виднейшему участнику и руководителю экспедиции 1640 года — к Федоту Алексееву Попову. После того как его и Дежнева «на море разнесло без вести», Попова той же бурей «носило по морю всюду неволею и выбросило на берег в передний конец». Как и Дежнев, он прошел через пролив, отделяющий Америку от Азии, но буря отнесла его еще дальше на юго-запад, чем Дежнева, — к полу-

острову Камчатке. Неизвестно, в каком именно месте Камчатки высадились люди Попова и Анкидинова, уцелевшие после многодневной осенней бури на Беринговом море; неизвестно даже, на каком берегу: по одному, более правдоподобному предположению — на восточном; по другому предположению — на западном. Так или иначе, но из нескольких позднейших разновременных свидетельств о судьбе Попова и его спутников несомненно следует, что открыли Камчатку именно они, а не те землепроходцы, которые пришли на полуостров через полвека, в конце XVII столетия, во главе с Владимиром Васильевичем Атласовым. Атласов только завершил открытие Камчатки и ее завоевание.

О дальнейшей судьбе Федота Попова ничего достоверного нельзя сказать.

Картографические результаты экспедиции Дежнева — Попова

Дошли ли известия о плаваниях Дежнева и Попова и их открытиях до русских картографов? В Москве они, по-видимому, прошли незамеченными; по крайней мере в документе о пожаловании Дежнева, приведенном выше, о них ничего не говорится. Но в Сибири географические достижения экспедиции 1648 года были отражены на дошедшем до нас «Чертеже Сибирской Земли», составленном по распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова в 1667 году, то есть всего лишь через несколько лет после возвращения с Анадыря на Лену Семена Дежнева.

На «Чертеже» показана и названа река Камчатка — за тридцать лет до ее «открытия» экспедицией Владимира Атласова. Дежнев на этой реке и вообще на полуострове Камчатке не бывал. Если не было неизвестного нам похода на Камчатку в середине XVII века (а вряд ли такой поход мог пройти совершенно незамеченным), то рассказать о реке могли только уцелевшие спутники Федота Попова или он сам, когда, по выражению его хозяина, московского купца Василия Усова (в челобитной не позднее 1653 г.), «шел к Русе» (до Усова дошли вести, что Попов возвращался на родину).

На «Чертеже» река Камчатка впадает в море на востоке Сибири между Леной и Амуром. Прямой путь от устья Лены к Камчатке и далее к Амуру, и где далее на юг, до самого «царства Китайского», показан совершенно свободным.

Иными словами, по представлению сибирского картографа, составившего к 1667 году «Чертеж», на востоке — от Крайнего Севера и до Китая включительно, то есть до страны, тогда уже постоянно посещавшей европейскими кораблями, — Азия нигде не смыкается с Америкой.

Представление о Северной Америке в середине XVII века

После экспедиции Дежнева—Попова русские знали о том, что Америка отделена на крайнем северо-западе проливом от Северо-восточной Азии, западноевропейцы же только гадали об этом. Неизвестно было еще, что представляет собой Гренландия — архипелаг, или отдельный массив суши, или громадный американский полуостров, связанный с материком новооткрытой Баффиновой Землей*. Англичане в поисках Северо-западного прохода открыли северо-восточное побережье материка (частью — вторично, после норманнов), французы — восточное, испанцы — южное побережье, так что в общих чертах была выявлена вся атлантическая береговая линия Северной Америки с полуостровами Лабрадор (включая Унгаву), Гаспе, Новая Шотландия, Делавэр и Флорида. Западный же, тихоокеанский берег к северу от полуострова Калифорния был прослежен — испанцами и английским пиратом Дрейком — на сравнительно коротком протяжении, примерно до 42° с. ш., то есть стало известно только побережье Верхней Калифорнии.

Из великих внутренних вод Северной Америки французы обследовали на всем ее протяжении реку Святого Лаврентия и ознакомились — очень неполно — с Великими озерами; испанцы открыли нижний участок течения Миссисипи, среднее и нижнее течения рек Рио-Гранде и Колорадо, англичане — устья больших северных рек Нельсон и Черчилль.

О рельефе материка в сущности знали очень мало: известно было, что на востоке приатлантическая низменность ступенями поднимается до средневысотных Аппалачских гор; что на юге простирается широкая низменная полоса, прилегающая к Мексиканскому заливу; что далее к западу, за прериями поднимаются высокие Скалистые горы (испанцы знали только их южную часть), а за ними находятся полупустынные и пустынные плоскогорья, ограниченные от Тихого океана Береговыми хребтами.

Кроме Ньюфаундленда, по-видимому известного еще норманнам, французы открыли все значительные острова в умеренно холодной зоне Американской Атлантики — Антикости, Принца Эдуарда, Кейп-Бретон и Лонг-Айленд; в Американской же Арктике английские искатели Северо-западного прохода обнаружили только один крупный остров — Саутгемптон, а открытые ими восточные берега Земли Элсмira, Девона и Баффиновой Земли приняли за участки материкового берега Северной Америки.

* О влиянии на умы последней версии свидетельствует то обстоятельство, что два обширных арктических моря, связанных проливами не только с Атлантическим, но и с Северным Ледовитым океаном — Баффиново и Гудзоново, — до настоящего времени называются заливами.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII ВЕКА И XVIII ВЕК

Глава 19

ЗАВЕРШЕНИЕ ОТКРЫТИЯ АППАЛАЧСКОЙ ГОРНОЙ СИСТЕМЫ

Виргинская „Граница“ („Фронтир“)

Английские поселенцы в атлантической полосе Северной Америки, и в первую очередь виргинцы, в середине XVII века начали энергично продвигать границы своих колоний на запад, в предгорную полосу Аппалачей — Пидмонт и в горы Аппалачской системы. При этом колонизаторы преследовали двоякую цель: расширить свои земельные владения и принять участие в торговле пушниной, дававшей высокие прибыли колонизаторам северных областей американского материка. Для достижения поставленной цели англо-американцам недостаточно было цепи приморских городов, уже возникших к этому времени на атлантическом побережье и в низовьях аппалачских рек. Необходимы были глубинные спорные пункты — форты, которые должны были держать в повиновении индейские племена, жившие на Пидмонте и в аппалачских горных долинах, и в то же время служить базами «индейских торговцев» (Indian traders), как обычно назывались англо-американские бродячие скупщики мехов.

Западную «Границу» («Фронтир») английское правительство и местные власти со времени основания первых североамериканских колоний всегда рассматривали как временную; она должна была передвигаться на запад по мере освоения атлантической полосы. Однако организация фортов и их бесперывное снабжение воинскими припасами и продовольствием стоили немалых денег. Для истребования таких средств нужна была «сильная мотивировка» — и постройку западных фортов инициаторы англо-американской экспансии мотивировали «индейской опасностью», несмотря на то что набеги индейцев во второй половине XVII века уже не представляли серьезной опасности для атлантических поселений.

Исследования речной сети Кристофером Ньюпортом, Джоном Смитом и их последователями в первой половине XVII века показали, что все значительные реки Виргинии, текущие в Атлантический океан, образуют пороги и водопады. У этой Линии водопадов, вдоль уступа Пидмонта, колонисты и стали строить форты. Инициатором и неизменным покровителем этой военной экспансии был губернатор Виргинии, ярый монархист, сторонник королевской династии Стюартов Вильям Беркли.

Начало англо-американскому исследованию Аппалачской горной системы для дальнейшего ее захвата положил плантатор Авраам Вуд. Это был первый комендант первого форта, поставленного виргинцами в 1646 году, — Форт-Генри на реке Джемс, возле устья его притока Аппоматокс. В конце августа 1650 года Вуд с пятью другими всадниками* и проводником исследовал в юго-западном направлении полосу Пидмонта длиной более чем 150 км между реками Джемс и Роанок.

Ледерер

Английская революция, низложение и казнь короля Карла I Стюарта приостановили на время военную экспансию виргинцев. Беркли, получивший отставку при правлении Оливера Кромвеля, снова был назначен губернатором Виргинии после реставрации Стюартов (1660 г.). Беркли поручил своему врачу, немцу Иоганну Ледереру, продолжать исследование западных районов Виргинии.

Ледерер мало подходил к роли географа-исследователя. Правда, он любил путешествовать, мечтал о новых открытиях, умел красочно описать то, что видел. Но он слепо верил всему, что ему рассказывали знакомые колонисты или случайные встречные люди — индейцы или «белые». К чужим вымыслам он прибавлял свои, навеянные необузданным воображением или прочитанными книгами о путешествиях.

В 1669—1670 годах Ледерер совершил три путешествия, а через два года напечатал в Лондоне рассказ о своих «открытиях». Его справедливо заподозрили в непомерных преувеличениях, если не в прямой лжи. Только через два с лишним столетия историки отсеяли зерна правды в его книге и убедились, что он все-таки немало сделал для исследования Аппалачской горной системы.

В помощь Ледереру губернатор Виргинии откомандировал несколько человек. Всего в течение 1660—1670 годов под его общим начальством и при непосредственном участии действовали четыре небольших отряда. Они проследили все течение реки

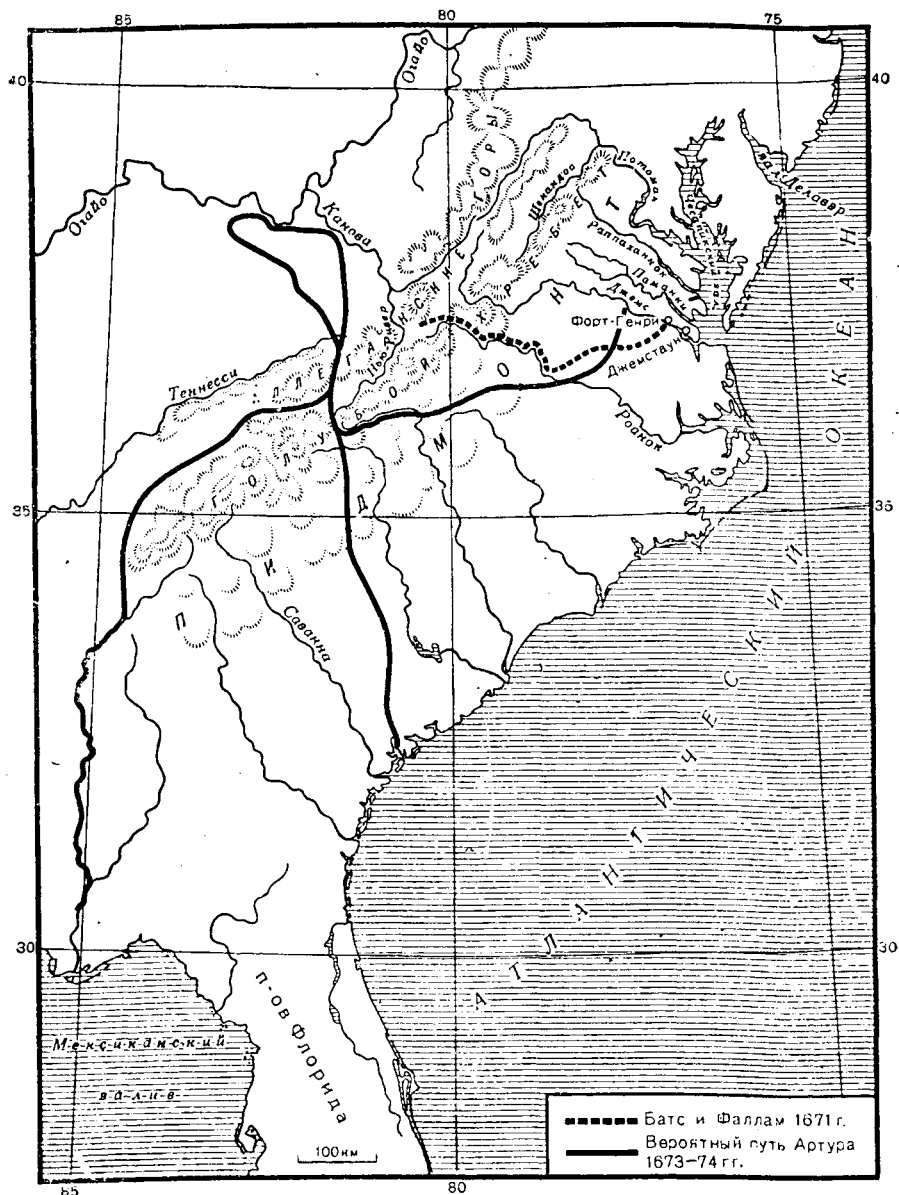
* Два служащих и три плантатора; одному из последних, Эдуарду Бленду, некоторые историки неправильно приписывают руководящую роль в этом походе.

Джемс до ее верховьев, а к северу — реки Паманки и Раппаханнок, также до их верховьев, для чего по крайней мере дважды поднимались на гребень Голубого хребта. Оттуда они видели на западе у себя под ногами долину, по которой в северном направлении текла река Шенандоа (крупнейший приток Потомака), а за ней параллельные гряды Аллеганских гор. В поисках удобного прохода через Голубой хребет они исследовали полосу Пидмонта между реками Джемс и Раппаханнок шириной около 200 км и открыли этот проход несколько севернее долины Джемса.

Путешествие Батса и Фаллама

Осенью 1671 года снова отправился в поход Авраам Вуд, с которым на этот раз были четыре колониста и индеец-проводник. Целью его было разыскать на западе, по ту сторону гор, «воды, текущие в Южное море». Трудно сказать, что именно в данном случае понимал Вуд под «Южным морем» — Мексиканский ли залив или Тихий океан. Дело в том, что среди прочих домыслов Ледерера, с которым Вуд несомненно встречался, было и утверждение, будто Тихий океан (Ледерер называл его «Индийским») вдается со стороны Калифорнии так далеко в глубь материка, что доходит до западного подножия Аппалачских гор и что он-де даже видел с вершины Голубого хребта море на западе. Сам Вуд и на этот раз прошел не очень далеко: вероятнее всего, только повторил свой старый маршрут от Форт-Генри к реке Роанок. Но два участника его второй экспедиции — Томас Батс и Роберт Фаллам поднялись до верховьев Роанока и убедились, что северная из горных рек, составляющих Роанок, течет через седловину на гребне Голубого хребта, а начало берет на западном склоне хребта. Седловина эта оказалась очень доступным горным проходом. Они поднялись на вершину горы и увидели «...высокие горы, простирающиеся к северу и югу насколько глаз хватал. Хоть и страшное это было зрелище, но мы радовались, — писал Фаллам, — глядя, как горы и холмы громоздятся одни на другие». Перед путешественниками простирались центральные гряды Аппалачских гор, которые ранее видел несколько севернее и Ледерер.

Пройдя несколько километров дальше на запад, Батс и Фаллам увидели «Новую реку» (*Нью-Ривер*), которая текла с западных склонов гор, открывшихся перед ними. Теперь мы знаем, что они были на одной из рек, составляющих Канову (приток Огайо) и что она принадлежит к системе Миссисипи. Батс и Фаллам этого еще не знали, но правильно решили, что открытый ими поток никак не связан с виргинской речной сетью и что, следовательно, они перешли водораздел между знакомыми им реками и какой-то другой речной системой.

Пути виргинских исследователей Аппалачей

К их чести нужно сказать, что они не претендовали на славу первого открытия. Фаллам писал, что он и Батс нашли на водоразделе дерева, на коре которых были сделаны углем какие-то условные отметки латинскими буквами: это было дело рук неизвестных первооткрывателей — вероятнее всего, англо-американских «индейских торговцев», а может быть, и франко-канадских «лесных бродяг», которые иногда заходили далеко на юг.

Скитания Габриеля Артура

Весной 1673 года Авраам Вуд отправил из Форт-Генри колониста Джемса Нидхема и своего служащего Габриеля Артура с восемью индейцами далеко на юго-запад, за реку Роанок. После предварительной разведки Нидхем и Артур летом того же года перевалили южный участок Голубого хребта и вышли к верховьям Теннесси (системы Миссисипи).

У местных жителей, горных индейцев племени чирски, путешественники видели испанские товары, доставлявшиеся их соплеменниками. Так как торговые посредники индейцы были недовольны испанцами — то ли из-за обращения, то ли из-за плохого качества испанских товаров, — то чироки охотно согласились торговать с виргинцами. Нидхем отправился с этим сообщением в Форт-Генри, Артур остался у индейцев, с тем чтобы обучиться их языку.

На обратном пути к Теннесси Нидхем поссорился с одним индейцем-проводником и был убит.

Вождь племени чироки, у которого остался Артур, обещал доставить его с оказией в Форт-Генри. Но оказии долго не было: вождь медлил, боясь мести английских колонистов за убийство Нидхема, хотя чироки к этому убийству были непричастны. И Артур вынужден был несколько месяцев бродить с индейцами чироки на огромной территории — от Огайо (бассейн ее притока Кановы) на севере до Саванны, впадающей в Атлантический океан, на юго-востоке и низовьев апalachских рек, впадающих в Мексиканский залив, на юге. Во время этих скитаний Артур ознакомился и с центральными и с южными районами Аппалачской горной системы. Он был невольным участником двух набегов чирски — на индейское приморское селение на северо-востоке испанской Флориды и на испанский пост на северо-западе Флориды.

Чироки очень бережно относились к Артуру. Летом следующего, 1674 года их вождь выполнил, наконец, свое обещание и доставил Габриеля Артура «домой» — на реку Джемс, в Форт-Генри.

Таким образом, к последней четверти XVII века английские колонисты-виргинцы закончили в основном исследование своей новой родины. Они ознакомились достаточно подробно с береговой линией Виргинии, с ее речной сетью и — пока в общих чертах — с ее рельефом. Они укрепились на Линии водопадов, исходили центральную полосу Пидмонта во всех направлениях, перевалили в нескольких местах Голубой хребет, получили некоторое представление о протягивающихся за ним параллельных горных грядках и открыли (конечно, вторично) ряд апalachских рек системы Миссисипи.

ОТКРЫТИЕ ФРАНЦУЗАМИ БАССЕЙНА МИССИСИПИ

Завершение открытия Великих озер и первые французы на Миссисипи

В 1654 году большая группа индейцев-ходоков пришла на челнах в Восточную Канаду, в низовья реки Святого Лаврентия; они сообщили, что посланы тысячами беглецов, которые собрались далеко на юго-западе, за озером Мичиган, спасаясь от враждебных индейских племен, и очень нуждаются в «европейских товарах», то есть в огнестрельном оружии и боевых припасах. В случае если французы начнут с ними торговлю, беглецы обещают оплачивать товары мехами.

Губернатор Новой Франции мудро решил отпустить нужные товары в кредит «лесным бродягам», с тем чтобы они за свой страх и риск отправились с индейцами-ходоками за Мичиган и, если уцелеют и привезут, меха, погасили свою задолженность. Опасность была очень велика — вызвались идти только двое «лесных бродяг». Имя одного неизвестно; другим был бретонец (родом из портового города Сен-Мало) Медар Шуар де Грозейлье, который еще мальчиком переехал из Франции в Канаду и поселился в городке Труа-Ривьер на реке Святого Лаврентия (между Квебеком и Монреалем).

Этот пункт возник в устье Сен-Мориса, крупного северного притока реки Святого Лаврентия. Здесь скрещивались великие внутренние водные пути Канады, используемые для торговых операций южными и северными индейскими племенами. Южане шли туда через Великие озера, северяне — от залива Джемс, южного угла Гудзонова залива, через речной и озерный лабиринт до «Злого озера» (*Лак дю-Маль*), из которого вытекает Сен-Морис, и по этой реке спускались до Труа-Ривьер. Здесь велась прямая или посредническая торговля с индейскими племенами, обитавшими в гигантской лесной полосе — от залива Святого Лаврентия на востоке до Верхнего озера на западе и от Гудзонова залива до озера Мичиган. Летом в Труа-Ривьер собирались иногда сотни индейских челнов, и на скупочных пунктах городка слышалась речь на многих языках и диалектах алгонкинской и ирокезской языковых групп. Грозейлье и другие колонисты, жившие в Труа-Ривьер, изучали здесь индейские языки и, превращаясь в «лесных бродяг», уходили торговать и охотиться вместе с индейцами.

В 1654 году Грозейлье и его неизвестный спутник француз вместе с индейцами-ходоками шли сначала путем, хорошо разведанным «лесными бродягами» и иезуитами: вверх по реке Святого Лаврентия и ее притоку Оттаве; затем через озера Ни-

писсинг, Гурон и пролив Макинак попали в озеро Мичиган и плыли вдоль его северного берега до островов, расположенных у входа в длинный и узкий залив (Грин-Бей, у северо-западного побережья Мичигана).

Как раз в том районе скопились массы беженцев, теснимые индейцами прерий, принадлежавшими к сиуской языковой группе.

С прибытием французского огнестрельного оружия положение резко изменилось. Индейцы сиу были отеснены на запад алгонкинами, и вместе с последними двигался в глубь материка и Грозейлье со своим спутником. Как далеко заходил он на запад и на юго-запад, установить невозможно, и поэтому, как всегда бывает в таких случаях, открывается широкое поле для предположений. Из них более вероятное, что он доходил до Миссисипи; и во всяком случае он был первым, принесшим в Восточную Канаду весть, что «Большая вода» на западе, за Великими озерами — не море, а река, текущая на юг.

Страна была богата пушным зверем, и в течение почти двухлетнего пребывания в заозерной области французы выменяли там «европейские товары» на большое количество драгоценных мехов. В этот же период они обследовали все западное, южное и восточное побережье озера Мичиган, завершив, таким образом, его открытие.

В 1656 году Грозейлье и его спутник благополучно вернулись в Восточную Канаду в сопровождении пятидесяти челнов «с грузом добра, которое эти французы раздобыли на краю света».

В Труа-Ривьер жил тогда земляк Грозейлье, также бретонец из Сен-Мало — Пьер Эспри Радиссон, человек бывалый, несмотря на свою молодость. Семнадцати лет Радиссон попал в плен к ирокезам, был усыновлен одним из племенных вождей, бежал от новых родичей, вторично был взят в плен, попал на реку Гудзон и там был выкуплен голландскими колонистами. Он был речист и даже умел излагать свои мысли и наблюдения на бумаге — явление очень редкое среди «лесных бродяг»; только на его описания далеко не всегда можно полагаться: правдивостью Радиссон не отличался.

Успех Грозейлье окрылил других «лесных бродяг». В 1657 году с ним пошли на запад тридцать французов. Среди них был и Радиссон, однако он вернулся домой с полпути — по причинам, о которых он позднее говорил очень сбивчиво. Остальные «лесные бродяги» возвратились с большой добычей в 1658 году. А в 1659—1660 годах Радиссон действительно совершил вместе с Грозейлье большое путешествие в заозерную область.

Грозейлье был не мастер писать. Рассказ о его путешествиях на запад дошел до нас в изложении Радиссона, который добавил к нему много собственных очень интересных наблюдений, сделанных в 1659—1660 годах. Однако увлекающийся и не

отличающийся скромностью Радиссон смешал в своем рассказе все три путешествия: первое (1654—1656 гг.), которое он не совершал; второе (1657 г.), которое он прервал на середине, и третье (1659—1660 гг.). Благодаря этому географические достижения Грозейлье обычно приписываются Радиссону, а в хронологию событий внесена путаница, в которой историки не разобрались до настоящего времени.

Нет достаточных оснований предполагать, чтобы Грозейлье вместе с Радиссоном во время третьего путешествия продвинулся вниз по Миссисипи гораздо дальше, чем во время двух предыдущих путешествий, и даже достиг устья Миссури. Однако большинство историков склонно теперь допускать, что оба бретонца были первыми европейцами, плававшими по верхнему участку Миссисипи, а их биограф высказывает мысль, что долгое непризнание французскими авторами географических заслуг Грозейлье и Радиссона объясняется их позднейшим позорным поведением.

Дело в том, что у обоих «лесных бродяг», очень различающихся друг от друга характерами, была одна общая черта, которую американский историк Джон Бребнер определяет как «дух независимости». Конкретно этот дух проявился в том, что они во время последующей англо-французской борьбы за Гудзонов залив дважды предали интересы своей родины Франции и один раз — интересы Англии, на сторону которой перебежали (см. ниже, раздел «Возникновение английской Компании Гудзонова залива»).

Иезуиты на Миссисипи. Плавание Жолье и Маркетта

В шестидесятых годах XVII века иезуит Клод Жан Аллуэ основал миссию у западной окраины Верхнего озера, а в 1670 году он, путешествуя к западу от озера Мичиган, пришел на реку Висконсин и также (как раньше Грозейлье) услышал здесь от индейцев о «Большой воде», или, как говорили французы, о «Западном потоке». Несомненно это был великий поток. Однако индейцы не знали, где он кончается; и никто из европейцев еще не знал, течет ли великая река в Мексиканский залив или в Тихий океан. Иезуиты надеялись, что этот поток течет именно в Тихий океан и что в результате его исследования они разрешат проблему Северо-западного прохода. Из-за этого область Верхнего озера приобретала в их глазах огромное значение, и они спешили закрепить ее за Францией или, точнее говоря, за своим орденом: «отцы иезуиты» мечтали создать в Северной Америке такое же изолированное государство, какое они создали на юге Америки, в бассейне Парагвая. В 1671 году торжественно в присутствии представителей четырнадцати индейских племен было провозглашено в незадолго до того осно-

Карта Жолье 1673 г. (эскиз)

ванной миссии Со-Сент-Мари * французское верховное господство над всеми странами, которые прилегали к озерам Верхнему и Гурон.

Ученик иезуитов, скупщик пушнины Луи Жолье был послан губернатором Новой Франции для исследования «Западного потока». Иезуиты прикомандировали к Жолье члена своего ордена Жака Маркетта. Торговый агент и монах в 1673 году пустились в путь от северо-западного залива озера Мичиган (у 45° с. ш.). Их сопровождали еще пять скупщиков пушнины. Они перешли через водораздел, на двух индейских челнах спустились по реке Висконсин до ее устья и вошли в широкую реку, которая медленно в зеленых берегах несла свои чистые воды на юг. Жолье назвал ее «рекой Кольбера» **.

Первую неделю путешественники плыли через совершенно, казалось, безлюдную местность: на берегах паслись большие стада бизонов, попадалось много дичи, но не видно было признаков жилья. Ниже стали встречаться деревни индейцев ил-

* Со-Сент-Мари (буквально, по-французски — «прыжок Святой Марии») — пороги на реке Сент-Мари, соединяющей Верхнее озеро с Гуроном. Миссия, основанная в конце шестидесятих годов у порогов на южном берегу реки, стала на десятки лет основной базой иезуитской экспансии в бассейне Миссисипи.

** В честь Ж. Б. Кольбера — всесильного министра Людовика XIV.

линойсов. Нога европейца еще не ступала здесь, но Жолье и Маркетт видели у индейцев французские железные изделия и одежду, а также английское огнестрельное оружие. Европейские товары шли впереди самих европейцев; торговыми посредниками были алгонкинские и ирокезские индейские племена, жившие близ колоний — французских и английских (или до 1667 г. — голландских).

Жолье и Маркетт из рассказов индейцев сделали вывод, что великая река начинается несколькими истоками в небольших озерах далеко на севере и течет на юг, но не могли выяснить, куда она впадает. Если направление ее течения не менялось до устья, то она впадала в Мексиканский залив, где господствовали испанцы. Однако на большом расстоянии к югу от страны иллинойсов река могла изменить свое течение в двух направлениях: во-первых, на восток, к Атлантическому океану, и тогда она привела бы их в приморскую восточную полосу Северной Америки, занятую английскими колонистами-еретиками; во-вторых, на запад, к Тихому океану, побережье которого к северу от Калифорнии было тогда в глазах западноевропейцев (кроме испанцев и португальцев) «бесхозной территорией». Именно это второе направление было самым желательным и для французов-мирян и для иезуитов.

Сотни километров проплыли путешественники вниз по течению, но, к их сожалению, великая река не меняла своего в основном южного направления. Ниже страны иллинойсов в нее впадала с запада у 39° с. ш. другая огромная река: в спокойные и чистые воды Миссисипи (а «река Кольбера» и была *Миссисипи*) вливались бурные и грязные воды *Миссури*. Французы видели на воде множество деревьев, иногда целые плавающие острова. Но Миссисипи, приняв этот огромный приток, продолжала течь в прежнем направлении, с некоторым уклоном к востоку.

Еще южнее в Миссисипи впадала другая огромная река, теперь уже с восточной стороны, — *Огайо* (у 37° с. ш.), открытая несколько раньше Робером Ла Салем (см. ниже). Но Миссисипи и на этот раз только незначительно изменила свое направление на юго-юго-западное.

Ниже Огайо Жолье и Маркетт также находили у местных индейцев европейские изделия и оружие. Эти товары, как указывали сами индейцы, приходили с востока — следовательно, от английских колонистов (виргинцев). Те еще не успели перевалить через Аппалачские горы, а товары их распространялись с помощью посредников-индейцев на сотни километров к западу от гор. А еще южнее французы иногда встречали испанские товары, доставленные, очевидно, из Мексики. На западных берегах реки они видели индейцев верхом на укрощенных мустангах (одичавших лошадях).

Южнее Огайо еще одна большая река впадала в Миссисипи с запада (у 34° с. ш.) — *Арканзас*. И ниже его устья Миссисипи текла прямо на юг. Как ни смутны были в то время представления о географии североамериканского материка, все-таки Жолье и Маркетт поняли, что их надежды пройти водным путем к Тихому океану рушились. По словам арканзасских индейцев, от них до моря было только десять дней пути. Река Миссисипи уже не могла столь сильно изменить свое течение, чтобы устье оказалось в Тихом океане. Не могла она также впасть непосредственно в Атлантический океан.

Итак, Жолье и Маркетт прошли первыми большой участок верхнего и все среднее течение Миссисипи на протяжении более девяти градусов широты — от устья Висконсина (43° с. ш.) до устья Арканзаса ($33^{\circ} 50'$ с. ш.). Они уже не сомневались, что великая река впадает в Мексиканский залив. Но окончательно убедиться в этом, то есть спуститься по Миссисипи до ее устья, Жолье и Маркетт не решились: они умели ладить с «дикими язычниками» и ни разу на Миссисипи и ее верхних притоках не подвергались серьезной опасности, но, как французы, они боялись попасть в руки «цивилизованных» единоверцев, католиков-испанцев, которые могли их рассматривать как агентов соперничающей колониальной державы. Путешественники поднялись вверх по течению до устья *Иллинойса* (39° с. ш.) и по этой реке — до низкого водораздела, отделяющего ее от озера Мичиган.

Так не только была открыта большая часть течения величайшей реки Северной Америки, но и было окончательно доказано, что между верхним бассейном Миссисипи и Великими озерами лежат только низкие и очень доступные водоразделы. Скоро французам удалось установить, что в дождливое время создается нечто вроде бифуркации между Миссисипи и Мичиганом: когда притоки Миссисипи разливались, удавалось на челноках переправляться с озера Мичиган в бассейн Миссисипи.

После путешествия Жолье и Маркетта французы получили представление — пока еще неполное — о гигантской системе водных путей, прорезывающих дугой в несколько тысяч километров всю внутреннюю часть североамериканского материка. Составные части этой дуги: река Святого Лаврентия, озера Онтарио, Гурон, Мичиган и, наконец, река Миссисипи, которую французские географы позднее метко называли «меридианом в движении».

Французы уже завладели рекой Святого Лаврентия и Великими озерами; благодаря Жолье и Маркетту они получили «право первого открытия» на реку Миссисипи, кроме ее низовьев. Оставалось только приобрести формальные права на низовья великой реки и укрепиться у Мексиканского залива.

Завершение открытия Миссисипи. Ла Саль и присоединение Луизианы к Франции

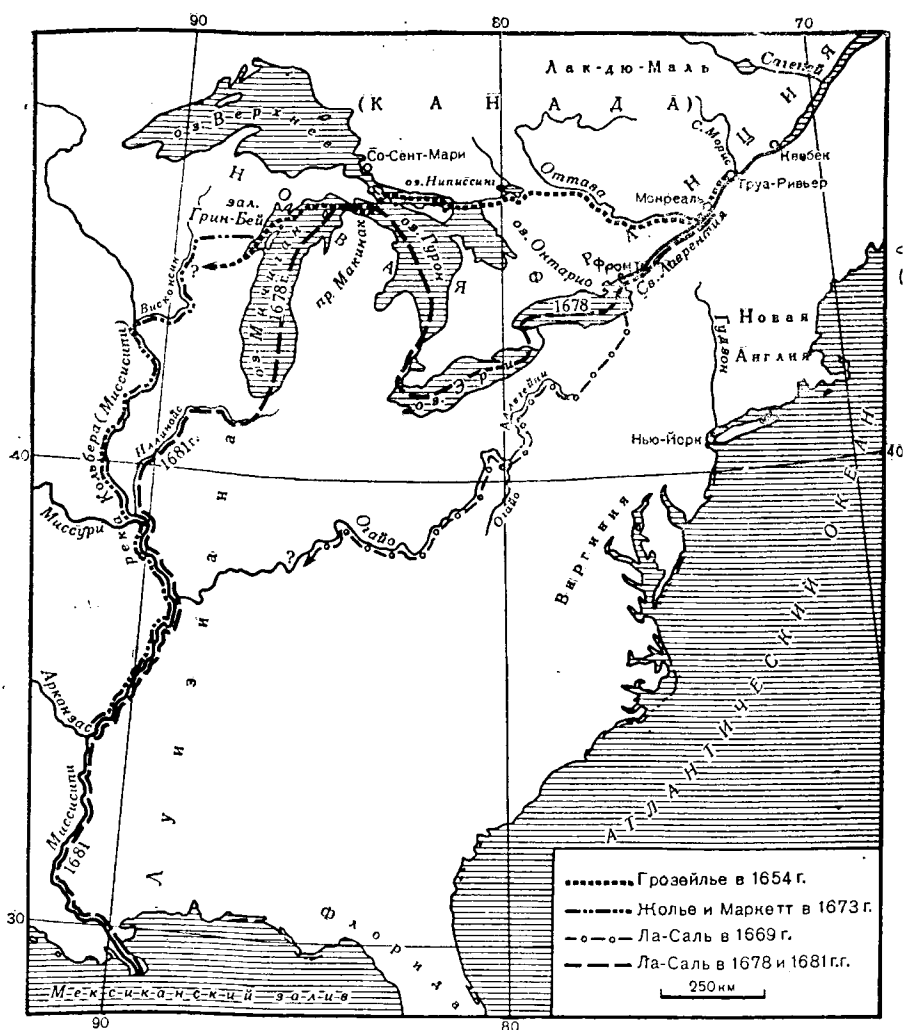
Иезуиты, пользуясь своим влиянием при французском королевском дворе, всеми способами мешали дальнейшим исследованиям бассейна Миссисипи, в частности тем, которые во второй половине XVII века предпринял «великий неудачник» Робер Кавелье де Ла Саль.

Переселившись из Франции в Восточную Канаду, Ла Саль мечтал открыть короткий и удобный путь из Атлантического в Тихий океан и совершил для этой цели ряд путешествий. В 1669 году, продвигаясь в юго-западном направлении от озера Онтарио, он открыл реку Огайо, мощный левый приток Миссисипи. Тогда он еще думал, что Миссисипи впадает либо непосредственно в «Западный» (Тихий) океан, либо в обширный залив, который, по фантастическому представлению картографов XVII века — первой половины XVIII века (главным образом французских), глубоко вдавался в материк Северной Америки в умеренных широтах, либо даже в «Багряное море» (Калифорнийский залив). Когда же Жолье и Маркетт лично убедились, что река продолжает течь на юг, по направлению к Мексиканскому заливу, и ниже устья Арканзаса, Ла Саль организовал ряд экспедиций с целью проследить все течение Миссисипи и присоединить ее бассейн к владениям французского короля.

Заинтересовав своим планом Луи Фронтенака, французского губернатора Канады, Ла Саль построил форт у Ниагары и снарядил судно для плавания по внутренним водам от Ниагары до устья Миссисипи. Для этого он вошел в долги, и кредиторы списали его канадские имения.

Современники считали Ла Саль гордым, холодным, беспощадным человеком. Торговцы мехами предполагали, что он хочет получить для себя монополию на пушной промысел в Северной Америке, иезуиты ненавидели его и пытались отравить. Не оправившись еще от последствий отравления, больной Ла Саль пустился в путь и через озера Эри и Гурон достиг южного края озера Мичиган (1678 г.).

С Мичигана Ла Саль отослал свое судно обратно к Ниагаре с грузом мехов, чтобы расплатиться с кредиторами и запастись провизией, а сам с пятнадцатью-двадцатью людьми перешел через невысокий водораздел к югу от Мичигана и построил форт на Иллинойсе, притоке Миссисипи. Но судно, отправленное в Канаду, пропало без вести. Перезимовав на берегу Иллинойса, Ла Саль с пятью спутниками ранней весной, в распутицу, пешком вернулся в Монреаль. Здесь он узнал о пропаже своего судна и гибели другого судна, посланного ему из Франции. Ла Саль все же снова отправился на запад, к небольшому отряду, оставленному им в форте у Иллинойса. Но

Плавание Жолье, Маркетта и Ла Салля

гарнизон форта восстал во время его отсутствия, и Ла Саль был бы убит, если бы не склонил на свою сторону индейцев. В союзе с ними он победил мятежников и с новым грузом мехов вернулся в Монреаль, чтобы снарядить новую экспедицию.

На этот, единственный, раз судьба улыбнулась Ла Салю. Пройдя через Великие озера и перевалив водораздел, он спустился по Иллинойсу до его устья. Достигнув Миссисипи, он отправил двух человек на север для исследования верхнего участка реки. Сам же он спустился по реке до ее устья, то есть до Мексиканского залива (1681 г.). всю страну, орошаемую Миссисипи и ее притоками, Ла Саль объявил владением французского короля Луи (Людовика) XIV и назвал ее Луизианой. Затем

он поднялся вверх по течению Миссисипи и через Великие озера вернулся в реку Святого Лаврентия, а оттуда во Францию.

Ла Саль привез своему королю весть о присоединении к его владениям гигантской страны, во много раз больше Франции (впрочем, точных размеров Луизианы он и сам не знал). Король Людовик XIV, конечно, милостиво принял такой подарок, дал Ла Салю средства на снаряжение нескольких судов для новой экспедиции и назначил его губернатором Луизианы. Но иезуиты не могли примириться с возвышением опасного соперника. По их настоянию командование флотилией было поручено личному врагу Ла Саля. Экспедиция должна была от берегов Франции отплыть к Мексиканскому заливу, войти в устье Миссисипи и подняться вверх по ее течению. Командующий флотилией в конце 1684 года ухитрился пройти мимо дельты великой реки, «не заметив» ее, а затем обвинил Ла Саля в обмане. Тот был вынужден с небольшим отрядом высадиться на безлюдный остров *Матагорда* (28° с. ш., у побережья Техаса). Там Ла Саль перезимовал, а весной 1685 года перешел на материк к заливу *Матагорда* и в устье реки *Лавака* построил форт. Осенью 1686 года он решил вернуться сухим путем к Великим озерам — иначе говоря, пересечь материк с юго-запада на северо-восток, и зимой выступил в поход. В пути Ла Саль был изменнически убит своими спутниками (1687 г.).

Глава 21

ПЕРВЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АГЕНТОВ КОМПАНИИ ГУДЗОНОВА ЗАЛИВА

Возникновение английской Компании Гудзонова залива

Медар Шуар де Грозейлье во время своих скитаний еще в пятидесятых годах XVII века слышал от индейцев у Верхнего озера не только о «Западном потоке» (Миссисипи), но и о «Северном море»; однако вряд ли он уже тогда отождествлял это море с тем связанным с Атлантическим океаном Гудзоновым заливом, от берегов которого северные индейцы приходили с пушниной во французские поселки на реке Святого Лаврентия, в том числе в Труа-Ривьер. Гораздо вероятнее, что Грозейлье рассматривал сначала море, находящееся к северу от Верхнего озера, как северо-восточную часть «Западного» (Тихого океана), откуда идет вожаделенный прямой морской путь в Китай и Индию.

В начале шестидесятых годов Грозейлье и Пьер Радиссон, который стал его неразлучным спутником, скупая меха, двину-

лись прямо на север от Верхнего озера и открыли большое озеро *Нипигон* (4840 кв. км). Неизвестно, в каком направлении они шли дальше через лесную полосу, в северном или северо-восточном, и добрались ли до «Северного моря», но они собрали точные сведения от лесных индейцев кри (алгонкинской языковой группы) о кратчайших и наиболее удобных путях от Нипигона к морю и тогда только убедились, что речь идет именно о Гудзоновом заливе и что скупка пушнины на его берегах дает широкие возможности для обогащения.

Грозейлье и Радиссон вернулись домой из своего северного путешествия с большим количеством ценных мехов. Они предложили одной канадской торговой компании организовать экспедицию к Гудзонову заливу, чтобы закрепить за французами господство на его берегах. Грозейлье и Радиссон встретили недоверие или нерешительность со стороны французских предпринимателей, колониальных властей и королевского правительства в Париже, куда они выехали. Тогда Грозейлье и Радиссон перебрались в Лондон и предложили свои услуги Англии. Авантюристам удалось связаться с авантюристически настроенным принцем Рупертом Баварским, двоюродным дядей английского короля Карла II Стюарта, адмиралом британского флота.

В 1667 году принц Руперт основал английскую торговую *Компанию Гудзонова залива*, которая существует до настоящего времени. Летом следующего, 1668 года в Гудзонов залив был послан английский военный корабль «Нонсач» под командой Захария Гиллама. При участии Грозейлье и Радиссона он открыл в юго-восточном углу залива *Джемс бухту Руперт* и впадающую в нее с востока большую *реку Руперт* (вытекает из лабрадорского озера Мистассини), а к северу от реки Руперт — другую крупную реку, *Истмейн*, и в устье последней поставил форт (у $51^{\circ}35'$ с. ш., 79° з. д.).

24. В 1670 году Компания Гудзонова залива получила королевскую хартию. Ее власть формально распространилась на всю область залива до водораздельных высот, но в действительности к середине XVII века была освоена только южная береговая зона от устья реки Истмейн (юго-западный берег Лабрадора) до устья реки Черчилль ($58^{\circ}40'$ с. ш., 94° з. д.). К 1688 году в устьях крупных рек, открытых здесь к тому времени, Истмейн, Руперт, Мус, Олбани, Северн, Нельсон и Черчилль англичане поставили семь фортов — факторий.

Дирекция Компании, тесно связанная с английским правительством, не хотела рисковать даже сравнительно небольшими средствами для дальнейшего исследования береговой полосы и внутренних областей Северной Канады. За это директоров в XVIII веке часто упрекала парламентская оппозиция; она ссылалась на королевскую хартию 1670 года, в которой предостав-

ление Компании монопольного права торговли в Северной Канаде мотивировалось тем, что «...принц Руперт (и другие лица)... предприняли на свои средства дорогостоящую экспедицию к Гудзонову заливу... с целью открытия нового прохода в Южное море (Тихий океан) и открытия торговли мехами, минералами и другими важными товарами и в ходе своей работы уже сделали такого рода открытия, которые служат поощрением к дальнейшей деятельности...»

Организация первых английских торговых факторий на берегах Гудзонова залива и хартия 1670 года настолько обеспокоили иезуитов, что уже в 1671 году к заливу была послана миссия во главе с членом ордена Шарлем Альбанелем. С проводниками-индейцами он поднялся от низовьев реки Святого Лаврентия по ее левому притоку Сагенею к его истоку, озеру Сент-Джон, до которого уже в 1542 году, по-видимому, поднимался Жуан Афонсу, кормчий Жака Картье.

В озеро Сент-Джон с севера и северо-запада впадает ряд рек. По одной из них Альбанель добрался до узкого и относительно низкого водораздела, отделяющего бассейны озер Сент-Джон и Мистассини *. Из Мистассини в западном направлении, проходя через лабиринт небольших озер, вытекает река Руперт. По ней или по одной из параллельных рек Альбанель вышел к юго-восточному углу Гудзонова залива, проделав около тысячи километров. Он был первым европейцем, который пересек «от моря до моря» Северо-восточную Канаду — правда, в самом узком ее месте, у основания полуострова Лабрадор.

Иезуит с огорчением убедился в том, что несколько запоздал. Тем не менее он объявил все побережье Гудзонова залива французской территорией.

Грозейлье и Радиссон, видимо, обойденные принцем Рупертом при дележе добычи или распределении доходных должностей, оставили в 1674 году неблагодарную Англию. Во Франции они нашли поддержку со стороны министра Кольбера и вернулись в Канаду, где местные власти и предприниматели встретили их без всякого воодушевления. Тем не менее Грозейлье и Радиссон организовали там торговую компанию, снарядили новую, теперь уже французскую экспедицию к Гудзонову заливу. В 1682 году они напали на английский форт Нельсон, разрушили его, захватили в плен находившихся там англичан и выстроили на том же месте французский форт. А через два года Радиссон (не ясно — один или вместе с Грозейлье) снова перебежал на английскую сторону и передал французский форт Компании Гудзонова залива.

* Длинный и узкий водоем, протягивающийся вдоль восточного берега Мистассини, назван озером Альбанель (51° с. ш., 73° з. д.).

Генри Келси и начало открытия канадского Плато Прерий и бассейна реки Саскачеван

В 1684 году в Порт-Нельсон, торговую факторию английской Компании Гудзонова залива в устье реки Нельсон, прибыл четырнадцатилетний мальчик Генри Келси. Как и французские мальчики в Восточной Канаде, из которых выросли «лесные бродяги», Келси искал общества индейцев, приходящих с торговыми целями в факторию, восхищался ими, любил бродить и охотиться с ними, выучился их языку. Чтобы завязать торговые сношения с местными индейцами, Келси ходил и на запад от Порт-Нельсона, к реке Северн, и на север, за реку Черчилль, совершая переходы в сотни километров.

В факторию иногда приходили менять ценные меха на английские товары небольшие группы индейцев ассинибойнов (ветвь языковой группы сиу): их страна находилась в центре материка, далеко к юго-западу от Гудзонова залива.

В 1690 году двадцатилетний «юнец» Генри Келси был отправлен из фактории Йорк, расположенной в устье реки Хейс (она впадает в ту же губу Гудзонова залива, что и река Нельсон), в страну ассинибойнов с официальным поручением — «призывать, поощрять, побуждать дальних индейцев к торговле с нами (Компанией)». Келси отправился туда вместе с одним из вождей ассинибойнов, возвращавшимся из фактории домой.

Келси шел сначала на юг обычным торговым путем индейцев, уже разведанным европейцами: поднялся на челнах по реке Хейс до того ее верхнего участка у 55° с. ш., где река проходит через несколько озер. Оттуда, следуя в западном и юго-западном направлении и используя множество проточных озер и рек, через ряд волоков, Келси обогнул северный берег озера Виннипег и 10 июля, через месяц после выхода из фактории, вышел к Саскачевану, большой реке, которая течет с запада и, пройдя «Кедровое озеро» (Сидар), впадает в северную часть озера Виннипег.

Только в самых общих чертах и притом предположительно можно определить путь Келси от Гудзонова залива до Саскачевана. Дело в том, что Генри Келси вообразил себя поэтом и составил отчет о первом этапе своего путешествия «в зверски плоских виршах» — по оценке вполне компетентных английских авторов.

По словам Келси, в результате своего многотрудного путешествия «по стремительным порожистым рекам, через тридцать три перевоза [и] пять озер» он оказался «в 600 милях к юго-западу от дома» — то есть на расстоянии около 1000 км от фактории Йорк. Обосновавшись на Саскачеване, — где именно, установить невозможно, — он завязал мирные сношения с ближними индейцами и уговорил их ежегодно ходить к Гудзонову заливу и посещать факторию Йорк.

Осенью Келси присоединился к группе индейцев, отправлявшихся на охоту в прерии к юго-западу от Саскачевана. Он был первым европейцем, описавшим *канадские прерии*. Прибыв из лесной озерной страны с густой сетью рек, Келси был потрясен, когда прошел первую сотню километров по равнине, где «нет ничего, кроме зверей и травы», и обрадовался, когда убедился, что и там иногда встречаются деревья и текут реки. Он рассказывал о стадах «больших черных буйволов» (канадский подвид бизона) и об «огромных медведях с очень вкусным мясом» (гризли, которого англичане и французы раньше не встречали).

Перезимовав в этом районе среди ассинибойнов, Келси в середине июля 1691 года выступил в западном направлении — «открывать и вовлекать в торговлю» дальние индейские племена. К счастью, отчет о втором этапе свсего путешествия Келси составил в прозе и хорошо рассказал о природе прерий и о быте индейских племен, еще неизвестных европейцам. Но и здесь затруднительно точно установить его маршрут. По-видимому, он поднимался вверх по *реке Каррот* (правый нижний приток Саскачевана), пока это было возможно. Затем он бросил челны и бродил по прерии, охотясь или отыскивая новые индейские племена, еще не вовлеченные в торговлю с европейцами. К индейцам он приходил вооруженный только трубкой мира.

По расчету Келси, он прошел до середины сентября (когда пустился в обратный путь) немногим менее 1000 км, главным образом пешком. Снова перезимовав к западу от больших озер Центральной Канады, Келси вернулся в 1692 году к Гудзонову заливу «с доброй индейской флотилией» (по выражению местного губернатора). Однако среди его многочисленных спутников не было индейцев прерий, так и не решившихся следовать за приветливым «юнцом» через страну своих врагов ассинибойнов.

Доклад губернатора об этом интереснейшем путешествии дошел до лондонских директоров Компании Гудзонова залива, но их-то он нисколько не заинтересовал. Для этой Компании, как отмечает большинство историков, вообще была характерна «близорукая, глупая и самодовольная» политика. Исследование англичанами внутренних областей Канады приостановилось более чем на полвека. Келси был почти забыт, и только со второй четверти нашего века, после того как найдены были его рукописи (1926 г.), некоторые английские и американские историки стали отводить ему заслуженное место в истории открытия и исследования Северной Америки. Под новым углом зрения эти авторы пересмотрели позднейшие сообщения (XVIII в.) об открытии Плато Прерий и в отчетах некоторых видных французских исследователей обнаружили черты, свидетельствующие о том, что они знали о путешествии Келси.

Хендей и дальнейшее исследование канадского Плато Прерий

В середине XVIII века англичанин Антони Хендей, по профессии контрабандист, вынужден был по вполне понятным причинам срочно покинуть родину. Он перебрался в Канаду и несколько лет был служащим Компании Гудзонова залива. Обнаружил ли он там отчеты Генри Келси, слышал ли рассказы о нем или о французских торговцах пушниной, проникших в прерии Центральной Канады, или сам заинтересовался сообщениями южных индейцев, посещавших фактории у Гудзонова залива, не выяснено. Известно лишь, что в 1754 году Хендей, работавший тогда в фактории Йорк в устье реки Хейс, по собственной инициативе решил «исследовать внутренние области страны и попытаться увеличить торговые обороты Компании Гудзонова залива».

Подобрав себе проводников, как и Келси, среди индейцев ассинибойнов, Хендей выступил из фактории 26 июня 1754 года на челнах вверх по реке Хейс. В отличие от Келси, он не писал стихов, и из прозаических записей в дневнике можно составить вполне точное представление о его маршруте. Поднявшись в южном направлении по Хейсу до озера Оксфорд (54° 50' с. ш.), Хендей повернул на запад и перебрался на озеро Кросс, через которое на этой широте протекает река Нельсон. По совету своих спутников индейцев он двинулся оттуда не прямо на юг, вверх по Нельсону, а свернул на юго-запад и через «Лосиное озеро» (*Мус*) вышел 22 июля на нижний Саскачеван, к тому пункту, где теперь находится узловая железнодорожная станция Те-Пас. Хендей нашел там «французский дом», где хозяева, «лесные бродяги» на службе французской пушной компании, очень радушно приняли англичанина и даже приглашали остаться с ними.

Отклонив это любезное предложение, Хендей со своими спутниками поднялся по притоку Саскачевана *Карроту* до его верховьев. Там они бросили свои челны и пересекли прерии до подножия Скалистых гор в верховьях *Ред-Дир* («Красный олень», крупнейший приток *Южного Саскачевана*). Хендей перезимовал в этом районе, где берет начало и *Северный Саскачеван*, среди индейцев «черноногих»*, сходных по языку и культуре с алгонкинами, которые уже были хорошо известны европейцам. «Черноногие» стали к тому времени «конным» народом: Хендей видел в их стране табуны мустангов.

В апреле 1755 года Хендей и его спутники ассинибойны начали отправку пушнины на двадцати челнах, по одной вер-

* Сами себя они называли сиксиками. Европейцы прозвали их «черноногими», так как они обувались в мокасины, сделанные из черной замши.

сии — по Северному, по другой версии — по Южному Саскачевану. Хендей лично убедился, что речные долины бассейна Саскачевана являются золотым дном для скупщиков пушнины.

В июне 1755 года Хендей вернулся к Гудзонову заливу, в факторию Йорк. Его географические достижения были очень велики: он проник так далеко на запад на канадское Плато Прерий, как ни один европеец до него, он первый обследовал почти все крупные реки, составляющие Саскачеван, и дал хорошее описание индейских племен, живущих в бассейне этой реки. И, кроме того, он указал на широкие возможности расширения торговли пушниной. Однако дирекция Компании Гудзонова залива и тут осталась верна своей «глупой и самодовольной» политике. Лондонские директора не обратили внимания на сообщения Хендея. К тому же его опорочили капитаны и офицеры компанейских судов, снабжавших фактории на Гудзоновом заливе припасами и товарами для торговли с индейцами и уловивших пушнину.

Дело в том, что Хендей отличался редким для его новой профессии качеством — трезвенным поведением. И его уволили со службы по наветам «дворянчиков-моряков, которых Хендей не хотел подкупать жратвой и выпивкой» *.

Глава 22

ОТКРЫТИЕ ФРАНЦУЗАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ КАНАДЫ.

„Лесные бродяги“

Скупка бобровых мехов в Восточной Канаде была монополизирована в XVIII веке (с 1722 по 1761 г.) Индейской пушной компанией. Монополия ее не распространялась на все остальные меха, так называемую «пушную мелочь», но эта «мелочь» играла все возрастающую роль, составляя по ценности во время существования Индейской компании ежегодно от 50 до 60% канадского экспорта.

Организующим центром скупки пушнины в Канаде был город Монреаль. Финансировали торговые операции купцы-оптовики, принадлежавшие к высшей группе франко-канадского общества; многие из них владели большими поместьями в долине реки Святого Лаврентия. Сбор пушнины был построен на системе кредита. Оптовики приобретали те французские товары, на которые был спрос у канадских индейцев, и распределяли их между монреальскими «буржуа», торговцами, выбиравшими патент, а те в свою очередь раздавали их своим

* Слова Эндрью Грейама, управляющего факторией Йорк в семидесятых годах XVIII века, благодаря которому сохранился дневник Антони Хендея.

странствующим агентам и снабжали их оружием, припасами и транспортными средствами.

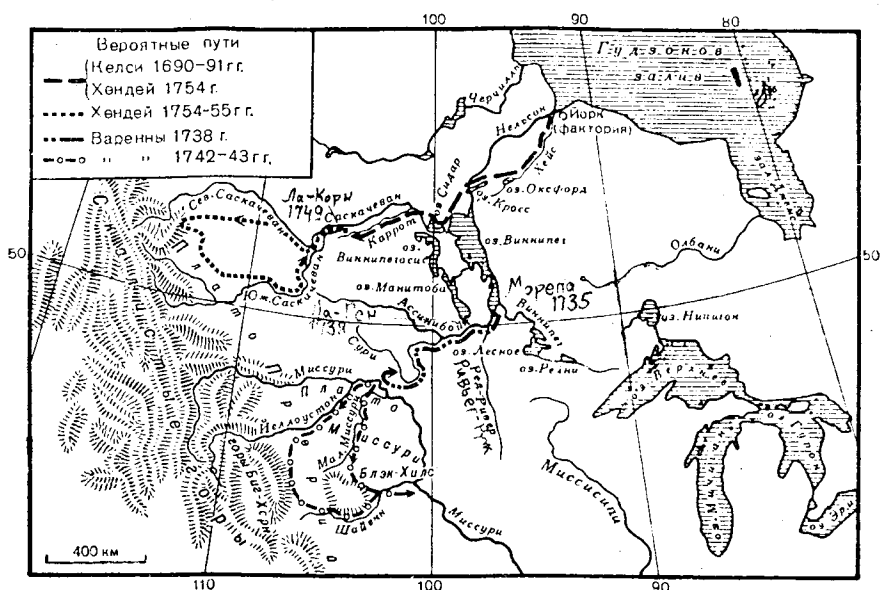
Эти агенты делились на две группы: получившие специальное разрешение от колониальных властей назывались «вояжерами», не имевшие разрешения — «лесными бродягами»; так их называли даже и тогда, когда они начали проникать далеко за пределы лесной полосы; но в документах все вообще скупщики пушнины в прериях обычно именуются «вояжерами». Каждый странствующий агент подписывал обязательство: произвести по возвращении в Монреаль полный расчет мехами со своим «буржуа» за все товары и припасы, отпущенные ему в кредит.

Легализованные агенты большей частью подписывали обязательства на короткий срок — на столько месяцев, сколько требовалось на путешествие из Монреаля до определенного торгового поста; другие заключали долгосрочные договоры на несколько лет; это были большей частью «лесные бродяги», уклонявшиеся от регистрации у колониальных властей по причинам личным, семейным или имущественным, нередко потому, что они «поссорились с правосудием». Среди них много было «юнцов». Сотни их ежегодно приходили в Монреаль в поисках приключений и заработка: иным наскучила однообразная жизнь в маленьких канадских поселках; большинство же могло найти средства к существованию, только занявшись пушным промыслом, так как ремесла в Канаде были слабо развиты, а монастырь и казарма прельщали немногих.

Уходившие на несколько лет в леса или прерии «лесные бродяги» жили среди индейцев, женились на индианках, прекрасно говорили на одном или нескольких индейских языках, не забывая, однако, французский язык и передавая его своим детям. Такие «лесные бродяги», поддерживая периодическую связь со скупщиками пушнины в Монреале, в поисках новых охотничьих угодий проникали все дальше и дальше на запад и север от Великих озер. Они посещали канадские большие озера, плавали по рекам их бассейнов и пересекали канадские прерии задолго до того, как там появились первые европейские путешественники, чьи имена дошли до нас.

Варрен де ла Верандри и его торговая монополия

На рубеже XVII—XVIII веков франко-канадские власти и оптовые торговцы пушниной все острее чувствовали конкуренцию со стороны агентов английской Компании Гудзонова залива, которые с помощью ряда индейских посредников скупали меха не только у северных, лесных, индейцев, но и у индейцев западных прерий. В первую четверть XVIII века французы кое-как обеспечили скупку пушнины у индейцев, живших к

Вероятные пути Келси, Хендея и Вареннов де ла Верандри

югу от Верхнего озера и в бассейне верхнего течения Миссисипи, организовав там (отчасти с помощью миссионеров-иезуитов) несколько торговых постов. Но они с горечью убедились, что торговля с индейскими племенами, жившими к западу и северу от Верхнего озера, все больше ускользает из их рук. «Лесные бродяги» сообщали, что большие группы индейцев в летнее время совершают далекие путешествия по западным и северным рекам, доставляя пушнину к английским факториям у Гудзонова залива и получая там в обмен товары (в том числе спирт и огнестрельное оружие) на условиях, более выгодных, чем на французских торговых постах. Очередной и притом неотложной задачей для французов стала разведка индейских водных путей от Канадского Запада к Канадскому Северу, с тем чтобы построить там новые посты и пресечь или по крайней мере затруднить торговый обмен между отдаленными индейскими племенами и северными английскими факториями.

За решение этой трудной задачи взялся франко-канадец Пьер Готье де Варенн де ла Верандри (1685—1749 гг.). В дальнейшем мы будем называть его для удобства просто Варенном или Варенном-старшим, потому что, по мере того как подрастали его сыновья, отец вовлекал их в свою торговую и исследовательскую деятельность, и каждый из четырех Вареннов-младших также сыграл заметную роль в открытии Канадского Запада, или, как мы теперь говорим, Центральной Канады.

Варенн-старший, сын правителя восточноканадского округа с центром в Труа-Ривьер, после неудачно сложившейся военной карьеры вел двенадцать лет торговые операции по покупке пушнины в бассейне Сен-Морис (северный приток реки Святого Лаврентия, в устье которого лежит Труа-Ривьер). Оскудение местных пушных угодий вынудило Варенна, ставшего к тому времени (1727 г.) стцом многочисленного семейства, перейти на западную окраину разведанной французами полосы, в район, расположенный между северным берегом Верхнего озера и озером Нипигон. Возможности этого района были гораздо богаче, чем Сен-Мориса, но Варенн скоро убедился, что он немногого достигнет, если не сломит английскую конкуренцию. А для этого у него не было ни прав, ни денежных средств, ни таких торговых привилегий, которые помогли бы ему привлечь средства со стороны. За содействием пришлось обратиться в Париж, к королевскому правительству. Денег он из королевской казны не получил, но право строить форты и монополия на закупку пушнины к западу от озер Верхнего и Нипигон ему были предоставлены (в 1730 г.), с одним, очень важным дополнительным условием: он должен был искать удобный водный путь от озер к «Западному морю» — Тихому океану.

Варенн сам дал повод к включению этого дополнительного условия. Он сообщил в Париж о расспросных данных, полученных им у озера Нипигон от местных и пришлых индейцев. Они говорили, что к западу от Нипигона, за *Лесным озером*, уже известным французам после путешествия Жака Нойона (1689 г.), лежат большие озера и течет большая река. А он решил, что речь идет о большой «Западной реке», которая вытекает из озер или проходит через них и несет свои воды к Тихому океану. Вскоре, как мы увидим, Варенн убедился в том, что большая река (Саскачеван), о которой ему сообщали индейцы, течет не с востока на запад, а в обратном направлении — с запада на восток.

Получив королевский патент, предоставивший ему на пять лет обширные права и привилегии в районе озера Нипигон и к западу от него, Варенн-старший, его сыновья и племянник Кристоф Дюфроне и Жемерэ приступили к сбору пушнины у местных индейцев. Нужные для этого средства дали монреальские купцы, ставшие пайщиками в его предприятии. Оно оказалось исключительно доходным. «Здесьний народ, — писал Варенн-старший канадскому губернатору, — одевается зимой в бобровые шкуры, а весной бросает их, так как меха некому продавать».

Собирать почти бесплатно эту «бросовую» пушнину и отрезать доставку ее в английские торговые фактории у Гудзонова залива — вот к чему стремился в первую очередь Варенн-старший. К счастью для него, агенты английской Компании

Гудзонова залива были, за редкими исключениями, ленивы и нелюбопытны. Да и какой им был интерес рисковать своей жизнью ради Компании, проникая далеко в глубь материка к «немирным» индейцам, когда сами индейцы доставляли меха в фактории. Английские агенты зашевелились лишь тогда, когда доставка пушнины с юго-запада резко уменьшилась.

В 1731—1732 годах Варенн-старший ограничился лишь тем, что построил два новых форта к западу от Верхнего озера — Сен-Пьер у озера Рейни и Сен-Шарль у Лесного озера. Он понимал, что не может заниматься только торговыми операциями, и с полным основанием опасался, что завистливые конкуренты добьются по истечении пятилетнего срока отмены его торговой монополии, если он не выполнит другого правительственного задания — не приступит срочно к поискам водного пути к «Западному морю».

Открытие озера Виннипег

Весной 1733 года Варенн-старший послал, наконец, на разведку в западном направлении ла Жемерэи и одного из своих сыновей. На индейских челнах они спустились вниз по реке *Виннипег*, которая берет начало в северном углу Лесного озера, течет зигзагами в северо-западном направлении и впадает, как оказалось, в озеро *Виннипег*. Но в низовье реки, у порогов, массы льда остановили путешественников. Удалось лишь собрать расспросные сведения об этом большом озере. Оказалось, что оно простирается далеко на север (на 400 км), что впадает в него много рек, больших и малых, но вытекает только одна, из его крайнего северного угла, и течет она не на запад, а на север и северо-восток, то есть к Гудзонову заливу (река *Нельсон*).

Эти сведения были очень важны для торгового предприятия Варенна-старшего: он не только укрепился в очень богатом пушном районе, но и узнал, каким путем обычно пользуются индейцы, снабжающие мехами его английских конкурентов. Торговая выгода влекла Варенна на север — к озеру Виннипег и реке Нельсон, где ему следовало поставить контрольные посты, чтобы перехватывать пушнину, идущую с индейцами-посредниками в северные английские фактории. А повелительные письма из столицы Франции и центра Канады требовали, чтобы он двигался не к Гудзонову заливу, а к «Западному морю» и занимался поисками реки, впадающей в него. Требования усилились, когда ла Жемерэи сообщил канадскому губернатору, что на «Западной реке» в нескольких неделях пути от Лесного озера живет, по словам индейцев, народ в восьми деревнях, окруженных мансовыми полями, садами и огородами, и что народ этот строит деревянные дома, «как французы», и разводит лошадей.

Тогда Варенну-старшему пришлось скрепя сердце раздвоить свои силы и средства, действуя в обоих направлениях — северном и западном. Но купец в нем был сильнее исследователя, как, по-видимому, и в его племяннике и в сыновьях, кроме разве самого младшего, «шевалье» Луи-Жозефа (1717—1761 гг.), которого историки открытия и исследования Америки часто называют «географом».

В 1734—1735 годах ла Жемерэи и двое Вареннов-младших, Жан-Батист (1713—1736 гг.) и Пьер (1714—1755 гг.), достигли, наконец, озера Виннипег (23,6 тыс. кв. км) и исследовали южную часть его бассейна. При этом они открыли полноводную реку Ред-Ривер, впадающую в озеро с юга, и низовье ее крупнейшего западного притока Ассинибойн, а также собрали сведения и о двух западных озерах, отделенных от Виннипега узкой полосой суши — южном, Манитоба (4,7 тыс. кв. км), и северном, Виннипегосис (5,4 тыс. кв. км).

В низовье Ред-Ривер Варенны-младшие построили форт Морепа. Они оказывали поддержку приозерным племенам ассинибойнов в их борьбе против индейцев сиу, живших в верхнем бассейне Миссисипи. В 1736 году сиу напали на небольшой французский отряд, во главе которого стоял Жан-Батист Варенн, и перебили всех. В том же году умер и ла Жемерэи.

Поиски „Западного моря“ и открытие плато Миссури

Варенну-старшему удалось продлить срок своей торговой монополии еще на пять лет. Несмотря на смерть двух ближайших помощников, он лишь на короткое время прекратил поиски путей к «Западному морю», так как канадский губернатор предупредил его, что дальнейшее промедление поставит под угрозу его монополию. Между тем фантастические рассказы о цивилизованном «белом народе на Западной реке» множились. Все же Варенн-старший сначала продолжил исследование озера Виннипег в северном направлении, ознакомился с озерами Виннипегосис и Манитоба, а затем в конце сентября 1738 года двинулся пешком на запад от Ред-Ривер, вверх по долине Ассинибойна.

Построив на этой реке, против южного края озера Манитоба, форт Ла-Рен, Варенн-старший и двое его сыновей, Пьер и Луи-Жозеф, во главе отряда в пятьдесят человек выступили в середине октября на поиски «Западной реки» и таинственного народа, живущего на ней.

Из-за скудости и противоречивости материалов историки-американисты очень расходятся в определениях западных маршрутов Вареннов. Приводим один из наиболее вероятных вариантов (по Д. Бребнеру).

Индийской тропой, по долинам Ассинибойна и его южного притока *Сури*, через невысокий водораздел, французы вышли к концу ноября в верхнюю долину большой реки. Она текла с запада и поворачивала на юго-восток. Из лесной области французы вступили в ту область прерий, где жил загадочный народ. Это были индейцы манданы, и первая встреча с ними разочаровала Варенна-старшего: «Огромную скидку приходится сделать со всего, что мне рассказывали... Они [манданы] ничем не отличаются от ассинибойнов». Лишь позднее Варенн обнаружил, что некоторые из манданов «похожи на белых» и что среди них есть блондины.

Прожив две недели в манданском поселке, Варенны собрали сведения о реке, в долине которой находились. Они узнали, что далеко внизу по реке живут не только индейцы, но и белые, что нужно целое лето, чтобы верхом на лошади добраться до них. Судя по описаниям манданов, речь шла не о французах, а об испанцах, и тогда Варенны начали догадываться, что они попали не на «Западную реку», а в верхнюю долину великой *реки Миссури*.

На зиму французы вернулись в новый форт Ла-Рен на реке Ассинибойн. Весной 1739 года Варенн-старший послал оттуда на север младшего сына, Луи-Жозефа. Насколько можно судить по дошедшим до нас, часто очень неясным, документам и картам, именно Луи-Жозеф Варенн-младший сыграл наибольшую роль в завершении открытия озера Виннипег, достигнув его северного угла, откуда вытекает река Нельсон. С братом Пьером они завершили также открытие «Озер Прерий», лежащих к западу от Виннипега, — Манитобы и Виннипегосиса — и открыли (вероятно, вторично после Келси) к северу «Кедровое озеро» (*Сидар*) и протекающую через него «Белую реку» (нижний *Саскачеван*), которая, образуя большие пороги, впадает в северную часть Виннипега. Но все эти географические достижения были подчинены, по формулировке самого Варенна-старшего, одному основному торговому заданию: «не допускать дикарей идти к англичанам». Для этого и здесь, на «Белой реке», был построен форт Бурбон.

До самой смерти Варенн-старший, действуя в двух направлениях, удерживал в своих руках торговую монополию в районе больших озер Центральной Канады.

В начале сороковых годов больших географических результатов на западе достигла экспедиция двух Вареннов-младших, Франсуа (1715—1794 гг.) и Луи-Жозефа.

Братья прибыли к середине мая 1742 года в область манданов, но более двух месяцев ждали в их поселке прибытия с запада каких-то «конных» индейцев; один из них обещал провести французов к «большому озеру», в котором вода поднимается и падает и не годна для питья (с «конными» якобы сго-

ворились посланные ранее на запад французские разведчики). Потеряв надежду на встречу с «конными» у манданов, Франсуа и Луи-Жозеф отправились на их поиски пешком в самое жаркое время года, в конце июля. До середины сентября 1742 года их вели манданские проводники в основном направлении на западо-юго-запад. Затем проводники скрылись, и братья Варенны блуждали, переходя от племени к племени, до середины марта 1743 года. К счастью, они раздобыли лошадей и передвигались с места на место сравнительно быстро.

Нельзя установить, в каком основном направлении путешественники двигались. По одной, более правдоподобной версии, они посетили зимой восточную часть плато *Миссури*, расположенную между реками *Малая Миссури* и *Шайенн*, — следовательно, невольно передвигались в южном направлении, а не в западном, как хотели. В таком случае они достигли только «Черных холмов» (*Блэк-Хилс*), поднимающихся в верхнем бассейне реки Шайенн. По другой версии, они все же уклонились к западу, пересекли в юго-западном направлении плато *Миссури* и достигли *гор Биг-Хорн*, передовой цепи *Скалистых гор* (200—250 км западнее *Блэк-Хилс*).

Так или иначе, но Варенны-младшие от гор повернули на восток и через несколько дней, двигаясь по глубокому и рыхлому снегу, вышли к *Миссури* ниже устья *Шайенна*. В конце марта 1743 года, как записано в дневнике путешествия, они зарыли в холме на берегу *Миссури* свинцовую пластинку с вырезанными на ней надписями (найдена в 1913 г.). На реку *Ассинибойн* братья вернулись в начале июня 1743 года.

Последнее путешествие Варенна-младшего и „Укрепленная линия Западного моря“

Последнее путешествие, связанное с фамилией Вареннов де ла Верандри, совершил Луи-Жозеф в 1749 году, снова отыскивая, по рекомендации канадских властей, водные пути к «Западному морю». Он избрал на этот раз *Саскачеван*, поднялся по нему вверх до того пункта, где сливаются в одну реку *Северный* и *Южный Саскачеван*, и построил там форт *Ла-Корн*. Об истоках реки Варенн-младший собрал точные сведения от торговых посредников, индейцев *кри*, которые в то время поддерживали связь не только с *Гудзоновым заливом*, но и с Дальним Западом Северной Америки, причем шли от больших озер Центральной Канады обычно по *Саскачевану*: «Они единогласно утверждают, — писал отцу Луи-Жозеф, — что эта река течет очень издалека, из высокой страны, где есть чрезвычайно высокие горы, и они знают, что по ту сторону гор находится великое озеро с водой, непригодной для питья... Как бы ни стараться, а до этих гор можно дойти только на второй год после

выхода из Монреалья, да и то при условии, что погода будет хорошая».

Варенн-старший умер в Монреале в декабре 1749 года в возрасте 64 лет. После его смерти у Вареннов-младших была отнята торговая монополия, и в дальнейшем они не принимали участия ни в каких «путешествиях для открытий». Старший из сыновей, Пьер, умер за год до начала Семилетней войны, самый младший, Луи-Жозеф, за год до ее окончания. Переживший всех Франсуа (он достиг почти восьмидесятилетнего возраста) был свидетелем того, как вся Канада после войны по Парижскому миру 1763 года отошла к Англии.

Варенны де ла Верандри вошли в историю как последние выдающиеся французские путешественники-исследователи Северной Америки. Они впервые установили в своих отчетах — конечно, в общих чертах — сложную гидрографическую сеть Центральной Канады, открыв ее большие озера, связь между ними и несколько крупных рек бассейна Виннипега, они положили начало открытию и исследованию верхнего бассейна Миссури.

При жизни Варенна-старшего благодаря постройке ряда новых постов в приозерной области Центральной Канады и на Саскачеване граница «Новой Франции» продвинулась на сотни километров в глубь канадских прерий. Дворянин, получивший после смерти Варенна-старшего его торговую монополию, Жак-Легардер де Сен-Пьер обязался продолжать поиски «Западного моря». Сам он лично ничего не сделал в этом отношении, только послал в 1750 году на исследование бассейна верхнего Саскачевана отряд, во главе которого был поставлен Жозеф Буше де Нивервиль. Отряд перезимовал в форте Ла-Корн. О дальнейших действиях Нивервиля, тяжело заболевшего во время зимовки, до нас дошли очень скудные и сбивчивые сведения. Важнейший документ, «Памятная записка» его начальника Жака Сен-Пьера, составлен так неумело, что его изучение привело историков-американистов к двум прямо противоположным выводам.

По одной версии, более распространенной, Нивервиль послал весной 1751 года из форта Ла-Корн на запад небольшой отряд, который поднялся вверх по Южному Саскачевану и одному из его истоков (река *Бой*) приблизительно до 114° з. д., то есть до восточного склона Передового хребта Скалистых гор. Эта версия опирается в основном на инструкцию, данную Нивервилю, и на следующую фразу из «Памятной записки» Сен-Пьера: «Он [Нивервиль] послал десять человек на двух каноэ, которые поднялись по реке [Саскачевану]... далеко, до Скалистых гор, где они построили хороший форт, который я назвал Ла-Жонкьер».

Согласно этой версии, французы из отряда Нивервиля были первыми европейцами, которые, двигаясь с востока, со стороны

Атлантического океана, достигли Скалистых гор. Построенный же ими в 1751 году Ла-Жонкьер был наиболее выдвинутым в сторону Тихого океана из той цепи фортов, которая вошла в историю Канады под названием «Укрепленной линии Западного моря». По господствующей тогда во Франции ложной географической теории, непосредственно за Скалистыми горами в сороковых широтах находится обширный залив Тихого океана, глубоко вдающийся в материк — гипотетическое «Западное море»*.

По другой, скептической версии никто из людей Нивервиля не продвигался западнее форта Ла-Корн, то есть не поднимался вверх ни по Южному, ни по Северному Саскачевану, и, следовательно, французы вовсе не доходили до Передового хребта Скалистых гор. По этой версии, люди Нивервиля ходили в 1751 году на разведку рек, текущих к северу от Ла-Корн к Гудзонову заливу (система реки Черчилль). А крайние скептики допускают, что Нивервиль посылал своих людей прямо на север от нижнего Саскачевана (к рекам системы Нельсона), так как с полным основанием предполагал, что его хозяин Сен-Пьер еще меньше, чем его предшественник, заинтересован в путях, ведущих к «Западному морю».

Таким образом, пока остается открытым вопрос о том, кто первый — французы или сменившие их после захвата Канады англичане — проследил все течение Саскачевана от его низовья до истоков, берущих начало в Передовом хребте, и, следовательно, кто первый пересек с востока на запад всю область канадских прерий.

Изменения в политической карте Северной Америки после Семилетней войны

Англо-французская война в Северной Америке фактически была уже в полном ходу с 1755 года (формальное объявление войны последовало 17 мая 1756 г.). На северо-восточном театре войны французы с самого начала потерпели поражение и потеряли Акадию, за которой с того времени окончательно закрепились ее нынешние названия — *Новая Шотландия* (полуостровная часть) и *Новый Брауншвейг* (материковая часть). Французские колонисты вынуждены были тогда оставить эту область. Зато на других североамериканских театрах войны французы в 1755—1757 годах одерживали победы. Но эти успехи были временными, так как сама Канада была отрезана от метрополии. В 1758 году англичане захватили у берегов быв-

* См. карту «Укрепленная линия Западного моря» в известной книге немецкого географа Александра Зупана «Территориальное развитие европейских колоний» (Гота, 1906).

шей французской Акадии острова Кейп-Бретон и Принца Эдуарда. Они завоевали форт Фронтенак, построенный там, где река Святого Лаврентия вытекает из озера Онтарио, и затруднили связь между приречными городами и Великими озерами, захватили также форт Дюкен, тогда же переименованный в Питтсбург, и стали господами в долине Огайо. В 1759 году они заняли Квебек, а в 1760 году Монреаль, принудив к сдаче французское войско.

После этого вся Канада стала английской колонией. В других частях света англо-французская война продолжалась еще более двух лет. Парижский мирный договор 1763 года только узаконил положение, которое сложилось в пользу Англии в Северной Америке.

Франция формально уступила Англии всю Канаду и Акадию и все острова в заливе Святого Лаврентия. Франция в северо-западной части Атлантического океана сохранила только островки Сен-Пьер и Микелон (к югу от Ньюфаундленда), которые Англия оставила ей как рыболовные базы, без права воздвигать там укрепления. К югу от Канады Франция потеряла всю Восточную Луизиану, то есть почти все левобережье Миссисипи до района Нового Орлеана. Западная Луизиана, то есть правобережье Миссисипи, Новый Орлеан и дельта остались французскими владениями.

Испания, как союзник Франции, потеряла область Флориду, в которую входила, кроме полуострова, еще и приморская полоса североамериканского материка к востоку от дельты Миссисипи. Между прочим, английские правящие круги так мало ценили тогда Канаду, что серьезно ставили вопрос, не вернуть ли ее Франции в обмен на французские Антильские острова, даже на один только остров Гваделупу. В Англии боялись, что англо-американцы будут стремиться к независимости, если освободятся от враждебного северного соседа. По мнению некоторых историков, Англия настояла бы на таком обмене, если бы не выступил Бенджамин Франклин, настойчиво добивавшийся присоединения Канады к британским владениям; для Франции же, как теперь ни кажется это странным, потеря Гваделупы казалась тогда более тяжелым ударом: Канада и Луизиана могли расти только как переселенческие колонии, а из Франции в XVIII веке не было сколько-нибудь значительной эмиграции. «...Северная Америка никогда не доставляла французам особенной радости. Вольтер, конечно, выражал мнение большинства своих соотечественников, когда пренебрежительно говорил о Канаде как о «нескольких клочках покрытой снегом земли»... Как мало они ценили владения на материке, видно из того, что 3 ноября 1762 года, то есть еще до заключения мира, французы уступили Испании, по тайному договору, оставшуюся у них западную половину Луизианы. Французские

колонисты — многие из них переселились из английской части на западный берег Миссисипи — узнали об этом только в 1764 году и бурно протестовали; жители Нового Орлеана взяли даже за оружие, но все было напрасно: Испания в 1769 году окончательно вступила во владения землями к западу от Миссисипи» (А. Зупан).

Таким образом, после Семилетней войны — до отпадения от Англии ее переселенческих колоний и начала организации Русской Америки — вся Северная Америка на бумаге была разделена между Англией и Испанией, причем основной линией раздела была река Миссисипи.

Глава 23

ЗАВЕРШЕНИЕ ОТКРЫТИЯ РУССКИМИ ПРОЛИВА МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И АЗИЕЙ

Первая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова

В конце 1724 года, почти перед самой своей смертью, Петр I составил приказ об экспедиции, во главе которой поставил Витуса Ионссена Беринга (1681—1741 гг.), выходца из Дании, уже двадцать лет состоящего на русской службе; до этого Беринг плавал в Индию на датской службе.

По инструкции, составленной самим Петром, Беринг должен был «на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами»; на этих ботах плыть «возле земли, которая идет на Норд [север]... искать, где она сошлась с Америкой... И самим побывать на берегу... и поставя на карту, приезжать сюды». Следовательно, сообщения Дежнева были забыты или им тогда в Петербурге не доверяли.

В Первую Камчатскую экспедицию было назначено семьдесят — семьдесят пять человек. Из Петербурга они через всю Сибирь два года шли до Охотска — на лошадях, пешком, на судах (по сибирским рекам). Многие умерли в пути. В Охотске в экспедицию было включено несколько осевших там русских моряков, в том числе выдающийся мореход, исследователь Охотского моря, архангельский помор К он д р а т и й М о ш к о в.

Летом 1727 года экспедиция на небольших судах перешла на юго-западное побережье полуострова Камчатка, к устью реки Большой. Оттуда люди со всем грузом на лодках, а зимой на саних в собачьих упряжках перешли на восточный берег полуострова, к устью реки Камчатки в «Нижний Камчадальский острог» (Нижне-Камчатск).

Зимой в Нижне-Камчатске заготовили корабельный лес, весной 1728 года заложили бот «Святой Гавриил», к лету, закон-

чили его постройку и 14 июля* вышли в море с годичным запасом провианта на сорок человек.

Беринг вел «Святой Гавриил», не отходя далеко от азиатского берега. В первые дни августа был открыт залив Креста и положено на карту (конечно, не очень точно) южное побережье Чукотского полуострова — до мыса Чукотского включительно ($64^{\circ} 15' \text{ с. ш.}, 173^{\circ} 10' \text{ з. д.}$).

За Чукотским мысом «августа 8 дня пришли в ширину северную 64 градуса 30 минут, пригребли к нам от берегу в лодке кожаной восемь человек, спрашивали нас, откуда мы пришли и чего ради, а о себе сказали, что чукчи (о которых тамошние русские обыватели давно известны)... а потом и лодкою пристали к боту и сказывали нам, что живет их чукоч по берегу морскому многолюдно, а земля де недалеко отсюда будет, вратится [поворачивает] к западу. Да они ж нам сказали, что недалеко впереди есть остров, у которого мы были, но токмо ничего не видали доброго, кроме что жилье, который остров мы называли по дню Святого Лаврентия...»**

Так скупно докладывал Беринг о крупном достижении его экспедиции — об открытии на крайнем севере Тихого океана большого острова Святого Лаврентия (площадь его около 5 тыс. кв. км).

Еще несколько дней Беринг беспрепятственно продвигался в северном направлении, но 15 августа на широте $67^{\circ} 18'$ приказал повернуть обратно.

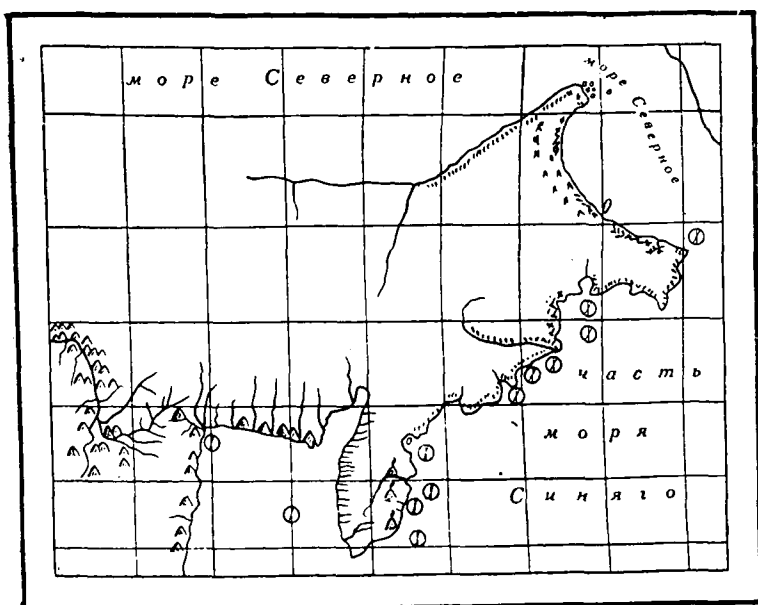
В официальном отчете он оправдывался тем, что сделал все, что полагалось по инструкции: «...земля более к северу не простирается, а к Чукотскому или к Восточному углу [мысу] земли никакой не подошло...»

Обратный путь «Святого Гавриила» отнял только две недели; по дороге был открыт в проливе — вторично после Дежнева — один из островов Диомиды. Зимовала команда в Нижне-Камчатске. Летом 1729 года Беринг сделал слабую попытку достичь американского берега, но через три дня из-за сильного ветра и тумана повернул обратно и вскоре встал на якорь в Охотске. В 1730 году он вернулся в Петербург после пятилетнего отсутствия.

Беринг не разрешил основной задачи — не выяснил, как далеко северо-восточная Азия отстоит от северо-западной Америки, так как не видел американского берега. Правда, он открыл остров Святого Лаврентия, но не знал, что именно за этим

* Даты для всех русских экспедиций даны по старому стилю.

** Цитаты здесь и ниже приведены из краткого официального отчета о Первой Камчатской экспедиции Витуса Беринга, представленного им по возвращении, под заголовком «Экспедиция в Камчатку капитана от флота Беринга» (перепечатан в главе 1 сборника документов «Экспедиция Беринга», М., 1941).

Северо-восточная Азия. Деталь карты Чаплина 1729 г.

островом начинается пролив между Азией и Америкой. Он даже продвинулся еще севернее, за 67-ю параллель, но не знал, что прошел весь пролив (позднее названный его именем) с юга на север.

Важнейшее географическое достижение Первой Камчатской экспедиции Беринга относится к истории открытия не Северной Америки, а Азии: участники экспедиции завершили открытие северо-восточного побережья Азии и положили впервые на карту весь азиатский, западный берег самого северного из тихоокеанских морей, позднее названного *Беринговым морем*, и западный берег пролива, связывающего это море с Северным Ледовитым океаном.

Участник исторического плавания мичман Петр Авраамович Чаплин вел журнал, «Юрнал бытности в Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина», — один из основных первоисточников по истории этого географического предприятия. В 1729 году Чаплин составил вместе с Берингом итоговую карту экспедиции. Здесь дается восточная часть этой карты*.

* Подписанная Чаплиным копия карты 1729 года впервые опубликована А. В. Ефимовым в книге «История великих русских географических открытий», М., 1950.

Плавание Федорова и Гвоздева: завершение открытия Берингова пролива

Летом 1732 года из Большерецкого острога на поиски «Большой земли», находящейся, как предполагали, к востоку от устья Анадыря, был отправлен бот «Святой Гавриил», переданный охотским властям экспедицией Беринга. Временным командиром бота был назначен тяжело больной цингой подштурман Иван Федоров. Из числа людей, знакомых с морским путем от Камчатки к Чукотскому полуострову, в состав команды «Святого Гавриила» был включен спутник Беринга Кондратий Мошков. Для руководства описью берегов был назначен геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев.

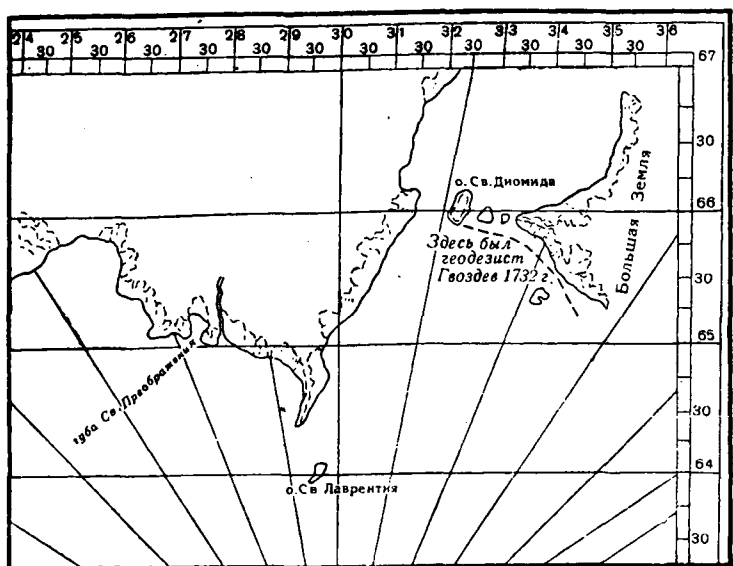
23 июля 1732 года «Святой Гавриил», имея на борту тридцать девять человек, вышел из устья реки Большой и 3 августа подошел к «Анадырскому Носу» (теперь мыс Чукотский). Оттуда Федоров, руководясь указаниями Мошкова, отправился в первую очередь к тому из островов Диомиды, который был открыт экспедицией Беринга в 1728 году. После многодневных поисков моряки 17 августа подошли, наконец, к небольшому острову из группы Диомиды, — вероятно, к ближайшему (теперь остров Ратманова), где вели переговоры с «зубатыми чукчами», то есть с местными эскимосами. С северной оконечности острова мореплаватели видели на востоке «Большую землю» — несомненно возвышенности северо-западного побережья Америки.

За островом оказался другой, еще меньший остров (теперь *Крузенштерна*), к которому «Святой Гавриил» перешел 20 августа, а еще через день, 21 августа, перед русскими открылся берег «Большого острова», как называют его Федоров и Гвоздев в своем судовом журнале. На самом деле это был не остров, а полуостров Северной Америки, который теперь называется *Сьюард*.

Судя по карте, составленной в 1743 году М. П. Шпанбергом по журналу Федорова и по материалам, представленным Гвоздевым, «Святой Гавриил» подошел сначала к северному берегу американского полуострова, а затем обогнул его западную оконечность (теперь мыс *Принца Уэльского*, крайняя западная точка американского материка, $65^{\circ}35'$ с. ш., $168^{\circ}05'$ з. д.).

На воспроизведенной в книге А. В. Ефимова детали карты Федорова — Гвоздева — Шпанберга отчетливо видна западная часть полуострова Сьюард, кончающаяся мысом Принца Уэльского, и американскому берегу приданы очертания, очень сходные с истинными. Только островов Диомиды (в русской литературе их часто называют *островами Гвоздева*) показано не два, а три — вероятно, по ошибке Шпанберга.

Возвращаясь на юг, Федоров и Гвоздев открыли недалеко от американского берега, у 65-й параллели, еще один маленький остров (теперь *Кинг*, $164^{\circ}59'$ с. ш., $168^{\circ}01'$ з. д.).

Берингов пролив. Деталь карты Федорова — Гвоздева

Экспедиция Дежнева — Попова, таким образом, первая прошла из Северного Ледовитого в Тихий океан, не зная, что идет проливом; не знал этого и Беринг, когда дважды проходил проливом — с юга на север и в обратном направлении: обе экспедиции видели только азиатский берег. «...Первым, открывшим пролив между Азией и Америкой, был не Дежнев и не Беринг, а Федоров, который не только видел острова Гвоздева и противоположащие берега Азии и Америки, но и первый положил их на карту» (Л. С. Берг).

Глава 24

ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ АМЕРИКИ (ВТОРАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА — ЧИРИКОВА)

Плавание Беринга к Америке. Открытие Северного берега залива Аляска

Через четыре года после возвращения Витуса Беринга в Петербург, в 1733 году, русское правительство поставило его во главе так называемой Второй Камчатской экспедиции с очень широкими заданиями. Так как Адмиралтейств-коллегия (морское ведомство) была недовольна прежними действиями Берин-

га и справедливо считала; что во время плавания 1728 года он сделал далеко не все, что должен был и мог сделать, то в помощь ему назначили другого капитана, «доброго, из русских», участника Первой Камчатской экспедиции, Алексея Ильича Чирикова (1703—1748 гг.).

Задания новой экспедиции, которая благодаря ее размаху и великим географическим достижениям вошла в историю под названием Великой Северной экспедиции, были распределены между несколькими отрядами.

Лично капитан-командор Беринг и капитан Чириков должны были от Охотска или Камчатки отправиться для исследования противоположных берегов Северной Америки («обыскание американских берегов от Камчатки»). Только об этом отряде и будет идти речь ниже, так как остальные отряды исследовали Азию.

Исходным пунктом для поисков в восточном направлении неведомой северо-западной Америки стала Петропавловская гавань на юго-восточном берегу Камчатки, у Авачинской губы. Ее открыл штурман Иван Елагин, обследовавший в 1739—1740 годах побережье южной Камчатки; и он же указал на лучшую гавань в этой губе. Беринг назвал ее по двум судам экспедиции — «Святой Петр» и «Святой Павел».

4 июня 1741 года, через восемь лет после отъезда экспедиции из Петербурга, Беринг и Чириков вышли к берегам Америки. Каждый из них командовал пакетботом (легким военным посыльным судном) водоизмещением около 100 тонн, с командой в семьдесят пять человек. На корабле Беринга «Святой Петр» был молодой ученый-немец, натуралист Георг Вильгельм Стеллер (1709—1745 гг.), прославившийся описанием этого плавания. Старшим офицером у Беринга был выходец из Швеции лейтенант Свен (Ксаверий Лаврентьевич) Ваксель.

Беринг взял сначала курс на юго-восток, к 45-й параллели с. ш., в поисках несуществующей «Земли Жуана да Гамы». Впервые «Земля Жуана да Гамы» была показана на карте португальца Луиша Тейшейры 1595 года с отметкой, что «эту землю видел Жуан да Гама Индийский на пути из Китая в Новую Испанию» (Мексикку).

Других известий ни об этом мореходе конца XVI века, ни об усмотренной им якобы земле не сохранилось. Картографы XVIII века до экспедиции Беринга—Чирикова показывали «Землю Жуана да Гамы» приблизительно у параллели 47° с. ш. Там и обязан был по инструкции искать ее Беринг в первую очередь.

Потеряв напрасно больше недели, оба судна переменили курс на северо-восточный. Более двух недель пакетботы шли вместе, прилагая все усилия, чтобы не разлучиться «за обычными та-

мошными всегдашними туманами», но 20 июня * навсегда разлучились из-за «крепкого ветра». После двухдневного дрейфа на том месте, где «Святой Павел» пропал из виду, «Святой Петр» продолжал в одиночестве свой путь к американскому берегу.

После полуторамесячного плавания в открытом океане 17 июля 1741 года, находясь на параллели около 60° с. ш., моряки, наконец, увидели вдали американский берег: на северо-западе «высокую сопку», на северо-востоке мыс, а между ними другую сопку.

«Перед нами, — писал С. Ваксель в книге «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» **, — находились необычайно высокие горы, покрытые снегом». Это были горы Святого Ильи, а именно их северо-западный, наиболее высокий участок с поднимающейся близ моря гигантской одноименной вершиной (5488 м).

Все поздравляли Беринга с великим открытием. Но шестидесятилетний капитан, завидев берег, к которому его впервые посылал 17 лет назад Петр I, не проявил никаких признаков радости. Моряки стремились подойти к берегу, но из-за слабого переменного ветра добились этого только через три дня.

Первая американская земля, на которую они ступили, был небольшой остров (*Каяк*). Якорь отдали у южной оконечности, которую назвали мысом Святого Ильи (59° 50' с. ш., 144° 35' з. д.). Беринг отправил на остров на разведку побережья и за пресной водой шлюпку под командой Софрона Хитровó, за ней вслед другую, малую шлюпку, но очень неохотно отпустил с ней на берег натуралиста Георга Стеллера.

Стеллер позднее жаловался, что на подготовку экспедиции ушло десять лет, а на исследования ему дали только десять часов, как будто приходили только «для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды». Равнодушный (или тогда уже тяжело больной) капитан-командор сам ни разу не сходил на американский берег.

Хитрово нашел там деревянное жилье и некоторые предметы домашнего обихода «...и видели след собачий, только людей не видели».

Итак, остров был обитаем или во всяком случае посещался людьми. Позднейшие русские исследователи нашли на северном

* Здесь и ниже даты приведены по судовому журналу старшего штурмана («флота мастера») на пакетботе «Святой Петр» Софрона Федоровича Хитрово. Даты эти иногда расходятся на один день с теми, которые приводятся в других современных документах, из-за особого морского счета времени: началом новых суток моряки считали не полночь, а полдень предшествующего дня.

** Русский перевод ее с неопубликованной рукописи на ломаном немецком языке издан в 1940 году.

побережье залива Аляска несколько племен эскимосов, частью смешавшихся с индейцами тлинкитами (атабасками), и несколько племен индейцев тлинкитов, или «колошей», как их называли русские. Индейцы изготовляли из меди различные предметы, а от них медные изделия получали местные эскимосы.

Стеллер, которому в помощь дали одного казака, также нашел на острове, поближе к берегу, следы присутствия людей: выдолбленный в виде корыта ствол, в котором незадолго до того варилось мясо с помощью раскаленных камней, уголья, деревянное огниво и трут (сухой мох); остатки жареного мяса и вяленой рыбы и груды сырых мидий и морских гребешков.

Верстах в трех от берега, в лесу, Стеллер нашел участок со скошенной травой и крытую древесной корой землянку, а в ней большие лукошки из коры с копченой рыбой, «сладкая трава», из которой, как Стеллер наблюдал на Камчатке, гонят водку, связка веревок, сплетенных из водорослей, и несколько черных стрел.

Отослав с казаком на судно две связки копченой рыбы и часть найденных в землянке предметов, Стеллер один прошел еще шесть верст. За несколько часов он описал 163 вида растений. Он успел также сделать важные наблюдения над местной фауной.

Короче говоря, во время своего однодневного путешествия по острову Каяк Стеллер один сделал гораздо больше, чем многие этнографические, ботанические и зоологические экспедиции за несколько месяцев.

Обратный путь „Святого Петра“. Открытие островов в заливе Аляска и в Алеутской цепи. Смерть Беринга

Не все еще бочки были наполнены пресной водой, а Беринг уже отдал приказ отойти от острова Каяк: «21 июля ...пошли в путь свой к весту» (на запад). На следующий день, при шторме с находящими шквалами и с дождем, на западе показалась какая-то земля. Шторм при пасмурной и дождливой погоде продолжался четыре дня, и в это время «Святой Петр» очень медленно продвигался вперед.

Вероятнее всего, что земля, которую видели со «Святого Петра», был остров Монтагью, расположенный к востоку от Кенайского полуострова, а мыс, о котором идет речь, — это юго-западная оконечность Монтагью (мыс Клир, $59^{\circ}45'$ с. ш., $147^{\circ}50'$ з. д.). В таком случае дальше «Святой Петр» дрейфовал вдоль восточного берега большого и гористого острова Кадьяк, но моряки усмотрели его — или близлежащий южный небольшой остров Ситкинак — только на параллели приблизительно $56^{\circ}30'$, 26 июня, когда корабль находился уже к юго-западу от него.

С этого момента решено было держаться подальше от американского берега. «И весьма опасны были себя держать близ земли, — рапортовал по возвращении на Камчатку Ваксель, — частых ради банков [мелей] и беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому ж от неизвестного берега... от которого бывали неоднократно в великих страхах и в отчаянии спасти себя и судно». Шесть дней не видели земли, и только 2 августа открылся остров, который назвали Туманным *. Бросили было у него якорь, но вскоре подняли «...и пошли в путь свой, по-неже близ земли на якоре стоять опасно от ветров и густых туманов...»

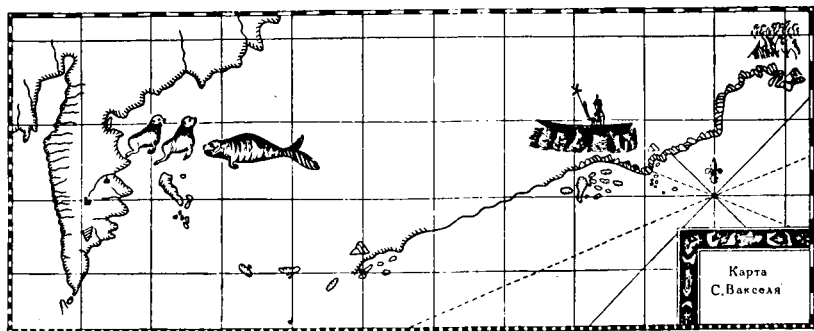
4 августа увидели вдали на западе сопку — несомненно одну из снеговых гор на полуострове Аляска — и на пути к ней открыли на параллели 56° с. ш. маленькую группу «Евдокеевских» островов (иначе Семиди).

Затем началось продвижение в юго-западном направлении, медленное — из-за «весьма противных ветров», страшное — из-за того, что многие члены команды (около трети) болели цингой и не хватало пресной воды. 10 августа, когда «Святой Петр» находился приблизительно у 53° с. ш., решено было, по Вакселю, «ежели будут ветры нам благополучные», держать курс прямо на запад «того ради, чтоб... осмотреть, не имеется ли той американской земли на той 53-й параллели». — 27 августа, когда выяснилось, что запасов пресной воды явно недостаточно для перехода к Камчатке, Беринг решил искать землю «для удовольствования себя водою» на севере.

Через два дня, 29 августа, на 55-й параллели со «Святого Петра» увидели «островов не мало». Якорь бросили, по-видимому, у центрального острова группы (*Нагай*). Спустили шаюпки, несколько дней набирали воду. 31 августа умер от цинги матрос Никита Шумагин — первая жертва плавания на «Святом Петре». Его именем Беринг назвал тот остров, у которого остановился корабль; позднее весь архипелаг стали называть островами Шумагина. На этих «безлесных и пустых» островах жили люди: в разных местах там по ночам наблюдались огни, но увидели «американцев» только 4 сентября, когда две одно-местные байдарки приблизились к пакетботу. Это была первая встреча русских (да и вообще европейцев) с алеутами **, и Ваксель в 1742 году в своем рапорте Адмиралтейств-коллегии дал их первое описание.

* В конце XVIII века посетивший остров Туманный (55° 50' с. ш., 155° 40' з. д.) английский мореплаватель Джордж Ванкувер, желая отдать должное великой русской экспедиции, по ошибке назвал его островом Чирикова, хотя «Святой Павел» там не останавливался.

** Чириков и его спутники на «Святом Павле» впервые встретили алеутов 9 сентября, и притом не в заливе Аляска, а далеко на западе, на одном из Андреяновских островов.

Деталь карты С. Вакселя

Беринг послал к алеутам на лангботе (большая шлюпка) Вакселя. На якорь лангбот стал близ берега, куда по приказу Вакселя пошли, сняв одежду, по пояс в воде три человека — толмач и два матроса. Когда стемнело, Ваксель дал им сигнал возвратиться. Алеуты отпустили беспрепятственно матросов русских, а переводчика чукчу пытались задержать. Ваксель приказал «выпалить из нескольких ружей на ветер... Тогда они все упали на землю, в которое время тот толмач, освободясь от них, возвратился на лангбот...»

Утром пакетбот стал ближе к берегу. Алеуты подошли к нему на семи байдарках. Беринг подарил им чугунный котел и несколько иголок; а они дали «сделанные из коры две шапки и на одной привязан был костяной статуей наподобие вида человеческого...»

6 сентября «Святой Петр» отошел от островов Шумагина, сначала — для безопасности — на юг, в открытое море, и, удалившись от земли, лег на западный курс. Но и в сентябре и в октябре продвижению вперед всегда препятствовали противные западные жестокие ветры.

25 сентября моряки «увидели справа землю с очень высокими горами, а перед ней множество островов, далеко отстоящих от берега. Мы находились, — пишет Ваксель в своей книге, — в это время, по нашим расчетам, на $51^{\circ}27'$ с. ш. ... Далеко в глубине материка мы заметили высокую гору; на нашей карте мы обозначили ее под названием горы Святого Иоанна... Мы не могли подойти к этой земле... На следующее утро мы уже не видели земли...»

Конечно, моряки видели 25 сентября «за множеством островов» не берег американского материка, а южные берега одного или нескольких крупных *Алеутских островов*, всего вероятнее, из числа тех, которые во второй половине XVIII века были названы *Андреяновскими* (центральная группа Алеутской цепи).

Штормовая погода продолжалась. После мучительного месяца 25 октября, когда «Святой Петр» находился примерно на той же параллели («51° с. ш. с некоторыми минутами»), на северо-северо-западе выступили очертания высокого каменного и безлесного острова, названного Святым Маркианом. Несомненно это был один из сравнительно крупных Крысыных островов Алеутской цепи, но какой именно, точно сказать невозможно*.

Через три дня на северо-северо-западе усмотрен был другой остров, названный Святым Стефаном, и «милях в трех от него видимы были три малые острова, а видно, что и оные пусты и безлесные». А на следующий день, 29 октября, «как мало очистился туман, тогда увидели мы остров от нас к весту, который назван нами остров Святого Аврамия».

Несомненно «Святой Аврамий» принадлежит к Ближним островам (наиболее близкая к Камчатке группа Алеутской цепи); но историки русских географических открытий расходятся во мнении о том, с каким именно из Ближних островов можно отождествить «Святого Аврамия». Что касается «Святого Стефана», то затруднительно даже определить, является ли он одним из западных Крысыных (Булдыр?) или одним из восточных Ближних островов (Семичи?).

С середины октября Беринг не вставал с постели. «В нашей команде, — писал Ваксель, — оказалось теперь столько больных, что у меня не оставалось почти никого, кто бы мог помочь в управлении судном... Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые способны были еще немного двигаться...

Сам я тоже с большим трудом передвигался по палубе, и то только держась за какие-нибудь предметы... И при всем том стояла поздняя осень, октябрь — ноябрь, с сильными бурями, длинными темными ночами, со снегом, градом и дождем... Многие державшиеся на ногах люди были до последней степени изнурены... Наш корабль плыл как колода, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать... В таком ужасном состоянии мы дрейфовали по морю в разных направлениях до 4 ноября, когда в 8 часов утра увидели землю — высокие горы, покрытые снегом». Во время двухмесячного перехода от островов Шумагина к этой земле умерло девять человек.

Люди на борту «Святого Петра», умирающие от цинги, голода, холода и от непосильной работы, решили, что подошли

* Примерно на той широте, которая указана Вакселем, лежит остров Амчитка (51° 32' с. ш.), длинный и низкий; высокие же Крысыные острова (Семисопочный, Кыска и др.) пересекаются параллелью 52° с. ш.

к Камчатке. Так как удобной гавани не нашли, то якорь бросили на некотором расстоянии от берега, у скал. Дважды рвались якорные канаты. Неожиданно высокая волна перебросила судно через бурун ближе к берегу, в бухту, сравнительно спокойную и достаточно глубокую. Это было исключительным счастьем после стольких несчастий. Спешили перейти на сушу.

На берегу вырыли в песке ямы для жилья и прикрыли их парусами. Когда закончилась перевозка на берег больных и запасов, только десять человек еще могли держаться на ногах. В ноябре умерло еще десять человек, остальные были больны цингой.

Тяжело больной командир целый месяц лежал в землянке, полусасыпанный песком, чтобы теплее было. 8 декабря 1741 года капитан-командор Беринг умер. Необитаемая земля, к которой прибило его судно, названа была, когда обнаружилась ошибка, *островом Беринга*, а позднее вся группа — *Командорскими островами* в честь погибшего капитан-командора. Море, открытое еще в 1648 году экспедицией Дежнева — Попова, в котором Беринг в 1728 году так мало плавал, было названо *Беринговым морем**; пролив, через который не он первый прошел, а те же Дежнев и Попов и который был нанесен на карту не им, а Федоровым и Гвоздевым, был назван *Беринговым проливом*. Несчастливого капитан-командора Витуса Беринга, как за 130 лет до него другого несчастного мореплавателя, капитана Генри Гудзона, ждала исключительная посмертная слава.

После смерти Беринга командиром стал, как старший офицер, Свен Ваксель.

В декабре 1741 — январе 1742 года умерло, кроме Беринга, еще восемь человек.

Зимой специально посланные люди обошли новую землю кругом и убедились в том, что находятся на острове. Но они же обнаружили на западе выброшенный на берег камчатский лес, обломки лодок, саней и т. п. Многим казалось, что в ясную погоду на западе видны высокие сопки, покрытые снегом. Конечно, это был обман зрения.

Каждый человек получал в день 250—400 граммов муки. Охотились на морского зверя, и мяса было достаточно. Не было недостатка и в топливе, так как волнами на берег выбрасывало много лесу. Море зимой не замерзало. На острове было очень много песцов; у берегов множество так называемых камчатских бобрсов (морских выдр) и громадных, но безобидных млекопи-

* В 1741 году Беринг плавал все время южнее полуострова Аляска и Алеутской цепи (кроме, быть может, Ближних островов), то есть в Тихом океане, за пределами моря, названного его именем.

тающих — морских коров, теперь вымерших; весной появились бесчисленные стада котиков.

Полуразрушенный пакетбот разобрали. Из его частей к августу 1742 года построили новое, небольшое судно (гукор), также названное «Святым Петром». Длина его (по килю) была 11 м, ширина 3,7 м. «Разместилось» на нем сорок шесть человек; теснота, конечно, была страшная. В море вышли 13 августа, Камчатку увидели через четыре дня на широте $54^{\circ}45'$, но до Петропавловска дошли только 26 августа — из-за штиля или противных ветров.

Плавание Чирикова к Америке. Открытие восточного берега залива Аляска

Потеряв 20 июня 1741 года из виду «Святого Петра», пакетбот «Святой Павел» под командой Чирикова, лежа в дрейфе, сутки дожидался Беринга, а затем продолжал свой путь к американскому берегу. После шестинедельного плавания — считая со дня выхода от Петропавловской гавани — 15 июля Чириков увидел на $55^{\circ}36'$ с. ш. высокую, покрытую лесом землю. Это был остров Принца Уэльского, самый южный из архипелага Александра. Чириков вполне правильно счел эту землю частью Северной Америки, «понеже по картам... от сего места отстоят уже не очень далече известные некоторые американские места...» * (то есть открытая уже испанскими мореходами Верхняя Калифорния).

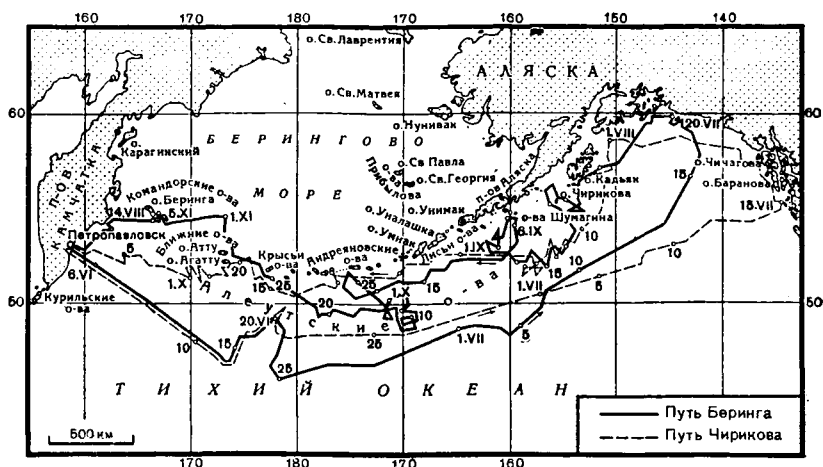
Земля, которую впервые увидел Чириков, «везде крутоберега и всюду по ней горы, а на горах лес был великого росту и по местам на оных горах виден был снег».

Не найдя гавани, Чириков через день двинулся на северо-северо-запад и шел вдоль берега два дня, пока на 58° с. ш. не заметил новую бухту и лег в дрейф против нее. Если он точно определил широту, то он сделал остановку у острова Якоби, прилегающего на северо-западе к большому острову Чичагова, а на пути туда открыл остров Баранова.

Чтобы осмотреть бухту, Чириков послал большую, с десятью вооруженными матросами шлюпку под командой мичмана Авраама Михайловича Дементьева. С корабля видели, как шлюпка вошла в бухту, но не видели, высадились ли люди на берег.

Пять дней «Святой Павел» напрасно дожидался возвращения шлюпки Дементьева. Наконец, моряки заметили на берегу огонь, и так как считали местность безлюдной, то решили, что шлюпка повреждена и костер разожгли моряки, чтобы вызвать помощь с пакетбота.

* Цитаты здесь и ниже — из рапорта А. И. Чирикова Адмиралтейств-коллегии от 7 декабря 1741 года.

Плавания Беринга и Чирикова в 1741 г.

Погода была тихая, и для ремонта шлюпки Чириков отправил на малой лодке боцмана Сидора Савельева с тремя людьми. Они также вошли в бухту и не вернулись.

На следующий день из бухты вышли две лодки, большая и малая. Моряки обрадовались и пошли навстречу, но когда приблизились к малой лодке, то убедились, что она «...не наша ...корпусом остра и гребля нераспашная, а гребут веслами просто у бортов». В лодке было четыре человека, они «встали на ноги и прокричали дважды «агай, агай» и махали руками и тотчас поворотились и погребли к берегу... а гнаться за ними было невозможно, понеже ветер был тих... Тогда мы утвердились... понеже американцы к нашему пакетботу не смели подъехать, что с посланными от нас людьми от них на берегу поступлено неприятельски — или их побили, или задержали».

Все пятнадцать русских пропали без вести, и это несчастье повлекло за собой другое бедствие: с потерей двух гребных судов (а больше на пакетботе и не было) команда не могла высаживаться на берег и, следовательно, обновлять запасы пресной воды.

Через день «Святой Павел» двинулся на северо-запад — по направлению береговой линии.

Вот первое описание материковой части побережья северо-западной Америки:

«По земле оной везде высокие горы, и берега имеют крутые и весьма приглубы; а на горах близ того места, где пришли к земле, как выше показано, лесу довольно большого росту, на них же и снег изредка виден был, а что севернее шли, то больше на горах снегу оказывалось».

Находясь 26 июля на широте $58^{\circ}21'$, Чириков созвал совет, где было решено немедленно повернуть обратно, к Петропавловску, так как запасы воды были невелики.

На севере были видны на берегу «превысокие горы... и все покрыты снегом». Это были горы Святого Ильи.

Обратный путь „Святого Павла“. Дальнейшие открытия островов у полуострова Аляска и в Алеутской цепи

Повернув на запад, «Святой Павел» четыре дня шел в открытом море (залив Аляска). 1 августа мореплаватели увидели на западо-северо-западе, милях в 30 от судна землю: «...по земле оной везде нераздельные горы и покрыты снегами...» Это был, судя по широте, южный выступ полуострова Кенай с вершинами 1700—2000 м. Следуя далее на юго-запад, моряки еще два дня видели землю — большой и высокий остров Кадьяк (с вершинами более 1000 м), а может быть, и привлекающий к нему с севера, меньший по размерам и более низкий Афогнак. Затем на целый месяц потеряли из виду землю.

Земля снова показалась 4 сентября, когда «Святой Павел» находился на $52^{\circ}23'$ с. ш.: «И видны были на земле повсюдные горы, меж которыми высокие покрыты снегом». Это был, всего вероятнее, Умнак, самый западный из Лисьих островов Алеутской цепи. Отклонившись здесь несколько к югу, «Святой Павел» шел своим путем до 8 сентября, когда снова пришлось отклониться к югу, так как появились признаки суши, а на море пал «великий туман». Ночью, к счастью, ветер утих, пакетбот стал на якорь, и тогда услышали шум прибоя. Земля открылась на следующий день в опасной близости — на $51^{\circ}40'$. Предполагают, что это был остров Адах, крупнейший из западной группы Андреяновских островов.

Здесь команда «Святого Павла» впервые встретилась с алеутами. «...А в десятом часу выехали к нам в семи кожаных малых лодках, в каждой по одному человеку людей, которые, быв у судна довольное время, и возвратились на берег. А после полудня... приезжали к судну нашему в таких же четырнадцати лодках по одному человеку, от которых мы только получили одну их шляпу из бересового дерева, какие они имели у себя на головах, да четыре стрелы».

К своему рапорту Адмиралтейств-коллегии Чириков приложил длинные выписки из судового журнала о встрече с алеутами, в том числе об их внешности: «собою они мужики рослые, лицом похожи на татар, видом бледны, а знатно [видно], что здоровы, бород почти у них нет — от природы или выщипывают; только двух или трех человек видели с бородами короткими. В носсах имеют коренья воткнутые, отчего у них и кровь текла...»

Но доставить воду на корабль алеуты не могли (или не хотели), и с вечера 10 сентября «Святой Павел» продолжал свой путь. 21—22 сентября с пакетбота последний раз видели на севере землю: «...А были тогда в северной ширине 52° 35'... а берега у ней казались местами негде равными [низменными], а инде с горами небольшими, а в дальности видны были высокие горы, которые и снегами покрыты, а на низких горах и на равных местах снегу не было...»

Это были несомненно Ближние острова Алеутской цепи, но не те мелкие (Семичи), которые, возможно, видела позднее (29 октября) команда «Святого Петра», а более крупный и самый южный из Ближних островов — *Агатту*, а за ним на северо-западе самый большой и высокий остров этой группы — *Атту*.

Следует отметить, что Чириков ни разу в 1741 году не утверждал категорически, что открыл остров. Напротив, он допускал, что земли, открытые им, лишь береговые участки материка Северной Америки. Вот как он развивает эту гипотезу в своем рапорте Адмиралтейств-коллегии в 1741 году. Начинает он с последних земель, открытых им в сентябре: «Я признаваю, что виданные нами земли в настоящем сентябре месяце 4-м, 9-м и 21-м числах» — то есть Умнак, Адах и Атту с Агатту — «меж собой соединение имеют». Чириков предвидит возражение, что земля за это время дважды, и притом на много дней, терялась из виду; и он, говоря о постоянных туманах, указывает, что все же признаки близости земли они «довольно и часто видели, а именно — птиц береговых, морских разных родов животных и траву, носящую [ся] по морю». А если такие признаки отмечались реже или совсем исчезали, то это случалось лишь тогда, когда «Святой Павел» слишком далеко отклонялся на юг от своего курса.

Переходя к первым открытиям, совершенным в августе, Чириков осторожно говорит: «И не без чаяния, что и вся земля, виденная нами, меж собой соединение имеет: ибо на пути нашем от земли, которую оставили 6-го августа [материковый берег к северу от острова Чичагова], до земли, увиденной 4 сентября [остров Умнак]... признаков к близости земной видено было нами не редко».

Потеряв 22 сентября из виду последнюю американскую землю (остров Атту), «Святой Павел» шел в открытом океане до 8 октября, когда, наконец, «увидели камчатскую землю». Но из-за различных помех команда «Святого Павла» высадилась на берег только 12 октября; из семидесяти человек вернулось на родину сорок девять.

Последние три недели плавания были самыми бедственными. Все без исключения люди на пакетботе болели цингой, «...и многие уже слегли и на вахты не ходили, а которые и хо-

дили, то уже через силу должное им исправляли... В то же время и я, — писал Чириков, — весьма от цинги изнемог и находился в отчаянии жизни и уже по обычаю был приготовлен к смерти, а наверх не мог выходить с 21 сентября и по самый возврат наш в гавань. А по управлению судна остался один штурман Иван Елагин, да и тот был весьма ж болен, но по крайней возможности, преодолевая свою немощь, почти несходно был для управления наверху...»

Плавание Чирикова к Ближним Алеутским островам в 1742 году

Весной 1742 года в поредевшей команде «Святого Павла» было еще много больных, в том числе сам Чириков и Елагин, единственный оставшийся в живых помощник капитана.

Пакетбот нуждался в ремонте. Тем не менее Чириков решил идти к крайнему западному, как он тогда думал, выступу американского материка, к той земле, которую он оставил 22 сентября 1741 года, то есть к Ближним Алеутским островам.

25 мая 1742 года Чириков вышел в море и 9 июня подошел к американской земле. Он увидел на юго-востоке на расстоянии 9 км «малую часть оной сквозь туман».

Повернув на север, он семь часов шел параллельно берегу. Туман рассеялся, и при ясной погоде, очень редкой в северной части Тихого океана, «взяли на оной земле пеленги... И по тому пеленгу признали мы, что оная — остров, а не соединительная с Америкой большая земля...» *

Эту землю (Атту) Чириков назвал островом «Святого Феодора». Чтобы окончательно убедиться, что перед ним не выступ американского материка, «Святой Павел» лавировал в этом районе целую неделю, напрасно ожидая благоприятной погоды.

Боясь потерять судно, больной Чириков «принужден был многие ночи пробыть без сна несходно с палубы [и] пришел в такую слабость, что уже насилу ходил...» Поэтому он 17 июня повернул обратно, к Петропавловску, сворачивая в ясную погоду к северу «для осмотра, не найдется ль еще какая земля».

22 июня в полдень погода прояснилась, Чириков повернул на север и вечером увидел остров, которому дал название «Святой Юлиан». До утра следующего дня «шли от восточного его края до западного, а были в близости подле оного... не больше четырех минут [7,5 км]... лесу на нем большого и травы зеленой нет, весь в горах и крутой берег, а на горах много снегу. При нем же видели множество котлов морских; расстояние до оного... прямо от Камчатской земли... 155 минут, а русских 270 верст». Это был несомненно остров Беринга, где в то

* Цитаты здесь и ниже — из рапорта А. И. Чирикова Адмиралтейств-коллегии от 18 октября 1742 года.

время команда «Святого Петра» строила из частей пакетбота небольшое судно, чтобы вернуться на родину.

В 6 часов утра, когда остров Беринга закрылся туманом, «Святой Павел» лег на свой курс. В Петропавловскую гавань он вернулся 2 июля 1742 года.

Чириков просил Адмиралтейств-коллегию, чтобы его отозвали в Петербург, но это было сделано только через четыре года. А еще через два года, в 1748 году, капитан-командор Алексей Ильич Чириков умер сорока пяти лет от роду.

Глава 25

ХОД ОТКРЫТИЯ РУССКИМИ ПРОМЫШЛЕННИКАМИ АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ

Первые русские промышленники на Ближних островах

Русские промышленники, находившиеся на Камчатке и Охотске в сороковых годах XVIII века, сразу же поняли, какую выгоду им могут принести новые охотничьи угодья на «неизвестных островах Восточного океана», открытых участниками экспедиции Беринга — Чирикова в 1741 году. Дополнительным толчком к движению русских на восток, к Алеутским островам, был исключительный успех промысловой партии сержанта Охотского порта Емельяна Софроновича Басова и промышленника Евтихия Санникова, которые в 1743—1744 годах зимовали на новооткрытом острове Беринга и вернулись оттуда на Камчатку с богатейшим грузом ценных мехов (более пяти тысяч шкур песцов и морских «бобров», то есть выдр). В 1745 году Басов и Санников снова отправились на остров Беринга на промыслы, причем впервые высаживались на *остров Медный*, завершив, таким образом, открытие Командорских островов. Они плавали и дальше на восток и видели там в море острова Ближние Алеутские (какие именно, не выяснено), но не могли подойти к ним.

На Камчатке в это время жил участник Второй Камчатской экспедиции, геодезист Михаил Неводчиков. Услыхав об исключительном успехе первой промысловой экспедиции Басова — Санникова, Неводчиков немедленно организовал промысловую артель и осенью вышел во главе ее на шитике* из Нижне-Камчатска в море в юго-восточном направлении. «Внезапным случаем» шитик достиг островов Атту и Агатту (из группы Ближних Алеутских), открытых А. И. Чириковым. Промыш-

* Шитик — небольшое промысловое судно русских поморов длиной до 10 м; к его днищу, выдолбленному из ствола большого дерева, нашивались (отсюда и слово «шитик») обычно ивовыми прутьями бортовые доски.

ленники высадились на Агатту, затем вернулись на Атту и промышляли там до осени 1746 года. На обратном пути шитик более полутора месяцев носило по морю и принесло, наконец, к Карагинскому острову (у северо-восточного берега Камчатки), где он разбился о скалы. Промышленники спаслись и зимовали у местных жителей; во время зимовки часть их умерла от голода и цинги. Летом 1747 года Неводчиков с уцелевшими промышленниками вернулся в Нижне-Камчатск на байдарках. Он привез с собой более трехсот бобровых шкур. Позднее по обвинению в убийстве на Ближних островах «неизвестного тамошнего вновь обысканного народа без всякой от него противности» (то есть алеутов) Неводчиков был вместе с несколькими другими промышленниками предан суду, но оправдан. В материалах следствия по этому делу впервые встречается название «Алеутские острова».

В 1750—1752 годах мореход Андреян Толстых и Евтихий Санников на службе у купеческой компании удачно промышляли на острове Атту и вернулись на Камчатку богатыми людьми. Но первое, довольно подробное, описание Ближних Алеутских островов и их жителей составлено было лишь через десять лет, в 1762 году, со слов купца Степана Яковлевича Черепанова, который перед тем провел на «Аттаку» (Атту) два года с группой промышленников:

«Остров... длиною например верст со сто, шириною верст с двадцать. Лесов никаких не имеется, а во время зимовки в топлении употребляют наметной из моря лес всякий... Травы сеной довольно. Горы каменные, утесы высокие, на которых и в лете снег не стает. Из зверей зимних одни песцы голубые имеются довольно *. А на том острове живут иностранные народы, называемые алеуты. А подле того острова другие два острова ж состоят, между ими расстояния будет: одним верст с сорок, а другим верст с двадцать; [острова] небольшие... и очень узки; а на них никаких лесов не имеется, и горы каменные, небольшие имеются».

И Черепанов далее обстоятельно рассказывает о «ближних» алеутах: их численности, быте, одежде, жилищах, пище и способах ее изготовления, орудиях и способах лова и зверобойного промысла.

Ход открытия Андреяновских островов

В 1750 году из Нижне-Камчатска на юго-восток вышла артель промышленников во главе с На к в а с и н ы м (или

* В другом месте своей «скаска» Черепанов указывает, что «в 1750 году с селенгинским купцом Андреяном Толстых на собственном его судне с Командорского острова взято было им одно гнездо молодых и отпущены на оном алеутском острове Аттаке, где через немногие годы размножились до тысячи... а до того завезения на том острове песцов не бывало».

Наквашинным). Они достигли центральной части Алеутской цепи, видели около десятка островов и высаживались на один из них (вероятно, Атха), где захватили алеута для обучения его русскому языку, чтобы затем использовать как переводчика. Повернув на запад, они пристали к острову Атту. Во время шторма их шитик был выброшен на берег и разбился. Люди спаслись, два года провели на Атту и были вывезены оттуда в 1752 году купцом Никифором Трапезниковым, также до этого побывавшим на островах центральной группы.

В 1753 году купец Андрей Серебренников и мореход Башмаков двинулись с острова Беринга на восток и видели пять островов, к которым не могли пристать из-за шторма; на берег шестого (вероятно, Адах) их шитик был выброшен волной, весь груз затонул. На острове промышленники провели два года; за это время они построили из обломков шитика судно, на котором в 1755 году без добычи вернулись на Камчатку.

В 1757 году Башмаков и купец Андрей Всевидов плавали у центральной Алеутской группы, видели восемь островов, но приставали только к двум; на западе — к *Кыска* (из группы Крысьих), на востоке — к *Танага*. На последнем они устроили базу, откуда ходили на промыслы еще к двум островам — Канага и Адах. Зиму 1757/58 года они провели на базе.

В 1756—1759 годах разбогатевший Андреян Толстых, ставший купцом, на собственном судне «Андреян и Наталья» вторично промыслял на Ближних Алеутских островах. В 1760—1764 годах на том же судне он в третий раз плавал на промыслы к Алеутской гряде. На этот раз с Толстых были камчатские казаки Петр Васютинский и Максим Лазарев. Они посетили уже известные острова центральной группы — Канага, Адах и Атха, открыли между ними Большой Ситхин и группу мелких островов, которые ошибочно приняли за один, а к востоку от Атха побывали на длинном и узком острове *Амля*. Эти острова, расположенные у параллели 52° с. ш., между 173 и 178° з. д., стали называть по имени Андреяна Толстых — *Андреяновскими*, а позднее это название распространилось на все центральные Алеутские острова, расположенные между 172 и 180° з. д.

На обратном пути к Камчатке осенью 1764 года из-за аварии Андреян Толстых остановился на Атту и вывез оттуда партию промышленников, потерпевших крушение. Но его судно «Андреян и Наталья» само потерпело крушение близ устья реки Камчатки 17 сентября 1764 года. Люди спаслись, но судно и груз, в том числе ящик с рукописными материалами экспедиции, погибли. Из богатого купца Андреян Толстых снова стал нищим.

На берегу Васютинский и Лазарев представили в том же, 1764 году рапорт с судовым журналом, веденным Андреяном

Толстых. С них сняли показания, на основе которых немедленно было составлено и препровождено в Иркутск, а оттуда в Петербург первое описание Андреяновских островов. Цитаты из него приводятся ниже.

На зимовку судно «Андреян и Наталья» останавливалось в бухте у западного берега гористого острова «Аях» (Адах, у 52° с. ш., 177° з. д.). Казаки описывают его так: «...Окружность имеет по примеру со 150 верст, на нем есть великие и высокие каменные хребты, есть и низменные места, тундры сухие и мокрые... Лесу по всему тому острову самородного нет. Трава растет такова ж, какова и на Камчатке в приморье, есть ягоды шикша и голубель, да и то очень мало. Кореньев, в пищу употребляемых... так довольно, что без нужды пропитание иметь можно... Живущего на нем народа до коликого числа состоит, обстоятельно объявить невозможно, потому что они, с острова на остров со всеми домами в больших байдарах переезжая за проливы, где понравится им, тут и живут».

Из островов, расположенных в той же группе к западу от Адаха, казаки называют только один — *Канага*: «Второй [остров] лежит от пристанища судна к западной стороне через пролив, в расстоянии примером будет верст 20... В нем одна сопка... с той сопки в летнее время берут тамошние жители серу горючую, на подошве той сопки имеются ключи горячей воды, в которых варят рыбу и мясо... Признаки по острову таковы ж, как на Аяхе [Адахе]. Жители на сем Канаге мужеска и женска пола до 200 человек».

Далее казаки переходят к описанию островов, расположенных к востоку от Адаха, по направлению к американскому материку. Они пропускают несколько малых островов, объединяемых теперь с главным островом под названием архипелаг Адах, и начинают с острова *Большой Ситхин* («Четхина»), который в настоящее время вместе с близлежащими островками выделяется внутри Андреяновских в особую группу — маленький архипелаг Сетчатый.

«Третий остров, лежащий под восток чрез пролив верст за 40, по названию Четхина, в окружности около 80 верст. На оном весьма много каменных хребтов и одна сопка большая, называется Белая [1749 в]. От части находятся в низменных местах горячие ключи... Жителей на нем имеется до 400 семей».

Говоря о четвертом, низком и скалистом острове, который лежит «под тот же восток за проливом, от Четхина острова верст с 10, называется Тагалах; в окружности имеет до 40 верст», Васютинский и Лазарев в первый и единственный раз дали ошибочные географические показания: восточнее Большого Ситхина до самого Атха разбросаны только, в буквальном смысле этого слова, клочки суши; один из них действительно называется *Тагалах*, но окружность его в несколько раз мень-

ше, чем показано выше. По-видимому, казаки считали все клочки суши между Большим Ситхином и Атха за единый остров, а ошибка объясняется тем, что они там нигде не высаживались: «берега всё каменные, так что не токмо судном, но и байдарами пристать негде... на сем острове не только рек и рыб, но и коренья к пропитанию народа тамошнего нету».

О следующем, пятом по их счету, острове Атха, расположенном около 40 верст к востоку от Тагалаха, казаки рассказывают, что это сравнительно большой и по своим природным условиям наилучший из Андреяновских островов: «На нем хребтов каменных много, из которых истекает в море немалое число речек... Земляных кореньев весьма много... Около сего острова имеются бухты, весьма способные к пристанищу судам».

Шестой и последний из описанных ими островов — Амля характеризуется чертами, сходными с Атха, причем казаки преувеличивают его размеры; численность его населения они определяют до 600 человек. «Да и сверх оных шести островов, — прибавляют Васютинский и Лазарев, — в виду были многие, лежащие под восток, морские острова, остров от острова весьма в дальних за проливами расстояниях, точию на те уже более судном и байдарами не касались».

Описание Андреяновских островов по показаниям Васютинского и Лазарева заканчивается кратким сообщением о быте местных алеутов. Развернутая же характеристика алеутов дана в составленном тогда же документе, озаглавленном: «Описание найденным на открытом море островам, на которых живут народы, о их нравах и состоянии и о прочем, сочиненное в Большерецкой канцелярии с журналов селенгинского купца Толстых»*.

Этот документ, кроме очень ценного этнографического материала, дает еще интересные черты для дополнительной характеристики самого Андреяна Толстых. Из того, что сообщалось о нем выше, видно что Толстых был выдающимся мореходом, что в отличие от большинства промышленников он заботился не только о личной выгоде, но и об общем деле: выпуская гнездо молодых песцов на Атту, он знал, что приплод обогатит не только его, а и других русских промышленников, его конкурентов. В своем судовом журнале Толстых проявляет себя еще по-иному: перед нами незаурядный этнограф-наблюдатель, с пониманием и симпатией относящийся к алеутам: «видом грубы, а по разговорам и обхождениям ласковы и приятны, а при том ко всему понятны и смысленны». С большим сочувствием он

* Последняя публикация обоих описаний — в сборнике материалов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках», М.,—Л., 1944.

описывает их убогую жизнь: «Уловленную летом и зимою рыбу употребляют в пищу... сколько [немного] вареную, а больше того, как и мясо, сырую... Прочую оставшуюся рыбу сушат на ветру. А когда бывает той рыбы или зверя в промыслу весьма мало и к тому ежели воспоследуют крепкие ветры и на море чрезвычайное волнение... то копают из земли в летнее время разного рода коренья и тем пробавляются. А во время зимы... с женами и детьми собирався, идут на берег к морю, и с каменьев собирая морскую капусту, разных родов раков едят; а временем находят выкид морских зверей на берег, кита или иного какого рода, то тем довольствуются. И так в бедном состоянии препровождают свою жизнь».

Толстых отмечает изумительную выносливость алеутов: «Оные народы не токмо в летнее, но и в зимнее, в самое студеное время, кроме... птичьих парок и кишечных камлей* [одежды] не имеют, чулков, обуви, шапок и рукавиц не знают, ходят всегда везде по каменистым высоким горам босыми ногами».

Отношение алеутов к женщинам, кровавые стычки, войны и захват людей на соседних островах Толстых осуждает: «Тамошние народы имеют у себя жен по две и по три. И который из них, против иного сильнее, увидит у кого другого... жену по их природе лучше, то от мужа берет ту жену насилем к себе; а как возьмет, то из прежних своих жен которую не любит, от себя отбросит и содержит в работе, — из чего дѣлаются у них не малые споры, для чего и ходят по островам против друг друга походами, и происходят смертные убийства... Во время тех своих походов и по убийстве сколько могут усилиться людьми, привезя в свое жилище, делают по родам и содержат оных в уединении в немалых работах и озлоблениях».

Разорившись, Андреян Толстых снова поступил на службу к купцам-предпринимателям. Летом 1766 года, командуя ботом, он опять искал «Землю Жуана да Гамы», для чего плавал от Большерецка к югу, вдоль Курильской цепи. Осенью, на обратном пути, во время шторма он потерпел крушение у мыса Шипунского (юго-восточный берег Камчатки) и погиб почти со всеми людьми, находившимися на боте: из шестидесяти трех человек спаслись только трое.

Ход открытия Лисьих островов

За несколько лет до гибели Андреяна Толстых мореход Степан Гаврилович Гловов собрал на Камчатке промысловую артель; в нее, между прочим, входил и казак Са-

* Парка — верхняя одежда северных народов. У местных алеутов она шилась главным образом из шкур топориков. Камлея — здесь непромокаемая верхняя одежда с капюшоном, сшитая из кишок морских зверей.

вин Пономарев и переводчики-камчадалы. В распоряжении артели, «передовщиком» (старостой) которой стал Глов, был бот «Святой Иулиан». 2 сентября 1758 года бот вышел из устья реки Камчатки «в открытое Тихое море в морской вояж для изыскания новых островов и народов»*. Вскоре начался шторм, несколько суток бот носило по морю и на девятый день прибило к Медному острову Командорской группы. Перезимовав там и заготовив впрок запасы жира и мяса морских коров и тюленей, промышленники 1 августа 1759 года «вступили паки в морской вояж к поиску и окончанию намеренного пути». Ровно месяц они шли при вполне благоприятной погоде в открытом море, «не касаясь ко известным морским же Алеутским островам» и 1 сентября достигли большого острова Умнак (около 2000 кв. км), причем пересекли в восточном направлении почти всю южную полосу Берингова моря.

На Умнаке промышленники познакомились с «незванным народом» (так называемыми лисьевскими алеутами), численность которого на этом острове Глов и Пономарев определяют приблизительно в 400 человек. При первой высадке русских на остров местные жители встретили их враждебно: убили одного камчадала, ранили несколько человек и отбили одну байдару. Прикрываясь деревянными щитами, промышленники спаслись на судне.

«И с тем оный народ разбежался. А потом оные, не видя от них [русских] отмищения против их нападения, кроме ласковости, пришли к ним к судну вторично без всякой уже ссоры и нападения... и с собою принесли к пропитанию их мяса и рыбы сушеной трески... И возвратили они отбитую байдару со всем, что во оной было».

Более двух с половиной лет провела артель Глова в районе Умнака. Непосредственно за этим «первым островом» промышленники открыли второй, большой — горный остров Уналашка (около 2800 кв. км) с берегами, сильно расчлененными извилистыми заливами.

Кроме морских бобров, встречающихся у берегов всех островов «Бобрового» (Берингова) моря, на Умнаке и Уналашке были во множестве «лисицы чернобурые, бурые, седые, крестовки и красные разных доброт». Промышленники называли оба острова *Лисыми*, и позднее это название распространилось на все восточные Алеутские острова.

Промышляя морских бобров и лисиц на Умнаке и Уналашке, Глов и Пономарев собрали расспросные сведения и о дру-

* «Изъяснения казака С. Т. Пономарева и передовщика С. Г. Глова об открытых ими островах». Сборник материалов «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках», М. — Л., 1944. Цитаты ниже взяты также из этих «изъяснений».

гих «...еще дальше лежащих к востоку восьми островах, на которых на одном есть и лес стоячий... А на том острову... есть и олени, медведи, волки и горностаи. На всех же тех осьми островах обитает незнаемый же народ...»

В приложении к «Изъяснениям» дан перечень не восьми, а четырнадцати «дальних» восточных островов с краткими дополнительными указаниями. Некоторые названия искажены до неузнаваемости; в иных случаях сообщаются фантастические сведения, например: «Атахтак, люди на нем одноглазые, однорукие, одноногие;» но по крайней мере шесть больших и малых восточных земель вскоре были посещены русскими и нанесены на карты под названиями, совпадающими или очень сходными с теми, которые даны были в «Изъяснениях» Глотова и Пономарева. Важнейшие из этих земель: Унимак, самый восточный из Лисьих островов, самый большой и высокий из всех вообще Алеутских островов (площадь около 4000 кв. км, вершина — свыше 2800 м); Кадьяк, который издали видели участники экспедиции Беринга—Чирикова, величайший из островов в заливе Аляска (площадь 9300 кв. км); мнимый остров, на самом деле — *полуостров Аляска*. О нем Глотов и Пономарев показали со слов «лисьевских» алеутов как о земле, отличающейся растительностью и животным миром от Лисьих островов: «Алахшак, лесу стоячего много, лисицы, медведи, олени, по признакам куницы, кабаны есть».

К весне 1762 года русские собрали большую добычу, промышляя на Умнаке и Уналашке: «...бобры морские... лисицы чернобурые, бурые, крестовки, сиводушки и красные, коты морские», Глотов собрал с алеутов ясак и выдал им квитанции. «А при отправлении с тех островов по добровольному оных народов к подданству склонению... оные желание возымели и впредь быть в подданстве и чтоб к ним российские люди всегда на судах ходили. И что они ясак будут платить бездомочно, дали добровольно в аманаты [заложники]... малолетнего парня...»

26 мая 1762 года промышленники оставили Лисьи острова. Шли они южнее, чем в 1759 году, и видели несколько островов центральной части Алеутской гряды. На обратный путь из-за противных ветров и течений потребовалось в три раза больше времени, чем на переход от Медного острова к Умнаку, а промышленники этого заранее не предусмотрели: «... Быв в пути, имели превеликие недостатки в воде и пище, так что и последнюю с нсг обувь варили и в пищу употребляли». В Нижне-Камчатск они вернулись 31 августа.

К своим «Изъяснениям» Степан Глотов и Савин Пономарев приложили карту Алеутских островов, которую им помог составить их спутник, посадский Петр Шишкин. Карта эта, конечно, очень неточная и неполная, так как не все еще значительные

острова Алеутской цепи были в те годы открыты, да и далеко не обо всех русских открытиях знали Глотов и его спутники.

Позднее Глотов еще несколько лет мирно промышлял и среди «лисьевских» алеутов, и среди тихоокеанских эскимосов — «коняг» на Кадьяке, где он побывал по крайней мере два раза (в 1763 и 1765 гг.). Умер он на Лисьих островах — вероятно, от цинги — в 1769 году.

Глава 26

ЭКСПЕДИЦИЯ КРЕНИЦЫНА — ЛЕВАШОВА

Организация экспедиции Креницына

О Лисьих островах в России узнали на два-три года раньше, чем об Андреяновских, так как Пономарев благополучно вернулся на Камчатку в 1762 году, а потерпевший крушение Андреян Толстых с товарищами только в 1764 году. Итак, в начале шестидесятых годов в России знали только о Ближних, Крысьих и Лисьих островах, и между последними двумя группами на картах того времени показывали большой пространственный разрыв, хотя слухи о виденных островах центральной группы уже доходили до Сибири.

Относительно американских островов в 1763 году в Петербург поступил доклад сибирского губернатора Чичерина, который доносил Екатерине об открытиях русскими промышленниками «неизвестных мест и нового промысла». Чичерин характеризовал промышленников как «самых простых и неученых людей». Он докладывал о необходимости назначения на суда морских офицеров, чтобы они, не вмешиваясь в промыслы, вели судовые журналы и составляли подробные описания плаваний.

По приказу Екатерины II Адмиралтейств-коллегия организовала засекреченную экспедицию под официальным названием «Экспедиция для описи лесов по рекам Каме и Белой». Несомненно, что ее основной задачей была не только опись новооткрытых американских земель; не менее важной задачей было их формальное и фактическое закрепление за Российской империей: приведение «американцев» (под ними в первую очередь понимали алеутов) в российское подданство, урегулирование сбора ясака и контроль над действиями промышленников, чтобы не допускать нарушения интересов казны.

На снаряжение секретной экспедиции отпустили очень большие для того времени средства — более 100 000 рублей. Офицеры были поставлены в исключительно привилегированное положение. Одновременно с назначением они повышались в чине и получали до возвращения в Петербург двойное жалованье.

Начальником экспедиции был назначен боевой моряк, участник Семилетней войны Петр Кузьмич Креницын. Ему разрешено было самому выбрать себе помощника, и он указал на своего молодого боевого товарища Михаила Дмитриевича Левашова.

Постройка двух экспедиционных судов в Охотске закончена была в августе 1766 года. Кроме того, Креницын получил еще два небольших судна из числа приписанных к охотскому порту.

Флотилия вышла из Охотска 10 октября 1766 года. С самого начала плавания экспедицию преследовали неудачи, из-за противных ветров суда продвигались вперед очень медленно. Связь между ними уже через несколько дней была потеряна. После ряда несчастий погибли одиннадцать человек и два судна. В результате экспедиция была вынуждена провести две зимовки на Камчатке и могла приступить к выполнению задания только летом 1768 года, отремонтировав одно уцелевшее судно и заменив другое, совершенно обветшалое, «Святой Екатериной», оставленной в Нижне-Камчатске Иваном Синдтом.

Плавание Креницына и Левашова вдоль цепи Алеутских островов

23 июля 1768 года экспедиция, выйдя из устья реки Камчатки в открытое море, двинулась к Командорским островам. На галиоте «Святая Екатерина» под командой Креницына было семьдесят два человека, на гукуре «Святой Павел» под командой Левашова шестьдесят пять человек*.

На острове Беринга суда возобновили запас свежей воды и продолжали плавание в восточном направлении. 11 августа, при сильном ветре и пасмурной погоде, они потеряли друг друга из виду на широте $54^{\circ}30'$, то есть в южной полосе Берингова моря. Через три дня Креницын впервые увидел два острова Алеутской цепи — *Сигуам* ($52^{\circ}20'$ с. ш. и $172^{\circ}25'$ з. д.), самый восточный из Андреяновских, и *Амухта* ($52^{\circ}30'$ с. ш. и $171^{\circ}15'$ з. д.), самый западный из *Четырехсочных островов*. 20 августа галиот вошел в пролив между островами Умнак и Уналашка.

Левашов, разлучившись с Креницыным, через три дня (14 августа) усмотрел на юге и нанес на карту какой-то остров, которому не дал названия, а показал как «впервые открытый». 15 августа он видел два малых острова, а к югу от них третий, более крупный. От малых островов Левашов повернул на северо-восток и в течение трех следующих дней, проходя в южной полосе Берингова моря, наносил на карту один за другим ряд мелких островов и один сравнительно большой. 19 августа Ле-

* Галиот и гукур — небольшие двухмачтовые грузовые суда.

вашов достиг Амухты; следовательно, ранее он нанес на карту восточную часть Андреяновских островов, но какие именно, установить затруднительно из-за значительных ошибок в определениях долгот.

22 августа Левашов подошел с севера к Уналашке, где соединился с Креницыным. Недалеко на востоке он видел *Акутан*, самый значительный остров из той небольшой группы, которая в XIX веке названа островами *Креницына* (расположены к северо-востоку от Уналашки).

Набравши свежей воды, Креницын и Левашов на следующий день двинулись дальше на северо-восток, мимо островов Креницына, и открыли за ними *Унимак*, самый крупный и самый дальний из островов Алеутской гряды. Моряки обогнули и описали его в течение пяти дней, причем обнаружили узкий *Исаноцкий пролив*, отделяющий Унимак от полуострова Аляски. Два дня они осматривали аляскинские берега, а затем повернули обратно к Лисьим островам.

Совместный осмотр Креницыным и Левашовым северных берегов Уналашки, Унимака и «Аляксы» был первым, исторически доказанным плаванием европейцев в юго-восточной части Берингова моря. Точно не известно, насколько они продвинулись к северо-востоку от Унимака, но во всяком случае недалеко, так как «Алякса» на карте Левашова показана островом, несколько уступающим по размерам Унимаку.

5 сентября суда разлучились и соединились только летом 1769 года. Левашов один продолжал поиски островов к западу от Унимака до 11 сентября. Затем он четыре дня плавал между Унимаком и Уналашкой.

Зимовки на Уналашке и Унимаке и возвращение на родину

16 сентября Левашов пришел к северному берегу Уналашки и две недели стоял там. С 1 по 5 октября он плавал возле Унимака — вероятно, разыскивая Креницына, затем вернулся к Уналашке и выбрал для зимовки бухту (Порт Левашова) в глубине *Капитанского залива*. Выбор был исключительно удачен: залив этот — лучшая гавань на Алеутских островах, в настоящее время превращенная в военно-морскую базу США (Датч-Харбор).

Большая часть людей Левашова зимовала на судне, остальные в юрте, построенной из плавника. Моряки страдали от сырости, недостатка пищи и топлива. К концу зимовки болели двадцать семь человек; однако смертность была сравнительно невелика: умерло трое; два моряка пропали без вести.

Во время зимовки Левашов делал наблюдения и подготовил материалы (собрал их у русских промышленников) для разно-

стороннего, правдивого, точного и яркого описания алеутов — «О жителей того острова» (Уналашки). Это описание представляет большой историко-этнографический интерес, так как дает представление о быте и древней культуре алеутов, еще не подвергшихся европейскому влиянию. Оно дано без преувеличений и прикрас, и в нем нет и тени тех клеветнических измышлений, которые так часто можно встретить в рассказах западноевропейских и американских «цивилизованных» путешественников XVIII—XIX веков об американских «дикарях». Тогда же Левашов собрал материалы и для трех других статей, в которых дал описание острова Уналашка, русских пушных промыслов на этом острове и сбора ясака.

Креницын зимовал на Унимаке в гораздо худших условиях, чем Левашов на Уналашке. До середины октября люди команды Креницына строили юрты из выброшенного на берег леса, затем вытащили галиот на берег, чтобы он не пострадал во время зимних бурь. В той местности, где зимовали русские, не было постоянного населения. Иногда приезжали на своих байдарках алеуты за подарками.

Несмотря на то что команда очень страдала от цинги, Креницын держал своих людей в постоянном напряжении. «Он имел четыре поста для ночного караула, приказывал через несколько минут каждую ночь делать ружейные и пушечные выстрелы для устрашения...» (из «Наставления Адмиралтейств-коллегии Биллингсу»).

От цинги за время зимовки у Креницына умерла большая часть команды, «...и тем он был приведен до того, что ежили бы капитан-лейтенант Левашов не пришел к нему со своими людьми, то бы не с кем было и судном управлять» (из «Наставления Биллингсу»).

6 июля 1769 года к Унимаку, в гавань, где зимовал Креницын, пришел гукор Левашова. 23 июня «Святая Екатерина» и «Святой Павел» двинулись в обратный путь. В течение трех следующих дней были завершены открытие и опись всех островов Креницына. В дальнейшем точно можно установить по опубликованным материалам только обратный путь Левашова на «Святом Павле», так как 26 июня суда снова разлучились, а о Креницыне известно лишь, что он привел «Святую Екатерину» в Нижне-Камчатск 29 июля 1769 года — на четыре недели раньше, чем Левашов.

После разлуки Левашов описал *Четырехсопочные острога* (западная группа Лисьих) и после двадцатидневного тяжелого плаванья вдали от суши 29 июля достиг острова Медного. Затем одиннадцать дней он потратил на то, чтобы обогнуть остров Беринга, и еще две недели, чтобы добраться до Нижне-Камчатска, куда прибыл 24 августа 1769 года.

Зиму Левашов и Креницын провели в Нижне-Камчатске.

Летом 1770 года, когда суда были уже готовы к выходу в обратный путь к Охотску, Креницын утонул: челнок, в котором он плыл по реке Камчатке, опрокинулся. Левашов пришел в Охотск 4 августа 1770 года. Из четырех судов флотилии, покинувшей Охотск осенью 1766 года, вернулось только одно — гукор «Святой Павел», которым неизменно командовал Левашов. Из 187 человек команды всех четырех судов погибла по разным причинам почти половина.

Географические результаты экспедиции Креницына — Левашова

Несмотря на большие расходы, ничтожные финансовые результаты по линии сбора ясака, гибель трех судов и половины людей, ни Екатерина II, ни Адмиралтейств-коллегия в то время вовсе не считали экспедицию Креницына—Левашова неудачной.

В самом деле, географические результаты этой экспедиции были очень велики. Она завершила открытие всей гигантской Алеутской дуги, протягивающейся на севере Тихого океана почти на 1800 км, и особенно ее восточной части, Лисьих островов, где открыла и самый крупный остров, Унимак, и небольшие группы Креницына и Четырехсочные. Она положила начало более или менее планомерному исследованию полуострова Аляска. В работе экспедиции позднее нашли ряд ошибок, и все же ее материалы широко использовались всеми крупными исследователями тихоокеанского Севера Америки — от Джемса Кука (1779 г.) до Михаила Дмитриевича Тебенькова (1852 г.). Тебеньков правильно считал Креницына и Левашова пионерами научного исследования северной части Тихого океана. Нельзя их винить в том, что у них не было в распоряжении усовершенствованных приборов; к тому же метеорологические условия во время их работы в районе Алеутских островов были исключительно неблагоприятны для астрономических наблюдений. Это подчеркивал еще современник Левашова, петербургский академик Петр-Симон Паллас, очень заинтересовавшийся результатами работы экспедиции: «...туманы бывали так часто, что посреди лета редко пять дней сряду продолжалась ясная и хорошая погода...»

В семидесятых годах XVIII века, с одной стороны, усилилась английская экспансия в северной части Тихого океана и, с другой стороны, чрезвычайно обострились отношения между Великобританией и ее заатлантическими колониями в Северной Америке (1774 г. — начало войны за независимость США). В связи с этими событиями англичане очень подозрительно отнеслись к «таинственному» предприятию русского правительства и обнаружили повышенный интерес к его засекреченным ре-

зультатам. Они раздобыли материалы и карты с помощью лейб-медика Екатерины II шотландца Роджерсона, получившего их с разрешения самой императрицы. Всего известно в восьмидесятых-девяностых годах XVIII века по крайней мере шесть изданий материалов экспедиции Креницына — Левашова на четырех языках, что свидетельствует о продолжавшемся повышенном интересе к этой экспедиции. Особенное внимание широкой читающей публики привлекло этнографическое описание алеутов, составленное Левашовым.

Однако политического задания экспедиция Креницына — Левашова не выполнила, сбор ясака не наладила, а царское правительство придавало ему тем большее значение, что с регулярным поступлением ясака связывался вопрос о закреплении «инородцев» (в данном случае алеутов) в российском подданстве. Сделать это удалось лишь в девяностых годах XVIII века экспедиции Биллингса — Сарычева.

Плавание Синдта и открытие острова Святого Матвея

В 1764 году по распоряжению сибирских властей лейтенант Иван Синдт, спутник Беринга в 1741 году, был назначен начальником секретной экспедиции с заданием произвести опись северо-западного побережья Америки. В том же году он вышел на галиоте «Святая Екатерина» из Охотска, но, по-видимому, начал плавание в Беринговом море не раньше 1765 года. Где он провел первую зиму, неизвестно. На вторую же зимовку, 1766—1767 годов, он остановился у северо-восточного побережья Камчатки, в Укинской губе (у $57^{\circ}50'$ с. ш.).

Весной 1767 года Синдт вывел «Святую Екатерину» в открытое море и лег на северо-восточный курс. Не выяснено, достиг ли он северо-западной Америки, то есть совершил ли первое в истории пересечение всей центральной полосы Берингова моря, — его судовой журнал затерян. Известно лишь, что летом 1767 года он прибыл в Нижне-Камчатск, где и оставил нуждавшийся в ремонте галиот, который затем был передан П. К. Креницыну. Не позднее 1768 года Синдт вернулся в Охотск и представил местным властям материалы своей экспедиции.

«Рапорты и карты Синдта были препровождены... в Сенат, откуда они, вероятно, и были получены Академией наук. Здесь все материалы экспедиции были переданы академику Я. Я. Штелину, который опубликовал как карту, так и материалы к ней в 1773 г. ...»*.

Работа Якова Штелина была опубликована в 1774 году и за границей (в Штутгарте) на немецком языке под заглавием

* «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке», М., 1943.

«Открытое русскими в 1765, 1766 и 1767 годах Северное море-архипелаг». Отзывы были противоречивые в XVIII веке и, как правило, отрицательные в XIX веке. Вот какую оценку карты Синдта дал американский историк Джордж Банкрофт: «вероятно, наиболее нелепый образец мнимой географии». И это далеко не самая резкая характеристика.

Действительно, на этой карте в северной и центральной частях Берингова моря показан был целый архипелаг. Однако не все новые острова, нанесенные на карту Синдтом, были им вымышлены. Он открыл за 60-й параллелью реально существующий маленький архипелаг — *острова Святого Матвея* и дал ему это название. Руководствуясь его «нелепой» картой, переизданной и в Англии в 1774 году, третья кругосветная экспедиция Джемса Кука вторично открыла острова Святого Матвея (1779 г.) и, имея в своем распоряжении хронометры (которых у Синдта, конечно, не было), довольно точно установила географическое положение одноименного главного острова. Руководствуясь обеими картами, русская экспедиция Биллингса — Сарычева в середине 1791 года завершила открытие островов Святого Матвея.

Через месяц, находясь у острова Святого Лаврентия, Гавриил Андреевич Сарычев невольно вспомнил о Синдте, которого уже тогда, по-видимому, начали упрекать в заведомо лживых сообщениях, и сделал запись, реабилитирующую его: «Когда мы, первый раз проходя сей остров [Святого Лаврентия], стояли на якоре у оною, тогда видели в тумане два островка, которые должны быть не что иное, как туман, потому что ныне нарочно подошел я к тому месту довольно близко, однако и при самой ясной погоде ничего не видал. Из числа найденных здесь лейтенантом Синдтом островов надобно думать, что несколько было сим подобных. Да и капитан Кук, может быть, также ошибся и почел туман за острова: назначенных им на карте Андерсонова острова и другого, лежащего севернее [Святого Лаврентия], мы не нашли, хотя и были в ясную погоду на тех самых местах».

Глава 27

ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКОЙ АМЕРИКИ В XVIII ВЕКЕ.

Шелехов и начало колонизации Русской Америки

Фактическое присоединение Алеутских островов и всей Аляски к российским владениям было делом Григория Шелехова и Александра Баранова, основателей Русской Америки.

Григорий Иванович Шелехов (или Шелихов) в 1773 году в 25-летнем возрасте переехал из Рыльского (Курской области), где имел небольшое торговое дело, в Иркутск. В 1773—

1755 годах он состоял на службе у богатого купца Ивана Голикова, перебрался в Охотск, с этого времени в компании с Голиковым и другими купцами организовал на широких началах пушной и зверобойный промысел в северо-восточной Азии, на островах северной части Тихого океана и на Аляске. Свою промысловую деятельность Шелехов связывал с исследовательской работой и организацией постоянных русских поселений.

Зиму 1783/84 года Шелехов, направлявшийся с семьей в Русскую Америку, провел на острове Беринга.

В середине июня 1784 года галиот, на котором находился Шелехов, «Три Святителя» под командой подштурмана Герасима Александровича Измайлова и галиот «Симеон Богоприимец» под командой штурманского ученика Дмитрия Ивановича Бочарова оставили остров Беринга и легли на восточный курс.

3 августа они подошли к острову Кадьяк; Шелехов избрал его местом организации первого постоянного русского поселения в Америке.

Кадьяк — местное название Кыхтак — был населен племенем тихоокеанских эскимосов, которых русские называли конягами (самоназвание — канягмюты) *.

Высадившись на берег, Шелехов решил овладеть скалой, где собирались коняги. Со всеми своими людьми (130 человек), взяв пушки, он подступил к эскимосской «крепости». После кровопролитной стычки люди Шелехова «... взяли в плен более тысячи человек, а прочие, коих, конечно, не меньше двух тысяч было, разбежались».

Среди русских убитых не было; раненных «жестоко, но не смертельно» было пятеро. Тысяча пленных — это для 130 людей Шелехова было, конечно, слишком много, и он отпустил на волю 600 коняг, а 400 привел в свою гавань. Одного из них Шелехов поставил начальником над остальными. Он снабдил пленных байдарами и орудиями лова, разрешил им жить в 15 верстах от гавани, как они просили, взяв «в залог верности» двадцать аманатов-мальчиков. «Продолжение времени показало их верными союзниками...»

Для себя и своих людей Шелехов распорядился построить домики и «сделать плетневую крепость». Островитяне продолжали тревожить русских, «делая покушения» то на их жилища, то на байдары, посылаемые для описи берегов. Чтобы показать им свою силу, Шелехов, собрав мирных коняг, на их глазах произвел взрыв скалы. После этого никаких «покушений» больше не было.

* Позднее Григорий Иванович в своей «Записке Шелехова странствования его в Восточном море», составленной в 1787 году, дал первое возвращенное описание их внешности и быта.

Для эскимосских мальчиков Шелехов организовал школу русской грамоты. «Должно отдать народу сему справедливость в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки...» Позднее из таких школ вышел ряд выдающихся исследователей берегов и внутренних областей северо-западной Америки.

Постоянное поселение, основанное Шелеховым на Кадьяке, было в течение двадцати лет центром *Русской Америки*. За два года, которые Шелехов провел на острове (1784—1786 гг.), он организовал еще несколько поселений на северо-западных берегах залива Аляска и посылал на байдарках отряды исследовать северный берег залива и прилегающие к нему районы.

Шелехов развил очень большую предпринимательскую деятельность, а на основе созданной им купеческой компании в 1798 году была организована *Российско-американская компания*.

Русские мореходы на службе Шелехова

В первое время ближайшим помощником Шелехова был Евстрат Иванович Деларов (впоследствии один из директоров *Российско-американской компании*). В 1786 году он плавал на байдарках от Кадьяка к Алеутским островам; следующие четыре года был правителем американских факторий компании Шелехова с центром на Кадьяке. Деларов организовал несколько промысловых и исследовательских экспедиций и лично плавал, командуя различными компанейскими судами, в заливе Аляска и к Алеутским островам. Одна из небольших групп Алеутской цепи, расположенная между Андреяновскими и Крысьими островами, названа его именем — *острова Деларова*.

Шелехов и Деларов прекрасно использовали для расширения своего дела русских обученных мореходов-штурманов и даже кормщиков-промышленников без специального образования. Ряд компанейских мореходов прославились своими открытиями и дальнейшими исследованиями *Русской Америки*; имена многих из них сохранились на картах Аляски и Берингова моря.

Подштурман Гавриил Логинович Прибылов, состоявший на службе компании купцов Лебедева-Ласточкина и Шелехова, командовал компанейским судном «Святой Георгий» и плавал для промыслов между Алеутскими островами и вдоль обоих берегов полуострова Аляска. В 1788 году, в поисках новых промысловых угодий, Прибылов плавал в Беринговом море на северо-запад от Уналашки и открыл у 57° с.ш. «два острова небольших, от которых и еще видны острова». Первые два морехода назвал в честь своего и другого компанейского судна островами Святого Георгия и Святого Павла. В 1789 году Шелехов

назвал весь небольшой архипелаг *Прибыловскими островами*. Прибылов исключительно удачно промыслял там до 1790 года. В девяностых годах он плавал для промыслов в заливе Аляска, доходя до островов Королевы Шарлотты. В 1795 году он доставил по заданию А. А. Баранова в залив Якутат первую партию русских переселенцев.

Подштурманы Герасим Алексеевич Измайлов и Дмитрий Иванович Бочаров в 1788 году на галиоте «Три Святителя», принадлежащем Г. И. Шелехову, завершили открытие северного материкового залива Аляска от *полуострова Кенай* до бухты *Литуя* ($137^{\circ}30'$ з.д.), в частности открыли *залив Якутат*. Они составили подробный отчет о своем плавании с описанием быта коренного населения (впервые опубликован в 1792 г.). В 1789 году Измайлов описал юго-восточный берег полуострова Кенай, а в 1792—1793 годах плавал по заданиям Шелехова в северной части Тихого океана, искал землю к югу от залива Аляска.

За год до этого Бочаров, перезимовавший на Уналашке с Барановым, на двух байдарках перешел в залив Бристоль Берингова моря и закончил открытие северного берега полуострова Аляски, начатое Креницыным и Левашовым. Затем он пересек полуостров у его основания, открыв при этом большое озеро *Бочарова* (около 1200 кв. км) и наиболее короткий и удобный путь между заливом Бристоль и проливом Шелехова (между Аляской и островом Кадьяк); путь этот пролегал через *реку Эгизик*, озеро Бочарова и седловину в северо-восточной части *Алеутского хребта*.

Плавание Биллингса и Сарычева в американских водах

В последней четверти XVIII века русское правительство, обеспокоенное активностью иностранцев, особенно англичан, в северной части Тихого океана, отправило туда в 1785 году «Северо-восточную секретную географическую и астрономическую экспедицию». Как это ни странно, начальником ее был назначен англичанин, и притом ничем не замечательный — Джозеф (на русской службе Иосиф Иосифович) Биллингс, — только потому, что он ранее участвовал в третьей кругосветной экспедиции Джемса Кука, выполняя работу помощника астронома. Удачей Биллингса было то, что он пригласил 22-летнего лейтенанта Гавриила Андреевича Сарычева, чьи талантливые труды принесли славу всей экспедиции.

Потерпев в 1787 году неудачу в попытке пройти от Колымы через Чукотское море и Берингов пролив в Тихий океан, Биллингс и Сарычев сухим путем добрались до Охотска, где в это время для их экспедиции строились два корабля. Осенью 1789 года на новопостроенном корабле «Слава России» они пере-

шли из Охотска в Петропавловск. Во время перехода корабль отклонился от курса (из-за крепкого восточного ветра), и благодаря этому был открыт необитаемый небольшой скалистый остров Святого Ионы.

9 мая 1790 года Биллингс вышел из Авачинской губы на восток на корабле «Слава России», с тем чтобы согласно предписанию «идти к Ближним Алеутским островам и продолжать плавание к Америке вдоль гряды оных, описывая и полагая их на карты». Но из-за беспрестанных туманов решено было «не тратить напрасно времени на осмотр Ближних островов, а продолжать путь далее к Америке, придерживаясь, сколько можно, южной стороны Алеутских островов и осматривая из них только те, которых туман не воспрепятствует видеть».

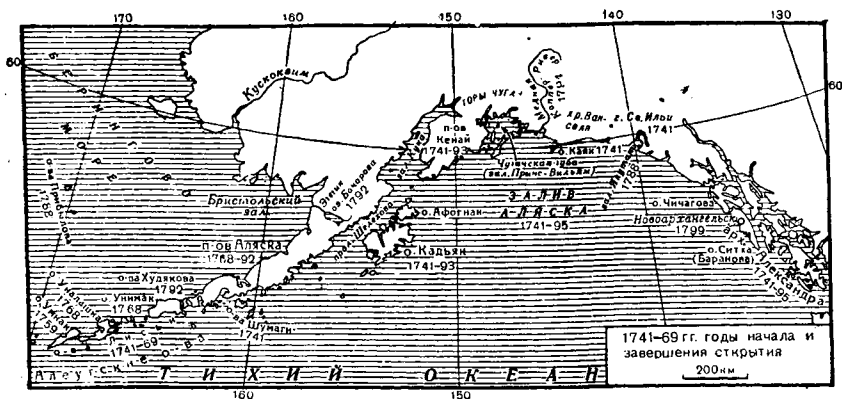
«Слава России» последовательно обогнула с юга острова Крысьи, Андреяновские, Четырехсопочные, Умнак и Уналашку и 3 июня вошла в Бобровый залив у восточного берега Уналашки. 14 июня «Слава России» двинулась в дальнейший путь в северо-восточном направлении, не теряя по возможности из виду землю, и 28 июня подошла к южному берегу острова Кадьяк. Здесь корабль стал на якорь в гавани *Трех Святителей*, у поселка, недавно построенного Шелеховым.

Простояв в гавани до 6 июля, «Слава России» шла два дня на север мимо восточных берегов Кадьяка и Афогнака к заливу Кука, который русские, открывшие его, называли *Кенайской губой*. Корабль был уже у юго-восточного входа в этот залив, когда наступила ночь. «Потом при продолжительных туманах и безветрии течением моря отнесло нас далеко к востоку».

Только через четыре дня, 12 июля, туман рассеялся, и перед моряками открылся юго-восточный гористый берег полуострова Кенай. Но из-за штиля «Слава России» очень медленно продвигалась вперед вдоль американского побережья и только 19 июля стала на якорь в *Чугачской губе* (теперь *Принс-Вильям*), самой северной части залива Аляска, и Сарычев обследовал ее в течение нескольких дней. В конце июля корабль пошел на восток «в параллель берегу, который казался песчаный, низменный, и за оным горы, несколько в отдалении» (южные отроги *гор Чугач и хребта Вакселя*). 3 августа моряки увидели остров Каяк, а за ним гору Святого Ильи.

Запасы провизии на «Славе России» уже истощались, и потому на следующий день Биллингс повернул обратно в Петропавловск.

Летом 1791 года, с 16 мая по 25 июня, Биллингс и Сарычев плавали на «Славе России» через Командорские острова к Уналашке, в основном вдоль северных берегов Алеутской гряды. 8 июля судно оставило Уналашку и пошло на северо-запад через Прибыловы острова к острову Святого Матвея. 14 июля, когда туман рассеялся, моряки увидели его западный берег.

Ход русских открытий и исследований Америки до конца XVIII в.

«Едва миновали мы северо-западную оконечность острова Св. Матвея, как открылся другой остров, лежащий от оной оконечности в СЗ в трех милях. Мы прошли между сими островами на восточную сторону». Позднее новооткрытый остров был назван Холл, а пролив, отделяющий его от главного острова — Святого Матвея, — проливом Сарычева.

Почти неделю после этого «Слава России» в густом тумане медленно шла на север, дрейфовала или стояла на якоре при сильном юго-восточном ветре на мелководье. Корабль в эти дни подвергался большой опасности: моряки слышали шум бурунов, один раз даже наблюдался в трех милях от судна берег, а между тем якорные канаты почти сгнили.

20 июля, когда ветер начал стихать, а туман рассеиваться, за кормой в миле от судна моряки увидели низменный берег; на следующий день они убедились, что находятся близ южного берега острова Святого Лаврентия. Обойдя остров с востока, «Слава России», дождавшись попутного ветра, перешла в северо-восточном направлении к американскому берегу — к юго-западной оконечности полуострова Сьюард у входа в Берингов пролив. Биллингс с несколькими спутниками высадился на сушу (28 июля) «...Они на берегу нашли жителей [эскимосов], которыми приняты ласково, почему и остались там ночевать...»

31 июля «Слава России» находилась у небольшого острова Следж, 1 августа прошла мимо острова Кинг и вступила в Берингов пролив. На следующий день мореплаватели миновали острова Диомиды и затем два дня лавировали в проливе. 4 августа судно стало на якорь у западного, чукотского берега пролива, в заливе Лаврентия. Здесь Биллингс сдал командование кораблем «Слава России» Сарычеву, а сам отправился сухим путем исследовать Чукотский полуостров.

«Слава России» 29 августа вернулась к Уналашке. Через месяц туда пришло другое русское судно, «Черный орел», командиром которого был назначен Сарычев. Оба корабля остались здесь на зимовку.

В октябре Сарычев послал на байдаре для описи Алеутских островов, лежащих к востоку от Уналашки, геодезиста сержанта Худякова. В начале 1792 года геодезист открыл у северо-западного берега полуострова Аляска небольшой архипелаг — острова Худякова. Вернулся он 21 апреля более чем с полусотней алеутов с восточных Лисьих островов и «мыса» (полуострова) Аляска.

Во второй половине февраля и в марте 1792 года Сарычев с двумя алеутами на трехместной байдарке, несмотря на «ненастные погоды и крепкие ветры», произвел подробную опись западного, наиболее протяженного берега Уналашки, ранее почти не исследованного.

«Во время моего отсутствия, — пишет Сарычев, — цинготная болезнь так усилилась, что почти половина служителей [матросов] заражена была оною. Одиннадцать человек с большого судна и три с малого умерли от сей болезни». В апреле благодаря потреблению свежей рыбы и зелени больные стали поправляться, но были еще так слабы, что только 16 мая оба корабля могли двинуться в обратный путь, в Петропавловск.

Экспедиция Биллингса — Сарычева не сделала крупных открытий, но значительно подвинула вперед исследование Алеутской гряды и островов Берингова моря.

Работы экспедиции Сарычев описал в своих трудах, которые стали образцами описаний для мореплавателей первой половины XIX века и сохраняют свой интерес до настоящего времени. Сарычев позднее выдвинулся как ученый — географ, гидрограф и картограф. В 1826 году он опубликовал «Атлас северной части Восточного океана»*. В 1831 году адмирал Сарычев умер в Петербурге от холеры.

Баранов и исследование Русской Америки в конце XVIII века

После Деларова правителем русских поселений в Америке долгое время был купец Александр Андреевич Баранов, человек властный, крутой, подчас жестокий. Разорившись,

* «Карты Сарычева, помещенные в этом Атласе, были долгое время единственными для северной части Тихого океана не только в России, но и в Англии и в Америке... Зарисовки Алеутских островов, сделанные Сарычевым, стояли на первом месте не только в отечественных лонциях — много рисунков в английской лонции 1940 года взято из сочинений Сарычева» (Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов, стр. 129—130).

он в 1790 году принял приглашение Г. И. Шелехова управлять делами его торговой компании. На компанейском галиоте Баранов перешел из Охотска к Уналашке, у которой во время шторма галиот потерпел крушение; люди спаслись. Перезимовав на Уналашке, моряки построили к весне 1791 года байдары. Баранов на них перешел на Кадык, где в это время находился центр русско-американских поселений.

В 1791—1793 годах Баранов на байдарках обошел весь Кадык, проник в залив Кука, обогнул полуостров Кенай, а его штурманы описали залив Принс-Вильям (русские, как мы знаем, называли его Чугачским) и близлежащие острова. Закончив, таким образом, обследование западной части залива Аляска, Баранов приступил к организации новых поселений в Русской Америке и к разработкам открытых его служащими месторождений каменного угля.

В 1794 году Баранов послал морехода Егора Пуртова во главе большой партии на промыслы к заливу Якутат. Следуя от залива Принс-Вильям на восток вдоль материкового берега Северной Америки, Пуртов, не доходя острова Каяк, открыл усеянную островками губу; мореплаватели, ранее посещавшие северное побережье залива Аляска, не раз проходили мимо этой губы, но не замечали ее, так как с юга она ограждена цепью небольших островов. Обследовав губу и пройдя до ее вершины, Пуртов открыл дельту многоводной реки, текущей с севера. Найдя на ее берегах залежи меди, а у местных жителей медные изделия, русские назвали *реку Медной* (по-английски — *Коппер-Ривер*). В XIX веке, после того как были обследованы все реки южной тихоокеанской полосы территории Аляски, было доказано, что Медная — крупнейшая из всех рек, которые берут начало на южных склонах Аляскинского хребта и впадают в залив Аляска.

В 1795 году Баранов, расширяя район русских поселений, обследовал северный и восточный берега залива Аляска до 56° с.ш., то есть до острова Ситха включительно (теперь — *остров Баранова* в архипелаге Александра). Во время этого обследования он поднял русский флаг на американском материке, на берегу залива Якутат.

Организованная в 1798 году в Петербурге Российско-американская компания назначила Баранова главным правителем Русской Америки. В 1799 году он, командуя отрядом из трех судов, перешел от Кадыка к Ситхе и основал там русский укрепленный Архангельский поселок. Перезимовав в поселке, Баранов в 1800 году вернулся на Кадык.

ПОСЛЕДНИЕ ИСПАНСКИЕ ОТКРЫТИЯ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Причины испанской экспансии во второй половине XVIII века

Американские историки еще в XIX веке правильно рассматривали новый подъем испанской исследовательской и колониальной деятельности в Северной Америке во второй половине XVIII века как ответ на русские достижения на северо-западе Америки. И в наше время американец Джон Бребнер главу 22 своего труда «Исследователи Северной Америки»*, посвященную испанским экспедициям этого периода, так прямо и называет: «Первый ответ русским: Испанская Калифорния». Рассказывая о сильном впечатлении, которое в странах Западной Европы, и в частности в Испании, произвели первые сообщения об открытии северо-западной Америки русской экспедицией Беринга и Чирикова в 1741 году, Бребнер пишет: «Постепенно раздувающийся поток сообщений о деяниях Беринга и Чирикова неся из Петербурга... Новые открытия приняли как бы форму [русской] правительственной заявки [на северо-западную Америку], когда позднейшие экспедиции были описаны в третьем томе русской истории Г. Ф. Миллера**, опубликованном в Германии в 1758 году и вскоре переведенном на другие языки...» Однако внимание испанского правительства было тогда отвлечено Семилетней войной, в которой Испания участвовала как союзник Франции против Англии. Война велась и в колониальных владениях европейских держав, в частности в Северной Америке. По Парижскому мирному договору 1763 года, Франция вынуждена была уступить Англии всю Канаду и Восточную Луизиану, то есть гигантскую внутреннюю полосу Северной Америки от Аппалачских гор до Миссисипи и от Великих озер до низовьев Миссисипи. Дельта Миссисипи с центром в Новом Орлеане и Западная Луизиана — правобережье Миссисипи — оставались, по Парижскому договору, французскими владениями. Но Франция в то время так мало дорожила ими, что, как мы знаем, еще до заключения мира, 3 ноября 1762 года тайно уступила Испании Западную Луизиану с дельтой Миссисипи.

Таким образом, вся известная часть материка Северной Америки после Семилетней войны была формально разделена между

* 2-е изд., Нью-Йорк, 1955.

** Речь идет об издававшемся на немецком языке многотомном сборнике работ русского академика Миллера под общим названием «Собрание российских историй». В третий том этого сборника (вып. 1—3, 1758 г.) вошел труд, который в русском переводе Миллер назвал «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с российской стороны учиненных».

Англией и Испанией. Но Российская империя могла по праву первого открытия занять северо-западную Америку и начать оттуда продвижение на юг, что действительно и произошло в последней четверти XVIII и первой четверти XIX века. С другой стороны, Испания боялась и Англии, которая могла продвигаться со стороны Канады к Тихому океану, а оттуда — на юг, к не освоенным еще континентальным испанским владениям.

Так как угроза опасного для испанских владений наступления русских или англичан ожидалась со стороны Тихого океана, то внимание испанского правительства и его колониальных чиновников было обращено в первую очередь на исследование и освоение пограничной с Мексикой тихоокеанской области — Верхней Калифорнии. Поручено это было Хосе Гальвесу, назначенному в 1765 году на должность виситадора (правительственного инспектора) Новой Мексики*.

Экспедиции, организованные Гальвесом: исследование приморской полосы Верхней Калифорнии

Из-за восстания некоторых пограничных индейских племен Гальвес только через четыре года после назначения на пост виситадора мог приступить к организации разведывательных приморских экспедиций. Базой он поневоле выбрал миссии в полуостровной Нижней Калифорнии, расположенные севернее 30-й параллели. Эти миссии основывались и управлялись в XVIII веке иезуитами до их изгнания из Испании и ее колониальных владений (1767 г.). Иезуитские миссии были переданы в управление францисканцам, которые занялись исследованиями Новой Мексики и пограничных с нею областей Северной Америки — Верхней Калифорнии и Нагорья.

В 1769 году Гальвес отправил пять экспедиций, которые должны были подготовить почву для колонизации калифорнийского побережья с помощью миссий, — три морские и две сухопутные. Ближайшей целью Гальвеса было обеспечить испанский контроль хотя бы над южным участком побережья Верхней Калифорнии.

Первым в конце марта 1769 года выступил сухопутный отряд, состоявший главным образом из крещеных индейцев, под командой Эрнандо Риверы. Отряд этот по распоряжению Гальвеса перегнал скот с пастбищ северной полосы Нижней Калифорнии к бухте Сан-Диего, где францисканцы собирались организовать миссию. В этой экспедиции участвовал патер Хуан Креспи; он составил живое описание почти двухмесяч-

* Так испанцы называли североамериканские пограничные области Новой Испании (собственно Мексики).

ного похода через район, который характеризовал как «подножие [полуострова] Калифорнии, страну бесплодную и сухую, без травы и без воды, изобилующую камнями и колючками...»*, то есть кактусами. К счастью, был дождливый сезон, и ни люди, ни скот не страдали от жажды. В бухте Сан-Диего сухопутный отряд, в котором не было ни одного больного, встретил присланные ему на подмогу из Новой Испании два судна, где три четверти людей умерли в пути от цинги.

В начале июля к бухте Сан-Диего подошел второй сухопутный отряд под начальством Гаспара Портолы. Этот отряд в пути уже очень страдал от жажды и голода; испанцы, правда, «все пришли в добром здоровье» (Креспи), но Портола сообщал, что часть индейцев, находившихся в отряде, умерла, а остальные дезертировали из-за недостатка пищи. «И я остался,— жаловался Портола,— один со своими кирасирами, и мы, стесная, без остановки шли дальше, то сворачивая в горы, чтобы настрелять гусей и кроликов, то отходя на взморье, чтобы собрать там моллюсков и мелкой рыбешки, то в поисках воды».

В середине июля Портола выступил дальше на северо-запад вдоль тихоокеанского побережья, чтобы там разыскать удобную гавань. С ним была «небольшая группа людей, или, вернее, скелетов, из числа тех, кого пощадили цинга, голод и жажда». Через восемьдесят дней тяжелого пути по пересеченной уступами горной стране (южный участок Береговых хребтов Калифорнии) отряд Портолы вышел у 37° с.ш. к берегу залива Монтерей, где должен был построить крепость и содействовать организации миссии. Монтерей уже не раз посещался испанскими моряками и описывался ими как хорошая гавань. Но открытый ветрам залив, к которому подошел испанский отряд, не давал на самом деле надежного убежища для судов, и Портола, посоветовавшись со своими офицерами, решил продолжать путь дальше на север, чтобы отыскать «подлинный» Монтерей.

Через несколько дней после того как испанцы отошли в северном направлении от «мнимого» Монтерея, они открыли (21 октября 1769 г.) со стороны суши — редкий случай в истории — великолепный залив, позднее названный Сан-Франциско, лучшую гавань на всем тихоокеанском побережье Северной и Южной Америки. Двумя небольшими гористыми полуостровами залив Сан-Франциско надежно огражден от океана, а пролив между ними (*Золотые Ворота*) так узок, что его ни разу ранее не заметили сотни проходивших мимо судов, даже те из них, которые вынуждены были останавливаться у этого берега (в то время они пользовались маленьким, открытым к югу заливом Дрейка, у 38° с. ш.).

* Цитаты здесь и ниже даны по Д. Бребнеру, который использовал многотомные американские издания отчетов, дневников и писем участников испанских экспедиций второй половины XVIII века.

Десять дней испанцы исследовали новый залив, и за это время обошли далеко не все его побережье, в частности не были в его северной части, поэтому предположили, что перед ними, возможно, пролив. Но и сделанного было достаточно, чтобы убедиться, что это не Монтерей. Испанцы были огорчены, повернули обратно. Портола снова провел несколько дней возле залива Монтерей, не зная этого, и, «так и не найдя гавани Монтерей», вернулся к бухте Сан-Диего 21 января 1770 года.

В пути люди отряда Портолы съели всех своих мулов. Впрочем, ни один из испанцев отряда Портолы не погиб, а о численности погибших индейцев он ничего не сообщает.

Капитан пришедшего вскоре в Сан-Диего вспомогательного судна, Хуан Перес, очень опытный мореход, прекрасно знавший тихоокеанское побережье, все-таки убедил Портолу, что тот дважды — на пути туда и обратно — посещал «подлинную гавань Монтерей». И Портола еще раз, летом 1770 года, провел туда отряд и построил там крепость, «чтобы завладеть, — по его словам, — гаванью и защитить ее от жестокости русских, которые собираются вторгнуться в наши владения».

Испанские морские экспедиции 1774 — 1775 годов

Капитан Хуан Перес, выполнявший в течение нескольких лет второстепенные поручения Гальвеса, в 1774 году получил правительственное задание произвести разведку тихоокеанского побережья до 60-й параллели северной широты (то есть до высшей широты, достигнутой Берингом в 1741 г.) и разузнать, что делают русские в открытой ими части Северной Америки. Пересу предложено было руководствоваться морскими картами, составленными «на основе последних русских открытий». Возможно, что в поле зрения испанского правительства попали не только карты второй экспедиции Беринга — Чирикова (тогда они уже не составляли секрета), но и некоторые «совершенно секретные» карты и донесения русских промышленников и сибирских властей о ходе открытия Алеутских островов.

Перес не был в состоянии дойти до 60-й параллели: он с трудом достиг только 55° с. ш., причем прошел мимо того водного пространства, которое теперь называется *проливом Диксон-Энтрэнс* (между 54°10' и 54°40' с. ш.). Если Перес его видел, то, вероятнее всего, счел за залив: открытый пролив на такой широте неизбежно в то время рассматривался бы как начальный участок Северо-западного прохода, ведущего из Тихого в Атлантический океан, и Перес обязательно сообщил бы все подробности этого великого открытия. Но он несомненно положил начало другому крупному открытию: первым увидел и нанес на карту часть *островов Королевы Шарлотты*. И Перес был первым европейцем, несомненно проведшим свое судно вдоль тихоокеан-

ского побережья Америки от тропической полосы до 48° с.ш., и первым европейцем, плававшим вдоль американского берега между 48° и 55° с.ш.

Русских на таких широтах Перес нигде не встретил.

Так как Хуан Перес вернулся, не выполнив основного задания, то в следующем, 1775 году, из Новой Испании на север были посланы по крайней мере три судна. Одно из них дошло до залива Сан-Франциско, вошло в залив через «Золотые Ворота» и частично обследовало его.

Другое судно под командой Бруно Эсеты продвинулось только до 49° с.ш.; зато Эсета усмотрел за 46° с.ш. устье большой реки (Колумбии), еще неизвестной европейцам. По-видимому, испанцы тогда либо не обратили внимание на это крупное открытие, либо засекретили его так основательно, что устье этой реки пришлось открывать вторично (см. ниже о плавании американца Роберта Грея, стр. 261—262).

Третьим судном командовал капитан Хуан Франсиско Бodega-и-Куадра. Он продвинулся вдоль тихоокеанского берега Америки до 58° с. ш., то есть на три градуса севернее, чем Хуан Перес. Но на этом последнем участке пути Бodega шел вдоль побережья, уже открытого Чириковым в 1741 году. И он также нигде не видел ни русских судов, ни русских поселений. Позднее Bodega-и-Куадра принял активное участие в открытиях, обычно связываемых только с одним именем — английского мореплавателя Джорджа Ванкувера.

Походы Ансы и начало колонизации района Сан-Франциско

Не чувствуя себя сильными на море, испанские колоннальные власти приступили к налаживанию сухопутной связи с Монтереем со стороны внутренних областей Новой Мексики. Дело это взял на себя Хуан Баутиста Анса, индеец по происхождению, комендант северной пограничной крепости Тубак, расположенной на реке Санта-Крус (левый приток Хилы, системы Колорадо).

В январе 1774 года Хуан Анса выступил из Тубака и, решаясь идти прямо на север, через пустыню, повел свой отряд сначала на юго-запад. Он прошел по горным долинам рек системы Магдалены — Консепсьон (бассейн Калифорнийского залива) и только дойдя до обращенной к заливу предгорной полосы, повернул на северо-запад, по направлению к Монтерее.

«Вся эта страна,— сообщал Анса,— так суха, что здесь не видно ни тенистых деревьев, ни кустарников, ветви которых годны были бы для навесов». Но от жажды в это время года отряд не страдал: следуя по окраине песчаной пустыни, в предгорной полосе, люди добывали для себя и для скота пресную

воду, роя неглубокие колодцы или пользуясь природными «кувшинами» (по-испански «тинаха» — естественный водоем).

Переправившись через нижнее Колорадо близ устья Хилы, отряд Ансы прошел в северо-западном направлении мимо огромного пространства, покрытого солончаками (озеро Солтон-Си, в то время сухое). Следуя далее по предгорной полосе — к востоку и северу поднимались высокие горы с вершинами 2500—3500 м,— отряд в конце марта 1774 года вышел у 34° с.ш. к океану — к миссии Сан-Габриэль (ячейка будущего города Лос-Анжелес).

Не выяснено, там ли, или по возвращении на юг, в крепости Тубак, Анса собрал точные сведения о заливе Сан-Франциско. Вероятно, большую роль в том, что побережье этого залива было избрано для новой колонизации, сыграли восторженные отзывы о нем монаха Хуана Креси, «оставшегося при особом мнении» участника похода Портолы. В 1775 году Анса выступил из Тубака в новый поход, сопровождая большую группу колонистов (около 150 человек). До Сан-Габриэля он шел путем, разведанным им лично в 1774 году, а далее, на северо-запад вдоль побережья путем, разведанным в 1769 году Портолой. Анса миновал Монтерей, подошел к побережью залива Сан-Франциско и основал там с помощью монахов-францисканцев новую миссию, ячейку будущего «Фриско» Соединенных Штатов Америки. Сан-Франциско был крайним северо-западным пунктом испанской колонизации Северной Америки.

Поход Гарсеса

Среди францисканских монахов, прибывших в 1763 году в Новую Мексику на смену изгнанным иезуитам, был Франсиско Гарсес. Несколько лет он «просвещал» индейцев юма, которые жили в то время в речных долинах бассейна нижней Хилы, и поддерживал их против набегов враждебных им и испанцам индейцев апачей, принадлежавших к иной языковой группе. По делам он нередко посещал крепость Тубак, беседовал с ее комендантом. Именно Гарсес, ссылаясь на сведения полученные от индейцев юма, убедил Ансу, что прорезать путь из внутренних областей Новой Испании в Верхнюю Калифорнию, к району Монтерей, вполне возможно и даже не очень трудно.

В 1774 году Гарсес сопровождал отряд Ансы до миссии Сан-Габриэль, в 1775 году начал с ним поход к заливу Сан-Франциско и дошел до низовья Колорадо. Там он остановился на несколько месяцев в селении индейцев мохаве (родственников юма), чтобы собрать у них сведения о бассейне среднего Колорадо. Мохаве дали Гарсесу проводника, и он в середине февраля 1776 года начал поход вверх по Колорадо, вдоль правого берега реки.

Кроме проводника, с Гарсесом был его друг и неизменный спутник в течение нескольких последних лет Севастьян Тараваль (крещеный индеец юма). Через две недели они достигли района оседлых мохаве, куда еще не доходили испанцы. Индейцы указали Гарсесу путь, которым они обычно шли к океану для менового торга с приморскими жителями, и дали ему своих проводников. Этот путь пролегал через пески и солончаки пустыни Мохаве (площадь ее около 30 000 кв. км). Гарсес был первым европейцем, который видел эту пустыню и пересек ее. Затем они шли по долине одной из небольших рек, впадающих в океан. Через двадцать дней после того как Гарсес и Тараваль покинули мохавское селение на Колорадо, они прибыли в Сан-Габриэль.

Торговый путь к океану, которым пользовались индейцы мохаве, был так удобен, что через столетие именно там проложена была ветвь Тихоокеанской железной дороги (Санта-Фе — Лос-Анжелес).

Через две недели путешественники начали поиски внутреннего пути от Сан-Габриэля к Сан-Франциско. Встречные индейцы вывели их горным проходом на небольшую равнину — это была южная часть прославленной позднее Калифорнийской долины. Но Гарсес — первый европеец, видевший эту долину, — прошел по ней на север только несколько десятков километров, (а она тянется на 800 км) и повернул обратно. От калифорнийских индейцев Гарсес слышал о большой реке (Сан-Хоакин, текущей поблизости и впадающей в море, в залив Сан-Франциско) и горько сетовал, что не мог дойти до «западного конца своего нового пути».

На обратном пути Гарсес вторично пересек пустыню Мохаве, но в другой ее полосе.

Всего несколько дней отдыхал Гарсес в мохавском селении на нижнем Колорадо. В начале июня 1776 года он выступил оттуда вместе с группой воинов из племени валапаев; они возвращались домой, на северо-восток, после «визита дружбы» родственным им мохаве. Гарсес присоединился к валапаям, так как узнал, что они живут довольно близко от племени хопи, «пустынных индейцев пуэбло», которыми монах очень интересовался.

Валапаям повели Гарсеса сначала вдоль берега реки Колорадо на север, а затем, не доходя параллели 36° с.ш., повернули на восток. Они пересекали пустынную горную страну, то карабкаясь по стенам крутых обрывов, то осторожно продвигаясь по узким карнизам. Они шли южнее Большого Каньона Колорадо, но иногда приближались к нему. Это грандиозное ущелье (средняя глубина 1500 м) с его отвесными стенами произвело неизгладимое впечатление на Гарсеса. «... Точно горный хребет был искусственно срезан, чтобы дать проход реке Колорадо...» — писал Гарсес.

В конце июня Гарсес переправился через *Малое Колорадо* * в районе Большого Водопада (*Гранд-Фолс*). Теперь он уже находился в стране «пустынных индейцев пуэбло», и воины валапай, враждующие с хопи, отказались следовать с Гарсесом до ближайшего селения. С монахом пошли только старик и мальчик.

Поселок племени хопи, в который вступил Гарсес, назывался Орайбе. Он стоял, по-видимому, на одноименной реке (теперь *Орейби-Уош*), впадающей в дождливый период в Малое Колорадо выше Большого Водопада. В поселке монах, по его словам, «... провел целый день на перекрестке улиц, пока трое крещеных молодых людей из Зуни не собрались с духом и не заговорили с ним.... Местные же индейцы только глазели на него...»

Чувствуя, что вряд ли ему удастся наладить отношения со здешними «упрямыми язычниками», Гарсес просил заговоривших с ним христиан передать письмо настоятелю миссии в Зуни **, на их родине. Приняв письмо, эти благоразумные люди посоветовали монаху уходить поскорее.

Действительно, Гарсесу и его двум спутникам валапаям — старику и мальчику — пришлось ночевать на улице. А наутро «...четверо старейшин во главе всего населения Орайбе вышли к нему и предложили убраться подобру-поздорову. Дрожащий от страха мальчик подвел к нему мула, и старейшины шли за ним через мансовые поля и выгоны, пока не убедились, что он оставил их».

Итак, Гарсес выбрался из селения хопи без вреда для своей жизни и здоровья.

Осенью 1776 года он вернулся в свою миссию и продолжал «просвещать» индейцев юма, а через пять лет был ими убит.

Эскаланте и начало открытия Большого Бассейна

В это время Сильвестре Велес Эскаланте сдавал свою должность настоятеля миссии в районе Зуни другому францисканцу: он получил задание разведать путь к заливу Монтерей от Санта-Фе (в верхнем бассейне Рио-Гранде-дель-Норте). Спутниками его были монах Франсиско Домингес и правительственный топограф; сопровождало их шесть человек — два испанца и четыре метиса и индейца. Отряд выступил из Санта-Фе в конце июля 1776 года. Не выяснено, успел ли полу-

* На наших картах Литл-Колорадо. Это южный приток великой реки, впадающий в нее несколько выше Большого Каньона.

** Зуни (правильнее в испанском звучании Суньи) — район, занятый одноименным племенем, родственным хопи, на реке Зуни, в верховьях Малого Колорадо (теперь на границе штатов Аризона и Нью-Мексико). В этом районе действовала францисканская миссия, настоятелем которой во время путешествия Гарсеса был Сильвестре Эскаланте.

чить Эскаланте письмо от Гарсеса или руководствовался при выборе маршрута только сведениями, собранными у местных индейцев.

Эскаланте перешел на правый берег Рио-Гранде и направился на северо-запад через горную, сильно расчлененную страну. Путь его пролегал, по-видимому, сначала вдоль западных предгорий хребта Сан-Хуан; на севере, у 38-й параллели, отряд перевалил горы и вышел в долину одного из притоков верхнего Колорадо (река Ганнисон).

Местные жители ничего не знали о море, но двое случайно встреченных индейцев сообщили, что живут на западе у какой-то «большой воды» и берутся проводить туда испанцев. Следуя за ними, Эскаланте и его товарищи переправились через реку Колорадо и ее приток Грин-Ривер и шли в северо-западном направлении, пока не добрались «до глубокой впадины в горах», находившейся приблизительно у $39^{\circ}30'$ с. ш., а оттуда очень скоро вышли к «большой воде». Перед испанцами лежало озеро.

Озеро, но какое именно? Пресноводное озеро Юта (менее 500 кв. км)? Его южный конец находится у 40° с.ш.; однако индейцы вряд ли могли назвать его «большой водой», так как по сравнению с Большим Соленым озером*, лежащим всего в 50 км от Юты, оно невелико. Вероятнее предположить, что отряд Эскаланте добрался именно до *Большого Соленого озера*.

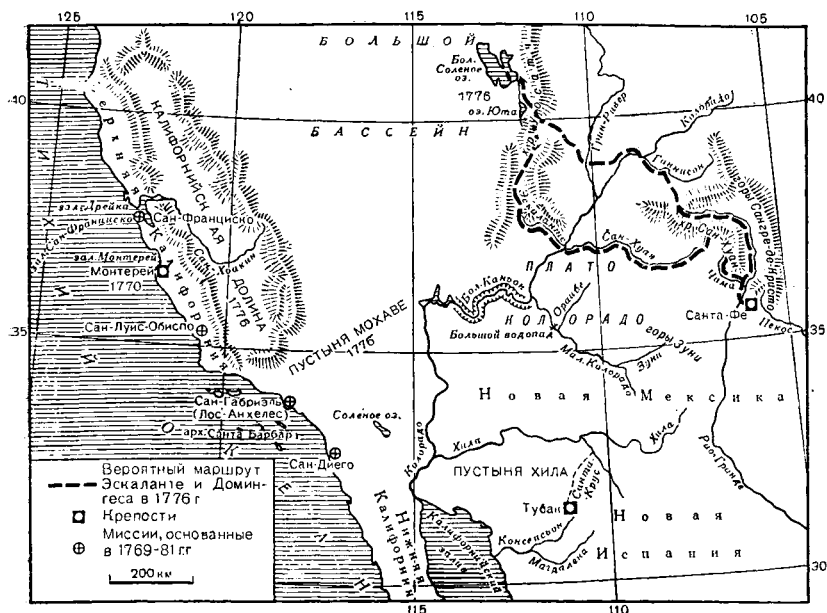
Так или иначе, а горы, которые Эскаланте и Домингес видели, подходя к «большой воде», были именно те, которые американскими исследователями XIX века назывались *хребтом Уосатч* (высшая точка 3660 м, у «перешейка» между озерами). Хребет протягивается в меридиональном направлении вдоль восточных берегов обоих озер и является восточной границей *Большого Бассейна* — огромной (более полуллиона кв. км) бессточной области на юге нагорья Северной Америки.

Итак, Эскаланте и его спутники испанцы были несомненно первыми европейцами, проникшими в Большой Бассейн.

Однако надо было отыскать путь от новооткрытого озера к заливу Монтерей, который, как это твердо знал Эскаланте, находился по крайней мере на три градуса южнее. И путешественники пересекли Большой Бассейн в южном направлении — от озера и почти до Большого Каньона Колорадо, но по совету встречных индейцев не дошли до него.

Была уже осень, и Эскаланте вынужден был отказаться от продвижения на запад, к океану. Повернули на восток, обошли с севера сухие плато, подходящие к Большому Каньону, и переправились через Колорадо близ устья его притока, который на

* Уровень Большого Соленого озера очень изменяется, то повышается, то понижается, из-за чего колеблется и его площадь: по наблюдениям за последнее столетие — от 2900 до 5500 кв. км.

Исследование Верхней Калифорнии и Нагорья во второй половине XVIII в.

наших картах называется *рекой Эскаланте* (приблизительно у 37° с.ш.).

Дальнейший путь пролегал через районы, уже известные испанцам (вероятно, по долинам рек Сан-Хуан и Чама). В Санта-Фе Эскаланте и Домингес вернулись в начале января 1777 года, после пятимесячного отсутствия, пройдя за это время более 2 500 км.

Экспедиция Эскаланте была последним выдающимся событием в истории испанских исследований внутренних областей Северной Америки. Сообщения Эскаланте и Домингеса (первые опубликованные в городе Мехико в 1856 г.) и карта, составленная их безвестным спутником — топографом, тщательно изучались американскими историками XIX—XX веков и признаны вполне добросовестными. Но по этим документам очень трудно составить точное представление о маршрутах экспедиции и о том, какие именно открыты ею горные хребты, реки и, как мы видели, озера.

Дело в том, что оба монаха-путешественника, Эскаланте и Домингес, были, по-видимому, не мастера писать, и отчет об их экспедиции представляет собой в основной своей части «беспорядочный список географических названий, приложение к детальной топографической карте» (Д. Бребнер). В подавляющем

большинстве случаев очень трудно или даже совершенно невозможно догадаться, к каким именно физико-географическим объектам относятся испанские или искаженные индейские названия, перечисляемые в отчете.

Нельзя, впрочем, утверждать, как это делает, например, Д. Бребнер, будто «ни одно позднейшее географическое предприятие не опиралось на их [Эскаланте и Домингеса] открытие». Такой вывод слишком категоричен. Правда, исследование американскими путешественниками горного Дальнего Запада США, в частности Большого Бассейна, было в основном закончено в первой половине XIX века, когда документы экспедиции Эскаланте еще не были опубликованы. Вряд ли, однако, ни один из агентов пушных компаний, пионеров американского исследования Большого Бассейна, в первой четверти XIX века ничего не слышал — если не от испанцев, то от местных индейцев — об испанских миссионерах, несомненно посетивших незадолго до них, в последней четверти XVIII века, восточную приозерную полосу Большого Бассейна, где раньше никогда не ступала нога европейца.

Безразлично, открыла ли экспедиция Эскаланте озеро Юта, или Большое Соленое, или оба озера, во всяком случае именно она в 1776 году положила начало открытию Большого Бассейна. То, что сделали американцы в XIX веке, было лишь продолжением и завершением этого крупнейшего географического исследования.

Глава 29

ДЖЕМС КУК И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ У СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ БЕРЕГОВ АМЕРИКИ

Открытие Джемсом Куком части северо-западного побережья Америки

Величайший английский мореплаватель Д ж е м с К у к впервые посетил северную часть Тихого океана только во время своего третьего, и последнего, кругосветного плавания. В его распоряжении были два корабля; одним из них, «Резольюшен», командовал он сам.

После открытия в январе 1778 года Гавайских островов Кук 2 февраля 1778 года двинулся на северо-восток для поисков Северо-западного прохода или хотя бы входа в него со стороны Тихого океана.

7 марта у 44°30' с.ш. перед англичанами открылся тихоокеанский берег Северной Америки. Эта земля была «умеренной высоты, расчленена холмами и долинами, покрыта лесами». У индейцев приморских районов имелись различные металлические изделия до серебряных столовых ложек включительно. По внеш-

нему виду этих вещей Кук решил, что они испанской выделки, хотя к тому времени туда могли попадать (через ряд посредников индейцев) и французские, и русские изделия.

Отсюда Кук пошел в северном направлении, но туман и противный ветер мешали ему как следует осмотреть берег, который он часто терял из виду, и нанести его на карту. Так шел он до 19 апреля. В этот день корабли вошли в бухту Нутка ($49^{\circ}35'$ с. ш.): она находится у острова Ванкувер, но тогда его считали выступом американского материка.

Из-за поднявшейся бури Кук вынужден был выйти в открытое море, подальше от берега; он направился к северу, пока 21 мая не пристал к земле у 54° с. ш. (вероятно, у острова Грей-ам архипелага Королевы Шарлотты). Продвигаясь дальше на северо-запад, Кук по крайней мере еще четыре раза подходил близко к суше — архипелагу Александра и материку, пока не зашел за 60-ю параллель. Он думал, что это «конец земли», но потом оказалось, что берег поворачивает дальше на юго-запад: Кук был у самого северного участка широко открытого к югу залива Аляска, уже известного русским мореплавателям.

1 июня Кук открыл извилистый залив, который принял за реку, и назвал ее Тернаген, но позднее лорд Сандвич (первый лорд Адмиралтейства) приказал переименовать залив в «Реку Кука». На современных картах название *Тернаген-Арм* сохранилось только за узкой и извилистой вершиной залива Кука между полуостровом Кенай и материком. 2 июня, когда рассеялся туман, Кук увидел в этом районе, у 60° с. ш., вулкан (*Илиamna*, 3074 м).

19 июня 1778 года Кук встретился у побережья Аляски с русским промышленником Потапом Зайковым, который не делал секрета из того, что он знал об этом побережье и прилегающих островах. От Зайкова Кук получил много полезных для себя сведений.

Следуя в юго-западном направлении вдоль берега узкого и длинного полуострова Аляска, Кук высаживался на остров Кадьяк, через Лисьи острова прошел в Берингово море и, огыскивая желанный северный проход из Тихого в Атлантический океан, двинулся в северо-восточном направлении.

Кук первый нанес на карту и дал имя *Бристольскому заливу* (юго-восточная часть Берингова моря), где, впрочем, до него плавали русские. Северное его побережье было осмотрено Куком слишком бегло, и позднее русские открыли там несколько небольших заливов и значительный остров (Гагемейстера). Но северо-западную точку Бристольского залива Кук определил верно и дал ей название — *мыс Ньюэнем*. Пройдя дальше в западном направлении с уклоном к северу, Кук достиг острова Святого Матвея, а оттуда перешел к острову Святого Лаврентия; оба, как мы знаем, были ранее открыты русскими.

В конце августа 1778 года у $69^{\circ}36'$ с. ш. Кук попал в тяжелые льды, которые совершенно остановили его у $70^{\circ}20'$ с.ш. и $161^{\circ}50'$ з. д., у мыса, названного им Ледяным (*Айси-Кейп*). Тогда он вернулся в Берингово море.

На 64-й параллели у американского берега открылся обширный залив, названный им *Нортон*. К южному берегу этого залива корабли Кука не смогли подойти из-за отмелей, вода там была мутная, грунт иловатый, и из этого Кук сделал правильное заключение, что здесь в залив впадает очень большая река (Юкон).

От залива Нортон Кук пошел к Уналашке (3 сентября), где опять встретился с русскими, которые дали ему ценные сведения о северной части Тихого океана и показывали рукописные карты. От Уналашки Кук пошел прямо на юг, к Сандвичевым (Гавайским) островам, где и погиб 14 февраля 1779 года *.

Лаперуз у тихоокеанского побережья Северной Америки

В восьмидесятых годах XVIII века французское правительство приступило к организации морской экспедиции; основной ее задачей было исследование и по возможности захват новых земель — тихоокеанских стран или островов Океании, взамен утерянных Францией колониальных владений в Северной Америке и в Индии. В 1785 году снаряжены были два военных корабля — фрегаты «Буссоль» и «Астролябия» с экипажем в 223 человека под общим начальством Жана Франсуа Лаперуза. Это был опытный военный моряк, плававший с 1764 года. Для научно-исследовательской работы он взял с собой несколько ученых различных специальностей.

Обогнув мыс Горн и вступив в феврале 1786 года в Тихий океан, Лаперуз прошел вдоль побережья Чили до 37° ю. ш., повернул к острову Пасхи, а оттуда к Гавайским островам. В конце июня 1786 года фрегаты перешли к северному берегу залива Аляска, где раньше побывал Джеймс Кук. Лаперуз решил обследовать тихоокеанское побережье Северной Америки от залива Аляска в южном направлении. Он справедливо полагал, что ни испанцы, ни Кук не обследовали сколько-нибудь удовлетворительно длинный участок побережья между 37 и 60° с. ш. от залива Монтерей у Верхней Калифорнии до залива Айси-Бей, открытого Куком.

Совершив обход тихоокеанского побережья Америки, простирающегося между этими заливами, Лаперуз пришел к правильному, очень важному географическому выводу, что в пятидесятих широтах против материкового берега расположен целый

* Корабли Кука завершили кругосветное плавание через полтора года под командованием его помощника Джона Гора.

архипелаг (теперь выделяют даже два архипелага — Александра и Королевы Шарлотты). Однако детального осмотра этого побережья Лаперуз не произвел, и от Калифорнии направился к Филиппинам. Важнейшие открытия на этом участке сделаны русскими задолго до Лаперуза (в 1741 г.), а также англичанами и испанцами.

Первое американское кругосветное плавание и открытие устья реки Колумбии

После войны за независимость Северной Америки бостонские купцы взяли в свои руки снабжение США чаем, ранее доставлявшимся, как и другие китайские товары, английской Ост-Индской компанией. В то же время открылись большие возможности дешевой заготовки на Американском Западе, в обмен на бостонские товары, некоторых видов пушнины, особенно ценных в Китае. И вот компания бостонских купцов организовала в 1787 году морскую экспедицию на запад за мехами на двух судах: «Колумбия» (212 тонн) и «Леди Вашингтон», капитанами которых были соответственно Джон Кендрик и Роберт Грей. Экспедиция обогнула мыс Горн и, поднявшись на север вдоль тихоокеанского берега Америки, в сентябре 1788 года достигла бухты Нутка. Заготовив много пушнины, американцы решили отправить «Колумбию», теперь уже под командованием Роберта Грея, в Китай, а «Леди Вашингтон» под командованием Джона Кендрика оставить на месте.

Грей пересек Тихий океан в западном направлении: перешел от бухты Нутка к Гавайским островам, а оттуда в Южный Китай — в Кантон. Там он продал пушнину, купил груз чая и вернулся на родину в августе 1790 года вокруг мыса Доброй Надежды, завершив, таким образом, первое кругосветное плавание на корабле под флагом США.

Финансовый успех экспедиции был, по-видимому, невелик, а некоторые источники говорят даже, будто организаторы экспедиции понесли убытки. Так или иначе, но всего лишь через месяц после возвращения в Бостон Грей был снова послан на «Колумбию» для заготовки пушнины. К лету 1791 года он, вторично обогнув мыс Горн, достиг Нутки, зимовал в этом районе, построил во время зимовки небольшое судно и отправил его в апреле 1792 года к берегам залива Аляска на заготовку пушнины.

Сам Грей на «Колумбии» пошел тогда же вдоль американского берега на юг — по-видимому, имея на то специальное задание. Близ 46° с. ш. он увидел линию белых бурунов. Правильно предположив, что за бурунами должна быть большая река, Грей пытался подойти ближе к берегу, но не мог сделать этого из-за противного ветра и течения. Возможно, он знал,

так как встречался с испанскими моряками, что именно в этом районе испанец Бруно Эсета открыл в 1775 году устье большой реки.

Потеряв напрасно больше недели, Грей вернулся, но мысль о реке не оставляла его. В начале мая он возобновил поиски реки, начиная от 47° с. ш. На этой параллели он открыл небольшой залив, позднее названный его именем (Грейс-Харбор), а у 46°15' с. ш. нашел, наконец, устье большой реки и, пройдя по ней 40 км от моря, убедился, что она доступна для морских судов. Он назвал ее *Колумбией* в честь своего корабля. В устье реки он водрузил флаг США: это была первая заявка США на ту территорию Американского Запада, которая в первой четверти XIX века стала называться Орегоном. (Позднее, после формального присоединения этой территории к США, она была поделена между двумя штатами: Орегон, к югу от нижней Колумбии, и Вашингтон, к северу от нее.)

Экспедиция Ванкувера

Когда Британское Адмиралтейство послало Джорджа Ванкувера с основным заданием обследовать тихоокеанское побережье Северной Америки между 30 и 60° с. ш., этот моряк уже дважды обогнул земной шар, участвуя во второй и третьей экспедициях Джеймса Кука, следовательно, плавал уже во всех зонах Мирового океана — в тропической, в обеих умеренных, в антарктической и арктической. В его распоряжение были предоставлены два корабля; одним из них, «Дисковери», он командовал лично.

Обогнув мыс Доброй Надежды, Ванкувер в сентябре 1791 года пристал к юго-западному побережью «Новой Голландии» (Австралии) и поднял английский флаг на берегу бухты Кинг-Джордж, сделав, таким образом, официальную заявку на Западную Австралию.

От Австралии Ванкувер перешел к Новой Зеландии, затем к Таити и Гавайским островам. Только в середине апреля 1792 года он подошел к американскому берегу и приступил к выполнению основного задания. В течение трех лет он заснял побережье от 39°20' до 60° с. ш., и так основательно, что заслужил похвалы моряков всех наций, в том числе Василия Михайловича Головнина.

В своей работе Ванкувер широко использовал указания русских промышленников и мореходов, которых он встречал на берегах залива Аляска. Но в его распоряжении были и другие русские материалы, а также копии русских (часто засекреченных) карт, добытые Британским Адмиралтейством с помощью тайных агентов или знатных британцев, близких ко двору императрицы Екатерины II (например, ее лейб-медика, шотландца

Роджерсона). Использовал Ванкувер также испанские материалы и непосредственные указания такого опытного испанского моряка, как Хуан Бодега-и-Куадра, почти двадцать лет плававшего в этих водах.

Конечно, и в этой тщательной работе экспедиции Ванкувера имелись пробелы, и даже значительные. Это доказали позднейшие работы русских моряков, открывших несколько островов, проливов, бухт, рек тихоокеанского побережья Северной Америки на участке, заснятом британской экспедицией. Это и вполне понятно, если принять во внимание чрезвычайную изрезанность западной береговой линии Америки к северу от 48° с. ш. Но наиболее крупный пробел в работе Ванкувера отмечен как раз на том, более южном участке, который характеризуется исключительно слабым развитием береговой линии: следуя на север, за 43-й параллелью, откуда почти прямолинейный берег тянется в меридиональном направлении, англичане заметили приблизительно у 46° белую линию бурунов, но не исследовали причину этого явления. А через несколько недель американец Роберт Грей, как мы уже сообщали, нашел именно за этими бурунами устье реки Колумбии.

Корабли Ванкувера вошли в пролив *Хуан-де-Фука* и исследовали его со всеми разветвлениями, глубоко вдающимися в сушу длинными и узкими заливами и многочисленными островами. Никакого прохода на восток, к Атлантическому океану, там, конечно, не было. Самый большой южный залив исследован был под руководством П. Пьюджета, одного из офицеров, подчиненных Ванкуверу, и назван *Пьюджет-Саунд*.

Об огромной работе, проведенной гидрографической группой Пьюджета, можно судить по характеристике залива, данной знаменитым французским географом Элизе Реклю: «...Пьюджет-Саунд представляет собой лабиринт проходов, проливов, бухт, бухточек и лиманов. Исчисляют в 3200 километров развернутую длину путей, которыми могут следовать большие суда в этом разветвленном средиземном море, вдающемся на 130 км по прямой линии внутрь материка... Многочисленные острова, покрытые лесом, замаскировывают бухты и усеивают проливы; большой полуостров, держащийся на тоненькой ножке шириной около 2 км, занимает почти половину залива, оставляя лишь узкие, извилистые проходы между своими берегами и берегами континента. Полуостров этот, выдвинутый в северном направлении, продолжается при входе в залив большим островом *Уид-би**, отделенным узкими проходами от архипелага Сан-Хуан...»

В проливе *Хуан-де-Фука*, открытие которого часто неправильно приписывают Ванкуверу, он встретил испанскую гидрографическую экспедицию под начальством Хуана Бодега-и-

* Назван так в честь офицера, спутника Ванкувера.

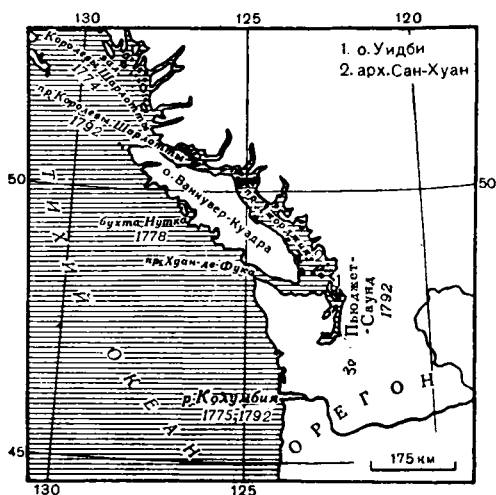
Куадры. Вместе они открыли и описали широкий пролив, отделяющий от материка большой остров, который они решили назвать общим именем *Ванкувер* — *Куадра*. Теперь на картах сохранилась только первая часть этого двойного имени — остров Ванкувер (32 135 кв. км), а название Куадра присвоено лишь небольшому острову в проливе. Самый пролив назван *Джорджия*, по имени Ванкувера; архипелаг в его южной части — *Сан-Хуан*, в честь «святого покровителя» Хуана Куадры; небольшой островам и второстепенным проливам присвоены то испанские, то английские имена: например, *острова Кортес и Бротон* (спутник Ванкувера), *проливы Маласпина* (испанский мореплаватель итальянского происхождения) и *Джонстон* (спутник Ванкувера) и т. д.

Выйдя северными проливами, узким — Джонстон и широким — Королевы Шарлотты, в залив Королевы Шарлотты, а затем в открытый океан, Ванкувер продолжал опись. К северу от большого острова англичане работали одни, без испанцев, и это отразилось на географической номенклатуре. Хотя острова Королевы Шарлотты были открыты и нанесены на карту (конечно, под испанскими именами) испанской экспедицией Хуана Переса еще в 1774 году и Ванкувер знал об этом, вся группа и два крупнейших острова, входящие в нее, «назречены» английскими именами. То же в основном повторилось и к северу с отдельными островами архипелага Александра, в котором первые открытия сделаны русскими за полвека до прибытия Ванкувера, а позднейшие — испанцами за несколько лет до него (экспедиция Алесандро Маласпины, открывшая, в частности, *остров Ревилья-Хихедо* у 56° с. ш.). Но нужно помнить, что именно Ванкувер переименовал остров Туманный (название, данное Берингом) к юго-западу от Кадьяка в остров Чирикова.

Ванкувер уточнил также карту материкового побережья залива Аляска, как выше указывалось, с помощью русских, которые, между прочим, поразили его тем «спокойствием и добрым согласием, в каком они живут между самыми грубыми сыновьями природы... приобретая любовь их благосклонным обращением».

Ванкувер окончательно разрушил созданную Куком легенду о великой реке (названной после его гибели «рекой Кука»), впадающей с севера в залив Аляска у 60° с. ш., — к западу от полуострова Кенай: он удостоверился, что это был большой залив, который русские открыли до Кука и называли Кенайской губой (теперь — залив Кука). В. М. Головин по этому поводу писал: «И если бы не Ванкувер, то и по сие время (1822 г.) русским никто бы не поверил... а залив слыл бы ныне рекою...»

Завершив опись тихоокеанского побережья Северной Америки до 60° с. ш., Ванкувер повел свои корабли обратно вдоль американских берегов, обогнув мыс Горн, и в середине октября 1795 года после четырехлетнего отсутствия прибыл в Англию.

Остров Ванкувер и низовье Колумбии

Команды его судов вернулись в хорошем состоянии, но сам он был тяжело болен. Он умер в мае 1798 года в возрасте 41 года. Обработка материалов экспедиции была закончена его братом. Труд этот был издан в том же году после смерти мореплавателя под названием: «Путешествие для открытий в Северный Тихий океан» (3 тома с атласом) *.

Глава 30

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОЙ КАНАДЫ

Завершение открытия побережья Гудзонова залива

В XVIII веке были организованы только четыре английские морские экспедиции для исследования Гудзонова залива.

Первой из них была правительственная экспедиция на двух кораблях, капитаном одного был Кристофер Мидлтон, вторым кораблем командовал Вильям Мур. Получив задание отыскать Северо-западный проход со стороны Гудзонова залива, экспедиция в 1741 году достигла устья реки Черчилль и перезимовала там.

Летом 1742 года Мидлтон и Мур направились вдоль берега залива на север от реки Черчилль. Повторив путь Льюка Фокса

* Переведен на русский язык под названием «Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1791—1795 годах капитаном Георгием Ванкувером» (Спб., 1827—1838).

(1631 г.), они вошли в мнимый залив (Рос-Уэлком, между материком и «землей» Саутгемптон) и за параллелью 65° с. ш. открыли на западе узкий пролив, который сочли за начало желанного Северо-западного прохода. Оказалось, однако, что пролив ведет в узкую и длинную (около 150 км) бухту, которая получила название *Уэйджер*. Оставив ее и продолжая путь на север, Мидлтон и Мур через три дня, у полярного круга, снова испытали и радостную надежду, и горькое разочарование: они вышли из пролива *Рос-Уэлком* в широкое водное пространство. Но вскоре пришлось убедиться в том, что перед ними опять бухта: она была замкнута с севера, а на юго-восток от нее виден был забитый льдом пролив (по-английски *Фрозен-стрейт* — «Замерзший пролив»), который выходил через Бассейн Фокса и Гудзонов пролив в Атлантический океан. Дав здесь отбой (по-английски «отбой» — *Репалс*, отсюда и название бухты), обескураженные мореплаватели повернули 9 августа назад и возвратились в Англию. Они завершили открытие пролива Рос-Уэлком, то есть обследование западного берега «земли» Саутгемптон, а открыв Фрозен-стрейт, окончательно доказали, что эта «земля» не полуостров, как можно было раньше предполагать, а большой остров (его площадь 40 660 кв. км) или, как тогда думали, архипелаг.

Когда экспедиция Мидлтона — Мура вернулась в Англию, завязался спор: некоторые энтузиасты Северо-западного прохода не верили утверждениям Мидлтона, что из Гудзонова залива нет выхода в Тихий океан. В 1745 году парламент назначил высокую премию — 20 000 фунтов стерлингов — тем британским подданным, которые «откроют Северо-западный проход через Гудзоновы проливы к западному и южному океанам Америки». Немедленно была объявлена подписка, собрано 1000 фунтов стерлингов на снаряжение новой экспедиции под руководством Генри Эллиса — на двух судах (на одном из них капитаном был Вильям Мур). Экспедиция, оставившая Англию в 1746 году, перезимовала в устье реки Нельсон и летом следующего года плавала на север вдоль западного берега Гудзонова залива. Единственным ее достижением было открытие входа в узкий залив *Честерфилд* (63° 20' с. ш.), который уходил в глубь материка в северо-западном направлении.

Экспедиция 1746/47 года подтвердила показания Мидлтона, что через пролив Рос-Уэлком нет выхода в Тихий океан. Оставалась, однако, еще надежда на залив *Честерфилд*, который мог оказаться проливом. В 1761 году он был обследован морской экспедицией (третьей по счету в XVIII веке), которая пришла по нему до его вершины и открыла за ним проточное озеро *Бейкер* (64° с. ш., 95° з. д.).

Четвертая, последняя морская экспедиция XVIII века снова обследовала в 1790 году залив *Честерфилд* и продвинулась за

озеро Бейкер вверх по впадающей в него с северо-запада полноводной реке Телон. Убедившись, что эта река никак не может служить путем к Тихому океану, экспедиция повернула обратно.

Первое путешествие Херна в Северную Канаду и открытие озера Дубонт

У Компании Гудзонова залива была цепь укрепленных приморских торговых постов от устья реки Форт-Джордж на восточном берегу залива Джемс до устья реки Черчилль на юго-западном берегу Гудзонова залива, где поставлен был форт Принца Уэльского (теперь город Черчилль). Захваченная англичанами Канада была отделена от постов Компании очень широкой «бесхозной полосой». При таких условиях излишним было, казалось, четкое обозначение границы между территорией Компании и новой английской колонией, которая была названа провинцией Квебек и простиралась только до озера Нипигон.

В первое время после Семилетней войны Компания Гудзонова залива извлекала огромные выгоды из изменившегося политического положения в Северной Америке. Французская организация скупки пушнины была уничтожена, и индейцы западных лесов и прерий непосредственно или через своих торговых посредников снова начали доставлять меха в английские приморские форты. Приходили туда также и индейцы с северо-запада — из областей, куда европейцы еще не проникали. Некоторые из индейцев приносили с собой, кроме мехов, также кое-какие медные изделия и куски меди, которую они, по их словам, добывали на «большой реке». Рассказы индейцев возродили в правителях Компании Гудзонова залива надежду на открытие неуловимой, текущей в Тихий океан «Западной реки», на берегах которой можно было к тому же открыть месторождения медных руд. Такие задания получил и агент Компании в форте Принца Уэльского, бывший английский военный моряк Сэмюэл Херн (1745—1792 гг.). Он искал со стороны Гудзонова залива, от устья реки Черчилль, и Северо-западный проход, и «Меднорудную» реку, о которой слышал от индейцев, искал и по морю и по суше; на море он потерпел полную неудачу, но на суше имел большие достижения, хоть и не те, на которые рассчитывала Компания Гудзонова залива.

После первой неудачной попытки в конце 1769 года Херн через два месяца, в феврале 1770 года, снова отправился на поиски «Меднорудной» реки с небольшой группой индейцев. Из приречной лесной полосы он вскоре перешел в тундру. Путешествовал он налегке, без запасов продовольствия и за отсутствием в тундре топлива питался сырым мясом крупных зверей, а если охота на них была неудачна — мясом дикобраза и сырой

рыбой, нередко голодал. Он пересек в северном направлении широкую полосу тундры между параллелями 59 и 64° с. ш., причем на одном участке пути следовал вдоль южного и западного берегов озера *Яткайед*, через которое у 63° с. ш. протекает река *Казан*, впадающая в озеро Бейкер. За 64-й параллелью Херн, по-видимому, не дошел до цепи озер, через которые протекает Телон (также впадающий в озеро Бейкер), и повернул на юго-запад. Он открыл реку *Дубонт* (крупный южный приток Телона) и прошел вверх по ее долине до озера *Дубонт* (63° с. ш., 102° з. д., площадь около 3000 кв. км). Обогнув новооткрытое озеро с запада и описав большую петлю, Херн вернулся в двадцатых числах ноября 1770 года, после десятимесячного отсутствия, в форт Принца Уэльского. Во время этого путешествия, кроме названных выше рек бассейна озера Бейкер, он дважды пересекал реки *Сил* и *Тлевиаза*, не считая множества других, менее значительных.

Сам Херн не был удовлетворен результатами своего путешествия: он оправдывался тем, что вынужден был в разгаре лета за озером *Дубонт* отказаться от поисков «Меднорудной» реки, так как сломал свой единственный квадрант, да и проводники его были ненадежны. К счастью, на обратном пути он встретился с опытным индейским охотником *Матонабби**, который согласился сопровождать его до форта, а оттуда повести к «Меднорудной» реке.

Второе путешествие Херна в Северную Канаду и открытие „Меднорудной“ реки и Большого Невольничьего озера

Всего десять дней Херн отдыхал и готовился к новому походу. 7 декабря 1770 года он и Матонабби вышли из форта Принца Уэльского на северо-запад. Сопровождали их по настоянию Матонабби только индианки.

Маршрут Херна не совсем ясен. Не имея при себе никаких астрономических инструментов, после того как сломан был квадрант, он делал грубые ошибки в определении географических координат: например, в определении долготы местности — до пяти градусов. Он сообщает, что открыл на своем пути ряд озер и рек, и в этом не приходится сомневаться, но какие именно, очень трудно установить: озер и рек в Северной Канаде бесчисленное множество, а крупные озера на вероятном северо-западном пути Херна насчитываются десятками. Тем не менее

* В своей книге Херн яркими чертами рисует образ Матонабби как человека с большим умом, независимым характером, совершенно чуждого религиозным предрассудкам. «Несмотря на его отвращение к религии, я мало встречал христиан, у которых было бы так много хороших качеств и так мало дурных».

после тщательного изучения его дневников и сопоставления их с материалами, собранными исследователями конца XIX века (братья Тиррелл) и XX века, удалось приблизительно точно установить пути Херна в 1770—1771 годах.

Благодаря работам Матонабби и усердию индианок Херн во время своего третьего путешествия ни зимой, ни летом ни в чем не испытывал недостатка. До начала весны 1771 года он шел на лыжах в лесной полосе, где зимуют дикие олени карибу. К северо-западу от форта Принца Уэльского у озера *Нуэлтин* (на 60° с. ш.) путешественники встретили группу индейцев, сородичей Матонабби, и двинулись дальше вместе с ними. Они пересекли верхние бассейны рек Казан, Дубонт и Телон, останавливаясь во многих местах для охоты на карибу. В двадцатых числах апреля они находились за группой озер, из которых вытекает Телон, и провели там целый месяц, готовя каноэ для летнего плавания в тундре по рекам и озерам.

Матонабби повел теперь Херна в северном направлении, а за озером *Клинтон-Колден* (64° с. ш.) повернул на северо-запад. В июне они присоединились к отряду из нескольких десятков индейских воинов, «вступивших на тропу войны» против эскимосов, которых считали своими смертельными врагами. Когда они продвинулись еще дальше на северо-запад в район озера *Контуйто*, Матонабби оставил там женщин, а в индейский отряд вошла еще одна группа воинов.

В этой приморской полосе тундры водилось много мускусных быков, но только немногие из индейцев, сопровождавших Херна, уходили на охоту за ними. В июне и июле жара сменилась холодом, шел дождь, падал мокрый снег, но большинство индейцев неуклонно стремилось вперед, скудно питаясь и все же совершая большие дневные переходы.

В середине июля отряд достиг нижнего водопада на реке *Коппермайн* («Меднорудной»), о которой так мечтал Херн, и разведчики обнаружили там, недалеко от устья, небольшой лагерь мирных эскимосов, занятых ловом рыбы. Ночью индейцы подкрались к лагерю и перебили всех. На карте Северной Америки запечатлено название, которое дал этой местности «придерживавшийся полного нейтралитета» англичанин: *Блади-Фолс* («Кровавый водопад»).

Ниже Блади-Фолс у 67° 45' с. ш. река Коппермайн впадает в забитый льдом залив (Коронейшен). Херн не дошел до самого моря, не наблюдал приливов и отливов, но решил, что залив — часть Северного Ледовитого океана. Это было верно, что и доказали экспедиции XIX века. Однако во времена Херна большинство географов сомневалось в том, что он действительно был у берега океана, там более что при определении долготы устья Коппермайна он допустил грубую ошибку (на пять градусов меньше действительной).

Индейцы довели Херна до того прибрежного месторождения на берегу реки, где эскимосы добывали медь. Оно показалось Херну небогатым; к тому же оно находилось слишком далеко от Гудзонова залива, перевозка руды по внутренним водным путям стоила бы слишком дорого, а перевозка ее морем исключалась. Херн считал, будто он своим путешествием «раз навсегда положил конец всякого рода спорам о существовании Северо-западного прохода, ведущего из Гудзонова залива на запад».

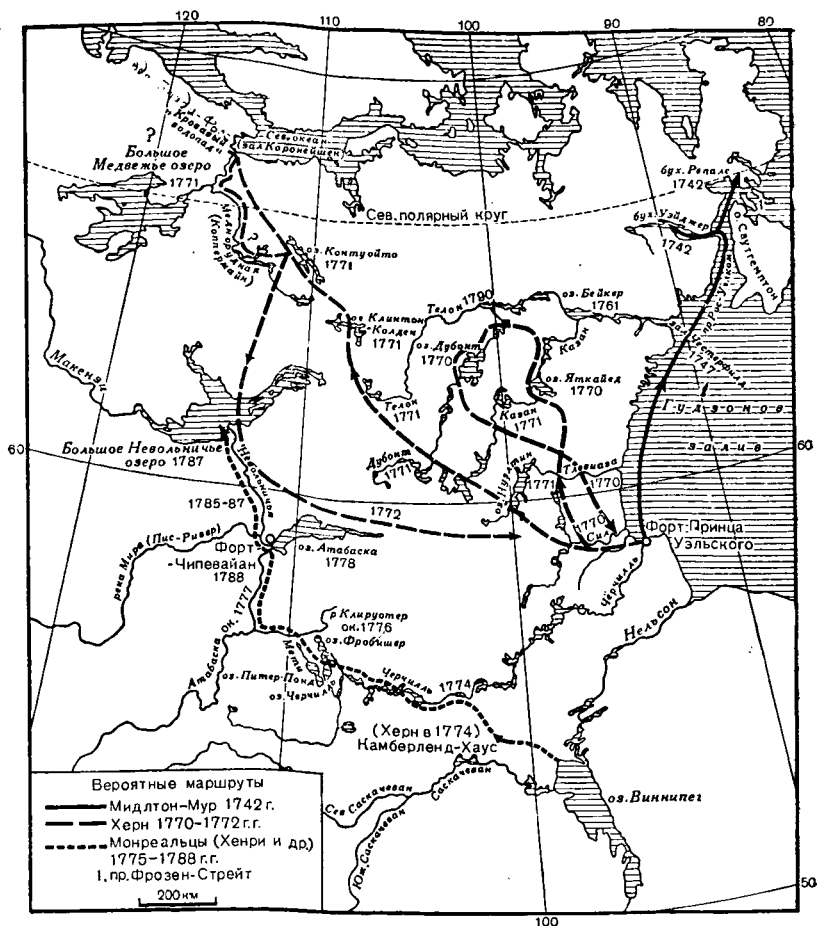
Всего несколько дней провел Херн в низовьях Коппермайна и повернул назад к озеру Контуойто, где Матонабби оставил своих женщин. Но совершенно неясно, как именно проделал Херн этот обратный путь к Контуойто вместе с воинственными индейцами. По одной версии. Херн проследил все течение Коппермайна до тех озер в его верховьях, которые сближаются с юго-восточным углом Контуойто; по другой — отклонившись к западу, доходил до восточного берега *Большого Медвежьего озера*; по третьей — вернулся к Контуойто 25 июля «по своим следам».

Затем Матонабби повел Херна на юг, через лабиринт рек и озер в лесную полосу к восточному краю *Большого Невольничьего озера*. В конце декабря они перешли озеро и в январе 1772 года достигли 60-й параллели несколько восточнее реки Невольничьей. Оттуда Херн решил повернуть на восток, так как хотел возвратиться в устье реки Черчилль до прихода туда очередного корабля из Англии. 30 июня 1772 г. он прибыл в форт Принца Уэльского, пробыв в пути более полутора лет.

Написать книгу о своем путешествии Херну посоветовал Жан Франсуа Лаперуз, позднее прославившийся своим кругосветным плаванием и трагической гибелью. Во время войны за независимость в Северной Америке (1775—1783 гг.) Франция как союзница англо-американских колонистов, восставших против Великобритании, посылала свои военные суда в американские воды, в том числе и на север, в Гудзонов залив. Лаперуз захватил тогда форт Принца Уэльского в устье реки Черчилль и взял там в плен Херна. Агент торговой Компании Гудзонова залива поразил Лаперуза красочными рассказами о своих путешествиях по Арктической Америке. Под влиянием Лаперуза Херн обработал свои дневники и выпустил в свет книгу «Путешествие от форта Принца Уэльского на Гудзоновом заливе к Северному океану» (Лондон, 1795 *).

Херн был первым исследователем гигантских внутренних районов континентальной Северной Канады; до него европейцам известна была только ее восточная береговая полоса (западный берег Гудзонова залива). Вскоре после его путешествий в цент-

* Эта книга вошла в золотой фонд английской литературы, не раз переиздавалась в XIX и XX веках и переведена на несколько европейских языков (русский перевод издан в Петербурге в 1808 г.).

Исследование Канады англичанами в XVIII в. (до А. Макензи)

ральные и западные районы Северной Канады начали проникать и другие европейские и североамериканские исследователи в поисках новых путей к «Западному морю» и новых охотничьих угодий. Восточные же, внутренние районы Северной Канады (теперь округ Киватин и восточная часть округа Макензи) площадью более 1 000 000 кв. км были совершенно заброшены: ни Компания Гудзонова залива, ни сменившее ее (по договору от 9 марта 1869 г.) правительство молодого канадского доминиона, ни ученые географического общества или отдельные путешественники не проявляли интереса к этой, почти безлюдной и пустынной стране. 120 лет после путешествий Херна она оставалась почти сплошным «белым пятном». Только в девяно-

стых годах XIX века туда были посланы канадским правительством братья Джозеф и Джеймс Тиррелл, положившие начало топографической съемке и геологическому исследованию громадной территории, которую в 1770—1772 годах пересекал Херн.

Глава 31

ОТКРЫТИЕ БАССЕЙНА РЕКИ АТАБАСКА — МАКЕНЗИ И ПЕРВОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ АЛЕКСАНДРОМ МАКЕНЗИ

Первые шаги англо-канадских пушных компаний

После захвата Канады англичанами в Монреале обосновались главным образом шотландские купцы, которые организовали несколько пушных компаний, позднее слившихся в *Северо-западную компанию*. Британские торговые агенты заимствовали у вытесненных ими французских купцов большой опыт в деле организации скупки пушнины на западе и перехвата индейских торговых посредников, идущих с мехами, в форты *Компании Гудзонова залива*. Они вступили в жестокую конкуренцию с Компанией и в этой борьбе отодвинули границы Канады далеко на запад, до Скалистых гор, перевалили горы и вышли к Тихому океану. Для своего продвижения на запад и северо-запад они широко использовали франко-канадских странствующих торговых агентов — «лесных бродяг» и «воежеров», франко-индейских креолов и, конечно, индейских проводников и с их помощью совершили ряд крупнейших открытий.

В первые годы деятельности новые монреальские купцы сделали своими основными торговыми базами на западе два пункта у Великих озер: один у пролива *Макинак*, соединяющего Гурон и Мичиган, то есть в самом центре Озерной области; другой — на западном берегу Верхнего озера, у «Большого Волока» (*Гранд-Портидж*), то есть на обычном торговом пути западных индейцев через озера Центральной Канады к Гудзонову заливу.

К началу семидесятых годов XVIII века монреальцы восстановили французские посты «Укрепленной Ливии Западного моря», начали перехватывать индейских торговцев и даже продвигаться от реки Саскачеван на север и северо-запад.

В 1772—1774 годах монреальский торговец мехами Джозеф Фробишер проник от большой луки Саскачевана на северо-запад, до 56-й параллели, к верхнему Черчиллю, с тем чтобы перехватить западных индейцев, идущих по этой реке к Гудзонову заливу.

Для защиты своих торговых интересов Компания Гудзонова залива послала в 1774 году на запад Сэмюэла Херна и

Мэтью Кокинга, который за два года до этого ходил в бассейн Саскачевана (путем Хендея) и предупреждал Компанию об опасности со стороны ее монреальских конкурентов. Херн и Кокинг построили *форт Камберленд-Хаус* на 54° с. ш. близ самой северной точки луки Саскачевана, но это мало помешало успехам монреальцев.

Вместе с Джозефом Фробишером в семидесятых и восьмидесятых годах XVIII века — до выступления на сцену шотландца Александра Макензи — движение монреальцев на северо-запад Канады возглавляли два полуграмотных авантюриста-янки, Александр Хенри и Питер Понд. Хенри в молодости перешел в Канаду вместе с английскими войсками во время Семилетней войны, быстро освоился в новой среде, общаясь с «лесными бродягами» и индейцами, и сразу верно оценил широкие возможности быстрого обогащения на Канадском Западе, за большими озерами, после вытеснения оттуда французских торговцев. Понд действовал раньше в бассейне Миссисипи и перешел в Канаду в семидесятых годах.

Осенью 1775 года Фробишер, Хенри и Понд на время объединились и выступили на северо-запад от озера Виннипег с отрядом в 130 человек на тридцати индейских челнах. Они построили на одном из многочисленных «Бобровых» озер (Бивер-Лейк) первую англо-канадскую факторию на Дальнем Западе и назвали ее *Форт-Хенри* в честь Хенри, — то ли как самого «многоопытного мужа», то ли потому, что он собрал самую многочисленную группу. Форт-Хенри был поставлен ими на небольшом расстоянии к северо-востоку от Камберленд-Хауса, с тем чтобы затруднить его связь с Гудзоновым заливом.

Открытие реки и озера Атабаска

В ответ на постройку Форт-Хенри агенты Компании Гудзона залива поставили еще один новый форт — к юго-западу от Камберленд-Хауса, на Северном Саскачеване. Тогда вожаки сводного отряда монреальцев решили обосноваться «в сердце неведомой страны мехов Атабаски», названной так по ее хозяевам, западным индейцам атабаскам: о ней и о лежащем в центре ее большом озере Атабаска рассказывали индейцы областей, уже посещенных «белыми».

Спорно, кому именно из вожаков принадлежала инициатива отыскать Атабаску и кто из них первый пришел к озеру. Но можно установить их маршруты до озера Атабаска (59° с.ш., 110 э.д.).

Сделали это англо-канадцы в конце семидесятых годов. Продвигались они туда только в летнее время по рекам и озерам на индейских челнах, перетаскивая их и грузы в случае необходимости в обход порогов или через короткие водоразделы (самый длинный и трудный волок около 20 км).

От Саскачевана путники перешли к Черчиллю и открыли в верховьях этой реки, у 56-й параллели, группу озер, в том числе *Фробишер*, *Черчилль* и *Питер-Понд*. Из северо-западного угла последнего озера вытекала река *Мети*, которая довела их до *Клируотера*, текущего на запад; а по *Клируотеру* они спустились вниз до большой реки *Атабаски*, которая здесь поворачивала прямо на север и в 250 км ниже впадала в юго-западный угол озера *Атабаска*. В этом районе англо-канадцы поставили временный форт. Недалеко от устья *Атабаски* воды озера через несколько коротких проток поступали в другую реку (*Невольничью*), текущую на север, а в *Невольничью* с запада впадала третья полноводная река. Про эту последнюю *Хенри* слышал от встречаемых индейцев атабасков, что она «называется рекой мира (по-английски — *Пис-Ривер*) и спускается с Каменных, или Скалистых, гор, а от этих гор до соленого озера расстояние невелико». И *Хенри* на этот раз сделал правильный вывод, что «соленым озером» индейцы называют море и что это море — часть Тихого океана.

Однако чтобы достигнуть Тихого океана по *Пис-Ривер*, нужно было подниматься вверх по ее течению на большое расстояние, а затем переваливать неисследованные и никогда еще не посещенные «белыми» Скалистые горы. Такой путь был и долог и труден. Нельзя ли найти другой, более легкий путь? Не доведет ли купцов прямо до Тихого океана новооткрытая, текущая на север, через озеро *Атабаска* река? А если она и впадает в Северный Ледовитый океан, то «не находится ли тот берег на небольшом расстоянии от Берингова пролива, отделяющего два материка?»

В середине восьмидесятых годов в Монреале уже знали о географических результатах третьей экспедиции *Джемса Кука* и о том, что он якобы открыл «реку *Кука*», впадающую в открытый залив Тихого океана (залив *Аляска*) близ параллели 60° с. ш. Первооткрыватели *Атабаски*, естественно, предположили, что она является верховьем «реки *Кука*», а *Невольничья* — участком среднего течения этой мнимой реки.

Между 1785 и 1788 годами сам *Питер Понд* — или группа людей, посланная им на север, вниз по реке *Невольничьей*, — достигает юго-восточного угла Большого *Невольничьего* озера (28 900 кв. км). Вскоре *Понд* узнал, что в западном углу озера берет начало большая река, которая течет на запад, иногда даже с уклоном к югу (верхний участок реки *Макензи*). Тогда у англо-канадцев возросли надежды на то, что эта река непосредственно доведет их до Тихого океана. Однако ни *Фробишеру*, ни *Хенри*, ни *Понду* не довелось совершить исследование великой реки.

В дальнейшем пути этих трех первооткрывателей северо-западной Канады разошлись.

Джозеф Фробишер разбогател, стал пайщиком вновь организованной Северо-западной компании, «отяжелел» и осел в Монреале.

Александр Хенри, по-видимому, не сделал большой торговой карьеры. Зато ему посчастливилось в другом отношении: кто-то искусно обработал его безграмотные дневники и составил из них красочную книгу «Путешествия и приключения в Канаде Александра Хенри» (Нью-Йорк, 1809).

Питер Понд в начале девяностых годов вернулся к себе на родину, в штат Коннектикут, где и умер в нищете в 1807 году. Как предполагают биографы этого авантюриста, он вынужден был срочно покинуть Канаду, так как на него пали сильные подозрения в убийстве двух своих монреальских конкурентов. Современники Понда считали, что он вполне способен был на такое дело, так как отличался «ярко выраженным эгоизмом, самомнением и неуживчивостью». Дошедшие до нас страницы его путевых дневников «очаровательны, но потрясающе безграмотны» (Бребнер). Однако в характере Питера Понда имелись черты, которые сыграли положительную роль в ходе дальнейшего исследования северо-западной Канады. Он был речист, любил порисоваться и щегольнуть своим, действительно большим знанием края и охотно делился опытом с новичками, которых посылали на Дальний Запад монреальские пушные компании, если не считал их опасными соперниками. Одним из таких новичков был молодой шотландец Александр Макензи.

Первые путешествия Александра Макензи. Открытие реки Макензи

Александр Макензи (1764—1820 гг.) был еще пятнадцатилетним мальчиком, когда переехал в Монреаль и поступил там на службу одной из шотландских пушных компаний, вскоре поглощенной Северо-западной компанией. Через пять лет он был направлен торговым агентом на озеро Сент-Клэр (между Гуроном и Эри); в 1785 году переброшен в верховья реки Черчилль, а через два года послан к озеру Атабаска на смену Питеру Понду, провел вместе с ним зиму 1787/88 года и получил от него много ценных сведений. Под его непосредственным влиянием Макензи составил план дальнейшего исследования великой реки, которая, как предполагал его учитель, и есть «река Кука» или является ее притоком.

В 1788 году Макензи построил новый форт Чипевайан в устье реки Атабаски, где и перезимовал. В начале лета 1789 года он, назначив временным начальником форта своего двоюродного брата Родерика Макензи, выступил 3 июня в речной поход на челнах, сделанных из березовой коры. Сопровождало Александра Макензи двенадцать человек. 9 июня Макензи до-

стиг Большого Невольничьего озера, но оно было почти сплошь покрыто льдом; только у самого берега виднелась узкая полоса чистой воды. Вскоре под дождем и при сильном ветре лед начал разламываться; но так медленно, что для перехода на челнах от южного берега озера к северному понадобилось около двух недель. Еще шесть дней Макензи потратил на поиски дальнейшего водного пути в северном или западном направлении*. Только 29 июня он вошел, наконец, в полноводную реку, вытекающую из западного угла Большого Невольничьего озера.

Челны плыли вниз по реке, текущей среди желтых глинистых берегов в западном направлении, и Макензи преисполнился надеждой, что она донесет его до Тихого океана: он находился теперь как раз на той широте, на которой в северной части Тихого океана была открыта мнимая «река Кука». Но приблизительно в 350 км от озера та река, которую исследовал Макензи, круто повернула на север, несколько ниже изменила направление течения на северо-западное и вступила в горную область. К реке с левой, западной стороны подходили высоты (*горы Макензи*): «они простирались, насколько мы могли видеть, с севера на юг, и вершины их были скрыты облаками». С правой, восточной стороны к реке подступали другие высоты. У 65-й параллели эти *горы Франклин*, как их позднее назвали, прерывались широкой долиной; по долине протекала река (Большая Медвежья), впадающая в тот широкий поток, который нес на север путешественников.

Александр Макензи открыл устье *Большой Медвежьей реки*, но не стал ее исследовать: эта река текла с востока, то есть уводила исследователя в сторону от основной цели экспедиции. По-видимому, у Александра Макензи на основании расспросных данных сложилось мнение, что исследование *Большой Медвежьей реки* может привести к новым крупным открытиям в *Северной Канаде*, так как через три года в этот район отправился Родерик Макензи, всегда действовавший по указанию своего двоюродного брата.

У 67-й параллели долина главной реки расширилась. 10 июля А. Макензи занес в свой дневник: «...Берега становятся ниже, река расширяется, от нее отходят различные рукава, образующие острова, частью безлесные». Но на западе еще видны были горы, простирающиеся в меридиональном направлении (юго-восточные отроги *гор Ричардсон*), и Макензи думал, что до моря еще далеко и что он еще не вступил в дельту реки; но когда определена была широта местности — $67^{\circ} 47'$ с. ш., — он дописал в дневнике: «Несомненно, что эти воды изливаются в *Гиперборейский океан*».

* Северный берег Большого Невольничьего озера очень расчленен, особенно на северо-западе, где река Мариан впадает в длинный и узкий залив Норт-Арм.

Выше по течению путешественники изредка встречали группы индейцев. Теперь в дельте реки они видели только эскимосов.

У 69° 30' с. ш. с холма одного из островов дельты Александр Макензи увидел на западе полосу открытого моря (залив Макензи моря Бофорта), а на востоке забытый льдом «залив со множеством островов» (может быть, озёра Эскимо). В ночь на 14 июля при незаходящем солнце он наблюдал прилив, утром видел, как в западном заливе играли в воде киты. Несомненно он достиг Ледовитого океана. Но так как он не дошел до самого моря, не проследил в обе стороны прилегающие участки морского побережья, в правдивости его сообщения долго еще сомневались.

Макензи спешил вернуться к озеру Атабаска до начала ледостава на реках и озерах страны. 16 июля он начал обратный путь, поднялся вверх по реке и вернулся на свою базу — в форт Чипевайан 12 сентября, через два дня после того, как там выпал первый снег. Макензи и его спутники прошли в оба конца на челнах почти 5000 км. Весь поход продолжался 102 дня.

Великий поток, вытекающий из Большого Невольничьего озера и впадающий в море Бофорта, получил название *реки Макензи*; это нижний участок (около 1700 км) огромной водной артерии, которая под именем *Атабаски*, как позднее доказал геодезист Питер Фидлер, берет начало в Передовом хребте Скалистых гор, у 52° с.ш., 118° з.д.; ее продолжение, река Невольничья, имеет в длину менее 500 км между озерами Атабаска и Большое Невольничье; а общая длина всей системы Атабаска — Макензи 4600 км, с площадью бассейна 1 760 000 кв. км.

Дальнейшие исследования гидрографической сети Западной и Северной Канады

Действия агентов Северо-западной компании, устроивших свою основную базу у озера Атабаска, и поиски ими водных путей к Тихому океану встревожили правление Компании Гудзонова залива. Состоящий на службе Компании квалифицированный топограф Филипп Тернор был послан на нижний Саскачеван в Камберленд-Хаус и в 1790—1792 годах провел большую работу по исследованию и нанесению на карты гидрографической сети Западной Канады между Саскачеваном и Большим Невольничьим озером.

Тернор произвел съемку и составил первую, сравнительно точную карту Саскачевана от Камберленд-Хауса до того места, где Северный и Южный Саскачеван сливаются в одну реку. Западные индейцы, сбывающие пушнину агентам Компании, сообщали, что и Северный и Южный Саскачеван берут начало в

Скалистых горах. Тернор нанес на карту Северный Саскачеван по расспросным данным и этим ограничился, так как считал, что путь от его верховьев к Тихому океану и очень долог, и слишком тяжел. В дальнейшем он обратился к исследованию бассейна Атабаски — Невольничьей.

От низовья Северного Саскачевана Тернор перешел на север, к реке Черчилль, и открыл в верховьях еще одно озеро, названное его именем; узкой перемычкой оно отделено на юге от озера Фробишер, а на севере близко подходит к Клируотеру. Тернор произвел съемку этой реки и нижней Атабаски от устья Клируотера до озера Атабаска и дал довольно точную опись берегов озера. Затем он заснял реку Невольничью от ее истока до устья. Весь путь от нижнего Саскачевана до Большого Невольничьего озера Тернор проделал на индейских челнах в два летних сезона.

Однако Тернор не выполнил специального задания свих хозяев исследовать также Пис-Ривер, которая рассматривалась как возможный удобный путь к Тихому океану. И в этом случае он ограничился только тем, что нанес на карту Пис-Ривер по расспросным данным.

Не ясно, сам ли Тернор немедленно после этой экспедиции оставил службу Компании Гудзонова залива или его уволили. Заменял его Питер Фидлер, занимавший должность штатного топографа Компании с 1792 по 1820 год. Его путевые дневники не дошли до нас; по сохранившимся же картам можно только сказать, что он лично или его помощники провели очень большую топографическую работу в Западной и Северной Канаде: Фидлер проследил все течение Черчилля от его верховьев до устья; он руководил исследованием среднего и верхнего течения Атабаски, а также Северного и Южного Саскачевана. Нельзя, однако, выяснить из-за потери, его дневников, как эта работа распределяется между последним десятилетием XVIII века и первыми двумя десятилетиями XIX века.

Компания Гудзонова залива не проявляла в девяностых годах XVIII века никакого интереса к области, лежащей к северу от Большого Невольничьего озера. Если до директоров Компании и дошло известие о реке Макензи, то они несомненно считали ее открытие таким же бесплодным, как открытие Херном реки Коппермайн. Вряд ли директора Северо-западной компании держались иного мнения. Но Родерик Макензи, находившийся, как мы знаем, под сильным влиянием своего двоюродного брата, не мог успокоиться при мысли о неразведанной восточной реке, впадающей в реку Макензи у 65-й параллели. В 1792 году он отправился в этот район и открыл у полярного круга *Большое Медвежье озеро*, величайшее из озер Канадского Севера (31 100 кв. км), уступающее по размерам только Великим озерам Северной Америки. Большая Медвежья река вытекает из

юго-западного угла (*залив Кит-Арм*). Возможно, впрочем, что первым европейцем, посетившим Большое Медвежье озеро, был не Родерик Макензи, а Сэмюэл Херн, так как река Коппермайн очень близко подходит к озеру.

Пересечение Александром Макензи североамериканского материка

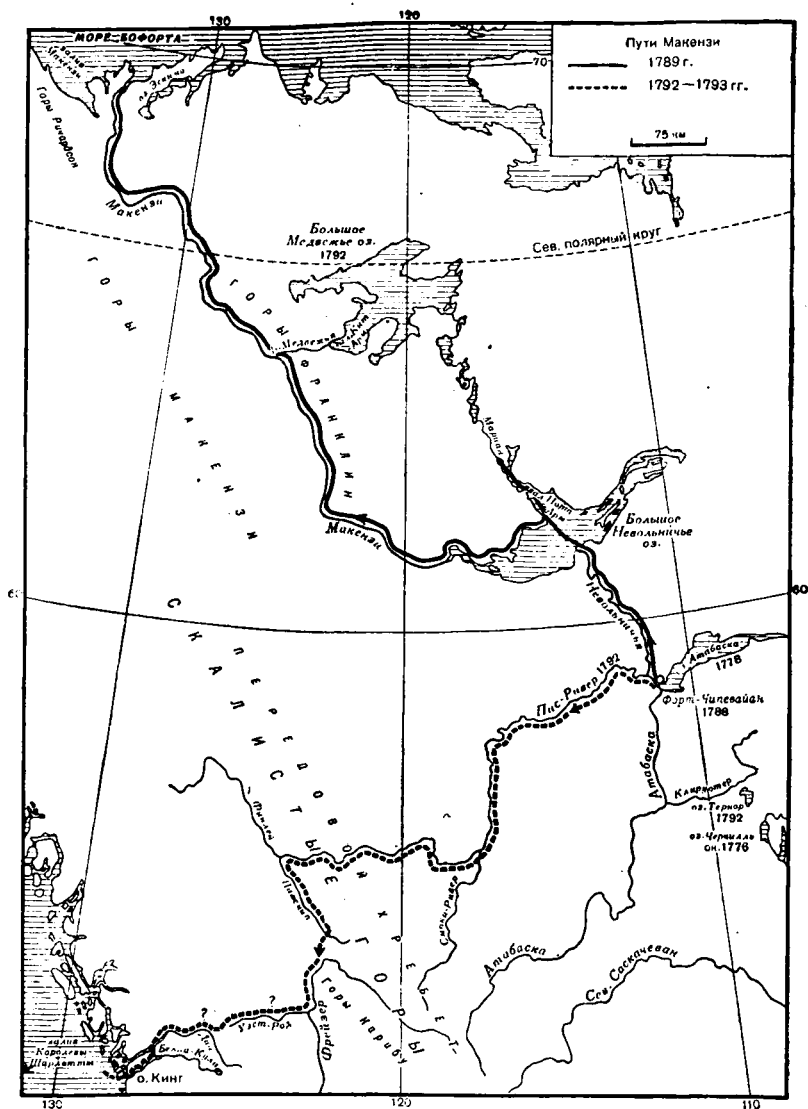
После своего путешествия Александр Макензи провел еще два года на Атабаске и затем вернулся на родину. Там он подучился топографии и географии, готовясь к новому большому путешествию; цель его была отыскать западный речной путь, ведущий от озера Атабаска к Тихому океану.

В 1792 году Макензи начал свой новый поход. Он высадился на берег реки Святого Лаврентия и уже разведанными путями прошел до форта Чипевайан на озере Атабаска, где Родерик Макензи приготовил все необходимое и подобрал людей для нового путешествия. Александр Макензи выбрал для исследования большую реку *Пис-Ривер*, впадающую, как выше указывалось, с запада в Невольничью у ее выхода из озера (59° с. ш.), так как надеялся, что, поднимаясь вверх по ней, можно близко подойти к Тихому океану. В путь он двинулся с группой промысловиков, разведавших ранее по его распоряжению *Пис-Ривер* до устья *Смоки-Ривер* («Дымящейся реки»). Сначала он не очень тревожился, когда примерно в 100 км от устья долина реки повернула на юго-запад, но затем испытал горькое разочарование: на 58° с. ш. долина поворачивала прямо на юг.

Так он и плыл вверх по реке, пока не достиг 56° с. ш. Было уже позднее время года — середина октября, и Макензи остановился на зимовку в новом форте близ устья *Смоки-Ривер*.

Весной 1793 года, когда река вскрылась, Макензи отослал большую часть людей с грузом мехов в форт Чипевайан, а сам 9 мая двинулся вверх по *Пис-Ривер*. С ним было еще девять челсвек, в том числе его помощник и земляк Александр Маккай; все они помещались в одном индейском челне. Челн был велик (7,5 м в длину и 1,4 м в ширину), но так легок, что, по словам Макензи, «два человека могли нести его по хорошей дороге три-четыре мили без отдыха».

До устья *Смоки-Ривер* главная река текла в восточном направлении, и путешественники, поднимаясь вверх по ее течению, продвинулись за девять дней на запад приблизительно на 250 км в предгорной полосе. Затем начались трудности, так как они вступили в каньон длиной в 20 км, за которым последовал другой, не такой длинный, но более узкий и высокий каньон, прорезанный в *Передовом хребте* Скалистых гор. В общем потребовалась неделя, чтобы преодолеть порожистый участок длиной около 40 км. Приходилось то с величайшим трудом подни-

Пути А. Макензи от озера Атабаска в 1789 и 1792--1793 гг.

маться вверх, против стремительного течения, передвигая челн баграми, то переносить его и весь груз, обходя опасные пороги, вдоль высокого берега, через лес и лесные пожарища.

За последним каньоном у 56° с. ш. и 124° з. д. путешественники достигли «развилины» — места, где Пис-Ривер составляет

ся из двух рек, текущих вдоль западного подножия Передового хребта в прямо противоположных направлениях: с северо-запада Финлей и с юго-востока Парснип. По совету опытного индейца Макензи двинулся в южном направлении и поднялся по *Парснипу* до его истока. После разведки оказалось, что на юге, за коротким и удобным волоком, течет какая-то небольшая река в западном направлении. Она довела отряд до *Фрейзера* — большой и судоходной реки. Вскоре эта река повернула на юг. Макензи надеялся спуститься по ней к Тихому океану и продолжал путь на челне. Сначала горы (*Карибу*) подходили к берегу только с левой стороны, но затем река вступила в ущелье, все более суживающееся. Индейцы предупредили его, что дальнейшее плавание невозможно из-за опасных порогов.

На берегу *Фрейзера* путешественники построили новый челн для обратного пути, оставили его в укромном месте и зарыли поблизости часть своих припасов. Затем восемь человек двинулись на запад, каждый с двухпудовым грузом на спине. Они поднялись по одному из правых притоков *Фрейзера* (*Уэст-Род?*) и перевалили относительно невысокий водораздел, за которым в западном направлении текла какая-то река (вероятно, *Дин*).

По многим признакам Макензи убедился, что теперь уже несомненно находится на тихоокеанском склоне великого североамериканского нагорья. Сухой климат внутренних областей Канады и нагорья сменился влажным, сравнительно низкорослый хвойный лес — деревьями-гигантами. Дичи было мало, зато реки буквально кишели рыбой.

Индейцы-проводники вели путников по проторенным дорогам. Часто встречались поселки с большими домами, выстроенными из неотесанных бревен, но украшенными резьбой и размазанными фигурами. У встречных индейцев и в их домах канадцы видели — вероятно, с сердечным сокрушением — европейские товары (русские, испанские, «бостонские»). Когда Макензи и его спутники вышли к низовью той реки, долиной которой шли, их поразили огромные индейские челны, выдолбленные из стволов дерева, которое Макензи называет кедром (вероятно, гигантская туя, так называемый красный кедр). На одном из таких челнов индейцы из деревни, расположенной близ устья *Дина* (на реке *Белла-Кула?*), доставили путешественников мимо острова *Кинг* по извилистому фьорду к морю. 22 июля 1793 года в устье фьорда, у 52° с. ш., на отвесной скале Макензи сделал красной краской надпись громадными буквами (теперь они высечены на той же скале):

«Александр Макензи из Канады, по суше, двадцать второго июля, одна тысяча семьсот девяносто три».

Завершено было первое пересечение всего североамериканского материка от Атлантического до Тихого океана, и притом

в самой широкой его полосе — от залива Святого Лаврентия до залива Королевы Шарлотты.

24 августа того же, 1793 года Макензи и его спутники уже разведанными ими путями благополучно вернулись к тому форту на Пис-Ривер (у слияния со Смоки-Ривер), где они зимовали в 1792/93 году. В сентябре Макензи был у озера Атабаска, а в 1794 году вернулся в Монреаль, закончив *второе пересечение североамериканского материка* (теперь уже с запада на восток).

В 1801 году в Лондоне вышла в свет его книга «Путешествие Александра Макензи из Монреаля через материк Северной Америки», с тех пор многократно переиздававшаяся и переведенная на ряд европейских языков *.

Физическая карта Северной Америки к концу XVIII века

Во второй четверти XVIII века русские завершили исследование Берингова пролива и открыли северо-западное тихоокеанское побережье Северной Америки с полуостровами Аляска и Кенай. Позднее русские и англичане, отчасти испанцы и французы ознакомились в основных чертах с тихоокеанской береговой линией материка от Аляски до Калифорнии. К северу же от Аляски были бегло осмотрены только отдельные участки побережья Берингова моря, а на американском берегу Чукотского моря известно было лишь несколько пунктов до Айси-Кейп, куда доходил Кук. Об арктическом побережье Америки, которое простиралось, как тогда полагали, от Чукотского до Гренландского морей, не было никаких сведений, и, следовательно, размеры материка нельзя было установить даже приблизительно.

За полтора столетия сильно двинулось вперед изучение гидрографической сети материка: французы завершили исследование Великих озер, проследили почти все течение реки Миссисипи (кроме истоков) и ее крупнейшего левого притока — Огайо, нижнее и среднее течение Миссури. Агенты французских и английских пушных компаний открыли крупнейшие озера и реки Центральной и Северной Канады, в том числе Атабаска, Невольничья, Макензи, Саскачеван, Нельсон и Черчилль.

Изучение рельефа материка шагнуло вперед. Аппалачи были обследованы во всех направлениях, главным образом англо-американскими колонистами, Миссисипская низменность — в основном французами. Плато Прерий стало известно в общих чертах почти на всем его протяжении благодаря фран-

* Русский перевод В. Берха издан вместе с книгой Херна под названием «Путешествия по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенные господами Херном и Мякензием...», Спб., 1808.

цузским и английским торговым агентам. Сложилось верное представление о том, что на Дальнем Западе Скалистые горы простираются от Новой Мексики в северо-северо-западном направлении, примерно до 60-й параллели, а их северные отроги вдоль новооткрытой реки Макензи доходят до Северного Ледовитого океана. Испанцы и англичане установили, что Береговые хребты протягиваются у Тихого океана от полуострова Калифорнии до залива Аляска, русские, что к северо-восточному углу залива Аляска подходят высочайшие горы Св. Ильи, а далее к западу простираются горы Чугач и Алеутский хребет. Однако пространство между Скалистыми горами и Береговыми хребтами было поверхностно исследовано рядом испанских экспедиций только на юге (правда, при этом они обнаружили Калифорнийскую долину и впервые проникли в Большой Бассейн). Центральная же и северная полоса межгорного пространства оставалась сплошным «белым пятном» — за исключением того маршрута, которым следовал Александр Макензи в 1793 году, завершая первое пересечение североамериканского континента.

В рассматриваемый период были открыты почти все крупные тихоокеанские островные земли, причисляемые географами к Северной Америке: русскими — острова Святого Лаврентия, Алеутские, Кадьяк, Афогнак и архипелаг Александра, англичанами и испанцами — острова Королевы Шарлотты и Ванкувер. Но об Американском Арктическом архипелаге к началу XIX века знали так же мало, как в середине XVII века.

Глава 32

ИССЛЕДОВАНИЯ БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ ДО XIX ВЕКА

Исследование датчанами западного побережья Гренландии в первой половине XVII века

Датские короли, подчинившие себе Норвегию с 1380 года, рассматривали с того времени Гренландию как свою колонию. В XVI веке датские короли несколько раз повторяли попытки — правда, с многолетними перерывами — возобновить связь со своей затерянной колонией, отчасти надеясь найти там драгоценные металлы. Но, по-видимому, главной побудительной причиной было стремление укрепиться на ключевых позициях у Северо-западного прохода, поисками которого занялись англичане в последней четверти XVI века.

Поисковые экспедиции организовывали и датские купцы из Копенгагена, и норвежские купцы из Бергена, заинтересованные в зверобойных промыслах в гренландских водах.

Так, в последней четверти XVI века нам известны по крайней мере две скандинавские экспедиции (в 1579 и 1581 гг.).

Обе подходили к Гренландии,— или, как выражаются осторожные историки, «к той земле, которую они считали Гренландией»; обе из-за тяжелых льдов не могли высадиться на берег и ни с чем вернулись на родину.

В начале XVII века, в правление датского короля Кристиана IV, организована была гренландская поисковая экспедиция на трех кораблях. Во главе ее был поставлен шотландец Джон Каннингем, он же командовал флагманским судном; командиром другого корабля был назначен англичанин Джон Найт, главным кормчим англичанин Джеймс Холл — так мало еще доверял король арктическому опыту своих подданных. Только на третьем корабле был датчанин Годше Линденов.

В апреле 1605 года экспедиция оставила Данию, пересекла океан и в конце мая на 60° с. ш. открыла небольшой остров Кристиана IV у юго-восточной окраины Гренландии. Затем она обогнула с юга Гренландию и начала движение на север вдоль ее западного побережья. Приблизительно на той широте, где находился норманский Вестербюгд, корабль Линденава по невыясненной причине 11 июня разлучился с двумя другими кораблями, которые на следующий день стали на якорь в каком-то фьорде у Северного полярного круга. Главный кормчий Холл перешел с флагмана на корабль Найта, и они обследовали побережье еще дальше на север, до 69° с. ш. Если Холл верно определил широту, то они прошли Девисов пролив и были у входа в залив Диско. Отсюда по настоянию команды Найт повернул обратно и соединился с ожидавшим его Каннингемом.

Нигде на западном побережье моряки не видели и следов норманнов; мореплаватели захватили там только трех эскимосов и 10 августа того же года доставили их в Данию.

Разлучившись с другими судами экспедиции, корабль Линденава вошел в ближайший фьорд. Там датчане встретили эскимосов, с которыми вступили в мирный торг; уходя, по приказу Линденава, моряки захватили двух эскимосов. Вернулся корабль Линденава на родину на две недели раньше, чем другие корабли экспедиции.

В следующем, 1606 году из Дании была послана новая поисковая экспедиция уже на пяти кораблях под начальством Линденава. Каннингем остался на должности командира одного из кораблей. Командирами прочих кораблей на этот раз были назначены подданные датского короля: два норвежца и один гольштинец — Карстен Рихардсен. Главным кормчим был тот же Джеймс Холл. Эта экспедиция дважды подходила к западному берегу Гренландии — близ 64° с. ш. и у Северного полярного круга, при высадках встречалась только с эскимосами и опять не нашла и следов норманнов.

Потерпев неудачу в поисках Вестербюгда, датчане решили искать Эстербюгд, который, как тогда ошибочно считали, должен был находиться на восточном берегу Гренландии. На этот раз, в 1607 году, были посланы только два корабля под начальством Карстена Рихардсена, с которым в качестве главного кормчего в третий раз пошел Джеймс Холл. 8 июня они были близ юго-восточной оконечности Гренландии, но из-за очень неблагоприятных ледовых условий могли продвинуться только на три градуса к северу, до 63° с. ш. Ни разу они не могли подойти к берегу и ни с чем прибыли в Данию.

Холл после этой неудачи вернулся на родину и нанялся на службу английской промысловой компании. В 1612 году, командуя кораблем, он плавал в Девисовом проливе, высадился на западный гренландский берег на $65^{\circ} 21'$ с. ш., был тяжело ранен стрелой во время стычки с эскимосами и через несколько дней умер.

Спутником Холла в двух последних плаваниях (1607 и 1612 гг.) был его молодой соотечественник Вильям Баффин, исполнявший тогда обязанности подштурмана.

Датские экспедиции второй половины XVII века. Исследование Данелем восточного побережья Гренландии

В середине XVII века один датский предприниматель, получивший разрешение торговать с Гренландией, посылал туда три лета подряд (1652—1654 гг.) экспедиции под начальством Давида Данеля.

В начале июня 1652 года капитан Данель, следуя на двух кораблях — по-видимому, к югу от Исландии, — подошел к восточному побережью Гренландии у $64^{\circ} 60'$ с. ш. и открыл там небольшие острова, непосредственно прилегающие к гренландскому «материку», в том числе *Йенс-Мунк*, *Орстед*, и *Даннеброг* (сам он дал им другие названия). По возвращении Данель заявил, что не видел берега «материка», а только ледяной барьер, который за параллелью 65° с. ш. простирался с запада на восток, но не мог ни подойти к нему поближе, ни тем более высадиться на него. Теперь мы знаем, что Данель на самом деле открыл часть подлинного гренландского берега: как раз между параллелями 64° и $65^{\circ} 30'$ простирается единственный на востоке большой участок, где внутренний ледник Гренландии непосредственно подходит к Атлантическому океану; новооткрытые же мелкие острова лежат у заливов *Пикиутдлек* (65° с. ш.) и *Икерсуак* ($65^{\circ} 28'$ с. ш.).

Данель спустился от острова Йенс-Мунк на юг, обогнул Гренландию и прошел вдоль ее западного берега до $66^{\circ} 30'$ с. ш. Там он стал на якорь у берега фьорда и вел торг с местными

эскимосами. Вернувшись затем к 60° с. ш., он пытался проследить юго-восточное побережье Гренландии, но поднялся только до $63^{\circ} 30'$ и оттуда двинулся в обратный путь.

Вероятно, хозяин Данеля был недоволен результатами его гренландской торговой операции, так как в следующем, 1653 году дал своему капитану только одно судно. На этот раз Данель избрал другой, более северный путь. Выйдя во второй половине апреля в океан, он взял курс на остров Ян-Майен (71° с. ш., $8^{\circ} 20'$ з. д.), поднялся оттуда до 73° с. ш., а 6 мая повернул на юго-запад. Пройдя через широкий проход между Исландией и Гренландией (Датский пролив), он в середине июня подошел к тем островам, которые открыл в предшествующем году. И опять Данель не мог из-за льдов пробиться непосредственно к восточному берегу гренландского «материка». Он прошел вдоль кромки льда до южной оконечности Гренландии (мыс Фарвель), но нигде не мог высадиться на берег, чтобы заняться торговлей с эскимосами или вообще проверить, живет ли там кто-нибудь. Он обогнул затем с юга Гренландию, но неизвестно, как далеко поднимался на север вдоль ее западного побережья и торговал ли там с эскимосами.

О третьем — последнем и наименее удачном по географическим результатам — плавании Данеля в 1654 году известно только то, что он неделю провел у западного берега Гренландии и привез оттуда двух насильно захваченных эскимосов.

Данелю не удалось установить точные очертания восточного берега Гренландии к югу от параллели $65^{\circ} 30'$, но и то, что он сделал (главным образом во время своего первого плавания), было большим географическим достижением. Теперь можно было с некоторой уверенностью утверждать, что восточный берег Гренландии простирается от 60-й параллели в северо-северо-восточном направлении до 65-й параллели, за которой он круто поворачивает на восток, и что на этой широте находится группа прибрежных островов. Но дальнейшее простираение восточного берега гренландского «материка» оставалось еще загадкой.

„Новая Гренландия“ голландских китоловов

Во второй половине XVII века Гренландское море, в том числе его северная часть к западу от Шпицбергена, стало излюбленным районом китобойного промысла. Голландские моряки, охотясь на китов в семидесятых широтах, нередко видели на западе покрытые снегами и ледниками высокие берега. На некоторых голландских морских картах последней четверти XVII века они объединялись под общим названием «Новая Гренландия» (включая в нее и усмотренную ранее, в 1607 г., Землю Гудзона). Картографы называли землю или бухту, открытую тем или иным китобоем, его именем, указывали год

открытия, и больше мы ничего не знаем об этих первооткрывателях северо-восточной Гренландии. Некоторые старые голландские названия сохранились на картах нашего времени, если позднейшие арктические исследователи находили отмеченные китобоями гренландские «земли», мысы или бухты приблизительно на указанной ими широте.

По таким проверенным надписям на старых картах можно установить следующее.

В 1654 году Гел Хамке открыл у 74-й параллели обширную бухту *Гел-Хамке*, в которой лежит остров Клаверинг (до недавнего времени он считался полуостровом).

В следующем же, 1655 году Рейс к югу от бухты Гел-Хамке открыл восточный полуостров Земли Гудзона, и на карте появилась «Земля Брур-Рейс» («брур» по-голландски — «брат»). Поскольку это открытие было вторичным (после Генри Гудзона), на современной карте Гренландии название *Брур-Рейс* сохранилось только за высоким мысом полуострова. А к югу от этого мыса Рейс открыл остров *Бонтеку* (73° 05' с. ш.), который сторожит вход в фьорд Франц-Иосиф.

После значительного перерыва, в 1670 году, Ламберт за 79-й параллелью открыл *Землю Ламберта*.

Ханс Эгед и начало вторичной колонизации Гренландии

Вторичная скандинавская колонизация Гренландии началась только в 1721 году, когда норвежская торговая компания, основанная в городе Бергене, послала туда небольшую экспедицию во главе с организатором компании Хансом Эгедом (1685—1758 гг.), священником-миссионером родом с Лофотенских островов. С ним отправилась и его семья, и несколько других норвежцев.

Эгед высадился на остров у юго-западного берега Гренландии, на 64° 10' с. ш., у входа в обширный фьорд (*Готхоб*) и основал там первый (после погибших норманских) европейский поселок. Эгед обосновался именно здесь, так как считал этот район крайним юго-западом Гренландии; несмотря на исследования Давида Данеля, тогда еще сильно было мнение, основанное на скандинавских и английских картах XV—XVI веков, что Гренландия (а следовательно, и древние норманские поселения) кончается на юге приблизительно у 64-й параллели.

Миссионер вступил в дружеские отношения с местными эскимосами. В наружности их он не нашел никаких скандинавских черт, в образе жизни никаких следов скандинавского влияния. Так было в районе древнего норманского Вестербюгда, но могло быть иначе в районе Эстербюгда, то есть, как тогда продолжали думать, на восточном берегу Гренландии.

В августе 1723 года Ханс Эгед на небольшом парусно-гребном судне отправился на поиски Эстербюгда. Берег ниже 64-й параллели простирался на юго-юго-восток. Эгед рассчитывал пройти на восток проливом, который на его картах был показан между 62—63° с. ш., заходил в несколько фьордов, но не нашел никакого пролива на данной широте. Только у 61° с. ш. гренландский берег круто повернул на восток, но вскоре затем принял прежнее направление. Немного не доходя до 60-й параллели (у острова Нанорталик), Эгед повернул обратно, уступив требованию утомленной команды. Во время этого летнего плавания он обследовал участок юго-западного и южного побережья Гренландии протяжением около 500 км.

Основанная Эгед бергенская торговая компания через пять лет распалась. «Заботу» о Гренландии взяла на себя датская корона. Правителем новой гренландской колонии был назначен Клаус Порс. Он прибыл туда в 1728 году во главе небольшой флотилии и основал на берегу «материка» Гренландии, близ островка, где до этого жил Эгед, поселок Готхоб, ставший центром датской колонии.

Летом следующего, 1729 года Порс, все еще не терявший надежды открыть пролив в районе Готхоба, обследовал западное гренландское побережье от 64° с. ш. (фьорд Амералик) до Северного полярного круга; там он на островке поставил временный форт.

Пятнадцать лет провел Ханс Эгед в западной Гренландии. Конечно, этот миссионер не благословлял массового истребления гренландских эскимосов и не обращал их насильственно в христианство. Однако его «апостольская деятельность» помимо его воли все же привела к гибели огромного большинства тех эскимосов, с которыми общался сам миссионер и члены его семьи. Новообращенные христиане сотнями умирали от оспы; и в своем дневнике Эгед дает потрясающее описание хода эпидемии и ужаса, охватившего эскимосов. Уцелели только немногие — те, кто в панике бежали из зараженного района Готхоба, с отчаянием в душе оставив больных и умирающих — родных и близких людей.

Ханс Эгед вернулся в 1736 году в Европу, в Копенгаген, где стал первым учителем эскимосского языка. Он дал первое подробное описание быта эскимосов, основанное не на беглых «летних впечатлениях» его предшественников, арктических мореплавателей, а на многолетних наблюдениях. В начале XX века исследователи северной Гренландии назвали в его честь на Земле Пири горы (на наших картах — *Ганс Эгед*) с вершиной 1950 м.

В 1734—1742 годах копенгагенская фирма купца Якоба Северина, получившего на несколько лет монопольное право торговли с Гренландией, основала на юго-восточном берегу

залива Диско промысловый поселок *Кристиансхоб*. Исследуя к северу восточное побережье залива Диско, датчане открыли там разветвленный фьорд и ледник, спускающийся к нему, и поставили в 1741 году у входа в фьорд на 69°15' с.ш. поселок, названный в честь главы фирмы *Якобсхавн*. А в следующем, 1742 году фирма Северина основала на юго-западном берегу Гренландии у 62° с. ш. третий промысловый поселок, *Фредериксхоб*.

Исследование южного и восточного побережья Гренландии во второй половине XVIII века

Как мы видели, к середине XVIII века новые европейские колонисты организовали промысловые поселки только на западном побережье Гренландии — от 62 до 69° с.ш. Сменившая к тому времени фирму Северина датская Всеобщая торговая компания предложила своему агенту Педеру Валле исследовать южное и по возможности восточное побережье Гренландии. Кроме основных, промысловых, заданий, он получил и дополнительное — искать на побережье следы древних норманских поселений.

Впервые в европейской гидрографической практике основной рабочей силой в исследовательской экспедиции Валле, продолжавшейся два года, были женщины: для передвижения использовали эскимосский «умиак» — большую грузовую лодку с открытым верхом, где гребут только женщины (поэтому ее часто называют «женской лодкой»). Вся команда у Валле состояла из четырех женщин и двух мужчин.

Отправным пунктом экспедиции был *Фредериксхоб*, откуда Валле вышел в середине августа 1751 года, но широкая исследовательская работа развернулась только в сентябре на южном берегу, в Бреде и соседних фьордах. Здесь Валле и провел зиму.

В середине апреля 1752 года он продолжал путь на юго-восток, заходя и исследуя каждый фьорд, обогнул в начале июля южную оконечность Гренландии и начал медленное продвижение на север вдоль восточного побережья. Из-за тяжелых льдов он, однако, вынужден был у 61° с. ш. повернуть обратно. Вторую зимовку он также провел на южном берегу, а в конце июня 1753 года вернулся в *Фредериксхоб*.

Валле завершил исследование южного побережья Гренландии и указал, что это изрезанное фьордами и усеянное островами побережье является исключительно ценным рыболовным угодьем.

После экспедиции Валле Всеобщая торговая компания не проводила никаких исследовательских работ. В 1774 году она была лишена своих привилегий, и монопольная торговля с Гренландией с того времени ведется непосредственно датскими

поднялась буря и его судно было повреждено льдами. Мыс к северу от новооткрытого фьорда был назван Левенерн.

Кристиан Эгед в следующем, 1787 году еще раз повторил попытку войти в какой-нибудь восточный гренландский фьорд, но и на этот раз потерпел полную неудачу.

Еще через десять лет — около 1797 года — восточное побережье Гренландии посетил русский кормщик помор Павков. Направляясь на зверобойный промысел от Мурманского берега к Груманту (Шпицбергену), Павков был отнесен восточными ветрами и течениями далеко на запад. После длительного плавания он вошел во льды и увидел за ними землю. Пробравшись сквозь льды, Павков вошел «в реку или узкий пролив», по которому прошел более 30 км.

На берегах пролива он видел следы людей, а также «кляпцы» (капканы) для ловли зверей. Вернувшись к морю, Павков благополучно вышел обратно через льды в свободное море и перешел в восточном направлении к Шпицбергену. Приведенные подробности этого плавания несомненно свидетельствуют о том, что Павков побывал на восточном берегу Гренландии. Люди, следы которых помор видел, — эскимосы, принадлежащие к самой восточной группе этой народности, расселившейся на всем побережье Американской Арктики, от Берингова пролива и Берингова моря до Гренландского моря и Датского пролива.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ XIX ВЕКА (КРОМЕ АРКТИКИ)

Глава 33

ЗАВЕРШЕНИЕ РУССКИМИ ОТКРЫТИЯ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

„Нева“ в Русской Америке

Из двух судов первой русской кругосветной экспедиции под начальством Ивана Федоровича Крузенштерна только корабль «Нева» (370 тонн) под командованием Юрия Федоровича Лисянского (1773—1839 гг.) плывал у берегов Северной Америки.

В августе 1803 года корабли «Надежда» и «Нева» вышли из Кронштадта, в феврале 1804 года обогнули мыс Горн. За Гавайскими островами корабли пошли разными путями: «Надежда», которой командовал Крузенштерн — на северо-запад, к Камчатке, «Нева» — прямо на север, в Русскую Америку, к острову Кадьяк.

На Кадьяке Лисянский получил письмо с острова Ситха (теперь остров Баранова, по имени главного правителя Русской Америки А. А. Баранова); из письма видно было, что Баранов очень нуждается в его помощи. Лисянский направился тогда к архипелагу Александра и оказал на острове Ситха военную помощь Баранову в стычках с индейцами тлинкитами (колошами, как их называли русские): эти индейцы, подстрекаемые американцами, разрушили русское укрепление на Ситхе в 1802 году. Вместо разрушенной крепости Баранов построил новую — Новоархангельск (теперь Ситха), куда он вскоре перенес центр Русской Америки.

В конце 1804 и в 1805 году Лисянский вместе со штурманом «Невы» Даниилом Васильевичем Калининым произвел опись берегов Кадьяка и соседних островов, а также нескольких островов у восточного берега залива Аляска. В архипелаге Александра при описи Калинин обнаружил, что мнимый северо-западный выступ Ситхи является в действитель-

ности отдельным небольшим островом, который получил имя *Крузов*. Другой, большой остров к северу от Ситхи, отделенный от нее узким проливом, Лисянский назвал именем *Чичагова*.

Осенью 1805 года Лисянский с грузом пушнины, принадлежавшей Российско-американской компании, совершил плавание от Русской Америки к Южному Китаю, в Кантон. Из Кантона Лисянский в течение 142 дней проделал беспрецедентный безостановочный переход вокруг мыса Доброй Надежды в Портсмут (Англия). 5 августа 1906 года он прибыл в Кронштадт, завершив кругосветное плавание, первое в летописи русского флота.

Даниил Васильевич Калинин, вернувшись на «Неве» в Кронштадт вместе с Лисянским, в 1806—1808 годах снова плавал на «Неве» под командой Л. А. Гагемейстера в Русскую Америку. В 1808—1809 годах «Нева» по поручению А. А. Баранова искала несуществующие земли к югу от Аляски. В 1810 году Гагемейстер передал «Неву» в распоряжение Баранова, а сам через Охотск и Сибирь вернулся в Петербург. Калинин остался на службе Компании и плавал между Новоархангельском и Охотском. Осенью 1812 года он перешел на «Неве» под командой лейтенанта Якова Аникеевича Подушкина в залив *Принс-Вильям* (северная часть залива Аляска), а оттуда пытался перейти при переменных штормовых ветрах к архипелагу Александра. У открытого Калининным острова Крузова в январе 1813 года «Нева» потерпела крушение. Большинство пассажиров и команды погибло; погиб тогда и Калинин. Спаслись только двадцать пять человек, в том числе командир корабля Подушкин, выброшенный волнами на берег.

Исследование восточного побережья Берингова моря

Зимой 1817/18 года служащие Российско-американской компании — Петр Корсаковский и креолы Федор Колмаков и «помощник мореходства» Андрей Климовский* — с группой местных жителей на санях с собачьими упряжками переправились от острова Кадьяк к западному берегу залива Кука. К северу от полуострова Аляска они исследовали озеро *Илиамна* и вытекающую из него реку *Квичак* и вышли по ней к Бристольскому заливу Берингова моря. Летом 1818 и 1819 годов Корсаковский и креол Петр Устюгов описали на байдарках весь северный берег Бристольского залива, причем

* Креолами в Русской Америке называли детей от смешанных браков русских с алеутками, индианками и эскимосками. А. А. Баранов посылал способных молодых креолов учиться мореходному делу в Кронштадт в Балтийское штурманское училище. По окончании училища они получали звание «помощника мореходства». Андрей Климовский был воспитанником этого училища.

были открыты устье реки *Нушагак* и остров *Гагемейстера*, названный так в честь кругосветного мореплавателя Леонтия Андриановича Гагемейстера: в 1818 г. он временно исполнял обязанности главного правителя Русской Америки.

Продолжая исследовательскую работу, Корсаковский и Устюгов осмотрели также американское побережье Берингова моря до южного рукава дельты *Квикпака* (так низовые жители называли в первой половине XIX века реку, которую индейцы, жившие в ее верховьях, именовали *Юконом*). Долгое время, до 1863 гсда, не было твердого убеждения, что *Квикпак* и *Юкон* — одна и та же река, хоть и в среднем и даже в нижнем течении большие ее участки наносились на русские карты под сходными названиями (например, *Юкхана* на карте Л. А. Загоскина, 1844).

В начале июля 1819 года, в одно время с первой русской антарктической экспедицией Беллинсгаузена — Лазарева, русское правительство послало из Кронштадта морскую экспедицию в Тихий океан — вокруг мыса *Доброй Надежды*; задание было открыть Северный проход из Тихого океана в Атлантический. Начальником ее был назначен Михаил Николаевич Васильев (1770—1847 гг.) В распоряжение этой арктической экспедиции (как и антарктической) были даны два по существу разнотипных судна, хотя оба и именовались шлюпами: «Открытие» под командованием начальника всей экспедиции М. Н. Васильева и «Благонамеренный» под командованием Глеба Семеновича Шишмарева*, незадолго до этого вернувшегося из кругосветного плавания на «Рюрике» (см. часть пятую).

На пути они обогнули мыс *Доброй Надежды* и встретились через неделю в Сиднее. В середине мая 1820 года в Тихом океане у 29° с. ш. шлюпы снова разлучились по распоряжению Васильева. Соединились они в середине июля в открытом экспедицией на «Рюрике» заливе *Коцебу* (юго-восточная часть Чукотского моря у берегов северо-западной Америки).

Вышли корабли оттуда вместе, но тихоходный «Благонамеренный» отстал (дошел только до 69°01'), а Васильев на «Открытии» достиг 71°06' с. ш., то есть продвинулся на 22 минуты севернее Кука. Зимовали в Сан-Франциско (ноябрь 1820 — февраль 1821 г.), где Шишмарев и штурман «Открытия» Михаил Рыдалев произвели первую точную опись залива *Сан-Франциско*. В июне 1821 года близ Уналашки шлюпы разлучились. Васильев пошел на северо-восток, к мысу Ньюэнем (меж-

* Рассказ об экспедиции Васильева — Шишмарева помещается в данной части, а не в пятой, так как экспедиция действовала в основном не в Северном Ледовитом океане, а в Беринговом море и именно при исследовании его восточной, американской части добилась значительных географических результатов.

ду заливами Кускоквим и Бристольским Берингова моря). Оставив здесь с ботом для гидрографических работ Александра Павловича Авинова, он двинулся на северо-запад, и 11 июля 1821 года открыл у 60° с. ш. остров *Нунивак*, который назвал в честь своего корабля *Открытие* (под таким двусмысленным названием этот остров значится на наших картах). Команда «Открытия» описала южный берег острова (два мыса названы именами участников экспедиции). Через два дня этот же остров независимо от М. Н. Васильева был открыт двумя судами Российско-американской компании под командой Василия Степановича Хромченко и «вольного морехода» * Адольфа Карловича Этолина **. Пройдя через Берингов пролив в Чукотское море, М. Н. Васильев направился на северо-запад, описал американский берег между открытыми Куком мысами Лисберн и Айси-Кейп и из-за льдов повернул обратно, добившись в продвижении на север меньшего успеха, чем в минувшем году. В сентябре он бросил якорь в Петропавловской гавани.

Между тем Шишмарев согласно заданию продолжал опись острова Святого Лаврентия, прошел в середине июля Берингов пролив, достиг к концу июля с величайшими усилиями — из-за тяжелых льдов и противных ветров — 70°13' с. ш. и вынужден был повернуть на юг. В пути Шишмарев завершил опись острова Святого Лаврентия и прибыл в Петропавловск через десять дней после Васильева.

Раньше всех в середине августа в Петропавловск вернулся Авинсв. Он за это время описал на боте участок северо-западного берега Америки в районе мыса Ньюэнем от острова Гагемейстера (Бристольский залив) до мыса Гудныйос (залив Кускоквим), а затем удачно совершил переход через Берингово море к Камчатке. Оба шлюпа вокруг мыса Горн вернулись в начале августа 1822 года в Кронштадт, завершив кругосветное плавание.

Завершение исследования тихоокеанского побережья Северной Америки

В 1826 году из Кронштадта была послана в Тихий океан экспедиция на двух военных кораблях под общим начальством Михаила Николаевича Станюковича (он же командир одного из кораблей); вторым кораблем командовал известный исследователь Европейской Арктики Федор Петрович

* То есть не находящегося на военной службе.

** В 1821—1823 годах Хромченко и Этолин производили опись восточного, американского, побережья Берингова моря. При этом Этолин открыл залив *Кускоквим* и восточный берег пролива между островом Нунивак и материком (пролив *Этолина*).

Литке. Основным заданием экспедиции было исследование северной части Тихого океана и опись противолежащих берегов Северной Америки и Азии. Станюкович поделил это задание между обоими кораблями (Литке работал в азиатских водах), и в основном каждый командир в дальнейшем действовал самостоятельно. Оба совершили в 1826—1829 годах кругосветное плавание и вернулись почти в одно время.

М. Н. Станюкович (впоследствии адмирал, отец известного писателя), командуя шлюпом «Моллер», выбрал полем своей деятельности русско-американские воды. В 1828 году он исследовал Алеутские острова и руководил съемкой северного берега полуострова Аляска и прилегающих островов.

Штурманский помощник Андрей Худобин, уже раз обогнувший земной шар (с М. Н. Васильевым) и плававший тогда в восточной части Берингова моря, принимал участие в этих съемках. У северных берегов Аляски он открыл группу небольших островов *Худобина*.

В 1829—1835 годах главным правителем Русской Америки был Фердинанд Петрович Врангель, дважды кругосветный мореплаватель, известный исследователь русской Арктики, географ и гидрограф. Он обошел тихоокеанское побережье Америки от Берингова пролива до Калифорнии, собрав при этом большие географические и этнографические материалы. Врангель убедился, что на материковом побережье залива Аляска слабее других обследован и фактически совершенно не освоен русскими тот участок, который находится, как тогда думали, непосредственно за островами Чичагова и Баранова, примерно между 56 и 58° с. ш.

Между тем во второй четверти XIX века именно через этот участок английская Компания Гудзонова залива искала кратчайший выход к Тихому океану от верховьев Пис-Ривер. Агенты компании нашли такой выход — по долине открытой ими реки *Скины** и в 1826 году поставили в ее верховье форт, затем в 1831 году в устье более северной реки Насс — другой форт (*Порт-Симпсон*). Грозил захват Компанией Гудзонова залива юго-восточной материковой полосы Русской Америки (к югу от бухты Линн). Чтобы помешать захвату, Врангель послал в эту полосу Дионисия Федоровича Зарембо — опытного военного моряка из штурманов, который открыл там значительную реку *Стикин* (стекает с гор *Стикин*) и поставил в ее устье *Дионисиевский редут*. Зарембо обнаружил также, что между островом Баранова и подлинным материковым берегом лежит целая группа островов. Исследование ее завершено было в 1835—1841 годах при преемнике Врангеля Иване Антоно-

* По долине Скины проходит теперь конечный, западный участок канадской железнодорожной магистрали Эдмонтон — Принс-Руперт.

виче Куприянове*, причем на смену Зарембо в конце тридцатых годов был послан Прокофий Платонович Митьков. Так открыт был в центральной части архипелага Александра крупный остров Куприянова, к востоку от него, прямо против устья реки Стикин — остров Митькова, а к юго-западу и югу от устья — острова Зарембо, Этолин и Врангеля.

В 1845—1850 годах главным правителем Русской Америки был военный моряк Михаил Дмитриевич Тебенев, который ранее, в 1829—1831 годах, производил гидрографические работы в северо-восточной части Берингова моря и в архипелаге Александра. В годы своего управления он организовал несколько экспедиций; важнейшая из них под руководством вольнонаемного шкипера Архимандритова завершила исследование полуострова Кенай и соседних островов (1846 год). Тебенев подытожил огромную работу по выявлению точной карты тихоокеанского побережья Северной Америки, проделанную русскими со времени экспедиции Беринга—Чирикова до его времени, в составленном им в Новоархангельске атласе**, изданном уже в Петербурге.

Глава 34

ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННИХ РАЙОНОВ РУССКОЙ АМЕРИКИ ДО 1867 ГОДА

Первые исследователи внутренних областей Русской Америки

Русские начали проникать в глубь северо-западной Америки с юга, со стороны залива Аляска. К началу девятидесятых годов XVIII века промышленники на службе одной из компаний, поглощенных вскоре Российско-американской компанией, перейдя от острова Кадьяк на Аляску, открыли большое озеро Илиамна к северу от полуострова, близ 60-й параллели. «Передовщик» промысловой артели Алексей Иванов во время трехмесячного зимнего похода продвинулся оттуда с группой товарищей довольно далеко на север или северо-запад — приблизительно на 300—400 км от озера Илиамна.

По сообщению Иванова, он пересек несколько десятков малых рек и две большие и посетил много крупных селений. К сожалению, лишь в немногих случаях приведенные им названия рек и селений можно отождествить с теми, которые нанесены

* Куприянов до его назначения главным правителем Русской Америки также совершил два кругосветных плавания — под командой Лазарева, причем в первый раз плавал в Антарктике на «Мирном».

** «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриентес и островов Алеутских...», СПб., 1852.

были на карты позднейшими исследователями. Несомненно, однако, что Иванов пересек *реку Нушагак* (впадает в Бристольский залив) в ее верхнем течении, перешел от нее на реку Холитна или ее приток Хохолитна (у Иванова «Хахлитна») и оттуда достиг «большой реки Тутны, впадающей в море», то есть *реки Кускоквим**. По долине Кускоквима он, по-видимому, спустился до того места, где река выходит из гор в широкую приморскую низменность (у 160° з. д.) и сближается с низовьем другой «большой реки, впадающей в море — Балсанды». Иванов перешел на нее и затем повернул обратно. На карте Аляски нет реки со сходным названием, но за нижним Кускоквимом, недалеко от него, течет в море только одна большая река — Квикпак (нижний Юкон). Не ясно, действительно ли доходил Иванов до Квикпака или только собрал о нем некоторые сведения.

В 1805 году главный правитель Русской Америки Баранов послал промышленника Баженова на разведку рудных месторождений *реки Медной* (Коппер-Ривер). Баженов поднялся, по его показанию, более чем на 300 верст от устья Медной — следовательно, пересек приморскую горную страну (*горы Чугач*) и зашел на север на 62-ю параллель. Он подтвердил прежние сообщения о наличии в этой полосе месторождений меди и доставил в канцелярию правителя несколько кусков самородной меди.

В 1819—1820 годах Андрей Климовский, продолжая исследование Медной, поднялся по долине этой реки до ее верховьев**. При этом он положил начало открытию того высокого горного массива с действующими вулканами, поднимающимися от 4000 до 5000 м над уровнем моря, который позднее был назван *горами Врангеля*; на их северных склонах берет начало Медная, с южных склонов стекает несколько ее притоков.

В 1820 году Российско-американская компания основала Александровский редут в устье реки Нушагак. Правителем его был назначен Федор Колмаков. «Неусыпный, деятельный... Ф. Колмаков распространил торговые операции редута, утвердил влияние наше над окружающими племенами, обратил многих туземцев в христианство, но не мог сообщить колониальному начальству верных сведений о настоящем положении мест» (Л. Загоскин).

* По словам исследователя Русской Америки Л. А. Загоскина, одно из приречных племен называло Кускоквим Ттыкини. На картах Аляски XX века есть река Титнук системы Кускоквима, и именно в том районе, который посетил Алексей Иванов.

** Позднее, в двадцатых и тридцатых годах Андрей Климовский, командуя различными компанейскими кораблями, плавал в северной части Тихого океана. Между прочим, в этот период — в 1829—1831 годах — он как командир шхуны «Акция» принимал участие в описи Шантарских островов в западной части Охотского моря (экспедиция под начальством Прокопия Тарасовича Козьмина).

Исследование центральных и южных районов Русской Америки в XIX в. (до 1867 г.)

На карте показаны маршруты походов Л. А. Загоскина в 1842—1844 гг.

Начало настоящим географическим исследованиям внутренних районов западной полосы Русской Америки положил Иван Филиппович Васильев. Этот штурман, который ранее более двадцати лет плавал на кораблях Компании в северной части Тихого океана, летом 1829 года описал реку Нушагак, причем открыл в западной части ее бассейна группу озер и горы Килбук. Помощником его и переводчиком был Семен Лукин.

Летом следующего, 1830 года Васильев вместе с Лукиным завершил открытие Нишагака и продолжил начатое Алексеем Ивановым открытие Кускоквима. Перейдя от верховья Нушагака в бассейн среднего Кускоквима, он спустился по его притоку реке Холитне до ее устья, а затем по главной реке — до моря.

«Обозрение Васильевым Кускоквима неточно: по журналу его видно, что постоянные дожди не позволили ему определить ни одного пункта астрономически. Будучи часто в опасности быть убитым туземцами, он плыл по Кускоквиму, как на почтовых, не означая даже главнейшего его направления... Описания некоторых местностей в топографическом отношении весьма определительны, а собранные им данные о богатстве страны пушными промыслами и торговых сношениях туземцев послужили колониальному начальству краеугольным камнем для основания других заселений. Васильев первый предложил мысль об основании редута в заливе Нортон, близ острова Стюарт» (Л. Загоскин).

В 1832—1833 годах Федор Колмаков основал временный торговый пост на среднем Кускоквиме, против устья Холитны, и поселил там Семена Лукина с тремя эскимосами. Колмаков и Лукин исследовали Кускоквим еще приблизительно на 200 км по течению, до 62-й параллели. Расширяя затем свои торговые операции, Семен Лукин открыл на этой широте левые притоки среднего Кускоквима. Они берут начало в юго-западных отрогах Аляскинского хребта. Однако ни русские, ни тем более другие европейцы тогда еще ничего не знали об этом величественном хребте. И Лукин предположил, что перед ним северный отрог хорошо известных русскими приморских гор Чигмит, которые простираются вдоль западного берега залива Кука. Честь подлинного открытия — через десять лет — Аляскинского хребта принадлежит Василию Малахову.

Ход открытия бассейна Юкона до 1867 года

В тридцатых годах XIX века служащие Российско-американской компании проникли в залив Нортон Берингова моря, начали знакомиться с внутренними районами страны, расположенными севернее Кускоквима, и скупать пушнину у местных индейцев.

was on this sea and landed.

A. 1577 in 37 deg. where hee looke

Posseßion in the name of Q

Eliza calling it new Albion.

Whose happy shores, in ten dayes march with 50 foot and 50 horse
and through the rich adjacent Vally is beautified with as profitable
Indian fish may be discovered is the exceeding benefit of Great Drift

from the head of Thames River, over those hills
rivers which necessarily must run into y^e peacefull
and soye of all true English.

Scala Miliarum

A mapp of Virginia discovered to y^e 1st
in the Lat. From 35 deg. & $\frac{1}{2}$ 1st
Florida, to 41. deg. bounds of new E

Our 1d

VIRGINIA & New

MARY LAND
the Lord Baltimore Plantation
begun 1635.

Sweet
Plant

2. Nova

Чесеплак

200

Rentāi

500

one May

7/2/08

Rentāi

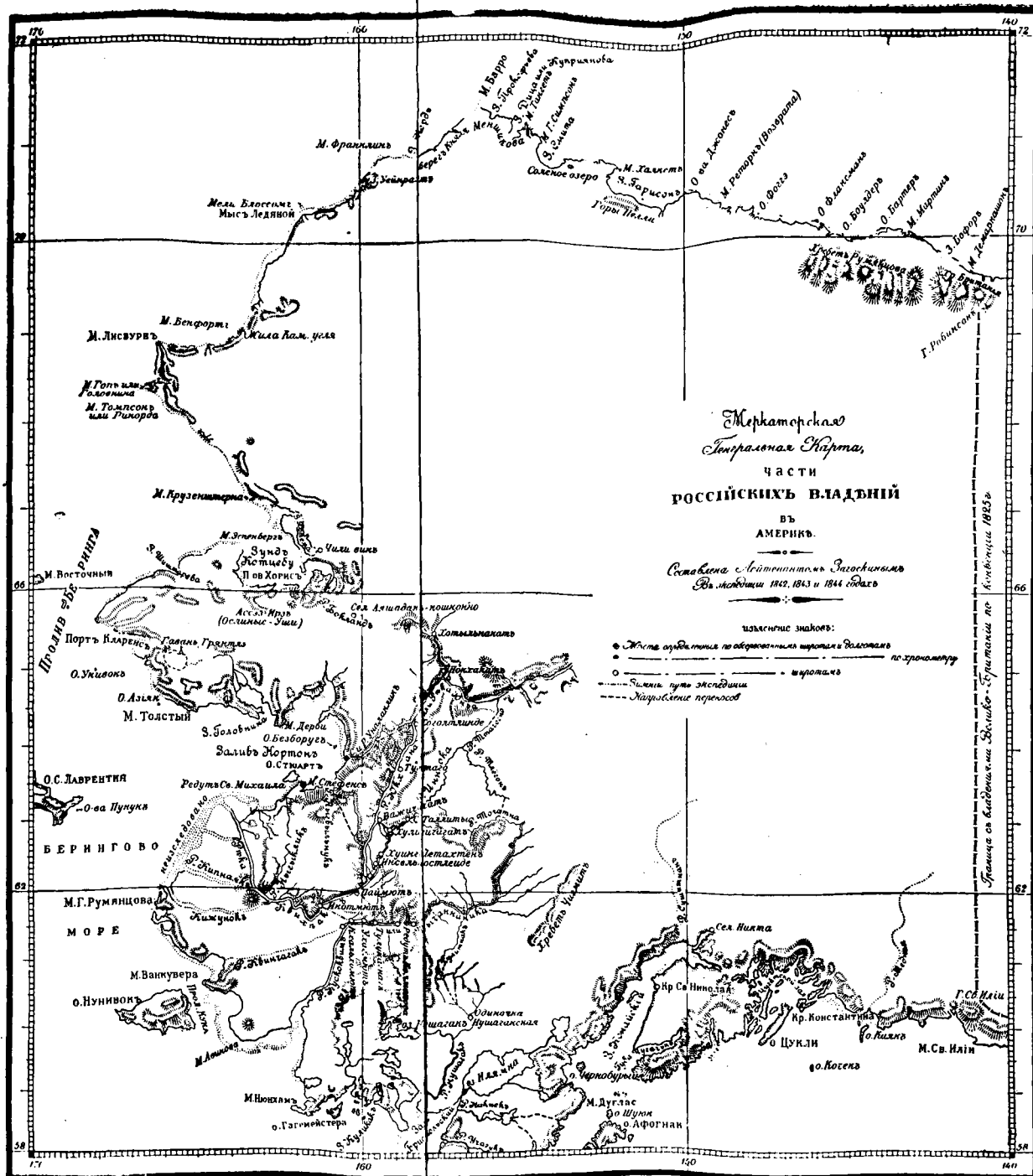
THE RE...

John Goddard

Donna Virginia Farrer Colloids are sold by F. Stephenson at 5

Beloro Lindgate. 1651

Карта Загоскина 1842—1844 гг.

В 1833 году в месте, указанном ранее И. Ф. Васильевым — к северо-востоку от дельты Юкона, на южном берегу залива Нортон, был основан *редут Михайловский* (или святого Михаила, на нынешних американских картах — *Сент-Майкл*), который стал русской базой для проникновения в центральные районы.

В 1835—1836 годах «помощник мореходства» креол Андрей Глазунов, побывавший в 1832 году в дельте Юкона, прошел по суше от Михайловского редута на восток и открыл текущую на юг небольшую *реку Анвик*, которая оказалась притоком нижнего Юкона. На байдарке Глазунов спустился от устья Анвика вниз по Юкону и вышел в море по восточному рукаву его дельты (*протока Апун*; западные и южные рукава долго еще были известны только по расспросным данным).

В 1838 году Андрей Глазунов и другой креол, также «помощник мореходства», Василий Малахов поднялись гораздо выше по Юкону — до устья *реки Нулато* ($64^{\circ}42'$ с.ш.), то есть дошли до среднего течения Юкона. Здесь они построили *редут Нулато* — первый постоянный русский поселок в глубине Русской Америки, ставший центром заготовки бобровых мехов и важным этапом для дальнейшего продвижения в глубь материка.

Зимой того же года Петр Федорович Колмаков исследовал и положил на карту большую часть течения *Инноко*, крупнейшего нижнего левого притока Юкона. Он открыл также *горы Кускоквим* (длина около 400 км, вершина выше 1500 м), перешел затем с помощью дружественно настроенных местных индейцев через этот водораздел на юг, к реке Кускоквим, уже довольно хорошо известной русским, и спустился по ней (к лету 1839 г.) до моря.

В том же, 1839 г. на службу Российско-американской компании поступил лейтенант Лаврентий Алексеевич Загоскин. Через Сибирь он прибыл в Охотск, а оттуда, командуя кораблем Компании, перешел в залив Аляска, к острову Баранова. Два года он плавал вдоль западного побережья Северной Америки, между островом Баранова и Верхней Калифорнией.

В 1842 г. Загоскин был назначен начальником экспедиции, главной задачей которой было исследовать крупнейшие реки страны — Юкон и Кускоквим. Летом, перейдя на бриге от острова Баранова в залив Нортон, он описал его южное и часть восточного побережья — от дельты Юкона до устья *реки Уналаклит* (у 64° с. ш.), затем вернулся в Михайловский редут для подготовки санного похода.

4 декабря — 15 января 1842—1843 гг. Загоскин на собаках проехал от Михайловского редута к устью Уналаклита. Он поднялся по замерзшей реке до низкого и удобного «переноса» (волока), перебрался на Юкон, а по нему поднялся до редута

Нулато. До наступления весны он обследовал ближайший северный приток Юкона — *Коюкук* (Загоскин называет его «Юннака») до его среднего течения. Он обнаружил, что отсюда идет на запад один из торговых путей, по которому юконские индейцы доставляют пушнину на *реку Бакленд*, впадающую в *залив Коцебу* Чукотского моря. Загоскин разрешил, таким образом, вопрос, который очень интересовал правление Российско-американской компании: каким путем меха, добываемые во внутренних областях страны, попадают в руки английских и американских контрабандистов, суда которых тогда уже ходили к берегам Чукотского моря через Берингов пролив.

В июне 1843 года Загоскин исследовал на байдаре не посещенный еще русскими участок среднего Юкона длиной более 200 км, вверх по течению, от устья Коюкука до порогов, преградивших ему путь ($64^{\circ}56'$ с. ш. и $154^{\circ}19'$ з. д.). В июле — августе он спустился вниз по великой реке до приморской низменности — до самой южной луки Юкона ($61^{\circ}40'$ с. ш., 162° з. д.).

Здесь, в русской «одиночке» (временный торговый пост), Загоскин остановился на вторую зимовку. Отсюда он совершил два санных похода — на реку Инноко и на нижний Кускоквим.

Весной 1844 года Загоскин на байдаре обследовал средний Кускоквим и по расспросным данным нанес на карту его верховья. Затем он вернулся к низовью Юкона и в середине июня спустился по реке до ее дельты; по знакомому ему восточному рукаву он вышел в залив Нортон и вернулся в Михайловский редут.

Зиму 1844/45 года Загоскин провел в Новоархангельске (на острове Баранова), в мае оставил Русскую Америку, а в конце 1845 года прибыл через Сибирь в Петербург. Там он написал и издал в двух частях (1847—1848 гг.) книгу о своем путешествии «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг.»*. В ней путешественник дал большой этнографический материал и первое развернутое географическое описание внутренних областей Русской Америки. При составлении книги он широко использовал карты, отчеты и рассказы своих предшественников, русских и креолов, первооткрывателей американских рек, впадающих в Берингово море. «...Три посылки креолов Глазунова, — пишет Загоскин, — две Малахова, одна П. Колмакова, не громкие, но полезные разъезды С. Лукина, наконец, совершенная мною экспедиция раскрыли обширные источники богатств этого края».

В 1844 году Василий Малахов продолжал обследование района, прилегающего с севера к заливу Кука. Он произвел съемку *Суситны*, важнейшей реки, впадающей в этот залив, и уста-

* Переиздана под названием «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг.», М., 1956.

новил, что она собирает воды многих рек, стекающих с южных склонов очень высоких гор; за этими горами, позднее названными *Аляскинским хребтом*, текут на запад, к Берингову морю, знакомые уже русским реки Кускоквим и Юкон. Таким образом, именно Малахов положил начало открытию гигантского водораздельного хребта, отделяющего бассейн Юкона на севере от рек, текущих в залив Аляска на юге.

Верховья Юкона были открыты англо-канадцами. В 1843 году агент Компании Гудзонова залива Р. Кэмпбелл, действовавший на реке Макензи, перевалил горы Макензи и у 62° с. ш. открыл текущую на запад порожистую *реку Пелли*. Он спустился вниз по Пелли и поставил форт у слияния ее с *рекой Льюис*, текущей с юга (она берет начало в озерах на северной окраине Берегового хребта). Через семь лет, в 1850 году, Кэмпбелл спустился по Юкону за русско-канадскую границу — до устья его северного большого притока *Поркьюпайн* — и проследил нижнее и среднее течение этой реки.

В том же, 1850 году другие агенты Компании Гудзонова залива спустились по главной реке ниже Поркьюпайна — до устья *реки Тананы*, величайшего южного притока Юкона. Так как русские в середине XIX века очень близко уже подходили снизу к Танане, то, следовательно, к этому времени европейцам была известна не только главная река северо-западной Америки, но и все ее значительные притоки.

Оставалось, однако, сомнение: одна ли и та же река — англо-канадский Юкон и русский Квикпак, или две различные реки. Окончательно их тождество было установлено в 1863 году. В этом году русский креол Иван Семенович Лукин поднялся вверх по Квикпаку до русско-канадской границы, и в том же, 1863 г. геолог Роберт Кеникот, руководивший работами по изысканию трассы проектируемого русско-американского телеграфа, составил по русским и английским материалам карту бассейна Юкона от его верховья до устья.

Глава 35

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАПАДНОЙ КАНАДЫ И БРИТАНСКОЙ КОЛУМБИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Поиски реки Колумбии и завершение открытия реки Фрейзер

Англо-канадская пушная Северо-западная компания, расширяя свои торговые операции, продолжала и в XIX веке посылать своих агентов для исследования Западной Канады и Британской Колумбии. Служащий этой компании Саймон Фрейзер был отправлен в 1805 году к Скалистым горам, за

Передовой хребет, на реку Парснип (одна из составляющих Пис-Ривер у 56° с. ш., 124° з. д.). Скупая у индейцев пушнину, Фрейзер и его помощник Джон Стюарт исследовали район к западу от реки Парснип и открыли там несколько озер, в том числе два носящие их имена, и ряд рек, в том числе реку Стюарт. Оказалось, что эти озера и реки связаны не с Парснипом, а с какой-то другой большой водной артерией; участок ее среднего течения, как выше указывалось, исследовал еще Александр Макензи летом 1793 года, во время пересечения им североамериканского материка (таинственная «Западная река»). Заинтересовавшись этой «Западной рекой», Фрейзер в 1807 году приступил к ее изучению. Он надеялся, что она и есть Колумбия, низовье которой было открыто американцем Робертом Греем.

Фрейзер проследил все среднее и нижнее течение «Западной реки», дошел до вершины ее дельты ($49^{\circ}10'$ с. ш., 123° з. д.), но не до самого моря. Когда Фрейзер определил широту пункта, которого достиг, он был жестоко разочарован: Колумбия, по определению Грея, впадала в море у 46° с. ш., то есть приблизительно на 350 км южнее; следовательно, Фрейзер открыл какую-то другую большую реку. Она названа его именем — рекой Фрейзер.

Заметную роль в исследовании Западной Канады сыграл также Даниел Хармон. Находясь сначала на службе Северо-западной компании, а затем самостоятельно занимаясь скупкой пушнины, он собрал новые материалы о природе и населении канадских районов, расположенных по обе стороны Скалистых гор.

Однако достижения Фрейзера и Хармона несравнимы с тем, что сделал для географии Западной Канады и Британской Колумбии их современник Давид Томпсон.

Первые исследовательские работы Томпсона

Уроженец Лондона Давид Томпсон как сын бедняка учился в одной из тех благотворительных школ, о которых с такой ненавистью и гневом писал через десятки лет Чарльз Диккенс.

Пятнадцатилетний Давид был послан «опекунами» в Канаду и там в 1785 году поступил учеником на службу Компании Гудзонова залива. Он обучился геодезии, и через четыре года был послан на съемку внутренних областей Канады.

В 1790 году двадцатилетний геодезист закончил съемку реки Саскачеван от того места, где она составляется из двух рек (Северный и Южный Саскачеван), до впадения в озеро Виннипег. После этого Томпсона перебросили в другой район —

к Гудзонову заливу. В течение нескольких лет он исследовал низовья рек, впадающих в юго-западную часть Гудзонова залива (Нельсон, Черчилль), и внутренние районы Северной Канады между Саскачеваном и устьем Нельсона.

В 1797 году Томпсон перешел на службу Северо-западной компании. Он был агентом по скупке мехов и в то же время, «по совместительству», производил съемки обширных территорий и описи рек Южной Канады и пограничной полосы США. Работая к западу от Верхнего озера, Томпсон в том же году исследовал и впервые точно нанес на карту южные притоки озера Виннипег. Весной 1798 года он заинтересовался истоком Миссисипи и верно определил район, где берет начало великая река, но ошибся в точном определении небольшого озера, из которого она вытекает, из-за чего позднее слава открытия досталась другому (Генри Скулкрафт, 1832 год).

В 1798 году Томпсон заснял южное побережье Верхнего озера. Летом того же года он вернулся на Саскачеван. А в следующем, 1799 году он произвел съемку *Малого Невольничьего озера* (более 1000 кв. км) в Западной Канаде.

В 1804—1805 годах Томпсон исследовал область к северу от озера Виннипег, так называемую область Ондатры (теперь северная часть провинции Манитобы).

Завершение открытия Томпсоном реки Колумбии

Весной 1807 года Томпсон, выполняя задание Северо-западной компании расширить район скупки пушнины, двинулся ст верховьев Северного Саскачевана на запад. Он перевалил Передовой хребет Скалистых гор и вышел у $51^{\circ}30'$ с. ш. к какой-то большой реке, текущей на северо-запад. Конечно, Томпсону в этот момент не могло даже в голову прийти, что перед ним именно та полноводная Колумбия, которую пятнадцать лет напрасно искали гораздо южнее. Он поднялся по реке почти до ее верховья (до $50^{\circ}32'$ с. ш.) и у истока соседней реки *Кутини*, текущей на юг, построил форт и там зимовал.

Не связана ли Кутини с «неуловимой» Колумбией? Томпсон в следующем году занялся разрешением этого вопроса. Он проследил течение Кутини на юг приблизительно на 300 км — река повернула на запад, огибая у $48^{\circ}30'$ с. ш. с юга *горы Селкерк*; вскоре, однако, она снова изменила свое течение на северо-западное и за 49-й параллелью широко разлилась, образуя длинное, вытянутое в меридиональном направлении *озеро Кутини*.

Томпсон временно отступил, вернулся на Саскачеван, но осенью снова прошел к верховью реки Кутини и перезимовал там. В следующем году он решил искать загадочную Колумбию

в горах, южнее того района, где река Кутини поворачивала на север. На 48-й параллели он открыл озеро *Пенд-Орил*; какая-то река (*Кларк-Форк*) текла через озеро на запад, но она вскоре переменяла свое направление, и притом почти на северное, и Томпсон снова отступил. Он перезимовал к юго-востоку от озера Пенд-Орил, а летом следующего года блуждал в этом районе в напрасных поисках Колумбии.

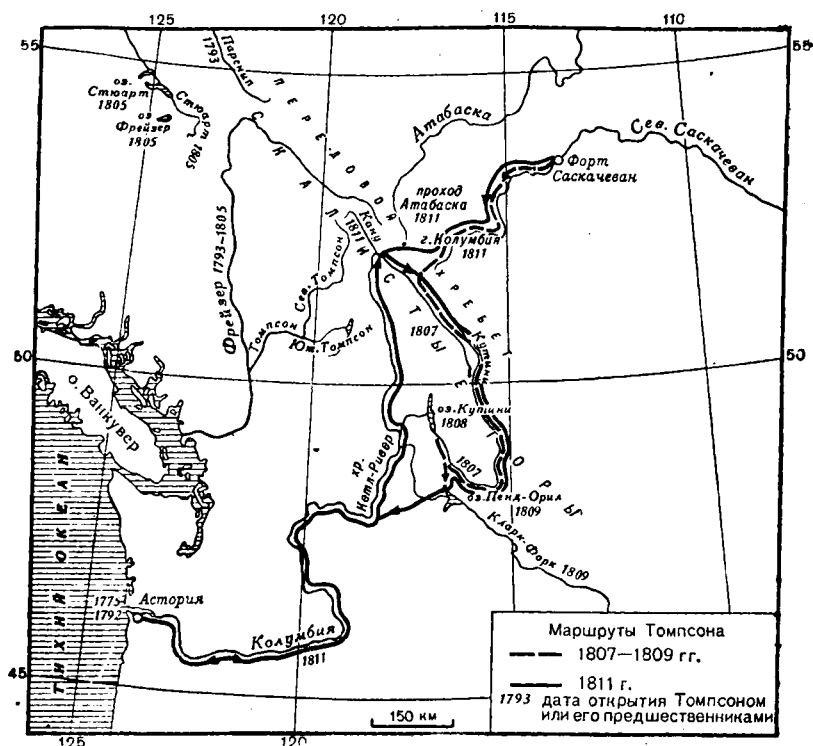
Обескураженный полной, казалось, неудачей, Томпсон зимой 1810/11 года отправился в обратный путь, в Центральную Канаду, воспользовавшись при этом долиной реки Кутини. Он поднялся до верховьев Кутини и перешел оттуда к верховью Северного Саскачевана. Но перед возвращением он решил сделать еще одну попытку разрешить «загадку Колумбии». За высокой горой (*Колумбия*, 3747 м), в ледниках которой берут начало текущие в разные стороны реки — Северный Саскачеван и Атабаска, Томпсон открыл проход через Скалистые горы.

«Перед нами, — записал Томпсон в свой путевой дневник 10 января 1811 года, — высилась крутая, засыпанная глубоким снегом гора, служившая, как видно, водоразделом между бассейнами Атлантического и Тихого океанов. Вид ее привел меня в состояние возбуждения и радости... передо мной открылся своего рода новый мир... На следующий день рано утром мы начали спуск и скоро обнаружили, что меняется не только климат, но в еще большей степени лесные породы».

К юго-западу от прохода Атабаска, у 52° с. ш., открылась та неизвестная река, которой Томпсон летом 1807 года пренебрег, так как ее верхнее течение имело северо-западное направление. Но теперь он убедился, что здесь, получив с севера приток *Кану* (52°10' с.ш.), главная река круто поворачивает на юг, огибая с севера и запада горы Селкерк.

Томпсон правильно предположил, что именно эта река и есть Колумбия. Но он по совету своих спутников индейцев не пошел зимой вниз по незнакомой долине, а поднялся вверх до истока Кутини (приток Колумбии); затем он прошел знакомым уже путем до озера Пенд-Орил и, двигаясь оттуда на запад, приблизительно по 48-й параллели, достиг того места полноводной реки, где к ней подходит хребет *Кетл-Ривер*, образуя мощные пороги (119° з. д., район *Гранд-Кули*). Обойдя эти нижние пороги, Томпсон в середине лета того же года дошел до американской пушной фактории Астория в устье Колумбии.

«На следующий день, — записал Томпсон 16 июля, — в каное я со своими людьми достиг мыса Дисаппойнтмент, где река впадает в океан, и дождался там прилива. Теперь я могу сказать, что я полностью закончил съемку этой части Америки от моря до моря [от Гудзонова залива до Тихого океана]. Путем бесчисленных астрономических наблюдений я определил положение гор, озер, рек и другие важные черты этой северной час-

Исследование бассейна Колумбии

ти континента. И вся работа в совокупности отняла у меня двадцать семь лет».

От устья Колумбии Томпсон и его спутники вернулись верхом на лошадях к порогам Кетл-Ривер. Оттуда он поднялся до устья Кану по Колумбии и закончил, таким образом, съемку от верховья до устья этой реки (длина ее 2250 км, площадь бассейна, по разным исчислениям, от 655 000 до 770 000 кв. км).

В 1816—1826 годах Давид Томпсон был членом смешанной англо-американской пограничной комиссии и заснял полосу границы от реки Святого Лаврентия до Лесного озера.

Из-за куса хлеба Томпсон вынужден был работать, пока ему позволяли силы. Умер он в 1857 году в Канаде в глубокой старости, в такой же нищете, в какой рос в Англии.

За все время работы Томпсон проделал около 80 000 км верхом, на нартах с собачьей упряжкой, пешком, в индейских челнах, причем часто по совершенно неразведанной раньше территории. При жизни ему не дали возможности издать ни опи-

сания его путешествий, ни тем более его путевых дневников.

«Повесть Давида Томпсона об его исследованиях в западной Америке» была впервые издана в 1916 году, почти через шестьдесят лет после его смерти. И тогда только его соотечественники в Англии и Канаде с удивлением узнали, что скромный агент-геодезист Давид Томпсон «был одним из крупнейших исследователей всех времен и, пожалуй, самым крупным исследователем Нового Света, не знающим себе равных ни в отношении покрытых им расстояний... ни точности работы» (Дж. Бейкер).

Глава 36

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ ДАЛЬНЕГО ЗАПАДА США В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Организация экспедиции Льюиса — Кларка и исследование ею всего течения Миссури

В 1803 году Наполеон I продал США западную Луизиану, иначе говоря, правобережье Миссисипи с Новым Орлеаном, снова (с 1800 года) формально принадлежавшую Франции, за 60 миллионов франков. Территория Луизианы была очень слабо исследована. Границы ее на западе не были установлены, поскольку Скалистые горы и лежащие за ними на западе нагорные и тихоокеанские области почти не были изучены. Не была проведена граница и на севере — между бывшей французской Луизианой и британской Центральной и Западной Канадой. Между тем агенты англо-канадской пушной Северо-западной компании проявляли большую активность.

Для исследования новых северо-западных областей США, в частности бассейна Миссури, и для установления географической связи их с Тихим океаном президент США Томас Джефферсон приказал организовать экспедицию, начальником которой назначил своего личного секретаря, капитана Мэриуотера Льюиса. Помощником Льюис взял товарища по военной службе Вильяма Кларка.

Экспедиция Льюиса — Кларка получила официальное задание: «проследить реку Миссури до ее верховьев; пересечь Нагорье и отыскать лучший водный путь от Нагорья к Тихому океану». Кроме чисто географических заданий, экспедиции предложено было собирать этнографические сведения о западных индейских племенах и о пушных промыслах в верхнем бассейне Миссури и на тихоокеанском побережье Северной Америки. Джефферсон предоставил Льюису как начальнику экспедиции полную свободу в выборе маршрута, так как возможны были вооруженные столкновения с местными индейцами, подстрекае-

мыми агентами английских пушных компаний. Это была первая правительственная американская исследовательская экспедиция, широко поставленная, превосходно обеспеченная всеми необходимыми средствами.

Экспедиция выступила из Вашингтона летом 1803 года, перешла Аппалачи, спустилась в сентябре вниз по Огайо от Питтсбурга до устья реки и поднялась по Миссисипи до устья Миссури, где и остановилась на зимовку.

В середине мая 1804 года экспедиция начала плавание вверх по Миссури на трех речных судах. На пути американцы не встречали никаких препятствий со стороны индейцев и канадских скупщиков пушнины. Напротив, они помогали Льюису и Кларку, сообщая об условиях судоходства по рекам системы Миссури и о торговых путях индейцев.

Пройдя около 2 500 км, экспедиция остановилась на зимовку в стране индейцев манданов, впервые, как уже говорилось, посещенной младшими Вареннами. К весне 1805 года американцы построили шесть новых небольших челнов, так как большие речные суда могли оказаться непригодными для плавания в верховьях Миссури.

Со времен младших Вареннов, то есть с сороковых годов XVIII века, в верхнем бассейне Миссури побывали сотни скупщиков пушнины из разных частей Северной Америки. Льюис и Кларк при дальнейшем движении на запад не сделали никаких географических открытий в прямом смысле этого слова. Они только собрали и упорядочили обширный географический материал, подытожили данные, собранные их предшественниками, дали некоторым географическим объектам английские названия, которые с того времени встречаются на картах северо-западных областей США. Иными словами, они были не первооткрывателями, а исследователями.

При осуществлении важнейшей задачи американской экспедиции — «отыскания лучшего водного пути от Нагорья к Тихому океану» — наибольшую помощь Льюису и Кларку оказала молодая индианка-горянка из племени шошонов, по имени Сакаджавеа. За несколько лет до встречи с путешественниками она сопровождала своих соплеменников, когда они отправились охотиться на бизонов в долину верхней Миссури, и была захвачена враждебными племенами в районе, где три горные реки, сливаясь, образуют Миссури. Живший на плато Миссури франко-канадский «лесной бродяга» Туссен Шарбонно случайно встретился с Сакаджавеей и женился на ней. По свидетельству участников американской экспедиции, Сакаджавеа «отличалась выдающимся умом и независимым характером». Она явилась с мужем и двухмесячным ребенком предложить свои услуги американцам и стала подлинным руководителем экспедиции на самом трудном участке пути.

Льюис отослал на восток треть своих людей с лишним багажом, а сам 9 апреля 1805 года с остальными двинулся по Миссури на индейских челнах.

За 106° з.д. в Миссури впадает слева крупный приток Милк. Сакаджавеа предупредила Льюиса, что эту реку следует миновать, так как подъем по ней заведет экспедицию в горный тупик. Но несколько выше в Миссури впадает другая река, текущая с запада, которую Льюис назвал *Марией* (на наших картах Марайас).

Льюису показалось, что эта река служит кратчайшим путем к Тихому океану, но она завела его в тот же тупик, о котором предупреждала раньше Сакаджавеа: и Милк, и Мария берут начало в хребте Льюис—южном участке Передового хребта Скалистых гор, а за ним простирается ряд высоких меридиональных хребтов, между которыми в разных направлениях текут несудоходные реки.

Следуя далее вверх по Миссури, экспедиция частью обогнула, частью пересекла пустынный район с причудливыми формами выветривания песчаников — так называемые бэд-лендс. 13 июня экспедиция достигла *Больших водопадов (Грейт-Фолс)* на Миссури, первое описание которых дал Льюис. Выше водопадов началась страна шошонов — родина Сакаджавеи.

На обход порожистого участка Миссури ушло около месяца. А еще через десять дней экспедиция достигла *Три-Форкс* («Трезубец») — места слияния трех истоков Миссури. Льюис назвал эти горные реки в честь трех американских политических деятелей того времени: западную, большую, — *Джефферсон*, среднюю — *Мадисон*, восточную — *Галлатин* *.

Посоветовавшись с Сакаджавеей, Льюис решил идти дальше вверх по реке Джефферсон. У Три-Форкс он разделил своих людей. Больной Кларк стал во главе «речного отряда», который медленно поднимался вверх по мелководной реке на тяжелых челнах, выдолбленных из больших стволов деревьев. Сам Льюис во главе «конного отряда» поспешил вверх по долине Джефферсона, чтобы поскорее найти стоянку шошонов и просить у них поддержки. Он достиг верховья Джефферсона 10 августа, а Кларк прибыл туда только через неделю, 17 августа 1805 года.

Таким образом, экспедиция Льюиса — Кларка выполнила первое задание — *проследила все течение Миссури*, поднявшись на лодках от устья великой реки до ее главного истока включительно на расстояние более 4700 км.

* Джеймс Мадисон — сторонник Джефферсона, позднее президент США (1808—1816 гг.). Альберт Галлатин — министр финансов Джефферсона; их именами названы также горы, протягивающиеся вдоль правых берегов обеих рек — хребты *Мадисон* и *Галлатин*.

Завершение пересечения территории США Льюисом и Кларком

Еще до прибытия Кларка Льюис встретил первого индейца шошона: от страны манданов до верховья Джефферсона американцы ни разу не встречали на своем пути людей. А через несколько дней индейцы начали подходить к американцам большими группами. Они отнеслись сначала подозрительно к американцам-всадникам, прибывшим к ним из страны врагов. Но когда подошел «речной отряд», в котором находилась Сакаджавеа, между путешественниками и индейцами установились вполне дружеские отношения, тем более что один из вождей оказался ее братом.

С проводниками-шошонами американцы без особых затруднений перевалили южный участок хребта *Биттер-Рут* и вышли на реку *Салмон* (приток *Снейка*, системы Колумбии). Река здесь пролагала себе путь через узкое ущелье, по которому отряду было очень трудно идти, и шошоны указали более удобную северную дорогу, которая вывела американцев в долину *Клируотер*. Они там оставались до 7 октября 1805 года. Индейцы другого, родственного шошонам племени — опять-таки при участии Сакаджавеи — привели экспедицию через три дня на реку *Снейк**, а еще через неделю, 16 октября, американцы добрались до Колумбии.

Плавание вниз по этой реке, в том числе через порожистый участок при пересечении *Каскадных гор*, прошло вполне благополучно. 15 ноября экспедиция достигла Тихого океана, закончив пересечение всего материка Северной Америки с востока на запад.

Перезимовав в устье Колумбии, экспедиция 23 марта 1806 года отправилась в обратный путь. На реке *Клируотер* она разделилась. Отряд Льюиса прошел прямо на восток к *Миссури* через перевал *Лоло* в центральном участке хребта *Биттер-Рут*. Отряд Кларка вернулся уже разведанным путем к реке *Джефферсон*. От *Три-Форкс* он перебрался на *Йеллоустон* — к месту, где этот крупнейший приток *Миссури* выходит на равнину. Кларк проследил его среднее и нижнее течение до устья и соединился с Льюисом на реке *Миссури*, по которой вся экспедиция спустилась до *Миссисипи* (23 сентября 1806 года)**.

* Выше устья *Салмона* к левому берегу *Снейка* подходят горы *Уоллова*. Их вершина теперь называется *Сакаджавеа-пик* (3058 м).

** Дневники Льюиса, Кларка и некоторых других участников их экспедиции были обработаны и сведены в общее описание путешествия, изданное в Филадельфии в 1814 году (ряд переизданий). В 1933 году в Лос-Анжелесе вышла в свет монография об индианке Сакаджавеи: Г. Р. Хебард. Сакаджавеа.

Разведка Пайка

В первые годы XIX века своими работами в верхнем бассейне Миссисипи выделился американский лейтенант Зебулон Пайк. В 1806 году он был переброшен на исследование южной части Плато Прерий. От устья Миссури он поднялся до ее нижнего притока *Осейдж*, проследил всю его долину и, повернув на северо-запад, исследовал верхний *Канзас*. Оттуда Пайк перешел на юг, к *Арканзасу* и поднялся по его долине до Скалистых гор. На подступах к ним, у южной окраины Передового хребта, он открыл небольшой горный массив с вершиной до 4300 м над уровнем моря (*Пайкс-пик*), а к западу от массива — «Белоснежные горы», теперь *Саватч*, у вершины которых (*Элберт*, 4399 м) берет начало Арканзас. Оттуда Пайк двинулся прямо на юг, с тем чтобы, по его заявлению, добраться до не исследованных еще тогда верховьев Ред-Ривер, нижнего притока Миссисипи. Но долина, по которой он шел на юг, привела его не к Ред-Ривер, а к *Рио-Гранде*. Пайк, не зная этого, перевалил Скалистые горы, оказался к западу от хребта *Сангре-де-Кристо*, то есть на территории, которую Испания считала тогда своим бесспорным владением.

Вскоре Пайк был захвачен испанскими солдатами как американский разведчик и совершил невольное далекое путешествие на юг, до города Чиауа. Допросивший американца испанский генерал поверил его показанию — или из дипломатических соображений сделал вид, что поверил ему, — и выслал его на территорию США через северо-западную границу Мексики (то есть через Техас.)

«В Мексике Пайк внимательно во все всматривался и вслушивался и привез с собой ценнейшее ее описание... Именно Пайку правительство Соединенных Штатов обязано первыми точными сведениями о нынешних штатах Нью-Мексико и Техас и о Северной Мексике» (Дж. Бейкер). К этому нужно прибавить, что Пайк первый собрал точные сведения о восточной, предгорной, и центральной, горной полосе нынешнего штата Колорадо, где находятся открытые им высоты. Продвигаясь вольно и невольно на юг вдоль склонов гор Саватч и Сангре-де-Кристо, Пайк проследил юго-восточную окраину североамериканского Нагорья.

„Асторианцы“ на Дальнем Западе

Исследование Дальнего Запада США после экспедиции Льюиса — Кларка и путешествия Пайка продолжали агенты американских пушных компаний. В первые десятилетия XIX века особую активность проявили скупщики мехов на службе у *Тихоокеанской пушной компании*, организованной в 1810 году немцем-иммигрантом Иоганном-Якобом Астором, осно-

вателем «династии» американских мультимиллионеров Асторов. Эти торговые агенты вошли в историю исследования Северной Америки под именем «асторианцев» *.

Отправной базой, откуда Тихоокеанская пушная компания Астора чаще всего отправляла своих агентов на Дальний Запад, был город Сент-Луис, расположенный на правом берегу Миссисипи, несколько ниже устья Миссури.

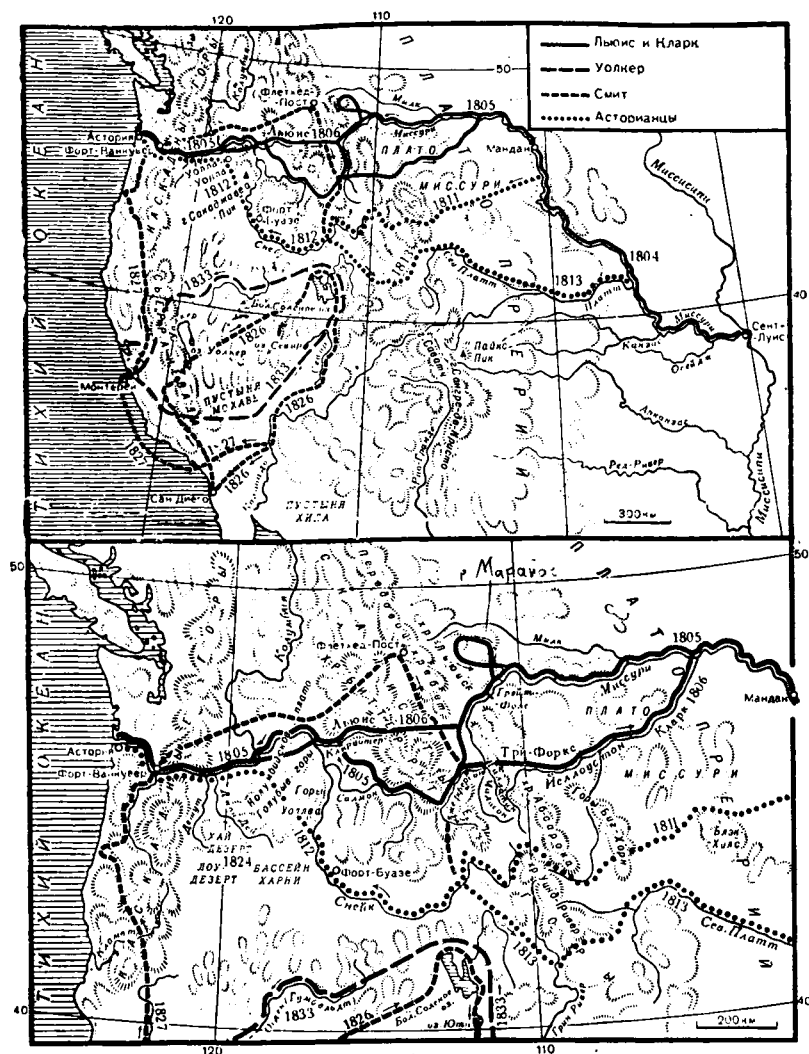
В 1811 году отряд «асторианцев», во главе которого стоял В. П. Хант, поднялся из Сент-Луиса вверх по Миссури за параллель 44° с. ш. и, следуя приблизительно по южной окраине плато Миссури, пересек в западном направлении Плато Прерий. По дороге конный отряд Ханта открыл — вероятно, вторично после канадских скупщиков пушнины — горы *Блэк-Хилс* («Черные холмы», выше 2200 м), обогнул их с севера и достиг хребта *Биг-Хорн*.

Перевалив Биг-Хорн к югу от его вершины (более 4000 м) и следующий за ним участок Скалистых гор — по-видимому, по седловине между хребтами *Абсарока* и *Уинд-Ривер*, поднимающимися до 4000—4200 м над уровнем моря, Хант и его спутники вышли на высокую равнину, через которую текла в западном направлении начинающаяся в этом районе порожистая река *Снейк* — крупнейший приток Колумбии. Они пытались спуститься вниз по Снейку до устья Колумбии на лодках, но после долгого и крайне утомительного пути убедились, что эта река несудоходна. От западной части равнины реки Снейк они прошли в северо-западном направлении к нижней Колумбии, перевалив невысокие *Голубые горы*, и спустились по реке до ее устья, где к этому времени возник первый американский опорный пункт на тихоокеанском побережье, форт Астория **.

Часть «асторианцев» из отряда Ханта осталась в форте, часть весной 1813 года под начальством Р. Стюарта двинулась обратно, к устью Миссури. Они возвращались от нижней Колумбии сначала исследованным уже путем — через Голубые горы и равнину реки Снейк, но перевалили Скалистые горы к югу от хребта Уинд-Ривер (а не к северу, как раньше) и вышли на Плато Прерий к верховьям реки *Платт*. А по рекам Север-

* Один из виднейших представителей раннего американского романтизма, Вашингтон Ирвинг, в художественной форме описал деятельность «асторианцев» в своей книге «Астория, или анекдоты из истории одного предприятия по ту сторону Скалистых гор», опубликованной в 1836 году. Ирвинг в этот поздний период своего творчества воспевал «асторианцев» как героев-первооткрывателей новых областей североамериканского материка, закрывая глаза на их отталкивающие колонизаторские действия.

** Так как началась англо-американская война и США не могли удержать одинокий тихоокеанский пост, Астор продал Асторию в 1813 году английской Северо-западной пушной компании и снова перекупил ее через пять лет. Впрочем, Астория никогда не играла такой крупной роли в тихоокеанской пушной торговле, как русская Ситха (Новоархангельск).

Исследование Дальнего Запада США в XIX в.

ный Платт, Платт и Миссури они спустились до города Сент-Луис.

Так через семь лет после экспедиции Льюиса — Кларка агенты пушной компании Астора открыли два варианта другого, более южного, пути от долины Миссисипи к Тихому океану, вошедшего в историю исследования территории США под названием «пути асторианцев».

В пределах Нагорья США этот путь пролегал в основном по равнине реки Снейк, то есть близ северной окраины «Великой Американской пустыни» — огромной бессточной области, куда американцы, насколько нам известно, не проникали до двадцатых годов XIX века.

Открытие Большого Соленого озера и реки Гумбольдт

В двадцатых годах XIX века скупщики мехов на службе нескольких пушных компаний с помощью индейцев-проводников пересекли Дальний Запад США в разных направлениях. Они продолжали начатое с юга испанцами открытие Береговых хребтов, Сьерра-Невады, Скалистых гор и бассейна реки Колорадо и начатое с севера экспедицией Льюиса—Кларка открытие Каскадных гор.

В 1824—1829 годах скупщики мехов — одновременно с севера и востока — проникли в «Великую Американскую пустыню». Они прошли через безлюдные области центрального Нагорья к большим бессточным озерам, открыли и проследили течение нескольких рек и бассейнов.

Агент английской Северо-западной компании Питер Огден начиная с 1824 года работал в бассейне нижней Колумбии. Исследуя охотничьи угодья южной части *Колумбийского плато* (к западу от Голубых гор), Огден проследил долины нижних притоков Колумбии — *Джон-Дей* и *Дешут* до их верховьев. Продвигаясь далее на юг через водораздельные высоты, Огден открыл у 43° с. ш. обширную пустынную бессточную котловину; ее восточная часть — *Бассейн Харни*, на дне которой лежат соленые озера *Малур* и *Харни*; западная часть — «Верхняя и Нижняя пустыни» (*Хай-Дезерт* и *Лоу-Дезерт*). Еще далее к югу Огден положил начало открытию реки, текущей в полосе между параллелями 42—40° с. ш. в юго-западном направлении и теряющейся в солончаках. Эту реку раньше называли его именем — *река Огден* (теперь *Гумбольдт*). К западу от исследованной им пустынной полосы в поисках выхода от нее к морскому побережью Огден открыл *реку Клатат*; начинаясь несколькими истоками восточнее Каскадных гор, она пролагает себе путь на запад через понижение в этих горах (у 42° с. ш.) и, огибая затем с севера изолированный массив *Клатат*, впадает в Тихий океан.

Почти одновременно, около 1824 года, на Нагорье действовали два отряда различных пушных компаний, руководимые торговыми агентами *Джемсом Бриджером* и *Вильямом Ашли*. Двигаясь с востока, с *Плато Прерий*, по разными маршрутами, они достигли Большого Соленого озера. Ашли, кроме того, дальше на юге открыл (вторично после ис-

панцев) озеро Юта, затем соленое озеро Севир и впадающую в него реку Севир.

В 1826—1827 годах агент Северо-западной пушной компании Джедидия Смит трижды пересек «Великую Американскую пустыню». От Большого Соленого озера он проехал в южном направлении до западного входа в *Большой Каньон Колорадо*, а оттуда повернул на юго-запад и вышел на побережье Верхней Калифорнии к Тихому океану у 33° с. ш. Высланный из Калифорнии мексиканскими властями, Смит на обратном пути проехал на север, в Калифорнийскую долину до 37° с. ш., повернул затем на восток, перевалил Сьерра-Неваду и, следуя далее в северо-восточном направлении, вернулся к Большому Соленому озеру.

Через несколько месяцев Смит повторил свой первый, юго-западный, маршрут, но от нижнего Колорадо вышел к Тихому океану несколько севернее, чем в минувшем году,—у 34° с. ш. Снова высланный мексиканскими властями из Калифорнии, настойчивый агент проехал верхом от залива Монтерей через Калифорнийскую долину до ее северного края. Двигаясь далее на север в основном вдоль западного склона Каскадных гор, он вышел к низовью реки Колумбии.

Таким образом, в 1826 и 1827 годах Джедидия Смит не только продолжил обследование «Великой Американской пустыни», но и ознакомился,— конечно, очень бегло,— с западными склонами гор, отделяющих пустыню от Тихого океана. Особое значение придавалось в то время посещению Смитом тихоокеанской полосы *Орегонской области* (лежит к северу от Верхней Калифорнии). Так как из-за Орегона начиная с 1818 года спорили США и Англия, то, по всей вероятности, Смит во время своих путешествий, особенно по Калифорнийской долине и в почти неисследованной тихоокеанской полосе Орегона, выполнял не только или, вернее, не столько торговые задания, сколько военно-политические (как, впрочем, и многие другие агенты пушных компаний).

Путешественники двадцатых годов XIX века, как видно из предшествующего раздела, много сделали для исследования североамериканского Нагорья. Однако еще не было даже приблизительного представления ни о рельефе большей части Нагорья, ни об его гидрографической сети.

Значительный вклад в исследование Нагорья сделала американская промысловая экспедиция Бенд жа мена Бонвилла (1832—1835 гг.)*.

Он разделил своих людей на два отряда. Первый, которым руководил лично Бонвилл, работал в северной части Нагорья

* Ее работу широко популяризировал Вашингтон Ирвинг в своих очерках «Скалистые горы или Сцены, происшествия и приключения на Дальнем Западе» (1837).

и лишь немного уточнил ее карту. Другой отряд экспедиции под руководством Джона Уолкера проделал в 1833 году очень ценную работу. Следуя от Большого Соленого озера в западном направлении, Уолкер завершил открытие реки Огден (Гумбольдт). Он проследил все ее течение — от истоков в горах к западу от пустыни Большого Соленого озера до «устья», то есть до того места, где она теряется в солончаках у 40° с. ш., и убедился, что долина этой реки на всем протяжении служит очень удобным путем на запад, к Калифорнийской долине. Именно этот путь использовала большая часть «людей сорок девятого года» — калифорнийских золотоискателей, двигавшихся на запад через Нагорье. А еще позднее по долине Гумбольдта была проложена линия Тихоокеанской железной дороги, пересекающей «Великую Американскую пустыню».

К югу от солончаков, где теряется река Гумбольдт, этот отряд экспедиции Бонвилла открыл соленое озеро Уолкер и впадающую в него реку Уолкер, которая берет начало двумя истоками на восточном склоне Сьерра-Невады. К западу от низовья Гумбольдта открыта была группа соленых озер *Мад**.

Перевалив Сьерра-Неваду и Береговые хребты, Уолкер вышел к заливу Монтерей. На обратном пути он избрал более южный маршрут, как оказалось более трудный, — через южные отроги Сьерра-Невады (перевал Уолкер, 1600 м) и вдоль пустыни *Мохаве*. Затем он повернул на северо-восток и мимо озер Севир и Юта вернулся к Большому Соленому озеру.

Именно эти работы отряда Уолкера выявили наличие внутреннего — в основной своей части не имеющего стока к океану — бассейна. Но Уолкер еще не установил географических границ этого величайшего полупустынного нагорья Северной Америки (Большого Бассейна).

Первая и вторая экспедиции Фримонта: дальнейшее исследование Большого Бассейна

Исследование Большого Бассейна завершил крупнейший американский путешественник-исследователь середины XIX века, военный топограф Джон Чарльз Фримонт (1813—1890 гг.). В 1837 году он работал на юго-востоке США по изысканию трассы железной дороги через Аппалачи; в 1838—1839 годах исследовал верхний бассейн Миссисипи под руководством видного американского топографа, француза по происхождению Джона Николлета (Жан Николле), а в 1841 году руководил в том же районе первой съемкой реки *Де-Мойн* (правый приток Миссисипи).

* Эта группа состоит из трех соленых озер, расположенных у северо-восточного склона Сьерра-Невады, собственно *Мад*, *Пирамид* и *Уиннемакка*.

После этой съемки Фримонт работал исключительно по исследованию Дальнего Запада США. Начал он в 1824 году с полосы Плато Прерий, расположенной в бассейне реки *Северный Платт* (система Миссисипи); с небольшим отрядом он проник по Северному Платту на запад до его притока *Суитутер*, а по долине последнего — до его верховья, к хребту *Уинд-Ривер*. Там Фримонт узнал, что к югу от хребта через «Южный проход» пролегает очень удобный путь в Нагорье, к району Большого Соленого озера («Южным проходом» пользовались еще «асторианцы»).

Помощником Фримонта в этой и следующей экспедиции был немец Карл Прейс, ставший позднее одним из ведущих картографов США. Не меньшую, если не большую, роль в дальнейших успехах Фримонта сыграло то обстоятельство, что он в 1842 году познакомился с агентом по заготовке пушнины Китом Карсоном и привлек его к себе на службу в качестве проводника: Карсон уже много лет действовал на Плато Прерий, объездил его верхом вдоль и поперек и не раз переваливал Скалистые горы.

В конце мая 1843 года Фримонт двинулся от устья реки Канзас на исследование Дальнего Запада во главе большой экспедиции. В том же году Фримонт пересек Плато Прерий несколько южнее, чем в минувшем году, и вышел к восточному склону Скалистых гор у 38° с. ш. (в долине верхнего Арканзаса). Застав здесь Кита Карсона, Фримонт вместе с ним повернул на север, прошел вдоль восточного склона Передового хребта, обогнул с севера хребет *Медисин-Боу* и через «Южный проход» достиг Большого Соленого озера.

Бегло обследовав его побережье, экспедиция двинулась на север к верхнему Снейку, по долине Снейка спустилась до Колумбии и вниз по Колумбии — до устья реки *Уилламит*, куда прибыла в ноябре 1843 года.

Экспедиция шла к Колумбии летом и осенью, когда перевалы не были еще занесены снегом. Фримонту нужно было проверить, проходимы ли они зимой. И через короткое время он с небольшим отрядом направился на юг, вдоль тихоокеанского склона Каскадных гор. Через сильно пересеченную местность он проехал к реке Клатат, повернул на восток и, перевалив в начале декабря Каскадные горы в районе озера *Аппер-Клатат*, вступил в «Великую Американскую пустыню».

Продолжая движение на восток, Фримонт 25 декабря, то есть к рождеству 1843 года, открыл пустынную меридиональную долину *Уорнер* с цепью «Рождественских соленых озер» (на американских картах — озера *Кристмас* или *Уорнер*). Оттуда он круто повернул на юг и, следуя примерно по меридиану 120° з. д., к середине января 1844 года вышел к северо-восточному склону *Сьерра-Невады*, к верховью реки *Карсон*; эту

реку, теряющуюся в пустыне, в солончаке *Карсон-Синк*, открыл во время своих скитаний Кит Карсон*.

Обойдя с юга высокогорное пресноводное озеро *Тахо* — обширный бассейн (площадью около 600 кв. км), наполняющий чистыми и прозрачными, как хрусталь, водами один из цирков Сьерра-Невады, и перевалив Сьерра-Неваду во второй половине февраля, Фримонт проник в Калифорнийскую долину, к низовью реки *Сакраменто*. Оттуда он проехал вверх по долине реки *Сан-Хоакин*, то есть по южной части Калифорнийской долины, вдоль западного склона Сьерра-Невады. Перевалив ее южные отроги, он пересек пустыню *Мохаве* и достиг *Лас-Вегас* (против западного выхода из Большого Каньона). В мае 1844 года он направился через «Великую Американскую пустыню» в северо-восточном направлении, к Большому Соленому озеру, но по ошибке вышел к озеру Юта.

Путь Фримонта в этой части пустыни пролегал вдоль западных склонов нескольких горных массивов, которые в районе озер переходят в хребет *Уосатч*. Повернув на восток, Фримонт в июне—июле перевалил Уосатч, обследовал горы *Уинта* (широтного простираения) и, пройдя через водораздельные высоты меридионального простираения между бассейнами Колорадо и Миссисипи, вышел к верховью реки Арканзас. В августе 1844 года он вернулся к Миссисипи.

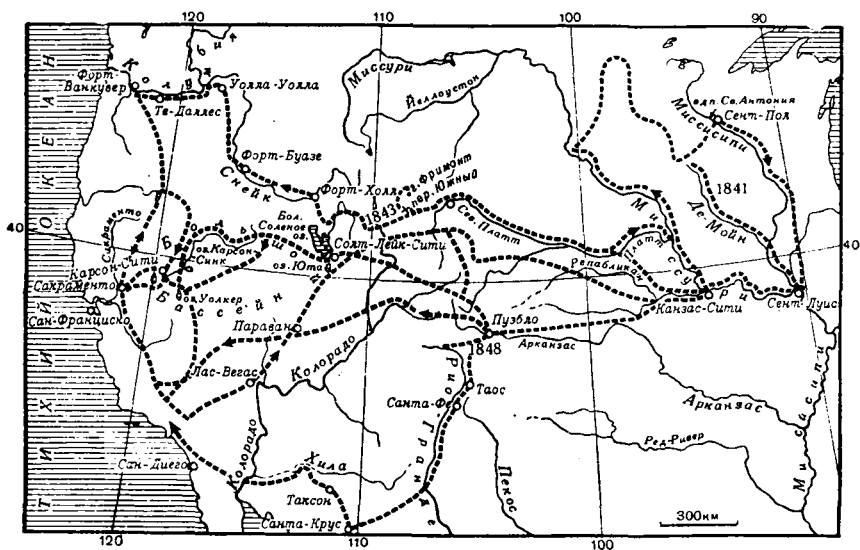
Отчет Фримонта об этом путешествии произвел сенсацию и выдвинул его в первые ряды исследователей Дальнего Запада США. Однако самого Фримонта не удовлетворяли его географические достижения. Правда, он несколько расширил знакомство с тем обширным внутренним бессточным бассейном, научному исследованию которого положил начало Джон Уолкер. Но он понимал, что внутренние районы Большого Бассейна** в географическом отношении еще почти не изучены, и считал необходимым немедленно приступить к этому делу, так как Соединенные Штаты готовились тогда к военному захвату Верхней Калифорнии и южной части Нагорья.

Третья и четвертая экспедиции Фримонта

В 1845 году Фримонт, назначенный начальником большой и хорошо вооруженной экспедиции, снова выступил на Дальний Запад. Закончив съемку полосы суши между Большим Соленым озером и Ютой (раньше он считал их одним озером), Фримонт за пустыней Большого Соленого озера разделал

* Позднее в верховье реки возник город Карсон-Сити, ставший столицей штата Невады.

** Название «Большой Бассейн», предложенное Фримонтом, со второй половины XIX века закрепилось на картах и вытеснило старое название «Великая Американская пустыня».

Путешествия Фримонта

экспедицию на два отряда. Во главе северного отряда он пересек Большой Бассейн, причем исследовал всю долину реки Гумбольдт от ее верховьев до «устья», а затем по долинам рек Карсон и Уолкер достиг соленого озера Уолкер (у восточного склона Сьерра-Невады). Здесь он встретился со вторым, южным отрядом экспедиции, возглавляемым Э. М. Керном, который пересек Большой Бассейн, следуя в юго-западном направлении.

У озера Уолкер оба отряда снова разлучились. Отряд Фримонта, двигаясь на запад, обогнул с севера озеро Тахо и через перевал Доннер в Сьерра-Неваде прошел к реке Сакраменто. Отряд Керна обогнул с юга Сьерра-Неваду и вышел на южную окраину Калифорнийской долины, к низовой горной реки Керн, которая берет начало у горы Уитни (4418 м), величайшей вершины основной территории Соединенных Штатов. Пройдя затем вниз по долине реки Сан-Хоакин, Керн соединился с Фримонтом у южного угла залива Сан-Франциско. Оттуда они двинулись на север и дошли до озера Аппер-Кламат (на территории Орегона). Здесь Фримонт получил приказ в связи с началом американо-мексиканской войны (1846 — 1848 гг.) возвратиться в Калифорнийскую долину и «возглавить», а на самом деле организовать восстание американских иммигрантов против мексиканского правительства. Это «восстание» закончилось фактической оккупацией и присоединением территории Верхней Калифорнии к США. Формально эта

территория была включена в США в 1848 году, и в том же году начался массовый приток туда американских и европейских поселенцев, привлеченных открытием золотых россыпей. Фримонт захватил лично для себя огромное земельное владение, в 16 000 га, на реке Марипоса (правый приток Сан-Хоакина) и вернулся на Миссисипи.

В 1848 году Фримонт организовал новую исследовательскую экспедицию — для изыскания трассы запроектированной им Тихоокеанской железной дороги от долины Миссисипи к заливу Сан-Франциско. По его проекту железная дорога должна была пересечь Скалистые горы близ верховьев Рио-Гранде, приблизительно у 37° с. ш., и Фримонт решил исследовать этот участок в самое трудное время года, в середине зимы. Он пересек высокие горы Сангре-де-Кристо в их центральной части и вышел к верховьям Рио-Гранде. Но при попытке перевалить горы Сан-Хуан во время пурги погибло одиннадцать человек, пало много мулов, и Фримонт вынужден был отступить. Он спустился вниз по долине Рио-Гранде приблизительно до 32° с. ш., повернул на запад и прошел в Калифорнийскую долину южным путем. На его землях, на речке Марипоса, были найдены в это время богатые золотые россыпи, и Фримонт стал мульти-миллионером.

Завершение исследования Большого Бассейна

Исследование северо-восточной части Большого Бассейна было завершено в 1849—1850 годах топографической экспедицией Говарда Стенсбери. В долине небольшой реки Иордан, вытекающей из озера Юта и впадающей в Большое Соленое озеро, в 1847 году возникли первые поселения сектантов-мормонов. Гонимые христианами других исповеданий в восточных и центральных штатах из-за того, что «святые наших дней» (так называют себя мормоны) придерживались многоженства, «подобно библейским патриархам», они ушли за Скалистые горы и в оазисе среди пустыни, в низовьях Иордана, построили свой «Иерусалим», теперь Солт-Лейк-Сити («Город Соленого озера»), столица штата Юта.

Вызванный «калифорнийской золотой горячкой» стремительный рост населения тихоокеанских областей США ускорил работы по изысканию трассы Тихоокеанской железной дороги. В 1853 году эти работы производились несколькими отрядами по пяти маршрутам, пересекающим в разных широтах территорию США от Миссисипи до Тихого океана. Два отряда должны были пересечь при этом Большой Бассейн. Северный отряд, двигавшийся приблизительно вдоль параллели 41° с. ш. от Большого Соленого озера, благополучно вышел к океану. Южный отряд, которым руководил армейский капи-

тан Дж. Ганнисон, виднейший участник экспедиции Стенсбери, должен был работать в полосе между 38 и 39° с. ш. Ганнисон дошел до верховьев Арканзаса, перевалил Скалистые горы и пересек верхний бассейн реки Колорадо, следуя по долине ее левого притока, *реке Ганнисон*, до ее устья и далее на запад. Вступив затем в Большой Бассейн, он достиг *озера Севир*, но был здесь убит. Оставшись без опытного руководителя, его отряд прекратил работы.

Во второй половине 1853 года Фримонт совершил свое последнее путешествие. Следуя сначала в верхнем бассейне Колорадо путем Ганнисона, он пересек затем Большой Бассейн в юго-западном направлении и, перевалив Сьерра-Неваду, вышел к верховьям реки Сан-Хоакин.

Англо-американские историки, уделяя большое внимание работе Фримонта, подчеркивают, что он был в основном не первооткрывателем, а исследователем Дальнего Запада, не пролагал новые пути, а осваивал старые и что он дал мощный толчок к колонизации Дальнего Запада США: «из пепла его костров возникли города». Важнейшим его географическим достижением было то, что он выделил из «Великой Американской пустыни» огромную бессточную область (площадью около 550 000 кв. км), которую назвал Большим Бассейном, установил ее контуры и характерное для нее чередование впадин и коротких хребтов, преимущественно меридионального направления.

Глава 37

ЗАВЕРШЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРЕННИХ ОБЛАСТЕЙ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Пауэлл и изучение бассейна Колорадо

С середины XIX века географические исследования территории США были подчинены четырем основным моментам: составлению точных карт, геологической разведке, установлению трасс новых железных дорог, особенно трансконтинентальных, и изучению судоходности рек.

Наибольший интерес в этот период представляют исследования бассейна реки Колорадо, которые начаты были геолого-гидрографической экспедицией 1857 года. Один из участников этой экспедиции, лейтенант Дж. Айвс, поднялся по Колорадо на лодке от ее устья до так называемого *Черного Каньона*, то есть до самого западного из глубоких ущелий, по которому река пролагает путь к океану в ее среднем течении (ниже Колорадо круто поворачивает прямо на юг).

После десятилетнего перерыва, вызванного гражданской войной между Севером и Югом США, Кларенс Кинг воз-

главил в 1867—1872 годах первую крупную геологическую экспедицию. Ее задачей было комплексное исследование широкой полосы территории Дальнего Запада, простирающейся по обе стороны от 40-й параллели, между 105 и 120° з. д., то есть полосы Нагорья США от Передового хребта Скалистых гор до Сьерры-Невады. Обработка материалов этой экспедиции продолжалась еще несколько лет, до 1879 года, когда Кинг был назначен начальником только что созданного ведомства «Геологической и гидрографической службы США»; с того времени детальное исследование территории США, субсидируемое из Вашингтона, проводилось главным образом экспедициями, организованными этим ведомством.

Почти одновременно с первыми отрядами, действовавшими под общим руководством Кинга, начал свое, составившее эпоху в истории геологии, исследование каньонов Колорадо геолог и этнограф Джон Уэсли Пауэлл (1834—1902 гг.). Подвергаясь часто смертельной опасности, этот однорукий инвалид с пятью спутниками* на четырех лодках спустился в 1869 году от поселка Грин-Ривер вниз по реке Грин-Ривер (крупнейший приток Колорадо), а затем по главной реке до «Черного Каньона».

Пауэлл описал свое плавание и некоторые позднейшие геологические работы в бассейне Колорадо в трудах, ставших классическими**. Пауэлл последовательно стремился увязать геологическое строение бассейна Колорадо с формами рельефа; он стал основоположником американской геоморфологии.

Большой Каньон Колорадо оказался настоящим «геологическим раем». Под непосредственным впечатлением отчетов Пауэлла и его последователей Элизе Реклю писал: «На всем земном шаре не существует речного каньона, где бы явление размыва представляло более грандиозное зрелище: исполинские размеры вырытой пропасти, архитектурное расположение пластов, «нагроможденные одна на другую вавилонские башни», резкие грани, вырисовывающиеся на голубом своде неба, яркие цвета скал, не закрытые растительностью, причудливые формы колоссальных изваяний, украшающих могучие фасады из песчаника, мрамора, гранита или лавы, — весь этот ансамбль, меняющий вид в каждый час дня, при каждом повороте реки, представляет величественную и вместе странную картину, подобной которой не увидишь нигде во всем свете».

* Первоначально отряд состоял из десяти человек, но четверо менее решительных людей отказались в пути от дальнейшего участия в плавании. Пауэлл, участвовавший в гражданской войне на стороне северян, потерял правую руку в результате тяжелого ранения.

** «Исследования западной реки Колорадо и ее притоков» (1875 г.) и «Отчет о землях сухого района США» (1879 г.)

В семидесятых годах Пауэлл организовал ряд экспедиций, которые пересекали средний бассейн Колорадо во всех направлениях. Геологи, гидрографы, топографы обследовали подходы с севера и юга к Большому Каньону и открыли при этом в 1872 году *реку Эскаланте* — правый приток среднего Колорадо, стекающий с *плато Акуэриес*, и *горы Генри*, пересекаемые 38-й параллелью, с вершиной *Эллен* (3500 м)*.

В те же годы среди других исследователей бассейна Колорадо выделился топограф Джордж Уиллер. Именно он, обобщив материалы о рельефе изученной им центральной части этого района, дал ему название *плато Колорадо*, укрепившееся на карте.

С 1881 по 1894 год Пауэлл был начальником Геологической и географической службы США. Отличаясь очень широким научным кругозором, Пауэлл во время своей первой экспедиции начал изучение языка и быта североамериканских индейцев и занимался индейской филологией до конца своей жизни.

Американские исследователи территории Аляски

К моменту продажи Русской Америки США (1867 г.) огромные внутренние пространства северо-западной Америки по обе стороны русско-канадской границы оставались еще «белыми пятнами». Известны были лишь долины крупных рек и в самых общих чертах водоразделы между ними. В первые годы после покупки Аляски в США мало ей интересовались. Дело ограничивалось тем, что в 1869 году правительство США послало вверх по Юкону до канадской границы Чарльза Реймонда, чтобы таким образом «закрепить» свои права и ограничить вторгающихся с востока агентов английской Компании Гудзонова залива. Но этот американский капитан лишь повторил то, что сделал еще в 1863 году Иван Лукин. В 70-х годах единственным исследователем Аляски был Иван Петров — вероятно, креол, — который в начале 80-х годов опубликовал очень ценное описание новой территории США в приложении к материалам 10-го ценза (статистической переписи) США.

В 1883 году Фредерик Шватка на плоту произвел опись рек Льюис и Юкона до самого моря. В 1885—1887 годах американский лейтенант Генри Аллен пересек Аляску с юга на северо-запад. Он поднялся от залива Аляска по Коп-

* Последователь Пауэлла Гров Карл Гилберт, всесторонне изучивший эти горы, создал труд «Отчет о геологии гор Генри», который, подобно трудам Пауэлла, вошел в золотой фонд американской геологической и географической литературы.

пер-Ривер, перевалил восточную часть Аляскинского хребта и спустился по Танане до ее впадения в Юкон; это первое нам известное исследование всей Тананы. Аллен спустился затем по Юкону до устья Коюкука, поднялся по этой реке на небольшое расстояние и затем прошел сушей на запад, до залива Нортон.

Открытие в 1896 году золота на *реке Клондайк* (системы Юкона) повело к огромному наплыву искателей наживы. В 1893 году найдены были золотые россыпи на северо-западном берегу залива Нортон, в районе города Ном, что еще более прославило Аляску, которой раньше в США пренебрегали. Страну, и особенно бассейн Юкона, начали исследовать геологи и военные топографы. Экспедиция, организованная в 1898 году геологической службой США, закончила в основном исследование *бассейна реки Суситны*, начатое Василием Малаховым. Открыт был самый высокий участок Аляскинского хребта — тот, с которого стекают крупные правые притоки Суситны. Оказалось, что вершина этого горного участка и всего Аляскинского хребта, *гора Мак-Кинли*, является высшей точкой всей Северной Америки (по последним измерениям — 6187 м).

На рубеже XIX и XX веков начались экспедиционные работы под руководством геолога Альфреда Брукса. Он обработал геологические и географические материалы по Аляске, собранные его предшественниками, им лично и его подчиненными, и выпустил в 1906 году первый американский сводный труд, посвященный бывшей Русской Америке, — «География и геология Аляски».

Позднейшие исследователи Аляски, работавшие в северной полосе территории за полярным кругом, открыли близ 68-й параллели водораздельный хребет, который протягивается почти на двадцать градусов долготы (144—164° з. д.) и отделяет бассейн Юкона и реки, впадающие в залив Коцебу, от рек, текущих в Северный Ледовитый океан. За этим длинным водоразделом во второй четверти XX века утвердилось название *хребта Брукса*.

Доусон, братья Тирреллы и их исследования внутренних областей Северной Канады

В последней четверти XIX века среди канадских геологов выделился Джордж Доусон. Он участвовал сначала в комиссии по демаркации канадско-американской границы от Лесного озера до Тихого океана, а затем, в 1875—1884 годах, сферой его деятельности стала Британская Колумбия. Этот хрупкий, болезненный человек специализировался на изучении Скалистых гор. После успешной работы в Британской Ко-

лумбии он приступил к исследованию горных районов бассейна верхнего Юкона.

В 1887—1888 годах Доусон возглавлял экспедицию по географическому исследованию и геологической разведке той части северо-западной Канады, которая теперь называется *территорией Юкон*. Он открыл *горы Доусон*, протягивающиеся от 62-й параллели в северо-западном направлении вдоль левого берега Юкона (вершина 2164 м)*.

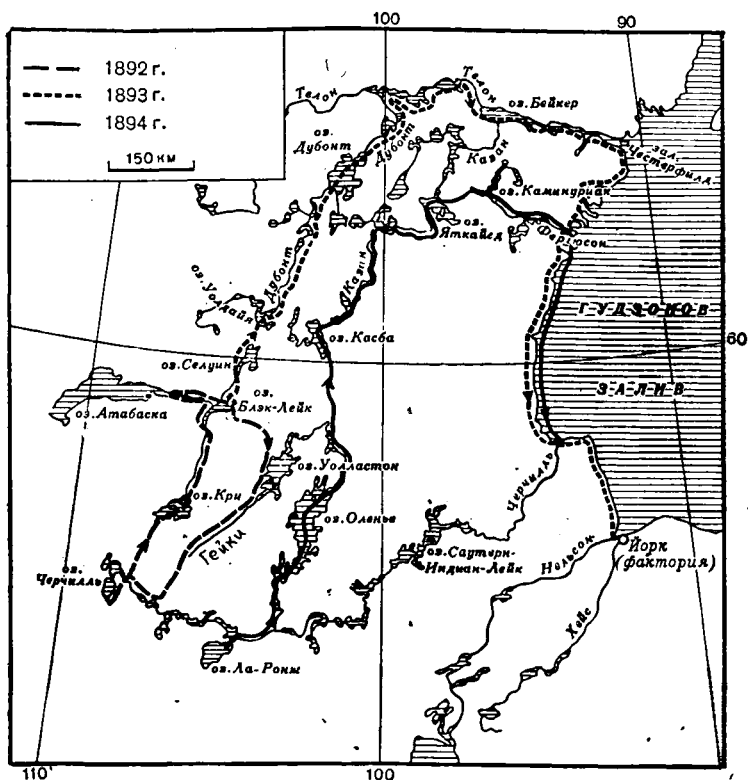
В заброшенной восточной части Северной Канады в девяностых годах минувшего века широко развернул исследовательскую деятельность геолог Джозеф Тиррелл. В 1892 году, работая в Центральной Канаде, в районе озера Атабаски, Тиррелл прошел с маршрутными съемками более 2000 км частично через территории, куда раньше не проникали европейцы. При этом он открыл к северу от верховьев реки Черчилль несколько значительных озер: *Кри*, *Блэк-Лейк* и наибольшее из них — *Уолластон* (58° с. ш., 103° з. д.) с *рекой Гики* (Гейки), по которой вернулся к Черчиллю.

Летом 1893 года Джозеф Тиррелл со своим младшим братом, инженером *Джемсом Тирреллом***, прошел от Атабаски на восток, к *Блэк-Лейк* и повернул оттуда на северо-северо-восток, по направлению к озеру *Дубонт*. Тиррелл хорошо изучил книгу *Сэмюэла Херна* — единственного, насколько нам известно, европейца, побывавшего на *Дубонте* (в XVIII в.); но этот литературный источник мало мог ему помочь, так как *Херн* шел к *Дубонту* от *Гудзонова залива*, а не из Центральной Канады. К счастью, в 1892 году в руки Тиррелла попала «маленькая индейская карта» полосы, простирающейся на северо-восток от Атабаски. Руководствуясь ею, братья Тирреллы без затруднений переходили на индейских челнах севернее новосткрытого озера *Селуин* (под 60° с. ш.) от одного проточного озера к другому и вышли к *Дубонту*. Братья Тирреллы нанесли на карту эту цепь проточных озер (или озеровидных частей одной речной долины) под ее индейским именем — «*река Телзоа*», и так она и значилась на картах конца XIX — начала XX века. Позднее ей дали то же название, что и потоку, вытекающему из озера *Дубонт*, — *река Дубонт* (правый, крупнейший приток *Телона*).

По рекам *Дубонт* и *Телон*, через озеро *Бейкер* и узкий залив *Честерфилд* братья Тирреллы вышли к *Гудзонову заливу*.

* Его именем назван также основанный под 64° с. ш., в устье реки *Клондайк* (правый приток Юкона), центр знаменитого золотопромышленного района *Доусон-Сити*.

** *Джемс Тиррелл*, будучи студентом, принимал в 1885—1886 годах участие в качестве топографа в экспедиции по исследованию *Гудзонова залива*, базой которой был пароход «*Алерт*», и обучался тогда эскимосскому языку.

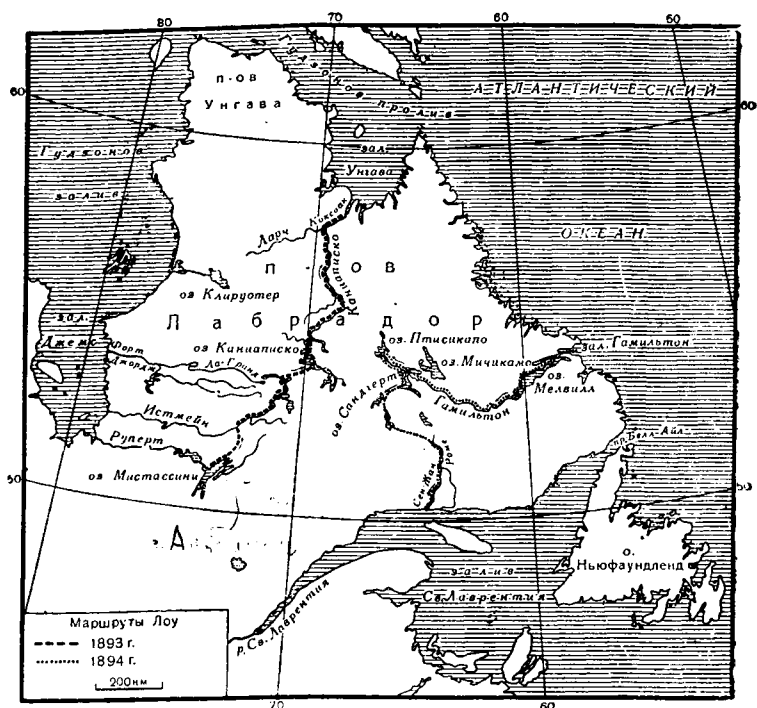

Пути Тирреллов в Северной Канаде

Всего они проделали на индейских челнах около 3900 км, в том числе более 1600 км — со съемкой не разведанных ранее озер и рек. В начале зимы они прошли берегом на лыжах до устья реки Нельсон и во время этого похода вели новую съемку западного побережья Гудзонова залива на протяжении 600 км.

От близлежащей фактории Йорк (в устье реки Хейс) братья Тирреллы проехали на санях до города Виннипег, куда прибыли в январе 1894 года.

Летом того же, 1894 года Джозеф Тиррелл снсва прошел из Центральной Канады к Гудзонову заливу, избрав новый маршрут, почти параллельный прошлогоднему, несколько восточнее его. Он пересек со съемкой неисследованную полосу Канады в северо-северо-восточном направлении — от озера Ла-Ронж (55° с. ш., 105° з. д.), лежащего в бассейне верхнего Черчилля, до озера Яткайед ($62^{\circ}40'$ с. ш., 98° з. д.). На этом пути он нанес на карту озеро Оленья (6300 кв. км) — последнее крупное озеро Канады и всей Северной Америки, о котором европейцы

Пути Лоу по Лабрадору

и американцы знали до Тиррелла только понаслышке от некоторых индейцев, посещавших фактории Компании Гудзона залива.

От озера Яткайед Тиррелл повернул на восток и вышел к морю по цепи проточных озер и реке Фергюсон (впадает в Гудзонов залив под 62° с.ш.). Оттуда он направился на юг вдоль берега залива до устья Черчилля, перешел затем по суше к нижнему Нельсону, а по последнему поднялся до озера Виннипег.

Джозеф Тиррелл завершил в основных чертах открытие гидрографической сети Канады.

Работа Лоу на Лабрадоре

Внутренние районы полуострова Лабрадор были до 80-х годов XIX века, когда там начал работать геолог Альберт Питер Лоу, почти сплошным «белым пятном». В течение двух десятилетий, с 1884 по 1904 год, Лоу совершил ряд путешествий по Лабрадору в разных направлениях; здесь достаточно отметить только важнейшие.

В восьмидесятых годах Лоу завершил открытие озера Мистассини, связанной с ним реки Руперт и двух других значительных лабрадорских рек, впадающих в залив Джемс, — Истмейн и Форт-Джордж (Ла-Гранд).

В 1893 году Лоу пересек в северном направлении весь Лабрадор: прошел от озера Мистассини в центральный район полуострова, к озеру Каниаписко (54° с. ш., $69^{\circ}30'$ з.д.), а затем спустился вниз по реке Каниаписко-Коксоак до залива Унгава. В 1894 году Лоу проник в центральный район Лабрадора с востока: от залива Гамильтон он поднялся через озеро Мелвилл по реке Гамильтон до ее верховьев (озеро Птисикапо). А оттуда он нашел почти непрерывный водный путь прямо на юг — к заливу Святого Лаврентия (точнее, к проливу Минган, отделяющему остров Антикости от Лабрадора), через ряд проточных озер (Сандгерт и др.) и по рекам (Ромен и Сен-Жан).

В последние годы минувшего века Лоу пересек северо-западную часть Лабрадора от озера Клируотер (56° с. ш., $74^{\circ}30'$ з. д.) на северо-восток вдоль реки Ларч до устья Коксоака и обследовал затем полуостров Унгава. Потребовалось, однако, еще несколько десятилетий, пока исключительно сложная гидрографическая сеть полуострова Лабрадора не была выявлена с достаточной точностью.

Ч А С Т Ь П Я Т А Я

АМЕРИКАНСКАЯ АРКТИКА В XIX—XX ВЕКАХ

Глава 38

ОТКРЫТИЕ ЗАЛИВА КОЦЕБУ ЧУКОТСКОГО МОРЯ И ПОБЕРЕЖЬЯ МОРЯ БОФОРТА

Русская научно-исследовательская экспедиция на „Рюрик“ и ее открытия на северо-западе Америки

В 1815 году граф Н. М. Румянцев предложил лейтенанту Отто Евстафьевичу Коцебу, уже обогнувшему один раз земной шар, стать командиром брига «Рюрик» и начальником научно-исследовательской кругосветной экспедиции, организованной на личные средства графа. Основной задачей было «отыскание Северо-восточного морского прохода» из Тихого в Атлантический океан. Старшим офицером «Рюрика» был приглашен лейтенант Глеб Семенович Шишмарев, врачом — студент-медик Иван Иванович Эшшольц, который во время экспедиции проявил себя выдающимся натуралистом. В Копенгагене на борт «Рюрика» был взят крупный ученый-натуралист и талантливый немецкий поэт, француз по происхождению, Адальберт Шамиссо*. Бриг «Рюрик» был очень небольшим судном — всего 180 тонн; теснота там была чрезвычайная, условий для научной работы никаких.

«Рюрик» вышел из Кронштадта в середине июля 1815 года, обогнул мыс Горн и после очень плодотворных исследований в Океании направился на север — к Камчатке, а оттуда — к Берингову проливу. 26 июля 1816 года показалась вершина горы на западном берегу острова Святого Лаврентия. На следующий день Коцебу с научными работниками высадился на берег.

«Редко составлял я гербарий с большей радостью и изумлением, — пишет Шамиссо. — Это была родная флора, альпийская

* А. Шамиссо тогда уже был известен как автор «Удивительной истории Петера Шлемиля».

флора нашей Швейцарии у линии вечных снегов, со всем ее богатством, во всей ее полноте и пышности,— но карликовая, прижатая к земле...» *

30 июля «Рюрик», миновав остров Кинг, вошел в Берингов пролив. Острова Гвоздева (Диомида), расположенные в середине пролива, предстали перед моряками как «четыре отделенные друг от друга высокие скалы». Командир «Рюрика» решил, что Джеймс Кук ошибся, когда нанес на карту только три острова в группе Диомида. Коцебу счел самый западный остров новым открытием, сравнительно точно установил его местоположение и назвал *Ратмановым*. Ошибся не Кук, а Коцебу, но на карте закрепилось данное им русское название острова, открытого, как мы знаем, не Коцебу и не Куком, а экспедицией Федорова — Гвоздева еще в 1732 году.

Пройдя Берингов пролив и вступив в Чукотское море, «Рюрик» шел по мелководью вдоль американского берега в восток-северо-восточном направлении. На следующий день за параллелью 68° с. ш. на 166° з. д. открыт был небольшой залив *Шишмарева*, огражденный длинной и узкой косой от открытого Чукотского моря.

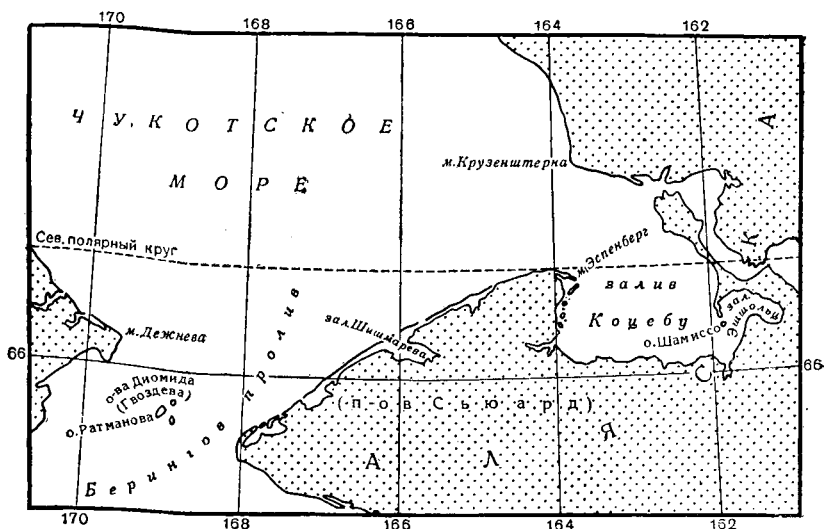
Выйдя из залива Шишмарева, «Рюрик» до полудня следующего дня, 1 августа, следовал дальше в том же направлении на восток-северо-восток до полярного круга. Здесь, у мыса *Эспенберг*, берег неожиданно переменял направление на восток-юго-восточное.

«Земля, вдоль которой мы шли, терялась где-то на востоке, а высокий мыс [Крузенштерн] виден был далеко на север от нас. Ветер стих; мы стали на якорь; сильное течение шло в проход. Остановка была многообещающей. Может быть, мы находимся у входа в пролив, который отделяет островную землю на севере от материка, и перед нами именно тот Северо-западный проход, о котором столько спорят?»

Коцебу с несколькими людьми высадился на мыс Эспенберг, чтобы с вершины какого-нибудь холма осмотреть местность. Толпа эскимосов окружила пришельцев. «Они вели себя как подобает бравым мужчинам, снаряжены для войны, но готовы на мир». А так как никто из русских не собирался на них нападать, то сразу же между ними и людьми с «Рюрика» установились дружеские отношения и завязался торг.

Вечером поднялся южный ветер, и корабль пошел на восток. «Утром 2 августа на севере еще видна была высокая земля, на юге — низкий берег, а на востоке — открытое море. Только

* Цитаты здесь и ниже взяты из книги Шамиссо «Плавание вокруг света с Румянцевской исследовательской экспедицией в 1815—1818 годах на бриге «Рюрик», капитан Отто Коцебу» (Chamisso, «Reis um die Welt»). Это классическое произведение жанра путешествий в немецкой литературе XIX века.

Залив Коцебу

вечером на горизонте выступили отдельные клочки земли, стали сближаться и слились в сплошную полосу между северным и южным берегами. Только одно место оставляло еще нам надежду на проход».

Погода ухудшалась. На следующий день «Рюрик» прошел на юго-восток между узким мысом и небольшим островом и стал на якорь в надежной гавани у высокого берега. 4 августа моряки на лодках обследовали побережье к востоку от места стоянки «Рюрика» и убедились, что находятся не в проливе, а в длинной бухте. Она была названа заливом Эшшольт, остров у входа в этот залив, где «Рюрик» простоял несколько дней, — островом Шамиссо. Большой же залив, показавшийся сначала тихоокеанскими «воротами» в Северо-западный проход, был назван заливом Коцебу.

Исследуя новооткрытое побережье, Эшшольт обнаружил, что холмы, протягивающиеся вдоль южного берега залива Коцебу, сложены пластами ископаемого льда, засыпанного слоем земли. Позднее мощные пласты ископаемого льда были обнаружены в нескольких районах Азиатской Арктики и на Новой Земле, но в Американской Арктике он встречается, насколько пока известно, только на северо-западном побережье материка.

Участники экспедиции на «Рюрике» собрали на берегах залива Эшшольтца много обломков костей и бивней мамонта, иногда со следами обработки. Часть костей они получили от местных эскимосов.

Не найдя у полярного круга прохода, ведущего в Атлантический океан, Коцебу решил 13 августа двинуться на юг, с тем чтобы продолжать исследование Арктики в летнюю навигацию будущего года.

12 июля 1817 года «Рюрик» снова был у южного входа в Берингов пролив; но здесь Коцебу объявил команде, что он тяжело болен и потому вынужден немедленно повернуть обратно. Единственный офицер на «Рюрике», Г. С. Шишмарев, с честью выдержал двойную нагрузку — с помощью помощника штурмана Василия Степановича Хромченко (оба, как мы знаем, позднее исследовали Русскую Америку). После успешного плавания в Океании «Рюрик» вернулся в Петербург 23 июля 1818 года, обогнув мыс Доброй Надежды*.

Первая арктическая экспедиция Джона Франклина

Джон Франклин (1786—1847 гг.) был офицером британского флота; в юности он плавал под командой Мэтью Флиндерса, завершившего открытие береговой линии Австралии. В Арктику он впервые попал в 1818 году, командуя одним из двух судов неудачной экспедиции Дэвида Бахана.

В 1819—1822 годах Франклин стоял во главе сухопутной экспедиции, целью которой было исследование северного побережья американского материка от устья реки Коппермайн до Гудзонова залива. В конце августа 1819 года Франклин высадился на юго-западный берег Гудзонова залива. От фактории Йорк он вместе с четырьмя другими англичанами поднялся на лодке вверх по рекам Хейс, Нельсон и другим к северной оконечности озера Виннипег. Продвигались англичане на юго-запад очень медленно, так как часто приходилось, обходя пороги, перетаскивать лодки в соседние реки или проточные озера; путь, по словам Франклина, вел через девятнадцать рек и озер. На него потребовалось почти два месяца. От Виннипега они перешли к форту Камберленд-Хаус на нижнем Саскачеване и там остановились на зимовку.

Сам Франклин с двумя спутниками, офицером Джорджем Баком и матросом Джоном Хелберном, прошел в январе — феврале 1820 года при жестоких морозах (до -45°) на северо-запад, к форту Чипевайан в устье реки Атабаски, потратив на это полтора месяца. В середине июля к нему пришли

* Во время кругосветного плавания «Рюрика» был собран огромный научный материал — географический (особенно океанографический) и этнографический. Он был обработан Коцебу и его сотрудниками и опубликован в коллективном трехтомном труде «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815—1818 годах... на корабле «Рюрик» ...» (1821—1823 гг.). Наибольшая часть этого труда написана самим Коцебу.

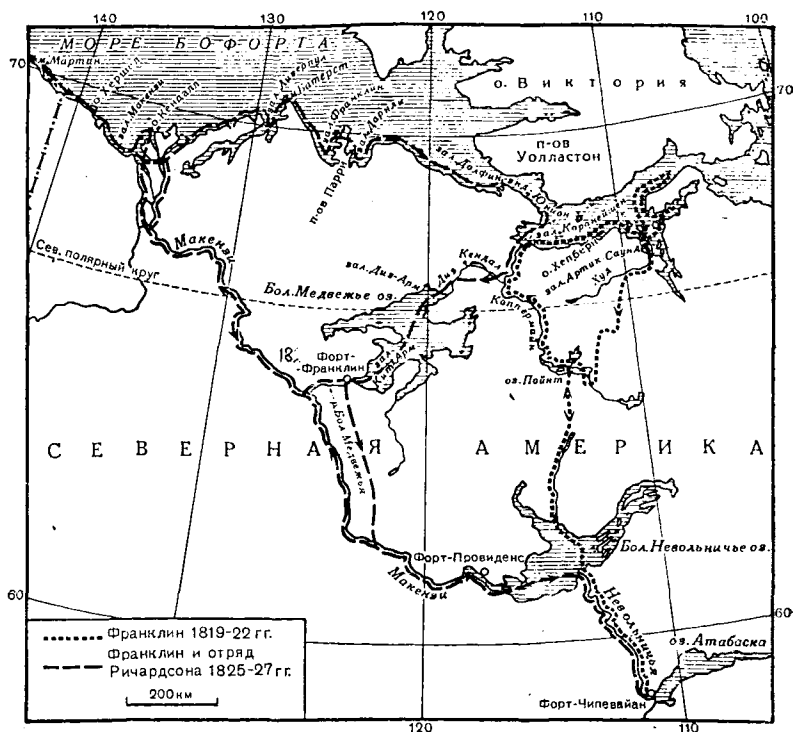
два других спутника — врач Джон Ричардсон и офицер Роберт Худ. Экспедиция направилась на северо-запад по реке Невольничьей и через Большое Невольничье озеро к форту Провиденс, поставленному у истока реки Макензи, в западном углу озера. Здесь к англичанам присоединилось несколько франко-канадцев и метисов. В августе экспедиция прошла на север от Провиденс около 450 км, до озера Пойнт на реке Коппермайн, но ввиду позднего времени года отошла несколько на юг и остановилась на вторую зимовку.

Летом 1821 года начался поход на север. Франклин разделил свой отряд. Сам он через озеро Пойнт и вниз по Коппермайну в четыре недели добрался до моря к заливу Коронейшен. Дождавшись своих спутников, он пустился 21 июля в береговое плавание на индейских челнах. Шел он в восточном направлении, заходя во все заливы и бухты; на пути был открыт небольшой остров Хепберн и залив Арктик-Саунд, в который впадала река Худ. В конце июля Франклин нашел, как ему сначала показалось, широкий вход в какой-то пролив, но тот оказался длинным и извилистым заливом (*Батерст*), усеянным островками. Потратив на его исследование две недели, экспедиция двинулась было далее на восток. Но наступила осень с дождями и сильными ветрами, провизия была на исходе, и 22 августа путешественники повернули обратно, пройдя от устья Коппермайна по прямой линии через залив Коронейшен всего 300 км, но с учетом изгибов береговой линии — более 1000 км. Они поднялись по реке Худ до порогов, бросили бесполезные зимой челны и направились пешком на юго-запад, к месту последней зимовки.

Отступление было бедственным. Охота оказалась неудачной, путники питались лишайниками, варили и ели изношенную кожаную обувь. После почти двухмесячного пути из двадцати трех человек погибло восемнадцать; из них двое было убито: один, англичанин Роберт Худ, найден с размозженной головой, причем пуля прошла с затылка; другой, индеец-проводник, застрелен Джоном Ричардсоном, заподозрившим его в убийстве Худа. Еще две недели пятеро уцелевших путников голодали, пока не пришла помощь от дружественных индейцев.

11 декабря англичане пришли в форт Провиденс и провели там третью зимовку. Летом 1822 года они вернулись к Гудзонову заливу.

В Англии Франклина встретили как героя и зачитывались его книгой «Рассказ о путешествии к берегам Полярного моря в 1818—1822 гг.» (2 тома, 1823 г.). Однако чисто географические достижения экспедиции, не удовлетворяли самого Франклина. Хотя он и открыл заливы Коронейшен и Батерст, но не установил их связи с другими бассейнами Северного Ледовитого океана. Основная задача экспедиции не была выполнена, так как обследован был сравнительно небольшой участок неизвест-

Походы Франклина и Ричардсона в 1821 и 1825—1826 гг.

ного ранее американского побережья Ледовитого океана. А почти все озера и реки Северной Канады, через которые проходил Франклин, не раз уже посещались скупщиками пушнины и нанесены на карты,— конечно, далеко не точно.

Исследование экспедицией Бичи американского побережья Чукотского моря

В 1825 году Британское Адмиралтейство отправило в западную часть Американской Арктики две экспедиции: морскую на корабле «Блоссом» под командованием Фредерика Бичи и сухопутную под начальством Джона Франклина. У них было задание — исследовать еще неизвестное европейцам северо-западное побережье Америки от устья Коппермайна до мыса Айси-Кейп (Чукотское море), к которому через Берингов пролив доходил Джеймс Кук в 1778 году.

Действуя по инструкции Адмиралтейства, Бичи прошел в июле 1826 года через Берингов пролив к острову Шамиссо в

заливе Коцебу, где должен был встретиться с Франклином. Не застав его там, Бичи, чтобы не терять времени напрасно, прошел в августе на «Блоссоме» до Айси-Кейпа и произвел с помощью эскимосов подробную съемку большого участка американского побережья Чукотского моря, начиная от полуострова Болдуин залива Коцебу, где на карте появился мыс *Блоссом*. За Айси-Кейпом простирался еще не разведанный европейцами берег, и Бичи прошел со съемкой по мелководью (*мель Блоссом*) приблизительно на 130 км к северо-востоку, до мыса Франклин ($70^{\circ}55'$ с.ш., $158^{\circ}55'$ з.д.). По словам Бичи, «большая часть побережья была густо населена эскимосами, которые ставили свои зимние жилища у самого моря».

Оттуда Бичи послал на боте навстречу запаздывавшему Франклину старшего штурмана («мастера») Элсона. Тот четыре дня следовал далее в северо-восточном направлении вдоль «очень низкого берега, богатого реками и озерами, настолько мелководными, что ходить по ним можно только на байдарках». Пройдя так около 100 км, Элсон 22 августа «...достиг очень низкого песчаного мыса. За ним была бухта [*лагуна Элсон*], а береговая линия повсрачивала к востоку. Однако берег был такой низкий, что нельзя было далеко проследить его, и исчезал, сливаясь со льдами на горизонте. Никак нельзя было обогнуть этот мыс... так как море было покрыто сплошным льдом...» *

Открытый Элсоном мыс *Барроу* ($71^{\circ}21'$ с.ш., $156^{\circ}40'$ з.д.) в течение четверти века, до завершения открытия полуострова Бутия, считался самой северной точкой американского материка.

У мыса Барроу бот Элсона попал было в ледяную ловушку, так как западный ветер пригнал лед к берегу и закрыл путь к отступлению. К счастью, через несколько дней ветер переменялся и лед отошел от берега. Обратный путь к «Блоссому» был гораздо труднее и медленнее: Элсон прибыл на корабль 10 сентября. Бичи вернулся к острову Шамиссо, напрасно ждал там Франклина до 6 октября 1826 года и только тогда двинулся в обратный путь.

Плаванья «Рюрика» и «Блоссом» и лодочный поход Элсона завершили открытие всего восточного, американского побережья Чукотского моря — от мыса Принца Уэльского до мыса Барроу.

Вторая арктическая экспедиция Франклина

С Джоном Франклином в 1825 году из Англии в Канаду выехали его прежние спутники — Джон Ричардсон и Джордж Бак, а из новичков кадет Эрнест Кендалл. В Восточной и Центральной Канаде Франклин набрал сотрудников — британских переселенцев и местных канадцев, проводников и перевод-

* Из рапорта Элсона, включенного в отчет Бичи.

чиков — эскимосов и индейцев, всего около пятидесяти человек. В распоряжении экспедиции были четыре специально оборудованные лодки из крепкого красного дерева и мягкого ясеня, обтянутые снаружи непромокаемой тканью.

Известным уже водным путем экспедиция прошла от озера Атабаска к устью Большой Медвежьей реки. Отсюда Франклин отправил большинство участников экспедиции на Медвежье озеро, а сам с Кендаллом пошел на разведку вниз по реке Макензи до ее устья. Сделал он это в шесть дней (8—14 августа) на быстროходной парусно-весельной лодке «Лайон». Франклин вышел по одному из рукавов дельты в залив Макензи и открыл в его восточной части группу небольших островов, в том числе *остров Кендалл*, за которым, как он убедился, простирается свободное море. На море он провел всего четыре дня, до 18 августа, так как спешил соединиться с экспедицией до ледостава.

Обратный путь — вверх по реке Макензи до устья Большой Медвежьей — отнял две недели, и четыре дня (1—5 сентября) «Лайон» поднимался вверх по Большой Медвежьей реке, короткой, но порожистой.

За время отсутствия начальника экспедиции ее участники под руководством Бака и примкнувшего к экспедиции агента Компании Гудзонова залива Питера Уоррена Диза построили *Форт-Франклин* у истока Большой Медвежьей реки (она вытекает из залива *Кит-Арм* в юго-западном углу Большого Медвежьего озера). Ричардсон же обошел на лодке с подробной описью северное побережье озера, причем открыл (возможно, вторично) в его северо-восточном углу *залив Диз-Арм* и впадающую в него *реку Диз*.

Зимовала экспедиция в *Форт-Франклин*. В двадцатых числах июня 1826 года, после ледохода, большинство участников экспедиции на четырех лодках спустилось вниз по рекам Большой Медвежьей и Макензи до дельты, оставив в форте несколько людей под начальством Диза. В дельте Франклин разделил своих спутников на два исследовательских отряда — восточный, во главе которого он поставил Ричардсона, дав ему в помощники Кендалла, и западный, который он повел сам, взяв себе помощником Бака. Каждый отряд получил по две лодки.

Выйдя в море 7 июля, Франклин начал береговое плавание в северо-западном направлении. Из-за тяжелых льдов, почти непрерывного тумана и мелководья его отряд продвигался вперед очень медленно. Не раз приходилось вытаскивать лодки на берег или перетаскивать их через широкие песчаные отмели. На пути была прослежена береговая линия залива Макензи и открыт *остров Хершел**. У мыса *Мартин* берег моря Бофорта

* Назван так в честь знаменитого английского астронома Вильяма Хершела (Вильгельм Гершель, немец по происхождению).

повернул прямо на запад, и путешественники шли в этом направлении до 17 августа. В пути они несколько раз видели эскимосские стоянки, где велась бойкая торговля русскими товарами: они доставлялись западными эскимосами из Русской Америки.

Франклин по инструкции должен был встретиться с морской экспедицией Бичи в заливе Коцебу. Но, по записи Франклина, «лето подходило к концу, по ночам образовывался довольно крупный лед, на небе стали появляться стаи готовящихся к отлету гусей; по всему было видно, что в нынешнем году зима будет ранней». И приблизительно у 149° з. д. он повернул обратно. Двигался отряд на восток очень быстро: побережье было разведано, ветер был попутный и свободная от льда полоса воды очень расширилась. К концу августа отряд уже подошел к дельте Макензи, а 21 сентября 1826 года вернулся в Форт-Франклин.

Поход Джона Ричардсона и его открытия

Гораздо больших результатов добился другой, восточный, отряд экспедиции под командой Ричардсона. Выйдя также на двух лодках — «Долфин» и «Юнион» — в море, Ричардсон повернул на восток и за пять недель (июль — август 1826 г.) полностью выполнил задание — съемку всего участка северного побережья Америки, от залива Макензи до устья Коппермайна.

Ричардсон последовательно (с запада на восток), пройдя мимо залива Ливерпул, открыл выступ материка, кончающийся мысом Батерст (70°30' с. ш., 128° з. д.), заливы Франклин и Дарнли и расположенный между ними полуостров Парри. Иначе говоря, Ричардсон впервые прошёл вдоль южного берега той части моря Бофорта, которая теперь называется заливом Амундсена.

К северо-востоку у 117° з. д. показалась в тумане какая-то большая земля; отряд встретил тяжелые льды, сильно замедлившие продвижение, но через несколько дней материковый берег отклонился к югу, а на востоке открылось широкое водное пространство. Между материком и видневшейся на севере новой землей, очевидно, не было никакой связи. Ричардсон решил, что перед ним большой остров, и назвал его в честь английского натуралиста Уолластон; гораздо позднее было доказано, что это лишь юго-западный полуостров громадного острова Виктория — второго по размерам в Американском Арктическом архипелаге (после Баффиновой Земли). Пролив же между Уолластоном и материком Ричардсон назвал в честь своих лодок — Долфин-энд-Юнион. Затем он вошел в залив Коронейшен, открыл впадающую в юго-западный угол этого залива реку Ричардсон и достиг устья Коппермайна. Итак, Ричардсон выполнил задание, пройдя на лодке с описью неизвестного ранее берега свыше 1500 км, и совершил несколько крупных открытий.

Поднявшись вверх по Коппермайну до порогов, отряд Ричардсона вытащил лодки на берег, оставил их там с частью груза и пошел на юго-запад пешком, захватив с собой лишь легкий индейский челн. Открыв по пути *реку Кендалл*, отряд перешел к реке Диз и по ее долине достиг, после восьмидневного пешего перехода, залива Диз-Арм Большого Медвежьего озера. Там по договоренности с Дизом его должны были ждать челны, посланные из Форт-Франклина, но из-за шторма они запоздали почти на неделю. 1 сентября 1826 года, за три недели до Франклина, отряд Ричардсона добрался до форта.

Зиму 1826/27 года вся экспедиция провела в Северной Канаде; осенью 1827 года англичане вернулись на родину. На этот раз они заслуженно могли гордиться своими географическими достижениями: открыто было материковое побережье моря Бофорта (кроме сравнительно короткого западного участка, примерно между 149 и 156° з. д.); установлена связь с этим морем через пролив Долфин-энд-Юнион и залив Коронейшен и к северу от них усмотрена какая-то большая земля. Однако земля эта могла быть не островом, как правильно, но тогда лишь по интуиции предполагал Ричардсон, а полуостровом североамериканского материка, а в таком случае залив Корсейшен оказывался тупиком*.

Глава 39

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПОИСКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА И НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ АРКТИКЕ

Джон Барроу и организация новых английских арктических экспедиций

После наполеоновских войн секретарь Британского Адмиралтейства Джон Барроу, ходивший в молодости на китобойном судне к Гренландии, начал агитацию за возобновление поисков Северо-западного прохода из Атлантического в Тихий океан (Северо-восточный проход он считал менее обещающим).

В отношении Северо-западного прохода Барроу развивал следующую теорию: «...По опыту многих прежних поисковых экспедиций мы теперь сравнительно ясно представляем себе, где приблизительно можно его найти, если он вообще существует... Южнее полярного круга вдоль северного побережья Америки [Северо-западного прохода] нет, но мы еще не знаем, не соеди-

* Связь залива Коронейшен с восточными бассейнами Американской Арктики установлена в 1838 году Питером Дизом совместно с другим агентом Компании Гудзонова залива Томасом Симпсоном. Они уже за год до этого, в 1837 году, прошли от дельты Макензи на запад до лагуны Элсон, завершив, таким образом, открытие материкового побережья моря Бофорта.

няется ли этот берег [с Гренландией, где-либо на крайнем севере Америки]... Лучшие географы нашего времени сходятся во мнениях о том, что Гренландия — либо остров, либо архипелаг...»

И Барроу предлагал организовать одновременно две арктические экспедиции: одну с заданием пройти к востоку от Гренландии через Северный Ледовитый океан и Берингов пролив в Тихий океан; другую с заданием искать проход в Тихий океан к западу от Гренландии, из Баффинова залива. По крайней мере одна из этих экспедиций разрешит, по мнению Барроу, вопрос, является ли Гренландия островом и, следовательно, существует ли непрерывный морской путь через Северный полюс или вокруг Северной Америки.

Барроу понимал и публично заявлял, что если такой непрерывный морской путь и существует, то «...это вовсе не значит, что он окажется судоходным для больших судов».

За немедленную организацию арктических поисковых экспедиций ратовал также президент Лондонского королевского общества для содействия успехам естествознания * Джозеф Банкс (участник первой кругосветной экспедиции Джемса Кука). Под влиянием агитации Барроу и Банкса британский парламент восстановил в 1818 году премию в 20 000 фунтов стерлингов за открытие на английских кораблях Северо-западного прохода. Были также установлены премии в 5000 фунтов стерлингов за пересечение на английском корабле меридиана 110° з. д. к северу от Америки; 1000 фунтов за переход через параллель 83° с. ш. с возрастанием премии по мере продвижения к полюсу до 5000 фунтов при пересечении параллели 89° с. ш.

В том же, 1818 году Британское Адмиралтейство организовало две поисковые арктические экспедиции, каждую на двух кораблях. На всех четырех кораблях не было ни одного офицера, когда-либо плававшего в высоких широтах северного или южного полушария, так как британские военные суда в арктических и антарктических морях не плавали после экспедиций Джемса Кука, то есть уже сорок лет. Правда, на английском торговом флоте было много опытных ледовых капитанов, особенно среди китобоев; но даже мысль о том, что на военном корабле командную должность будет занимать не военный моряк и не «джентльмен», вызывала отвращение у лордов Адмиралтейства. По этой причине Адмиралтейство отвергло предложение принять участие в одной из экспедиций лучшего британского знатока Арктики того времени — китобоя Вильяма Скорсби-младшего.

Арктическая экспедиция под начальством Дэвида Бахана, получившая задание пройти через Гренландское и «Поляр-

*Это общество со времени его основания (1660 г.) и до настоящего времени фактически является Британской Академией наук.

ное» моря к Берингову проливу, потерпела, как указывалось выше, неудачу. Корабли достигли за Западным Шпицбергом $80^{\circ}34'$ с. ш. и, встретив тяжелые льды, ни с чем вернулись в Англию.

Экспедиция Джона Росса 1818 года

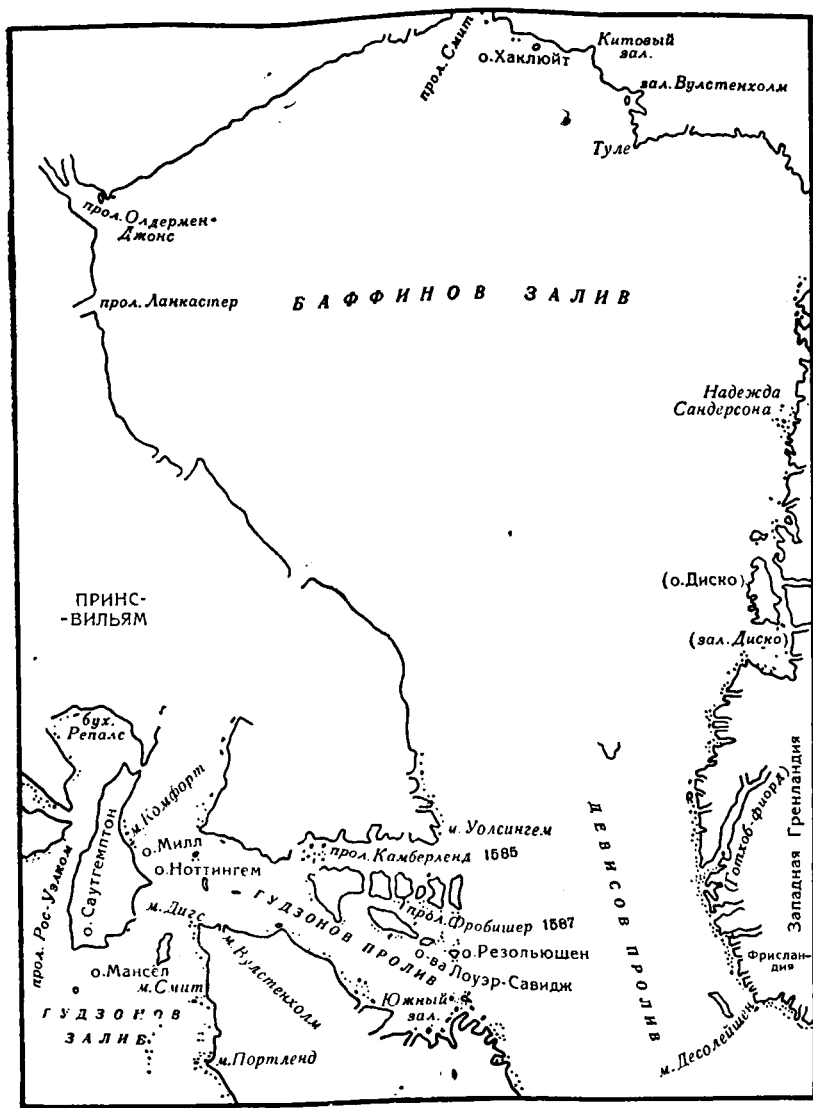
Арктическая экспедиция, отправленная на поиски Северо-западного прохода со стороны Баффинова залива, была поставлена под начальство сорокалетнего капитана Джона Росса, шотландца по происхождению. Сам Росс командовал кораблем «Изабелла»; командиром второго корабля, «Александр», был назначен лейтенант Вильям Эдуард Парри (1790—1855 гг.).

В июне 1818 года оба корабля прошли через Девисов пролив в Баффинов залив, за параллель 70° с. ш. Продвигались они вдоль западного побережья Гренландии. Росс исправил старую карту этого побережья: оно было показано ранее почти на десять градусов восточнее, так как карта была составлена главным образом по материалам экспедиций Девиса и Байлота — Баффина. 8 августа после бури, разломавшей лед, корабли без труда прошли в северный бассейн Баффинова залива, совершенно свободный от льда. На параллели 76° с. ш. Росс «открыл» и назвал заливом Мелвилл* северо-восточную часть Баффинова залива, которая фактически была открыта второй экспедицией Байлота — Баффина в 1616 году. Здесь, на побережье, обитала самая северная группа гренландских эскимосов, с бытом которых Росс впервые ознакомил мир. Позднее многие из этих северных эскимосов сыграли большую роль в исследовании Американской Арктики.

19 августа Джон Росс достиг $76^{\circ}54'$ с. ш. Он видел острова (Нортумберленд и др.), за которыми Байлот и Баффин открыли южный вход в пролив Смит; но так как он считал этот пролив заливом, то 21 августа повернул на юго-запад. 26 августа корабли были у забитого льдом пролива Джонс, который Росс опять принял за залив, так как издали ему показалось, что на западе поднимается цепь очень высоких гор. Остров у входа в мнимый залив, по-видимому; не замеченный экспедицией 1616 года, Росс назвал *Кобёрг*.

В конце августа, пройдя на юг мимо восточного побережья «Северного Девона» (так англичане называли в XIX в. остров Девон) и повернув на запад, корабли вошли в глубокие чистые воды пролива Ланкастер, вход в который был, как мы знаем,

* Это название залива, как и ряда других географических объектов, открытых позднее в Американской Арктике, дано в честь первого лорда Британского Адмиралтейства виконта Мелвилла.

Баффинов залив и Денисов пролив на карте Арроусмита 1790 г.

открыт той же экспедицией Байлота — Баффина. Ничто не мешало успешному продвижению кораблей, под всеми парусами идущих в проливе. Однако у $80^{\circ}37'$ з. д. Россу в легком тумане снова померещились вдали на западе высокие горы, и он, ни с кем не посоветовавшись, повернул обратно. Три раза во время этой необыкновенной поисковой экспедиции ее начальник Джон

Росс находился на верном пути, у входов во все три пролива, ведущие через другие морские бассейны из «замкнутого» Баффинова залива в Северный Ледовитый океан; три раза Росс принял проливы за заливы и трижды поспешно отступил, в первых двух случаях без достаточных оснований, в третьем, в проливе Ланкастер,— без всяких оснований, как блестяще доказал в следующем же году его спутник Парри.

Дальнейший путь экспедиции на юг шел вдоль восточного берега Баффиновой Земли, карту которой (двухсотлетней давности) Росс очень мало уточнил: открыты были лишь сравнительно незначительные, ранее не замеченные заливы* и дан ряд новых названий.

В середине ноября экспедиция вернулась в Англию.

Итак, Джон Росс в 1818 году потерпел полную неудачу в поисках Северо-западного прохода. Из судовых журналов его экспедиции и показаний офицеров ясно было, что в неудаче повинен он сам. И поэтому главой следующей арктической экспедиции был назначен Вильям Парри, так как он первый запротестовал против действий, или, точнее говоря, бездействия своего начальника, который проявлял свою решительность только в тех случаях, когда давал приказ об отступлении.

Первая экспедиция Парри: открытие проливов Ланкастер и Барроу и архипелага Парри

Вильям Эдуард Парри получил в свое распоряжение два военных судна: корабль «Хекла» (375 тонн), которым он сам командовал, и бриг «Грайпер» (180 тонн), командиром которого был назначен лейтенант Мэтью Лиддон. Из офицеров, участвовавших вместе с Парри в предшествующей неудачной экспедиции Джона Росса, пошли второй раз в Арктику мичман Джемс Кларк Росс (племянник Джона Росса) и капитан-артиллерист Эдуард Сабин, видный магнитолог, а из участников арктической экспедиции Дэвиса Бахана, также неудачной,— лейтенант Фредерик Бичи.

«Хекла» и «Грайпер» в конце июля 1819 года были у восточного входа в пролив Ланкастер. Дождавшись здесь через несколько дней попутного ветра, они вошли в этот пролив, отделяющий на юге Баффинову Землю от «Северного Девона».

Ледовые условия в то лето были исключительно благоприятны. Беспрепятственно продвигаясь по проливу на запад, все время приблизительно по параллели 75° с. ш., Парри обнаружил, что у 88° з. д. берег Баффиновой Земли поворачивает на

* В том числе залив *Изабелла* (на 69° 30' с. ш.), названный так в честь флагманского корабля.

юго-юго-запад и что здесь она отделена от соседней земли (*остров Сомерсет*) узким и длинным «заливом» — в действительности проливом, которому он дал имя *Принс-Риджент*. Парри пытался его исследовать, но не мог продвинуться по нему далеко на юг, так как мнимый залив был забит льдом. И корабли повернули обратно, в пролив Ланкастер. От Сомерсета началось открытие экспедицией Парри арктических островов, ранее совершенно неизвестных европейцам.

Продолжая путь на запад, вдоль Девона, Парри у 92° з. д. достиг того пункта, где берег острова круто поворачивает на север. Оказалось, что Девон (как теперь известно, его площадь около 56 000 кв. км) — большая земля, так как длина его южного побережья, прослеженного Парри, составляла по прямой линии более 300 км.

Фредерик Бичи, высадившись у юго-западной оконечности Девона, обнаружил, что он находится на небольшом острове*.

Юго-западный угол Девона с островом Бичи отделялся от следующей земли широким меридиональным проливом *Веллингтон*; насколько видно было к северу, он был совершенно свободен от льда. Но Парри боялся потерять время на исследование пролива, который вел его прямо на север — в сторону от намеченного западного направления. А на запад можно было пока продвигаться через льды без особых затруднений.

За Девонем начался новый участок единого широтного водного пути, по которому Парри повел на запад свои корабли. В середине XIX века, после долгих колебаний, за восточным участком этого широкого морского прохода окончательно закрепилось название *пролива Ланкастер*. От следующего к западу участка, получившего название *пролива Барроу*, он условно отделяется произвольной границей — меридианом 90° з. д., проходящим вдоль пролива *Принс-Риджент*.

Заметив на севере лежащие за Девонем земли — крупные острова *Корнуоллис* и *Батерст* — «Хекла» и «Грайпер» вступили в пролив *Мелвилл* — третий участок великого морского прохода. Остановились суда у небольшого острова *Байам-Мартин* (104° з. д.). Он лежит у южного входа в одноименный меридиональный пролив. Миновав его, корабли Парри подошли к юго-восточной оконечности еще одной большой земли, названной островом *Мелвилл* (более 41 000 кв. км).

Продвигаясь на запад вдоль Мелвилла, «Хекла» и «Грайпер» 6 сентября пересекли меридиан 110° з. д. и тогда Парри объявил участникам экспедиции, что она заслужила правительственную премию в 5000 фунтов стерлингов.

* Этот маленький остров Бичи приобрел впоследствии мировую известность во время многолетних поисков пропавшей без вести арктической экспедиции Джона Франклина.

Еще две недели корабли, хоть и очень медленно, пробирались сквозь льды на запад, вдоль южного выступа острова Мелвилл (*полуостров Дандас*). 20 сентября, достигнув меридиана $112^{\circ}51'$ з. д., Парри вынужден был повернуть обратно. На зимовку его корабли стали в южной бухте у острова Мелвилл, которая с того времени называется *Уинтер-Харбор* («Зимняя Гавань»).

Зимовка прошла благополучно. Цинга проявилась лишь в легкой форме благодаря санитарно-гигиеническим мерам, проведенным врачом экспедиции *Джоном Эдуардсом*, и рациональному питанию. Умер только один человек — от воспаления легких.

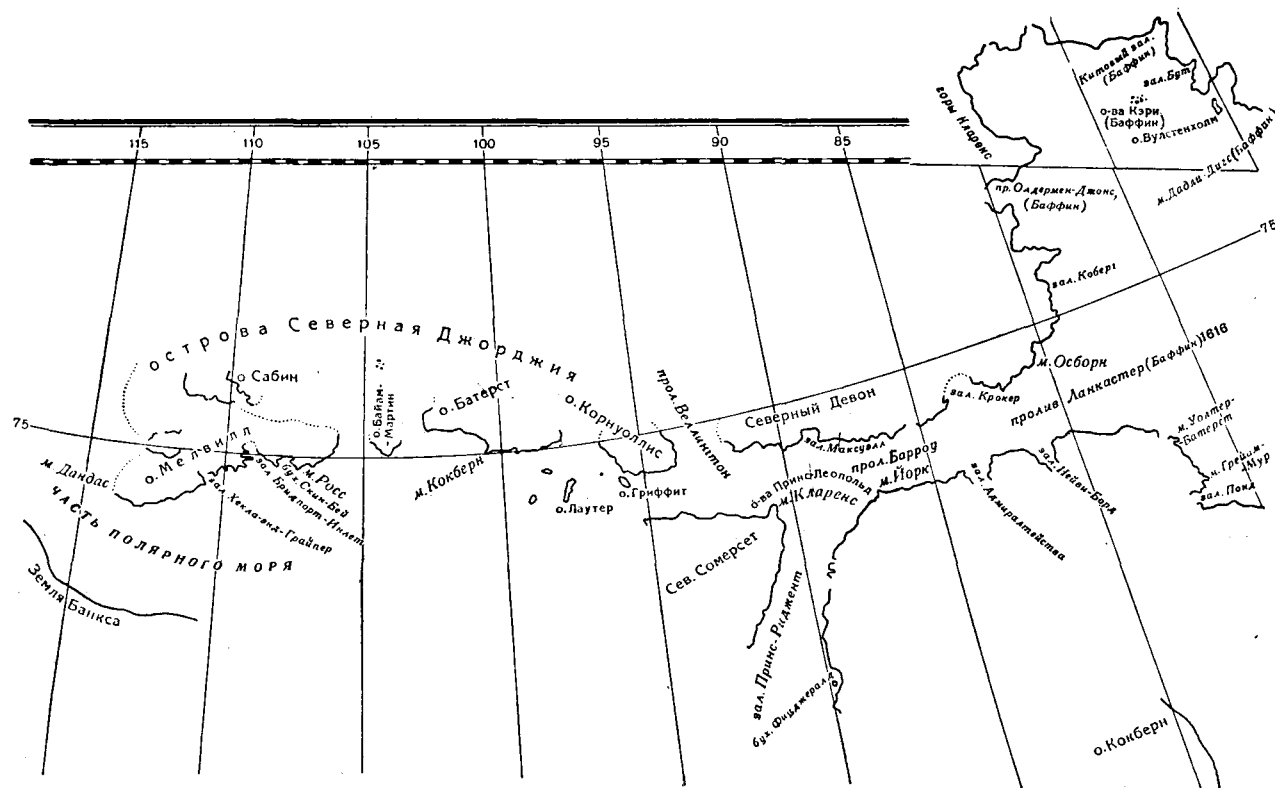
1 июня 1820 года Парри с группой в двенадцать человек начал исследование центральной части острова Мелвилл. Отряд прошел прямо на север от места зимовки и достиг после сравнительно короткого перехода противоположного берега острова. Северный его выступ был назван *полуостровом Сабин*. К западу от него *залив Хекла-энд-Грайпер* глубоко врезался в сушу, так что в одном месте только широкий перешеек (около 40 км) отделял его от вершины узкого южного *залива Лиддон*. Завершив открытие гористого полуострова Дандас, отряд вернулся в *Уинтер-Харбор* в середине июня. Но суда экспедиции вынуждены были еще полтора месяца стоять там, скованные льдом.

1 августа «Хекла» и «Грайпер» снова двинулись на запад, сначала при благоприятных условиях, но не прошли они и 100 км, как ледовая обстановка резко ухудшилась. Медленно, с величайшим трудом преодолевая льды, экспедиция достигла через две недели $113^{\circ}48'$ з. д. Еще десять дней Парри безуспешно лавировал среди наступающих льдов. На юге была замечена «маячившая вдали земля» — большой *остров Банкс*, но исследовать его не было возможности.

26 августа Парри решил отступить. Обратный путь через новооткрытые проливы до Баффинова залива отнял пять дней. Возвращаясь, корабли Парри шли в проливе Ланкастер вдоль его южного берега, и при этом был открыт вход в *залив Адмиралтейства*, глубоко вдающийся с севера в Баффинову Землю.

Пройдя затем вдоль восточного побережья Баффиновой Земли до залива Камберленд, «Хекла» и «Грайпер» в конце сентября вышли в открытый океан и в середине ноября 1820 года вернулись в Лондон.

Совокупность земель, открытых к северу от американских широтных арктических проливов, Парри назвал «Северной Джорджией» (в честь английского короля Георга III). Однако в 1835 году на «Карте Северного полярного моря» Британского Адмиралтейства вместо этого названия появилось другое,

Открытия 1-й экспедиции Парри на карте Арроусмита 1824 г.

справедливое — архипелаг *Парри*, и именно оно окончательно закрепилось на карте Мира*.

Ни одна из предшествующих и последующих морских экспедиций в Американской Арктике не добилась таких поистине великих географических результатов, как первая экспедиция Парри. Пройдены были на кораблях в обоих направлениях величественные арктические широтные проливы Ланкастер, Барроу и Мелвилл; положено начало открытию меридиональных проливов Принс-Риджент, Веллингтон и Байам-Мартин; продолжено открытие и исследование береговой линии большого острова Девон и огромной Баффиновой Земли; доказано, что западнее Девона находится обширный архипелаг, а к югу от него, за проливами, группа каких-то земель — арктических полуостровов Северной Америки или прилегающих к ней островов.

Вторая и третья экспедиции Парри: открытие полуострова Мелвилл и завершение открытия Баффиновой Земли

В мае 1821 года Вильям Парри снова отправился в Американскую Арктику во главе экспедиции на двух кораблях: «Фьюри», которым он лично командовал, и «Хекла» — под командованием Джорджа Ф. Лайона. Задание было пройти с востока до устья Коппермайна, обследовать побережье американского материка до устья Макензи, а затем постараться пройти через Берингов пролив в Тихий океан. Парри надеялся продвинуться к Коппермайну не с севера, а с юго-востока, через проливы Гудзонов и Фокс, вдоль северного берега острова Саутгемптон. Но у полярного круга, за известным уже Фрозен-Стрейт, который он прошел в начале августа, оказалось не свободное море, а обширная замкнутая с севера бухта; огорченный Парри мог только подтвердить данное ей Мидлтоном название Репалс («Отбой»). Суда выбрались из тупика в восточном направлении в начале октября, и экспедиция была вынуждена зазимовать в заливе Лайон, у острова, который с того времени называется Уинтер («Зимний»).

По соседству с англичанами находилась группа эскимосов. Среди них была красивая и разумная молодая женщина Иглулик. Она начертила для Парри верную карту той земли, у южного берега которой он зимовал: это был полуостров Мелвилл, соединенный перешейком Рей с американским материком и отделенный на севере узким проливом от Баффиновой Земли.

* Не все острова, открытые Вильямом Парри в 1819—1820 годах, вошли в этот архипелаг, но зато к нему теперь причисляют несколько открытых позднее земель, в том числе крупный остров Принс-Пауэр, расположенный, как и более южный остров Банкс, на крайнем западе Американского Арктического архипелага.

В начале июля 1822 года, как только суда вышли из льдов, англичане, пользуясь точной картой эскимоски, двинулись от залива Лайон на север, вдоль восточного побережья полуострова Мелвилл. Они открыли у 68-й параллели *залив Парри*, а близ 70-й параллели достигли пролива, указанного эскимоской. Одному из островов у восточного входа в него благодарный Парри дал имя *Иглулик*, самый пролив назвал в честь своих судов *Фьюри-энд-Хекла*. Англичане не могли преодолеть льды, загибающие этот пролив, но прошли его пешком до того пункта, где берег полуострова круто поворачивает на юг, к перешейку Рей. Так было доказано, что Баффинова Земля не часть американского материка, а огромный остров.

Люди Парри начали болеть цингой; он отослал в Англию «Хеклу», а затем и сам на «Фьюри» в конце августа пустился в обратный путь на родину, куда прибыл в октябре 1822 года.

Потерпев неудачу при решении основной задачи — открыть Северо-западный проход с помощью одних только морских судов, Вильям Парри предложил одновременно отправить в Арктику на поиски прохода несколько сухопутных и морских экспедиций. Со стороны суши вторично отправился Джон Франклин (см. выше гл. 38), отряд которого обследовал северный берег Канады на очень большом протяжении. Но третья морская экспедиция Парри добилась гораздо меньших географических результатов, чем вторая, не говоря уже о первой.

В августе 1824 года «Хекла», которой командовал сам Парри, и «Фьюри», теперь под командованием Генри Хопнера (спутник Парри в двух его предшествующих плаваниях), прошли через пролив Ланкастер. У входа в пролив Принс-Риджент, который экспедиция собиралась исследовать в первую очередь, ее остановили непроходимые льды. К весне 1825 года участники экспедиции обошли весь восточный берег Принс-Риджента от пролива Ланкастер до 72° с. ш., открыв, таким образом, западное побережье «Земли Кокберна» — так называлась раньше вся северо-западная часть Баффиновой Земли. Летом экспедиция прошла на судах вдоль западного берега Принс-Риджента, до залива *Кресуэлл*, то есть открыла все восточное побережье острова Сомерсет. Здесь, у мыса *Фьюри*, Парри, потеряв надежду пробиться сквозь льды дальше к югу, бросил обветшавший корабль. Он приказал построить у мыса склад и сложить там для нужд будущих арктических исследователей запасы продовольствия и одежды. Все участники экспедиции вернулись в Англию на «Хекле» в октябре того же, 1825 года.

Вильям Парри еще не сложил оружия: он решил продолжать исследование Арктики в другом направлении. В 1827 году, выбрав пункт северного побережья Шпицбергена (79°55' с. ш., 16°53' в. д.), он 21 июня выступил оттуда на север с двумя дру-

гими офицерами на двух лодках-санях, с десятидневным запасом продовольствия. Пробираясь сначала с величайшим трудом через торосистые льды, они за $81^{\circ}12'$ с. ш. увидели большие плавающие ледяные поля, отделенные широкими полыньями. Продвигаясь далее то по льду, то в лодках, англичане 23 июля были на $82^{\circ}45'$ с. ш., но через три дня обнаружили, что льды дрейфуют к югу и их отнесло несколько назад. После этого Парри повернул на юг, к Шпицбергену.

Это был первый санный поход к Северному полюсу, и наиболее трезвые знатоки Арктики сделали из опыта Парри правильный вывод, что при тогдашних технических средствах только при этом способе передвижения можно добраться до полюса. Прошло, однако, более восьмидесяти лет, прежде чем американец Роберт Пири, после многолетней тренировки, именно таким способом достиг Северного полюса.

Глава 40

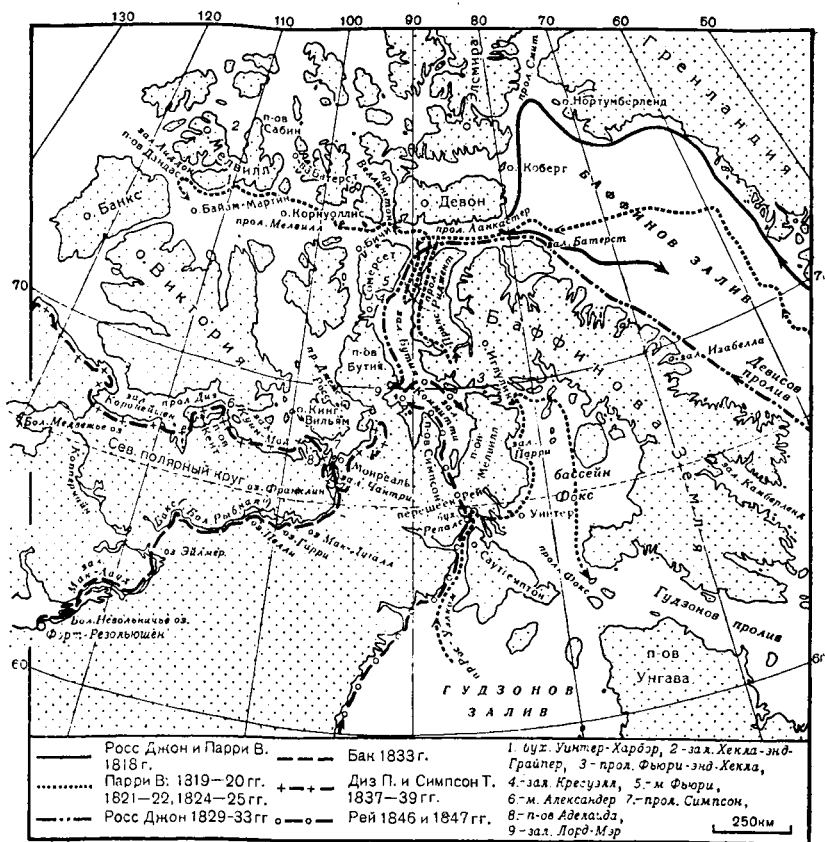
ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА

Вторая экспедиция Джона Росса

В 1829 году на поиски Северо-западного прохода снова вышел Джон Росс. Средства на его экспедицию дал богатый пивовар Феликс Бут. В распоряжение Росса был предоставлен колесный пароход «Виктори» (150 тонн). Весь его экипаж состоял из двадцати трех человек. Первый опыт применения парового судна в условиях Арктики был очень неудачен: колеса только мешали ходу судна под парусами, а машина очень скоро пришла в полную негодность.

Оставив в конце мая 1829 года Англию, Джон Росс обогнул с севера Баффинову Землю, пройдя через пролив Ланкастер в пролив Принс-Риджент. В августе он шел на юг вдоль западного берега Принс-Риджента, то есть вдоль острова Сомерсет, безуспешно разыскивая морской проход на запад. На мысе Фьюри Росс выгрузил негодную машину и забрал часть продовольственных запасов, оставленных на складе Парри в 1825 году. Затем он продвинулся на юг до 70° с. ш. Такого уж было «счастье» Джона Росса, что он и на этот раз прошел, пересекая 72-ю параллель, мимо вожаденного прохода, хоть и близко подходил к нему и даже видел вход в него — «ряд низких земель и островов в бухте Брентфорд»*. Однако Джон Росс принял пролив за низменный перешеек, связывающий мнимый полуостров «Северный Сомерсет» с действительным полуостровом *Бутия Феликс*

* Это был открытый позднее экспедицией Вильяма Кеннеди в 1852 году короткий и узкий пролив Белло.

(теперь просто *Бутия*), а водное пространство, отделяющее его от Баффиновой Земли, получило наименование *залив Бутия*.

За это время, весной 1830 и 1831 годов, племянник начальника экспедиции Джеймс Кларк Росс (впоследствии прославившийся исследованием Антарктиды) совершил ряд санных поездок, приведших к важным географическим достижениям. В 1830 году он пересек Бутию с востока на запад. Оказалось, что в южной части полуостровов суживается, а на западе от него.

за нешироким проливом *Джемс-Росс* находится другая земля, которую исследователь принял также за полуостров; на самом деле это был остров *Кинг-Вильям*.

В 1831 году *Джемс Росс* открыл тогдашнее точное местоположение *Северного магнитного полюса* на западном берегу полуострова *Бутия*: на $70^{\circ}5'$ с. ш. и $96^{\circ}46'$ в. д. свободно подвешенная магнитная стрелка приняла вертикальное положение, то есть указывала на центр Земли.

В конце мая 1832 года экспедиция, оставив во льдах «*Виктори*», на санях и шлюпках, поставленных на полозья, двинулась на север, вдоль восточного берега полуострова *Бутия*. Но дошла она только до пролива *Принс-Риджент* и провела четвертую зимовку на мысе *Фьюри*, у южного входа в пролив. *Росс* и его спутники не умерли с голоду только благодаря запасам продовольствия, еще остававшимся на складе *Парри*. Летом 1833 года они добрались, наконец, до пролива *Ланкастер*, сели в шлюпки и отправились на восток. У восточного выхода из пролива они встретили военный корабль, посланный на поиски экспедиции, и вернулись на нем в *Англию* *.

Экспедиция *Бака* и открытие „*Большой Рыбной реки*“

В *Англии* так тревожились о судьбе *Джона Росса* и его спутников, четыре года не подававших о себе вестей, что, кроме военного корабля, на их поиски была отправлена в начале 1833 года небольшая сухопутная экспедиция во главе с *Джорджем Баком*. Средства для нее были собраны по подписке. В августе того же года *Бак* добрался до форта *Резольюшен* на *Большом Невольничьем озере* и двинулся оттуда на северо-восток, открыл на 64 -й параллели крупное озеро *Эйлер* и перешел от него к какой-то реке, которая текла прямо на север. Наступили холода, и *Бак* повернул обратно. Зимой он провел в одном из торговых пунктов *Компании Гудзонова залива*, у северо-восточного угла *Большого Невольничьего озера (залив Мак-Лауд)*.

Весной 1834 года *Бак*, узнав от агентов компании, что экспедиция *Джона Росса* вернулась на родину, решил на свой страх и риск исследовать реку, открытую им в минувшем году. В июне он отправился в путь с девятью спутниками, в июле начал плавание вниз по порожистой реке, надеясь выйти по ней к заливу *Коронейшен*. Но на $65^{\circ}40'$ с. ш. река круто повернула на восток, а затем, примерно в 300 км ниже по течению, приняла в основном направление на восток-северо-восток. У 66 -й параллели

* Через год *Джон Росс* выпустил в свет книгу «Рассказ о плавании в поисках Северо-западного прохода, о пребывании в арктических областях в 1829—1833 гг., включая отчеты *Джемса Кларка Росса*, и открытие Северного магнитного полюса» (2 тома, Лондон, 1834—1835).

река, которую индейцы называли «Большой Рыбной», проходила через цепь озер (*Пелли, Гарри, Мак-Дугалл*), за полярным кругом, на 96° з. д., — через озеро *Франклин*. Немного ниже «Большая Рыбная» река впадала в мелководный морской залив (*Чантри*). Бак дошел до него в конце июля. Исследованную им от верховья до устья реку позднее называли его именем — *Бакс*.

Бак провел на заливе две недели, осмотрел его и открыл близ 68° с. ш. небольшой остров *Монреаль*. Обратный путь — к Большому Невольничьему озеру — весь отряд проделал пешком за полтора месяца. Бак провел вторую зимовку у залива Мак-Лауд, а осенью 1835 года вернулся на родину.

Диз и Симпсон

К середине тридцатых годов XIX века оставались совершенно неизвестными большие участки северного побережья Америки к западу и востоку от полуострова Бутия. Не завершено было также исследование северо-западного берега Америки. По распоряжению правления Компании Гудзонова залива, озабоченного установлением точных границ своих владений, служащие компании — опытный полярник Питер Уоррен Диз и племянник одного из директоров Томас Симпсон — летом 1837 года спустились вниз по реке Макензи, прошли частью на лодках, частью пешком вдоль северного берега Русской Америки до мыса Барроу и обследовали ранее неизвестный англичанам участок побережья между крайними пунктами, до которых с запада доходил Элсон, а с востока Франклин. Так появились на морской карте к востоку от мыса Барроу залив *Диз* ($155^{\circ}40'$ з. д.) и мыс *Симпсон* ($155^{\circ}30'$ з. д.) у входа в новооткрытую бухту *Смит*. Кроме того, они открыли низовье реки *Колвилл*, крупнейшей реки северной полосы Русской Америки.

Зиму Диз и Симпсон провели у Большого Медвежьего озера. 6 июня 1838 года они направились оттуда на северо-восток на лодках «Кастор» и «Поллукс», поднялись по реке Диз, перешли на Коппермайн и к 1 июля спустились вниз до его устья, к заливу Коронейшен. Залив был еще забит льдом, только в середине июля путешественники могли двинуться на восток; к концу июля они миновали залив Батерст и вступили в неведомые воды, но 9 августа остановились под $68^{\circ}16'$ с.ш., $109^{\circ}20'$ з.д. Симпсон пошел по льду на северо-восток (вдоль берега полуострова *Кент*). 20 августа у 106° з. д. он увидел на севере большую землю и вернулся обратно к лодкам, где его ожидал Диз. Зиму они снова провели у Большого Медвежьего озера.

Летом 1839 года море в заливе Коронейшен и к востоку от него было почти совершенно свободно от льда, и для плавания лодок Диза и Симпсона не было никаких значительных препятствий. За заливом Батерст открылся пролив *Диз* — между

полуостровом Кент и той землей, которую в минувшем году видел Симпсон. Ее называли *Викторией*. Обогнув мыс *Александр* (у самого узкого места пролива), путешественники вступили в широкое водное пространство, за которым в XX веке закрепилось название *залив Куин-Мод*. Они пересекли этот залив в восточном направлении и прошли открытый ими узкий *пролив Симпсон* ($68^{\circ}25'$ с. ш.), отделяющий *полуостров Аделаида* от острова *Кинг-Вильям*. За проливом они вступили в воды, уже посещенные Баком,— в залив *Чантри*, обследовали его и к северо-востоку от него у берега материка достигли крайнего восточного пункта своего плавания, $68^{\circ}28'$ с. ш., $94^{\circ}14'$ з. д.

На обратном пути Диз и Симпсон высаживались на остров *Кинг-Вильям* и бегло осмотрели участок его южного берега приблизительно на 100 км. Далее они проследили участок юго-восточного побережья острова *Виктория* на протяжении около 250 км. Симпсон, закончив зимой описание путешествия*, отправился в Англию через США, но на Миссисипи был убит своими спутниками индейцами (июнь 1840 г.).

Плавание Диза и Симпсона на «*Касторе*» и «*Поллуксе*» в 1839 году было несомненно наряду с плаванием Парри в 1819 году величайшим навигационным подвигом, совершенным в XIX веке в водах Американской Арктики. Они не только завершили открытие северного побережья американского материка (до полуострова *Бутия*), но и доказали, что южные арктические проливы к западу от *Бутии* доступны летом для плавания небольших судов, по крайней мере в годы, вполне благоприятные по ледовым условиям. Прошло, однако, более полувека, пока Руал Амундсен именно через эти проливы совершил первое в истории сквозное плавание из Атлантического в Тихий океан и фактически открыл Северо-западный проход.

Первый поход Джона Рея

К сороковым годам XIX века еще не были исследованы значительные участки побережья полуострова *Мелвилл* и материковые берега к югу от полуострова *Бутия*.

В 1846 году для съемки берегов в районе полуострова *Мелвилл* Компания *Гудзонова залива* послала своего служащего доктора *Джона Рея*. По-видимому, правление Компании не

* «Рассказ об открытиях на северо-западе Америки, совершенных служащими Компании *Гудзонова залива* в 1836—1839 гг.» (Лондон, 1843).

Не отличаясь излишней скромностью, Симпсон преувеличил свою собственную роль и оттеснил на задний план начальника экспедиции Диза, который на самом деле был подлинным ее руководителем и восполнял недостаток образования своим большим арктическим опытом. Симпсону Лондонское географическое общество присудило посмертно большую золотую медаль; Диза как одного из самых выдающихся путешественников по Американской Арктике оценили только позднейшие исследователи.

было очень заинтересовано в успехе экспедиции. Ему, правда, дали двенадцать человек сотрудников и рабочих, но зато обязали, кроме береговой съемки, производить геологическую разведку, делать наблюдения геофизические, метеорологические и гидрографические, собирать материалы для описания природы и населения страны. Работа экспедиции Рея была рассчитана на полтора-два года, а продуктов ей было отпущено на четыре месяца: недостающие запасы сотрудники должны были пополнять сами — охотой и рыбной ловлей.

В июле 1845 года отряд Рея прошел на лодках от устья реки Черчилль вдоль всего западного берега Гудзонова залива до бухты Репалс. Рей оставил здесь лодки и с несколькими спутниками вышел на разведку в северном направлении, получив нужные ему сведения от местных эскимосов, с которыми наладил хорошие отношения. Он пересек перешеек Рей, соединяющий полуостров Мелвилл с материком, и вышел в начале августа к открытому им *заливу Коммитти*, который глубоко вдается в сушу, отделяя на западе полуостров Мелвилл от материка. Вернувшись к отряду, Рей перезимовал у бухты Репалс. В апреле 1847 года он снова отправился через перешеек на нартах с собачьей упряжкой и обследовал западный берег залива Коммитти. Обогнув затем с севера неизвестный ранее выступ материка, *полуостров Симпсон*, он достиг небольшого *залива Лорд-Мэр* (у основания полуострова Бутия).

Заболев снежной слепотой, Рей вернулся через месяц к своей базе. Выздоровев, он в начале лета произвел съемку всего восточного берега залива Коммитти и, таким образом, завершил открытие полуострова Мелвилл, начатое Парри. В середине августа, когда лед в бухте Репалс вскрылся, экспедиция на лодках двинулась в обратный путь.

Теперь только один участок северного материкового берега Америки еще не был пройден европейцами, а именно тот, который тянется к северо-востоку от залива Чантри до полуострова Бутия. Он был исследован во время поисков пропавшей без вести экспедиции Джона Франклина.

Глава 41

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРЕНЛАНДИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Китобой старший и младший Скорсби и первое исследование восточной Гренландии

В конце XVIII века китобойным промыслом в Арктике начал заниматься шотландец Вильям Скорсби-старший. В мае 1806 года он, охотясь на китов вместе со своим сыном Вильямом Скорсби-младшим, тогда семнадцатилет-

ним юношей, с величайшим трудом пробился между 76 и 80° с.ш. через льды, встретил затем чистую воду и прошел к северо-западу от Шпицбергена до 80°30', поставив новый мировой рекорд продвижения к Северному полюсу.

С 1810 года отец и сын Скорсби почти ежегодно плавали к Шпицбергену. В 1817 году, сильно отклонившись на запад от обычного пути китобойных судов в Гренландском море за 70-й параллелью они увидели восточный берег Гренландии у залива, позднее названного их именем, но не высаживались там, боясь потерять время.

В том же году Скорсби отправили письмо президенту Королевского общества Джозефу Банксу с обобщением своих наблюдений над климатом Арктики. В этом письме они указывали, что там постоянно меняются ледовые условия и что ближайšie годы, по их мнению, будут очень благоприятны для возобновления поисков Северо-западного прохода. Вильям Скорсби-младший даже предлагал свои услуги Британскому Адмиралтейству, но его предложение было отвергнуто, как мы знаем, далеко не по деловым соображениям.

В конце апреля 1822 года старший и младший Скорсби без труда достигли к северо-западу от Шпицбергена 81° 31' с. ш., повернули на юго-запад через плавающие льды и в июле у 74° 06' с. ш. увидели Гренландию. Они прошли с описью вдоль берега на юг до 69° 13' с. ш., встретили тяжелые льды и снова повернули на север. При этом они четыре раза высаживались на гренландский берег между 70° 25' и 72° 10' с. ш., установили точное положение исследованного участка побережья и открыли залив Скорсби (величайший фьорд Гренландии), а к северу от него большой гористый полуостров — *Земля Скорсби*. Во время высадки они, так же как в 1797 году русский помор Павков, видели следы недавнего пребывания эскимосов: несколько покинутых «иглу» (хижин), обугленный плавник, кучи золы от костров, обглоданные кости, а в одном месте череп собаки. Удача обследования в значительной мере объясняется исключительно теплым летом: Скорсби-младший отмечает «удушающую жару» в июле — августе*.

Английская экспедиция Сабина — Клаверинга и первая встреча европейцев с восточногренландскими эскимосами

В 1823 году бывший спутник Джона Росса и Парри Эдуард Сабин был назначен руководителем английской гравиметрической экспедиции в Северной Атлантике. В его распоряжение

* В 1823 году Вильям Скорсби-младший издал свой «Дневник путешествия в район северного китобойного промысла», классический труд, выдвинувший его в первые ряды исследователей Арктики XIX века.

было предоставлено одно из экспедиционных судов Парри, бриг «Грайпер», под командованием капитана Дугласа Клаверинга. В июне 1823 года экспедиция находилась на севере Норвегии, в июле — на Западном Шпицбергене, откуда «Грайпер» перешел к северо-восточному побережью Гренландии.

После десятидневного плавания вдоль кромки льда экспедиция открыла небольшой остров Сабин (74° 35' с. ш., 18° 50' з. д.). 13 августа «Грайпер» стал на якорь у этого острова, и Сабин высадился на берег для производства гравиметрических измерений.

Погода установилась тихая и теплая для такой высокой широты. Капитан Клаверинг воспользовался этим для исследования на лодках восточного побережья Гренландии в районе работы экспедиции: он находился севернее того пункта, до которого в прошлом году доходили китобой Скорсби; местность эта была совершенно неизвестна европейцам. К юго-западу от стоянки «Грайпера», за полуостровом Уолластон, Клаверинг открыл высокий остров, названный его именем (74° 15' с. ш., 21° 10' з. д.), к северу — низменный остров Шаннон (75° 10' с. ш., 18° 20' з. д.).

Поход продолжался двенадцать суток. Клаверинг и его спутники каждый день высаживались на берег и ночевали на суше в палатках. В первое время они видели только признаки человеческого жилья, но 18 августа заметили на скале группу людей — мужчин, женщин и детей. Произошла первая, насколько мы знаем, встреча европейцев с эскимосами восточной Гренландии. Клаверинг и один из офицеров направились к ним «со знаками приветствия и дружбы», положили на землю у подошвы скалы подзорную трубу и пару шерстяных перчаток и отошли на несколько шагов. Тогда эскимосы спустились со скалы, взяли вещи и вернулись на прежнее место. После того как они рассмотрели подарки, англичане снова подошли к ним и протянули руки.

«...Этой церемонии они никак не могли понять, — писал Клаверинг, — ... и все время страшно дрожали... У них была небольшая лодка из тюленьих кож, гарпуны и копья с деревянными рукоятками и костяными наконечниками, а у некоторых наконечники были железные, по-видимому, из метеорного железа».

На следующий день эскимосы осмелели, подходили к палатке европейцев, предлагали мясо тюленей и моржей. Англичане дали им взамен сухарей и солонину, но ее они с отвращением выплевывали.

«Мы сделали несколько ружейных выстрелов в цель. Потом мы дали одному эскимосу пистолет в руку, он выстрелил в воду, но отдача так испугала его, что он сейчас же ушел в свою палат-

ку. На другое утро мы увидели, что все ушли, бросив палатки и много других вещей — вероятно, только из страха перед огнестрельным оружием».

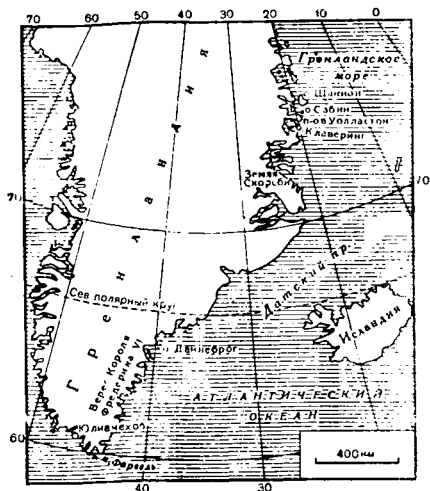
Через двенадцать дней, когда Клаверинг вернулся на бриг, погода установилась ясная, и с высокого холма было видно, что море совершенно свободно от льда не только у острова Сабин, но и далеко к северу, на сколько глаз хватало. По определению Клаверинга, крутой, почти отвесный берег Гренландии простирался по меньшей мере до 76° с. ш. Но он не имел возможности заняться дальнейшим исследованием побережья в северном направлении, так как работа гравиметрической экспедиции кончалась. 13 сентября «Грайпер» пустился в обратный путь.

Датская экспедиция Гро у берегов восточной Гренландии

Плавания Скорсби и работа экспедиции Сабина у берегов восточной Гренландии встревожили датское правительство; оно с полным основанием опасалось, что за этим может последовать новая английская экспедиция, которая объявит восточную Гренландию британским владением «по праву первого открытия». Поэтому в 1828 году был послан в Гренландию Вильгельм Август Гро; он должен был организовать в Юлианехобе экспедицию, обойти на лодках восточное побережье Гренландии — по крайней мере до того пункта, до которого в 1822 году доходили с севера Скорсби, — и таким образом доказать, что Дания формально и фактически владеет восточной Гренландией. Кроме того, он должен был разыскать остатки древненорманского Эстербюгда, который, как тогда еще полагали, находился на восточном берегу Гренландии.

Организация и снаряжение экспедиции отняли несколько месяцев. Под начальством Гро были два умиака, то есть большие эскимосские лодки, в которых гребцами являются женщины. Поэтому, как и в экспедиции Педера Валле, большую половину экипажа составляли женщины эскимоски (десять человек); меньшая, мужская половина состояла из девяти человек, в том числе пять эскимосов и четыре датчанина.

1 апреля 1829 года экспедиция обогнула южную оконечность Гренландии и застряла из-за непроходимых льдов у юго-восточной окраины острова, близ 60° с. ш., до 26 апреля. Затем в течение двух месяцев, до 27 июня, лодки продвинулись на север менее чем на два градуса (приблизительно до 62° с. ш.). К этому времени часть эскимосов бежала. Под командой Гро оставалось теперь только восемь эскимосов — шесть женщин и двое мужчин (не считая рожденного в пути мальчика). Тогда они бросили одну лодку и стали по крайней мере втрое быстрее продвигаться вперед, отчасти из-за улучшения в середине лета

Исследование восточной Гренландии
в первой половине XIX в.

ледовых условий. За неполный месяц они продвинулись на север более чем на три градуса — до острова Даннеброг ($65^{\circ}20'$ с. ш.). Открытый им южный участок восточногогренландского побережья (длиной около 600 км) Гро назвал берегом Короля Фредерика VI.

От Даннеброга Гро повернул обратно. Шел он на юг медленно, производя детальную съемку берегов и заходя для этого в фьорды; при движении на север он только отмечал входы в них. Никаких следов норманских поселений Гро не обнаружил.

1 октября 1829 года он остановился на зимовку в небольшом фьорде на

$63^{\circ}20'$ с. ш. Это была первая исторически доказанная зимовка европейцев в восточной Гренландии. Климат здесь, по наблюдениям Гро, был гораздо мягче, чем на той же широте в западной Гренландии.

5 апреля 1830 года Гро оставил зимовку и продолжал медленное движение на юг. Он успешно закончил съемку юго-восточного побережья Гренландии до 60-й параллели, несмотря на то что в пути и на зимовке все время болел, а его в основном женская команда голодала.

Поздней осенью Гро добрался до Юлианехоба. Обработав там зимой материалы экспедиции, он в 1831 году вернулся в Данию*.

«Закрепив» за Данией восточную Гренландию, датское правительство на полвека отложило всякое попечение об этой «бесполезной» области. Внимание уделялось только западной Гренландии, где в середине XIX века развернул свою научную деятельность один из самых выдающихся исследователей страны Хинрик Ринк. И в других странах интерес к восточной Гренландии возродился только во второй половине XIX века в связи с попытками проникнуть через Гренландское море к Северному полюсу через «открытое Полярное море».

* В 1832 году в Копенгагене вышла в свет книга Гро «Плавание к восточному берегу Гренландии».

Глава 42

ПОСЛЕДНЯЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ДЖОНА ФРАНКЛИНА

Организация экспедиции, ее задачи и путь к проливу Ланкастер

В мае 1845 года на поиски Северо-западного прохода Британское Адмиралтейство отправило большую экспедицию на двух винтовых пароходах с полным парусным вооружением — «Эребус» и «Террор»* — под начальством шестидесятилетнего Джона Франклина. Помощником Франклина на «Эребусе» был Джемс Фицджерес, старый моряк, но с Арктикой незнакомый; капитаном «Террора» был Френсис Ричард Крозье, имевший большой полярный опыт: он плавал и в Арктике под начальством Вильяма Парри, и в Антарктике под начальством Джемса Росса. В момент вступления судов в арктические воды экипаж их состоял из 129 человек.

По инструкции Франклин должен был идти из Баффинова залива через проливы Ланкастер и Барроу к мысу Уокер (на острове Рассел). Оттуда в зависимости от ледовой обстановки Франклину предлагалось следовать к Берингову проливу или прямо на запад, через пролив Мелвилл, или на юг и юго-запад, если продвижению в этих направлениях «не помешают льды или какая-либо неизвестная земля». В крайнем случае Франклину разрешалось искать проход в открытый океан иным путем — идти на север через пролив Веллингтон «между островами Корнуоллис и Северный Девон, если пролив между ними будет доступен».

19 июля 1845 года «Эребус» и «Террор» находились в Баффиновом заливе у гренландского острова Упернивик, и капитаны двух китобойных судов беседовали там с Франклином. 26 июля с третьего китобойного судна видели два парохода в северной части Баффинова залива на широте пролива Ланкастер. Затем экспедиция пропала без вести.

Первые десять лет напрасных поисков**

Так как никто в то время не мог надеяться, что арктическая экспедиция Франклина пройдет из Атлантического в Тихий океан без зимовки, то прошло больше года, прежде чем даже

* Прославленные суда антарктической экспедиции Джемса Кларка Росса.

** В этой главе излагается в хронологическом порядке ход поисков Джона Франклина и его спутников, причем отмечаются те экспедиции, которые нашли следы лагерей, вещи, принадлежавшие пропавшим морякам, или собрали среди эскимосов достоверные опросные материалы. Географические результаты поисковых экспедиций изложены в следующей главе.

родные и близкие моряков начали тревожиться за их судьбу. Но и к концу 1846 года опытные полярники, кроме Джона Росса, доказывали, что для тревоги еще нет оснований.

Джон Росс не сложил оружия и в 1847 году поднял в английской печати вопрос о немедленной посылке спасательной экспедиции. Началась дискуссия, тревога за судьбу Франклина и его спутников все росла. Наконец, в 1848 году под давлением общественного мнения Адмиралтейство назначило высокую премию за верные сведения о судьбе экипажей «Эребуса» и «Террора» и отправило в Американскую Арктику три поисковые экспедиции: одну сухопутную, из Канады, и две морские — два корабля со стороны Баффинова залива и три корабля со стороны Берингова пролива. Никаких следов Франклина они не нашли.

В 1850 году, когда выяснилась неудача первых поисковых экспедиций, Адмиралтейство отправило в Арктику со стороны Берингова пролива два корабля, а со стороны Баффинова залива шесть кораблей, в том числе четыре под общим начальством Гораса Остина. Люди с одного из подчиненных ему кораблей «Ассистанс», под командованием Эразма Оммани, высадившись на мыс Райли — юго-западную оконечность острова Девон, обнаружили там «...следы лагеря и остатки различных предметов, по-видимому, указывающих на то, что в этом месте пребывал отряд матросов королевского [британского] флота»*. Два других английских правительственных корабля, находившиеся под общим начальством Вильяма Пенни, вместе с двумя американскими кораблями под начальством Эдвина Де-Хавен также обнаружили на юго-западном побережье острова Девон, у южного входа в пролив Веллингтон, следы лагеря, каменное строение и предметы, неоспоримо свидетельствующие о том, что они принадлежали участникам экспедиции Франклина.

Тогда же в пролив Ланкастер пришли два маленьких судна Компании Гудзонова залива под начальством Джона Росса и шхуна, снаряженная на личные средства Джен Франклин (жены Джона Франклина). Капитан шхуны Кодрингтон Форсайт нашел на мысе Райли записку Оммани и жалкие остатки некоторых вещей, брошенных в лагере, и немедленно вернулся в Англию с вестью, что экспедиция Франклина несомненно прошла через пролив Ланкастер. Но как она следовала дальше? Двинулась ли прямо на запад через пролив Барроу? Повернула на север в пролив Веллингтон? Прошла в один из южных проливов — Принс-Риджент или Пил?

В 1851 году только одна Джен Франклин отправила поисковую экспедицию со стороны Баффинова залива в южные

* Цитаты здесь и ниже взяты из книги «Арктические походы Джона Франклина по материалам экспедиций Франклина, Росса, Мак-Клура, Мак-Клинтока, Холла, Шватки и др.», Ленинград, 1937.

проливы к полуострову Бутия — шхуну «Принс-Альберт», на этот раз под командованием Вильяма Кеннеди. Ему не удалось найти там следов экспедиции Франклина. Но далее к западу Джон Рей, исследовавший в 1851—1852 годах остров Виктория, нашел на его южном берегу, у пролива Долфин-энд-Юнион, «обломок флагштока с кусками белого полотнища... которое было прибито медными гвоздиками, украшенными значками широкого якоря». Это был несомненный остаток флага с британского корабля и всего вероятнее с «Эребуса» или «Террора». Но не занесло ли его течением из северных проливов?

В 1852 году для исследования северных проливов Американского Арктического архипелага Британское Адмиралтейство послало со стороны Баффинова залива пять кораблей под общим начальством Эдуарда Белчера. И опять никаких результатов!

В 1853 и 1854 годах так же безрезультатны были организованные Адмиралтейством поиски в северных проливах на двух судах под начальством Эдуарда Инглфилда. Еще до его возвращения Адмиралтейство вычеркнуло все 129 человек как умерших из списков офицеров и матросов королевского флота и отказалось от дальнейших поисков. Никаких следов Франклина не нашел и отправленный в том же году из США Илайша Кейн на крайнем северо-востоке Арктического архипелага. Зато Джон Рей, посланный со стороны материка в 1853 году Компанией Гудзонова залива для завершения съемки береговой линии полуострова Бутия, купил в 1854 году у местных эскимосов много вещей, несомненно принадлежавших спутникам Франклина, людям с «Эребуса» и «Террора», в том числе столовое серебро с их инициалами. И Рей услышал от эскимосов рассказ (с чужих слов) о ледовом походе около 1850 года примерно сорока англичан с северного берега острова Кинг-Вильям на юг и о находке эскимосами такого же количества трупов близ устья «*Большой Рыбной*» (река Бакс).

В 1855 году Компания Гудзонова залива послала к устью реки Бакс экспедицию под руководством Джемса Андерсона и Джемса Стюарта. Бакс впадает в залив Чантри, в горле которого находится небольшой остров Монреаль. Там было найдено много предметов, несомненно принадлежавших экспедиции, и обломки шляпки, а на противолежащем берегу полуострова Аделаида, в песке — человеческие кости.

Экспедиция Мак-Клинтока 1857 — 1859 годов: находка документа и нескольких скелетов

В 1857 году Джен Франклин организовала последнюю поисковую экспедицию на винтовой яхте «Фокс», мобилизовав все свои личные средства и собрав недостающую сумму путем

подписки. Командиром яхты приглашен был Френсис Леопольд Мак-Клинтон. Первую зиму «Фокс» провел в Баффиновом заливе, вторую — у восточного входа в пролив Белло, отделяющий полуостров Бутия от острова Сомерсет. В начале 1859 года, во время подготовительных санных походов, Мак-Клинтон и его спутники видели и купили у местных эскимосов много вещей моряков с «Эребуса» и «Террора» и узнали, что «...сами эскимосы не были свидетелями гибели участников экспедиции, но находили их трупы следующей зимой».

В начале апреля 1859 года Мак-Клинтон вместе с лейтенантом Вильямом Хобсоном и несколькими матросами выступил в санный поход для обследования западного берега полуострова Бутия и всего побережья Кинг-Вильяма. В конце апреля на юго-западном берегу Бутии отряд разделился на две группы. Мак-Клинтон продолжал путь в южном направлении, Хобсон повернул прямо на запад, пересек пролив Джемс-Росс и вышел к мысу Феликс, северной оконечности Кинг-Вильяма.

Сразу же за этим мысом Хобсон нашел большой гурий, а около него много вещей, несомненно принадлежавших экспедиции Франклина. В мае 1859 года, продвигаясь далее на юго-запад, по направлению береговой линии, Хобсон нашел еще три гурия, у третьего много вещей, а под ним записку:

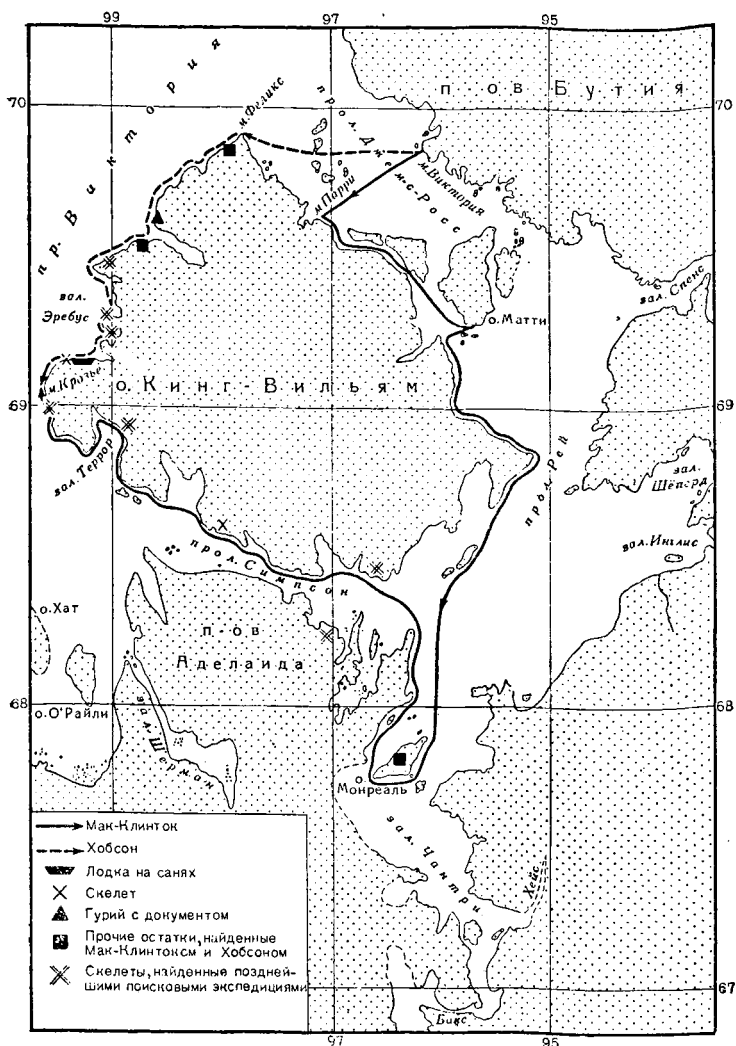
28 мая 1847 г. Корабли ее величества «Эребус» и «Террор» зимовали во льдах под $70^{\circ}05'$ с. ш., $98^{\circ}23'$ з. д. — Перезимовали в 1846—1847 г.* — у острова Бичи на $74^{\circ}43'28''$ с. ш., $91^{\circ}39'15''$ з. д., после того как прошли пролив Веллингтон до широты 77° и вернулись вдоль западного берега острова Корнуоллис. — Сэр Джон Франклин командует экспедицией. — Все в порядке. — Отряд, состоящий из 2 офицеров и 6 матросов, оставил корабли в понедельник 24 мая 1847 г. — Грейам Гор, лейтенант. — Чарльз Де-Во, штурман».

На полях другими почерками были позднее сделаны следующие надписи:

«25 апреля 1848. Корабли ее величества «Террор» и «Эребус» были оставлены 22 апреля в 5 милях к ССЗ от этого места, где они были скованы льдами с 12 сентября 1846. Офицеры и команда, всего 105 душ под начальством капитана Ф. Р. Крозье высадились здесь, под $69^{\circ}37'42''$ с. ш., $98^{\circ}41'$ з. д. Сэр Джон Франклин скончался 11 июня 1847, а всего умерло в экспедиции до настоящего времени 9 офицеров и 15 матросов». — Ф. Р. М. Крозье, капитан и старший офицер, — Джемс Фицджерес, командир «Эребуса».

Приписка почерком капитана Крозье:

* «...Это — описка: «Эребус» и «Террор» зимовали у острова Бичи не в 1846—1847, а в 1845—1846 годах, как это видно из дат, поставленных в заголовке и внизу...» (Мак-Клинтон).

Маршруты Мак-Клинтонка в 1857—1859 гг.

«И отправимся завтра, 26-го к Рыбной реке Бака». Приписка другим почерком:

«Эта бумага была найдена лейтенантом Ирвингом* под гурием, сложенным в 4 милях к северу, по-видимому — сэром Джемсом Россом в 1831; туда она положена покойным командиром Гором в июне 1847... Бумага была перенесена к этому месту...»

* Джон Ирвинг, лейтенант с «Террора».

Еще далее к юго-западу, близ мыса Крозье, Хобсон нашел большую лодку, поставленную на крепкие и тяжелые сани. «Полный вес лодки и саней составлял 1400 фунтов [635 кг]. Чтобы тащить такие сани, требовалось не менее семи крепких и здоровых людей, но и для них это было очень нелегко» (Мак-Клинток). Сани были повернуты не на юг, в сторону материка, а к северо-востоку. В носовой части лодки лежал полуразрушенный скелет. Под сиденьем для гребцов, поперек лодки, — другой скелет в одежде и под мехом. Рядом с ним валялись пять карманных часов; два двухствольных ружья — дулом вверх — были прислонены к борту лодки; один ствол в каждом был заряжен и курки взведены.

Хобсон был тяжело болен цингой и не в состоянии был двигаться дальше, навстречу Мак-Клинтоку. Он положил под гурий короткий отчет о своих страшных и странных находках и копию документа, а сам повернул обратно. Он был так слаб, что верные спутники довели его на санях к «Фоксу».

Мак-Клинток, переправившись в конце апреля 1859 года, после разлуки с Хобсоном, на Кинг-Вильям, прошел в мае к проливу Симпсон вдоль восточного берега острова и направился затем на запад вдоль его южного побережья.

«...25 мая, медленно двигаясь вдоль песчаного берега, частью свободного от снега, сметенного ветрами, — пишет Мак-Клинток, я заметил сквозь снег человеческий скелет, на котором болтались обрывки одежды. Скелет, совсем побелевший, лежал ничком, — часть костей была отгрызена и унесена зверями. Мы тщательно исследовали это место... Найденная записная книжка возбудила в нас надежду узнать что-либо об ее несчастном владельце и об ужасном отступлении погибшей команды, но листы книжки смялись...»

Через несколько дней на западном берегу острова Мак-Клинток увидел новый гурий, а под ним отчет Хобсона с копией найденного им документа. Обогнув мыс Крозье, Мак-Клинток и его спутники тщательно осмотрели лодку с двумя скелетами и всю эту местность. Других скелетов он здесь не обнаружил, а эти двое умерли не от голода: в лодке оказалось около 18 кг шоколада. Также и в топливе у них не могло быть недостатка, так как тут же на берегу лежал плавник...» Но особенно поразило Мак-Клинтока «...большое количество разнообразных предметов и притом в большинстве мало полезных для санных походов в полярных странах, но зато способных сломить силы людей, волочивших сани». И действительно, в лодке и близ нее было разбросано столько одежды, что, когда ее собрали, она образовала «громадную кучу вышиной в четыре фута». Найдено было также много обуви и столового серебра, четыре тяжелые корабельные печи, железные обручи и прутья и т. д.

Обогнув с севера Кинг-Вильям, группа Мак-Клинтока при-

была на экспедиционное судно через неделю после Хобсона. В августе «Фокс» вышел из льдов, а 20 сентября 1859 года вернулся в Англию. Экспедиция Мак-Клинтока выяснила судьбу лишь самого Джона Франклина и нескольких его спутников. Вероятно, большинство людей с «Террора» и «Эребуса» погибло, но где, как и когда это случилось — оставалось неясным; немногие же могли уцелеть. Тем не менее англичане больше не делали попыток выяснить судьбу огромного большинства участников экспедиции. Дальнейшие поиски в шестидесятых и семидесятых годах производились только американцами.

Поисковые экспедиции Холла и Шватки (1860 — 1880 гг.)

Когда известия о находках Мак-Клинтока и Хобсона дошли до Соединенных Штатов, газетный издатель Чарльз Френсис Холл выступил с рядом статей и докладов, в которых убеждал своих соотечественников продолжать поиски спутников Франклина, так как некоторые из них, возможно, еще живы. Он ссылался при этом на мнение опытного полярника Илайши Кейна: «Где могут жить эскимосы, там могут жить и белые люди...» Холл собрал по подписке небольшую сумму и, чтобы «приобщиться к образу жизни эскимосов», провел два года (1860—1862) у залива Фробишер. Холл завершил исследование выступа (полуострова Холл), прилегающего к заливу с севера, и нашел там много несомненных следов — трехсотлетней давности — экспедиций Мартина Фробишера. Очень большую помощь в этой работе ему оказали местные эскимосы, супруги Джозеф и Ханна Эбербинг. Холл взял их с собой в США и включил как переводчиков в организованную им новую поисковую экспедицию.

В 1864 году Холл и Эбербинги отправились на китобойном судне в пролив Рос-Уэлком и зимовали в бухте Уэйджер, на берегу которой построили снеговые хижины (иглу). Летом 1865 года они перебрались по проливу в бухту Репалс, которая тогда довольно часто посещалась китобоями. Там они провели четыре года, опрашивая приходящих к бухте эскимосов об экспедиции Франклина и совершая санные походы в разных направлениях.

Некоторые из эскимосов дали в основном верные сведения о пунктах, где они сами или их сородичи находили трупы или скелеты моряков с экспедиционных кораблей, что было подтверждено позднейшими находками. Кроме того, Холл собрал большое количество столового серебра и различных других предметов, принадлежавших участникам экспедиции.

Во время последнего санного похода (апрель — июнь 1869 г.) Холл и Эбербинги посетили Кинг-Вильям; на юго-восточном

побережье они нашли засыпанный снегом скелет *. В местности, где, по показаниям эскимосов, находились могилы пяти моряков, Холл воздвиг над каждой могилой гурий. На камне гурия, поставленного над могилой двух человек, Холл вырезал надпись: «Вечная слава открывшим Северо-зап... [адный проход]», а на обороте дату — 12 мая 1869 **.

Холл и Эбербинги вернулись в США на китобойном судне в конце сентября 1869 года.

В семидесятых годах XIX века никто уже не думал о спасении кого-либо из спутников Франклина; но некоторые надеялись еще найти документы, проливающие свет на «величайшую трагедию Арктики». Надежды эти поддерживались капитанами американских китобойных судов, зимовавшими в бухте Репалс и привозившими оттуда столовое серебро с гербами или инициалами Франклина, Фицджермса и Крозье; покупалось оно у эскимосов с острова Кинг-Вильям. Один из капитанов рассказывал, что, по словам эскимосов, «большой белый человек» в начале семидесятых годов оставил под гурием бумаги и даже судовой журнал.

Офицер американской армии Фредерик Шватка, поляк по происхождению, заинтересовался этим рассказом и поднял вопрос об организации сухопутной поисковой экспедиции. Президент Американского географического общества Чарльз Патрик Дейли помог собрать небольшую сумму, с тем чтобы Шватка, назначенный начальником экспедиции, собирал географические материалы в тех арктических районах, где он будет производить поиски. Официальное задание было «искать отчеты, остатки или останки сэра Джона Франклина или его несчастных спутников». В состав экспедиции был включен Джозеф Эбербинг.

Зиму 1878/79 года Шватка провел на 64° с. ш., у южного входа в пролив Рос-Уэлком, в небольшой бухте, названной заливом Дейли. Весной 1879 года Шватка с небольшим отрядом совершил санный поход на Кинг-Вильям. На западном побережье острова, к северу от мыса Крозье, он нашел две могилы и в одной из них несколько черепных костей; немного дальше — раскрытую могилу с черепом и другими костями и остатками одежды ***.

Дойдя до северной оконечности Кинг-Вильяма, экспедиция повернула обратно, чтобы снова тщательно осмотреть возможно

* Позднее Холл отправил скелет в Англию. По пломбе в зубе было установлено, что это останки Генри Ле-Весконта, лейтенанта с «Эребуса».

** Этот гурий, камень с надписью, два черепа и несколько человеческих костей найдены были Фредериком Шваткой в 1879 году и Руалом Амундсеном в 1904 году.

*** По валявшейся тут же серебряной медали установили, что здесь был похоронен лейтенант Джон Ирвинг.

более широкую полосу западного побережья, теперь освобождающуюся от снежного покрова. Найдена была пустая могила на холме, а на некотором расстоянии от нее — череп; южнее, на берегу залива Эребус, — разбросанные человеческие кости, части по крайней мере четырех скелетов, обломки большой шляпки, куски железа; обрывки одежды, пуговицы и т. д.; у мыса Крозье — один скелет.

После второй зимовки Шватка в сентябре 1880 года вернулся в США. Это была последняя экспедиция, посланная в XIX веке на поиски спутников Франклина.

Находки XX века

Осенью 1923 года двое датчан случайно встретились на южном берегу острова Кинг-Вильям. Один из них был известный исследователь Американской Арктики Кнуд Расмуссен, совершавший «великий санный путь» с востока на запад через весь континент. Вторым был капитан парусного судна (старая яхта в 20 тонн) Компании Гудзонова залива Петер Норберг, получивший задание основать новую торговую факторию на Кинг-Вильяме*. Услышав от местных эскимосов об останках чужеземных людей на восточном берегу полуострова Аделаида, Расмуссен и Норберг отправились туда на лодке незадолго до ледостава (в октябре).

«Там мы нашли, точно на том самом месте, где указывали эскимосы, человеческие кости—без сомнения, последние земные останки членов экспедиции Франклина. Лоскуты одежды и обрывки кожаной обуви, найденные нами тут же, свидетельствовали о европейском происхождении... Мы были, вероятно, первыми европейцами, которые посетили это место. Мы собрали все кости, поставили над ними гурий и подняли два приспущенных флага — английский и свой. Так, без лишних слов, мы отдали последние почести**».

В 1926 году Норберг нашел на северном берегу полуострова Аделаида человеческий череп, кусок ткани и часть дубовых сапей экспедиции Франклина.

Летом 1931 года Вильям Гибсон, служащий фактории, основанной Норбергом на Кинг-Вильяме, обследовал южное побережье острова с целью разыскать, собрать и похоронить

* «И на этой скорлупе, не бывшей даже паровым судном и вдобавок тащившей на буксире большой бот, Петер Норберг форсировал самую трудную часть старого Северо-западного прохода, залив Куин-Мод, совершив, таким образом, настоящий подвиг мореплавателя, подвиг, о величии которого он и сам даже не подозревал» (К. Расмуссен, Великий санный путь, М., 1958, глава «Свидание»).

** К. Расмуссен. «Великий санный путь», глава «Последняя почеть».

разбросанные там останки спутников Франклина. На одном из прибрежных островков он нашел в песке два черепа и много костей, на другом — почти неразрушенный скелет в сравнительно хорошо сохранившейся морской форменной одежде и остатки другого скелета, на третьем — семь черепов и очень много костей. На самом Кинг-Вильяме были найдены в одном месте череп и кости, в другом месте — несколько костей.

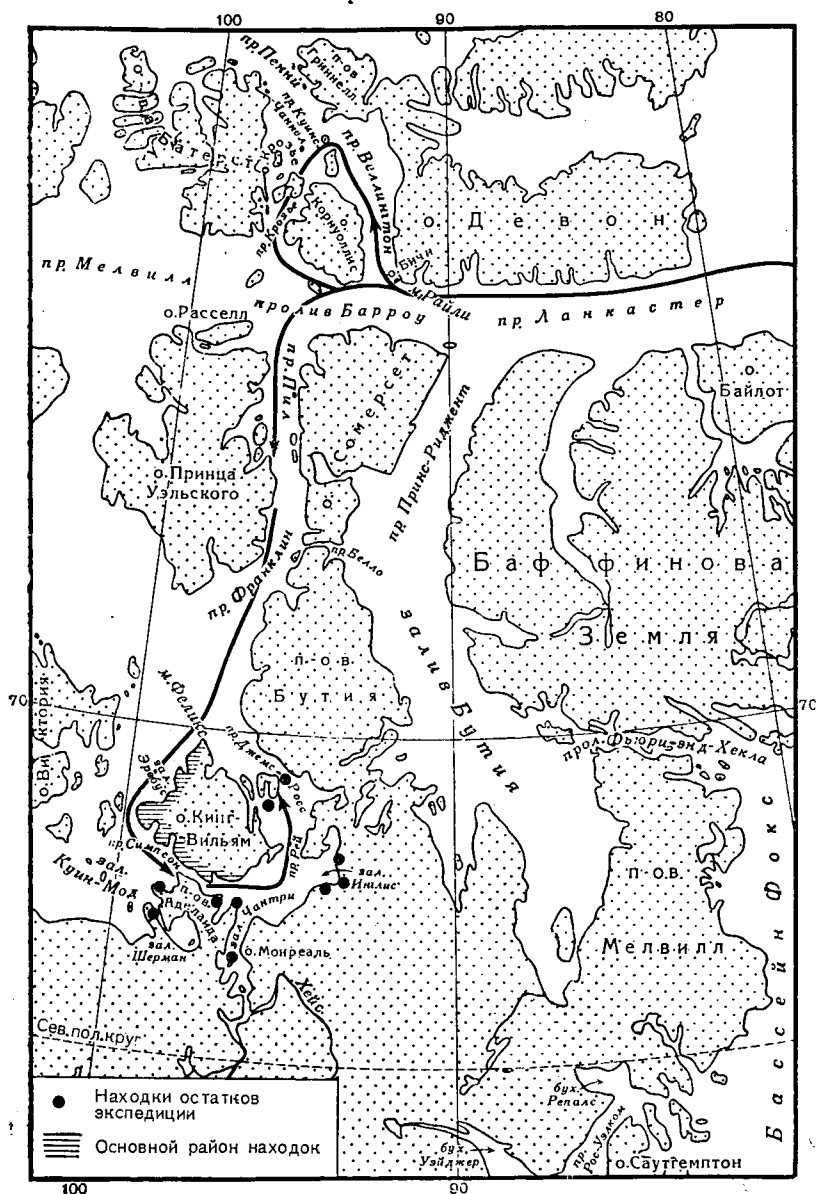
Путь „Эребуса“ и „Террора“ через арктические проливы и гибель экспедиции Франклина

После всех находок и по рассказам старожилов эскимосов удалось восстановить наиболее вероятный путь «Эребуса» и «Террора» через американские арктические проливы и ход событий по 1848 год. Но загадкой остается, как позднее могли без вести пропасть все без исключения спутники Франклина.

В летний навигационный сезон 1845 года экспедиция благополучно прошла через пролив Ланкастер, к юго-западному углу острова Девон. Франклин оставил там «Террор» у острова Бичи, то есть у южного входа в пролив Веллингтон, а сам на «Эребусе» прошел этот пролив с юга на север и через «Канал Королевы» (Куинс-Чаннел) достиг на северо-западе пролива Пенни, то есть открыл все западное побережье Девона. У 77° с. ш., встретив тяжелые льды, Франклин повернул прямо на юг, прошел вдоль западного берега Корнуоллиса, открыв, следовательно, пролив Крозье, и вернулся к «Террору». Он обошел, таким образом, кругом Корнуоллис и проследил весь восточный берег соседнего большого острова Батерст.

У острова Бичи экспедиция провела сравнительно благополучную зиму 1845/46 года: умерло три человека (их могилы найдены). В августе или первой половине сентября, когда судам удалось освободиться из льдов, они пошли сначала на запад, через пролив Барроу, и перед ними у 96° з. д. открылся вход в меридиональный пролив Пил. Отсюда суда начали движение на юг — вероятно, дрейфуя вместе со льдами, которыми были окружены. Оба берега пролива не были ранее известны европейцам. Слева по ходу судов лежал Сомерсет, справа — «Земля Принца Уэльского». Пролив Пил на юге суживался; движению судов препятствовали небольшие острова, усеваяющие его; но за этим маленьким архипелагом, там, где берег «Земли Принца Уэльского» поворачивал на юго-запад (у 72° с. ш.), пролив снова расширился*, а за ним открылось широкое водное пространство. Продолжая движение на юг, «Эребус» и «Террор» 12 сентября 1846 года окончательно вмерзли во льды и

* Это юго-западное продолжение Пила теперь называется проливом Франклин: он отделяет полуостров Бутия от острова Принца Уэльского.

Пути последней экспедиции Франклина и находки следов экспедиции

остановились под $70^{\circ} 5'$ с. ш., в нескольких километрах от северной оконечности острова Кинг-Вильям.

Началась вторая зимовка 1846/47 года, которая привела к гибели около двух десятков моряков. Большая часть припасов, заготовленных в Англии, никуда не годилась: спасательные экспедиции в нескольких местах находили запаянные консервные банки, наполненные гнилым мясом, даже опилками и песком. Люди болели цингой; смертность усилилась.

В конце зимы восемь человек было послано на юг. Они добрались по льду до острова Кинг-Вильям, плоского, пустынного, безлюдного. На берегу они сложили груды камней и оставили записку с указанием пути, пройденного экспедицией, и кратким описанием ее несчастий. Когда они вернулись обратно, Джон Франклин был уже тяжело болен, он умер 11 июня 1847 года.

В это лето судам не удалось выбраться из сковавших их льдов. Очень медленно они дрейфовали к югу — к острову Кинг-Вильям. Наступила третья полярная зима. Смертность от цинги усилилась. Все же к весне 1848 года оставалось в живых более ста человек. Они бросили пароходы и пешком двинулись к югу, таща за собой на санях большую лодку. Часть моряков, возможно, вернулась позднее на одно или оба судна и там умерла. Большинство погибло на Кинг-Вильяме и прибрежных островках. Сначала моряки хоронили умерших: на севере острова были найдены остатки крепких деревянных гробов, южнее — наскоро сколоченных; еще дальше к югу валялись скелеты, черепа или кости без гробов. Сравнительно немногие переправились через пролив Симпсон на материк — на полуостров Аделаида и к устью реки Бакс. Никто из участников экспедиции не вернулся на родину, но судя по рассказам эскимосов, некоторые моряки еще много лет жили среди них.

Глава 43

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПОИСКОВЫХ ЭКСПЕДИЦИИ

Последняя полярная экспедиция Джемса Росса

Первая правительственная экспедиция, отправленная на поиски Франклина и его спутников со стороны Баффинова залива, была поставлена под начальство Джемса Кларка Росса, самого выдающегося английского полярного мореплавателя середины XIX века, который сделал ряд крупнейших открытий и в Американской Арктике и в Антарктике. В распоряжение Росса были предоставлены два корабля — «Энтерпрайз» (470 тонн) и «Инвестигейтор» (420 тонн).

В сентябре 1848 года корабли Джемса Росса, пройдя пролив Ланкастер, остановились на зимовку у небольшого острова

Принс-Леопольд, близ северного входа в меридиональный пролив *Принс-Риджент*. На этом острове Росс устроил склад, где поместил часть своих припасов, чем очень помог некоторым позднейшим поисковым экспедициям.

В мае 1849 года на поиски были отправлены с обоих судов санные отряды в западном и южном направлениях. Сам Джемс Росс вместе с Френсисом Леопольдом Мак-Клинтоком, обойдя северное побережье Сомерсета, прошел вдоль его западного побережья на юг до $72^{\circ}38'$ с. ш. Он видел отсюда, с высокого мыса, что берег и дальше тянется в том же, южном направлении, надеялся, что находится в проливе (так оно и было — Росс шел по проливу Пил), но не мог убедиться в этом: из-за нехватки продуктов ему пришлось повернуть обратно.

В конце августа корабли Росса получили некоторую свободу движения, после того как их команды пробили во льду канал длиной в 3 км. Через несколько дней они попали в дрейфующие на восток льды, которые вынесли их в Баффинов залив. В Англию Росс вернулся в ноябре 1849 года, на год раньше, чем его ожидали, не найдя никаких следов экспедиции Франклина и не совершив крупных открытий.

Экспедиция Остина

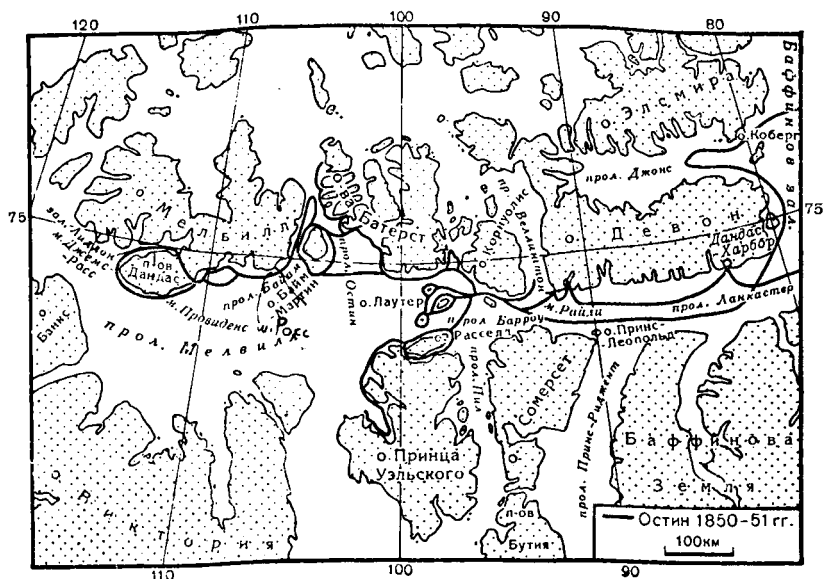
Поисковая экспедиция, посланная в 1850 году Адмиралтейством под начальством Гораса Остина, располагала двумя парусными кораблями — «Резольют» и «Ассистанс» и двумя буксирными винтовыми пароходами. Зимой 1850/51 года суда экспедиции провели в проливе Барроу, в районе острова Бичи.

Подготовку санных походов ко времени наступления полярного лета Остин возложил на Мак-Клинтока. Склады запасов вдоль важнейших намеченных санных путей были поставлены в октябре 1850 года.

Большой санный поход начался 15 апреля 1851 года с острова *Гриффит* (лежит к югу от Корнуоллиса).

Санный отряд Э р а з м а О м м а н и пересек пролив Барроу, вышел на остров Рассела, обошел весь северный берег острова Принца Уэльского и открыл затем его северо-западное побережье — до залива *Оммани*, глубоко вдающегося в сушу. Несколько человек из этого отряда во главе с Ш е р а р д о м О с б о р н о м продвинулись дальше на юг и открыли участок западного берега острова почти до 72-й параллели (мыс *Шерард-Осборн*). Следовательно, Осборн впервые проник в тот широкий проход, который позднее был назван проливом *Мак-Клинток* (между островами Принца Уэльского и Викторией).

Отделившийся ранее от отряда Оммани лейтенант Б р а у н прошел на юг вдоль ранее неизвестного восточного берега острова Принца Уэльского до $72^{\circ}49'$ с. ш., открыв на пути залив

Пути экспедиции Остина в 1850—1851 гг.

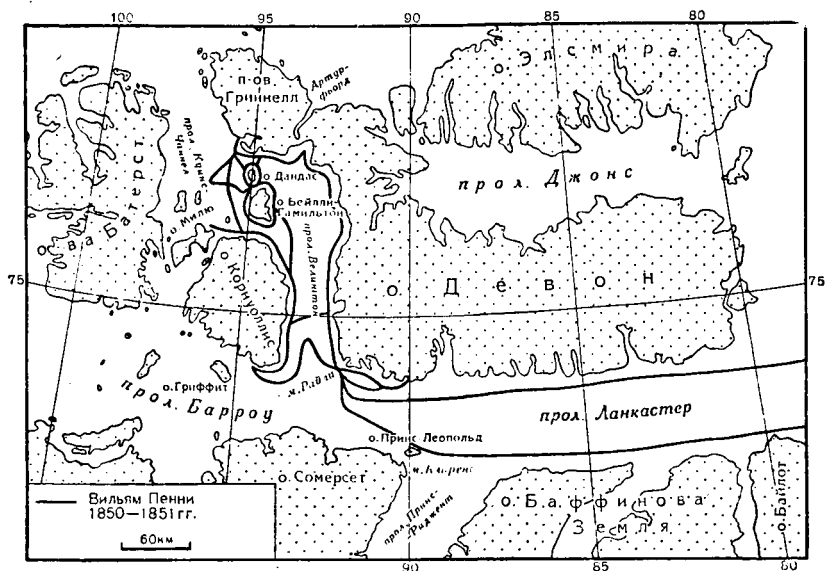
Браун. Шел он по льду пролива Пил, но принял его за залив: к югу от того пункта, которого он достиг, ему померещилась полоса суши, связывающая якобы острова Принца Уэльского и Сомерсет.

Санный отряд Мак-Клинтока обошел южное и юго-западное побережья большого острова Батерст, пересек затем пролив Остин, обследовал весь остров Байам-Мартин и вышел через пролив Байам к острову Мелвилл. У «скалы Парри» (на юге Мелвилла) он поставил гурий, под которым положил записку. Таким образом, экспедиция Остина во втором квартале 1851 года успешно продолжала начатое Парри исследование проливов между островами Канадского архипелага и открыла несколько сот километров неизвестных ранее берегов, в том числе берега большого острова Принца Уэльского (его площадь 33 200 кв. км), который, однако, принят был за полуостров.

В августе 1851 года экспедиция двинулась в обратный путь.

Экспедиции Де-Хавена и Пенни

Американская поисковая экспедиция под начальством Эдвина Де-Хавена оставила Нью-Йорк в конце мая 1850 года с приказом по возможности вернуться в том же году до наступления зимы. В распоряжение Де-Хавена были даны

Экспедиция Пенни 1850—1851 гг.

два судна. Основные средства отпустил американский капиталист Генри Гриннелл, отчего эту экспедицию часто называют Первой Гриннелловой.

К сентябрю экспедиция прошла на запад через пролив Ланкастер до острова *Гриффит*, лежащего в центре пролива Барроу. Выполняя инструкцию, Де-Хавен повернул обратно в середине сентября, но его суда вмерзли во льды, которые вынесли их через пролив Веллингтон до $75^{\circ}24'$ с. ш. На севере участники экспедиции видели высокую сушу, которой они дали название «Земля Гринелла». Впоследствии было доказано, что эта земля представляет собой северо-западный выступ острова *Девон* — полуостров *Гриннелл*. Благодаря перемене направления ледового дрейфа с северного на южное суда Де-Хавена были вынесены к ноябрю обратно в пролив Барроу, а с новой переменной дрейфа они к концу 1850 года прошли с запада на восток весь пролив Ланкастер.

В 1851 году экспедиционные суда еще пять месяцев дрейфовали во льдах Баффинова залива. Освободившись на короткое время в июне, они снова попали в непроходимые льды. Окончательно они вышли из льдов и направились на родину во второй половине августа 1851 года.

Одновременно с Остином в восточной части Американского Арктического архипелага действовала другая поисковая экспедиция, располагавшая двумя судами под начальством опытного

ледового капитана, китобоя Вильяма Пенни. Британское Адмиралтейство предложило ему обследовать берега пролива Веллингтона.

Во второй половине августа 1850 года Пенни подошел со стороны Баффинова залива ко входу в пролив Джонс с тем, чтобы форсировать его, но из-за очень неблагоприятной ледовой обстановки повернул на юг и прошел через пролив Ланкастер к южному берегу Корнуоллиса. С середины апреля 1851 года Пенни приступил к обследованию на санях обоих берегов пролива Веллингтон, для чего разделил своих людей на несколько небольших отрядов.

Один отряд прошел по проливу на север, вдоль западного побережья Девона. Обнаружив, что за параллелью 76° с. ш. берег Девона резко меняет свое направление — с меридионального на широтное, отряд проследил и этот участок до пункта, где берег снова переменял направление. На севере было видно свободное от льдов море — за 76 -й параллелью и притом в первой половине июня! Не имея при себе лодки, чтобы пуститься в плавание через это открытое водное пространство (пролив Пенни), отряд повернул обратно к месту зимовки.

Сам Вильям Пенни с другим санным отрядом прошел вдоль восточного берега Корнуоллиса и к северу от него открыл небольшой остров *Бейли-Гамильтон* ($75^{\circ}50'$ с. ш., $94^{\circ}40'$ з. д.). Он также видел на северо-западе чистую воду — «Канал Королевы» (*Куинс-Чаннел*, переходящий в пролив Пенни) и также из-за отсутствия лодки повернул обратно.

Как только льды несколько разошлись, Пенни отправил на север через пролив Веллингтон группу людей на шлюпке. Они плавали по Куинс-Чаннелу, открыли к северу и западу от Бейли-Гамильтона еще несколько мелких островов. Но ледовая обстановка во второй половине июля настолько ухудшилась, что на обратном пути они бросили шлюпку у северного берега Корнуоллиса и пешком вернулись к судам.

В середине августа 1851 года экспедиция Пенни начала обратный путь в Англию.

Плавание Мак-Клура и так называемое открытие Северо-западного прохода

В январе 1850 года из Англии были отправлены вокруг мыса Горн к Берингову проливу два корабля поисковой экспедиции Ричарда Коллинсона, бывшие ранее под начальством Джемса Росса: «Энтерпрайз» под командованием самого начальника экспедиции и «Инвестигейтор» под командованием Роберта Джона Мак-Клура, только что вернувшегося из Арктики с Джемсом Россом. Разнотипные корабли разлучились еще в Атлантическом океане; «Энтерпрайз» шесть дней дожи-

дался в Гонолулу (Гавайские острова) сравнительно тихоходного «Инвестигейтора» и пошел далее к Берингову проливу общепринятым тогда путем — через Петропавловск-на-Камчатке.

Сильно запоздавший Мак-Клур повел из Гонолулу «Инвестигейтор» прямо на север, через Берингов пролив в залив Коцебу. Он и там вопреки инструкции не стал дожидаться Коллинсона и двинулся на свой страх и риск в море Бофорта. В августе он шел на восток путем, уже разведанным русскими и англичанами, вдоль материкового берега. В начале сентября за мысом Парри, когда льды отошли далеко от материка, Мак-Клур повернул на северо-восток, и перед ним открылась высокая зеленеющая земля*. Мыс этой земли, к которому Мак-Клур подошел, он назвал Нельсон-Хед. К востоку от мыса была видна другая суша, ей было дано название «Земля Принца Альберта»**.

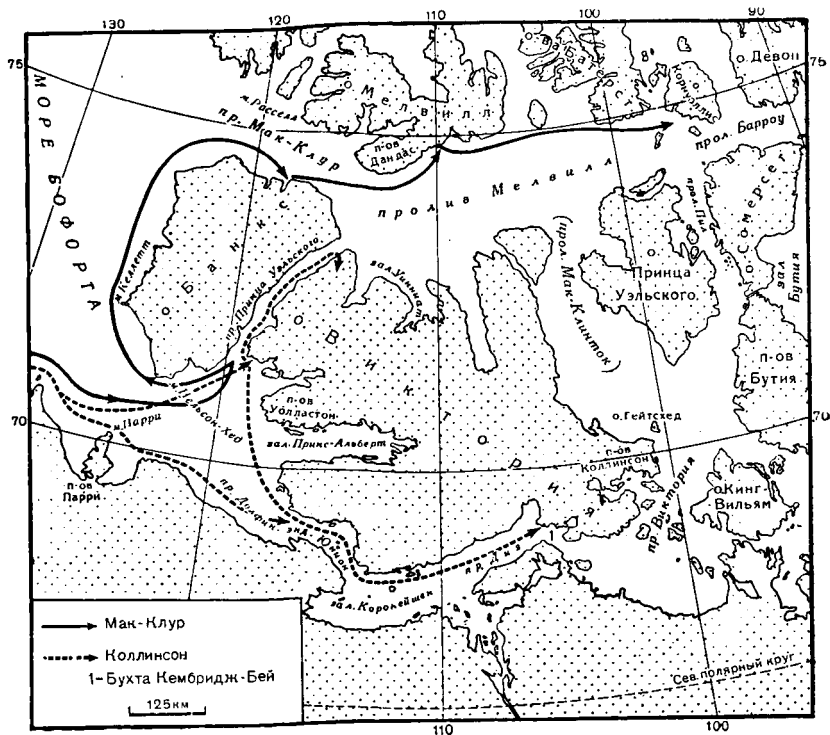
Новооткрытые земли разделял узкий залив или пролив, которым Мак-Клур свободно шел в северо-восточном направлении, пока его не остановили льды. В конце сентября двухдневный ледовый дрейф увлек «Инвестигейтор» еще несколько дальше на север, до $72^{\circ}50'$ с. ш., $117^{\circ}55'$ з. д. Здесь он в октябре и вынужден был стать на зимовку.

Мак-Клур знал, что находится приблизительно в 100 км от пролива Мелвилл, но боялся, что попал в тупик, так как полоса суши могла отделять его на севере от Мелвилла. Он убедился, что открыл настоящий пролив — *Принца Уэльского*, только 26 октября 1850 года. В этот день, после санного похода в северо-восточном направлении, Мак-Клур поднялся на вершину высокого берегового холма и увидел к северу, северо-востоку и западу от него широкое пространство, покрытое океанским льдом, — пролив Мелвилл и его западное продолжение, позднее названное *проливом Мак-Клур*. Северо-западный проход был найден! Но проходим ли он для судов?

Весной 1851 года Мак-Клур послал на запад, юг и восток три санных отряда. Западный отряд под командой Кресуэлла доказал, что по ту сторону от пролива Принца Уэльского лежит именно остров Банкс, а не какая-то другая земля. Южный отряд под командой Хасуэлла открыл широкий «пролив» *Принс-Альберт*; на самом деле это глубоко вдающийся в сушу залив, отделяющий полуостров Уолластон от массива острова Виктория. В посещенном им районе Хасуэлл встретил эскимосов, которые никогда не видели ни европейцев, ни европейских изделий; следовательно, экспедиция Франклина сюда не захо-

* Позднее было доказано, что это не новый остров, как думал Мак-Клур, а южный выступ большого острова Банкс.

** Это не отдельный остров, а северо-западный выступ громадной Виктории, южные части которой, как мы знаем, уже были известны англичанам. Теперь этот выступ называется *полуостровом Принс-Альберт*.

Экспедиция Коллинсона — Мак-Клур

дила. Наконец, восточный отряд под командой Уинниата обогнул с севера «Землю Принца Альберта» и открыл заливы Ричард-Коллинсон и «Гленелл» (теперь Уинниат).

Летом 1851 года Мак-Клур снова пытался продвинуться на «Инвестигейторе» в северо-восточном направлении до острова Мелвилл, но дошел только до $73^{\circ}44'$ с. ш. «Так как я не мог продвинуться дальше ни в конце одного лета, ни в начале другого,— писал Мак-Клур,— то я счел этот пролив [Принца Уэльского] непроходимым» *.

И Мак-Клур повернул на юго-запад, избрав другой путь. «Инвестигейтор» вышел из пролива Принца Уэльского, обогнул с юга и запада остров Банкс, но затем попал в непроходимые льды. Дрейфуя, корабль был вовлечен из моря Бофорта в пролив Мак-Клур и стал на вторую зимовку в бухте Мерси у северного берега Банкса, на $74^{\circ}06'$ с. ш., $118^{\circ}15'$ з. д.

* На самом же деле «Инвестигейтор» прошел в 1851 году весь пролив Принца Уэльского, так как продвинулся на 14 минут к северу от выхода из него (мыс. Расселл, $73^{\circ}30'$ с. ш.); льды остановили корабль в широком пространстве к западу от пролива Мелвилл.

Припасы истощились; пришлось уменьшить на треть ежедневный паек; начались заболевания цингой. В апреле 1852 года Мак-Клур совершил санный поход на северо-восток через пролив к острову Мелвилл и увидел на берегу полуострова Дандас «скалу Парри». Итак, он достиг с запада, но частью дрейфуя в море и забитом льдом проливе, частью на санях, того пункта, до которого с востока доходил на своем судне Парри. Вторично был найден Северо-западный проход, но и в этом районе он был непроходим для судов. У подножия скалы Мак-Клур нашел записку, оставленную в прошлом году Мак-Клинтоком, и положил под гурий свою записку с кратким описанием плавания и указанием места зимовки. Благодаря этому в апреле 1853 года, когда люди на «Инвестигейторе» пришли уже в полное отчаяние, они были спасены экспедицией Белчера.

Плавание Коллинсона и его открытия

Ричард Коллинсон на «Энтерпрайзе» осенью 1850 года встретил в море Бофорта непроходимые льды и, пытаясь обогнуть их с севера, достиг $73^{\circ}23'$ с. ш., но вынужден был отступить. Зиму он провел в Гонконге, а в начале апреля 1851 года снова двинулся в Арктику.

В конце августа Коллинсон независимо от Мак-Клура открыл с юга пролив Принца Уэльского и в течение нескольких дней следовал по нему до $73^{\circ}30'$ с. ш., то есть до выхода. Но там его остановили льды, и он прошел весь пролив в обратном направлении, обогнул с юга Банкс и пытался продвинуться на север через море Бофорта. Постерпев и здесь неудачу, «Энтерпрайз» стал на зимовку у южного входа в пролив Принца Уэльского.

В мае 1852 года один из санных отрядов экспедиции прошел на северо-восток к полуострову Дандас. В сентябре 1852 года Коллинсон после неудачной попытки провести «Энтерпрайз» на северо-восток, в пролив Мелвилл, направился к юго-востоку, вдоль берегов Виктории. Он шел через пролив Долфин-энд-Юнион, залив Коронейшен и пролив Диз, достиг 105° з. д. и поставил «Энтерпрайз» на вторую арктическую зимовку в бухте Кембридж-Бей у юго-восточного побережья Виктории.

Санный отряд, посланный Коллинсоном в апреле 1853 года дальше на восток, к полуострову Бутия, завершив независимо от Рея исследование южного побережья острова Виктория, вступил в широкий пролив *Виктория*. Следуя на север, отряд открыл *полуостров Коллинсон* (восточный выступ Виктории) и достиг у выхода из пролива *островка Гейтсхед* ($70^{\circ}25'$ с. ш., $100^{\circ}20'$ з. д.). К востоку и к северу от Гейтсхеда видны были широкие пространства, усеянные гигантскими торосами, и санный отряд отступил перед ними.

В августе 1853 года море очистилось от льда настолько, что «Энтерпрайз» мог свободно идти дальше на восток. Но запасы топлива приходили к концу, и Коллинсон, как всегда осторожный, повернул на запад и остановился на третьей арктическую зимовку у северного берега, в заливе Камден (70 с.ш.). В августе 1854 года «Энтерпрайз» прошел через Берингов пролив, а в 1855 году благополучно вернулся на родину.

Высокую оценку достижений Коллинсона как мореплавателя дал выдающийся полярный исследователь Руал Амундсен, после того как он на моторной яхте «Йоа» действительно открыл Северо-западный проход.

«По моему мнению, сэр Ричард Коллинсон — один из самых талантливых и смелых мореплавателей, каких когда-либо являл мир. Он провел свое большое тяжелое судно по фарватеру, где едва-едва хватало места для маленькой «Йоа». Но что еще изумительнее: он провел судно обратно и доставил его в целости домой».

Экспедиция Кеннеди: открытие пролива Белло

Вильям Кеннеди, которого Джен Франклин пригласила в 1851 году командовать купленным ею кораблем «Принс-Альберт», взял с собой в плавание двадцатипятилетнего французского военного моряка Жозефа-Рене Белло, умолявшего зачислить его хотя бы волонтером в экспедицию, отправленную на поиски «гражданина мира, сэра Джона Франклина».

Осенью экспедиция прешла с севера в пролив Принс-Риджент и остановилась у восточного берега Сомерсета (под 73°10' с. ш.). В конце марта 1852 года, с наступлением светлого времени, Кеннеди и Белло с шестью матросами начали санный поход вдоль берега в южном направлении. Останавливаясь на ночлег, они каждый раз строили, подобно эскимосам, снеговую хижину. За заливом Кресуэлл, у 72-й параллели, они достигли мнимой «бухты Брентфорд», посещенной в 1829 году Джоном Россом. Обследуя ее берега, Кеннеди увидел там канал, возможно ведущий на запад. Весь следующий день, 7 апреля 1852 года, он и Белло шли по каналу. Пройдя около 35 км, Кеннеди убедился, что действительно «... канал переходит на западе в море* и ... соединяет море с проливом Принс-Риджент. На карте наших открытий,— продолжает Кеннеди,— этот канал назван проливом Белло, в ознаменование больших заслуг лейтенанта перед нашей экспедицией...»

Это было капитальное открытие: узкий и сравнительно короткий пролив Белло представляет собой центральное звено той цепи проливов — иные из них до сих пор по традиции назы-

* Это море позднее было названо проливом Франклин.

ваются заливами,— которые отделяют южные арктические острова от материка Северной Америки*.

Таким образом, Кеннеди и Белло завершили открытие южной трассы Северо-западного прохода, причем почти все участки этой трассы были уже пройдены на больших судах или лодках.

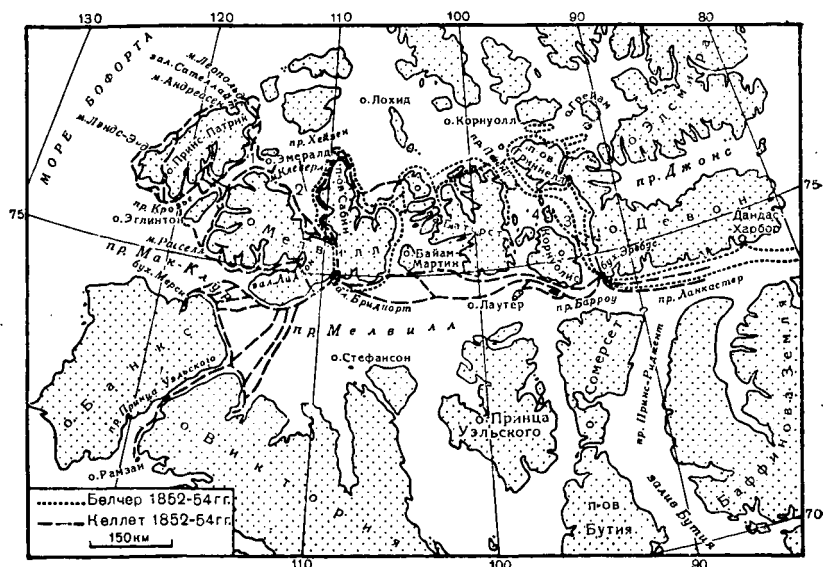
Открыв пролив Белло, экспедиция Кеннеди доказала, что Сомерсет остров и что самый северный выступ американского материка, полуостров Бутия, доходит только до 72° с. ш. — до параллели пролива Белло. После трех с половиной веков исследовательской работы контуры североамериканского материка были окончательно установлены (кроме второстепенных деталей).

В начале августа экспедиция вывела «Принс-Альберт» на чистую воду, прорубив канал во льду. В Англию она вернулась в октябре 1852 года. Жозеф Белло в 1853 году плавал вместе с Эдуардом Инглфилдом к проливу Барроу, совершил оттуда поход в лодке на север по проливу Веллингтон и утонул там во время шторма в августе 1853 года.

Исследование Реем острова Виктория

Весной 1851 года Джон Рей с четырьмя спутниками вышел на поиски экспедиции Франклина с Большого Медвежьего озера к заливу Коронейшен на четырех нартах с собачьими упряжками, пересек залив и двинулся затем в восточном направлении вдоль южного берега острова Виктория. Дойдя до «широкого залива с низменными берегами» (бухта Веллингтон?), Рей повернул обратно и снова обследовал побережье Виктории, включая сюда и южный берег «Земли Уолластона», до входа в залив Принс-Альберт (по его определению — до 70° с. ш., $117^{\circ}07'$ з. д.). Затем он вернулся на материк. Летом, когда лед вскрылся, Рей на лодках снова обошел южное побережье «Земли Уолластона», причем проник в широкий усеянный островами пролив Виктория, достиг $70^{\circ}30'$ с. ш. и 101° з. д. Рей окончательно доказал, таким образом, что «Земля Уолластона» и «Земля Виктория» составляют единый массив суши — остров Виктория; но он еще не знал, как далеко простирается Виктория на север, подходит ли она к проливу Мелвилл, не сливается ли на западе с Банксом. Эти вопросы, как выше указывалось, разрешены были почти в то же время, но далеко не полностью, экспедициями Мак-Клаура и Коллинсона.

* Если идти со стороны Гудзонова залива, то звеньями этой цепи последовательно являются: проливы Рос-Уэлком и Фрозен-Стрейт, Бассейн Фокс, пролив Фьюри-энд-Хекла, залив Бутия, пролив Белло, проливы Франклин, Джемс-Росс. Рей и Симпсон, залив Куин-Мод, пролив Диз, залив Коронейшен, пролив Долфин-энд-Юнион и, наконец, залив Амундсена, выводящий в открытое море Бофорта.

Экспедиция Белчера — Келлета 1852—1854 гг.

В 1853—1854 годах, действуя по распоряжению правления Компании Гудзонова залива, Рей завершил исследование полуострова Бутия и положил на карту все его западное побережье. Его именем назван пролив между Бутией и островом Кинг-Вильям.

Экспедиция Белчера: работа отряда Белчера

Крупнейшая поисковая экспедиция вышла из лондонского порта весной 1852 года. Начальником ее был назначен капитан Эдуард Белчер. В его распоряжении находились все четыре судна экспедиции Остина (два парусных корабля и два буксирных парохода) и еще плавучая база «Норт-Стар». Экипаж всех пяти судов состоял из 222 человек. Кроме поисков экспедиции Франклина, Белчер должен был оказать помощь Коллинсону и Мак-Клуру, о судьбе которых в Англии начали тревожиться.

Следуя через Баффинов залив и пролив Ланкастер, флотилия Белчера в середине августа подошла к острову Бичи. Здесь суда разделились. «Норт-Стар» остался у острова. Генри Келлетт, заместитель Белчера, с парусником «Резольют» и пароходом пошел дальше на запад, в пролив Барроу.

Сам Белчер с парусником «Ассистанс» и другим пароходом двинулся на север через проливы Веллингтон и Пенни и остано-

вился на зимовку у северо-западного берега полуострова Гриннелла.

На шлюпках Белчер и его спутники в конце августа — начале сентября обошли северное побережье Гриннелла, открыли к северу от него, за заливом Белчер, под $77^{\circ}30'$ с. ш., 95° з. д., *остров Корнуолл* (иначе Норт-Корнуолл, 3400 кв. км) и высадились на него. При ясной погоде с высокого холма далеко на востоке было видно море, и Белчер сделал правильный вывод: «... Это большое восточное водное пространство соединено с проливами Джонс и Смит или с Полярным океаном».

В апреле 1853 года выступила в путь на запад от места зимовки группа Джорджа Генри Ричардса; виднейшим его спутником был Шерард Осборн*. Они открыли северное побережье Батерста и близлежащий небольшой архипелаг *Беркли* и посетили цепь островов, которая протягивается к северу от западного выступа Батерста, но приняли ее за часть этого большого острова**. Они пересекли затем пролив Байам-Мартин и исследовали восточную половину острова Мелвилл. К своей зимовке группа Ричардса вернулась в середине июля.

Группа, руководимая самим Белчером, оставила зимовку в начале 1853 года. Она прошла на санях вдоль всего северного берега полуострова Гриннелла и 19 мая открыла за ним, к востоку, за узким проливом *Кардиган*, *остров Норт-Кент* ($76^{\circ}40'$ с. ш., $90^{\circ}20'$ з. д.). Поднявшись на высокий холм (около 500 м), Белчер увидел, что и самый пролив, и широкие водные пространства, которые он соединяет, покрыты только плавучим льдом и доступны для плавания.

Белчер теперь получил подтверждение той догадки, которую высказал в минувшем году: он стоял у западного входа в пролив Джонс, а к северу два ряда проливов действительно выводили в «Полярный океан». На обратном пути к своей зимовке Белчер открыл и исследовал длинный узкий *фьорд Артур*, почти отсекающий полуостров Гриннелл от Девона.

Суда отряда Белчера с середины июля 1853 года дрейфовали на юг вместе со льдами и были вынесены течением через проливы Пенни и Куинс-Чаннел к северному входу в Веллингтон. Здесь они вынуждены были стать на вторую зимовку в небольшой бухте у западного берега Девона.

25 августа следующего, 1854 года Белчер приказал своим людям бросить оба (вполне исправные) судна — «Ассистанс» и буксир; их команды на санях и шлюпках направились через пролив Веллингтон к острову Бичи, где их ждал «Норт-Стар».

* По возвращении на родину Ш. Осборн написал книгу «Открытие Северо-западного прохода капитаном Р. Мак-Клуrom на корабле королевского флота «Инвестигейтор», Лондон, 1856.

** Площадь архипелага Батерст, наибольшую часть которого занимает главный остров, около 15 000 кв. км.

Экспедиция Белчера: работа отряда Келлетта и спасение Мак-Клура

Два судна отряда Генри Келлетта — «Резольют» и буксирный пароход, разлучившись с остальными тремя судами экспедиции Белчера в середине августа 1852 года, шли на запад путем Парри до острова Мелвилл, где 10 сентября, стали на зимовку в заливе Бридпорт. Оттуда несколько групп было послано осенью в разных направлениях организовать склады для зимних походов. Одна из этих групп во главе с Джорджем Мечемом нашла в Уинтер-Харбор (на юге острова Мелвилл) записку Мак-Клура, что он зимует в бухте Мерси, у северного берега Банкса. Туда в марте 1853 года было послано десять человек под командой Бедфорда Пима, с собачьей упряжкой, везшей продовольствие. Лица всех были вымазаны сажей — мера, предписанная Келлеттом, по совету судового врача, «для защиты лица от солнечных лучей».

6 апреля Пим подошел к месту зимовки Мак-Клура. Ему не терпелось, и он, оставив товарищей далеко позади, один побежал к «Инвестигейтору» — кораблю Мак-Клура.

«... Мы увидели,— писал Мак-Клур,— что к нам по льду быстро приближается какая-то человеческая фигура... Мы подумали, что это кто-нибудь из наших, преследуемый медведем. Но чем ближе человек подходил, тем сомнительнее становилось наше предположение... Мы пошли навстречу. На расстоянии двухсот ярдов от нас человек стал поднимать руки, делать знаки подобно эскимосам и... кричать, но ветер относил звуки... Мы остановились. Странная фигура безбоязненно приблизилась, но когда мы увидели, что лицо ее черно как смола, то у нас невольно родился вопрос, имеем ли мы дело с обитателем земли или пришельцем с того света... Если бы обвалился небесный свод, то и тогда, кажется, мы были бы поражены меньше, чем словами, которые слышали: «Я лейтенант Пим... с корабля «Резольют» под командованием капитана Келлетта...»

Здоровые и больные высыпали на палубу, не веря ушам и глазам своим... отчаяние уступило место самой горячей радости...»

Группа Пима вместе с десятью людьми Мак-Клура вернулась через две недели на «Резольют». За ними прибыла еще часть людей Мак-Клура. Остальные вместе со своим командиром остались на «Инвестигейторе».

В начале апреля 1853 года Келлетт разослал в разных направлениях своих людей на поиски экспедиции Франклина.

Группа Джорджа Мечема прошла от места зимовки к заливу Лиддон, а от него начала движение в западном направлении, вдоль еще неизвестного участка южного побережья острова Мелвилл, нанося на карту все извилины береговой линии. За мысом

Рассел берег круто повернул на север, и Мечем оказался у входа в пролив Келлетт, за которым на западе была видна земля (Эглинтон). Обойдя ее с юга, Мечем открыл другой пролив — Крозье, за ним — новую землю, остров Принс-Патрик. Обогнув и его с юга, Мечем достиг пункта, где берег резко поворачивал на северо-восток. Этот пункт был назван «Концом земли» (мыс Лэндс-Энд, $76^{\circ}15'$ с. ш., 124° з. д.), поскольку дальше на запад не видно было суши. Так Джордж Мечем завершил открытие пролива Мак-Клур, самого западного участка «непреходимого Северо-западного прохода», выводящего из Баффинова залива прямо в море Бсфорта.

За «Концом земли» Мечем прошел в северо-восточном направлении еще около 200 км, до того пункта у залива Сателлайт, где берег поворачивал прямо на восток. Мечем открыл, следовательно, все западное побережье Принс-Патрика, но не мог завершить открытие его береговой линии, так как должен был возвращаться из-за нехватки продовольствия.

На обратном пути Мечем пересек южную часть Принс-Патрика и обогнул с севера Эглинтон, убедившись, что это сравнительно небольшой остров (1400 кв. км). После трехмесячного отсутствия отряд вернулся на «Резольют», пройдя в оба конца на санях более 1800 км. Очень важным географическим достижением Мечема было то, что он не только открыл Принс-Патрик и описал большую часть его побережья, но и положил начало исследованию внутренних районов этого большого острова (его площадь 15 500 кв. км).

Огромную географическую работу проделала также группа Френсиса Мак-Клинтока. В апреле 1853 года она открыла и описала все северо-западное побережье острова Мелвилл и увидела далее на западе новую землю — выступ острова Принс-Патрик. Оставив ее пока в стороне, Мак-Клинток двинулся на юг через новооткрытые проливы Фицвильям и Келлетт и обследовал почти все западное, ранее неизвестное, побережье Мелвилла. Только затем он повернул на запад и в середине мая вышел на Принс-Патрик, открыв его независимо от Мечема. До середины июня Мак-Клинток обследовал восточное и северное побережья Принс-Патрика и достиг залива Сателлайт. К северу и западу от залива он видел хаотическое нагромождение льдов и никаких признаков суши. Отсюда и начинается арктическая «область относительной недоступности», где в XIX веке не проходило ни одно судно и никогда по льду не ступала нога человека. Лишь несколько километров отделяло Мак-Клинтока от того мыса, до которого с юга доходил Мечем.

У отряда Мак-Клинтока было достаточно продовольствия, так как он нашел на севере Принс-Патрика много мускусных быков, мясо которых пришлось по вкусу англичанам. Но Мак-Клинток повернул назад: вероятно, он боялся задержать суда

Келлетта. На обратном пути Мак-Клинтон открыл к северу от пролива Фицвильям небольшой остров *Эмералд* (около 600 кв. км). На базу он вернулся 18 июля, пройдя за 105 дней на санях около 2200 км. При этом Мак-Клинтон проследил более 1200 км неизвестной ранее береговой линии: он завершил открытие Мелвилла (41 000 кв. км) и, как мы видели, почти одновременно с Мечемом открыл остров Принс-Патрик.

Бесславный конец экспедиции Белчера

В середине августа 1853 года суда отряда Келлетта на короткое время получили относительную свободу движения, но очень немного продвинулись на восток. Несколько недель они дрейфовали со льдами в разных направлениях и к концу сентября стали на вторую зимовку в проливе Мелвилл, недалеко от острова Байам-Мартин. Не удалось освободиться и «Инвестигейтору». Оставшаяся на нем часть команды во главе с Мак-Клуrom вынуждена была бросить корабль и соединилась с людьми Келлетта. А те в свою очередь по приказу Белчера, несмотря на возражения Келлетта, бросили свои суда.

К середине июня 1854 года экипажи пяти покинутых судов собрались у острова Бичи, где их ждал «Норт-Стар». Чрезмерно перегруженный «Норт-Стар» вышел в обратный путь 26 августа. К счастью, навстречу ему пришли два судна вспомогательной экспедиции Инглфилда, и моряки разместились на трех судах.

Без дальнейших происшествий они вернулись в Корк (южная Ирландия) в конце сентября 1854 года.

Через год, 10 сентября 1855 года, капитан американского китобойного судна Сидней Баддингтон встретил в Девисовом проливе, на широте 67°, дрейфующий во льдах, вполне исправный корабль, на котором не было ни одного человека. Это был «Резольют», вынесенный льдами через проливы Мелвилл, Барроу и Ланкастер и Баффинов залив к центру Девисова пролива. Баддингтон благополучно привел свой трофей на родину.

Согласно закону, Белчер как начальник экспедиции, капитаны и старшие офицеры пяти брошенных в Арктике кораблей были преданы суду. Капитаны и офицеры были «оправданы с честью», и председатель суда, возвращая им шпаги, произносил лестные для них заключительные слова*. Белчер был также оправдан, но в приговоре сознательно были пропущены слова «с честью», а председатель вернул ему шпагу молча.

Поразительно, какую шумиху подняла английская пресса по поводу «открытия» Мак-Клуrom «непроходимого прохода». Он

* Относительно Мак-Клура в судебном приговоре было сказано: «...Мак-Клур, офицеры и команда «Инвестигейтора» достойны величайших похвал за проявленное ими рвение».

получил большие золотые медали Лондонского и Парижского географических обществ, драгоценные золотые часы от Британского Адмиралтейства, а парламент постановил выдать ему премию в 10 тысяч фунтов стерлингов. Книга его «Открытие Северо-западного прохода» до конца пятидесятих годов XIX века выдержала три издания.

Глава 44

ПОИСКИ ОТКРЫТОГО ПОЛЯРНОГО МОРЯ И ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Через пролив Смит в Бассейн Кейна (экспедиции Инглфилда и Кейна)

В 1852 году англичанин Эдуард Инглфилд на средства Джен Франклин начал на маленьком винтовом пароходе «Изабелла» (около 150 тонн, 17 человек команды) поиски экспедиции Джона Франклина на крайнем северо-востоке Канадского архипелага. По пути Инглфилд осмотрел так называемый Китовый залив ($77^{\circ}30'$ с.ш.), в центре которого лежат острова Нортумберленд и Герберт. К востоку от Герберта залив суживался. Позднее он был назван *заливом Инглфилда*, а ведущие к нему проходы между островами и Гренландией — *проливами Вальсунн и Мерчисон*.

К северу от исследованных островов Инглфилд вступил в совершенно неразведанные арктические воды, обогнул мыс Александер ($78^{\circ}10'$ с.ш.), вошел в пролив Смит и поднялся по нему до $78^{\circ}28'$ с.ш. За проливом гренландский берег поворачивает на востоко-северо-восток, и Инглфилд определил на глаз, что берег не меняет этого направления на многие десятки километров. Так оно и оказалось в действительности, и на позднейших картах на этой приморской полосе северо-западной Гренландии утвердилась справедливая надпись — *Земля Инглфилда*.

Встретив на достигнутой им высокой широте — тогда рекордной для Американской Арктики — непреодолимые льды, Инглфилд двинулся в обратный путь. Он шел на юг вдоль неведомой суши, которую назвал *Землей Элсмira*; войдя в пролив Джонс, пытался обогнуть эту землю с юга, но не продвинулся по нему сколько-нибудь далеко на запад и вынужден был из-за густого тумана отступить в Баффинов залив. Он прошел пролив Ланкастер до острова Бичи. Получив там информацию от других поисковых экспедиций, Инглфилд вернулся в Англию.

Американец Илайша Кент Кейн, участвовавший в экспедиции Де-Хавена в должности врача, выдвинул гипотезу открытого Полярного моря к северу от пролива Смита, куда, по его мнению, могли проникнуть корабли экспедиции Франклина.

Кейн собрал деньги на новые поиски, которые он предпринял на бриге «Адванс» с экипажем в восемнадцать человек. Основные средства дали два капиталиста, меньшую часть — англичанин Джордж Пибоди, большую — американец Генри Гриннелл, отчего эту экспедицию часто называют «Второй Гриннелловой».

В начале июля 1853 года Кейн остановился в одном из фьордов юго-западной Гренландии, где пригласил на службу в качестве каюра и охотника девятнадцатилетнего эскимоса Ханса Хендрика, который сыграл очень важную роль в этой и последующих арктических экспедициях. В августе «Адванс» вошел через пролив Смит в *Бассейн Кейна*, три недели с величайшим трудом пробивался там через льды и остановился на зимовку близ Земли Инглфилда на $78^{\circ}37'$ с.ш., $70^{\circ}53'$ з.д. В апреле — мае 1854 года Кейн предпринял санный поход по морскому льду вдоль крутого берега Земли Инглфилда и открыл за ней между 79 и 80° с. ш. громадный ледник *Гумбольдта*, спускающийся к заливу *Пибоди*.

В двадцатых числах мая молодой врач экспедиции американец Исаак Израиль Хейс пересек вместе с одним матросом южную часть новооткрытого Бассейна Кейна и увидел к северу от Земли Элсмira изрезанную фьордами полосу суши, которую он назвал *Землей Гриннелла*. Самый южный из новооткрытых фьордов, *Бьюкенен*, так глубоко вдавался в сушу, что Хейс принял его за пролив, отделяющий Землю Элсмira от Земли Гриннелла*. Хейс нанес на карту новооткрытое побережье от острова Пим (в проливе Смит) до залива Доббин, то есть между $78^{\circ}45'$ и $79^{\circ}45'$ с.ш.

Очень важные географические результаты получили Ханс Хендрик и матрос Вильям Мортон во время санного похода в июле того же, 1854 года. Пройдя вдоль Земли Инглфилда к заливу Пибоди и следуя затем на север вдоль ледника Гумбольдта, они достигли $80^{\circ}07'$ с.ш., где гренландский берег круто поворачивал на запад. Хендрик и Мортон прошли в этом направлении около 60 км вдоль высокого южного берега открытой ими *Земли Вашингтона* — до мыса Джексон. За мысом они увидели свободный от льда пролив *Кеннеди*, ведущий на север; этот пролив отделял Землю Вашингтона от Земли Гриннелла, высоты которой видны были на западе на расстоянии нескольких десятков километров. Они прошли вдоль восточного берега пролива Кеннеди до $80^{\circ}40'$ с.ш., и Мортон в своем отчете Кейну написал, что видел на севере открытое Полярное море. Лед был так непрочен, что они вынуждены были бросить сани, взвалить себе на спину возможно больше припасов и повернуть обратно.

* Только через полвека было доказано, что обе земли являются частями большого острова Элсмira.

В это лето бригу не удалось выбраться из льдов, и экспедиции пришлось остаться на вторую зимовку. Запас взятых из США продуктов таял, но Хендрик удачно охотился и доставлял зимовщикам свежее мясо. Все европейцы болели цингой. За две зимы умерло трое, а двоим пришлось ампутировать отмороженные ступни ног. Когда израсходованы были дрова, на топливо пошли части брига.

В середине мая 1855 года экспедиция бросила «Адванс» и двинулась на юг, таща по льду сани и три лодки. В пути умер еще один человек. Через месяц, в середине июня, путники прошли, наконец, пролив Смит. У мыса Александер льды настолько разошлись, что дальнейший путь — в Баффиновом заливе — можно было продолжать на лодках. Но продвижение на юг шло страшно медленно, запасы продуктов совершенно истощились, и моряки поддерживали себя только тем, что им доставляла охота Ханса Хендрика. Так прошло еще семь недель. К счастью, южнее 74-й параллели Кейна и его спутников подобрало датское китобойное судно, доставившее их в один из поселков западной Гренландии. В США они вернулись поздней осенью 1855 года.

Кейн был тяжело болен и тем не менее сразу приступил к разработке материалов своей экспедиции*. Он был убежден, что Мортон действительно видел вдали на севере, за проливом Кеннеди, открытое море, и старался убедить в этом других. Он умер в феврале 1857 года, через полтора года после возвращения на родину, 37 лет от роду.

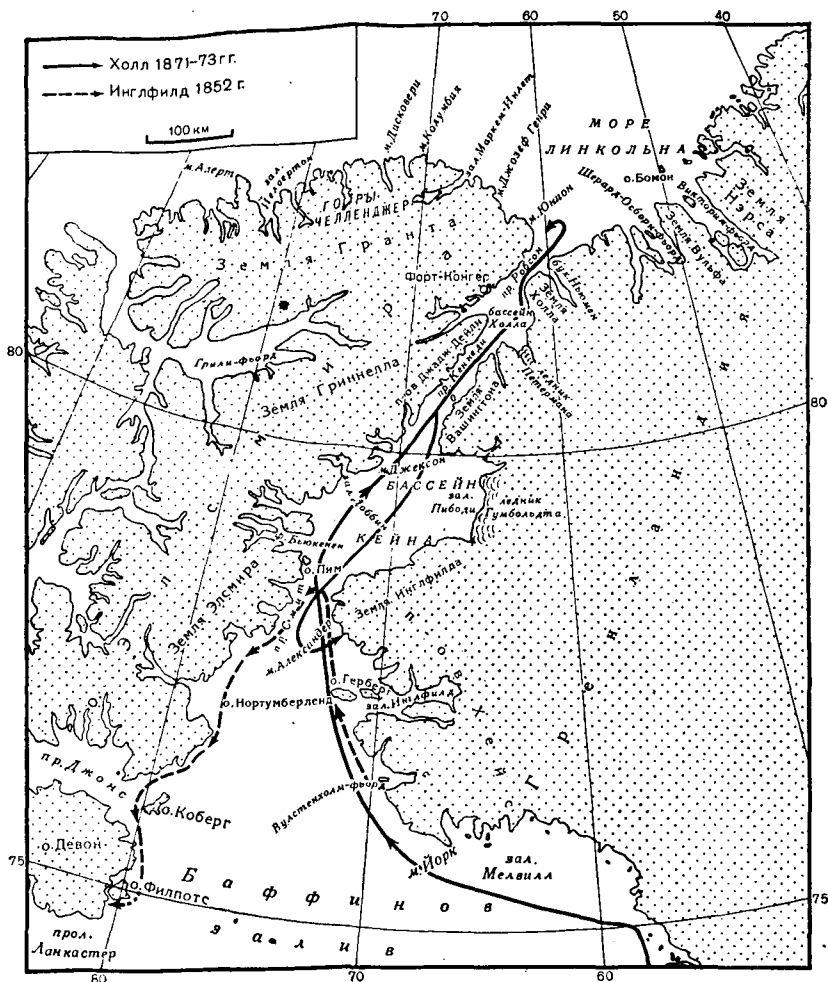
Завершение открытия пролива Кеннеди (экспедиция Хейса)

Хейс собрал по подписке значительную сумму на организацию в 1860 году новой арктической экспедиции. Одной из ее основных задач было проникнуть через пролив Смит в открытое море: в его существование Хейс верил не меньше, чем Кейн.

В распоряжении Хейса была шхуна «Юнайтед-Стейтс». Он взял с собой Мортон и астронома Зонтага, также участвовавшего во «Второй Гриннелловой экспедиции». В Гренландии он закупил собак и пригласил к себе на службу Ханса Хендрика. 3 сентября 1860 года шхуна остановилась на зимовку к востоку от входа в пролив Смит, у гренландского берега.

В октябре Хейс вместе с Зонтагом совершил поход на ледяной купол Гренландии, причем прошел в восточном направлении около 80 км. Эта часть северной Гренландии с того времени называется *полуостровом Хейса* (крайний западный выступ

* Книга Кейна издана была посмертно под названием «Арктические исследования. Вторая Гриннеллова экспедиция на поиски Джона Франклина» (2 тома, Филадельфия, 1856).

Открытие северных проливов и моря Линкольна: от Э. Инглфилда до А. Грили

всей Гренландии). В декабре почти все собаки пали. Зонтаг и Хендрик отправились на юг, к заливу Инглфилд, чтобы закупить собак у эскимосов. На пути Зонтаг провалился в воду сквозь лед. Хендрик вытащил его из воды, но он обледенел, потерял сознание и умер на следующий день. Хендрик один продолжал путь, закупил собак и вернулся с ними на шхуну в январе 1861 года.

В апреле—мае 1861 года Хейс совершил большой санный поход. Он перешел на Землю Элсмيرا через пролив Смит и

поднялся на север вдоль западного берега Бассейна Кейна и по проливу Кеннеди, по его определению, до $81^{\circ}35'$ с.ш. Географические координаты определялись Хейсом не всегда точно, но в широте он мог ошибиться лишь на несколько минут. Если он даже достиг только параллели $81^{\circ}30'$, то и в этом случае он прошел весь пролив Кеннеди и видел с возвышенности полуострова Джадж-Дейли поворот берега Земли Гринелла на запад и узкий залив Леди-Франклин ($81^{\circ}40'$ с. ш.), который принял за пролив.

Далеко на севере Хейс заметил высокий мыс, названный им Юнион ($82^{\circ}15'$ с.ш., $61^{\circ}10'$ з.д.—северо-восточная оконечность острова Элсмира). За ним на северо-востоке он видел «темное, цвета воды небо», то есть признак открытого водного пространства. «Все свидетельствовало, что я достиг берега Полярного бассейна и что обширный арктический океан расстилается у моих ног»,—писал Хейс в своей книге*.

В середине июля 1861 года шхуна «Юнайтед-Стейтс» освободилась от льдов и двинулась в обратный путь.

Через Бассейн Холла и пролив Робсон в море Линкольна (экспедиция Холла)

Вернувшись из Арктики на родину осенью 1869 года, Чарльз Френсис Холл сразу же увлекся планом достижения Северного полюса на корабле через «открытое Полярное море». Проявив исключительную настойчивость и заручившись содействием морского министра Робсона, Холл добился того, что уже в следующем году Конгресс США отпустил крупную сумму на организацию морской экспедиции к Северному полюсу. Он приобрел буксирный винтовой пароход (около 390 тонн), переоборудовал его, дал ему имя «Полярис» и пригласил в качестве старшего помощника Сиднея Баддингтона. Кроме того, Холл включил в состав своей экспедиции несколько других опытных полярников, в том числе Джозефа и Ханну Эбербинг, которые взяли с собой восьмилетнюю девочку—свою приемную дочь.

В августе 1871 года экспедиция на «Полярисе» находилась у западного берега Гренландии, где к ней присоединился Ханс Хендрик с женой и тремя детьми**. В конце августа «Полярис» без значительных помех прошел через пролив Кеннеди, который на севере очень расширился. Этот Бассейн Холла и принял раньше Мортон и Хейс за открытое Полярное море. Пароход

* «Открытое Полярное море. Рассказ о плавании на шхуне «Юнайтед-Стейтс» для открытия пути к Северному полюсу», Лондон, 1867.

** Характерно, что эскимосы отправлялись в такое опасное, в глазах европейцев, путешествие целыми семьями.

шел здесь сначала в густом тумане. Когда же туман несколько рассеялся, на востоке открылась высокая земля. Далее к северу новооткрытый бассейн суживался, и пароход вошел в *пролив Робсон*, также свободный от льда. За проливом видна была полоса чистой воды, и «Полярис» — впервые в истории навигации — вышел через американские арктические проливы в Северный Ледовитый океан. Эту часть океана — между северной Гренландией и *Землей Гранта* (северная часть острова Элсмира) Холл назвал *морем Линкольна*.

Три дня «Полярис» плавал в море Линкольна, пока не встретил на $82^{\circ}11'$ с. ш. скопления битого льда. Они были вполне преодолимы даже для маленького парохода; однако Холл поддавался влиянию Баддингтона, обнаружившего чрезмерную, по мнению некоторых участников экспедиции, осторожность, и 4 сентября повернул на юг*.

На зимовку «Полярис» стал у гренландского берега Бассейна Холла. В октябре Холл совершил санный поход к северу от места зимовки, открыл узкую *бухту Ньюмен*, глубоко вдающуюся в сушу, и доказал, таким образом, что эта часть Гренландии является полуостровом. Новооткрытый полуостров позднее был назван *Землей Холла*.

Через две недели после возвращения, 8 ноября 1871 года, Чарльз Холл умер от апоплексического удара. Для остальных членов экипажа «Поляриса» зимовка прошла вполне благополучно: запасов на пароходе было достаточно, свежее мясо мускусных быков и белых медведей доставляли Эбербинг и Хендрик, топливо было в изобилии, так как течение со стороны моря Линкольна приносило много плавника.

Весной 1872 года трое зимовщиков, в том числе Эбербинг, открыли *ледник Петермана*, спускающийся в южный угол Бассейна Холла. 12 августа 1872 года «Полярис» двинулся на юг. В этот день Меркут, жена Хендрика, родила мальчика, которого назвали Карл Полярис.

Дрейф на льдине части экипажа „Поляриса“

«Полярис» благополучно прошел пролив Кеннеди, но в Бассейне Кейна был зажат дрейфующими к югу льдами, которые вынесли его в северную часть Баффинова залива. Во время шторма в ночь на 16 октября 1872 года на $77^{\circ}35'$ с.ш. при сильном сжатии пароход был поднят из воды и лег бортом на льдину. Люди спустили на эту льдину два вельбота и в панике начали сбрасывать продукты, одежду, оружие и топливо. Вдруг льдина разломилась, и пароход, на котором оставалась

* По Ф. Гельвальду, «Полярис» в это время находился на $82^{\circ}26'$ с.ш., то есть увлечен был ледовым дрейфом еще на 15 минут дальше к северу.

часть команды, соскользнул в воду, выпрямился и исчез в темноте.

На льду осталось девятнадцать человек, из них девять эскимосов — четверо взрослых и пятеро детей. Льдина, продолжавшая дрейфовать на юг, была велика (более 1 кв. км) и зимой представляла сравнительно надежное убежище. Моряки сложили из снежных плит несколько иглу. Запас продуктов был невелик, но эскимосы охотились на тюленей, дававших и еду и топливо; все же один вельбот пришлось изрубить на дрова. Но в апреле 1873 года, когда льдину вынесло из Баффинова залива через Девисов пролив в Атлантический океан, она стала быстро обламываться по краям и катастрофически уменьшаться.

Когда поднялся южный ветер, льдина распалась. Все девятнадцать человек, с трудом разместившись на единственном вельботе, искали спасения на другой льдине, но и та быстро распалась — и так повторялось несколько раз. Продукты все вышли, топлива не было, мокрая одежда не согревала. К счастью, в конце апреля на 53°35' с.ш. гибнущих людей заметили с китобойного парохода и взяли на борт.

Во время ледового дрейфа, продолжавшегося шесть месяцев и две недели, люди с «Поляриса» прошли более 2600 км по прямой линии, жили в страшной тревоге, в последний месяц страдали от голода и холода, но все выжили: американцев спасли эскимосы. Все эскимосские дети, в том числе и грудной младенец, Карл Полярис, были совершенно здоровы.

Оставшимся на пароходе «Полярис» четырнадцати американцам вскоре удалось посадить дающее течь судно на мель. Они поставили домик на гренландском берегу в районе, где жили эскимосы, и благополучно провели там зиму. К началу июня 1873 года они построили две лодки, медленно пошли на юг вдоль берега и через двадцать дней на 76° с.ш. были спасены китобойным судном*.

Первое исследование берегов моря Линкольна (экспедиция Нэрса)

В 1875 году в Англии была организована большая полярная экспедиция на двух винтовых пароходах, каждый с командой в шестьдесят человек: «Алерт» (550 тонн) и «Дисковери» (700 тонн). Начальником экспедиции был назначен Джордж Стронг Нэрс, видный гидрограф**, имевший и полярный

* История «Поляриса» изложена в книге Эмиля Бессельса «Американская Северная полярная экспедиция», Лейпциг, 1879.

Бессельс — молодой немецкий натуралист, был врачом на «Полярисе». Он остался на пароходе, когда часть экипажа была унесена штормом на льдине.

** В 1872—1874 годах Нэрс был командиром прославленного океанографического судна «Челленджер».

опыт (за двадцать лет до этого он участвовал в арктической экспедиции Келлетта).

В июле—августе 1875 года оба парохода прошли пролив Кеннеди. «Дисковери» был поставлен на зимовку в залив Леди-Франклин, сам же Нэрс на «Алерте», которым командовал Альберт Гастингс Маркем, прошел через пролив Робсон в море Линкольна и достиг $82^{\circ}24'$ с.ш. В течение двадцати лет (до плавания «Фрама» в 1896 г.) это была предельная северная широта, которой достигали суда в свободном плавании. В тот же день, 1 сентября 1875 года, «Алерт» вмерз во льды близ берега острова Элсмира. К счастью, мощные, севшие на мель льды толщиной до 22 м, защищали «Алерт». Зима прошла благополучно, хотя температура падала до 59° ниже нуля.

Весной 1876 года три санных отряда, двигаясь в разных направлениях от «Алерта», исследовали море Линкольна. Наиболее ценных географических результатов добился западный отряд, возглавляемый Пелемом Олдричем. Он прошел на лодках-санях от мыса Джозеф-Генри вдоль ранее неизвестного северного берега острова Элсмира на протяжении около 300 км и нанес его на карту, причем открыл мыс Колумбия, самую северную точку Американского Арктического архипелага ($83^{\circ}07'$ с.ш., $70^{\circ}10'$ з.д.). Два северо-западных пункта были названы в честь судов экспедиции — мысы *Дисковери* и *Алерт* (конечный пункт, до которого доходил Олдрич). Из заливов, открытых во время этого похода, сравнительно глубоко вдаются в сушу: на востоке — *Маркем-Инлет*, на западе, у мыса Алерт, — *Йелвертон*. Простирающаяся между этими заливами приморская горная цепь была названа *горами Челленджер*. Потерь в отряде не было, но все, кроме Олдрича, болели цингой.

Двигавшийся на легких саних восточный отряд, во главе которого стоял Бомон, открыл участок гренландского побережья, прилегающий к морю Линкольна, до *Земли Нэрса*, в том числе *Землю Вульфа*, расположенную между двумя глубоко врезающимися в сушу фьордами — *Шерард-Осборн** и *Виктория*, и небольшой *остров Бомон*.

Северный отряд под начальством Маркема выполнял основную задачу экспедиции Нэрса — проникнуть возможно дальше по направлению к полюсу. Из-за хаотического нагромождения торосов, иногда по глубокому, более полутора метров снегу, при жестоких морозах отряд очень медленно двигался с саними-лодками к северу и 12 мая достиг только $83^{\circ}20'$ с.ш. К этому времени один человек из отряда умер, и все остальные, кроме

* Шерард Осборн, тогда уже адмирал, был членом тройки, которой Британское Адмиралтейство поручило организовать экспедицию Нэрса. Двумя другими членами были адмиралы Мак-Клинтон и Ричардс, отсюда два названия, залив Мак-Клинтон и мыс Ричардс на карте острова Элсмира.

самого Маркема, очень страдали от цинги. Узнав 8 июня об их бедственном положении, Нэрс немедленно сам повел на север вспомогательный отряд на легких санях и доставил всех к месту зимовки 14 июня.

Число больных на «Алерте» увеличилось, умерло еще трое людей, запасы истощились. Нэрс решил отступить. В августе «Алерт» с трудом добрался до пролива Кеннеди, соединился с «Дисковери», а в конце сентября 1876 года оба парохода прибыли в Ирландию. Свой основной вывод Нэрс сделал с излишней поспешностью, в первой же телеграмме, посланной в Лондон, — «Северный полюс недоступен»*.

Исследование Земли Гранта (экспедиция Грили)

В 1881 году, при подготовке Первого международного полярного (геофизического) года, в котором приняли участие и Соединенные Штаты, через проливы между Гренландией и островом Элсмира была послана американская экспедиция. Во главе ее был поставлен кавалерийский офицер, не имевший никакого полярного опыта, Адольф Вашингтон Грили. Экспедиция организовала метеорологическую станцию (*Форт-Конгер*) на северо-востоке острова Элсмира и там зимовала. В 1882 году лейтенант Джемс Локвуд продвинулся на санях к северу от станции по разным определениям до $83^{\circ}24'$ или до $83^{\circ}30'$ с.ш. Экспедиция продолжила исследование северной части Элсмира и открыла к западу от станции глубоко вдающийся в сушу *Грили-фьорд*. Эта часть Элсмира оказалась, таким образом, полуостровом, который был назван *Землей Гранта*.

Судьба экспедиции Грили была трагична. Два года из-за тяжелых льдов или неумелой организации не удавалось ее вывести. Так как запасы продовольствия истощались, зимовщики летом 1883 года сами двинулись на юг. Один из них в дороге утонул, другой был расстрелян «за нарушение дисциплины и за неоднократные кражи съестных припасов». Остальные дошли до острова Пим — у северного входа в пролив Смит, где провели третью зимовку. «Незначительные запасы скоро вышли, охота давала мало в бедном дичью районе; была съедена даже кожаная обувь и одежда, после чего голод стал среди несчастных призводить ужасные опустошения» (К. Гассерт). Некоторые ели мясо, срезанное с трупов погибших товарищей. Зимой

* Итоги работ экспедиции Нэрс подвел в своей книге «Рассказ о путешествии в Полярное море в 1875—1876 гг.», 2 тома, Лондон, 1878.

В экспедиции Нэрса участвовал Ханс Хендрик — как всегда, с большой пользой для дела. Одновременно с работой Нэрса в 1878 году в Лондоне была издана книга «Воспоминания Ханса Хендрика, арктического путешественника, работавшего под начальством Кейна, Хейса, Холла и Нэрса в 1853—1876 гг.».

1883/84 года умерло семнадцать человек, среди них Локвуд. Семеро уцелевших зимовщиков, в том числе Грили, были спасены летом 1884 года американским китобойным судном, которое доставило их на корабли спасательной экспедиции, посланной из США. Но один из спасенных умер на обратном пути, во время ампутации отмороженных конечностей*.

Глава 45

ОТКРЫТИЕ ОСТРОВОВ СВЕРДРУП И ЗАВЕРШЕНИЕ ОТКРЫТИЯ ОСТРОВА ЭЛСМИРА

Отто Свердруп и организация Второй экспедиции „Фрама“

Норвежец Отто Свердруп, опытный моряк, впервые попал в Американскую Арктику в 1888 году, а в августе — сентябре того же года он вместе с Фритьофом Нансеном совершил на лыжах первое пересечение ледяного купола Гренландии. И когда позднее Нансен приступил к организации арктической экспедиции на пароходе «Фрам», он пригласил Отто Свердрупа капитаном этого, ставшего бессмертным корабля.

Летом 1893 года Свердруп, выйдя из Осло, провел «Фрам» Северным морским путем в Восточно-Сибирское море. 22 сентября под $78^{\circ}50'$ с.ш. и $133^{\circ}30'$ в.д. он пришвартовался к большой льдине, с тем чтобы по заранее разработанному плану Нансена начать дрейф «Фрама» в Полярном бассейне.

15 ноября 1895 года «Фрам» находился под $85^{\circ}56'$ с.ш. и $66^{\circ}31'$ в.д., и в этом пункте закончилось его продвижение на северо-запад. Далее судно дрейфовало уже в юго-западном направлении и утром 13 августа 1896 года вышло в свободное, не скованное льдом море. А около полуночи того же дня впереди показалась земля — мыс у входа в Рауд-фьорд на крайнем северо-западе Шпицбергена. «1041 день прошел с тех пор, как мы в последний раз видели землю» (Свердруп).

Во время почти трехгодичного дрейфа Свердруп, как и все его спутники, вполне заслуженно полюбили «Фрам»: «более крепкого, более великолепного корабля не построил еще никто; равного ему нет в мире...» На этом судне на рубеже XIX—XX веков (1898—1902 гг.) Отто Свердруп, самый прославлен-

* В 1886 году Грили издал в Лондоне книгу «Три года арктической службы» (в русском переводе «Три года в Арктике», Л., 1935). Позднее, между 1888 и 1929 годами, вышли в свет и другие его книги по Арктике, в том числе неоднократно переиздававшийся в США «Справочник по полярным открытиям». Благодаря этим работам Грили, несмотря на тяжелые неудачи его единственного путешествия в полярные страны, прослыл на Западе крупным авторитетом по вопросам изучения Арктики.

ный ледовый капитан того времени, провел, выполняя одновременно обязанности начальника и капитана корабля, вторую норвежскую исследовательскую полярную экспедицию, которая вошла в историю географических открытий под названием «Второй великой экспедиции «Фрама».

Районом исследования на этот раз была уже не Восточная, а Западная Арктика. Субсидировали новую экспедицию три норвежских капиталиста — Аксель Хейберг и братья Элlef Рингнес и Амунд Рингнес. Первоначальный план, разработанный по их просьбе Нансеном, был прост: идти на север от Баффинова залива «через проливы и вдоль северного берега Гренландии возможно дальше, пока не придется остановиться на зимовку».

Получив через Нансена такое предложение, Свердруп заявил: «Высоко на севере на карте немало белых пятен, и я охотно закрашу их в норвежский цвет». Экспедиция взяла с собой провианта на пять лет (на 16 человек экипажа). В июле «Фрам» вошел в Баффинов залив, в середине августа был в проливе Смит, но у северного выхода из него вынужден был из-за непроходимых льдов остановиться на зимовку у острова Элсмира.

Первая зимовка „Фрама“ в Американской Арктике: открытие острова Аксель-Хейберг

В середине зимы 1898/99 года Свердруп и его спутники совершали только сравнительно короткие охотничьи экскурсии на остров Элсмира: там, недалеко от места зимовки «Фрама», паслись стада мускусных быков. В эту зиму умер врач экспедиции.

Остров Элсмира был в то время почти не исследован. «На карту — очень неточную — были нанесены только его восточное и северное побережье. Иногда он изображался как двойной остров, разделенный приблизительно у 79° с.ш. «проливом Хейса»; к северу от этого мнимого пролива на карте располагались открытые американцами Земля Гриннелла и Земля Гранта с нанесенными пунктиром (то есть предположительно) западными берегами, к югу — открытая англичанами Земля Элсмира с совершенно неизвестным западным берегом и «Норт-Линкольн», непосредственно прилегающий к проливу Джонс*.

* См., например, листы 5—6 известного немецкого атласа Андре (Andréas Handatlas) издания 1899 года, где пролив показан, но не назван. Так велика была тогда путаница в картографическом изображении северо-восточной части Американского Арктического архипелага, что на другой карте атласа того же издания, на листе 156, вся территория от Земли Гранта (на севере) до «Норт-Линкольн» (на юге) показана как единый остров, западный берег которого совершенно неизвестен.

В апреле 1899 года Свердруп и зоолог экспедиции датчанин Эдвард Бай исследовали «пролив Хейса». От вершины *Флаглер-фьорда* (западная ветвь залива Бьюкенен) они шли на запад по забитой льдом долине, перевалили небольшую возвышенность, и перед ними неожиданно открылся широкий, покрытый льдом фьорд. Свердруп назвал его в честь своего спутника *Бай-фьорд**. Путешественники достигли западного берега острова Элсмira, который в этом месте суживается до 75 км.

Новооткрытый фьорд простирался на десятки километров в широтном направлении и впадал в другой, «далеко вдающийся в сушу глубокий фьорд», имевший в основном меридиональное направление. Вскоре было доказано, что этот «другой фьорд» — на самом деле пролив, и он был назван *Эврика*** . А за ним Свердруп и Бай отчетливо видели «большую горную цепь высотой несколько тысяч футов, с заполненными снегом расселинами и черными обрывами, с зубчатыми вершинами и дикими пропастями». Это был гористый участок восточного берега очень большого острова. Позднее Свердруп назвал его — в честь главного «покровителя» экспедиции — *островом Аксель-Хейберга****.

В мае—июне картограф экспедиции Гуннар Исаксен и матрос Уве Браскеруд исследовали обширную полосу острова Элсмira к югу от Бай-фьорда и подтвердили наличие «другого большого фьорда» меридионального направления, то есть пролива *Эврика*.

Вторая зимовка „Фрама“: исследование острова Аксель-Хейберг и южной части Элсмira

Ледовые условия в Бассейне Кейна в летнюю навигацию 1899 года продолжали быть очень неблагоприятными, и Свердруп, отчаявшись пробиться к северу, в конце августа принял ответственное решение: повернуть на юг и войти в пролив Джонс. 1 сентября «Фрам» остановился на вторую зимовку в одном из фьордов южного берега Элсмira. Как увидим ниже, это вынужденное отступление привело Свердрупа к очень важным открытиям в Американском Арктическом архипелаге.

Пролив Джонс посещался иногда морскими экспедициями и китоловами, но даже к концу XIX века был лишь очень сла-

* На наших картах в английском произношении — Бей-фьорд.

** По-гречески — «нашел», на наших картах в английском произношении — пролив Юрика.

*** Площадь Аксель-Хейберга, по последним данным, около 41 200 кв. км, то есть в два с лишним раза больше всей площади Земли Франца-Иосифа.

крупных фьордов* и полуостров Симмонс, названный так в честь ботаника экспедиции шведа Германа Георга Симмонса. Таким образом, было обойдено все южное побережье Элсмира.

Во время этого санного похода Свердруп впервые увидел узкий пролив между полуостровом Симмонс и противоположащим небольшим островом (Норт-Кент), а в проливе «громады торосов, уносимых мощным приливо-отливным течением с ужасающей скоростью в бешеном водовороте». Он дал проливу название «Адские ворота», в переводе на английский «Хелл-Гейт» (так и на наших картах).

Весной 1900 года Свердруп с тремя товарищами прошел на санях через «Адские ворота» и открыл к северу от пролива широкое водное пространство — *Норвежский залив*. Восточная ветвь его, глубоко вдающаяся в остров Элсмира, была названа *Бауман-фьордом* — в честь помощника капитана Виктора Баумана. Продолжая исследование Норвежского залива теперь уже в западном направлении, норвежцы вышли к юго-западной оконечности Аксель-Хейберга и оттуда повернули на север, вдоль берега этого острова. Вскоре Свердруп, заметив на западе очертания другой земли, послал туда на разведку Гуннара Исаксена и матроса Сверре Хассела, а сам с матросом Иваром Фосгеймом продолжал идти на север и проследил западный берег Аксель-Хейберга до $80^{\circ}55'$ с. ш., где поставил гурий. Состояние упряжных собак внушало обоим серьезные опасения, они повернули обратно и прибыли на «Фрам» в начале июня, через $2\frac{1}{2}$ месяца после того, как оставили судно.

Через две недели туда вернулись Исаксен и Хассел. Они лишь бегло осмотрели новую землю, расположенную к западу от Аксель-Хейберга, и не могли рассказать о ней ничего вразумительного, кроме разве того, что она, по-видимому, велика. Исаксен оправдывался тем, что его одометр (прибор для определения пройденного пути) сломался.

Третья зимовка „Фрама“: открытие островов Амунд-Рингнес и Эллеф-Рингнес

Наступило лето 1900 года, но Свердруп и не думал возвращаться обратно в Бассейн Кейна, с тем чтобы повторить попытку обогнуть с севера Гренландию. Позднее он ссылался на то, что этим путем уже шел Пири, а район к западу от Элсмира был на карте «белым пятном» и не следовало отказываться от его изучения, так счастливо начатого.

* Один из новооткрытых фьордов был назван *Маск-Окс*, так как там путешественники особенно удачно охотились на мускусных быков.

В августе «Фрам» пошел на запад через пролив Джонс. Экспедиция уточнила карту северо-западного побережья острова Девон, где был открыт полуостров *Колин-Арчер**. Завершив исследование широкого пролива Джонс, «Фрам» вышел из него в северо-западном направлении через разреженные льды узкого пролива Кардиган, но сразу же за ним был остановлен тяжелыми льдами. Освободиться удалось только в середине сентября, но движение возможно было только в обратном, юго-восточном направлении; и «Фрам» вернулся в пролив Джонс и стал на третью зимовку в Гус-фьорде.

Санные походы в 1901 году привели к новым крупным открытиям. Исаксен и Хассел в апреле—июне реабилитировали себя удачным исследованием большой земли, лежащей к западу от Аксель-Хейберга. Они доказали, что эта земля отделена проливом *Хенриксен*** от острова Корнуол, открытого с юга экспедицией Белчера, обошли ее кругом по часовой стрелке и обнаружили, что она состоит из двух крупных островов, отделенных друг от друга проливом *Хассел*. В честь братьев Рингнес ближний, меньший, остров был назван *Амунд-Рингнес* (6500 кв. км), а дальний, больший, остров — *Эллеф-Рингнес* (13 300 кв. км). К югу от Эллеф-Рингнеса, за Датским проливом, Исаксен видел какую-то землю, назвал ее *Кинг-Кристиан* и условно нанес на карту, сильно преувеличив ее размеры, что позднее доказал Стефансон. Северо-западный выступ Эллеф-Рингнеса был назван *полуостровом Исаксен*. Расположен он у 160° з. д., за 79° с. ш., и к западу от него на этой и более высоких широтах нет, как теперь доказано, ни клочка суши вплоть до Северной Земли.

Почти в то же время две пары людей с «Фрама», двигаясь с юга на север, исследовали пролив Эврика. Сам Свердруп и геолог экспедиции Пер Схей проследили участок восточного берега Аксель-Хейберга, а матрос Ивар Фосгейм и младший помощник капитана Олуф Ронес—противолежащий западный берег острова Элсмира. Вторая пара добилась больших результатов: она прошла на север вдоль всего пролива Эврика и открыла при этом два крупных полуострова — *Ронес* на юге и *Фосгейм* на севере.

Летом 1901 года «Фраму» не удалось выйти из Гус-фьорда, и он остался там на четвертую зимовку. В апреле—мае 1902 года Свердруп и Схей прошли к северному выходу из пролива Эврика. Там они открыли простирающийся в северо-западном направлении широкий пролив *Нансена*, выведший их прямо к океану, проследили — на пути туда и обратно — оба берега пролива и, таким образом, почти завершили открытие береговой

* Назван так в честь талантливого строителя «Фрама».

** Назван в честь гарпуника Педера Леонарда Хенриксена, участника первой и второй экспедиций «Фрама».

линии Аксель-Хейберга *. Не менее важно было то, что в 1902 году экспедиция закончила исследование всего западного побережья Элсмира, начатое весной 1899 года; за три года ее участники обошли это побережье, со всеми его многочисленными фьордами и полуостровами, от пролива Джонс до устья пролива Нансена.

Так как экспедиция проследила в эти годы также все южное побережье Элсмира, а его восточное и северное побережья были уже ранее известны, то Свердруп, следовательно, завершил открытие Элсмира: именно в 1902 году этот остров получил те очертания, которые мы видим теперь на картах Западной Арктики. Позднейшие экспедиции внесли только частичные исправления и уточнения в карту острова. А раз почти вся береговая линия Элсмира была правильно нанесена на карту, то уже тогда можно было уверенно сказать, что хоть этот остров и сильно уступает по размерам Баффиновой Земле, но гораздо больше любой другой части Американского Арктического архипелага, кроме, быть может, Виктории **.

* * *

Летом 1902 года «Фрам», наконец, освободился из ледового плена и вернулся в Норвегию. Отто Свердрупа чествовали как национального героя Норвегии.

Крупнейшие земли, открытые «Второй великой экспедицией «Фрама», были вполне справедливо названы именем капитана «Фрама»: большой архипелаг к западу от Элсмира — островами Свердрупа, южная часть Элсмира — Землей Свердрупа. На карте Американского Арктического архипелага появились также, как мы видели, имена почти всех остальных участников норвежской экспедиции, независимо от их национальности и положения — от старшего помощника капитана до гарпунщика и простых матросов. И такое обновление карты Американского Арктического архипелага было вполне заслуженно: Отто Свердрупу удалось создать на диво слаженный исследовательский коллектив, равного которому не было в истории открытия Западной Арктики ***.

* Не прослежен был лишь небольшой участок северо-западного побережья.

** По последним данным, остров Элсмира (210 900 кв. км) немного уступает Виктории (212 200 кв. км) и, следовательно, занимает третье место по величине в Арктическом архипелаге.

*** В 1904 году вышла в свет на английском языке книга Свердрупа «Новая земля; четыре года в арктических областях». Итоги научной работы экспедиции были опубликованы на норвежском языке в очень доступном изложении Норвежской академией наук в 1907—1919 годах (серия из 39 выпусков). В разработке и публикации материалов принимали участие все без исключения офицеры «Фрама» и научные работники экспедиции. Имя Свердрупа еще два раза встречается в истории освоения Арктики, но

ЗАВЕРШЕНИЕ ОТКРЫТИЯ АМЕРИКАНСКОГО АРКТИЧЕСКОГО
АРХИПЕЛАГА И ИССЛЕДОВАНИЕ МОРЯ БОФОРТАПрисоединение Американского Арктического архипелага
к Канаде: экспедиции Лоу и Бернье

Возможность формального присоединения хотя бы части Американского Арктического архипелага после экспедиции Свердрупа к владениям одного из скандинавских государств встревожила до тех пор почти бездействовавшее правительство Канадского доминиона. В 1903 году оно решило послать военное судно «Нептун» — «обойти дозором Гудзонов залив и примыкающие к нему воды до восточных арктических островов». Начальником экспедиции назначен был исследователь Лабрадора геолог Альберт Лоу.

Осенью 1903 года «Нептун» обошел берега Гудзонова залива, зиму он провел в бухте близ мыса Фуллертон — у южного входа в пролив Рос-Уэлком. В августе 1904 года «Нептун» вышел через Гудзонов пролив в океан и поднялся к проливу Смит. Лоу высадился там на берег Земли Элсмира и составил официальный акт о присоединении страны к канадским владениям. Копию этого документа он оставил на мысе, под гурием. Затем «Нептун» повернул назад, прошел вдоль восточного берега Элсмира, обогнул с юга Девон и, пройдя пролив Ланкастер, подошел к Сомерсету. Лоу водрузил канадский флаг у северо-восточного угла этого острова. В сентябре Лоу исследовал северное побережье Баффиновой Земли. Высаживаясь на берег в разных местах, Лоу собрал ценный материал для геологической карты Канадской Арктики.

Осенью 1904 года начался другой поход, организованный канадским правительством на корабле «Арктик» * под командо-

в обоих случаях — Восточной Арктики. В 1914—1915 годах он был капитаном русского судна «Эклипс», посланного Гидрографическим управлением на поиски полярных экспедиций Г. А. Брусилова, В. А. Русанова и Г. Я. Седова, о судьбе которых два года не было никаких вестей. После зимовки у северо-западного побережья полуострова Таймыр «Эклипс» продвинулся на север и в конце августа 1915 года подошел к острову Уединения. Свердруп и представитель Гидрографического управления И. И. Тржемесский были первыми людьми, высадившимися на этот остров и обследовавшими его. В 1920 году Свердруп, командуя советским ледоколом «Святогор» (позднее «Красин»), привел его в Карское море из Англии (куда угнали ледокол интервенты в 1919 г.) и принял участие в выводе из тяжелых льдов дрейфовавшего в Карском море советского ледокольного парохода, позднее названного «Малыгин». Свои последние плавания в Восточной Арктике Отто Свердруп описал в книге «Под русским флагом», изданной в Осло в 1928 году.

* Бывшее германское экспедиционное судно «Гаусс», специально приспособленное для плавания во льдах; после его возвращения от берегов Антарктиды оно было продано канадскому правительству, которое и переименовало его в «Арктик».

ванием опытейшего капитана, франко-канадца Жозефа Бернье. Это был «старый морской волк», хоть и не слишком обремененный годами*.

Бернье в 1904—1911 годах совершил на «Арктике» четыре похода. Важнейшим из них был второй поход в 1906—1907 годах. «Арктик» пересек Баффинов залив и проник с севера в пролив Нейви-Борд, отделяющий на западе остров Байлот от Баффиновой Земли. В августе 1906 года Бернье высадился на Байлот и формально объявил этот остров (около 11 000 кв. км) канадским владением. Оттуда «Арктик» прошел на запад, в пролив Барроу. Бернье высаживался там в четырех пунктах, последовательно присоединяя к Канаде острова Сомерсет, Гриффит, Корнуоллис и Батерст, то есть территорию приблизительно в 47 000 кв. км. Продолжая путь на запад, Бернье присоединил, таким образом, к Канаде острова Байам-Мартин (около 800 кв. км) и Мелвилл. Он произвел высадку только на юго-восточном пункте Мелвилла, но на всякий случай объявил в составленном на месте акте, что весь Мелвилл (более 41 000 кв. км), а также Эглинтон (1400 кв. км), Принс-Патрик (15 500 кв. км) и все прилегающие острова являются канадскими владениями. Иными словами, Бернье «авансом» присоединил к Канаде весь архипелаг Парри.

На обратном пути «урожай» новых канадских владений был невелик: небольшие острова Лаутер и Расселл в западной части пролива Барроу. Дальше на восток Бернье исследовал длинные и узкие заливы Адмиралтейства и Моффет, разделяющие два северных полуострова Баффиновой Земли. Затем он провел «Арктик» через узкие проливы Нейви-Борд и Эклипс в Баффинов залив и завершил, таким образом, круговой обход острова Байлот, начатый в 1904 году.

На зимовку «Арктик» вернулся в пролив Эклипс и остановился в бухте Понд-Инлет. В августе 1907 года Бернье прошел оттуда на север и высадился на юго-восточную оконечность Элсмира. Там он с обычными церемониями объявил канадскими владениями не только ту землю, на которую высадился («Северный Линкольн» — теперь Земля Свердрупа), но и все остальные земли, составляющие остров Элсмира, а также архипелаг, открытый Свердрупом, «и все прилегающие острова».

Во время третьего и четвертого походов Бернье дважды пытался пройти на «Арктике» из Баффинова залива в море Бофорта через широтные проливы, но доходил только до восточного входа в пролив Мак-Клур. Зиму 1910/11 года Бернье провел в заливе Адмиралтейства, в бухте, открытой им и наз-

* Он уже в семнадцатилетнем возрасте командовал небольшим торгово-промысловым судном.

ванной в честь его судна — *Арктик-Бей*. Разосланные Бернье весной 1911 года во все стороны санные отряды завершили обследование северных полуостровов Баффиновой Земли — Борден и Бродер. При этом западный отряд доходил до пролива Фьюри-энд-Хекла и открыл на пути, у основания Бродера, залив *Бернье*; вершина этого залива узким перешейком менее 15 км отделена от крайней юго-западной ветви залива Адмиралтейства, бухты Берленгет.

Стефансон, организация и задачи Канадской арктической экспедиции

Вильяльмур Стефансон, канадец исландского происхождения, занимался исследованием Западной Арктики. Он дебютировал в 1906—1907 годах, когда принял участие в качестве этнографа в экспедиции, работавшей на Канадском Севере. Он совершил тогда свое первое большое «путешествие к эскимосам» — в район устья реки Макензи. Помощником капитана на экспедиционной шхуне был канадец также скандинавского происхождения Сторкер Сторкерсон, который позднее поселился с семьей в устье реки Макензи и стал там заниматься охотничьим промыслом.

В 1908—1912 годах Стефансон совместно с американцем Родолфом Мартином Андерсоном обследовал северо-западное побережье Канады и северное побережье Аляски, следуя в восточном направлении от мыса Барроу до залива Коронейшен. Именно тогда у Стефансона сложилось мнение, которое он в дальнейшем горячо отстаивал: «На всем пространстве Арктики так же легко просуществовать, как и в районах, населенных эскимосами, и по Арктике можно путешествовать в любом направлении, живя за счет местных ресурсов».

Арктические экспедиции 1906—1912 годов, в которых участвовал Стефансон, финансировались научными учреждениями США и Канады. На новую экспедицию, во главе которой стал Стефансон, дало полностью средства канадское правительство, так как Стефансону удалось заинтересовать его своим проектом и оригинальным способом исследования Арктики. По проекту нужно было исследовать море Бофорта с его восточными заливами — до залива Коронейшен включительно, а на севере, в Центральной Арктике, делалась попытка проникнуть к «полюсу относительной недоступности»*.

* Стефансон так поясняет этот, предложенный впервые им термин: «Очевидно, что, пока для арктических исследований применяются сани... труднее всего будет достигнуть того пункта, до которого приходится пройти на санях наибольшее расстояние от границы зоны, доступной для судов. Если у Земли Гранта или Земли Франца-Иосифа предельная стоянка для судов

В этой, совершенно неизвестной части Ледовитого океана, к северу от моря Бофорта, могли находиться более или менее значительные острова. Канадскому правительству удалось кое-как отстоять острова Свердрупа против заявки Норвегии, опиравшейся на право первого открытия. Но если неведомые острова в море Бофорта или к северу от него будут впервые посещены экспедицией, организованной США или хотя бы смешанной канадско-американской экспедицией, то вряд ли Канада могла бы в таком случае выйти победительницей из неизбежного спора с США о том, кому должны принадлежать новооткрытые острова. Вот почему тогдашний канадский премьер-министр Роберт Борден признал проект Стефансона «настолько важным с точки зрения интересов Канады, что пожелал, чтобы все предприятие шло от имени канадского правительства и за его счет».

Научный персонал экспедиции состоял из пятнадцати человек, из них десять — британские подданные, а граждан США было приглашено лишь двое, в том числе прежний спутник Стефансона — Родолф Андерсон. Однако ему из осторожности было предоставлено руководство только южным отрядом, задачей которой было обследование материковой приморской полосы Американской Арктики: относительно нее тогда уже не было территориальных споров между США и Канадой.

Некоторые из участников этой экспедиции внесли заметный вклад в дело изучения Канадского Севера; особенно выделился Сторкерсон, включенный в экспедицию, когда она уже начала работать; Стефансон случайно встретился с ним у залива Макензи в начале зимы 1913/14 года и сразу же его пригласил.

Большинство научных работников экспедиции, и в первую очередь Родолф Андерсон, резко оспаривали основное экспедиционное правило Стефансона: «санные группы исследователей как на суше, так и на море должны существовать исключительно охотой». Сторкерсон, напротив, безоговорочно принял этот «исследовательский метод» Стефансона.

Первый ледовый поход через море Бофорта (1914 г.)

Больше всего сомнений вызывало положение Стефансона, что исследовательский отряд может просуществовать охотой не только на суше, но и на море, передвигаясь на север во льдах

отстоит от Северного полюса на 450 миль, у мыса Челюскин — примерно на 800 миль, а возле мыса Барроу — более чем на 1100 миль, то очевидно, что наиболее трудно достижимый пункт Арктики, который мы можем назвать «полюсом относительной недоступности», отнюдь не совпадает с Северным полюсом, а отстоит от него почти на 400 миль в сторону Аляски» («Гостеприимная Арктика», стр. 19).

или дрейфуя на льдине. Чтобы доказать этот тезис, Стефансон набрал небольшой отряд добровольцев, среди них был кинооператор австралиец Губерт Уилкинс*. Ледовый путь отряда начался 22 марта 1914 года от мыса Мартин (северо-восточный берег Аляски, 70° 10' с. ш.). Но через две недели, когда отряд продвинулся на север только на три минуты широты, со Стефансоном остались только двое — Сторкерсон и Уле Андреасен, моряк норвежец с судна, зимовавшего в море Бофорта. В распоряжении тройки было шесть сильных собак и сани с 560 кг груза, в том числе два больших водонепроницаемых брезента — чтобы превращать сани в лодку. В первое время из-за «некстати теплой погоды», затрудняющей движение по льдам, путешественники раскидывали на отдых палатку; когда же снова ударили морозы, три товарища строили эскимосские иглу.

В конце апреля у 75-й параллели поднялся восточный ветер, который мог отнести путешественников далеко на запад, они повернули прямо на восток, к острову Банкс. Землю они увидели издали ровно через три месяца после начала ледового похода, а еще через три дня, 25 июня, вышли на сушу — на островок у западного побережья Банкса.

По условию, в начале лета 1914 года к западному берегу Банкса должно было подойти одно из вспомогательных судов экспедиции. Все лето Стефансон и его товарищи провели в ожидании судна, кормясь охотой, главным образом на карибу**; ранее же на льдах они, когда нуждались в свежей пище, охотились на тюленей и белых медведей. Вспомогательное судно под начальством Уилкинса пришло только в сентябре — по вине Андерсона, который в отсутствие Стефансона исполнял обязанности начальника экспедиции и думал, как и все другие, что «были все основания считать его погибшим».

О встрече с тройкой Уилкинс писал: «Оставляя Аляску, они имели запас пищи на один месяц; с тех пор прошло почти полгода, а они представляли собою олицетворение здоровья и силы... они прошли больше одной тысячи миль, питаюсь за счет местных ресурсов, и ни разу не оставались без обеда. Весь план экспедиции они выполнили до мельчайших деталей...»

А Стефансон от себя иронически добавляет: «Вот каков был конец экспедиции, которая месяцами осуждалась и оплакивалась эскимосами, китобоями и участниками нашей экспедиции, говорившими, что «один безумец и двое обманутых им

* Впоследствии Уилкинс прославился участием в исследовательских полетах в Арктике и Антарктике и первой (неудачной) попыткой достижения Северного полюса на подводной лодке.

** Американская разновидность северного оленя.

людей пошли по морскому льду на север с целью самоубийства».

На судне прибыла жена Сторкерсона с детьми и норвежец Карл Томсен, также с семьей. Возвращаться на материк было уже поздно, и все остались на зимовку на Банксе, у мыса Келлетт.

Поход 1915 года и открытие новой суши к северу от острова Принс-Патрик

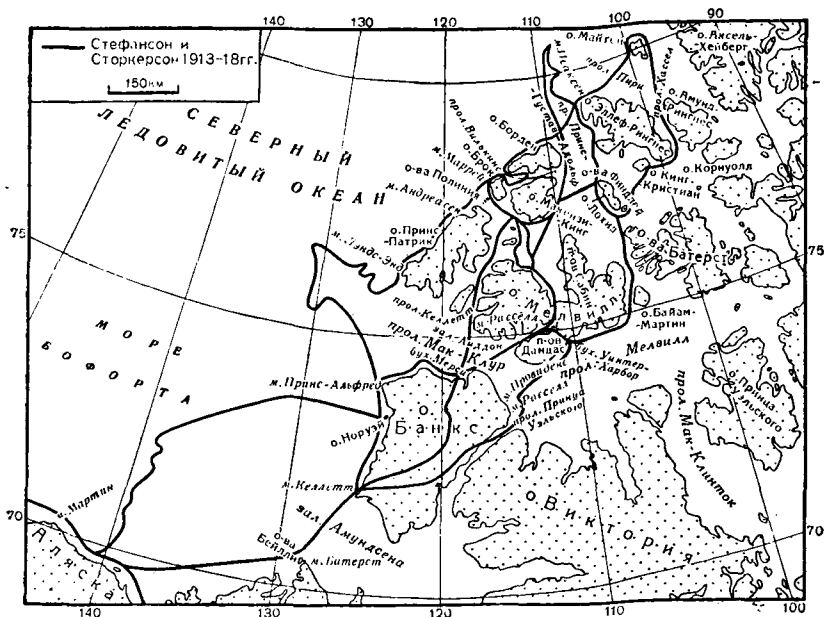
В феврале 1915 года Стефансон с большой группой спутников начал поход на север вдоль западного берега Банкса. Но состояние льда было таково, что к северо-западной оконечности острова он добрался только в апреле. Для дальнейшего путешествия он отобрал Сторкерсона, Андреасена и Томсена. Все четверо перешли на Принс-Патрик и завершили обследование острова, положив на карту ранее неизвестный небольшой северный участок его побережья.

В середине июня группа Стефансона двинулась дальше, прямо на север. 18 июня Сторкерсон заметил на востоке новую землю, на которую путешественники и вступили на следующий день. Погода была туманная, и им не удалось ни осмотреть местность, ни точно определить ее географические координаты. Они поставили там гурий и положили под него документ об открытии, подписанный всей четверкой. Стефансон боялся наступления летнего тепла, которое могло затруднить возвращение на Банкс или сделать его невозможным до поздней осени. Поэтому четверка путешественников повернула на юго-восток, стараясь не терять из виду берега новой земли. «... Кое-где встречались трава, лишайники и мхи. На мягком грунте виднелось много оленьих следов, оставшихся с прошлого лета... Ходьба по липкой грязи и журчание ручейков, свидетельствовавшие о приближении теплого времени года, убедили меня в том, что нам пора поспешить на юг... Вечером 22 июня мы выступили в обратный путь с ее южной оконечности».

Стефансон назвал всю эту землю «Борден». Но он не заметил там проливов и не знал, что новооткрытая земля состоит из трех островов*.

От «Бордена» группа Стефансона прошла на юг вдоль западного берега острова Мелвилл и к середине июля достигла северного берега Банкса. Помня о том, как тяжело было идти

* Только через четверть века было доказано, что основной массив «Бордена» распадается на два острова, разделенных проливом Уилкинс: северный, за которым сохранилось название *Борден* (3500 кв. км), и южный (теперь *Макензи-Кинг*, 4900 кв. км), а к западу от них лежит *Брок* (1000 кв. км), и именно на нем был поставлен гурий.

Пути Стефансона и Сторкерсона в 1913—1918 гг.

даже весной по береговому льду, Стефансон выбрал теперь другой путь к мысу Келлетт, впервые пересек Банкс, пройдя через его центральную часть.

В августе к мысу Келлетт пришло второе судно, посланное Андерсоном на поиски «пропавшего без вести» первого судна. В сентябре Стефансон, взяв с собой Сторкерсона, обогнул на новом судне остров Банкса с юга и вошел в пролив Принца Уэльского, направляясь к острову Мелвилл. Однако за параллелью 72° с. ш., когда судно не достигло еще центральной части пролива, оно вынуждено было подойти из-за тяжелых льдов и западного ветра к берегу Викториа и стать там на зимовку, третью для этой экспедиции.

С наступлением зимы Сторкерсон прошел на санях к северному выходу из пролива Принца Уэльского и устроил склад припасов для позднейших топографических съемок на оконечности полуострова Принс-Альберт.

Исследование новой суши в 1916 году и дальнейшие открытия

В начале 1916 года Сторкерсон от северного берега Банкса прошел к вершине залива Лиддон и перебрался через низменный, сравнительно узкий (менее 30 км) «перешеек» остро-

ва Мелвилл к заливу Хекла-энд-Грайпер. В пути он удачно охотился, главным образом на мускусных быков, и устроил ряд складов свежего мяса для основного отряда Стефансона. От Мелвилла Сторкерсон по морским льдам дошел до южной оконечности «Бордена», а оттуда уже разведанным в прошлом году путем достиг мыса Марри (на острове Брок), где и остановился в ожидании Стефансона.

В апреле 1916 года Стефансон сам выступил с отрядом в поход для исследования «Бордена» и в начале мая прибыл к мысу Марри.

Шел отряд буквально по следам Сторкерсона, очень быстро, так как отдыхал в иглу, поставленных Сторкерсоном, и не тратил времени на охоту, питаясь мясом, заготовленным на складах.

Отослав Сторкерсона с частью людей на юг, Стефансон с несколькими спутниками обошел с севера «Борден» и двинулся дальше в северо-восточном направлении. Он пересек пролив *Принс-Густав-Адольф* и добрался в конце мая до полуострова Исаксен, откуда отправил на юг еще несколько человек. Сам же Стефансон с тремя спутниками продолжал движение на северо-восток. В середине июня, за проливом Пири у 80° с. ш., он открыл и обошел кругом небольшой остров *Мейген* (800 кв. км).

«Это вторая открытая нами земля,—пишет Стефансон,—которую я позднее назвал островом Мейген, больше похожа на бесплодную пустыню, чем какая бы то ни было из виденных мною арктических земель».

Повернув отсюда на юг, Стефансон достиг входа в пролив Хассел и прошел им вдоль западного берега Амунд-Рингнеса. Он удостоверился, что этот пролив гораздо шире, чем показано на карте Исаксена.

В середине июля Стефансон переправился через пролив на юго-восточный выступ Эллеф-Рингнеса. К юго-западу от него, за Датским проливом, как указывалось, Гуннар Исаксен видел «Землю Кинг-Кристиан». Исаксен решил, что она далее сливается с «Землей Финдлея», открытой в 1853 году Шерардом Осборном, и дал ей на карте очень внушительные очертания. Когда же Стефансон перешел на Кинг-Кристиан и обогнул его, то оказалось, что это небольшой остров*, отделенный от «Земли Финдлея» широким водным пространством — проливом *Маклин*. А при дальнейшем исследовании оказалось, что и «Земля Финдлея» была не единой сушей, а группой небольших островов: крупнейший из них *Лохид* (1100 кв. км) был целиком открыт и обследован отрядом Сте-

* Площадь острова Кинг-Кристиан по современным исчислениям 1200 кв. км.

фансона. За всем же маленьким архипелагом на карте сохранилось название *островов Финдлей*.

«Открытая нами суша, — пишет Стефансон, — третья по счету (впоследствии я назвал ее островом Лохид), оказалась во многих отношениях превосходным летним местопребыванием. Здесь не было ни одного комара. Местность холмистая, с обильной растительностью... Единственное затруднение возникало с топливом. Здесь не было ни одного смолистого растения, а также не удалось найти иву... Как предшествующие недели хождения вброд по ледяной воде, так и летнее пребывание на острове Лохид при крайней скудости топлива имели больше сходства с традиционными «лишениями», чем какой бы то ни было другой период моего пребывания в Арктике».

Закончив исследование Лохида, Стефансон вернулся на «Борден», а оттуда прошел на Мелвилл. Там люди Стефансона и Сторкерсона соединились и провели четвертую по счету зимовку (1916/17 г.). Топлива было более чем достаточно, так как на Мелвилле в районе зимовки они открыли залежи бурого угля и горючих сланцев.

Летом 1917 года Стефансон вернулся на основную базу экспедиции на острове Банкс, к мысу Келлетт, где узнал о гибели капитана вспомогательного судна Питера Барнарда и Карла Томсена, которые зимой пытались доставить ему почту. Одна из поисковых групп летом нашла на северном берегу Банкса двое саней и привязанную к поручням записку: «22 декабря 1916 г. У нас больше нет пищи. Восемь наших собак погибли, остальные близки к гибели. Почту продолжаем везти с собою». Через два дня в сугробе нашли труп Томсена «в позе спокойно уснувшего человека»... Труп Барнарда, несмотря на долгие поиски, не был найден.

Сторкерсон у северо-восточного побережья острова Виктория (1917 г.) и его ледовый дрейф в море Бофорта (1918 г.)

Между тем Сторкерсон летом 1917 года исследовал северо-восточное побережье Виктории. Ему опять не удалось закончить работу*.

Напомним, что северный берег Виктории был до похода Сторкерсона известен в общих чертах только в своей меньшей, западной, части — от пролива Принца Уэльского до залива Уинниат («Гленелг»), то есть приблизительно от 116 до

* Своевольный капитан вспомогательного судна, оставшийся после гибели Барнарда начальником базы во время отсутствия Стефансона, категорически потребовал, чтобы Сторкерсон и его спутники вернулись на базу к 1 августа, «... угрожая в противном случае отплыть и бросить их на произвол судьбы. Это заставило партию Сторкерсона работать в условиях крайней спешки и не позволило довести обследование до конца».

110° з. д., но, как оказалось позднее, он наносился на карту совершенно неверно.

Все остальное северное побережье Виктории, обращенное к проливам Мелвилл и Мак-Клинток, обозначалось на картах начала XX века условной линией, идущей от 110° з. д. на юго-восток примерно до 104° з. д. — до основания открытого в середине XIX века полуострова Коллинсон. Сразу же после похода Сторкерсона на карте северной части Виктории появился мыс Барнард (73°05' с. ш., 112°30' з. д.), названный в честь погибшего капитана; длинный и узкий, простирающийся вдоль меридиана 108° з. д. залив Хадли, названный в честь другого моряка, участника Канадской экспедиции, Джека Хадли, а за ним — большой полуостров, кончающийся мысом Сторкерсон (73°10' с. ш., 106°30' з. д.). Вынужденная спешка привела к тому, что Сторкерсон не заметил значительного низкого и ровного острова Стефансона, прилегающего на северо-востоке к Виктории. Открыт он был много лет спустя после Канадской экспедиции.

По этому поводу канадец Эндрю Тейлор, автор диссертации «Географическое открытие и исследование островов Королевы Елизаветы»* (Оттава, 1955) меланхолически замечает: «Имя Стефансона увековечено, но не в названии тех островов, которые он открыл (некоторые из них никем позднее не посещались), а в названии острова Стефансон, у северо-восточного выступа Виктории — отделившегося конца массивного полуострова, которого он и в глаза не видел».

Осенью 1917 года судно, на котором возвращались на родину Стефансон и часть его сотрудников, не успело пройти через Берингов пролив в Тихий океан и остановилось на зимовку у северо-восточного берега Аляски. Тогда Стефансон решил начать с наступлением светлого времени гидрологическое и метеорологическое исследование моря Бофорта на дрейфующей льдине.

«Мы убедились, — пишет он, — что... на любом ледяном поле можно построить удобное и гигиеническое жилище из снега, а пищу и топливо можно добыть, охотясь на тюленей и белых медведей. Дрейф без корабля... представлял определенные преимущества... По сравнению с дрейфующим судном дрейфующая санная партия обладает... свободой передвижения... Эта партия может покинуть зону пака и выйти на берег всюду, где только пожелает».

* Так в 1954 году официально названа часть Канадского архипелага, расположенная к северу от четырех широтных проливов — Ланкастер, Барроу, Мелвилл и Мак-Кларк; в эту часть входят острова Элсмира, Девон и Корнуоллис, архипелаги Парри и Свердруп и на северо-западной окраине острова, открытые экспедицией Стефансона.

Но зимой Стефансон тяжело заболел, и возглавить первую в мире исследовательскую станцию на дрейфующей льдине он поручил Сторкерсону. 15 марта 1918 года Сторкерсон вышел с места зимовки на север, собираясь пробыть на льду год. С ним отправилось еще четыре человека, не считая вспомогательной партии, которую он отослал обратно через месяц. Станцию он устроил в нескольких сотнях километров от берега Аляски, на огромной льдине площадью, по его предположению, гораздо более 400 кв. км. «По отношению к меньшим окружающим льдинам она вела себя как земля». Между ней и малыми льдинами почти всегда была открытая вода, и работники станции охотились на тюленей, добывая таким образом и пищу для себя и шестнадцати собак, и топливо.

Дрейфовала льдина в основном в западном направлении, между $72^{\circ}30'$ и 74° с. ш., и за то время, пока на ней находились люди, прошла около 740 км. Осенью у Сторкерсона начались припадки астмы и, «...опасаясь, что его спутники не смогут обходиться без его помощи», он решил вернуться на материк. 8 ноября 1918 года все пятеро пришли к устью реки Колвилл — приблизительно на 7° западнее того пункта, откуда вышли. На льду они пробыли 238 дней.

«Мы подтвердили, — писал в своем отчете Сторкерсон, — то, что доказала вся экспедиция Стефансона, а именно, что Полярное море является гораздо более гостеприимным, чем принято думать. Моя партия... смогла прожить на льду безопасно и с достаточным комфортом в течение 8 месяцев, причем мы ни разу не оставались без еды...»

По обширности исследованного им пространства Вильяльмур Стефансон превзошел всех без исключения своих предшественников в Американской Арктике. Пространственный размах его экспедиционной деятельности в значительной мере объясняется тем, что он и сам жил как эскимос и заставлял так жить своих сотоварищей по санным походам*. Но вряд ли Канадская экспедиция 1913—1918 годов имела бы такие географические достижения, если бы в самые трудные моменты и на самых тяжелых участках работы не выступал Сторкерсон, которого сам Стефансон характеризовал как «лучшего из всех известных ему ледовых путешественников».

* Стефансон выделяется среди полярных путешественников как один из самых плодотворных писателей. Наиболее известна его книга «Гостеприимная Арктика» (1-е издание 1921 г.) — красочный рассказ об его экспедиции 1913—1918 годов. Позднее он выпускал книгу за книгой с завлекательными названиями: «Страна будущего» (1923), «Охотник высокого Севера» (1924), «Тайна эскимосов» (1925), «Новая страна на Севере» (1928), «Нерешенные загадки Арктики» (1939) и т. д. Он составил также точное описание Гренландии (1943) и «Руководство по Арктике» (1945).

ИССЛЕДОВАНИЕ ГРЕНЛАНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА И В XX ВЕКЕ

Исследование западной и южной Гренландии

Датчанин Хинрик Йохан Ринк совершил в 1845—1847 годах кругосветное путешествие, а в 1848 году впервые побывал в Гренландии. Страна так заинтересовала его, что он с того времени занимался только ее изучением. Он провел в Гренландии в общей сложности шестнадцать лет, главным образом в должности датского губернатора гренландских колоний, и сверх того еще шесть раз плавал туда в летнее время*. В своих работах Ринк проявил себя как выдающийся географ, геолог и этнограф.

Ринк завершил в общих чертах исследование западного и южного побережий Гренландии. В дальнейшем, начиная с 1878 года, когда приступила к работе датская правительственная Комиссия для ведения геологических и географических исследований в Гренландии, велось детальное изучение ее западного и южного побережий. До 1921 года, когда праздновался двухсотлетний юбилей вторичной колонизации Гренландии, Комиссия организовала более пятидесяти комплексных и специальных исследовательских экспедиций, действовавших на западе и юге страны.

В 1906 году на острове Диско была основана постоянная биологическая станция. В 1909 году на северо-западном берегу Гренландии, у Вулстенхолм-фьорда, по инициативе Расмуссена был основан поселок Туле ($76^{\circ}35'$ с. ш.). Это был самый северный населенный пункт в западном полушарии — крайний предел обитаемого (европейцами и их потомками) мира. Позднее он стал окружным центром, а к северу от него, у пролива Смит, возник другой постоянный поселок — Эта ($78^{\circ}20'$ с. ш.). Но теперь и в западном полушарии есть более близкие к полюсу поселки — например, на северо-восточном берегу острова Элсмира.

Первое пересечение внутреннего ледника

В 1870 году швед Адольф Эрик Норденшельд пытался со стороны западного побережья Гренландии проникнуть на внутренний материковый ледник, но, пройдя за неделю только около 50 км, вынужден был повернуть обратно. В

* Важнейшие из его научных работ: «Географическое и статистическое описание Гренландии» (2 тома, Копенгаген, 1852—1857) и «Датская Гренландия, ее народ и ее продукты» (Лондон, 1877).

1883 году Норденшельд, тогда уже всемирно известный исследователь Арктики, совершивший на «Веге» историческое плавание Северо-восточным проходом, впервые проник сравнительно далеко в глубь Гренландии — на 117 км, а два его спутника лопаря еще дальше — приблизительно на 185 км от западного берега. Норденшельд надеялся, что за ледником внутри Гренландии могут находиться большие площади тундры, но ни он, ни его спутники нигде не видели даже клочка земли, не покрытой льдом.

Летом 1886 года молодые норвежцы Фритьоф Нансен и Отто Свердруп с четырьмя спутниками впервые пересекли Гренландию — правда, в ее южной, более узкой части, приблизительно вдоль 64-й параллели, проделав за сорок дней 560 км. Шли они по плану Нансена, с востока на запад, с тем чтобы выйти к одному из западных населенных пунктов, а не к безлюдному восточному берегу. Пересеченная ими внутренняя часть Гренландии представляла собой сплошной ледяной щит, поднимающийся до 2720 м над уровнем моря, — так называемый *Южный купол Гренландии*.

Исследование восточной Гренландии до начала XX века

К началу семидесятых годов XIX века большие участки восточного и северного побережий Гренландии еще ни разу не посещались европейцами. Что же касается внутренней Гренландии, то она до последней четверти XIX века была сплошным «белым пятном».

В 1869—1870 годах на восточном побережье Гренландии во время вынужденной зимовки у острова Сабин (74°35' с. ш.) работала германская полярная экспедиция под начальством Карла Кольдевея. Базой ее была паровая яхта «Германия» (80 тонн). Наиболее активным участником этой экспедиции был австрийский альпинист, военный топограф Юлиус Пайер, через несколько лет прославившийся открытием Земли Франца-Иосифа. В середине сентября 1869 года, во время недельного похода на северо-запад от острова Сабин, Кольдевей и Пайер открыли остров *Кун* (74°50' с. ш.). Перейдя узкий пролив — южную ветвь *фьорда Арденкейпл*, Пайер поднялся на гористый выступ той части гренландского «материка», которая теперь называется *Землей Пайера*.

В марте—апреле 1870 года Кольдевей и Пайер совершили в северном направлении пятидневный санный поход, причем достигли 76°40' с. ш. — *мыс Бисмарк*. По дороге был открыт длинный и узкий остров *Большой Кольдевей*, отделяющий усеянный островами большой залив *Дов* от Гренландского моря. Все обследованное ими побережье путешественники назвали

Землей Короля Вильгельма, но теперь это название сохранилось только за сравнительно небольшим участком побережья, между 75° и 76° с. ш. В конце июля, получив свободу движения, «Германия» после неудачной попытки продвинуться к северу повернула на юг. 8 августа на 73°25' с. ш. был открыт глубоко вдающийся в сушу *фьорд Франц-Иосиф*.

В 1883—1885 годах у восточного побережья Гренландии работала датская экспедиция под начальством морского офицера — капитана Густава Хольма*. По примеру Вильгельма Гро экспедиция была проведена на эскимосских умиаках (женских лодках). Обогнув южную Гренландию, Хольм исследовал восточное побережье до 66°30' с. ш. — *мыс Густав-Хольм* и уточнил карту этого участка. Он ознакомился в районе острова Ангмагсалик с местными эскимосами и дал их описание, ставшее классическим. Хольм окончательно установил, что, за исключением крайнего юго-востока, нигде на этом побережье нет развалин норманских жилищ.

В 1891—1892 годах гидрографическая экспедиция Рюдера, работавшая летом и зимой, завершила исследование залива Скорсби со всеми его разветвлениями.

В 1898 году к восточному побережью Гренландии была отправлена на поиски без вести пропавшего арктического воздухоплавателя Соломона Андре — шведская экспедиция под начальством А. Г. Натхорста. Никаких следов Андре эта экспедиция не нашла. Но во время поисков было завершено исследование *фьорда Франц-Иосиф* и открыт к западу от него полуостров — *Земля Андре*, а к югу — сообщающийся с ним разветвленный *фьорд Короля Оскара* (Конг-Оскарс). Между ветвями этого фьорда открыты были еще два полуострова — *Земля Зюсса* и *Земля Натхорста*. Было, наконец, доказано, что фьорд Конг-Оскарс отделяет от гренландского «материка» три больших острова (два из них ранее считались полуостровами). Иными словами, шведская экспедиция Натхорста обнаружила, что карта восточной Гренландии, составленная германской полярной экспедицией 1869—1870 годов, очень мало соответствовала действительности.

В 1898—1890 годах датская экспедиция под начальством Амдрупа уточнила карту большого участка восточного побережья между северным полярным кругом и 72-й параллелью, за исключением залива Скорсби.

Таким образом, к началу XX века было завершено открытие большей части восточной Гренландии и составлена ее сравнительно точная карта от мыса Фарвель до мыса Бисмарк. Но к северу от мыса Бисмарк береговая линия Гренландии нано-

* Ранее, в 1876 и 1880—1881 годах, он производил съемку южного берега до мыса Фарвель.

силась на карту пунктиром, по сомнительным материалам более чем столетней давности — семидесятих годов XVIII века.

Этот дефект был частично устранен летом 1905 года арктической экспедицией герцога Филиппа Орлеанского на пароходе «Бельжика». Воспользовавшись очень благоприятными ледовыми условиями, «Бельжика» подошла вплотную к мысу Бисмарк и следовала затем до $78^{\circ}17'$ с. ш. по каналу между неведомым материковым берегом и ледяными полями. По пути был открыт низменный остров *Иль-де-Франс*, а еще далее — группа небольших *Французских островов*. Полоса внутреннего материкового ледника, который в этом районе спускается прямо к морю, была названа *Землей Герцога Орлеанского*.

В 1906—1908 годах к северу от 76-й параллели работала датская экспедиция, базой которой был пароход «Дания», зимовавший у залива Дов.

Во время нескольких санных походов участники экспедиции обнаружили к северу от Дова другой, меньший, залив — *Шерфьорд*; гористый полуостров между ними получил имя «*Земля Германия*» в честь судна экспедиции Кольдевея. К северу, за Французскими островами, открыты были острова *Норвежские* и *Ховгор* (у 80° с. ш.).

В 1910 году в районе залива Дов работала датская экспедиция на пароходе «Алабама». Один из ее участников, Эйнар Миккельсон, поднялся от залива Дов на внутренний ледник Гренландии и направился затем прямо на север. Пройденный им между 76 и 80° участок восточной Гренландии назван был в честь царствовавшей тогда в Дании королевской четы: горный район к западу от залива Дов — *Землей Королевы Луизы*, полоса ледника, протягивающаяся к северу до 80-й параллели, — *Землей Короля Фредерика VIII*.

Роберт Пири в северной Гренландии

После плавания А. Э. Норденшельда на «Веге» с одной зимовкой организация Северного морского пути из Атлантического в Тихий океан вокруг Азии казалась на Западе невыгодным делом; Северо-западный же проход считался совершенно недоступным для морских судов даже самых малых размеров. Поэтому в последнюю четверть XIX века возродилась идея организации прямого морского пути через Северный полюс. В связи с этим глубокая разведка Центральной Арктики, тогда совершенно неизвестной, и достижение Северного полюса на санях превратились в первоочередные географические задачи.

Среди разведчиков Центральной Арктики своим поразительным упорством выделился американец Роберт Пири,

по специальности инженер. Для него достижение Северного полюса представляло главным образом спортивный интерес — поставить «мировой рекорд». Однако следует подчеркнуть, что он не только проявил исключительную волю к спортивной победе и целеустремленность, но и сделал значительный вклад в географию Западной Арктики, особенно северной Гренландии. Конечно, Пири рассматривал ее в первую очередь как обширное и притом самое близкое к полюсу поле для тренировки; но он заботливо исследовал ее, надеясь отыскать на неизвестном побережье наиболее удобный отправной пункт для штурма Северного полюса. В 1892 году он пересек северную Гренландию от *Земли Прудхо* (у залива Инглфилд на 78° с. ш.) в северо-восточном направлении и открыл большую *Землю Пири*, отделенную от основного массива Гренландии длинным *Индепенденс-фьордом*. Пири принял фьорд за пролив и новооткрытую землю за остров. Он вернулся к западному берегу приблизительно тем же путем, проделав в оба конца около 2400 км. В 1895 году он повторно пересек Гренландию по тому же маршруту.

В 1898/99 году Пири зимовал у пролива Смит и во время короткого санного похода сильно пострадал от обмороживания*. Тем не менее весной 1900 года он исследовал побережье *Земли Пири* и открыл ее северную оконечность и в то же время самую северную точку земной суши — $83^{\circ}40'$ с. ш. Пири назвал ее *мысом Моррис-Джесуп*.

От новооткрытого мыса Пири начал санный путь к полюсу, но, пройдя около 12 км, до $83^{\circ}50'$ с. ш., встретил большие пространства торосов и огромные полыньи и отступил. Он прошел вдоль *Земли Пири* до поворота берега на юго-восток, а затем направился на запад к своей базе.

На юге он видел цепь высот, протягивающуюся в широтном направлении (вершина 1400 м), — самые северные горы на Земле. Они несколько позднее названы *горами Рузвельта* — в честь Теодора Рузвельта (президента США в 1901—1909 гг.).

Несмотря на крупные географические достижения, Пири считал экспедицию 1899—1900 годов неудачной, так как очень мало продвинулся по направлению к Северному полюсу. Пири решил, что отправным пунктом для похода к полюсу должен быть не *Моррис-Джесуп*, а мыс Колумбия на острове Элсмира, более близкий к самому северному европейскому поселку, где он устроил свою базу (*Форт-Конгер* у южного входа в пролив Робсон). После ряда попыток Пири выступил 1 марта 1909 года с мыса Колумбия ($83^{\circ}07'$ с. ш., $70^{\circ}10'$ з. д.) и 6 апреля 1909 года достиг Северного полюса.

* Ему ампутировали семь пальцев на ногах.

Мюлиус-Эриксен и завершение открытия северной Гренландии

В 1902—1904 годах Лудвиг Мюлиус-Эриксен руководил в западной Гренландии датской Литературной экспедицией, изучавшей эскимосский фольклор. Первую зиму он с двумя сотрудниками провел на берегу залива Диско, затем перебрался в Упернивик, бывший тогда самым северным датским поселком в Гренландии, а весной 1903 года оттуда отправился на санях через Баффинов залив к проливу Смит, но не добрался до него.

В конце лета того же года шотландские китобои встретили среди эскимосов острова Саундерс (у входа в Вулстенхолм-фьорд) датчан, просивших помощи. Китобои выделили им часть своих припасов, отпустили лес для постройки лодки, но отказались дать готовую лодку или хотя бы доставить их на ближайшую датскую станцию и даже взять от них письма. Перезимовав на острове, три товарища весной 1904 года благополучно вернулись на санях в Упернивик. Посетив летом еще несколько эскимосских поселков для сбора этнографического материала, они осенью оставили Гренландию.

В 1906 году Мюлиус-Эриксен прибыл в восточную Гренландию как научный руководитель экспедиции на пароходе «Дания»*.

В марте 1907 года Мюлиус-Эриксен, военный топограф Хег Хаген и эскимос Йорген Бренлунд отправились на север от залива Дов, где стояла «Дания», для исследования еще неизвестного участка гренландского побережья между Землей Герцога Орлеанского и Землей Пири.

Из отчетов Пири картографы того времени вывели заключение, что за фьордом Индепендеис берег северной Гренландии идет почти прямо в юго-восточном направлении, вдоль (несущейся) «Земли Академии» до 80° с. ш., а затем круто поворачивает на юг. Однако Мюлиус-Эриксен вскоре убедился, что карта северной Гренландии гораздо сложнее, чем представлял себе Пири. За 80° -й параллелью гренландский берег поворачивал не на северо-запад, а на северо-восток и шел в этом основном направлении до $81^{\circ}20'$ с. ш., $11^{\circ}50'$ з. д. (мыс Северо-восточный). На этом участке в сушу глубоко врезывался узкий Ингольф-фьорд ($80^{\circ}35'$ с. ш.), отделяющий на юге от «материка» небольшой полуостров — Землю Хольма.

Только за Северо-восточным мысом берег поворачивал на северо-запад, но затем, описав плавную кривую, привел путешественников к широкому заливу. У входа в него открылись

* Об исследовании восточной Гренландии участниками этой экспедиции говорилось выше.

в юго-западном направлении, предполагая сначала, что попали в ветвь Индепенденс-фьорда. Убедившись в своей ошибке, они перешли на западный берег Датского фьорда, где в конце мая 1907 года их случайно встретила группа людей с «Дании», возвращавшаяся на судно из похода к Земле Пири. Так был открыт большой северо-восточный выступ Гренландии — *Земля Кронпринца Христиана*, расположенная между фьордами Датским и Ингольф и представляющая собою большой полуостров.

Никто из группы Мюлиуса-Эриксона не вернулся на «Данию». Когда закончилась полярная ночь, в марте 1908 года, с парохода был послан на северо-запад спасательный отряд. Найден был труп одного только Бренлунда* и записная книжка.

В 1910 году Эйнар Миккельсон нашел в районе Датского фьорда некоторые материалы, собранные погибшими, в том числе наброски карт, составленные Хагеном. Оказалось, что все трое в 1907 году прошли вдоль берега до устья Индепенденса, открыв по пути еще один фьорд — *Хаген* — и еще один полуостров — *Землю Мюлиуса-Эриксона* (между фьордами Датским и Индепенденс). Они вернулись к Датскому фьорду в середине июня, но не могли перейти его, так как лед уже вскрылся. Осенью они двинулись дальше вдоль берега к заливу Дов и все умерли с голоду, как видно из последней записи в найденных документах, в ноябре 1907 года.

Участники экспедиции на «Дании» сделали съемку северо-восточного побережья Гренландии с его полуостровами и фьордами, в общей сложности длиной более 1100 км. После этой работы общие очертания Гренландии были установлены в том виде, в каком она изображается на картах нашего времени. В результате позднейших работ до середины XX века было внесено, конечно, много дополнений и уточнений, но все они, за исключением сравнительно короткого северо-западного участка (между 40 и 50° з. д.), касались только деталей, не менявших основного контура величайшего острова на Земле.

Тулеские экспедиции Гасмуссена и исследование внутренней Гренландии в десятих-двадцатых годах

В отличие от побережий, почти вся внутренняя Гренландия к началу XX века была «неведомой землей»: Нансен и Свердруп пересекли ее в 1886 году в южной части, которая могла очень отличаться от центральной, Пири проходил в девяностых годах только вдоль ее северной окраины.

* В его честь западная ветвь Индепенденса, открытая позднейшими исследователями к югу от Земли Пири, названа Бренлунд-фьордом.

К 1910 году в первые ряды исследователей Американской Арктики начал выдвигаться Кнуд Якоб Расмуссен, сын датчанина и гренландской эскимоски.

Расмуссен рос среди эскимосов и с детства выучился их языку; Арктику он оставлял лишь на короткое время. В 1902—1904 годах он участвовал в Литературной экспедиции и по личным впечатлениям написал свою первую книгу «Новые люди. Год у соседей Северного полюса» (1906). В 1910 году Расмуссен избрал поселок Туле базой для своих исследовательских экспедиций, которые соединял с торговыми операциями. С 1912 по 1933 год он провел семь так называемых Тулеских экспедиций, изучая северную Гренландию и Канадскую Арктику. Как и Стефансон, он почти постоянно «жил от страны» и передвигался налегке.

В 1912 году Расмуссен провел Первую Тулескую экспедицию. Он и датчанин Петер Фрейхен перешли через Северный ледяной купол от залива Ингфилд к Датскому фьорду и доказали, что Земля Пири является полуостровом, а не отдельным островом, как думал Пири. Расмуссен нашел в этом районе остатки самого северного из известных нам поселений эскимосов, и следовательно — крайнего предела человеческого поселения вообще. Через ледник оба исследователя вернулись прямо в Туле (Первая Тулеская экспедиция), совершив, таким образом, двойное пересечение Северного купола Гренландии.

В 1912 году швейцарская экспедиция, которой руководил А. Кервен, впервые пересекла внутренний ледник в его центральной части, к северу от полярного круга. Швейцарцы шли в юго-восточном направлении — от залива Диско до Ангмагсалика.

В том же, 1912 году датская экспедиция под руководством И. П. Коха, при участии немецкого геофизика Альфреда Вегенера, высадилась у залива Дов. Экспедиция перезимовала у края ледника, произведя ряд новых наблюдений по измерению мощности ледникового покрова. Летом 1913 года И. П. Кох с несколькими спутниками пересек центральную Гренландию в юго-западном направлении и вышел к Баффинову заливу у фьорда Упернивик. Весь путь Коха пролегал между параллелями 76 и 73° с. ш., то есть на сотни километров севернее, чем путь Кервена.

Во время Второй Тулеской экспедиции 1915—1918 годов Кнуд Расмуссен, датчанин Лауге Кох и швед Торильд Вульф сначала детально исследовали большие северо-западные фьорды (ранее известны были только их устьевые части) и полуострова между ними. Один из посещенных ими полуостровов был назван *Землей Вульфа*. На обратном пути — по северо-западной окраине материкового ледника — Вульф и один из эскимосов, участвовавших в этой экспедиции, погибли.

В 1921 году в Дании праздновали двухсотлетний юбилей вторичной колонизации Гренландии Хансом Эгgede. Организованная по этому случаю «Юбилейная» картографическая экспедиция под руководством Лауге Коха прошла в 1921—1923 годах от Туле вдоль северного побережья Гренландии, обогнула Землю Пири и через внутренний ледник вернулась в Туле. «Эта работа пополнила картографические данные, собранные экспедицией на пароходе «Дания», — пишет датский картограф К. Габель-Йоргенсон, работавший в Гренландии в двадцатых и тридцатых годах, — и теперь не осталось ни одного участка побережья громадного острова, который не был бы исследован датчанами».

В 1921—1924 годах Кнуд Расмуссен совершил «великий санный путь»: он прошел на нартах с собачьей упряжкой 18 000 км от Гренландии через Гудзонов пролив и Гудзонов залив и далее, вдоль северного берега Америки, к Берингову проливу для изучения истории эскимосов до появления европейцев и их кочевых путей. Этот поход часто называют Пятой Тулеской экспедицией*. Пятнадцать месяцев Расмуссен не подавал о себе вести. Это была арктическая экспедиция, в которой исследователи пользовались только эскимосской санной техникой. Позднейшие гренландские экспедиции постепенно вооружались современными техническими средствами транспорта и связи — самолетами и радио.

Новейшие исследования Гренландии

В 1929 году Альфред Вегенер возглавил германскую экспедицию для изучения центральной полосы Гренландии, расположенной за 70-й параллелью, между фьордом Уманак на западе и заливом Скорсби на востоке. В самом центре гренландского ледника, на 71°08' с. ш., 40° з. д., Вегенер организовал специальную станцию, которая работала зимой 1929/30 года. Летом Вегенер привел туда из Уманака смену. Возвращаясь осенью с прежними зимовщиками, Вегенер отстал и погиб: весной 1931 года на льду нашли его труп.

В 1930 году начала работать англо-канадская экспедиция под начальством Г. Дж. Уоткина с заданием установить трассу воздушного пути над Гренландией. На восточном побережье она работала по обе стороны от Северного полярного круга. Основной ее базой был Ангмагсалик. Один из отрядов экспе-

* Третья и Четвертая Тулеские экспедиции Расмуссена не сопровождались заметными географическими достижениями. Пятую Тулескую экспедицию Расмуссен описал в книге, которая под разными названиями переведена на многие языки, в русском переводе — «Великий санный путь», последнее издание М., 1958.

диции произвел съемку участка берега к северо-востоку от своей базы и положил начало открытию за 68-й параллелью хребта Уоткинс; вершина его Гунбьерн является высшей точкой Гренландии (3700 м).

Другой отряд обследовал краевую зону материкового ледника. На самом леднике, на $67^{\circ}30'$ с. ш., $41^{\circ}48'$ з. д., была организована зимняя метеорологическая станция, и оставленный там научный работник А. Курто провел в полном одиночестве пять месяцев. Летом 1931 года два отряда этой экспедиции пересекли материковый ледник в разных направлениях от Ангмагсалика. Джон Раймилл* во главе одного отряда прошел в западном направлении до Девисова пролива к Хольстейнборгу (67° с. ш.). Другой отряд, в котором участвовал Мартин Линдсей, прошел в юго-западном направлении до океана, к Ивигуту ($61^{\circ}12'$ с. ш.). Тем же летом Уоткинс и Курто обследовали на шлюпке почти все юго-восточное побережье — от $65^{\circ}40'$ до $60^{\circ}10'$ с. ш.

В 1932 году экспедиция вернулась в восточную Гренландию и устроила свою приморскую базу несколько севернее, на $67^{\circ}15'$ с. ш. Сам Уоткинс в августе того же года утонул во время охоты на тюленей, и начальство над экспедицией перешло к Раймиллу.

В 1931—1934 годах в Гренландии в двух районах, на востоке — в районе фьордов Франц-Иосиф и Конг-Оскарс и на северо-востоке — за 80-й параллелью работала датская, так называемая Трехлетняя экспедиция под начальством Лауге Коха. Соответственно были организованы две базы (северная — на Земле Хольма), и в каждой из них зимовало несколько научных и технических работников. В летнее же время там скопилось несколько десятков людей (максимум в 1933 г. — около 110 человек). Летом 1933 года Лауге Кох с экспедиционного судна, поднявшегося за 79-ю параллель, совершил два полета — над северо-восточными гренландскими полуостровами и вдоль побережья до фьорда Индепенденс.

Летом 1934 года Мартин Линдсей, продолжая разведку воздушной трассы, пересек Гренландию с запада на восток — от залива Диско до Земли Кнуда Расмуссена. Оттуда, не выходя к морю, Линдсей повернул на юго-запад и, следуя вдоль Земли Короля Христиана IX до Ангмагсалика, завершил открытие самого высокого приморского горного участка — от хребта Уоткинс до горы Форель (3383 м, вторая вершина Гренландии). Во время этого похода Линдсей, не устроив ни одного вспомогательного склада, проделал по льду более 1600 км.

Тогда же и также от залива Диско, но несколько в ином направлении, приблизительно по маршруту швейцарской экспе-

* Впоследствии руководитель антарктической экспедиции.

диции Кервена 1912 года, прошла французская экспедиция Поля-Эмиля Виктора.

Во время второй мировой войны исследование Гренландии производилось главным образом американцами для военных целей. После войны, в 1949—1951 годах, вторая французская экспедиция П. Э. Виктора добилась крупных географических результатов. Участники этой экспедиции три раза пересекали внутренний ледник, а одна группа зимовала в центре Гренландии.

В результате ряда измерений (пока еще очень недостаточных) средняя высота подстилающей поверхности определялась в середине нашего века в 125 м, средняя мощность внутреннего материкового ледника Гренландии — в 2100 м, а наибольшая — свыше 3000 м. Иными словами, внутренняя Гренландия представляется низменностью, покрытой толщей льда высотой от 2000 до 3000 м. Новейшие измерения показали, что в некоторых районах подстилающая поверхность находится ниже уровня моря. Так как внутренний ледник во многих местах и на разных широтах непосредственно выходит на побережье, то снова нашла сторонников старая, выдвинутая еще в первой половине XIX века гипотеза: «вся Гренландия состоит из различных островов, соединенных между собою одним ледяным покровом». Однако большинство специалистов считает, что пока не накопилось достаточно научного материала, чтобы отвергнуть противоположную гипотезу, в распространении которой наиболее «повинен» Хинрик Ринк, в частности своей работой о внутренней Гренландии (1875 г.): «Вся страна представляет собою единый массив суши, находящийся в состоянии полнейшего обледенения».

Глава 48

ПЕРВОЕ СКВОЗНОЕ ПЛАВАНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫМ ПРОХОДОМ

Плавание Амундсена на „Йоа“ с востока на запад (1903 — 1906 гг.)

Подлинное открытие Северо-западного прохода, то есть первое сквозное плавание через проливы Американского Арктического архипелага из Атлантического в Тихий океан вокруг Северной Америки, было совершено только спустя полвека после так называемого открытия Мак-Клуром Северо-западного прохода.

Норвежец Руал Амундсен в 1898—1899 годах плывал штурманом с бельгийской антарктической экспедицией к Земле Грейама и провел в море Беллинсгаузена больше года, дрейфуя во льдах на экспедиционном судне «Бельжика». Это была первая в истории зимовка в антарктических водах на высоких широтах.

Вернувшись на родину, Амундсен решил организовать самостоятельную экспедицию в Западную Арктику. Он поставил перед собой двойную задачу: «завершить открытие Северо-западного прохода и определить современное положение Северного магнитного полюса». Опыт кораблевождения во льдах у него был, а для того чтобы самостоятельно вести магнитные наблюдения, Амундсен несколько месяцев бесплатно работал в германских обсерваториях.

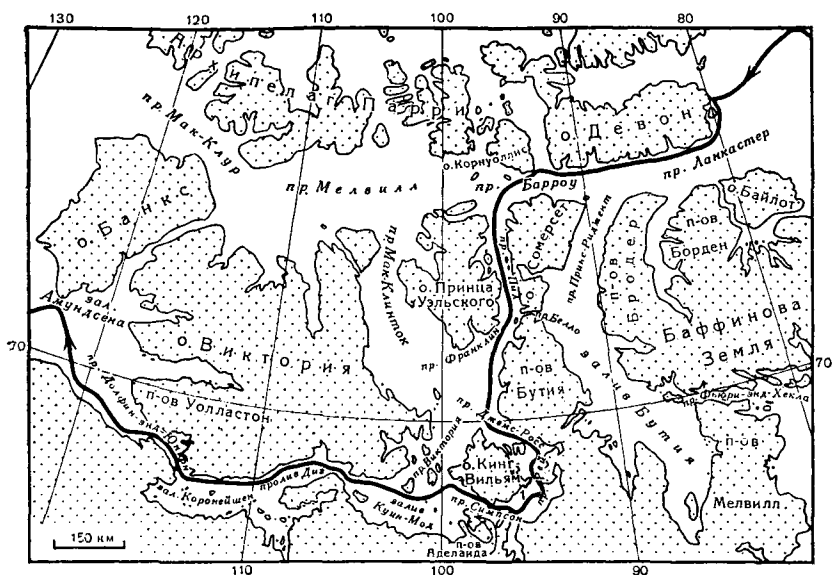
Денег у Амундсена было мало. А между тем по выработанному им плану следовало приобрести и снарядить небольшое моторное судно, способное проходить через разреженные льды в узких мелководных проливах Американского Арктического архипелага; нужно было обеспечить заработной платой на пять лет команду в шесть человек, не считая его самого, капитана; купить пятилетние запасы горючего, одежды, обуви и продовольствия на семь человек, строительные материалы, огнестрельное оружие для охоты, собак и запасы корма для них и, наконец, товары для торга с эскимосами. И Амундсен «пошел странствовать от одного лица к другому», чтобы раздобыть нужные большие средства. Он сделал несколько крупных долгосрочных займов и множество сравнительно мелких, под краткосрочные векселя. Он купил небольшое (47 тонн), старое, но еще крепкое моторное рыболовное судно «Йоа» типа крейсерской яхты (то есть предназначенное для дальних плаваний), испытал его в 1901 году, охотясь на тюленей в Гренландском море, и заново отремонтировал.

Много месяцев затем Амундсен снаряжал экспедицию. А так как оплатить краткосрочные векселя ему было нечем, то кредиторы грозили наложить арест на экспедиционное судно.

Спасаясь от кредиторов, Амундсен весной 1903 года в глухую полночь тайно вывел судно из норвежского порта и направился в Баффинов залив.

«Йоа» вошла в пролив Ланкастер 20 августа, и через два дня пролив был пройден. Потратив еще два дня на магнитные наблюдения на острове Бичи, Амундсен двинулся на юг. Ближайшей целью его было повторить путь несчастной экспедиции Франклина. «Йоа» прошла проливы Пил и Франклин и достигла северной оконечности острова Кинг-Вильям. Оттуда, учтя гибельную ошибку Франклина, Амундсен повел «Йоа» не вдоль западного, а вдоль восточного берега Кинг-Вильяма проливами Джемс-Росс и Рей. На зимовку он остановился у юго-восточной окраины Кинг-Вильяма, где выбрал небольшую, хорошо защищенную от ветров бухту, названную позднее *Йоа-Хейвен*.

Эта зимовка входила в план Амундсена и была хорошо использована для магнитных наблюдений: удалось точно опре-

Плавание Амундсена на «Йоа» от пролива Барроу к морю Бофорта в 1903—1905 гг.

делить тогдашнее положение магнитного полюса. Но бухта оказалась ледовой ловушкой, из которой «Йоа» не могла выбраться летом 1904 года. Пришлось остаться там на вторую зимовку. К счастью, благодаря удачной охоте и добрососедским отношениям с эскимосами зимовщики не испытывали недостатка в свежей пище и среди них не было больных.

Осенью 1904 года Амундсен на лодке обследовал пролив Симпсон и убедился, что «Йоа» при благоприятных ледовых условиях может свободно пройти даже в самом узком месте пролива.

В середине августа 1905 года «Йоа», наконец, выбралась из своей бухты, прошла на запад, держась по возможности ближе к матерiku, через ряд заливов и проливов и в конце августа, наконец, вышла в открытое море—в широкий залив Амундсена. Там «Йоа» встретилась с первым, после двухлетнего одиночества, кораблем—американским китобойным судном, пришедшим туда через Берингов пролив из Сан-Франциско. Собственно, Северо-западный проход, то есть проливы к северу от американского материка, был пройден, но «Йоа» находилась еще в Северном Ледовитом океане, далеко от Берингова пролива. И в эту осень норвежцам удалось добраться только до небольшого острова Хершел (к северо-западу от устья реки Макензи). Там «Йоа» остановилась на третью зимовку—в рай-

оне, где вынужденно зимовали в 1905—1906 годах более десяти американских китобойных судов.

Ближайшая телеграфная станция была в то время в центре Аляски, приблизительно в 1000 км к юго-западу от Хершела. Чтобы послать телеграмму на родину о великом навигационном достижении — первом сквозном плавании Северо-западным проходом — и доставить почту с зимующих судов, Амундсен с одним американским капитаном совершил зимой трехмесячный переход по долинам Аляски, преодолевая горные перевалы, преимущественно на лыжах, частью на нартах с собачьей упряжкой. А на обратный путь Амундсену потребовалось еще два месяца. Вскоре после его возвращения на «Йоа», в марте 1906 года, умер самый молодой участник норвежской экспедиции, младший механик Густав Вик.

В августе «Йоа» освободилась из льдов и вошла в Берингов пролив, а в октябре 1906 года бросила якорь в порту Сан-Франциско.

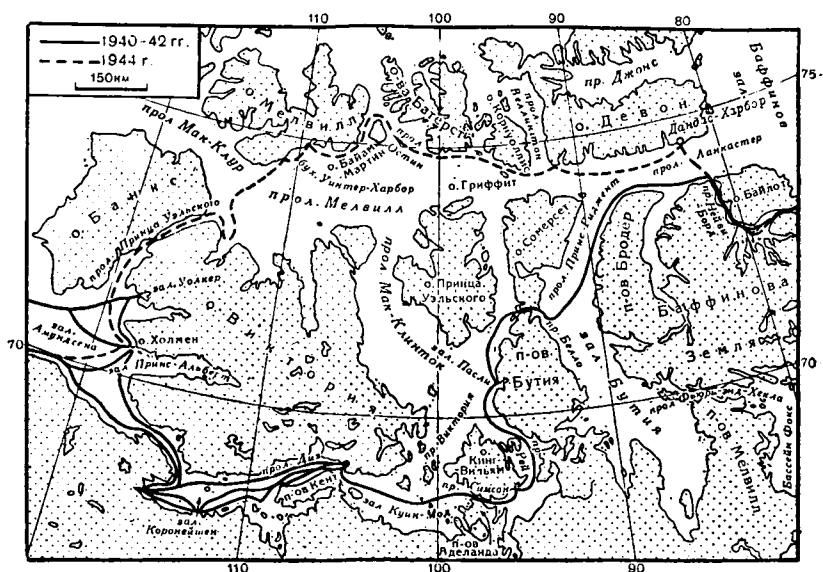
Итак, Амундсен доказал, что сквозное плавание Северо-западным проходом возможно, если следовать через проливы Ланкастер, Барроу и Пил, а далее — вдоль берегов материка, но только на очень небольшом судне и с риском одной-двух, а то и нескольких зимовок во льдах.

Плавание «Йоа» было не только навигационным подвигом; оно привело к крупным географическим результатам. Участники экспедиции открыли десятки мелких островов, уточнили карту острова Кинг-Вильям и полуострова Аделаида; вообще собрали очень ценный материал для уточнения карты юго-западной части Канадского архипелага и противоположащего берега материка. Но для торгового судоходства морской путь, пройденный Амундсеном, при тогдашних транспортных средствах был явно непригоден, в отличие от Северо-восточного прохода, которому уже тогда проницательные люди предрекали великое будущее*.

Плавание Генри Ларсена на „Сент-Роке“ с запада на восток (1940 — 1942 гг.) и в обратном направлении (1944 г.)

Канадский полицейский офицер Генри Ларсен на моторной шхуне «Сент-Рок» длиной в 30 м (80 тонн) с командой в семь человек вышел в июне 1940 года из порта Ванкувер (Британская Колумбия) и, следуя обычным путем американ-

* Книга Руала Амундсена, ставшего всемирно известным полярным путешественником, «Плавание Северо-западным проходом на судне «Йоа», вышедшая в свет в 1907 году, сразу же была переведена во многих странах и позднее многократно переиздавалась (последнее советское издание 1935 г.).

Плавания Ларсена на «Сент-Роке» в 1940—1942 гг. и в 1944 г.

ских промысловых судов, прошел через Берингов пролив и море Бофорта в залив Амундсена. На первую зимовку «Сент-Рок» остановился у юго-западного берега Виктории, в заливе Уолкер. В короткий навигационный период следующего, 1941 года Ларсен, убедившись в невозможности обогнуть с севера остров Виктория, направился на восток, вдоль берегов материка, достиг полуострова Бутия и поднялся на север вдоль его западного берега до залива Пасли, то есть повторил путь Амундсена в обратном направлении. У залива Пасли «Сент-Рок» был поставлен на вторую зимовку.

Освободившись из льдов летом 1942 года, «Сент-Рок» двинулся к проливу Ланкастер; но на этом участке Ларсен шел не путем Амундсена, а через проливы Белло и Принс-Риджент. В октябре 1942 года «Сент-Рок» вошел в порт Галифакс (Новая Шотландия).

Для середины XX века такое плавание не было большим достижением; сам Ларсен рассматривал его как тренировку и предварительную разведку Северного морского пути вокруг Америки, который во время второй мировой войны приобретал особое значение.

22 июля 1944 года Ларсен отправился на «Сент-Роке» из Галифакса в обратный путь. На этот раз он избрал другой маршрут: старый путь великой экспедиции Парри — через широтные проливы Ланкастер, Барроу и Мелвилл к бухте Уин-

тер-Харбор, куда Ларсен прибыл в конце августа. Несущественное отличие его маршрута от маршрута Парри состояло лишь в том, что ледовая обстановка за проливом Барроу вынудила Ларсена обогнуть остров Байам-Мартин с севера, в то время как Парри вел свои суда вдоль южного берега этого небольшого острова. Зато весьма существенным было то обстоятельство, что по сравнению с Парри Ларсен выиграл три недели, которые он прекрасно использовал.

Несколько дней «Сент-Рок» стоял у южного берега острова Мелвилл для выяснения ледовой обстановки, а затем перешел к полуострову Принс-Альберт, северо-западному выступу Виктории. Оказалось, что отделяющий Викторию от Банка пролив Принца Уэльского, якобы всегда забитый тяжелыми льдами, был в начале сентября 1944 года почти свободен от льда. Ларсен без помех провел «Сент-Рок» через этот «непроходимый» пролив, последний на его пути до Берингова пролива, и 16 октября прибыл в Ванкувер—через восемьдесят шесть дней после выхода из Галифакса. Впервые в истории Северо-западный проход был пройден в одну навигацию.

„Завоевание Северо-западного прохода“

Сам Ларсен, в отчете, проявил большую скромность в оценке своего замечательного достижения: «Были у нас и удачи, и прорывы. Никто не может предсказать ледовую обстановку и навигационные условия в Арктике. То, что мы выполнили в этом году, возможно, повторят и в будущем году, но, может быть, этого придется ждать много лет. Во многом также успех зависит от типа экспедиционного судна. Наше плавание показало, что Северо-западный проход можно пройти в один год*, но не доказало, что это можно делать каждый год».

Второе плавание «Сент-Рока» является несомненно навигационным подвигом его малочисленной команды. И все-таки тогда еще нельзя было говорить о совершившемся «завоевании Северо-западного прохода». Вопрос о том, пригоден ли Северо-западный проход для плавания современных крупнотоннажных грузовых судов, не был разрешен Ларсеном, ни тем более Амундсеном, так как оба использовали очень небольшие экспедиционные суда.

Только через десять лет после второго плавания «Сент-Рока» вопрос о пригодности Северо-западного прохода для торгового судоходства был разрешен положительно. В конце июля 1954 года канадский дизель-электроходный ледокол «Лабрадор» вышел из Галифакса, и точно следуя путем «Сент-Рока»

* То есть в одну навигацию.

1944 года, подошел в конце сентября 1954 года к тихоокеанскому побережью Канады. Именно это двухмесячное сквозное плавание «Лабрадора» и можно назвать действительным «завоеванием Северо-западного прохода».

Здесь нужно напомнить, что советский ледокольный пароход «Сибиряков» совершил сквозное плавание Северным морским путем с запада на восток (Архангельск—Июкогама) в одну навигацию еще в 1932 году, правда, потеряв винт во льдах Чукотского моря, так что от Берингова пролива до Июкогамы его вел на буксире советский траулер. Зато в 1934 году советский ледорез «Литке» прошел без аварий Северным морским путем с востока на запад (Владивосток—Мурманск) в одну навигацию. Таким образом, подлинное «завоевание Северо-восточного прохода» было завершено Советским Союзом по крайней мере на двадцать лет раньше, чем завоевание Северо-западного прохода Канадой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1816 году русские открыли у американского берега Чукотского моря залив Коцебу и полуостров Сьюард, несколько позднее остров Нунивак и к середине XIX века — последние значительные острова на юго-востоке залива Аляска в архипелаге Александра—Куприянова и др. В 1818 году англичане возобновили поиски Северо-западного прохода, которые привели в первую очередь к тому, что к 1852 году были открыты все участки северного побережья американского материка — от Чукотского моря до Бассейна Фокс — с полуостровами Парри, Кент, Аделаида, Бутия, Симпсон и Мелвилл. Только тогда, через три с половиной столетия после экспедиций Каботов и Кортириалсов, были наконец окончательно установлены основные контуры североамериканского материка и, следовательно, можно было определить его размеры.

Выявление гидрографической сети материка, в основных чертах начатое со стороны Мексиканского залива испанцами в 1519 году, завершено было канадцами в 1894 году. Из крупных внутренних вод Северной Америки в XIX веке были открыты: американцами на территории США — истоки Миссисипи, бассейны верхнего Миссури и нижней Колумбии (со Снейком), реки и соленые озера Большого Бассейна, верховья Колорадо; русскими на территории Аляски — бассейн Юкона (кроме его верхнего течения), река Кускоквим, озеро Илиamna и все значительные реки, впадающие в залив Аляска (Суситна, Медная и Стикин); англичанами и канадцами на северо-западе Канады — бассейны верхнего Юкона, верхней и средней Колумбии и реки Фрейзер и Скина, на севере — бассейны рек Бакс и Телон (с Дубонтом), в центре — озера Уолластон и Оленьи и на

северо-востоке — бассейны крупнейших лабдорских рек Каниаписко—Коксоак и Гамильтон. Однако гидрографическая сеть Канадского щита слишком сложна, чтобы и в настоящее время ее можно было считать достаточно изученной.

В XIX веке сложилось законченное представление об основных чертах рельефа Северной Америки. Американцы и англичане исследовали Скалистые горы и Береговые хребты на всем их протяжении, межгорные плато, в том числе Большой Бассейн и межгорные долины. Русские, англичане и американцы в XIX—XX веках открыли и исследовали горные хребты, плато и низменности северо-западной Америки — к западу от реки Макензи; англичане и канадцы — низменности и возвышенности Северной и Центральной Канады, в том числе Лаврентийское плато.

С 1819 года (первая экспедиция Парри) и до последней четверти XIX века англичане и отчасти американцы в поисках Северо-западного прохода и погибшей экспедиции Франклина совершили ряд плаваний и санных походов в Американской Арктике. В результате была открыта наибольшая часть Канадского архипелага и доказано, что он отделен рядом проливов и «бассейнов» от Гренландии.

На рубеже XIX—XX веков вторая норвежская экспедиция Отто Свердруп на «Фраме» завершила в основных чертах открытие Канадского архипелага. Позднее, в 1915—1917 годах, было обнаружено несколько сравнительно небольших островов канадцами Стефансоном и Сторкерсоном.

Береговую линию и ледяной щит Гренландии постепенно открывали и исследовали в XIX веке представители нескольких западноевропейских наций и американцы. Исследовательская работа продолжается в XX веке, до нашего времени, и результаты ее могут коренным образом изменить сложившееся представление о Гренландии как о едином массиве суши.

* * *

Вторичное открытие Северной Америки и дальнейшее ее исследование европейцами были не только великими географическими достижениями, но и событиями всемирно-исторического значения. В конечном их результате на материке сложились два самых обширных по территории капиталистических государства — Соединенные Штаты Америки и Канада. Оба были первоначально европейскими переселенческими колониями. И там и здесь колонисты и их потомки, которые теперь называются, в зависимости от их гражданства, американцами или канадцами, раздвинули границы своих владений от океана до океана, тесня индейцев и захватывая их земли. При этом они продвигались в одинаковом направлении — с востока на запад:

от атлантического побережья в область Великих озер и к Миссисипи, а оттуда—через пояс прерий Центральной Канады и правобережья Миссисипи, через Скалистые горы и загорные области Дальнего Запада — к узкой тихоокеанской полосе.

Колонисты западноевропейского происхождения в XVI—XVIII веках, американцы и канадцы в XIX веке действовали в отношении коренного населения Северной Америки теми же методами, что и португальские и испанские колонизаторы Латинской Америки. Испанские конкистадоры, которые в первой половине XVI века совершили несколько походов в Северную Америку в поисках легендарных богатых стран, пытались захватить всю южную полосу материка, действуя «огнем и мечом». Сначала они были наголову разбиты флоридскими индейцами (экспедиции Понсе де Леона и Нарваэса), а затем разочаровались в богатствах материка и отступили, понеся большие потери (экспедиции Сото и Коронадо).

В отличие от испанцев первые французские, английские и голландские колонисты на востоке Северной Америки не располагали, или почти не располагали, сколько-нибудь значительными воинскими силами. Поэтому они на первых порах вели себя мирно, и местные индейцы поддерживали с ними дружеские отношения. Тем не менее уже в первой половине XVII века отмечается резкое уменьшение численности коренного населения приатлантической полосы. Эпидемии оспы, завезенной европейцами, опустошила индейские селения; европейцы провоцировали кровопролитные межплеменные войны, снабжали своих «друзей» огнестрельным оружием и платили им большую цену за скальпы «врагов». Колонизаторы за несколько ружей, за огнестрельные припасы и спиртные напитки «покупали» землю индейских вождей, не понимавших сущности и последствий этой сделки.

Когда же численность колонистов увеличивалась, благочестивые протестанты так же, как и верующие католики, пользуясь превосходством в военной технике, нападали на индейцев, жгли их поселки и убивали жителей. Уцелевшие индейцы уходили в глубь континента, теряя в новых, непривычных природных условиях тысячи и тысячи людей. А исследование континента продолжалось; за «первооткрывателями» внутренних районов шли переселенцы, граница колонизации («Фронтир») продвигалась все дальше и дальше на запад. Туда вслед за малочисленными, поневоле мирными пионерами-переселенцами направлялись большие группы колонистов — и история с захватом земель, избиением и вытеснением индейцев повторялась много раз.

Индейцы прерий жили охотой, главным образом на бизона. Когда—уже в XIX веке—граница колонизации в США подошла к полосе прерий, охотники американцы начали пого-

ловное уничтожение бизонов ради их шкур. Индейцы, лишавшиеся последних средств к существованию, оказывали ожесточенное сопротивление колонизаторам. Под предлогом защиты своих граждан от «дикарей» правительство США организовало ряд военных карательных экспедиций.

Индейцы были загнаны в наиболее бесплодные районы, так называемые резервации, где фактически находятся в положении заключенных в концентрационных лагерях. Тот же процесс вытеснения и уничтожения индейцев происходил и в Канаде, но только более медленно — ввиду ее слабой заселенности и наличия громадных, еще не освоенных европейцами территорий в Центральной и Северной Канаде.

Таким образом, открытие и исследование Северной Америки и последовавшая за этим колонизация американской территории европейцами повлекли за собой гибель сотен тысяч коренных жителей материка, исчезновение многих индейских племен и заключение в резервации остальных индейцев.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абсарока, хр. 313
 Авачинская губа 212, 243
 Австралия 262, 333
 Агатту, о. 222, 224, 225
 Адах, о. 221, 222, 226, 227
 Аделаида, п-в 353, 361, 367, 370, 426, 429
 Адирондак, нагорье 161
 Адмиралтейства, зал. 345, 402, 403
 «Адские ворота», пролив (см. Хелл-Гейт)
 Азиатская Арктика 332
 Азия 50, 60, 65, 91, 92, 114, 115, 148, 171, 173, 174, 175, 176, 207, 208, 209, 211, 212, 213, 240, 296, 415
 Азорские острова 47, 61, 71
 Айси-Бей, зал. 260
 Айси-Кейп, мыс 260, 282, 295, 335, 336
 Акадия, колония, п-ов 84, 92, 94, 160, 205, 206
 Аксель-Хейберг, о. 395, 396, 398, 399, 400
 Акутан, о. 235
 Акуэриес, плато 324
 Алабама, р. 82, 105, 107, 112
 Албемарл, зал. 145
 Аллеганские горы 164, 179
 Александер, мыс 353, 385, 387
 Александровский редут 298
 Александра, арх. 219, 246, 258, 261, 264, 283, 292, 293, 297, 429
 Алерт, мыс 392
 Алеутские острова 214, 216, 217, 218, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 237, 239, 241, 242, 243, 245, 250, 283, 296, 297
 Альбанель, оз. 192
 Аляска, зал. 211, 214, 215, 219, 221, 231, 241, 242, 243, 246, 258, 260, 261, 262, 264, 274, 283, 292, 293, 296, 297, 301, 303, 324, 429
 Аляска, п-ов 6, 173, 215, 218, 221, 231, 235, 237, 239, 240, 241, 242, 245, 246, 258, 282, 293, 296, 297
 Аляска, территория 298, 324, 325, 403, 404, 405, 410, 411, 426, 429
 Аляскинский хр. 246, 300, 303, 325
 Амералик, фьорд 288
 Америка 5, 10, 29, 31, 32, 33, 34, 38, 40, 42, 45, 46, 48, 49, 50, 60, 61, 62, 85, 114, 116, 119, 120, 121, 122, 132, 147, 148, 155, 162, 171, 174, 175, 176, 184, 201, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 219, 220, 223, 237, 238, 240, 241, 243, 244, 245, 247, 248, 251, 257, 259, 260, 261, 262, 263, 266, 282, 294, 295, 296, 297, 302, 306, 324, 330, 335, 338, 339, 340, 352, 353, 354, 421, 427, 430
 Американская Арктика 5, 23, 24, 25, 29, 176, 270, 291, 330, 332, 335, 339, 341, 347, 353,

360, 367, 370, 385, 394,
395, 404, 411, 420, 430
Американский Арктический
архипелаг 5, 6, 19, 38, 59,
114, 283, 338, 347, 361, 373,
392, 395, 396, 400, 401, 423,
424
Американская Атлантика 176
Американский Запад 261, 262,
308
Американское средиземное мо-
ре 158
Амля, о. 226, 228
Амунд-Рингнес, о. 398, 399,
408
Амундсена, зал. 338, 379, 425,
427
Амур, р. 175
Амухта, о. 234, 235
Амчитка, о. 217
Анадырь, р. 171, 172, 173, 174,
175, 210
Анвик, р. 301
Англия 10, 27, 52, 63, 65, 68,
69, 84, 114, 115, 116, 118,
120, 121, 124, 125, 126, 127,
129, 130, 132, 134, 135, 137,
138, 140, 142, 143, 145, 146,
147, 148, 149, 150, 151, 153,
154, 156, 157, 159, 169, 184,
191, 192, 204, 206, 207,
239, 245, 247, 248, 264, 266,
270, 293, 307, 308, 316, 334,
336, 341, 343, 348, 349, 351,
353, 360, 365, 366, 370, 371,
374, 379, 380, 385, 391, 401,
Ангматсалик, о. 16, 414, 420,
421, 422
Ангра 47, 48
Андреяновские острова 215,
216, 221, 225, 226, 227, 228,
233, 234, 235, 241, 243
«Андерсонов», о. 239
«Аниан», пролив 50
Аннаполис 94
Антарктида 121, 350, 401
Антарктика 297, 359, 370, 405
Антикости, о. 90, 176, 329
«Антилия», о. 63, 65, 73
Антильские острова 5, 84, 119,
206
Апалачи, зал. 95, 96, 106
Апалачикола, р. 107
Апалачская горная система
107, 112, 149, 176, 177, 178,
179, 180, 181, 186, 247, 282,
309, 317
Аппалачское плато 164
Аппер-Клаамат, оз. 318, 320

Аппоматокс, р. 178
Апун, протока 301
Аравия, п-в 65
Арденкейпл-Фьорд 413
Аризона, штат 254
Арканзас, р. 104, 109, 111, 187,
188, 312, 318, 319, 322
Арктика 6, 137, 292, 296, 297,
333, 340, 343, 348, 349, 354,
355, 359, 360, 366, 374, 377,
384, 389, 394, 400, 403, 404,
405, 409, 411, 413, 420, 424,
428
Арктик-Бей, бухта 403
Арктик-Саунд, зал. 334
Арктический полюс 57
Артур, фьорд 381
Архангельский поселок 246
Архангельск 429
Ассинибойн р. 201, 202, 203
Астория, форт 306, 313
Атабаска, оз. 273, 274, 275,
277, 278, 279, 280, 282, 326,
337
Атабаска, р. 272, 273, 274, 275,
277, 278, 282, 306, 333
Атабаска, проход 306
Атлантический океан 6, 10,
37, 45, 47, 50, 57, 60, 62, 65,
66, 67, 70, 71, 82, 83, 86,
87, 103, 107, 112, 114, 115,
117, 118, 121, 127, 158, 159,
164, 176, 178, 181, 186, 187,
190, 205, 206, 250, 258, 263,
266, 281, 285, 294, 306, 330,
333, 339, 353, 359, 374, 391,
415, 423
«Аттака», о. (см. Атту)
Атту, о. 222, 223, 224, 225,
226, 228
Атха, о. 226, 227, 228
Афогнак, о. 221, 243, 283
Африка 61, 156
«Аях», о. 227 (см. также Адах)
Багамские острова 76, 77, 78,
80
Бай-Фьорд 396
Байам-Мартин, пролив 344, 347,
372, 381
Вайам-Мартин, о. 344, 372, 384,
402, 428
Байлот, о. 23, 139, 402
Бакленд, р. 302
Бакс, р. 352, 361, 363, 370,
429
«Балсанда, р.» 298
Балтийское море 52, 141
Банкс, о. 345, 347, 375, 376,

- 377, 379, 382, 405, 406, 407,
409, 428, 429
Баранова, о. 219, 246, 292, 296,
301, 302
Баренцево море 134
Барнард, мыс 410
Барроу, мыс 336, 352, 403, 404
Барроу, пролив 343, 344, 347,
459, 360, 368, 371, 373, 379,
380, 384, 402, 410, 425, 426,
427, 428
Бассейн Кейна 385, 386, 389,
390, 396, 398
Бассейн Фокс, зал. 139, 142,
143, 266, 379, 429
Бассейн Харни, котл. 315
Бассейн Холла 389, 390
Батерст, арх. 381
Батерст, зал. 334, 352, 353
Батерст, мыс 338
Батерст, о. 344, 368, 372, 402
Баттон, зал. 138, 141
Бауман-Фьорд 398
Баффинов залив 22, 23, 24, 56,
133, 139, 141, 176, 340, 341,
342, 343, 345, 359, 360, 361,
362, 370, 371, 373, 374, 380,
383, 384, 385, 387, 390, 391,
395, 402, 417, 420
Баффинова Земля 23, 59, 114,
118, 128, 130, 131, 132, 139,
140, 141, 142, 176, 338, 343,
345, 347, 348, 349, 350, 383,
400, 401, 402, 403
Бейкер, оз. 266, 267, 268, 326
Бейлли-Гамильтон, о. 374
Бей-Фьорд 396
Белая, р. 233
Белая, сопка 227
Белла-Кула, р. 281
Беллинсгаузена, море 423
Белло, пролив 349, 362, 378,
379, 427
«Белоснежные горы» (Саватч)
312
Белчер, зал. 381
Белчер, о-ва 135
Бельгия 49, 126
Бель-Иль, пролив 88, 92
Берген 25, 26, 283, 287
Берег Короля Фредерика VI
358
Береговые хребты 176, 249, 283,
303, 315, 317, 430
Беринга, о. 218, 223, 224, 226,
234, 236, 240
Берингово море 171, 174, 175,
209, 218, 230, 234, 235, 238,
239, 241, 242, 245, 258, 260,
282, 291, 293, 294, 295, 296,
297, 300, 302, 303
Берингов пролив 173, 174, 210,
211, 218, 242, 244, 274, 282,
291, 295, 296, 297, 302, 330,
331, 333, 335, 340, 341, 347,
359, 360, 374, 375, 378, 410,
421, 425, 426, 427, 428, 429
Беркли, арх. 381
Берленгет, бухта 403
Бернье, зал. 403
Бивер-Лейк 273
Биг-Хорн, хр. 203, 313
Бимини, о. 75, 76, 77, 78
Бирдмор 44
Бискайский залив 68, 158
Бисмарк, мыс 413, 414, 415
Биттер-Рут, хр. 311
Бичи, о. 344, 362, 368, 371,
380, 381, 384, 385, 424
Блади-Фолс, водопад 269
Бланко, мыс 122
Блафф-Хилс, горы 109
Ближний Запад 6
Ближние Алеутские острова
217, 218, 222, 223, 224, 225,
226, 233, 243
Блоссом, мыс 336
Блэк-Лейк, оз. 326
Блэк-Хилс, горы 203, 313
Бобровый, зал. 243
«Бобровые озера» 273
Болдуин, п-ов 336
Большая Медвежья река 276,
278, 337
Большая Ньюфаундлендская
банка 68, 83
Большая, р. 207, 210
«Большая Рыбная река» (см.
Бакс)
«Большая Северная река» (см.
Гудзон, р.)
Большереец (Большереецкий
острог) 210, 229
Большие Антильские острова
63, 80
Большое Медвежье озеро 270,
278, 279, 337, 339, 352, 379
Большое Невольничье озеро
268, 270, 274, 276, 277, 278,
334, 351, 352
Большое Соленое озеро 255,
257, 315, 316, 317, 318, 319,
321
Большой Анжуй, р. 171
Большой Бассейн 254, 255, 257,
283, 317, 319, 320, 321, 322,
429, 430

- Большой Водопад (см. Гранд-Фолс)
 Большой Каньон Колорадо, р. 99, 103, 253, 254, 255, 316, 319, 323, 324
 Большой Кольдевей, о. 413
 «Большой» Микелон, о. 83
 Большой Ситхин, о. 226, 227, 228
 Бомон, о. 392
 Бонависта, зал. 88
 Бонтеку, о. 287
 Боргар-фьорд 18
 «Борден-земля» 406, 408, 409
 Борден, п-ов 403
 Бостон 36, 156, 261
 Бостонская гавань 160
 Боу, р. 204
 Бофорта, море 141, 277, 330, 337, 338, 339, 375, 376, 377, 379, 383, 401, 402, 403, 404, 405, 409, 410, 425, 427
 Боцарова, оз. 242
 Бразилия 62, 63
 Бразил, о. 62, 63, 64, 65
 Брасос, р. 104, 111
 Братталид 21
 Браун, зал. 372
 Браун, мыс. 371
 Бреде-фьорд 19, 289
 Брейди-фьорд 16, 18
 Бренлаунд-фьорд 419
 Брентфорд, бухта 349, 378
 Брест 74, 118
 Бретань, п-ов 86, 88
 Бридпорт, зал. 382
 Бристоль 63, 65, 67, 68, 69, 139, 143
 Бристольский залив 242, 258, 293, 295, 298
 Британия 8, 37, 61,
 Британские острова 10
 Британская Колумбия, пров. 303, 304, 325, 426
 Бродер, п-ов 403
 Брок, о. 406, 408
 Бротон, о. 264
 Бруаж 158
 Брукса, хр. 325
 Брур-Рейс, мыс 287
 Брюле, оз. 165
 Брюле, р. 165
 Булдырь, о. 217
 Бурбон, форт 202
 Бутия, зал. 350, 379
 Бутия, п-в 336, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 361, 362, 368, 377, 379, 380, 427
 Буэно-Гна, р. 102
 Бьерн, о. 34
 Бьюкенен, зал. 396
 Бьюкенен, фьорд 386
 Бэд-Лендс, р-н 310
 Вайгат, пролив 22
 Вакселя, хр. 243
 Вальпараисо 121
 Вальсунн, пролив 385
 Ванкувер, о. 122, 215, 258, 264, 265, 283
 Ванкувер 426, 428
 Ванкувер-Куадра, о. 264
 Ватна-Екуль, ледниковый щит 13
 Вашингтон 262, 309, 323
 «Великая Американская пустыня» 315, 316, 317, 318, 319, 322,
 Великие озера 91, 162, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 176, 182, 183, 187, 189, 190, 197, 206, 247, 272, 278, 282, 431
 «Великий залив» 88, 90
 Великобритания 8, 9, 117, 237, 270
 Веллингтон, пролив 344, 347, 359, 360, 362, 368, 373, 374, 379, 380, 381
 Венесуэльский залив 69
 Венеция 57, 64, 65
 Веракрус 82
 Верхнее озеро 39, 44, 45, 165, 166, 168, 170, 171, 182, 184, 185, 190, 191, 198, 199, 200, 272, 305
 Верхняя Калифорния 176, 219, 247, 248, 249, 252, 256, 260, 301, 316, 319, 320
 Вестербюгд 20, 21, 24, 25, 42, 44, 284, 285, 287
 Вестманнаэйяр, о-ва 14
 Виктория, о., земля 353, 361, 371, 375, 377, 379, 400, 407, 409, 410, 427, 428
 Виктория, пролив 377, 379, 392
 Виктория-фьорд 392
 Винланд, страна 32, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 54, 60
 Виннипег 327
 Виннипег, оз. 193, 200, 201, 202, 273, 304, 305, 328, 333
 Виннипег, р. 200, 204
 Виннипегосис, оз. 201, 202
 Виргиния, колония 144, 145, 146, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 178, 181

- Висконсин, р. 167, 168, 184, 185, 187
 «Витсерк, гора» 52
 Владивосток 429
 Восток (Американский) 60, 65
 Восточная Азия 54, 60, 69, 134, 137, 148, 167
 Восточная Арктика 395, 401
 Восточная Европа 7
 Восточная Канада 170, 182, 183, 188, 193, 196, 336
 Восточно-Сибирское море 394
 «Восточное море» 66, 240, 247
 «Восточный Кайай» 60
 «Восточный мыс» 208
 «Восточный океан» 86, 223, 245
 Врангель, горы 298
 Врангеля, о. 297
 Вулстенхолм, мыс 135
 Вулстенхолм-фьорд 412, 417
 Гавайские острова 257, 260, 261, 262, 292
 Гатемейстера, о. 258, 294, 295
 Гаити, о. 125
 Галлатин, р. 310
 Галлатин, хр. 310
 Галифакс 427, 428
 Гамбург 27, 31, 51
 Гамильтон, зал. 131, 329
 Гамильтон, «пролив» 131
 Гамильтон, р. 329, 430
 Ганнисон, р. 255, 322
 Ганс-Эгед, горы 288
 Гардар 21, 22
 Гарри, оз. 352
 Гаспе, зал. 89
 Гаспе, п-в 90, 176
 Гаспе, пролив 90
 Гаттерас, мыс 86
 Гваделупа, о. 206
 Гвинейский берег 156
 Гвоздева, о-ва (см. Диомиды)
 Гебридские острова 9, 126
 Гейтсхед, о. 377
 Гел-Хамке, бухта 287
 Генри, горы 324
 Генриетты-Марин, мыс 142
 Генуэзская область 64
 Герберт, о. 385
 Германия 53, 247
 Гибралтарский пролив 61, 62, 70
 Гики (Гейки), р. 326
 «Гилберта, зал.» 128, 129, 131
 «Гиперборейский океан» 276
 «Гленелг», зал. 376, 429
 Голландия 134, 153, 154, 169
 Голландская Гвиана 157
 Голубой хребет 105, 107, 149, 152, 179, 181
 Голубые горы 313, 315
 Гольфстрим, течение 37, 75, 77, 79, 117, 118
 Гондурас, республика 75
 Гондурасский залив 75
 Гонконг, о. 377
 Гонолулу 375
 Горн, мыс 260, 261, 264, 292, 295, 330, 374
 Гота 205
 Готхоб-Фьорд 21, 118, 130, 287
 Готхоб 288
 Гранд-Кули 306
 Гранд-Портидж, волок 272
 Гранд-Фолс, водопад 254
 Грейам, о. 258
 Грейс-Харбор, зал. 262
 Грейт-Фолс, водопад 310
 Гренландия 6, 7, 8, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 52, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 114, 117, 118, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 139, 141, 176, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 339, 340, 341, 354, 355, 356, 357, 358, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 393, 394, 395, 398, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 430
 Гренландское море 16, 26, 30, 133, 138, 282, 286, 291, 340, 355, 358, 413, 424
 Грили-Фьорд 393
 Грин-Бей, зал. 166, 183
 Гриннелл, п-в 373, 381
 Грин-Ривер 323
 Грин-Ривер, р. 255, 323
 Гриффит, о. 371, 373, 402
 «Грумант», о. 291
 Гудзон, р. 86, 134, 135, 137, 156, 157, 162, 170, 183
 Гудзонов залив 44, 118, 133, 137, 138, 141, 142, 143, 158, 160, 162, 182, 184, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 199, 200, 203, 205, 265, 266, 267, 270, 271, 272, 273, 277, 278, 296, 303, 304, 305, 306, 324, 326, 327, 328, 333, 334, 337, 339, 347, 351, 352, 353,

- 354, 360, 361, 367, 379, 380,
401, 421
- Гудзонов пролив, 117, 131, 132,
135, 137, 138, 139, 141, 142,
266, 347, 401, 421
- Гудньюс, мыс 295
- Гумбольдта, ледник 386
- Гумбольдт, р. 315, 317, 320
- Гунбьерн, вершина 15, 422
- Гурон, оз. 163, 164, 165, 166,
169, 182, 185, 187, 188, 272,
275
- Гус-фьорд 399
- Густав-Хольм, мыс 414
- Гюлленлевес-фьорд 290
- Дальний Восток 133
- Дальний Запад (Американ-
ский) 6, 203, 257, 273, 275,
283, 308, 312, 313, 314, 315,
316, 318, 319, 322, 323, 431,
- Дандас, п-в 345, 377
- Даннеброг, о. 285, 358
- Дания 20, 26, 41, 42, 51, 52,
54, 141, 284, 285, 357, 358,
415, 421
- Дарнли, зал. 338
- Дарьенский залив 75
- Датский пролив (между Ислан-
дией и Гренландией) 15, 129,
286, 291, 399, 408
- Датский пролив (между запад-
ными островами Свердруп) 399, 408
- Датский фьорд 418, 419, 420
- Датч-Харбор 235
- Девисов пролив 24, 56, 118,
127, 128, 132, 139, 141, 284,
285, 341, 342, 343, 359, 384,
391, 422
- Девон, о. 23, 139, 176, 341,
343, 344, 347, 359, 360, 368,
373, 374, 381, 399, 401, 410
- «Девы, о-ва» 132
- Дейли, зал. 366
- Делавэр, зал. 70, 86, 134, 153,
156, 157
- Делавэр, п-в 153, 164, 176
- Деларова, о-ва 241
- Де-Мойн, р. 317
- «Десолейшн», страна 127
- Дешут, р. 315
- Джадж-Дейли, п-в 389
- Джексон, мыс 386
- Джемс, зал. 44, 136, 142, 182,
191, 267, 329
- Джемс, р. 149, 152, 178, 179,
181
- Джемс-Росс, пролив 351, 362,
379, 424
- Джемстаун 149, 151, 152, 153,
154
- Джефферсон, р. 310, 311
- Джозеф-Генри, мыс 392
- Джон-Дей, р. 315
- Джонс, пролив 23, 139, 140,
341, 374, 381, 385, 395, 396,
397, 399, 400
- Джонстон, пролив 264
- Джорджиан-Бей, зал. 163
- Джорджия, пролив 264
- Дигс, о-ва 135
- Диз, зал. 352
- Диз-Арм, зал. 337, 339
- Диз, пролив 353, 377, 379
- Диз, р. 337, 339, 352
- Диксон-Энтранс, пролив 250
- Дин, р. 281
- Дионида (Гвоздева), о-ва 173,
208, 210, 244, 259, 331
- Дионисиевский редут 296
- Дисаппойнтмент, мыс 306
- Диско, зал. 21, 22, 284, 289,
417, 420, 422
- Диско, о. 22, 23, 288, 289,
412, 417, 420
- Дисковери, мыс 392
- Доббин, зал. 386
- Доброй Надежды, мыс 124,
261, 262, 293, 294, 333
- Дов, зал. 413, 415, 417, 419,
420
- Долфин-энд-Юнион, пролив
338, 339, 361, 377, 379
- Дон 151
- Доннер, перевал 320
- Дортмут 134
- Доусон, горы 326
- Доусон-Сити 326
- Дрейка, зал. 249
- Дрейка, пролив 121
- Дубонт, оз. 267, 268, 326
- Дубонт, р. 268, 269, 326, 429
- Дьепп 86, 157
- Дюкен, форт 206
- «Евдокеевские острова» (см.
Семиди)
- Европа 10, 18, 20, 55, 56, 59,
60, 63, 65, 66, 134, 151, 154,
157, 288
- Европейская Арктика 295
- «Залив Жуана Ваша» 48
- Запад (Американский) 60
- Западная Австралия 262

- Западная Арктика 395, 400, 403, 416, 424
 Западная Африка 153
 Западная Европа 7, 27, 60, 61, 65, 77, 92, 153, 247
 Западная Канада 277, 278, 303, 304, 305, 308
 «Западная Индия» 60, 73, 75, 77, 78, 84, 118, 119, 145, 158
 «Западная река» 199, 200, 201, 202, 267, 304
 Западная Сьерра-Мадре, горы 97, 98
 «Западный залив» 54
 «Западный океан» 62, 188, 190
 Западный Шпицберген, о. 133, 341, 356
 «Западное море» 66, 137, 148, 149, 152, 162, 166, 167, 171, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 271, 272
 Зарембо, о. 297
 Зейдер-Зе, зал. 134
 Зеленого Мыса, о-ва 62
 Зеленые горы 161
 «Земля Академии» 417
 Земля Андре 414
 «Земля Борден» 406
 «Земля Бруер-Рейс» 287
 Земля Вашингтона 386
 Земля Викторин 379
 Земля Вульфа 392, 420
 Земля Германия 415
 Земля Герцога Орлеанского 415, 417
 Земля Гранта 390, 393, 395, 403
 Земля Грейама 423
 Земля Гриннелла 373, 386, 389, 395
 Земля Гудзона 133, 286, 287
 «Земля Жуана да Гамы» 212, 229
 «Земля Жуана Ваша» 48
 Земля Зюсса 414
 Земля Ингфилда 385, 386
 «Земля Кинг-Кристиан» 399, 408
 Земля Кнуда Расмуссена 422
 Земля Кокберна 348
 Земля Королевы Луизы 415
 Земля Короля Вильгельма 414
 «Земля Короля Португальского» 48
 Земля Короля Фредерика VIII 415
 «Земля Кортириалов» 70, 74, 83
 Земля Короля Христиана IX 422
 Земля Кронпринца Христиана 419
 «Земля Лабрадор» 50
 Земля Ламберта 287
 Земля Мюлиуса Эриксона 419
 Земля Натхорста 414
 Земля Нерса 392
 Земля Пайера 413
 Земля Пири 288, 416, 417, 419, 420, 421
 «Земля Принца Альберта» 375, 376
 «Земля Принца Уэльского» 368
 Земля Прудхо 416
 Земля Свердруп 400, 402
 Земля Скорби 355
 «Земля Трески» 47, 48, 53
 «Земля Уолластона» 338, 379
 «Земля Финдлея» 408
 «Земля Флорида» 111
 «Земля Фокса» 142
 Земля Франца-Иосифа, о-ва 396, 403, 413
 Земля Холла 390
 Земля Хольма, п-в 417, 422
 «Земля Эйрика Рауди» 60
 Земля Элсмистра 139, 176, 385, 386, 388, 389, 395, 401
 «Злое озеро» (Лак-дю-Маль) 182
 Золотые Ворота, пролив 122, 249, 251
 «Зубцы Гудзона», о. 133
 Зунн 254
 Зунн, р. 254
 Ивигтут 422
 Игалико, фьорд 21
 Иглулик, о. 348
 Изабелла, зал. 343
 Икария, о. 57
 Икерсуак, зал. 285
 Илнамна, вулкан 258
 Илнамна, оз. 293, 297, 429
 Илинойс, р. 187, 188, 189
 Иль-де-Франс, о. 415
 «Империя Великого хана» 65, 68, 69
 Ингфилд, зал. 385, 388, 416, 420
 Ингольф-фьорд 417, 419
 Ингоульвсхевди, мыс 13
 Индия 49, 63, 66, 69, 70, 82,

90, 92, 125, 127, 162, 190,
207, 260
«Индийское море» 88
Индийский океан 179
Индепенденс-фьорд 419
Индепенденс-фьорд 416, 417,
419, 422
Инноко, р. 301, 302
Инугсулик, зал. 23
Иокогама 429
Иордан, р. 321
Иркутск 227, 239
Ирландия 8, 9, 13, 55, 62, 63,
64, 65, 117, 126, 384, 393
Исаксен, п-в 399, 408
Исаноцкий, пролив 235
Исландия 7, 9, 11, 12, 13, 14,
15, 16, 18, 19, 20, 30, 35,
41, 48, 51, 52, 54, 55,
59, 60, 68, 129, 135, 285,
286, 290
«Исландия», о. 12
Испания 66, 72, 77, 80, 82, 84,
85, 87, 104, 106, 118, 119,
124, 125, 126, 206, 207, 247,
248, 312
Истмейн, р. 191, 329
Италия 65, 72, 85, 104

Йелвертон, зал. 392
Йеллоустон, р. 311
Йенс-Мунк, о. 285
Йоа-Хейвен, бухта 424
Йорк, р. 152, 193, 195, 196,
327, 333

Кабота, пролив 67, 83
Кадис, порт 125
Кадьяк, о. 214, 221, 231, 233,
240, 241, 242, 243, 246, 258,
264, 283, 292, 293, 297
Казан, р. 268, 269
Калифорнийская долина 253,
283, 316, 317, 319, 320, 321
Калифорнийский залив 97, 98,
99, 101, 102, 103, 113, 188,
251
Калифорния, п-в 102, 176, 179,
186, 249, 261, 282, 283, 296,
316
Калифорния, обл., штат (см.
Верхняя Калифорния)
Кама, р. 233
Камберленд, зал. 129, 130, 131,
132, 345
Камберленд, п-в 128, 130, 131,
132
Камберленд-Хаус, форт 273,
277, 333

Камден, зал. 378
Камчатка, п-в 173, 175, 207,
210, 212, 214, 215, 217, 218,
219, 224, 225, 226, 227, 229,
230, 233, 234, 238, 292, 295,
330
Камчатка, р. 175, 207, 237
Канага, о. 226, 227
Канада 6, 91, 92, 93, 148, 157,
158, 164, 167, 168, 169, 182,
183, 188, 192, 194, 195, 196,
197, 200, 204, 205, 206, 226,
247, 248, 267, 271, 272, 273,
274, 275, 281, 304, 307, 308,
326, 327, 328, 336, 348, 360,
401, 402, 403, 404, 429, 430,
432
Канадская Арктика 29, 401,
420
Канадский Архипелаг 372, 385,
410, 426, 430 (см. также
Американский Арктический
арх.)
«Канал Королевы» (см. Ку-
инс-Чаннел)
Канарские острова 61, 87, 149
Канадский Запад 198, 273
Канадский Север 198, 278,
403, 404
Канадский шит 430
Кангердлулук, зал. 21
Канзас, р. 105, 113, 312, 318
Канейдиан, р. 104, 109
Каниапско, оз. 329
Каниапско, р. 329, 430
Канова, р. 179, 181
Кантон 261, 293
Кану, р. 306, 307
Капитанский, зал. 235
Карагинский, о. 225
Кардиган, пролив 381, 399
Карибское море 75, 120, 125
Карибу, горы 281
Каррот, р. 194, 195
Карские Ворота, пролив 134
Карское море 134, 401
Карсон, р. 318, 320
Карсон-Синк, солончак 319
Карсон-Сити 319
Каскадные горы 311, 315,
316, 318
Кастилия 75
«Катай», страна 85, 86, 115,
116, 119, 143 (см. также
Китай)
«Катайское море» (Тихий оке-
ан) 92
Каяк, о. 213, 214, 243, 246
Квебек 91, 160, 162, 163,

164, 165, 168, 170, 182, 206
 Квебек, пров. 267
 Квикпак, р. 294, 298, 303
 Квичак, р. 293
 Кейп-Бретон, о. 67, 68, 74,
 83, 86, 160, 176, 206
 Кейп-Код, зал. 155
 Кейп-Код, п-в 86, 147, 160
 Келлетт, мыс 406, 407, 409
 Келлетт, пролив 383
 Кембридж-Бей, бухта 377
 Кенайская губа 243, 264
 Кенай, п-в 214, 242, 243, 246,
 258, 264, 282, 297
 Кендалл, о. 337
 Кендалл, р. 339
 Кеннеди, пролив 386, 387, 389,
 390, 392, 393
 Кенсингтон 39
 Кент, п-в, 352, 353, 429
 Керн, р. 320
 Кетл-Ривер, хр. 306, 307
 Киватин, округ 271
 «Кивира», страна 103, 104,
 105, 113
 Килбук, горы 300
 Киль 51
 Кинг, о. 210, 244, 281, 331
 Кинг-Вильям, о. 351, 353, 361,
 362, 364, 365, 366, 367, 368,
 370, 380, 425, 426
 Кинг-Джордж, бухта 262
 Кинг-Кристиан, о. 399, 408
 Китай 65, 68, 69, 86, 88, 90,
 93, 114, 131, 137, 138, 151,
 153, 162, 175, 190, 212, 261
 Кит-Арм, зал. 279, 337
 Китовый залив 385
 Клаверинг, о. 287
 Кламат, массив 315
 Кламат, р. 315, 318
 Кларк-Форк, р. 306
 Клинтон-Колден, оз. 269
 Кларк, мыс 214
 Клируотер, оз. 329
 Клируотер, р. 274, 278, 311
 Клондайк, р. 325, 326
 Коберг, о. 341
 Коксоак, р. 329, 430
 Колвилл, р. 352, 411
 Колин-Арчер, п-в 399
 Коллинсон, п-в 377, 410
 Колорадо, плато 102, 103, 105,
 324
 Колорадо, р. 63, 99, 101, 102,
 103, 105, 176, 251, 252, 253,
 255, 315, 316, 319, 322, 323,
 324, 429
 Колорадо, штат 312

Колумбийское плато 315
 Колумбия, гора 306
 Колумбия, мыс 392, 416
 Колумбия, р. 251, 261, 262,
 263, 265, 303, 304, 305, 306,
 307, 311, 313, 315, 316, 318,
 429
 Колыма, р. 171, 172, 173, 174,
 242
 «Кольбера, р.» 185, 186
 Командорские острова 218,
 224, 225, 230, 234, 243
 Коммитти, зал. 354
 Компостела 100
 Конг-Оскарс, фьорд 414, 422
 Коннектикут, штат 275
 Консепсьон, р. 251
 Константинополь 10
 Контуйто, оз. 269, 270
 Кончос, р. 113
 Копенгаген 20, 22, 32, 141,
 283, 288, 330, 358, 412
 Коппермайн, р. 269, 270, 278,
 279, 333, 334, 335, 338, 339,
 347, 352
 Коппер-Ривер, р. 246, 324
 Корк 384
 Корнуолл, о. 381, 399
 Корнуоллис, о. 344, 359, 362,
 368, 371, 374, 402, 410
 Короля Георга, о-ва, 135
 Короля Оскара, фьорд (см.
 Конг-Оскарс)
 Королевы Елизаветы, о-ва 410
 Королевы Шарлотты, зал. 282
 Королевы Шарлотты, о-ва 242,
 250, 258, 261, 264, 283
 Королевы Шарлотты, пролив
 264
 Коронейшен, зал. 269, 334,
 338, 339, 351, 352, 377, 379,
 403
 Коррентес, мыс 297
 Кортес, о. 264
 Коста-Рика, республика 75
 Косумель, о. 79
 Коцебу, зал. 259, 294, 302,
 325, 330, 332, 335, 336, 338,
 375, 429
 Коюкук, р. 302, 325
 «Крайний Восток» 65
 Крайний Север 6, 175
 «Красная река» (см. Ред-Ри-
 вер)
 Креницына, о-ва 235, 236,
 237
 Креста, зал. 208
 Кресуэлл, зал. 348, 378

- Кри, оз. 326
 Кристиана IV, о. 284
 Кристианскоб 289
 Кристмас, оз. 318
 Крозье, мыс 364, 366, 367
 Крозье, пролив 368, 383
 «Крокс, фьорд» 22
 Кронштадт 292, 293, 294, 295, 330
 Кросс, оз. 195
 Крузенштерна, мыс 331
 Крузенштерна, о. 210
 Крузова, о. 293
 Крым, п-в 151
 Крысьи, о-ва 217, 226, 233, 241, 243
 Куадра, о. 264
 Куба, о. 69, 78, 79, 80, 82, 94, 106, 108
 Куин-Мод, зал. 353, 367, 379
 Куинс-Чансел, пролив 368, 374, 381
 «Кука-река» 258, 264, 274, 275, 276
 Кука, зал. 243, 246, 258, 264, 293, 300, 302
 Кульякан 98, 99, 100, 105
 Кун, о. 413
 Куприянова, о. 297, 429
 Курильские острова 229
 Курская область 239, 240
 Кускоквим, горы 301
 Кускоквим, зал. 295, 298
 Кускоквим, р. 298, 300, 301, 302, 303, 429
 Кутини, оз. 305
 Кутини, р. 305, 306
 Кыска, о. 217, 226
 «Лабораторис, страна» 50
 Лабрадор, п-в 31, 33, 35, 44, 45, 48, 49, 50, 54, 68, 70, 71, 74, 88, 92, 117, 131, 132, 135, 137, 139, 176, 191, 192, 328, 329, 401
 Ла-Брадор, бухта 74
 Лабрадорское течение 34
 Лавака, р. 190
 Лаврентия, зал. 244
 Лаврентийское плато 430
 Ла-Гранд, р. (см. Форт-Джордж)
 «Ла-Жонкьер, форт» 204, 205
 Лайон, зал. 347, 348
 Лак-дю-Маль, оз. 182
 Ла-Корн, форт 203, 204, 205
 Ла-Манш, пролив 68, 126, 158
 Ланкастер, пролив 23, 139, 140, 143, 341, 343, 344, 345, 347, 348, 349, 351, 359, 360, 368, 370, 373, 374, 380, 384, 385, 401, 410, 424, 426, 427
 Лапландия, страна 54
 Ла-Плата, р. 120
 Ла-Рен, форт 201, 202
 Ла-Ронж, оз. 327
 Ларч, р. 329
 Лас-Вегас 319
 Латинская Америка 5, 431
 Лаутер, о. 402
 Левенерн, мыс 291
 Леди-Франклин, зал. 389, 392
 Лейпциг 391
 Лена, р. 174, 175
 Ленинград 360
 Лесное озеро 199, 200, 207, 325
 Ливерпул, зал. 338
 Лиддон, зал. 345, 382, 407
 Линн, бухта 296
 Линкольна, море 388, 389, 390, 391, 392
 Лисберн, мыс 259, 295
 Лиссабон 70, 71, 125
 Лисьи, о-ва 221, 229, 230, 231, 233, 235, 236, 237, 245, 258
 Литл-Колорадо, р. 99, 254
 Литуя, бухта 242
 Лоло, перевал 311
 Лонг-Айленд, о. 86, 176
 Лондон 17, 64, 66, 68, 128, 129, 133, 135, 148, 157, 178, 191, 270, 282, 304, 345, 351, 353, 381, 389, 393, 394, 412
 Лорд-Мэр, зал. 354
 Лос-Анжелес 252, 253, 311
 Лос-Кайос, о-ва 76
 Лоу-Дезерт, пустыня 315
 Лофотенские острова 287
 Лохид, о. 408, 409
 Лувен 49
 Луизиана, колония 190, 206, 247, 308
 Льюис, р. 303, 324
 Льюис, хр. 310
 Льяно-Эстакадо, плато 104
 Лэндс-Энд, мыс 383
 Магдален, о-ва 88
 Магдалена, р. 251
 Магелланов пролив 120, 121, 132
 Мад, оз. 317
 Мадейра, о-ва 61, 62, 86
 Мадисон, р. 310
 Мадисон, хр. 310
 Мак-Дугалл, оз. 352

- Макензи, горы 276, 303
 Макензи, зал. 277, 337, 338, 404
 Макензи, округ 271
 Макензи, р. 272, 274, 275, 277, 278, 282, 283, 303, 334, 337, 338, 339, 347, 352, 403, 425, 430
 Макензи-Кинг, о. 406
 Макинак, пролив 166, 182, 272
 Мак-Кинли, гора 325
 Мак-Клинтон, зал. 392
 Мак-Клинтон, пролив 371
 Мак-Клур, пролив 375, 376, 383, 402, 410
 Мак-Лауд, зал. 351, 352
 Маклин, пролив 408
 Малакский пролив 132
 Маласпина, пролив 264
 Малая Миссури, р. 203
 Малур, оз. 315
 Малые Антильские острова 63, 119, 149
 Малое Невольничье озеро 305
 «Малый» Микелон, о. 83
 Манитоба, оз. 201, 202
 Манитоба, пров. 305
 Манитулин, о-ва 165
 Мансел, о. 135
 Марайас, р. 310
 Марбл, о. («Мраморный») 142
 Мариан, р. 276
 Марианские острова 124
 Марибоса, р. 321
 Мария, р. (см. Марайас)
 Маркем-Инлет, зал. 392
 «Маркланд, страна» 34, 35, 36, 38, 54
 Марри, мыс 408
 Мартас-Вайнъярд, о. 147, 160
 Мартин, мыс 337, 405
 Массачусетс, зал. 36, 92, 154, 155, 160
 Массачусетс, колония 155, 156
 Маск-Окс, фьорд 398
 Матагорда, зал. 190
 Матагорда, о. 190
 Маттава, р. 163
 Медвежий, о. 34
 Медисин-Боу, хр. 318
 Медная, р. 246, 298, 429 (см. также Коппер-Ривер)
 «Меднорудная река» 267, 268, 269 (см. также Коппер-майн)
 Медный, о. 224, 230, 231, 236
 Мейген, о. 408
 Мексика 5, 63, 76, 80, 81, 82, 85, 94, 95, 96, 97, 100, 101, 113, 122, 145, 186, 248, 312-
 Мексиканский залив 5, 75, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 94, 96, 103, 104, 107, 109, 111, 112, 113, 117, 176, 179, 181, 184, 187, 188, 189, 190, 429
 Мелвилл, зал. 139, 341
 Мелвилл, оз. 329
 Мелвилл, о. 344, 345, 372, 376, 377, 381, 382, 383, 384, 402, 406, 407, 408, 409, 428
 Мелвилл, п-в 347, 348, 353, 354, 429
 Мелвилл, пролив 344, 347, 359, 375, 376, 377, 379, 384, 409, 410, 427
 Мерси, бухта 376, 382
 Мерчисон, пролив 385
 Мета-Инкогнита, п-в 114, 116, 117, 118, 131, 135
 Мети, р. 274
 Мехико 82, 98, 99, 256
 Микелон, о-ва 83, 206
 Мил, о. 138
 Милан 68
 Милк, р. 310
 Минган, пролив 90, 329
 Миннеаполис 39, 40
 Миннесота, штат 39
 Миссисипи, р. 63, 82, 96, 103, 104, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 167, 168, 171, 176, 179, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 198, 201, 206, 207, 247, 273, 282, 305, 308, 309, 311, 313, 314, 317, 318, 319, 321, 353, 429, 431
 Миссисипская, низменность 282
 Миссури, плато 46, 201, 203, 309, 313
 Миссури, р. 105, 170, 184, 186, 202, 203, 204, 282, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 429
 Мистассини, оз. 191, 192, 329
 Митькова, о. 297
 Михайловский редут 301, 302
 Мичиган, оз. 166, 167, 168, 171, 182, 183, 184, 185, 187, 188, 272
 Молуккские острова 124, 157
 Мон-Рояль, холм 91, 92
 Монреаль 182, 188, 189, 196, 197, 204, 206, 272, 274, 275, 282
 Монреаль, о. 352, 361
 Монтанья, о. 214

Монтерей, зал. 249, 250, 251,
252, 254, 255, 260, 316, 317
«Море Вераццано» 88, 149
Морепа, форт 201
Моррис-Джесуп, мыс 416
Москва 174, 175
Моффет, зал. 402
Мохаве, пустыня 253, 317, 319
Мохок, р. 156
Мурманск 429
Мус, оз. 195
Мус, р. 191
Мэн, зал. 45, 70, 86, 134, 147,
152, 153

Нагай, о. 215
Нагорье (Американское) 248,
256, 308, 309, 312, 315, 316,
317, 319, 323
Нанорталик, о. 288
Нансен, пролив 399, 400
Нантакет, о. 160
Насс, р. 296
Невада, штат 319
Невольничья, р. 270, 274, 277,
278, 279, 282, 334
Нейви-Борд, пролив 402
Нельсон, р. 138, 142, 176, 191,
193, 195, 200, 202, 205, 266,
282, 305, 327, 328, 333
Нельсон, форт 192
Нельсон-Хед, мыс 375
Ниагарский водопад 169, 170,
188
Нидерланды 151, 157
Нижне-Камчатск 207, 208,
224, 225, 231, 234, 236, 237,
238
Нижне-Колымск 171
Нижняя Калифорния, п-в 102,
248
Нижняя Саксония, земля 53
Никарагуа, республика 75, 106
Нипигон, оз. 44, 191, 199, 267
Ниписсинг, оз. 163, 182
Новая Англия 150, 152, 153,
154, 155, 156, 169
Новая Гренландия 286
Новая Зеландия 262
Новая Земля, о. 133, 134, 332
«Новая Испания» 63, 76, 85,
97, 98, 100, 101, 102, 105,
111, 112, 113, 212, 248, 251,
252
«Новая Мексика» 113, 248,
251, 252, 283
Новая Франция 91, 92, 94,
158, 160, 161, 162, 168, 169,
170, 182, 185, 204

Новая Швеция 156
Новая Шотландия, п-в 31, 48,
54, 67, 68, 70, 74, 84, 86,
92, 160, 176, 205, 427
Новоархангельск 292, 293, 297,
302, 313
«Новый Альбион, страна», 123,
124
Новый Амстердам 156, 157
(см. также Нью-Йорк)
Новый Брауншвейг, п-в 205
Новые Нидерланды 150, 156,
157
Новый Орлеан 206, 207, 247
Новый Плимут 155
Ном 325
Норвегия 12, 13, 16, 20, 24,
25, 26, 36, 37, 41, 42, 43,
44, 49, 51, 54, 55, 117, 283,
356, 400, 404
Норвежский, зал. 398
Норвежские, о-ва 415
Норвежское течение 117
Нордкап, мыс 134
Нордсетур 21, 22
Норт-Арм, зал. 276
Норт-Кент, о. 381, 398
«Норт-Линкольн», о. 395
Нортон, зал. 260, 300, 301,
302, 325
Нортумберленд, о. 341, 385
Нортумберленд, прол. 89
Нулато, р. 301
Нулато, редут 301, 302
Нунивак, о. 295, 429
Нутка, бухта 258, 261
Нушагак, р. 294, 298, 300
Нуэатин, оз. 269
Нью-Йорк 45, 156, 157, 167,
247, 275, 372
Нью-Мексико, штат 254, 312
Нью-Ривер, р. 179
Ньюмен, бухта 390
Ньюфаундленд, о. 31, 34, 36,
48, 54, 64, 67, 68, 74, 83,
84, 88, 90, 92, 143, 144, 176,
206
Ньюфаундлендские мели 74,
143
Ньюэнем, мыс 258, 294, 295
«Обманутая Надежда» 138
Огден, р. 315, 317 (см. также
Гумбольдт)
Огайо, р. 179, 181, 186, 187,
188, 206, 282, 309
Огненная Земля, о. 121
Огоки, р. 44

- Озарк, плато 109
 Озера Прерий 202
 Озерная область 372
 Океания 330, 333
 Оксфорд, оз. 195
 Олбани, р. 191
 Оленье, оз. 327, 429
 Олтамахо, р. 107
 Оммани, зал. 371
 Онайда, оз. 164
 «Ондатры, обл.» 305
 Онтарио, оз. 161, 164, 169, 187, 188, 206
 Онтарио, пров. 44, 162
 Оранбе 254
 Оранье, форт 156
 Орегон, Орегонская обл. 262, 316, 320
 Орейби-Уош, р. 254
 Орнейские острова 9, 11, 116, 126
 Орстед, о. 285
 Осейдж, р. 312
 Осло 23, 294, 401
 Ост-Индия 125, 132
 Остин, пролив 372
 «Остров вечной молодости» 75 (см. также Бимини)
 Осуго, р. 164
 Открытие, о. (см. Нунивак)
 «Относительной недоступности область» 383
 «Относительной недоступности полюс» 403, 404
 Оттава, о-ва 135, 410
 Оттава, р. 91, 162, 163, 169, 182
 Охотск 207, 208, 212, 224, 234, 237, 238, 240, 242, 243, 246, 293, 301
 Охотское море 171, 207, 298
 Пайкс-Пик, гора 312
 Палос 75
 Паманки, р. 179
 Памлико, лагуна 86, 145
 Панама, республика 75, 121
 Панамский перешеек 120, 149
 Пануко, р. 79, 80, 81, 82, 91, 95, 112
 Папа-Стур, о. 9
 Папа-Уэстрей, о. 9
 Папей, о. 9
 Парагвай, р. 184
 Париж 8, 191, 199
 Парсний, р. 281, 304
 Парри, арх. 343, 347, 402, 410
 Парри, зал. 348, 410
 Парри, мыс 375
 Парри, п-в 338, 429
 «Парри скала» 372, 377
 Пасли, зал. 427
 Пасхи, о. 260
 Пекос, р. 103, 104, 105, 113
 Пелли, оз. 352
 Пелли, р. 303
 Пенд-Орил, оз. 306
 Пенни, пролив 368, 374, 380, 381
 Пенобскот, зал. 147
 Передовой хр. 205, 277, 279, 281, 304, 305, 310, 312, 318, 323
 Перу 110, 119, 120, 121, 145
 Петатлан, р. 97
 Петербург 207, 208, 211, 212, 224, 227, 233, 245, 246, 247, 270, 293, 297, 302, 333
 Петермана, ледник 390
 Петропавловская гавань, Петропавловск 212, 219, 221, 223, 224, 243, 245, 295
 Петропавловск-на-Камчатке 375
 Пибоди, зал. 386
 Пидмонт, плато 105, 107, 149, 152, 177, 178, 181
 Пикиутдлек, зал. 285
 Пил, пролив 360, 368, 371, 372, 424, 426
 Пим, о. 386, 393
 Пирамид, оз. 317
 Пиренейский полуостров 61, 62
 Пири, пролив 408
 Пис-Ривер, р. 274, 278, 279, 280, 282, 296, 304
 Питер-Понд, оз. 274
 Питтсбург 206, 309
 Плато Прерий 97, 105, 113, 193, 194, 195, 196, 282, 312, 313, 315, 318
 Платт, р. 113, 313, 314
 Плимут 124, 155
 Пойнт, оз. 334
 «Полярное море», Полярный бассейн 334, 341, 358, 381, 385, 386, 389, 393, 394, 411
 Понд-Инлет, бухта 402
 Пор-Рояль 94, 160 (см. также Аннаполис)
 Поркьюпайн, р. 303
 Порт Левашова, бухта 235
 Порт-Нельсон 193
 Порт-Симпсон, форт 296
 Портсмут 293
 Португалия 27, 47, 66, 72, 125, 143
 Потомак, р. 179

Прая (Прая-да Витория) 47
 Прибылова, о-ва, 242, 243
 Принс-Альберт, зал. 379
 Принс-Альберт, п-в 375, 407, 428
 Принс-Альберт, «пролив» 375
 Принс-Вильям, зал. 243, 246, 293 (см. также Чугачская губа)
 Принс-Густав-Адольф, пролив 408
 Принс-Леопольд, о. 371
 Принс-Патрик, о. 347, 383, 384, 402, 406
 Принс-Риджент, прол. 344, 347, 348, 349, 351, 360, 371, 378, 427
 Принс-Руперт 296
 Принсес-Маргрете, о. 418
 Принсес-Ти́ра, о. 418
 Принца Уэльского, мыс 210, 259, 267, 268, 269, 270, 336
 Принца Уэльского, о. 219, 368, 371, 372
 Принца Уэльского, пролив 375, 376, 377, 407, 409, 428
 Принца Уэльского, форт 267, 268, 269, 270
 Принца Эдуарда, о. 89, 176, 206
 Провиденс, форт 334
 Пруссия 169
 Птисикапо, оз. 329
 Пьюджет-Саунд, зал. 263
 Пуэрто-Рико, о. 75, 76, 77

Райли, мыс 360
 Раппаханнок, р. 179
 Рассел, мыс 376, 383
 Рассел, о. 359, 371, 402
 Ратманова, о. 210, 331
 Райд-Фьорд 394
 Раудесанд 15
 Ревилья-Хихедо, о. 264
 Ред-Дир, р. 195
 Ред-Ривер, р. 104, 111, 201, 312
 Резольюшен, о. 117, 138
 Резольюшен, форт 351
 Рей, перешеек 347, 348, 354
 Рей, пролив 379, 424
 Рейни, оз. 200
 Рейкьявик 14, 18
 Рейс, мыс 287
 Репаас, бухта 266, 347, 354, 365, 366
 Рио-Гранде (Рио-Браво), Рио-Гранде-дель-Норте, р. 97,

100, 103, 105, 113, 176, 254, 255, 312, 321
 «Рио-де-лас-Бальсас», р. 100
 Ричард-Коллинсон, зал. 376
 Ричардс, мыс 392
 Ричардсон, горы 276
 Ричардсон, р. 338
 Ришелье, р. 160
 Роанок, р. 178, 179, 181
 Робсон, пролив 389, 390, 392, 416
 Ромен, р. 329
 Ронес, п-в 399
 Россия 233, 245
 Российская империя 248
 Рос-Уэльком, пролив 139, 142, 266, 365, 366, 379, 401, 461
 Рузвельта, горы 416
 Руперт, бухта 191
 Руперт, р. 191, 192, 329
 Русская Америка 207, 329, 240, 241, 245, 246, 292, 293, 294, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 324, 325, 333, 338, 352
 Рыльск 239

Сабин, о. 356, 357, 413
 Сабин, п-в, 345
 Саванна, р. 105, 107, 112, 181
 Саватч, горы 312
 Савидж, о-ва 138
 «Сагений», страна 90
 Сагений, р. 92, 93, 94, 158, 162, 192
 Сакаджавеа-Пик, гора 311
 Сакраменто, горы 103
 Сакраменто, р. 319, 320
 Салмон, р. 311
 Сан-Габриэль, миссия 252, 253
 Сангре-де-Кристо, хр. 103, 113, 312, 321
 Сандгеррт, оз. 329
 Сан-Диего, бухта 248, 249, 250
 Сандвичевы острова 260 (см. также Гавайские)
 «Сан-Пабло», р. 104
 Сан-Педро, р. 99, 100, 101, 104
 Сан-Франциско 124, 251, 252, 253, 294, 425, 426
 Сан-Франциско, зал. 122, 249, 251, 252, 253, 294, 320, 321
 Сан-Франциско, оз. 294
 Сан-Хоакин, р. 253, 319, 320, 321, 322
 Сан-Хуан, р. 256

- Сан-Хуан, хр. 255, 263, 264, 321
 Сан-Хулиан, бухта 120
 Санта-Крус, р. 251
 Санта-Фе, крепость 113, 253, 254, 256
 Санто-Доминго 75, 85
 Сарычева, пролив 244
 Саскачеван, р. 193, 194, 195, 196, 199, 201, 202, 203, 204, 205, 272, 273, 274, 277, 278, 282, 304, 305, 333
 Саскуиханна, р. 164
 Сателлайт, зал. 383
 Саундерс, о. 417
 Саутгемптон, о. 137, 138, 139, 142, 154, 176, 266, 347
 Свальбард, страна 19
 Свердруп, о-ва 394, 397, 400, 404, 410
 «Святой Авраамий, о.» 217
 Святого Брандана, о. 62
 Святого Георгия, о. 241
 «Святого Духа», р. 82, 96, 109, 168
 Святого Ильи, горы 213, 221, 243, 283
 Святого Ильи, мыс 213
 «Святого Иоанна, горы» 216
 Святого Ионы, о. 243
 Святого Лаврентия, зал. 45, 70, 74, 75, 88, 90, 91, 93, 206, 282, 329
 Святого Лаврентия, о. 208, 239, 244, 258, 283, 295, 330
 Святого Лаврентия, р. 90, 91, 92, 93, 158, 160, 162, 164, 169, 176, 182, 187, 190, 192, 196, 199, 206, 208, 279, 307
 Святого Матвея, о-ва 239, 243, 244, 258
 Святого Матвея, пролив 244
 Святого Павла, о. 241
 «Святого Петра, пролив» 90
 «Святого Федора», о. 223
 Святой Маркиан, о. 217
 «Святой Юлиан», о. 223
 Северн, р. 191, 193
 Северная Азия 171
 Северная Америка 5, 7, 14, 31, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 44, 46, 50, 52, 53, 54, 59, 63, 64, 66, 70, 71, 76, 83, 85, 86, 87, 88, 93, 94, 95, 100, 110, 112, 113, 122, 127, 143, 145, 152, 155, 156, 157, 160, 162, 164, 167, 168, 169, 170, 171, 175, 176, 177, 184, 186, 187, 188, 194, 203, 204, 205, 206, 207, 209, 210, 212, 219, 228, 230, 237, 238, 246, 247, 248, 249, 250, 252, 255, 256, 257, 260, 261, 262, 263, 264, 267, 269, 270, 272, 278, 282, 283, 292, 295, 296, 297, 301, 308, 309, 311, 313, 317, 322, 325, 327, 340, 347, 379, 423, 429, 430, 431, 432
 Северная Атлантика 7, 8, 10, 27, 37, 48, 55, 63, 118, 134, 355
 Северная Африка 151
 «Северная Джорджия», арх. 345
 Северная Европа 43, 54, 55, 65, 117
 Северная Земля, о-ва 399
 Северная Испания 143
 Северная Канада 92, 191, 192, 265, 266, 267, 268, 270, 271, 276, 278, 282, 305, 325, 326, 327, 335, 339, 430, 432
 Северная Мексика 97, 113, 312
 Северная Меса, плато 97
 Северное море 10, 49, 52, 190, 191, 239
 Северный Бимини, о. 77
 «Северный Девон», о. 341, 343, 359 (см. также Девон)
 Северный Канейдиан, р. 104
 Северный Китай 60
 Северный купол Гренландии 420
 Северный Ледовитый океан 133, 170, 171, 174, 176, 209, 211, 247, 269, 274, 277, 282, 283, 294, 325, 334, 335, 340, 343, 390, 404, 425
 «Северный Линкольн», земля 402
 Северный магнитный полюс 351
 Северный морской путь 88, 134, 394, 415, 427, 429
 «Северный океан» (Атлантический) 103, 270
 Северный Платт, р. 314, 318
 Северный полюс 56, 133, 340, 349, 355, 358, 389, 393, 404, 405, 415, 416, 420
 Северный полярный круг 12, 19, 50, 284, 288, 421
 Северный пролив 165, 166
 Северный проход 294
 Северный Саскачеван, р. 195, 196, 203, 205, 273, 277, 278, 304, 305, 306
 «Северный Сомерсет», п-в 349

Североатлантическое течение 117
 Северо-восточная Азия 176
 Северо-восточный мыс 417
 Северо-восточный проход 65, 119, 148, 330, 339, 413, 426, 429
 Северо-западный проход 6, 60, 90, 114, 119, 120, 122, 127, 129, 130, 131, 132, 134, 137, 138, 139, 141, 145, 147, 176, 184, 250, 257, 265, 266, 267, 270, 331, 332, 339, 340, 341, 343, 348, 349, 351, 353, 355, 359, 366, 367, 374, 375, 377, 378, 379, 381, 383, 385, 415, 422, 425, 426, 428, 429, 430
 Севилья 87
 Севир, оз. 316, 317, 322
 Севир, р. 316
 Сейбл-Айленд, б-ка 83
 Селкерк, горы 305, 306
 Селуин, оз. 326
 Семиди, о-ва 215
 Семисопочный, о. 217
 Семичи, о-ва, 217, 222
 «Семь городов», о. 62, 63, 64, 65, 94, 97, 98, 99, 100, 102, 103, 106, 109, 112, 113
 Сен-Жан, р. 329
 Сен-Мало, порт 88, 157, 182, 183
 Сен-Морис, р. 182, 199
 Сен-Пьер, о. 83, 200, 206
 Сен-Шарль, форт 200
 Сент-Джон, оз. 192
 Сент-Джонс 144
 Сент-Клэр, оз. 275
 Сент-Луис 313, 314
 Сент-Майкл, бухта 95 (см. также Михайловский редут)
 Сент-Мари, р. 165, 166, 185
 Сентонж, обл. 158
 Сетчатый, арх. 227
 Сибирь 174, 175, 207, 233, 293, 301, 302
 «Сивола», страна 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105
 Сигуам, о. 234
 Сидар, о. 193, 202
 Сидней 294
 Сил, р. 268
 Симко, оз. 164
 Симмонс, п-в 397, 398
 Симпсон, мыс 352
 Симпсон, п-в 354, 429
 Симпсон, пролив 353, 364, 370, 379, 425
 Синалоа, р. 97, 99

Ситкинак, о. 214
 Ситха 313 (см. также Ново-архангельск)
 Ситха, о. 246, 292, 293 (см. также Баранова, о.)
 «Скала Парри» 372, 377
 Скалистые горы 103, 105, 176, 195, 203, 204, 205, 272, 274, 277, 278, 279, 283, 304, 305, 306, 308, 310, 312, 313, 315, 316, 318, 321, 322, 323, 325, 430, 431
 Скандинавский полуостров 41
 Скина, р. 296, 429
 Сcone, обл. 41, 42
 Скорсби, зал. 355, 414, 421
 Скотия (Скотленд), страна 7, 8
 Следж, о. 244
 Слипс, о-ва 135
 Смит, бухта 352
 Смит, зал. 139
 Смит, пролив 139, 141, 381, 385, 386, 387, 388, 393, 395, 401, 412, 416, 417
 Смоки-Ривер, р. 279, 282
 «Снайфедльснес, п-в» 16
 Снейк, р. 311, 313, 315, 318, 429
 Советский Союз 429
 «Со-де-Гаскон», водопад 166 (см. также Со-Сент-Мари)
 Соединенные Штаты Америки 39, 146, 155, 235, 237, 252, 261, 262, 305, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 353, 361, 365, 366, 367, 387, 389, 393, 394, 403, 404, 416, 429, 430, 431, 432, 437
 Соломоновы острова 137
 Солсбери, о. 135
 Солт-Лейк-Сити 321
 Солтон-Си, оз. 252
 Сомерсет, о. 344, 348, 349, 362, 368, 371, 372, 378, 379, 401, 402
 Сонора, р. 99, 101
 Со-Сент-Мари, водопад 165, 166, 169, 185
 Со-Сент-Мари, миссия 185
 Средиземное море 65
 Срединный ледник Гренландии 16
 Стадакона 91
 Стейнесснес 21
 Стефансон, о. 410
 Стикин, горы 296
 Стикин, р. 296, 297, 429
 Сторкерсон, мыс 410

Страна Басков 27
«Страна Отчаяния» 129 (см.
также «Десолейшн»)
Стреме, о. 9
Стюарт, о. 300
Стюарт, р. 304
Сунтуотер, р. 318
Сури, р. 202
Суринам, страна 157
Суситна, р. 302, 303, 325, 429
Сьерра-Невада, хр. 315, 316,
317, 318, 319, 320, 322, 323,
324
Сьюард, п-в 210, 244, 429
Сюдере, о. 9

Тагалах, о. 227, 228
Тадуссак, колония 94
Таити, о. 262
Таймыр, п-в 401
Тампа, зал. 94, 106
Танага, о. 226
Танана, р. 303, 325
Тахо, оз. 319, 320
«Телзоа, р.» 326
Телон, р. 267, 268, 269, 326,
429

Темза, р. 114, 115, 116, 133,
134, 135, 157

Теннесси, р. 107, 109, 181
Теночтитлан (см. Мехико)
Те-Пас 195

Терминос, лагуна 78, 79
Терр-Нев, о. (см. Ньюфаун-
дленд)

Тернаген-Арм. зал. 258
Тернате, о. 124

Терсейраш, обл. 47
Терсейра, о. 47

«Теукареа», р. 105
Техас, страна, штат 97, 190, 312

«Техос», страна 98
Титнук, р. 298

Тихий океан 6, 50, 65, 82, 91,
92, 97, 103, 106, 109,
114, 115, 119, 120, 123, 129,
130, 132, 134, 135, 137, 140,
141, 147, 149, 150, 151, 162,
168, 171, 174, 176, 179, 184,
186, 187, 188, 190, 191, 199,
205, 208, 211, 218, 222, 228,
230, 237, 238, 240, 242, 245,
248, 250, 257, 258, 260, 261,
265, 266, 267, 272, 274, 276,
277, 278, 279, 281, 282, 283,
294, 295, 296, 298, 300, 306,
308, 309, 310, 311, 314,

315, 316, 321, 325, 330, 339,
340, 347, 353, 359, 410, 415,
423.

Тихоокеанская ж. д. 253, 317,
321

Тлевназа, р. 268
Трех Святителей, гавань 243
Три-Форкс, местность 310, 311
Труа-Ривьер 182, 183, 190,
199

Тубак, крепость 251, 252
Ту-Бротерс, о. 135
Тулэ 412, 420, 421
«Туманный», о. 215, 264
«Тутна», р. 298

Уединения, о. 401

Уидби, о. 263

Уилкинса, пролив 406

Уилламит, р. 318

Уинд-Ривер, хр. 313, 318

Уиннемакка, оз. 317

Уинниат, зал. 376, 409

Уинта, горы 319

Уинтер, о. 347

Уинтер-Харбор, бухта 345, 382,
428

Уитни, гора 320

Укинская губа 238

«Укрепленная линия Западного
моря» 203, 205, 272

Уманак-фьорд 421

Умнак, о. 221, 222, 230, 231,
234, 243

Уналаклит, р. 301

Уналашка, о. 230, 231, 234,
235, 236, 241, 242, 243, 245,
246, 260, 294

Унгава, зал. 117, 135, 329

Унгава, п-в 176

Унимак, о. 231, 235, 236, 237

Уокер, мыс 359

Уолкер, зал. 427

Уолкер, оз. 317, 320

Уолкер, перевал 317

Уолкер, р. 317, 320

Уолластон, оз. 326, 429

Уолластон, п-в (о. Виктория)
338, 375

Уолластон, п-в (Гренландия)
356

Уоллова, горы 311

Уорнер, оз. 318

Уосатч, хр. 255, 319

Уоткинс, хр. 422

Упернивик 417

Упернивик, о. 359

Упернивик-фьорд 23, 24, 420

Уэйджер, бухта 266, 365
Уэст-Род, р. 281

Фанди, зал. 160
Фарвель, мыс 16, 286, 414
Фарерские острова 7, 8, 9, 10,
11, 12, 20

Феликс, мыс 16, 362

Фергюсон, р. 328

Филадельфия 311, 387

Филиппины 261

Финдлей, о-ва 409

Финлей, р. 281

Фицвильям, пролив 383, 384

Флаглер-Фьорд, вершина 396

Фландрия 126

Флоренция 48, 85, 126

Флорида, п-в 35, 36, 70, 72,
75, 76, 77, 78, 79, 80, 81,
82, 83, 84, 88, 94, 95, 105,
106, 111, 127, 145, 148, 176,
181, 206

Флоридское течение 77, 78, 80

Фокс, п-в 142

Фокс, пролив 142, 347

Фокс, р. 166, 167

Фолклендские острова 132

Форель, гора 422

Форт-Генри 178, 179, 181

Форт-Джордж, р. 267, 329

Форт-Конгер 393, 416

Форт-Нельсон 192

Форт-Хенри 273

Фосгейм, п-в 399

Франклин, горы 276

Франклин, зал. 338

Франклин, оз. 352

Франклин, пролив 424

Франц-Иосиф, фьорд 287, 414,
422

Франция 27, 83, 84, 85, 86,
87, 88, 90, 91, 92, 94, 104,
118, 143, 144, 158, 160, 162,
164, 182, 184, 188, 190, 192,
200, 205, 206, 247, 260, 270,
308

Французские острова 415

Фредериксхоб 289

Фрейзер, р. 281, 303, 304, 429

Френч-Ривер, р. 163

«Фрисланда», о., страна 49, 57,
114

Фробишер, зал. 114, 117, 118,
132, 365

Фробишер, оз. 274, 278

Фробишер, пролив 114, 117,
118, 122

Фрозен-Стрейт, пролив 138,
266, 347, 379

Фронтенак, форт 206

Фуллертон, мыс 401

Фьюри, мыс 348, 349, 351

Фьюри-энд-Хекла, пролив 348,
379, 403

Фюн, о. 56

Хаген-фьорд 419

Хадли, зал. 410

Хай-Дезерт, пустыня 315

Харни, оз. 315

Хассел, пролив 399, 408

Хеймей, о. 14

Хейс, п-в 139, 387, 388

Хейс, р. 193, 195, 327, 333

«Хейса, пролив» 395, 396

Хекла-энд-Грайпер, зал. 345,
408

«Хелл-Гейт», пролив 398

Хеллуланд, страна 33, 34, 35,
36, 54

Хенриксен, пролив 399

Хепберн, о. 334

Херес, р. 62

Хершел, о. 337, 425, 426

Херюльфснес 26, 27, 28, 31

Хила, пустыня 99, 100

Хила, р. 99, 100, 105, 251,
252

Хильдесгейм 53

Ховгор, о. 415

Холитна, р. 298, 300

Холл, о. 244

Холл, п-в 114, 130, 132, 365

Хольстейнбург 422

Хохолитна, р. 298

Христиания, форт 157

Хуан-де-Фука, пролив 122,
263

Худ, р. 334

Худобина, о-ва 296

Худякова, о-ва 245

Целебес, о. 124

Центральная Америка 5, 46,
120

Центральная Арктика 403, 415

Центральная Европа 55, 153

Центральная Канада 44, 45,
170, 194, 195, 196, 198, 202,
203, 204, 272, 282, 306, 308,
326, 327, 336, 430, 431, 432

Чама, р. 256

Чампотон 78

Чантри, зал. 352, 353, 354, 361
Чарлтон, о. 142, 143
Челленджер, горы 392
Челюскин, мыс 404
«Черный Каньон», ущелье 322, 323
Черчилль 267
Черчилль, оз. 274
Черчилль, р. 141, 176, 191, 193, 205, 265, 267, 270, 272, 275, 278, 282, 305, 326, 327, 328, 354
Чесапикский залив 70, 86, 134, 146, 153, 164
Честерфилд, зал. 266, 326
«Четхин», о. (см. Большой Ситхин)
Четырехсопочные, о-ва 234, 236, 237, 243
Чиауа 312
Чигмит, горы 300
Чикаго 40
Чили 121, 260
Чипевайан, форт 275, 277, 279, 333
Чирикова, о. 215, 264
Чичагова, о. 219, 222, 293, 296
Чугач, горы 243, 283, 298
Чугачская губа 243
Чукотское море 172, 242, 282, 294, 295, 302, 330, 331, 335, 336, 429
Чукотский, мыс 208, 210
Чукотский полуостров 171, 173, 208, 210, 244, 259

Шайенн, р. 203
Шалер, зал. 89
Шамиссо, о. 332, 335, 336
Шамплейн, оз. 161
Шаннон, о. 356
Шантарские острова 298
Швейцария 331
Швеция 41, 42, 212
Шелехова, пролив 242
Шенандоа, р. 179
Шер-фьорд, зал. 415
Шерард-Осборн, мыс 371
Шерард-Осборн, фьорд 392
Шетландские острова 9, 11, 114
Шипунский, мыс 229
Шишмарева, зал. 331
Шотландия 8, 126
Шпицберген, о-ва 20, 286, 291, 348, 349, 355, 394
Штутгарт 238, 239
Шумагина, о-ва 215, 216, 217

«Шхеры Гунбьерна», о-ва 14, 15, 16, 18

Эврика, пролив 396, 399
Эгегик, р. 242
Эглинтон, о. 383, 402
Эджел, о. 117
Эдмонтон 296
Эйлер, оз. 351
Эйрик-фьорд 20
Эклипс, пролив 402
Эксетер, зал. 130
Элберт, гора 312
Элаваш 111
Эллен, гора 324
Эллеф-Рингнес, о. 398, 399, 408
Элсон, бухта (лагуна) 336, 339
Элмира, о. 23, 24, 139, 386, 389, 390, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 402, 410, 412, 416
«Эльдорадо», страна 145
Эмералд, о. 384
«Энгронеланда», о., страна 57
Эребус, зал. 367
Эри, оз. 169, 188, 275
Эскаланте, р. 256, 324
Эскимо, озера 277
Эспаньола (Гаити), о. 75
Эспенберг, мыс 331
Эстербогд 19, 20, 21, 25, 26, 27, 28, 29, 42, 285, 287, 288, 357
«Эстланда», о., страна 57
«Эстотиланда», о. страна 49, 57
Эта 412
Этолин, пролив 295
Этолин, о. 297
Эшшольц, зал. 332

Южная Америка 5, 46, 64, 120, 121, 137, 157, 164, 249
Южная Европа 10, 55, 60, 61
Южная Канада 305
«Южное море» 49, 82, 97, 103, 135, 168, 179, 191, 333 (см. также Тихий, Южный океан)
Южный Бimini, о. 77
Южный Китай 261, 293
Южный купол Гренландии 413
«Южный океан» 333
«Южный проход» 318
Южный Саскачеван, р. 195, 196, 203, 204, 205, 277, 278, 304
Юкатан, п-в 76, 78, 79, 80, 82, 83

Юкон, территория 326
Юкон, р. 260, 294, 298, 300,
301, 302, 303, 324, 325, 326,
429
Юлианехоб 21, 290, 357, 358
Юнион, мыс 389
Юрика, пролив (см. Эврика)
Юта, оз. 255, 257, 316, 317,
319, 321
Юта, штат 321

Ява, о. 124
Язу, р. 109
Яки, р. 97
Якоби, о. 219
Якобсхавн 289
Якутат, зал. 242, 246
Якутск 174
Ямайка, о. 80, 81, 82, 94
Ян-Майен, о. 286
Япония 133, 137
Яткайед, оз. 268, 327, 328

УКАЗАТЕЛЬ СУДОВ

- «Адванс» 386, 387
- «Акция» 298
- «Алабама» 415
- «Александр» 341
- «Алерт» 326, 391, 392, 393
- «Андреян и Наталья» 226, 227
- «Арктик» 401, 402
- «Ассистанс» 350, 371, 380, 381
- «Астролябия» 260

- «Бельжика» 415, 423
- «Благонамеренный» 294
- «Блоссом» 335, 336
- «Буссоль» 260

- «Вега» 413, 415
- «Виктория» 124, 349, 350

- «Габриель» 114, 116, 118
- «Гаусс» 401
- «Германия» 413, 414, 415
- «Грайпер» 343, 344, 345, 356, 357

- «Дания» 415, 417, 419, 421
- «Дисковери» (Ванкувера) 262
- «Дисковери» (Гудзона) 135, 137, 138
- «Дисковери» (Нэрса) 391, 392, 393
- «Долфин» 338

- «Золотая Лань» 121, 122, 124

- «Изабелла» (Ингфилда) 385
- «Изабелла» (Росса) 341

- «Инвестигейтор» 370, 374, 375, 376, 377, 381, 382, 384
- «Иоа» 378, 423, 424, 425, 426

- «Кастор» 352, 353
- «Кинг-Чарльз» 141
- «Колумбия» 261
- «Красин» (см. «Святогор»)

- «Лабрадор» 428, 429
- «Лайон» 337
- «Леди Вашингтон» 261
- «Литке» 429

- «Малыгин» 401
- «Мейфлауер» 154
- «Мермейд» 129
- «Мирный» 297
- «Моллер» 296
- «Муншайн» 127
- «Мэтью» 66

- «Надежда» 292
- «Нева» 292, 293
- «Нептун» 401
- «Непобедимая Армада», эс-кадра 118, 125, 126, 127
- «Нонсач» 191
- «Норт-Стар» 380, 381, 384

- «Открытие» 294, 295

- «Поллукс» 352, 353
- «Полярис» 389, 390, 391
- «Принс-Альберт» 361, 378, 379

«Револьют» 371, 380, 382, 383,
384
«Резольюшен» 257
«Рюрик» 294, 330, 331, 332,
333, 336

«Саншайн» 127, 129
«Святогор» 401
«Святая Екатерина» 234, 236,
238
«Святой Гавриил» 207, 208,
210
«Святой Георгий» 241
«Святой Иулиан» 230
«Святой Павел» 212, 213, 215,
219, 220, 221, 222, 223, 224,
225, 234, 236, 237
«Святой Петр» 212, 213, 214,
215, 216, 217, 219, 222, 224
«Сент-Рок» 426, 427, 428
«Сибиряков» 429
«Симеон Богоприимец» 240
«Слава России» 242, 243, 244,
245
«Сьюзан-Констанс» 149, 150

«Террор» 359, 360, 361, 362,
363, 365, 368
«Трещотка» 25, 26, 28, 41, 43,
44
«Три Святителя» 240, 242

«Фокс» 361, 362, 364, 365
«Фрам» 392, 394, 395, 396,
398, 399, 400, 430
«Фьюри» 347, 348

«Хекла» 343, 344, 345, 347,
348

«Челленджер» 391
«Черный Орел» 245

«Эклипс» 401
«Энтерпрайз» 370, 374, 377,
378
«Эребус» 339, 360, 361, 362,
365, 366, 368

«Юнайтед-Стейтс» 387, 389
«Юнион» 338

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

- Авила, Алонсо 85
 Авинов, Александр Павлович 295
 Айвс, Дж. 322
 Аламинос, Антон 75, 76, 77, 78, 79, 80, 117
 Аларкон, Эрнан 100, 101, 102, 140, 141, 341, 342
 Аллен, Генри 324, 325
 Аллуэ, Клод Жан 184
 Альбанель, Шарль 192
 Альф 26
 Амадас, Филипп 145
 Амдруп 414
 Амельченко 23
 Амундсен, Руал 353, 366, 378, 423, 424, 425, 426, 427, 428
 Ангери, Пьетро (см. Мартин Педро)
 Андреасен, Уле 405, 406
 Андерсон, Джемс 361
 Андерсон, Родольф Мартин 403, 404, 407
 Андре, Соломон 414
 Анкиндинов, Герасим 172, 173, 175
 Анса, Хуан Баутиста 251, 252
 Аристотель 61
 Арнар 12
 Арроусмит, Аарон 342, 346
 Артур, Габриель 181
 Архимандритов 297
 Астор, Джон Джейкоо 313, 314
 Атауальпа 106, 110
 Атласов, Владимир Васильевич 175
 Афонсу, Жуан 92, 160, 192
- Ашли, Вильям 315
- Баддингтон, Сидней 384, 389, 390
 Баженов 298
 Бай, Эдвард 396
 Байлот, Роберт 137, 138, 139, 140, 141, 341, 342
 Бак, Джордж 333, 336, 337, 350, 351, 352, 353, 363
 Банкрофт, Дж. 239
 Банкс, Джозеф 340, 355, 377
 Бардсен, Ивар 15, 18, 25, 42, 43, 44
 Баранов, Александр Андреевич 239, 242, 245, 246, 292, 293, 298
 Барлоу, Артур 145
 Барнард, Питер 409
 Барроу, Джон 339, 340
 Басов, Емельян Софронович 223, 224
 Батс, Томас 179, 180
 Батон, Томас 137, 138, 142, 143
 Бауман, Виктор 398
 Баффин, Вильям 138, 139, 140, 141, 285, 341, 342
 Бахан, Дэвид 333, 340, 343
 Башмаков 226
 Бейкер, Дж. 66, 122, 308, 312
 Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич 294
 Белло, Жозеф-Рене 378, 379
 Бельтран, Бернардино 113
 Бемер Г. 169

Белчер, Эдуард 361, 377, 380, 381, 382, 384, 399,
Берг, Лев Семенович 173, 211
Беринг, Витус Ионассен 50, 173, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 224, 231, 238, 247, 250, 264, 297
Беркли, Вильям 178
Бернье, Жозеф 401, 402, 403
Берх В. Н. 282
Бест, Джордж 114, 117, 119
Бессельс, Эмиль 391
Бехайм, Мартин 62
Биллингс, Джозеф 238, 239, 242, 243, 244, 245
Бичи, Фредерик 335, 336, 338, 343, 344
Бленд, Эдуард 178
Бодега-и-Куадра, Хуан Франсиско 251, 263, 264
Бомон 392
Бонвилл, Бенджамен 316, 317
Борден, Роберт 404
Бочаров, Дмитрий Иванович 240, 242
Брандан 62
Браскеруд, Цве 396
Браун 371
Бребеф, Жан 169, 170
Бребнер, Дж. Б. 95, 167, 184, 201, 247, 249, 256, 257, 275
Бренлунд, Йорген 417, 419
Бриджер, Джемс 315
Брукс, Альфред 325
Брусилов, Георгий Львович 401
Брюле, Этьен 162, 163, 164, 165, 166
Бут, Феликс 349
Бьярни Турдарсон 23
Бьярни Херюльфсон 29, 30, 31, 32, 33, 36
Ваксель, Свен 212, 213, 215, 216, 217, 218
Валле, Педер 289, 357
Ванкувер, Джордж 215, 251, 259, 262, 263, 264, 265
Васильев, Иван Филиппович 294, 300, 301
Васильев, Михаил Николаевич 295, 296
Васютинский, Петр 226, 227, 228
Варенн (старший) 200, 201, 202
Варенн де Ла-Верандри, Пьер Готье (старший) 197, 198
Варенн, Жан-Батист 201

Варенн, Лун Жозеф 201, 202, 203, 204, 309
Варенн, Пьер (младший) 201, 202
Варенн, Франсуа 198, 201, 202, 203, 204, 309
Вегенер Альфред 294, 295, 296, 300, 301, 420, 421
Веласкес, Диего 94
Верандри (см. Варенн)
Верраццано, Джироламо 87, 88
Верраццано, Джованни (Веррацзан, Жан) 85, 86, 87, 164
Вик, Густав 426
Виктор, Поль-Эмиль 422, 423
Витфлит, Корнелис 49, 50
Вольтер, Франсуа Аруэ 206
Врангель, Фердинанд Петрович 296
Всевилов, Андрей 226
Вуд, Авраам 178, 179, 181
Вульф, Торильд 420
Габель-Йоргенсон К. 421
Гагемейстер, Леонтий Андрианович 293, 294
Галлатин, Альберт 310
Гальвес, Хосе 248, 250
Гальти (см. Снебьерн)
Ганнисон, Дж. 322
Гарай, Франсиско 80, 81, 82
Гаральд Гаарфагр 12
Гардар Сваварсон 12
Гарсес, Франсиско 252, 253, 254, 255
Гассерт К. 15, 393
Гвоздев, Михаил Спиридонович 210, 211, 218, 259, 331
Гельвальд Ф. 15, 137, 390
Генрих IV Бурбон 158, 160, 168
Генрих VII Тюдор 66
Гибсон, Вильям 367
Гилберт, Гров Карл 324
Гилберт, Хемфри 128, 143, 145
Гиллам, Захарий 191
Гисле, Одсон 42, 43
Глазунов, Андрей 301, 302
Глотов, Степан Гаврилович 229, 230, 231, 233
Годунов, Петр 175
Голиков, Иван 240
Головин, Василий Михайлович 262, 264
Гомара, Франсиско Лопес 49, 74
Гор, Грейам 362, 363
Гор, Джон 260

Госнолд, Бартоломью 147, 148, 149
 Грей, Роберт 251, 261, 262, 263, 269, 304
 Грейам, Эндрю 196
 Греноль 165, 166
 Грили, Адольф Вашингтон 388, 393, 394
 Гринвилл, Ричард 145, 146
 Гриннелл, Генри 373, 386
 Грихальва, Хуан 76, 79, 80
 Гро, Вильгельм Август 20, 23, 357, 358, 414
 Грозилье, Медар Шуар 182, 183, 184, 190, 191, 192
 Гудзон, Генри 133, 134, 135, 136, 137, 138, 152, 156, 160, 164, 218, 287
 Гудрид 37, 38
 Гунберн Ульфсон 14, 15, 16
 Гусман, Нуньо 97, 98
 Густав Адольф 157
 Гутьеррес, Антонио 113
 Данель, Давид 59, 285, 286, 287
 Девис, Джон 59, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 139, 341
 Де-Во, Чарльз 362
 Дейли, Чарльз Патрик 366
 Джемс I (см. Яков I)
 Джефферсон, Томас 308, 310
 Дзено, Антонио 46, 57, 59
 Дзено, Николо 46, 49, 57, 59
 Джейнс, Джон 64, 128, 129, 132
 Джемс, Томас 139, 141, 142, 143
 Дежнев, Семен Иванович 171, 172, 173, 174, 175, 176, 207, 208, 211, 218
 Де Хавен, Эдвин 360, 372, 373, 385
 Делавер, лорд 153
 Деларов, Евстрат Иванович 241, 245
 Дементьев, Авраам Михайлович 219
 Деселье 93
 Диас дель Кастильо, Берналь 75, 76, 81, 82, 85, 87, 95
 Диас, Мельчор 99, 101, 102
 Диз, Питер Уоррен 337, 339, 350, 352, 353
 Диккейс, Чарльз 304
 Дикуна 8, 9, 10, 61
 Домингес, Франсиско 254, 255, 256, 257

Доусон, Джордж 325, 326
 Дрейк, Френсис 85, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 145, 176

Екатерина II 233, 237, 238, 262
 Елагин, Иван 212, 222, 223
 Елизавета I 114, 115, 119, 120, 123, 124, 143, 145, 146
 Ефимов А. В. 209, 210

Жог, Исаак 169, 170
 Жолье, Луи 184, 185, 186, 187, 188, 189
 Жуан да Гама Индийский 212
 Жуан II 60

Загоскин, Лаврентий Алексеевич 294, 298, 300, 301, 302
 Зайков, Потап 258
 Зарембо, Дионисий Федорович 296, 297
 Зонтаг 387, 388
 Зубов, Николай Николаевич 245
 Зупан А. 205, 207

Иванов, Алексей 297, 298, 300
 Иглауик 347
 Изабелла I 64, 66, 69
 Измайлов, Герасим Александрович 240, 242
 Ингафилд, Эдуард 361, 379, 384, 385, 388
 Ингольф, Арнарсон 13, 14
 Ирвинг, Вашингтон 313, 316, 363
 Ирвинг, Джон 363, 366
 Исаксен, Гуннар 23, 396, 398, 399, 408

Кабот, Джон (Кабото, Джованни) 50, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 83, 114, 143, 429
 Кабот, Лодовико 66
 Кабот, Санчо 66
 Кабот, Себастьян 49, 50, 65, 66, 69, 70, 83, 114, 143, 429
 Кавелье де Ла-Саль (см. Ла-саль)
 Кавендиш, Томас 132
 Кавеса де Вака, Альваро Нуньес 96, 97, 98, 99, 111
 Калинин, Даниил Васильевич 292, 293
 Камарго, Диего 82
 Каннингем, Джон 284
 Кантино 63, 72, 73
 Карденас, Гарсия Лопес 103

Карл I (Габсбург) Испанский 84, 85, 87, 105
 Карл I Стюарт 141, 178
 Карл II Стюарт 157, 191
 Карлсефни, Торфинн 37, 38
 Карранка, Андрес Дорантес 97
 Карсон, Кит 318, 319
 Картье, Жак 85, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 160, 192
 Кастильо, Доминго 102
 Кейн, Илайша Кент 361, 365, 385, 386, 387, 393
 Келлетт, Генри 380, 382, 384, 392
 Келси, Генри 193, 194, 195, 198, 202
 Кендалл, Эрнест 336, 337
 Кендрик, Джон 261
 Кеннеди, Вильям 349, 361, 378, 379
 Кеникот, Роберт 303
 Кервен А. 420, 423
 Керн Э. М. 320
 Кинг, Кларенс 322, 323
 Киньонес, Антонио 85
 Клаверинг, Дуглас Ч. 355, 356, 357
 Клавус, Клавдий 57
 Кларк, Вильям 308, 309, 310, 311, 312, 314, 315
 Климовский, Андрей 293, 298
 Кнутсон, Пауль 43, 44, 45, 46
 Козьмин, Прокопий Тарасович 298
 Кокинг, Мэтью 273
 Колмаков, Петр Федорович 301, 302
 Колмаков, Федор 293, 298, 300
 Коллинсон, Ричард 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380
 Коль Д. 53
 Кольдевей, Карл 413, 415
 Кольер, Жан Батист 185, 192
 Колумб, Варфоломей 59
 Колумб, Христофор 5, 7, 32, 46, 52, 53, 59, 60, 63, 64, 66, 75, 80, 84, 132, 147
 Кордейру, Антониу 47
 Кордова, Франциско Эрнандес 76, 78, 79, 80, 81
 Корсаковский, Петр 293, 294
 Кортес, Эрнандо 76, 80, 81, 82, 85, 94, 95, 97
 Кортириал, Жуан Ваш (старший) 47, 48, 51, 52, 53, 54, 60, 72, 74, 115, 143, 429
 Кортириал, Гашпар (младший) 48, 71, 72, 74, 83, 429

Кортириал, Мигел (младший) 48, 72, 74, 83, 429
 Коронадо, Франсиско Васкес 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 112, 113, 431
 Коса (ла Коса), Хуан 69, 70
 Кох И. П. 420
 Кох, Лауге 420, 421, 422
 Коцебу, Отто Евстафьевич 330, 331, 333
 Креницын, Петр Кузьмич 233, 234, 235, 236, 237, 238, 242
 Креспи, Хуан 248, 249, 252
 Кресуэлл 375
 Кристиан I 50, 51
 Кристиан IV 284
 Крозье, Френсис Ричард 359, 362, 363, 366
 Кромвель, Оливер 178
 Крузенштерн, Иван Федорович 292
 Куадра (см. Бодега-и-Куадра)
 Кук, Джемс 237, 239, 242, 257, 258, 259, 260, 262, 264, 274, 282, 294, 295, 331, 335, 340, 355
 Куприянов, Иван Антонович 297
 Курто А. 422
 Кэмпбелл Р. 303

 Ла Верандри (см. Варенн)
 Ла Жемерэн, Кристоф Дюфро 199, 200, 201
 Лазарев, Максим 226, 227, 228, 294, 297
 Лайон, Дж. Ф. 347
 Ламберт 287
 Лаперуз, Жан Франсуа 260, 261, 270
 Ларсен, Генри 426, 427, 428
 Ларсен, Софус 52, 53
 Ла-Саль, Робер Кавелье 186, 188, 189, 190
 Лас Касас, Бартоломё 94
 Левашов, Михаил Дмитриевич 233, 234, 235, 236, 237, 238, 242
 Лавенерн, Пауль 290
 Ле-Весконт, Генри 366
 Легардер де Сен-Пьер 204, 205
 Ледерер, Йоганн 178, 179
 Ле-Жен 167
 Лейф (IX в.) 13
 Лейф Эйриксон «Счастливым» (X в.) 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38
 Ле-Карон, Жозеф 163, 164

Леон, Хуан (см. Понсе де Леон)
 Лери 83
 Летранн, Жан-Антуан 8
 Лиддон, Мэтью 343
 Линденев, Годше 284
 Линдсей, Мартин 422
 Лисянский, Юрий Федорович 292, 293
 Литке, Федор Петрович 296
 Ллойд, Джон 64
 Лоу, Альберт Питер 328, 329, 401
 Локвуд, Джемс 393, 394
 Лукин, Иван Семенович 303, 324
 Лукин, Семен 300, 302
 Люис, Мэриуотер 308, 309, 310, 311, 314, 315
 Людовик XI 27
 Людовик XIV 185, 189, 190
 Магеллан, Фернан 114, 120
 Магнус Эриксон 25, 41, 42, 43, 44
 Мадисон, Джемс 310
 Майен, Ян 133
 Мак-Клинтон, Френсис Леопольд 360, 361, 362, 363, 364, 365, 371, 372, 377, 383, 384, 392
 Мак-Клур, Роберт Джон 360, 374, 375, 376, 377, 379, 380, 381, 382, 384, 423
 Макензи, Александр 271, 272, 273, 275, 276, 277, 280, 281, 282, 283, 304
 Макензи, Родерик 275, 276, 278, 279
 Маккай, Александр 279
 Маласпина, Александро 264
 Малахов, Василий 300, 301, 302, 303, 325
 Мальдонадо, Алонсо дель Кастильо 97
 Мануэл I 71
 Маргарита Датская 26
 Маркетт, Жак 184, 185, 186, 187, 188, 189
 Марк из Ниццы 99, 100, 101
 Маркем, Альберт Гастингс 392, 393
 Маркс, Карл 10, 126
 Мартир, Педро (Пьетро д'Ангера) 69
 Маттиассен, Торкей 29
 Матонабби 268, 269, 270
 Мелвилл, лорд 341

Медина Сидонья 67, 95, 125
 Мендоса, Антонио 98, 100
 Меркатор, Герард 49, 74
 Мечем, Джордж 382, 383, 384
 Мидлатон, Кристофер 265, 266, 347
 Миккельсон, Эйнар 415, 419
 Митьков, Прокофий Платонович 297

Миллер Г. Ф. 247
 Монтесума 85, 87
 Мортон, Вильям 386, 387, 389, 390
 Москвитин, Иван Юрьевич 171
 Москосо, Луис 111, 112
 Мошков, Кондратий 207, 210
 Мунк, Йенс 141
 Мур, Вильям 265, 266
 Мюлиус-Эриксен, Лудвиг 417, 419
 Мюнстер, Себастьян 74
 Мюнцер, Иероним 60

Наддод 12
 Найт, Джон 284
 Наквасин 225
 Нансен, Фритъоф 15, 22, 52, 56, 394, 395, 413, 419
 Нарваэс, Панфило 94, 95, 96, 105, 106, 112, 431
 Наполеон I 308
 Натхорс А. Г. 414
 Неводчиков, Михаил 224, 225
 Нивервиль, Жозеф Буше 204, 205
 Нигер, Клавдий Клавус 18, 55, 56, 57, 59
 Нидхем, Джемс 181
 Николлет, Джон (Николле, Жан) 317
 Николе, Жан 165, 166, 167, 168
 Нойон, Жак 199
 Норденшельд, Адольф Эрик 412, 413, 415
 Норберг, Петер 367
 Ньюпорт, Кристофер 147, 149, 150, 151, 152, 178
 Нэрлунд, Пауль 26, 27
 Нэрс, Джордж Стронг 391, 392, 393

Огден, Питер 315
 Олай Магнус 57
 Олдрич, Пелем 392
 Омани, Эразм 360, 371
 Омен, Алвару Мартинш 47, 48, 51

Онъяте, Хуан 113
Ортис, Хуан 106, 112
Осборн, Шерард 371, 381, 392, 408
Остин, Горас 360, 371, 372, 373, 380
Охеда, Алонсо 69

Павков 291, 355
Пайер, Юлиус 413
Пайк, Зебулон 312
Палаас, Петр-Симон 237
Парри, Вильям Эдуард 139, 143, 341, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 353, 354, 355, 356, 359, 372, 377, 382, 427, 428, 430
Пауэлл, Джон Уэсли 323, 324
Паскуалиго 71
Патрик 8
Пеллинут 23
Пенни, Вильям 360, 372, 373, 374
Перес, Хуан 250, 251, 264
Петр I 207, 213
Петров, Иван 324
Пибоди, Джордж 386
Пим, Бедфорд 382
Пинедра, Алонсо Альварес 81, 82, 96
Пиннинг, Дидрик 50, 51, 52, 53, 54
Пирс, Роберт 349, 398, 415, 416, 417, 419, 420
Писарро, Франсиско 99, 106
Плиний 61
Плутарх 61
Подушкин, Яков Аникеевич 293
Полярис, Карл 390, 391
Понд, Питер 273, 274, 275
Пономарев, Савин 230, 231, 233
Понсе де Леон, Хуан 75, 76, 77, 78, 80, 81, 431
Попов, Федот Алексеевич 171, 172, 173, 174, 175, 176, 211, 218
Порс, Клаус 288
Портола, Гаспар 249, 250, 252
Потхорст, Ханс 50, 51, 52, 53, 54
Прейс, Карл 318
Прибылов, Гавриил Логинович 241, 242
Принг, Мартин 147, 148
Приккет, Абакук 135
Птолемей 49, 55, 56, 58
Пуртов, Егор 246
Пюджет П. 263

Радиссон, Пьер Эспри 183, 184, 190, 191, 192
Раймилл, Джон 422
Ралей, Вальтер (см. Роли Уолтер)
Расмуссен, Кнуд 29, 367, 412, 419, 420, 421
Рафн, Карл Кристиан 21, 22, 32
Рей, Джон 353, 354, 361, 377, 379, 380
Реймонд, Чарльз 324
Рейс 287
Реклю, Элизе 162, 263, 323
Ривера, Эрнандо 248
Ринк, Хинрик Йохан 17, 21, 37, 358, 412, 422
Рингнес, Амунд 395, 399
Рингнес, Элlef 395, 399
Рихардсен, Карстен 284, 285
Ричардсон, Джон 334, 335, 336, 337, 338, 339, 392
Ричардс, Джордж Генри 381
Робертсон В. 32
Роберваль, Жан-Франсуа 92
Робсон 389
Роджерсон 238, 263
Родригес, Агустин 113
Роли, Уолтер 143, 144, 145, 146, 151
Рольф из Раудисанда 15
Ронес, Олуф 399
Росс, Джемс Кларк 343, 350, 351, 359, 363, 370, 371, 374
Росс, Джон 341, 342, 343, 349, 350, 355, 360, 378
Рузвельт, Теодор 416
Румянцев Н. М. 330
Руперт Баварский, принц 191, 192
Русанов, Владимир Александрович 401
Рыдалев, Михаил 294
Рюдер 414

Сабин, Эдуард 343, 355, 357
Савельев, Сидор 220
Сагар-Теода, Габриэль 164
Сакаджавса 309, 310, 311
Сандвич, лорд 258
Санников, Евтихий 224, 225
Сарычев, Гавриил Андреевич 238, 239, 242, 243, 244, 245
Сварт, Клавдий Клауссон (см. Нигер К. К.)
Свердруп, Отто 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 413, 419, 430
Северин, Якоб 288, 289

Седов, Георгий Яковлевич 401
 Серебренников, Андрей 226
 Сетл, Дайонайз 118
 Сигурд, Стефаний 33
 Симмонс, Герман Георг 398
 Симпсон, Томас 339, 352, 353
 Синдт, Иван 234, 238, 239
 Скольв (Скольн, Скольп, Ско-
 лус), Ян (Джон, Иоанн, Ио-
 ганн, Хуан), см. Ян из
 Кольна
 Скорсби, Вильям (младший)
 340, 354, 355, 356, 357
 Скорсби, Вильям (старший)
 354, 355, 356, 357
 Скулкрафт, Генри 305
 Смит, Джедидия 316
 Смит, Джон 151, 152, 178
 Смит, Томас 139
 Снебьерн Галти 15
 Сото, Эрнандо 104, 105, 106,
 107, 108, 109, 110, 111, 112,
 113, 431
 Станюкович, Михаил Никола-
 евич 295, 296
 Стеллер, Георг-Вильгельм 212,
 213, 214
 Стенсбери, Говард 321, 322
 Стефансон, Вильяльмур 29, 37,
 399, 403, 404, 405, 406, 407,
 408, 409, 410, 411, 420,
 430
 Сторкерсон, Сторкер 403, 404,
 405, 406, 407, 408, 409, 410,
 411, 430
 Стюарт, Джемс 361
 Стюарт, Джон 304
 Стюарт Р. 313
 Сюлли, Максимилиан 158
 Схей, Пер 399
 Тараваль, Севастьян 253
 Тебенёков, Михаил Дмитрис-
 вич 237, 297
 Тейлор, Эндрю 410
 Тейшейра, Луиш 212
 Тернор, Филипп 277, 278
 Тиррелл, Джемс 269, 272, 325,
 326, 327,
 Тиррелл, Джозеф 269, 272, 325,
 326, 327, 328
 Толстых, Андреян 225, 226,
 227, 228, 229, 233
 Томсен, Карл 406, 409
 Томпсон, Давид 304, 305, 306,
 307, 308
 Торвальд, Эйрикссон 37
 Торн, Роберт 64, 68
 Торфеус, Тормод 32

Торфинн (см. Карлсефни)
 Трапезников, Никифор 226
 Тржемесский И. И. 401
 Тьерри, Огюстен 10
 Тюркир 35, 36

Уилкинс, Губерт 405
 Уиллер, Джордж 324
 Уинсор Дж. 60, 122, 132, 133
 Уинниат 376
 Улаф, Трюгвассон 36, 37
 Уолкер, Джон 317, 319
 Ульф Крак 16
 Уолластон 338
 Уоткинс Г. Дж. 421, 422
 Усов, Василий 175
 Устюгов, Петр 293, 294
 Уэймут, Джордж 147, 148

Фаллам, Роберт 179, 180
 Федоров, Иван 210, 211, 218,
 259, 331
 Фердинанд I 64, 66, 68, 75, 76
 Фидлер, Питер 277, 278
 Филипп II 125
 Филипп Орлеанский, герцог
 415
 Фиске, Джон 110
 Фицджермс, Джемс 359, 362,
 366
 Флетчер, Френсис 122
 Флиндерс, Мэтью 333
 Флоки Фильгерварсон 12
 Фокс, Льюк 139, 141, 142, 143,
 265
 Форсайт, Кондрингтон 360
 Фосгейм, Ивар 398, 399
 Франклин, Бенджамен 206
 Франклин, Джен 360, 361,
 378
 Франклин, Джон 333, 334, 335,
 336, 337, 338, 339, 344, 348,
 352, 354, 359, 360, 361, 362,
 365, 366, 367, 368, 369, 370,
 371, 375, 378, 379, 380, 382,
 385, 387, 424, 430
 Франциск I 66, 84, 85, 91, 92
 Фрейдис 37
 Фрейзер, Саймон 304
 Фризий (Фриз), Лоренц 49, 50
 Фрейхен, Петер 420
 Фримонт, Джон Чарльз 317,
 318, 319, 320, 321, 322
 Фробишер, Джозеф 272, 273,
 274, 275
 Фробишер, Мартин 59, 114,
 115, 116, 117, 118, 119, 120,
 126, 127, 128, 131, 135, 138,
 143, 365

Фронтенак, Луи 188
Фруктуозу, Гашпар 47

Хаген, Хег 417, 419
Хадли, Джек 410
Хаклюйт, Ричард 111, 148
Хамке, Гел 287
Хант В. П. 313
Харамильо 103, 104
Хармон, Даниэл 304
Хассел, Сверре 398, 399
Хасуэлла 375
Хебард Г. Р. 311
Хейберг, Аксель 395
Хейс, Исаак Израиль 386, 387,
388, 389, 390, 393
Хендей, Антони 195, 196, 198,
273
Хендрик, Меркут 390
Хендрик, Ханс 386, 387, 388,
390, 393
Хенниг 15, 16, 24, 29, 30, 37,
40, 52, 53, 55, 56, 60
Хенри, Александр 273, 274, 275
Хенриксен, Педер Леонард 399
Хейберн, Джон 333
Херн, Сэмюэл 267, 268, 269,
270, 271, 272, 273, 278, 279,
282, 326
Хершел, Вильям 337
Херюльф 30, 31
Хитрово, Софрон Федорович
213
Хобсон, Вильям 362, 364, 365
Хокинс, Джон 119, 120, 126
Хокон VI Магнуссон 42
Холанд, Яльмар 40, 41, 44, 45
Холл, Джемс 284, 285
Холл, Кристофер 114, 118
Холл, Чарльз Френсис 365,
366, 389, 390, 393
Хольм, Густав 414
Хопнер, Генри 348
Хорн, Георг 50
Хромченко, Василий Степано-
вич 295, 333
Хуан Флорин 85, 87 (см. так-
же Верраццано Джованни)
Худ, Роберт 334
Худобин, Андрей 296
Худяков 245

Чаплин, Петр Авраамович 209
Черепанов, Степан Яковлевич
225
Чириков, Алексей Ильич 207,
211, 212, 215, 219, 220, 221,

222, 223, 224, 231, 247, 250,
251, 297
Чичерин 233

Шабо, Филипп 88
Шамиссо, Адальберт, 330, 331
Шамплен, Самюэль 157, 158,
159, 160, 161, 162, 163, 164,
165, 166
Шарбонно, Туссен 309
Шватка, Фредерик 324, 360,
365, 366, 367
Шенер, Иоганн 62
Шишкин, Петр 231
Шишмарев, Глеб Семенович
294, 295, 330, 333
Шелехов, Григорий Иванович
239, 240, 241, 242, 243, 246
Шпанберг, Мартин Петрович
210
Штелин, Яков 238, 239
Штехе Т. 31
Шумагин, Никита 215

Эбербинг, Ханна 365, 366, 389,
390
Эбербинг, Джозеф 365, 366,
389, 390
Эгед, Кристиан 290, 291
Эгед, Ханс 287, 288, 421
Эгмунд 26, 27
Эдуардсон, Джон 345
Эйрик Рауди Турвальдсон 14,
16, 17, 18, 19, 29, 30, 32,
36, 37, 60
Эллот, Хью 64
Эллис, Генри 266
Эллис, Томас 118
Элсон 336, 352
Энгельс, Фридрих 10, 126
Эндридий Одсон 24
Эрик VI 41, 55
Эрлинг Сигватсон 24
Эскаланте, Сильвестре Велес
254, 255, 256, 257
Эсета, Бруно 251, 262
Эспехо, Антонио 113
Эстеван 96, 97, 99
Этолин, Адольф Карлович 295
Эшшольц, Иван Иванович 330,
332

Яков (Джемс) I Стюарт 146,
148, 149, 178
Ян из Кольна 47, 48, 49, 50,
51, 52, 53, 54, 60

ЛИТЕРАТУРА

Существует огромное количество описаний плаваний к Северной Америке и вдоль берегов североамериканских островов и материка, путешествий по матерiku и по льдам Американского Арктического архипелага и Гренландии. Очень велика также специальная литература на различные темы, связанные с историей изучения Северной Америки, но нет ни одного сводного труда, в котором последовательно излагался бы ход ее открытия и исследования с моря и суши, — хотя бы до конца XIX века.

Ниже указаны только те использованные автором историко-географические работы, которые изданы отдельными книгами.

Часть первая

- Гельвальд Ф. В области вечного льда. История путешествий к Северному полюсу... Спб., 1884, главы: «Ирландцы на Севере», «Норманны в Исландии», «Открытие Гренландии и ее заселение», «Путешествия на Север в средние века».
- «Древне-северные саги и песни скандинавов», Спб., 1903. В сборник включена «Сага об Эйрике Красном».
- Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, т. I, М., 1949, ч. 2, гл. I.
- Фиске Д. Открытие Америки, с кратким очерком Древней Америки и испанского завоевания, т. I, М., 1892, гл. 2.
- Хенниг Р. Неведомые земли, т. II, М., 1961, гл. 79, 83, 90, 91, 100, 102, 104, 105, 107, 109.
- Fischer J. Die Entdeckungen der Normannen in Amerika, Freiburg, 1902.
- Gray E. Leif Eriksson, discoverer of America, Oxford, 1930.
- Hennig R. Terrae incognitae, 2-e Auflage, Leiden, B. III, 1953; Kap. 124, 129, 149, 150, 153, 157; B. IV, 1956; Kap. 177, 188, 190, 199.
- Holand H. Exploration in America before Columbus, New York, 1956.
- Larsen S. The discovery of North America twenty years before Columbus, London, 1924.
- Major R. The voyages of the Venetian brothers Nicolo and Antonio Zeno to the northern sea, London, 1873 (Hakluyt Society, vol. 50).
- Nansen F. Nebelheim, Leipzig, 1911 (перевод с норвежского).
- Nordenskjöld A. E. Periplus, Stockholm, 1897.

- Nörlund P. Viking settlers in Greenland and their descendants during five hundred years, London, 1936.
 Steche T. Wikinger entdecken Amerika, Hamburg, 1934.
 Taylor E. The haven-finding art, London, 1956; Chap. 4.
 Winsor J. Narrative and critical history of America, vol. I, Boston, 1889.

Часть вторая

- Бейкер Д. История географических открытий и исследований, М., 1950, гл. 6, 8, 12.
 Белов М. И. Семен Дежнев, М., 1955.
 Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946, ч. I.
 Верн Ж. История великих путешествий. Открытие Земли, Л., 1958, ч. 2, гл. 3 и 6.
 Гельвальд, Ф. В области вечного льда, Спб., 1884, главы: «Кабот и Северный проход», «Фробишер... и Дэвис», «Первое проникновение в арктическую Америку».
 Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, М., 1957, гл. 19, 24, 25, 28, 32, 33, 43—46.
 Мюллер В. К. Пират королевы Елизаветы, Л., 1924 (о Ф. Дрейке).
 Пешель О. История эпохи открытий, М., 1884, кн. 2, гл. 6; кн. 3, гл. 7.
 Уинсор Д. Христофор Колумб и открытие Америки, Спб., 1893, гл. 7 и приложение.
 Фиске Д. Открытие Америки... т. II, М., 1893, гл. 12.
 Brebner J. The explorers of North America, New York, 1955; chap. 1—13.
 „Danish arctic explorations, 1605 to 1620“, 2 vols, London, 1896—1897 (Hakluyt Society, vols 96—97).
 Deschamps H. Les voyages de Samuel Champlain, Saintongeais, Père du Canada, Paris, 1951.
 “Discovery and conquest of Terra Florida”, London, 1851 (Hakluyt Society, vol. 9, об экспедиции Э. Сото).
 Drake F. Younger and Fletcher F. The World encompassed by sir Francis Drake, London, 1855 (Hakluyt Society, vol. 16).
 Hakluyt R. The principal navigations, voyages and discoveries of the English nation made by sea or over land, London, 1589, part III (ряд переизданий). — Voyages and documents, selected, London, 1958.
 Harris H. Discovery of North America, London, 1892. — John Cabot, the discoverer of North America and Sebastian, his son, London, 1896. — Les Corte-Real et leurs voyages au Nouveau Monde, Paris, 1883.
 “Henry Hundson, the navigator”, London, 1860 (Hakluyt Society, vol. 27).
 Markham C. A life of John Davis, the navigator, discoverer of Davis strait, London, 1889.
 Mowat F. Ordeal by ice, Canada (город не указан) 1960; parts 1—4 (адаптированные тексты отчетов экспедиций М. Фробишера, Г. Гудзона, И. Мунка и Т. Джемса).
 “Narrative of voyages toward the North West... 1496 to 1631”, London, 1849 (Hakluyt Society, vol. 5).
 Parkman F. Pioneers of France in the New World, Boston, 1893.
 Ramusio G. Delle navigazzioni e viaggi, Venezia, t. III, 1566 (ряд переизданий).
 Robertson W. Histoire de l'Amérique, t. II, Paris, 1845 (5-е издание французского перевода, дополненного В. Робертсоном-сыном, английского издания 1796 г.).

Supan A. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien mit einem Kolonialgeschichtlichen Atlas, Gotha, 1906; Teil „Die spanisch-portugiesische Periode 1492—1598“ und „Die holländische Periode 1598—1670“.

Taylor E. Tudor Geography 1485—1583, London, 1930.

“Voyages and works of John Davis, the navigator”, London, 1878 (Hakluyt Society, vol. 59).

“Voyages of Capt. Luke Foxe of Hull and Capt. Thomas James of Bristol in search of a North West Passage”, London, 1893 (Hakluyt Society, vol. 88—89).

“Voyages of William Baffin”, London, 1880 (Hakluyt Society, vol. 63).

Winsor J. From Cartier to Frontenac, Boston, 1894.—Narrative and critical history of America, vols 2—4, Boston, 1887—1889.

Часть третья

Бёмер Г. Иезуиты, М., 1913, гл. 4.

Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, М.—Л., 1946, ч. II и III.

Берх В. Н. Хронологическая история открытия Алеутских островов, Спб., 1823.

Ваксель С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга, Л.—М., 1940.

Ванкувер Д. Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1700—91 гг., 6 томов, Спб., 1827—1838.

Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга, Спб., 1890.

Гельвальд Ф. В области вечного льда, Спб., 1884, глава «Второе открытие Гренландии».

Дивин В. А. К берегам Америки. Плавание и исследования М. С. Гвоздева, М., 1956.

Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океане. XVII в.—первая половина XVIII в., М., 1950.

Лебедев Д. М. Плавание А. И. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» к побережьям Америки, М.—Л., 1951.

Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, М., 1957, гл. 53, 54, 60, 62, 66, 67.

Путешествие в Северный Тихий океан капитанов Кука, Кларка и Гора... 2 тома, Спб., 1805—1810.

Путешествие по Северной Америке к Ледовитому морю и Тихому океану, совершенное господами Херном и Мякензием... Спб., 1808.

Русские мореплаватели, М., 1953.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке, М., 1948.

Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX веках, М., 1944.

Сарычев Г. А. Путешествие по Северо-восточной Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, М., 1952.

Стеллер Г. В. Из Камчатки в Америку, Спб., 1907.

Шелехов Г. И. Первое странствование по Восточному океану к американским берегам, Спб., 1791.—Продолжение странствования по Восточному океану к американским берегам в 1788 году, Спб., 1792 (Плавание Г. А. Измайлова и Д. И. Бочарова).

Экспедиция Беринга, сборник документов, М., 1941.

Brebneg J. The explorers of North America, New York, 1955; chap. 14—23.

Bryce G. History of the Hudson Bay Company, New York, 1900.

- Crouse N. La Vérendry, fur trader and explorer, New York, 1956.—
The Search for the North West Passage, New York, 1947.
Godwin G. Vancouver, a life, New York, 1931.
Jeffery C. The Picture gallery of Canadian history, eighth printing,
Toronto, 1955, vol. 1.
Le Gentil G. Découverte du monde, Paris, 1954; chap. 4—5.
Mac Kay D. The Honourable Company. A history of the Hudson Bay
Company, London, 1937.
Parkman F. La Salle and the discovery of the Great West, Boston.
1893.—The Jesuits in North America, Boston, 1893.
Supan A. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien,
Gotha, 1906; Teil „Die französisch-britische Periode 1670—1783“.
Turner F. The Frontier in American history, New York, 1931.
Tyrrell J. B. Documents relating to the early history of Hudson Bay.
Toronto, 1931.
Villiers M. L'expédition de Cavellier de la Salle dans le golfe du Me-
xique, Paris, 1931.
Wilson B. The Great Company, vol. I, London, 1900.

Часть четвертая

- Бейкер Д. История географических открытий и исследований, М.,
1950, гл. 15.
Боли А. Северная Америка, М., 1948, гл. 7, 9 и 10.
Гюнтер С. История географических открытий и успехи научного зем-
леведения в 19 веке, М., 1903, гл. 6.
Ефимов А. В. Очерки истории США, М., 1955.
Загоскин Л. П. Путешествия и исследования... в Русской Америке
в 1842—1844 гг., М., 1956.
Лисянский Ю. Ф. Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг. на
корабле «Нева», М., 1947.
Марков С. Летопись Аляски, М.—Л., 1948.
Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-
американской компании и действия ее до настоящего времени, 2 то-
ма, Спб., 1861—1863.
Allen A. Expedition in the Territory of Alaska, Washington, 1887.
Brebner J. The explorers of North America, New York, 1955; chap. 24.
Brooks A. Geography and geology of the Territory of Alaska, Washing-
ton, 1906.
Burpee L. The Search for the Western sea, New York, 1908.
Dawson G. The British colonies in America, London, 1892.
Gilbert E. The Exploration of Western America, 1933.
Merrill G. First one hundred years of American geology, Washington.
1924.
Morton A. History of Canadian West, Toronto, 1936.
Nevins A. Fremont, the West's greatest adventurer, 1928.
Parkman F. The Oregon trail, Boston, 1880.
Petroff J. Report on the population, industries and resources of Alas-
ka, Census of the U. S., 1800, vol. VIII.
Powell J. Expedition of the Colorado River of the West and its tri-
butaries, Washington, 1875.—Canyons of the Colorado, Meadville
(Pennsylvania), 1895.
Supan A. Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien, Go-
tha, 1906; Teil „Die britisch-amerikanische Periode 1783—1876“.
[Tyrrell J. B., editor]. David Thompson's „Narrative of his explorations
in Western America“, 1916.
Wilson B. The Great Company, vol. II, London, 1900.

- Амундсен Р. Сочинения, т. I, Л., 1935. «Северо-западный проход». Арктические походы Джона Франклина по материалам экспедиций Франклина, Росса, Мак-Клур, Мак-Клинтока, Холла, Шватки и др., Л., 1937.
- Бейкер Д. История географических открытий и исследований, М., 1950, гл. 17.
- Гассерт К. Исследование полярных стран, Одесса, 1912, гл. 4—8.
- Гельвальд Ф. В области вечного льда, Спб., 1884, главы: «Датчане в Гренландии», «Возобновление исследований полярных стран англичанами», «Через Смитов пролив к открытому полярному морю», «Полярные путешествия немцев».
- «Гренландия». Сборник статей, М., 1953.
- Грили А. Три года в Арктике, 1881—1884, Л., 1935.
- Гюнтер С. История географических открытий... в 19 веке, М., 1903, гл. 8.
- Коцебу О. Е. Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив... на корабле «Рюрик», Спб., 1828.
- Лактионов А. Ф. Северный полюс. Очерк истории путешествий к центру Арктики, М., 1955.
- Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий, М., 1957, гл. 68, 70, 87, 88, 93.
- Нансен Ф. Сочинения, т. I, Л., 1937. «На лыжах через Гренландию».
- Пири Р. Северный полюс, М., 1948.
- Расмуссен К. Великий санный путь, М., 1958.
- Стефансон В. Гостеприимная Арктика, Л., 1948.
- Beechey W. Voyage to the Pacific and Bering's Strait, 2 vols, London, 1831.
- Belcher E. The last of the arctic voyages of search of sir John Franklin, 2 vols, London, 1855.
- Bessels E. Die amerikanische Nordpolarexpedition, Leipzig, 1879.
- Chamisso A. Reise um die Welt... in den Jahren 1815—1818 auf der Brigg „Rurik“, Kapitän Otto Kotzebue, Berlin, 1952.
- Collinson R. Journal of „Enterprise“, London, 1889.
- [Davis C., editor]. Narrative of the North Polar expedition U. S. ship, „Polaris“, captain Charles Holl commanding. Washington, 1876.
- Hall Ch. Arctic research... in search of sir John Franklin 1860—1862, New York, 1865.
- Hayes J. J. The open Polar sea, a narrative of a voyage of discovery towards the North Pole, New York—London, 1867.
- Inglfield E. Summer search for sir John Franklin, London, 1853.
- Kane E. The U. S. Grinnell expedition in search of sir John Franklin, New York, 1854.—Arctic exploration. The second Grinnell expedition in search of sir John Franklin, 1853—1855, 2 vols, Philadelphia—London, 1856.
- Larsen H. The two voyages of the schooner St-Rock trough the North West Passage, Ottawa, 1945.
- Mac Clintock F. L. Voyage of the Fox in the arctic seas, London, 1859.
- Mac Clure R. Discovery of the North West Passage, London, 1857.
- Markham Cl. Life of Leopold Mac Clintock, London, 1909.
- Mowat F. Ordeal by ice, 1960; parts 7—11 (адаптированные тексты из книг В. Скорсби, Джона Росса, Ш. Осборна, Ф. Л. Мак-Клинтока и Ч. Холла).
- Nares G. Narrative of a voyage to the Polar sea during 1875—1876, 2 vols, London, 1878.
- Neatby L. In Quest of the North West Passage, Toronto, 1958; chap. 9 (об экспедиции Д. Бака 1833—1834 гг.).

- Osborn Sh. Mac Clure's discovery of the North West Passage, London, 1856.
- Parry W. Journal of voyage for the discovery of a North West Passage... 1819—1820, London, 1821.— Journal of second voyage,.. 1821—1823, London, 1824.— Third voyage of discovery... 1824—1825, London, 1826.
- Rink H. Danish Greenland, its people and its products, London, 1877.
- Ross John. Narrative of a second voyage in search of a North West Passage and of a residence in the arctic regions... 1829—1833, London, 1835.
- Scoresby W. Account of the arctic regions, 2 vols, London, 1820.
- Simpson T. Narrative of discoveries on the North Coast of North America... 1836—1839, London, 1843.
- Taylor A. Geographical discovery and exploration in the Queen Elisabeth islands, Ottawa, 1955. (Ряд составленных Тейлором для его диссертации маршрутных карт воспроизведен в этой книге с русской транскрипцией названий).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Часть первая

Открытие Северной Америки до Колумба

	Стр.
Глава 1. Ирландцы и норманны в Северной Атлантике до X века нашей эры	7
Открытие ирландцами Фарерских островов и Исландии.— Норвежские викинги в Северной Атлантике.— Колонизация норвежцами Исландии.	
Глава 2. Открытие и первая колонизация Гренландии «Шхеры Гунбьерна» и открытие восточной Гренландии.— Эйрик Рауди и открытие южной Гренландии.— Первая колонизация Гренландии.	14
Глава 3. Открытие западной Гренландии и судьба Вестербюгда	20
Норманские колонии Эстербюгд и Вестербюгд.— Открытие норманнами западного побережья Гренландии.— Вероятная судьба Вестербюгда.— Загадочная судьба Эстербюгда.	
Глава 4. Открытие норманнами северо-восточного побережья Америки на рубеже X—XI веков	29
Бьярни и первое плавание к северо-восточной Америке.— Открытие Лейфом Эйриксоном земель Хеллуланд и Маркланд.— Открытие Лейфом земли Винладн—северо-восточного побережья Америки.— Норманны и коренные жители Винланда.	
Глава 5. Скандинавская экспедиция в Северную Америку во второй половине XIV века	39
Загадка «Кенсингтонского рунического камня». Король Магнус Эриксон и известия о судьбе Вестербюгда.— Экспедиция Пауля Кнутсона и пути скандинавов «из Винланда на запад».	
Глава 6. Плаванья европейцев в северо-восточную Америку в семидесятых годах XV века	46
Открытие «Земли Трески» португальцем Кортириалом-старшим.— Плавание поляка Яна из Кольна к северо-восточной Америке.— Предполагаемая	

- датская экспедиция «адмиралов» Пиннинга и Потхорста.
- Глава 7. Географические результаты заокеанских доколумбовых экспедиций 54
- Клавдий Клавус Нигер (Клавдий Клауссон Сварт) и его карта.— Варшавская «Карта северных стран» и подложная карта венецианца Дзено.— Мнимая связь между скандинавскими открытиями в Северной Америке и проектом Христофора Колумба.

Часть вторая

От Кабота до Дежнева

- Глава 8. Вторичное открытие северо-восточной Америки. 61
- Легендарные атлантические острова.— Поиски англичанами островов «Бразил» и «Семи городов».— Джон Кабот и его проект.— Первая английская заокеанская экспедиция под начальством Джона Кабота.— Вторая заокеанская экспедиция Джона Кабота.— «Земля Кортириалов».
- Глава 9. Открытие испанцами полуострова Флорида и северного берега Мексиканского залива 75
- Поиски «острова Вечной Молодости».— Открытие Флориды и Гольфстрима экспедицией Понсе де Леона — Аламиноса. — Дальнейшие открытия Антона Аламиноса в Мексиканском заливе. — Плавание Пинеды вдоль северного берега Мексиканского залива.
- Глава 10. Открытие атлантического побережья Северной Америки 83
- Первые французы в американских водах.— Вераццано и открытие восточного берега Северной Америки.— Первая экспедиция Картье: исследование залива Святого Лаврентия.— Вторая экспедиция Картье: открытие реки Святого Лаврентия.— Третья экспедиция Картье и первые попытки колонизации Канады.
- Глава 11. Поиски испанцами «Семи городов»: первые открытия внутренних областей Северной Америки 94
- Флоридский поход Нарваэса и гибель его отряда.— Семилетние скитания Кавесы де Ваки.— Первые поиски страны Сивола или «Семи городов».— Поход Коронадо на Сиволу.— Открытие бассейна Колорадо.— Открытие западных притоков Миссисипи (Поход Коронадо на Кивиру).— Флоридский поход Сото: открытие Голубого хребта, плато Пидмонт и южных рек — от Саванны до Алабамы.— Поход Сото к Миссисипи и его смерть.— Походы Москосо и географические результаты экспедиции Сото. Испанские экспедиции конца XVI века.
- Глава 12. Английские поиски Северо-западного прохода в последней четверти XVI века 114
- Первая экспедиция Фробишера и начало открытия Американского Арктического архипелага.— Вторая экспедиция Фробишера.— Третья экспедиция Фробишера.

	Стр.
Глава 13. Английские пираты и англо-испанская борьба на морях	119
Пиратские набеги Дрейка.— Открытие Дрейком «Нового Альбиона». — Завершение Дрейком кругосветного плавания. — Разгром испано-португальской «Непобедимой Армады».	
Глава 14. Открытие и исследование Девисова пролива	127
Первая экспедиция Джона Девиса. — Вторая экспедиция Девиса. — Третья экспедиция Девиса.	
Глава 15. Открытие Гудзонова и Баффинова заливов	133
Первые арктические плавания Генри Гудзона	
Открытие «Большой Северной реки» (реки Гудзон). — Начало открытия Гудзонова залива. — Плавания Батона и его открытия в Гудзоновом заливе. — Две экспедиции Байлота — Баффина. — Завершение открытия Гудзонова залива: экспедиция Мунка, Фокса и Джемса.	
Глава 16. Первые английские колонии в Северной Америке	143
Хемфри Гилберт и захват Ньюфаундленда. — Уолтер Роли и судьба первой колонии Виргинии. — Экспедиция Госнолда и открытие полуострова Кейп-Код. — Организация Лондонской и Плимутской компаний. — Кристофер Ньюпорт и основание новой колонии Виргинии. — Джон Смит в Виргинии. — Рост Виргинии. — «Пилигримы» на «Майском цветке» и возникновение Новой Англии. — Новые Нидерланды, Новая Швеция и их судьба.	
Глава 17. Французские открытия в Северной Америке в первой половине XVII века и колонизация Канады	157
Первые открытия Самюэля Шамплена в приатлантической полосе Северной Америки. — Открытия Шамплена и Этьена Брюле в области Великих озер. — Жан Николе и открытие озера Мичиган. — Иезуиты в области Великих озер.	
Глава 18. Открытие русскими пролива между Азией и Америкой	171
Организация экспедиции Дежнева — Попова. — Судьба Семена Дежнева и Федота Алексеева Попова. — Картографические результаты экспедиции Дежнева — Попова. — Представление о Северной Америке в середине XVII века.	

Часть третья

Вторая половина XVII века и XVIII век

Глава 19. Завершение открытия Аппалачской горной системы	177
Виргинская «Граница» («Фронтир»). — Ледерер. — Путешествие Батса и Фаллама. — Скитания Габриеля Артура.	
Глава 20. Открытие французами бассейна Миссисипи	182
Завершение открытия Великих озер и первые французы на Миссисипи. — Иезуиты на Миссисипи. Плавание Жюлье и Маркетта. — Завершение открытия Миссисипи: Ла Саль и присоединение Луизианы к Франции.	

	Стр.
Глава 21. Первые путешествия агентов Компании Гудзонова залива	190
Возникновение английской Компании Гудзонова залива.— Генри Келси и начало открытия Канадского Плато Прерий и бассейна реки Саскачеван.— Хендей и дальнейшее исследование канадского Плато Прерий.	
Глава 22. Открытие французами Центральной Канады... «Лесные бродяги». — Варенн де ла Верандри и его торговая монополия.— Открытие озера Виннипег.— Поиски «Западного моря» и открытие Плато Миссури и реки Саскачеван.— Последнее путешествие Варенна-младшего и «Укрепленная линия Западного моря». — Изменения в политической карте Северной Америки после Семилетней войны	196
Глава 23. Завершение открытия русскими пролива между Америкой и Азией	207
Первая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова.— Плавание Федорова и Гвоздева: завершение открытия Берингова пролива.	
Глава 24. Открытие русскими северо-западной Америки. (Вторая Камчатская экспедиция Беринга — Чирикова)	211
Плавание Беринга к Америке.— Открытие северного берега залива Аляска.— Обратный путь «Святого Петра». Открытие островов в заливе Аляска и в Алеутской цепи. Смерть Беринга.— Плавание Чирикова к Америке. Открытие восточного берега залива Аляска.— Обратный путь «Святого Павла». Дальнейшие открытия островов у полуострова Аляска и в Алеутской цепи.— Плавание Чирикова к Ближним Алеутским островам в 1742 году.	
Глава 25. Ход открытия русскими промышленниками Алеутских островов	223
Первые русские промышленники на Ближних островах.— Ход открытия Андреяновских островов.— Ход открытия Лисьих островов.	
Глава 26. Экспедиция Креницына — Левашова	233
Организация экспедиции Креницына. Плавание Креницына и Левашова вдоль цепи Алеутских островов.— Зимовки на Уналашке и Унимаке и возвращение на родину.— Географические результаты экспедиции Креницына — Левашова.— Плавание Синдта и открытие острова Святого Матвея.	
Глава 27. Исследование Русской Америки в XVIII веке	239
Шелехов и начало колонизации Русской Америки.— Русские мореходы на службе Шелехова.— Плавание Биллингса и Сарычева в американских водах.— Баранов и исследование Русской Америки в конце XVIII века.	
Глава 28. Последние испанские открытия в Северной Америке	
Причины испанской экспансии во второй половине XVIII века.— Экспедиции, организованные Гальвесом.— Исследование приморской полосы Верхней Калифорнии.— Испанские морские экспедиции	

- 1774—1775 годов. — Походы Ансы и начало колонизации района Сан-Франциско. — Походы Гарсеса. — Эскаланте и начало открытия Большого Бассейна.
- Глава 29. Джемс Кук и его последователи у северо-западных берегов Америки 257
Открытие Джемсом Куком части северо-западного побережья Америки. — Лаперуз у тихоокеанского побережья Северной Америки. — Первое американское кругосветное плавание и открытие устья реки Колумбии. — Экспедиция Ванкувера.
- Глава 30. Первые открытия внутренних областей Северной Канады 265
Завершение открытия побережья Гудзонова залива. — Первое путешествие Херна в Северную Канаду и открытие озера Дубонт. — Второе путешествие Херна в Северную Канаду и открытие «Меднорудной» реки и Большого Невольничьего озера.
- Глава 31. Открытие бассейна реки Атабаска — Макензи и первое пересечение Северной Америки Александром Макензи 272
Первые шаги англо-канадских пушных компаний. — Открытие реки и озера Атабаска. — Первое путешествие Александра Макензи: открытие реки Макензи. — Дальнейшие исследования гидрографической сети Западной и Северной Канады. — Пересечение Александром Макензи североамериканского материка. — Физическая карта Северной Америки к концу XVIII века.
- Глава 32. Исследование берегов Гренландии до XIX века 283
Исследование датчанами западного побережья Гренландии в первой половине XVIII века. — Датские экспедиции второй половины XVII века. Исследование Данелем восточного побережья Гренландии. — «Новая Гренландия» голландских китоловов. — Ханс Эгgede и начало вторичной колонизации Гренландии. — Исследование южного и восточного побережья Гренландии во второй половине XVIII века.

Часть четвертая

Открытия и исследования XIX века (кроме Арктики)

- Глава 33. Завершение русскими открытия тихоокеанского побережья Северной Америки 292
«Нева» в Русской Америке. — Исследование восточного побережья Берингова моря. — Завершение исследования тихоокеанского побережья Северной Америки.
- Глава 34. Открытие и исследование внутренних районов Русской Америки до 1867 года 297
Первые русские исследования внутренних областей Русской Америки. — Ход открытия бассейна Юкона до 1867 года.
- Глава 35. Исследование Западной Канады и Британской Колумбии в первой половине XIX века . . . 303

- Поиски реки Колумбии и завершение открытия реки Фрейзер.— Первые исследовательские работы Томпсона.— Завершение открытия Томпсоном реки Колумбии.
- Глава 36. Ход исследования Дальнего Запада США в первой половине XIX века 308
- Организация экспедиции Льюиса — Кларка и исследование ею всего течения Миссури.— Завершение пересечения территории США Льюисом и Кларком.— Разведка Пайка.— «Асторианцы» на Дальнем Западе.— Открытие Большого Соленого озера и реки Гумбольдт.— Первая и вторая экспедиции Фримонта: дальнейшее исследование Большого Бассейна.— Третья и четвертая экспедиции Фримонта.— Завершение исследования Большого Бассейна.
- Глава 37. Завершение исследования внутренних областей Северной Америки 322
- Пауэлл и изучение бассейна Колорадо.— Американские исследователи территории Аляски — Доусон, братья Тирреллы и их исследования внутренних областей Северной Канады.— Работа Лоу на Лабрадоре.
- Часть пятая**
- Американская Арктика в XIX—XX веках*
- Глава 38. Открытие залива Коцебу Чукотского моря и побережья моря Бофорта 330
- Русская научно-исследовательская экспедиция на «Рюрике» и ее открытия на северо-западе Америки.— Первая арктическая экспедиция Джона Франклина.— Исследование экспедицией Бичи американского побережья Чукотского моря.— Вторая арктическая экспедиция Франклина.— Поход Джона Ричардсона и его открытия.
- Глава 39. Возобновление поисков Северо-западного прохода и новые открытия в Американской Арктике 339
- Джон Барроу и организация новых английских арктических экспедиций.— Экспедиция Джона Росса 1818 года.— Первая экспедиция Парри: открытие проливов Ланкастер и Барроу и архипелага Парри.— Вторая и третья экспедиции Парри: открытие полуострова Мелвилл и завершение открытия Баффиновой Земли.
- Глава 40. Продолжение поисков Северо-западного прохода 349
- Вторая экспедиция Джона Росса.— Экспедиция Бака и открытие «Большой Рыбной реки».— Диз и Симпсон.— Первый поход Джона Рея.
- Глава 41. Исследование Гренландии в первой половине XIX века 354
- Китобои старший и младший Скорсби и первое исследование восточной Гренландии.— Английская экспедиция Сабина — Клаверинга и первая встреча европейцев с восточногренландскими эскимо-

- сами. — Датская экспедиция Гро у берегов восточной Гренландии.
- Глава 42. Последняя экспедиция Джона Франклина . 359
Организация экспедиции, ее задачи и путь к проливу Ланкастер. — Первые десять лет напрасных поисков. — Экспедиция Мак-Клинтока 1857—1859 годов: находка документа и нескольких скелетов. — Поисковые экспедиции Холла и Шватки (1860—1880 гг.). — Находки XX века. — Путь «Эребуса» и «Террора» через арктические проливы и гибель экспедиции Франклина.
- Глава 43. Географические достижения поисковых экспедиций 370
Последняя полярная экспедиция Джемса Росса. — Экспедиция Остина. — Экспедиции Де-Хавена и Пенни. — Плавание Мак-Клура и так называемое открытие Северо-западного прохода. — Плавание Коллинсона и его открытия. — Экспедиция Кеннеди: открытие пролива Белло. — Исследование Реем острова Виктория. — Экспедиция Белчера: работа отряда Белчера. — Экспедиция Белчера: работа отряда Келлетта и спасение Мак-Клура. — Бесславный конец экспедиции Белчера.
- Глава 44. Поиски открытого Полярного моря и их географические результаты 385
Через пролив Смит в Бассейн Кейна (экспедиции Инглфила и Кейна). — Завершение открытия пролива Кеннеди (экспедиция Хейса). — Через бассейн Холла и пролив Робсон в море Линкольна (экспедиция Холла). — Дрейф на льдине части экипажа «Поляриса». — Первое исследование берегов моря Линкольна (экспедиция Нэрса). — Исследование Земли Гранта (экспедиция Грили).
- Глава 45. Открытие островов Свердруп и завершение открытия острова Элсмира 394
Отто Свердруп и организация Второй экспедиции «Фрама». — Первая зимовка «Фрама» в Американской Арктике: открытие острова Аксель-Хейберг. — Вторая зимовка «Фрама»: исследование острова Аксель-Хейберг и южной части Элсмира. — Третья зимовка «Фрама»: открытие островов Амунд-Рингнес и Эллеф-Рингнес.
- Глава 46. Завершение открытия Американского Арктического архипелага и исследование моря Бофорта 401
Присоединение Американского Арктического архипелага к Канаде: экспедиции Лоу и Бернье. — Стефансон, организация и задачи Канадской арктической экспедиции. — Первый ледовый поход через море Бофорта (1914 г.). — Поход 1915 года и открытие новой суши к северу от острова Принс-Патрик. — Исследование новой суши в 1916 году и дальнейшие открытия. — Сторкерсон у северо-восточного побережья острова Виктория (1917 г.) и его ледовый дрейф в море Бофорта (1918 г.).
- Глава 47. Исследование Гренландии во второй половине XIX века и в XX веке 412

Исследование западной и южной Гренландии. — Первое пересечение внутреннего ледника. — Исследование восточной Гренландии до начала XX века. — Роберт Пири в северной Гренландии. — Мюлиус-Эриксен и завершение открытия северной Гренландии. — Тулеские экспедиции Расмуссена и исследование внутренней Гренландии в десятых — двадцатых годах. — Новейшие исследования Гренландии.

Глава 48. Первые сквозные плавания Северо-западным проходом	423
Плавание Амундсена на «Йоа» с востока на запад (1903—1906 гг.). — Плавания Генри Ларсена на «Сент-Роке» с запада на восток (1940—1942 гг.) и в обратном направлении (1944 г.) — «Завоевание Северо-западного прохода»	
Заключение	429
Указатель географических названий	433
Указатель судов	453
Указатель личных имен	455
Литература	462

Носиф Петрович Магидович

ИСТОРИЯ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Редактор *С. Н. Кумкес*
Младший редактор *М. П. Черных*
Художник *А. Н. Финогенов*
Художественный редактор *В. Д. Карандашов*
Технический редактор *Э. Н. Виленская*
Редактор карт *Э. А. Киселева*
Корректор *Т. К. Кузина*

Т-13943. Сдано в производство 14/VIII—61 г. Подписано в печать 16/XII—61 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Печатных листов 29,75. Вкл. 0,5. Условных листов 30,25
Издательских листов 30,34. Тираж 5000. Цена 1 р. 51 к. Переплет 20 коп.

Заказ 690

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

Московская типография № 8
Управления полиграфической промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2